

ISSN 1998-0817

ВЕСТНИК

Костромского государственного университета

2

2020

ВЕСТНИК
КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

V E S T N I K
OF KOSTROMA
STATE
UNIVERSITY

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Выходит с 1995 года

SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL JOURNAL
Appears since 1995

2 0 2 0 **Том 26**

2 0 2 0 **Volume 26**

№ 2
Апрель – Июнь

№ 2
April – June

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В ПЕРЕЧЕНЬ РЕЦЕНЗИРУЕМЫХ НАУЧНЫХ ИЗДАНИЙ,
В КОТОРЫХ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ОПУБЛИКОВАНЫ ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ДИССЕРТАЦИЙ
НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА НАУК,
НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ ДОКТОРА НАУК,
ПО СЛЕДУЮЩИМ ОТРАСЛЯМ:
07.00.00. – ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ; 10.00.00 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ;
12.00.00 – ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ (РИНЦ)
С 2003 ГОДА

16+

ISSN 1998-0817

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ГРУЗДЕВ ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор юридических наук, доцент,
проректор по научной работе,
Костромской государственной университет

**ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
И ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ**

АНДРЕЕВА ВАЛЕРИЯ ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук,
Костромской государственной университет

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
БЕЛОВ АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ**

доктор исторических наук, профессор,
Костромской государственной университет

БИБИКОВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ

доктор юридических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

БОРОДКИН ЛЕОНИД ИОСИФОВИЧ

доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАН, председатель Научного
Совета РАН по проблемам российской и мировой
экономической теории (г. Москва), Московский
государственный университет им. М.В. Ломоносова

ГЛАДКОВ АЛЕКСАНДР КОНСТАНТИНОВИЧ

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт Всеобщей истории РАН

ДЕФЬЕ ОЛЕГ ВИКТОРОВИЧ

доктор филологических наук, профессор, Московский
педагогический государственный университет (г. Москва)

ЗАХАРОВА НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ИЗОТОВА НАТАЛЬЯ ВАЛЕРЬЯНОВНА

доктор филологических наук, профессор,
директор института филологии, журналистики
и межкультурной коммуникации
Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону)

КАПУСТИН НИКОЛАЙ ВЕНАЛЬЕВИЧ

доктор филологических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

КОМАРОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

доктор юридических наук, профессор,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

КОПТЕЛОВА НАТАЛИЯ ГЕННАДЬЕВНА

доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственной университет

КОЧЕШКОВ ГЕННАДИЙ НИКОЛАЕВИЧ

доктор исторических наук, профессор,
Почетный работник Высшего профессионального
образования РФ, Ярославский государственный педагогиче-
ский университет имени К.Д. Ушинского (г. Ярославль)

КУЧИНА ТАТЬЯНА ГЕННАДЬЕВНА

доктор филологических наук, профессор,
Ярославский государственный педагогический
университет имени К.Д. Ушинского (г. Ярославль)

ЛЕБЕДЕВ ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственной университет

**THE EDITORIAL BOARD
OF THE JOURNAL
“VESTNIK OF KOSTROMA STATE UNIVERSITY”**

EDITOR-IN-CHIEF

VLADISLAV VLADIMIROVICH GRUZDEV
Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor,
prorector of science
Kostroma State University

**ASSOCIATE EDITOR-IN-CHIEF AND
EXECUTIVE SECRETARY**

VALERIYA GENNADIEVNA ANDREEVA
Doctor of Philology,
Kostroma State University

EDITORIAL BOARD STAFF

ANDREY MIKHAYLOVICH BELOV
Doctor of Historical Sciences, Professor
Kostroma State University

ALEKSANDR IVANOVICH BIBIKOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Ivanovo State University

LEONID IOSIFOVICH BORODKIN

Doctor of Historical Sciences, Professor,
Russian Natural Sciences Academy corresponding member,
chairman of scientific council of Russian Academy of Sciences
on the issues of Russian and world economics (Moscow),
Lomonosov Moscow State University

ALEKSANDR KONSTANTINOVICH GLADKOV

Candidate of Historical Sciences, senior staff scientist,
Universal History Institute of the Russian Academy of Sciences

OLEG VIKTOROVICH DEFYE

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Moscow Pedagogic State University

NATALIYA VLADIMIROVNA ZAKHAROVA

Candidate of Philological Sciences,
Senior Scholar, A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

NATALIYA VALERIYANOVNA IZOTOVA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
director of Philology, Journalism
and Intercultural Communication Institute,
Southern Federal University (Rostov-on-Don)

NIKOLAY VENALIYEVICH KAPUSTIN

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ivanovo State University

SERGEY ALEKSANDROVICH KOMAROV

Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Russian Academy of National Economy
and Career Service under
the President of the Russian Federation (Moscow)

NATALIYA GENNADIEVNA KOPTILOVA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

GENNADIY NIKOLAEVICH KOCHESHKOV

Doctor of Historical Sciences, Professor,
honorary educationalist of higher education
of the Russian Federation, Ushinsky Yaroslavl State
Pedagogic University

TATIANA GENNADIEVNA KUCHINA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ushinsky Yaroslavl State
Pedagogic University

YURIY VLADIMIROVICH LEBEDEV

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

МАЛЬКО АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
директор Саратовского филиала Института государства
и права Российской академии наук (г. Саратов)

МАРКОВ АЛЕКСАНДР ВИКТОРОВИЧ
доктор филологических наук, кандидат философских наук,
профессор, ведущий научный сотрудник
Российский государственный гуманитарный университет,
Московский государственный университет

НЕНАРОКОВА МАРИЯ РАВИЛЬЕВНА
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ПЕТРОВИЧЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА
доктор исторических наук, профессор,
директор Гуманитарного института,
Владимирский государственный университет
им. А.Г. и Н.Г. Столетовых (г. Владимир)

ПОЛИЩУК НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Академия права и управления Федеральной службы
исполнения наказаний России (г. Рязань)

ПОЛУБОЯРИНОВА ЛАРИСА НИКОЛАЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой истории зарубежных литератур,
Санкт-Петербургский государственный университет

ПОЛЬВЯННЫЙ ДМИТРИЙ ИГОРЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
почетный работник высшего образования,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

РОМАНОВСКАЯ ВЕРА БОРИСОВНА
доктор юридических наук, профессор,
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород)

ТИХОМИРОВ ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

ТОКАРЕВ ГРИГОРИЙ ВАЛЕРИЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Тульский государственный университет
им. Л.Н. Толстого (г. Тула)

ТОПОРОВА АННА ВЛАДИМИРОВНА
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ТЮЛЕНЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА
доктор филологических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

УСМАНОВ СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Ивановский государственный университет

ХАЛТРИН-ХАЛТУРИНА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА
доктор филологических наук,
доктор философии (PhD in English),
ведущий научный сотрудник, Институт мировой
литературы им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ЧЕКАЛОВ КИРИЛЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ
доктор филологических наук,
заведующий отделом классических литератур Запада
и сравнительного литературоведения ИМЛИ РАН,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ALEKSANDR VASILIEVICH MAL'KO
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
honoured science worker of the Russian Federation,
director of Saratov branch of State and Law Institute
of Russian Academy of Sciences

ALEKSANDR VIKTOROVICH MARKOV
Doctor of Philology, Candidate of Philosophic Sciences,
Professor, leading researcher,
Russian State University for the Humanities,
Lomonosov Moscow State University

MARIYA RAVIL'YEVNA NENAROKOVA
Doctor of Philological Sciences, leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

ELENA MIKHAYLOVNA PETROVICHEVA
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Director of the Institute for the Humanities,
A.G. and N.G. Stoletovs
Vladimir State University

NIKOLAY IVANOVICH POLISHCHUK
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Academy of Federal
Penitentiary Service (Ryazan)

LARISA NIKOLAYEVNA POLUBOYARINOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Head of the Department of History of Foreign Literature,
Saint Petersburg State University

DMITRIY IGOREVICH POLYVYANNYY
Doctor of Historical Sciences, Professor,
honorary educationalist of higher education
of the Russian Federation, Ivanovo State University

VERA BORISOVNA ROMANOVSKAYA
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Lobachevsky Nizhny Novgorod
State University

VLADIMIR VASILIEVICH TIKHOMIROV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

GRIGORIY VALERIEVICH TOKAREV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Leo Tolstoy Tula
State University

ANNA VLADIMIROVNA TOPOROVA
Doctor of Philological Sciences, leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

ELENA MIKHAYLOVNA TYULENEVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ivanovo State University

SERGEY MIKHAYLOVICH USMANOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Ivanovo State University

ELENA VLADIMIROVNA HALTRIN-KHALTURINA
Doctor of Philological Sciences,
Doctor of Philosophy (the USA), leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

KIRILL ALEKSANDROVICH CHEKALOV
Doctor of Philological Sciences,
head of the Department of Western Classic Literature
and Comparative Litera Studies,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

ЧЕРКАСОВ КОНСТАНТИН ВАЛЕРЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)

ШАЛУМОВ МИХАИЛ СЛАВОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
судья Верховного суда Российской Федерации (г. Москва)

**ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ
РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ**

ЙОСИФОВА ТАНЯ НИКОЛОВА
доктор права,
Университет национального
и мирового хозяйства (г. София, Болгария)

КОНТ ФИЛИПП
профессор современного русского языка и литературы
Парижский университет, Сорбонна, (г. Париж, Франция)

РОЗОВСКИЙ БОРИС ГРИГОРЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист Украины,
Институт экономико-правовых исследований
Национальной Академии наук Украины (г. Луганск)

KONSTANTIN VALERIEVICH CHERKASOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
the All-Russian State University of Justice
(RLA of the Ministry of Justice of Russia)

MIKHAIL SLAVOVICH SHALUMOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
judge of Supreme Court of the Russian Federation

**EDITORIAL BOARD
FOREIGN STAFF**

TANYA NIKOLOVA JOSIFOVA
Doctor of Law,
University of Economy for the Bulgarian Nation and World,
Sofia, Bulgaria

PHILIPPE COMTE
Professor of modern Russian language and literature
Pantheon-Sorbonne University, Paris, France

BORIS GRIGORIEVICH ROZOVSKIY
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Honoured lawyer of the Ukraine,
Institute of economical and legal research
National Academy of Sciences of Ukraine (Lugansk)

СОДЕРЖАНИЕ

8 ПОЗДРАВЛЯЕМ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

- 10 **Кабатов С.А., Кабатова Е.А.**
Источник-историографическое изучение вопроса существования второго костромского кремля (Статья 2)
- 36 **Гусева М.А.**
Структура муниципальной власти в средневековом Кембридже
- 42 **Богдашина И.В.**
Повседневные практики матерей провинциального советского города в 1950–1960-е гг.
- 52 **Никифоров Ю.С.**
Региональный аспект исследования трансформации российского общества 1950–1990-х гг. и эволюции экономического устройства: репрезентативность и уникальность Верхневолжских регионов позднего СССР
- 61 **Волков Г.Ю.**
Планы нацистского руководства Третьего рейха по оккупации СССР
- 68 **Белов А.М.**
О коренном переломе в Великой Отечественной войне (по мемуарам немецких и советских военачальников)
- 77 **Малинка А.Н., Анисимов А.В., Карташов А.К.**
Химическое обеспечение войск в годы Великой Отечественной войны
- 83 **Околотин В.С.**
Производство спецпродукции на Ивановском мебельном комбинате (завод № 43) в годы Великой Отечественной войны
- 88 **Будник Г.А., Королева Т.В., Котлова Т.Б.**
Проблемы энергетики прифронтовых областей центра России в 1941–1945 гг.
- 97 **Волкова Е.Ю., Волков Г.Ю.**
Бытовые проблемы жителей тыловых регионов России в годы Великой Отечественной войны
- 104 **Шестова Т.Ю.**
Труд медиков Пермской области в годы Великой Отечественной войны
- 108 **Зуев А.Н., Никонов И.И.**
Потребительская кооперация Ярославской области в годы Великой Отечественной войны
- 115 **Щеглова Т.К., Рыков А.В.**
Значение потребительской кооперации в снабжении колхозного крестьянства Алтайского края в годы Великой Отечественной войны: на примере гончарного производства и производства обуви на деревянной подошве
- 120 **Камыгина Г.А.**
Производственная деятельность ювелирных артелей Верхневолжского региона в годы Великой Отечественной войны

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- 126 **Ратников А.Н.**
Батальная лирика Г.Р. Державина в свете панегирических традиций в русской литературе XVIII в.
- 132 **Михновец Н.Г.**
Роман Л.Н. Толстого «Воскресение» как эпический: авторский подход к изображению фактов современности и их оценка

CONTENTS

8 CONGRATULATIONS

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

- 10 **S.A. Kabatov, Ye.A. Kabatova**
Source-historiographical study of the existence of the second Kostroma Kremlin (article 2)
- 36 **M.A. Guseva**
The structure of municipal government in medieval Cambridge
- 42 **I.V. Bogdashina**
Everyday practice of mothers in a provincial Soviet city in the 1950–60s
- 52 **Yu.S. Nikiforov**
The regional aspect of the study of the transformation of Russian society in the 1950-1990s and the evolution of the economic system: representativeness and uniqueness of the Upper Volga regions of the late USSR
- 61 **G.Yu. Volkov**
Plans of the Nazi leadership of the third Reich for the occupation of the USSR
- 68 **A.M. Belov**
On the major turnaround in the East Front of World War II (according to memoirs of German and Soviet military commanders)
- 77 **A.N. Malinka, A.V. Anisimov, A.K. Kartashov**
Chemical support of troops during World War II
- 83 **V.S. Okolotin**
Production of special products at Ivanovo furniture factory (plant No. 43) during World War II
- 88 **G.A. Budnik, T.V. Korolyova, T.B. Kotlova**
Power engineering problems of the Front-line areas of Central of Russia in 1941–1945
- 97 **Ye.Yu. Volkova, G.Yu. Volkov**
Domestic problems of residents of the rear regions of Russia during World War II
- 104 **T.Yu. Shestova**
Labour of medics of Perm land during World War II
- 108 **A.N. Zuyev, I.I. Nikonov**
Consumers cooperative society in Yaroslavl Region at the period of World War II
- 115 **T.K. Shcheglova, A.V. Rykov**
The significance of consumers cooperative society in provisioning of collective farm peasantry of Altai land in the years of World War II: in terms of pottery and manufacture of wooden sole boots
- 120 **G.A. Kamygina**
Production activity jewellery artels of the Upper Volga region during the Second World war
- #### SCIENCE OF LITERATURE
- 126 **A.N. Ratnikov**
Panegyric traditions in Russian literature of the 18th century, preceding the formation of Gavriila Derzhavin's battle ode
- 132 **N.G. Mikhnovets**
The novel «Resurrection» by Leo Tolstoy as an epic – the author's approach to the image of facts of contemporaneity and their appraisal

- 139 Нгуен Тхи Хоан**
Идея Раскольникова в переводе на вьетнамский язык
- 145 Романова Г.И., Ризаева К.В.**
Жанровая специфика дилогии М.Н. Альбова «О людях, “взыскующих града”»
- 151 Мешалкин А.Н.**
Крестьянский мир в дореволюционных рассказах И.М. Касаткина
- 156 Коптелова Н.Г.**
Творчество А.П. Чехова в оценке Д.В. Философова (на материале рецензий и статей 1900-х гг.)
- 164 Морозова С.Н., Жаткин Д.Н.**
Творчество Джона Чивера в литературно-критическом осмыслении К.И. Чуковского
- 171 Ковалев Б.В., Пугач В.Е.**
Имя собственное в рассказах В.В. Набокова (на примерах рассказов «Подлец» и «Рождество»)
- 179 Гусейнов В.Н.**
О гуманизме и гуманизме: лингвостилистические особенности высказываний лидеров литературных группировок начала 1930-х гг. (на материале откликов Л. Авербаха, М. Горького, В. Шкловского на смерть В. Маяковского)
- 185 Сабурова Л.Е.**
Томмазо Ландольфи и Эудженио Монтале на пути к игре (по материалам автобиографической прозы)
- 191 Горелов О.С.**
Специфика метафизического остранения в прозе С. Кржижановского
- 198 Полуляшина Д.И.**
Репрезентация кризиса идентичности в книге Ксении Букши «Открывается внутрь»
- ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ**
- 204 Грудинин Н.С.**
Условия формирования правового государства в России
- 211 Черкасов К.В., Пиптюк А.В.**
Бизнес и национальная безопасность: современное восприятие административно-правового регулирования
- 217 Шпинев Ю.С.**
К вопросу об определении понятия инвестиции в законодательстве и науке
- 224 Ткач А.С.**
К вопросу о понятии и значении правового срока
- 229 Гончарова В.А.**
Признание договора незаключенным и признание договора недействительным как способы защиты гражданских прав
- 235 Кутузов А.В.**
Оперативно-розыскной мониторинг сети Интернет как элемент противодействия преступлениям экстремистской направленности
- 242 Бредихин Г.П.**
Распоряжение исключительным правом на объекты интеллектуальной собственности
- 249 Завурбеков Ф.З.**
Особенности рассмотрения судебных дел с участием женщин в Фатимидском халифате в X–XII вв. (историко-правовой анализ)

- 139 Nguyen Thi Hoan**
Rodion Raskolnikov's idea in Vietnamese translation
- 145 G.I. Romanova, K.V. Rizayeva**
Genre specificity of Mikhail Albov's dilogy "Of People «in Search of the City»"
- 151 A.N. Meshalkin**
The peasant world in the pre-revolutionary short stories by Ivan Kasatkin
- 156 N.G. Koptelova**
Creative work of Anton Chekhov in the assessment of Dmitry Filosofov (based on reviews and articles of the 1900s)
- 164 S.N. Morozova, D.N. Zhatkin**
Creative works of John William Cheever in the literary-critical interpretation of Korney Chukovsky
- 171 B.V. Kovalev, V.Ye. Pugach**
The proper name in the stories by Vladimir Nabokov (on the examples of the stories «An Affair of Honor» and «Christmas»)
- 179 V.N. Guseynov**
On humanitarianism and humanism: linguistic and stylistic features of the statements of the leaders of literary groups in the early 1930s (based on the responses of Leopold Averbakh, Maxim Gorky, Viktor Shklovsky to the death of Vladimir Mayakovsky)
- 185 L.Ye. Saburova**
Tommaso Landolfi and Eugenio Montale on the way to the game (based on autobiographical prose)
- 191 O.S. Gorelov**
The specifics of metaphysical defamiliarisation in Sigizmund Krzhizhanovsky's prose
- 198 D.I. Poluliashina**
Representation of identity crisis in Kseniya Buksha's book «Opens inward»
- JURAL SCIENCE**
- 204 N.S. Grudinin**
The conditions for the formation of the system of the rule of law in Russia
- 211 K.V. Cherkasov, A.V. Pipyuk**
Business and national security – modern perception of administrative regulation
- 217 Yu.S. Shpinyov**
On the definition of investment in legislation and science
- 224 A.S. Tkach**
On the concept and meaning of the legal term
- 229 V.A. Goncharova**
Recognition of a contract as null and void as a means of protecting civil rights
- 235 A.V. Kutuzov**
Operative-search monitoring the Internet as an element of countering crimes of extremist direction
- 242 G.P. Bredihin**
Transfer of Exclusive rights on of intellectual property
- 249 F.Z. Zavurbekov**
Features of judicial cases involving women in the Fatimid Caliphate in the 10th–12th centuries (historical and legal analysis)

254 Пужаев В.В.

Юридический социализм в истории французской политико-правовой мысли XIX–XX вв.

265 Зайцев А.В.

Следственные органы на территории Костромской губернии в Советской России (до образования Костромской области)

270 Захаров Д.Е.

Правопритязание как следствие нарушения договора по законодательству Германии

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

275 Груздев В.В., Лукоянов Д.Н.

Новое научное исследование о природе решений в оперативно-розыскной деятельности

278 ТРЕБОВАНИЯ

К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

254 V.V. Puzhayev

Legal socialism in the history of French political and legal thought of the 19th–20th centuries

265 A.V. Zaytsev

Investigative bodies in the territory of Kostroma Province in Soviet Russia (before the formation of Kostroma Region)

270 D.Ye. Zakharov

Legal claim as a consequence of a breach of contract under German law

UNIVERSITY SCIENTIFIC LIFE

275 V.V. Gruzdev, D.N. Lukoyanov

New scientific study on the nature of decisions in the operational-search activity

278 REQUIREMENTS

TO REGISTRATION OF ARTICLES

ПОЗДРАВЛЯЕМ

Коллектив Костромского государственного университета сердечно поздравляет дорогих коллег-литературоведов, которые в этом году отметили свой 80-летний юбилей, – Юрия Владимировича Лебедева, Владимира Васильевича Тихомирова и Нину Алексеевну Лобкову.

Желаем юбилярам крепкого здоровья, радости, вдохновения, сил, новых идей, светлого настроения!

Юрий Владимирович Лебедев

Научные труды и учебники доктора филологических наук, профессора, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации Юрия Владимировича Лебедева известны в России и за рубежом. Юрий Владимирович очень много сделал для развития филологического факультета Костромского государственного университета, им основана научная школа, занимающаяся изучением духовно-нравственных основ русской классической литературы: многие сотрудники кафедры Отечественной филологии являются его учениками. Юрий Владимирович беззаветно предан своему делу, но при этом живет для людей, переживает за судьбу России и ее будущее. Он является автором нескольких сотен научных трудов, среди которых книги, монографии, множество статей. Но особенное значение имеют, конечно, написанные им учебники по литературе для школ и вузов: на них вырастают новые поколения ребят, которые благодаря Юрию Владимировичу правильно понимают уроки классиков и учатся жить по чести, совести, по заветам добра и любви.

Доктор филологических наук, профессор Владимир Васильевич Тихомиров – признанный специалист по литературной критике и теории литературы. Владимир Васильевич – большой ученый классического, академического направления, однако его идеи и теории, его видение литературы и ее развития чрезвычайно популярно сейчас у молодых исследователей, в том числе у журналистов. Владимир Васильевич Тихомиров очень интересный человек с поистине энциклопедическими познаниями, с радостью передающий их студентам. Он замечательный преподаватель, строгий и требовательный, но при этом учащий студентов нестандартно и глубоко мыслить, искать новые пути. И студенты, и аспиранты Владимира Васильевича, и, конечно, все коллеги, отмечают его чуткость, особую внимательность и скрупулезность в работе, удивительную фантазию и тонкое чувство юмора. Владимир Васильевич занимается текстологией, его перу принадлежат глубокие культурно-исторические комментарии, над которыми он продолжает трудиться.

Владимир Васильевич Тихомиров

Нина Алексеевна Лобкова

Кандидат филологических наук Нина Алексеевна Лобкова – специалист по русской литературе первой половины XIX в. Отечественные литературоведы очень ценят её исследования по творчеству А.С. Пушкина, В.А. Жуковского, А.К. Толстого, М.М. Стасюлевича. Все студенты Нины Алексеевны с любовью отзываются о ее замечательных лекциях, кружках, семинарах, праздниках, проведенных в стенах Костромского государственного университета. Нина Алексеевна – тонко чувствующий человек, она прекрасно знает русскую поэзию, прелестно читает стихи. Именно под руководством Нины Алексеевны Лобковой многие студенты впервые научились профессионально анализировать и комментировать поэтические произведения. Нина Алексеевна – удивительно скромный, тактичный, духовно богатый человек, воспитавший не одно поколение учеников, благодаря ей навсегда полюбивших русскую классику и осознавших её неисчерпаемую глубину и красоту.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-10-35
УДК 94(470.317)

Кабатов Сергей Александрович
Костромской государственный университет
Кабатова Елена Анатольевна
Костромской государственный университет

ИСТОЧНИКО-ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ВОПРОСА СУЩЕСТВОВАНИЯ ВТОРОГО КОСТРОМСКОГО КРЕМЛЯ (Статья 2)

Вопрос датировки городского поселения, если его дата не имеет четкого и конкретного письменного подтверждения, всегда очень проблематична и сложна. Его решение требует привлечения максимально широкого спектра данных. Настоящее исследование представлено блоком статей, в которых предпринимается попытка освещения историко-историографического изучения вопроса существования второго костромского кремля, включая новейшие археологические данные 2016–2017 гг., на территории Старого города второго костромского кремля. В исследовании поднимаются вопросы: условий, специфики и датировки основания первого и второго костромских кремлей, характер их застройки; условия обретения Костромой Феодоровской иконы Божьей Матери и места ее хранения в обоих кремлях. Отдельно рассматривается вопрос о локализации, времени и условиях строительства Успенского собора как месте последнего хранения Феодоровской иконы Божьей Матери, поскольку на сегодняшний день только исследования условий и датировки его строительства могут пролить свет и на дату основания Старого города второго костромского кремля. Статья № 2 является продолжением данного блока исследований, где поднимается вопрос о времени и условиях строительства Успенского собора.

Ключевые слова: Костромское Поволжье, Кострома, первый костромской кремль, Старый город второго костромского кремля, Ростово-Суздальское княжество, Новгород Великий, славянская колонизация, Успенский собор.

Информация об авторах: Кабатов Сергей Александрович, кандидат исторических наук, доцент, заведующий лабораторией археолого-этнологических исследований, Костромской государственный университет, г. Кострома, Россия.

E-mail: kabatov74@mail.ru

Кабатова Елена Анатольевна, инженер лаборатории археолого-этнологических исследований, Костромской государственной университет, г. Кострома, Россия.

E-mail: kabatova@bk.ru

Дата поступления статьи: 05.03.2020.

Для цитирования: Кабатов С.А., Кабатова Е.А. Историко-историографическое изучение вопроса существования второго костромского кремля (статья 2) // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 2. С. 10–35. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-10-35.

Sergey A. Kabatov
Yelena A. Kabatova
Kostroma State University

SOURCE-HISTORIOGRAPHICAL STUDY OF THE EXISTENCE OF THE SECOND KOSTROMA KREMLIN (Article 2)

The question of dating an urban settlement, if its date has no clear or specific written confirmation, is always very problematic and complicated. Its solution requires the use of the widest possible range of data. This research is presented in a block of articles that attempt to cover the source-historiographical study of the existence of the second Kostroma Kremlin, including the latest archaeological data from 2016–2017 on the territory of the Old city of the second Kostroma Kremlin. The study raises questions about the conditions, specifics and dating of the foundation of the first and second Kostroma Kremles, their nature of development, the conditions for obtaining the icon Our Lady of Saint Theodore in Kostroma and its storage location in both Kremles. The question of the place, time and conditions of the construction of the Assumption Cathedral is considered separately, since only research on the conditions and dating of its construction can shed light on the date of the foundation of the Old city of the second Kostroma Kremlin. Article 2 continues this block of research, which refers us to the time and conditions of building the Dormition Cathedral.

Keywords: Kostroma Povolzhye, Kostroma, first Kostroma Kremlin, Old city of second Kostroma Kremlin, Rostov-Suzdal Principality, Novgorod Great, Slavic colonisation, Dormition Cathedral.

Information about the author: Sergey A. Kabatov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, head of the laboratory of archaeological and ethnological research, Kostroma State University, Kostroma, Russia.

E-mail: kabatov74@mail.ru

Yelena A. Kabatova, engineer of the laboratory of archaeological and ethnological research, Kostroma State University, Kostroma, Russia.

E-mail: kabatova@bk.ru

Article received: March 5, 2020.

For citation: Kabatov S.A., Kabatova Ye.A. Source-historiographical study of the existence of the second Kostroma Kremlin (article 2). Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 2, pp. 10–35 (In Russ.). DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-10-35.

Решение вопроса о *времени и условиях строительства Успенского собора* изначально предполагает определение изменения статуса соборного храма Федора Стратилата. Прежде всего, для нас важен факт самого существования в Костроме при князе Василии Ярославиче соборной церкви во имя этого святого великомученика, поскольку икона Божьей Матери, называемая «Одигитрия» («Путеводительница»), «пренесена бысть от Городца града на Кострому великомучеником Феодором Стратилатом. Сия чудотворная икона Богородицына понеже в та времена бысть на Костроме соборная церковь во имя великомученика Феодора Стратилата, что на площадке... како от Городца града пренесся на Кострому при вел. кн. Василии, рекомом Квашне» [Лебедев: 50]. В летописях XIII–XIV вв. церковь Святого Феодора неоднократно упоминается в Костроме, но нигде не именуется соборной. Между тем существование соборной церкви предполагает, что в городе в это время были и приходские храмы, которых, можно полагать, было несколько, поскольку когда обретенную в лесу чудотворную икону в торжественном крестном ходе [Тихомирова: 23, Радеева: 214] несли из леса в город, «народи» необычный звон, «творягце повсюду», и «тако приидоша во святую Божию и апостольскую соборную церковь св. великомученика Феодора Стратилата во время вечернего пения и поставите ю во святой Божией соборной церкви» [Лебедев: 53]. Упоминаемый повсюду колокольный звон свидетельствует о наличии нескольких церквей в городе, а существование многих приходских церквей во главе с собором доказывает, что город Кострома в это время, после татарского погрома в 1238 г., был вполне восстановлен. С помещением чудотворного образа Богоматери в соборный Федоровский храм последний сделался не только городским, но и придворным собором. Все более или менее важные события в семье живущего в Костроме князя Василия Ярославича освящались теперь в соборе Святого Феодора Стратилата. Так, например, в 1266 г. в этом храме был венчан князь Василий [Никоновская летопись 10: 145]. Совершить невиданное в Костроме торжество – бракосочетание князя – прибыл сам Ростовский владыка, епископ Игнатий.

После смерти Василия в 1272 г. Кострома по праву старшинства отошла его брату – молодому князю Ярославу Ярославичу. Он не переменял своей резиденции и, будучи великим князем, продолжал жить в Костроме. В результате, несмотря

на то, что стольным великокняжеским городом считался Владимир, великий князь жил в Костроме, и Кострома de facto стала столицей великого княжения и всей Русской земли и осталась в этом качестве в течение пяти лет, в продолжение всего великого княжения Василия Костромского (с 1272 по 1276 г. включительно). Наследников у Василия Ярославича не было, поэтому после его смерти Костромское княжество было ликвидировано, а его земли вернулись в состав великого Владимирского княжения [Кучкин: 119].

После смерти князя Василия Ярославича его племянники Дмитрий и Андрей Александровичи попытались передать Костромской удел своим сыновьям, но их княжение было недолговременным. Известно, что в 1293 г. «седе на Костроме князь Иван Дмитриевич...» [Лаврентьевская и Троицкая летописи 1: 527], а в феврале 1304 г. в Костроме умирает князь Борис Андреевич [Лаврентьевская и Троицкая летописи 1: 486; Летопись Симеоновская 18: 85], правивший здесь, по мнению В.А. Кучкина, с 1299 г. [Кучкин: 125]. Видимо, после тридцатилетия княжения Василия Ярославича политическое и экономическое положение города заметно возвысилось, если на рубеже XIII–XIV вв. его пытались закрепить за собой главные противоборствующие силы этого времени. В 1327 г. ордынский хан Узбек разделил великое княжение: «...князю Ивану Даниловичю Новгород и Кострому, половина княжения; а Суждальскому князю Александру Васильевичи дал Новгород (Нижний) и Поволожье...» [Новгородская летопись 3: 469]. С того времени Кострома перешла под власть Москвы и все летописные упоминания стали связываться с деятельностью московских великих

Рис. 1. Святой Феодор Стратилат несет по улицам Костромы чудотворный образ Феодоровской иконы Божией Матери. Фреска из часовни на Святом озере [Лебедев: 38]

Рис. 2. Федоровская икона Божией Матери: клеймо – Святой великомученик Федор Стратилат приносит икону Божией Матери в Кострому

князей, в политике которых город играл второстепенную роль.

Вид первого костромского кремля мы можем с определенной долей условности воссоздать только на основании детального рассмотрения иконы Федоровской Божией Матери (изображения сцены перенесения с Запрудни в собор Федора Стратилата иконы Федоровской Божией Матери), где храм изображается пятиглавым с луковичными главами и бочкообразным или четырехскатным покрытием (рис. 1–2, 5). Храм находится внутри кремля за кремлевскими стенами. Стены кремля деревянные, с четырехугольниками и круглыми бойницами, башни с такими же в несколько рядов боевыми отверстиями, иногда с зубчатыми верхами (признак позднейшего архитектурного стиля), с шатрообразным покрытием и шпильями. В башнях прослеживаются сводчатые полукруглые ворота, перед стенами насыпаны земляные валы и вырыты рвы. Между стенами кремля до места обретения чудотворной иконы местами пустое, ничем не застроенное поле, местами лес. Стены города отстоят от места обретения иконы на некотором расстоянии, «на едино поприще» (одну версту). Если принять во внимание, что Мшанская улица тянется от Сулы до р. Костромы, где располагался Федоровский храм, то от стен кремля, в ближайшем к р. Запрудне пункте, расстояние должно быть порядка одного километра. Причем расстояние значительно увеличивается, если мы в соответствии с мнением И. Беляева [Беляев: 7] допускаем возможность того, что древний храм Федора Стратилата находился не на площади Мшанской улицы, а рядом с каменным Успенским собором (территория Старого города второго костромского кремля), и центр города с начала его основания, окруженный кремлевскими стенами, находился здесь, между р. Сулой и р. Костромой.

Именно в собор Федора Стратилата в 1258–1261 гг.¹ чудотворный образ Божией Матери Одигитрии, обретенный в лесу на р. Запрудне (рис. 2–3) князем Василием Мизинным, прозванным в народе Квашней (младший сын Ярослава Всеволодовича), был в торжественном крестном ходе (рис. 6) внесен в город. Именно от названия Федоровского собора образ и получил наименование Федоровской иконы Богоматери. С этого времени Федоровский собор был местом пребывания новоявленной чудотворной иконы (рис. 7) до тех пор, пока не был возведен Успенский собор. Он был не только городским, но и придворным собором.

В 1413 г. город подвергся страшному пожару, уничтожившему кремль и почти весь город, после которого великий князь Василий Дмитриевич (старший сын Дмитрия Донского) не решился восстанавливать его на прежнем месте, а перенес центр города на другое место, где и построил новый кремль с деревянными стенами и башнями [Никонская летопись 10: 231]. Сгоревший в пожаре 1413 г. вместе с другими 30 церквями и кремлем храм Федора Стратилата (рис. 8), хотя и был после того «вскоре» восстановлен из развалин, но уже не в качестве главного городского и придворного собора, а в виде небольшой деревянной церкви для временного хранения Федоровской иконы Богоматери до постройки нового каменного Успенского собора. Прежняя слава Федоровского собора, таким образом, померкла. В малом деревянном Федоровском храме служба совершалась уже не так часто, и Федоровский храм скоро потерял даже свое самостоятельное значение. К концу XVI в. он, по-видимому, лишился своего отдельного причта и был приписан к Успенскому собору, причт которого, все еще продолжая жить возле деревянного Федоровского храма, и совершал по временам богослужение в Федоровском соборе. В писцовых книгах 1628–1630 гг. мы встречаем о прежнем соборном храме Федора Стратилата уже такое печальное известие: «...на Суле у Мшанской улицы церковь стоит без

Рис. 3. Явление образа чудотворного образа Федоровской иконы Божией Матери костромскому князю Василию Ярославовичу [Лебедев: 39]

Рис. 4. Феодоровская икона Божией Матери: клеймо – Явление иконы костромскому князю Василию Ярославичу во время охоты

пения (без своего причта. – С. К.) Феодора Стратилата древяна клетки, земли церковный в длину девятнадцать сажень, поперег тринадцать сажень» [ПКК: 282–283]² (рис. 4). Никаких других исторических известий, которые чем-нибудь отметили бы за XV и XVI вв. судьбу этого знаменитого прежде костромского собора, не сохранилось.

Старая часть города за р. Сулою³, выгоревшая в ужасном пожаре 1413 г., перестала быть центром городской жизни. Старый кремль, княжеские хоромы и дворы бояр на прежнем месте не были восстановлены, а в 1416 г. устроен новый кремль (Старый город второго костромского кремля – см. рис. 9–10) на новом месте по образцу Московского Кремля, с земляными валами, водяными рвами, мостами, деревянными стенами и башнями [Козловский: 4]. Тип этого кремля сохранился, может быть с несущественными изменениями, до XVII в., когда он довольно подробно описан в писцовых книгах 1628–1630 гг.⁴

В этом новом кремле, с построением каменного Успенского собора (рис. 11), сосредоточилась вся церковная, административная и городская жизнь. Город как бы переместился на другое место и стал расти вниз по берегу р. Волги. Старый город с соборным храмом Федора Стратилата скоро превратился в посад, около нового кремля постепенно образовались и другие посады: Вознесенский, вниз по берегу р. Волги, и верхний посад во главе с кремлевским Троицким собором, разросшийся на северо-восток между Благовещенской церковью и основанным в XVI в. Богоявленским монастырем.

Какое-то время после перенесения чудотворной иконы в новый Успенский собор в летописях и других письменных актах оба собора – деревянный Федоровский и каменный Успенский – имеют неверные названия. Вероятно, путаница возникает в силу того, что связывало оба этих собора – чудотворная Феодоровская икона. Так, Успенский каменный собор иногда называется то храмом Святого Феодора Стратилата, по имени древнего собора и своего придельного храма, то Пречистенским⁵. Такое название Успенского собора не по главному Успенскому престолу, а по приделу в честь Феодора Стратилата или по имени старого деревянного собора можно объяснить, с одной стороны, привычкой к старому названию и единством причта в обоих соборах, с другой – благоговением к покровителю города Федору Стратилату, имя которого было проецировано на Феодоровскую икону, бывшую до того «Одигитрией». В последующих грамотах царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича, святейших патриархов и митрополичьих этот же самый храм нередко называется «церковью Пресвятой Богородицы», «Феодора Стратилата», церковью «Пречистыя Богородицы, честнаго и славнаго ея Успения, чудотворныя иконы Феодоровския», «соборной церковью Пречистыя Богородицы иконы Феодоровския», просто «Богородицким» или

Рис. 5. Фрагмент иконы Феодоровской Божией Матери, находившейся в Крестовоздвиженском монастыре г. Костромы. Фото В. Кларка (начало XX в.)

Рис. 6. Феодоровская икона Божией Матери: клеймо – К месту явления иконы прибывает крестный ход из Костромы

Рис. 7. Феодоровская икона Божией Матери: клеймо – Поставление иконы в Феодоровском соборном храме

Рис. 8. Феодоровская икона Божией Матери: клеймо – Пожар в Феодоровской соборной церкви

даже «Феодоровским» [Островский: 201–237]. Лишь в конце XVII в., особенно в начале XVIII в., он стал называться уже Богородицким Успенским.

Итак, мы можем констатировать, что интересующий нас *Успенский собор в качестве завершенного строительного объекта не мог существовать до 1413 г.* Более того, какое-то время после пожара 1413 г. икона Федоровской Богоматери еще хранилась во вновь отстроенном деревянном соборе Федора Стратилата, сгоревшем в этом пожаре. В случае, если бы Успенский собор был уже построен, не было бы необходимости экстренно воссоздавать старый собор и помещать в него на временное хранение чудотворную икону.

Теперь к вопросу *определения времени строительства Успенского собора и динамики изменения его архитектурного облика.*

Единственным письменным источником, сообщающим о времени появления Успенского собо-

ра, которым руководствовались все описывающие этот храм исследователи до его уничтожения, служит повесть о Федоровской иконе Божьей Матери. Других письменных документов мы пока не имеем. Составление этой повести принято относить ко времени не ранее XVII в. Повесть состоит из нескольких соединенных автором воедино народных сказаний, касающихся явленной чудотворной иконы Богоматери. Заключительное сказание о строительстве каменного Успенского собора изложено в «повести» очень сжато и невразумительно. Подобное делает практически невозможным поиск здесь основания и сколько-нибудь аргументированной базы для решения вопроса о времени строительства храма. Знакомство с повестью, пожалуй, склоняет нас к предположению о времени постройки Успенского собора не ранее XV в.

К подобному выводу нас приводит и анализ исторической ситуации данного региона.

Рис. 9. Примерный план второго костромского кремля (архивные материалы XVII в.)

Так, после смерти Василия Ярославича, до конца XIII столетия и позже, для Костромы существовали самые неблагоприятные условия для строительства нового, дорогого храма. Кострома с 1277 до 1293 г. не имела своего удельного князя и являлась вотчиной владимирского великого князя, управляясь княжескими наместниками. Великокняжеский престол после Василия Ярославича перешел к его племяннику, сыну Александра Невского – Дмитрию Александровичу. Однако вскоре объявился претендент на великокняжеский престол в лице младшего брата городецкого князя Андрея Александровича. Началась братская междоусобица⁶. В подобной ситуации Костроме было не до строительства нового храма. В 1293 г. князь Дмитрий Александрович отдал Кострому в удел своему сыну Ивану Дмитриевичу. Но сын не был счастлив. Когда его отец Дмитрий Александрович в результате интриг брата Андрея окончательно лишился великокняжеского престола и умер, Андрей Александрович на правах великого князя отдал Кострому своему сыну Борису, а Ивану Дмитриевичу предоставил Переяславль, куда тот и перебрался. Это было в 1299 или 1300 г., а в 1303 г. в Костроме умер и Борис Андреевич. Очевидно, до XIV в. объективная ситуация и обстоятельства не благоприятствовали строительству нового каменного собора, как и в течение всего XIV в. С 1304 до 1328 г. начинается еще более сильная междоусобица из-за великого княжения,

которая отразилась и на безопасности Костромы (пожары, страшные эпидемические болезни: 1353 и 1364 гг.; нападения новгородских ушкуйников: 1371, 1375 гг.).

Кроме того, в XIV в. нет ни одного исторического свидетельства, которое бы давало малейший намек на строительство или существование в этом столетии в Костроме каменного Успенского собора. Собственно говоря, и в XV и XVI вв. ясных исторических данных об этом храме также нет. Лишь в начале XVII в. Успенский собор описывается в писцовых книгах как *давно существующий*, служащий постоянным местопребыванием Федоровской иконы Богородицы. В писцовых книгах 1628 г. он записан в ряду многочисленных храмов в самом начале так: «Церковь соборная каменная, во имя Пресвятой Богородицы чудотворная ея иконы Феодоровския. А в церкви образов местных: образ Пресвятой Богородицы Феодоровския, в ките с притворы...» [ПКК: 257–268].⁷

Не имея достаточно исторических свидетельств для решения вопроса о времени строительства Успенского собора, на областном археологическом съезде в Костроме в 1909 г. один из членов съезда, петербургский инженер и преподаватель истории гражданских инженеров И.Б. Михайловский (по просьбе председателя съезда Н.В. Покровского) обследовал стены и подвалы Успенского собора и констатировали факт отсутствия следов строительства XIII в. [Труды].

- ЛЕГЕНДА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**
(с указанием номера в реестре Инспекции по охране объектов культурного наследия Костромской области)
- 1 - ул. Островского 2 (№295);
 - 2 - ул. Сидановского 4 (№294);
 - 3 - ул. Ленина 4 (№172);
 - 4 - ул. Ленина 4 (№151);
 - 5 - "Успенский собор" (№56);
 - 6 - "Костромской кремль" (№3);
 - 7 - ул. Советская №220;
 - 8 - "Успенский собор" (№255);
 - 9 - "Костромской кремль" (№794);
 - 10 - ул. Чайковского 2 (№172);
 - 11 - ул. Чайковского 4е (№248);
 - 12 - "парк "Эрмитаж" (№367);
 - 13 - ул. Чайковского 9б (№227);
 - 14 - ул. Советская 5 (№279);
 - 15 - ул. Чайковского 17 (№155);
 - 16 - ул. Горная 20а (№210);
 - 16.1 - ул. Горная 2 (№306);
 - 17 - ул. Советская 37 (№36);
 - 18 - ул. Советская 18 (№170);
 - 19 - ул. Советская 22 (№75);
 - 20 - ул. Ивановская 4а (№308);
 - 21 - ул. Нижняя Дубра 15 (№542);
 - 22 - ул. Кооперации 15-17 (№258);
 - 23 - ул. Лесная 11 (№299);
 - 24 - "Мукомольный завод" (кв. 119) (№195);
 - 25 - ул. Держинского 9 (№260);
 - 26 - ул. Ивановская 24а (№309);
 - 27 - ул. Лесная 15 (№52-12);
 - 28 - ул. Горная 106 (№53);
 - 29 - ул. Горная 276 (№218);
 - 30 - ул. Нижняя Дубра 32 (№893);
 - 31 - "колокольня Богоявленского собора" (№6);
 - 32 - "Успенский собор" (№906);
 - 33 - "Успенский собор" (№471);
 - 34 - "Мелочные ряды" (№888, 973);
 - 35 - кв. 4 (№670).
- НАИМЕНОВАНИЕ ЦЕРКВЕЙ**
- 1-2 - "На Кадине горе. Церковь Ивана Богослова древена, илетици. Да церковь друга с трапезою Максима Христа ради юродивого"
 - 3-4 - "В посаде на Девре ... Стреление Пречистые Богородицы иконы Владимирские да чюдотворца Николы. Да ... церковь ... Вознесение Господа Бога и Спаса нашего"
 - 5-6 - "То юнец посаду церковь страстотерцов Христовых Бориса и Глеба ... да ... преподобного Семюна чудотворца Столпника"
 - 7 - "В Старом городе. Церковь соборная каменная во имя Пречистия Богородицы чудотворные иконы Федоровские. Да у Пречистие Богородицы у соборные церкви предел Фёдора Стратилата. Да телпая церковь Похвалы Пречистие Богородицы"

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

- граница историко-культурной заповедной территории
- граница зон охраны памятников истории и культуры
- граница зоны охраны археологического культурного слоя
- I - Городище раннего железного века, II - 1-й костромской кремль (1-я пол. XIII в.)
- IIIa - 2-й костромской кремль IIIб - 2-й костромской кремль
- памятники архитектуры и истории
- дерегулярные улицы по С.С. Смирнову
- церкви (разрушенные и существующие) по С.С. Смирнову
- старое русло реки Сулы
- слободы: 1 - Кузнечная.
- участки археологических исследований в разные годы
- участок исследований
- территории монастырей.

Рис. 10. Совмещенный план (по С.А. Кабатову) дерегулярной городской застройки (по С.С. Смирнову) и регулярной (современной) планировки города

Рис. 11. Фрагмент плана г. Костромы (второй кремль: Старый и Новый город) (РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1603. Л. 660.)

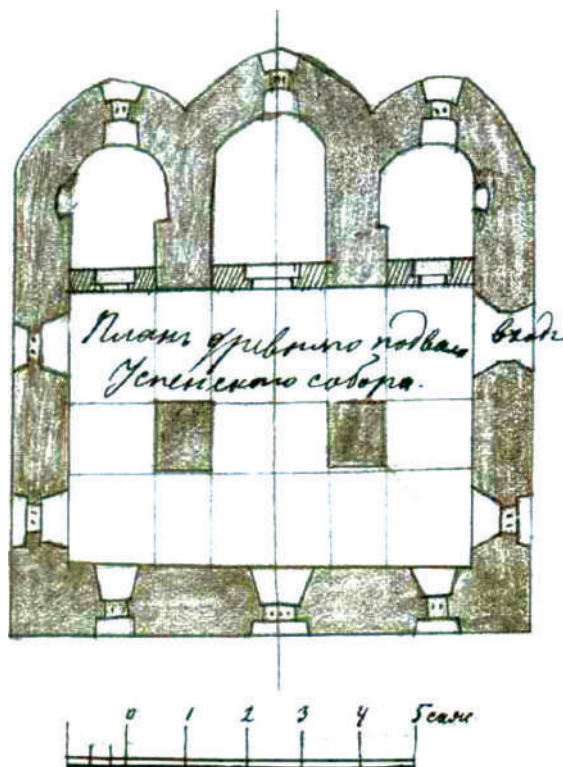

Рис. 12. План подвала основного ядра Успенского кафедрального собора [Лебедев: 84]

Обследование подвальной части собора показало, что она состояла из нескольких подвалов, отделенных друг от друга с самого начала их строительства глухими стенами. Через дверь восточной стены, под восточным крылом прилегающего с двух сторон к храму подвала, под папертью, можно было проникнуть в главный, центральный подвал церкви, находившийся под центром храма и алтарями; этот подвал, видимо, никогда не соединялся с подвалами, расположенными под другими частями Успенского храма. Тщательное обследование стен не зафиксировало каких-либо следов дверей или проемов в соседние подвалы, заделанных впоследствии. Напротив, имелись ясные указания на то, что стены были некогда наружными стенами⁸. Во всех этих стенах на момент обследования прекрасно сохранились в первоначальном виде окна с железными решетками. В плане вся эта часть храма была простой (рис. 12). Посредине четырехугольника (почти квадрата) фиксировались два столба, которые соединялись подпружными арками как между собой, так и с наружными стенами. Эти арки делили все пространство на девять частей, из которых средняя и две угловые – квадратные, а остальные – прямоугольные. Каждая часть была покрыта парусными сводами. Те части (подалтарные), которые были обращены на север, имели коробовый свод и были закруглены в виде раковины как с внутренней, так и с наружной стороны и составляли алтарные апсиды. Толщина стен и столбов составляла порядка 195,58 см, кладка была представлена

довольно крепким кирпичом (28,89×13,33×7,78 см) из слабо обожженного (алого), но хорошо промешанного и спресованного теста. Из этого кирпича были выложены арки и своды. Алтарные апсиды были отделены от главного помещения тонкими кирпичными стенками позднейшего происхождения; был оставлен только небольшой проход. Фундамент, по-видимому, был сплошь из такого же кирпича: ни булыжника, ни белого камня при обследовании замечено не было. Никаких следов кирпичей, характерных для XIII в., или белого камня, или соответствующего тому времени способа кладки при обследовании подвальной части не было зафиксировано. Именно эта часть здания представляла первоначальное ядро храма. Другие окружающие его подвалы фиксируют следы позднейших разновременных пристроек: и размером кирпича в стенах (31,11×13,33×8,89 см), и степенью его обжига (ярко-красный цвет), и более правильной его кладкой на известковом цементе. Фундаменты здесь покоились на булыжном камне. Строительство стен этих частей собора вполне соответствовало XVI и XVII вв. [Лебедев: 79–80]. Указанные И.Б. Михайловским обмеры и исследования подвальной части Успенского собора ясно указывают на наличие нескольких строительных периодов храма, выделенных нами в дальнейшем на основании проведенных археологических исследований.

Воспользовавшись этими данными, а также собственными исследованиями, Д.И. Лебедев

на основании сравнительного анализа техники кладки кирпичных стен, размера и качества кирпича Успенского собора сообщает следующие данные. Южная часть храма (тяготеет к р. Волге) представляет первое расширение собора в южном направлении (к р. Волге); здесь размеры кирпича 31,11×15,55×8,89 см; южная галерея-паперть к р. Волге – 31,11×15,55×8,89 см; восточная галерея-паперть – 27,78×15,55×6,67 см; придел Феодора Стратилата (построен в 1666 г.) – 31,11×15,55×8,89 см. Кладка фундамента во всех этих частях собора на булыжном камне, по извести, кирпич хорошо обожженный (красный). Основное ядро собора с алтарными апсидами – 28,89×13,33×7,78 см; кирпич слабо обожженный (альпий), кладка по извести без булыжного камня. Исходя из приведенных данных, Д.И. Лебедев приходит к выводу, что кирпич в центральной части собора, в основном ядре, ни по размеру, ни по степени обжига не подходит ни к одной постройке в г. Костроме конца XVI или XVII вв.: «Очевидно, эта часть выстроена в тот ранний период, когда еще мастера не умели хорошо обжигать кирпич, а белого камня в близком расстоянии от Костромы не было» [Лебедев: 81–52].

Пожар 1413 г., когда в Костроме сгорело до 30 церквей вместе с собором Федора Стратилата, кремлевскими стенами и княжескими теремами [Тверская летопись 15: 486], уничтожил все деревянные постройки, однако об уничтожении пожаром каких-либо каменных построек мы ничего не знаем. Логично предположить их отсутствие до этой даты. Василий Дмитриевич (московский князь) в память о сокрытии своего отца, великого князя Дмитрия Донского, с семейством в 1385 г. за крепкими костромскими стенами от Тохтамыша не мог безразлично отнестись к бедствию Костромы, решив помочь жителям в восстановлении сгоревших построек. Зная плотность и скученность застройки на участке первого кремля (между р. Костромой и Сулой) и опасную в пожарном отношении ситуацию данного участка, он решает перенести кремль на новое место, окружает это место валом и рвами и обносит деревянной стеной [Козловский: 49; Островский: 20]. Под 1416 г. в Воскресенской [Воскресенская летопись 13: 88] и Никоновской летописях [Никоновская летопись 11: 231] мы встречаем известие, что в этот год «был заложен г. Кострома». Важно, что здесь сообщается не о восстановлении или обновлении города, а именно о вновь заложенном городе на месте, где до того времени города не было. Решив заложить новый кремль, великий князь, согласно общим градостроительным нормам того времени, должен был поставить определенные здания – княжеские и боярские хоромы. Вероятно, именно в это время и был заложен новый, придворный каменный Успенский собор, о котором фиксиру-

ется изречение в рукописи Галичской летописи, собранной из разных историй мещанином Тычинкиным: «... в 1415 г. мая в 13 день заложена каменная Кострома» [Крживоблоцкий: 7; Иконников 2: 893, прим. 10; Диев: 46]. Известна закономерность удельных князей при закладке или восстановлении какого-нибудь города изначально строить в память о себе какой-нибудь храм. Так было во Владимире, Ростове, Ярославле, в самой Костроме после 1238 г. при великом князе Ярославле Всеволодовиче и в других городах. Расположение великого князя Василия Дмитриевича к строительству церковей ранее нашло отражение в строительстве нескольких храмов (строительство в Московском Кремле Благовещенского собора и церкви Рождества Богородицы (церковь святого Лазаря); украшение в 1408 г. искусной живописью Владимирского Успенского собора) [Виноградов: 48; Павлинов: 113]. Вполне логично предположить, что Василий Дмитриевич в благодарность костромской святине за спасение его с семейством в 1409 г. от грозного врага⁹ при перенесении центра города на новое место и устройстве здесь кремля прежде всего решил освятить это место построением нового, более безопасного в плане пожарной безопасности каменного собора, для перенесения в него покровительницы этого города – чудотворной иконы Богоматери.

По всей вероятности, Василий Дмитриевич начал укрепление нового места с того, что на преж-

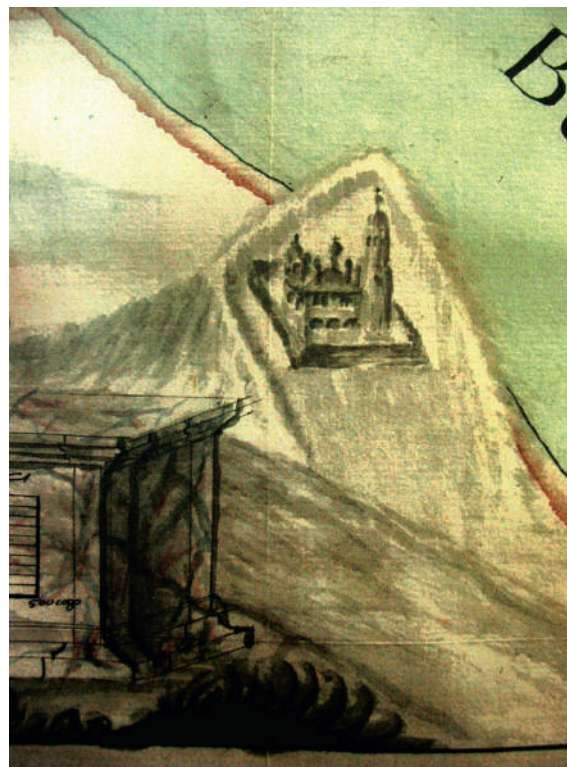

Рис. 13. Изображение Успенского собора на полях плана г. Костромы (второй кремль: Старый и Новый город) с проектом трех кладбищ. 1774 г. (РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1603. Л. 660)

нем месте сгоревшего Федоровского собора выстроил небольшую деревянную церковь с прежним наименованием для временного помещения чудотворного образа, а на новом месте в 1415 г. заложил по образцу московских соборов, только в меньшем размере, новый каменный храм, который в 1416 г. начал обносить вместе с другими постройками новой кремлевской деревянной стеной и земляными валами. Подтверждением того, что новый костромский каменный собор построен ориентировочно в середине первой трети XV в., а не ранее, является его завидная схожесть в плане и структуре с московским, нежели с владими́ро-суздальским зодчеством.

Подобную точку зрения впервые озвучил Д.И. Лебедев на основании сравнительного анализа Костромского Успенского собора с архитектурой владимирских соборов – Успенского (строительство в 1158 и 1185 гг.), Дмитровского (1194 г.) и московских соборов – Успенского (основан в 1326 г., перестройка в 1479 г.), Благовещенского (основан в 1397 г., перестроен в 1484 г.), Архангельского (основан в 1333 г., перестроен в 1509 г.), Спасо-Преображенского (Спаса на Бору, основан в 1330 г., расширен пристройками в 1350 г.) и Михайловского в Чудовом монастыре соборов [Лебедев: 86].

«Основное ядро костромского собора сделано из кирпича значительно худшего качества, чем московские постройки конца XV в.; напротив, кирпич южной части собора и галерей его по обжигу, размеру и качеству весьма близко подходит, например, к стенам Михайловского храма в Чудовом монастыре и Благовещенского собора в Кремле. Это тоже может свидетельствовать о том, что стены основной части костромского собора кладены ранее постройки Московского Успенского собора в 1479 г. и, вероятно, в первой половине XV в. По плану костромский собор не зависит от Успенского и Архангельского московских соборов, выстроенных в конце XV в. Последние представляют по плану продолговатые четырехугольники с четырьмя столбами внутри (в Успенском соборе столбы круглые). Основное же ядро костромского собора, считая от наружной стены средней апсиды алтаря до южной стены центрального подвала, имеет план квадрата с двумя поддерживающими свод храма столбами и тремя полукруглыми алтарными апсидами, из которых средняя немного выдается пред крайними. В этом виде план этого храма весьма близко подходит к плану других соборов московских – Благовещенского, Михайловского храма в Чудовом монастыре и Спасо-Преображенского в кремлевском дворце. Особенно близкое сходство с первыми двумя храмами имеет подвальная часть костромского собора. Все три храма поставлены «на подклетах», то есть имеют обширные подвальные помещения. Подвальные помещения, устраиваемые нередко при церквях, в старину имели

особое назначение: туда, например, богатые купцы или бояре складывали для хранения от частых пожаров более ценное имущество, тут же хранилось и церковное имущество. С течением времени простые подвалы были заменены подклетами, или подцерковьями. Эти подклеты представляют в указанных храмах целый этаж с небольшими окнами, на сводах которого лежит пол второго этажа, где стоят молящиеся. Под Чудовым Михайловским собором в подклете были заключены поляки в начале XVII в. патриархом Гермогеном. Под этим же храмом и под некоторыми другими в таких подцерковьях можно встретить гробницы епископов, игуменов и князей. Какое прямое назначение имело подцерковье костромского каменного собора, определенно сказать что-либо об этом нет достаточных оснований. Михайловский Чудовской и Благовещенский кремлевский соборы, хотя при Иоанне III и были разобраны, но вновь тогда же воздвигнуты на древних же подклетах. Подклеты московских храмов белокаменные, тогда как в костромском соборе они сложены из того же простого кирпича, что и стены храма. Устройство подклетов во всех этих храмах весьма сходно; те же почти одинаковой толщины столбы, соединенные между собою и с наружными стенами подпружными арками, те же парусные своды, такое же полукруглое основание алтарных апсид. Во всех храмах очень близкое сходство имеют входы в храм. Прямой, без всяких узоров, тройной круглый, с отливом от верха вниз пояс, видимый снаружи посредине алтаря, и верхний карниз кругом храма, соединяющий полукружия прямых, гладких пилястр, также приближает костромский собор к типу московских, а не владими́ро-суздальских храмов. Высота алтарных апсид, закрывающих немного более половины стены средней части храма, приближается к апсидам Московского Архангельского собора, но еще более она подходит к типу древних ярославских церквей, построенных в XVII в.» [Лебедев: 84–92]. «Таким образом, – констатирует исследователь, – по характеру архитектуры костромский Успенский собор в основной своей части¹⁰ следует относить не к владими́ро-суздальскому, а к московскому периоду и более основательно к периоду княжения в Москве Василия Дмитриевича, а именно к 1415–1416 гг.» [Лебедев: 95].

О внешнем и внутреннем убранстве собора в первое время существования, как и о первоначальном его общем плане и фасаде, мы можем судить только по памятникам позднейшего времени, причем не ранее XVII в. Ни письменных, ни вещественных памятников, отображающих непосредственно внешнее и внутреннее устройство собора за первые два (XV–XVI) века не сохранилось вовсе. Все они, вероятно, уничтожены опустошительными пожарами 1493, 1654, 1679 и 1773 гг. На основании описания архитектурных особенно-

стей собора в начале XX в. представляется возможным констатировать факт существования накануне взрыва 1934 г. нескольких элементов первоначального устройства храма: а) алтарь, б) северная половина храма, составлявшая изначально целый храм, а затем только первую, примыкающую к алтарю половину (во время постройки в последующее время южной половины верхние своды всего храма были переделаны).

После пожара 1413 г., в 1416 г. по образцу Московского Кремля на новом месте был устроен новый кремль с земляными валами, водяными рвами, мостами, деревянными стенами и башнями [Козловский: 4] (рис. 11). Основные характерные черты этого кремля сохранились с несущественными изменениями до XVII в., когда он довольно подробно описан в писцовых книгах 1628–1630 гг. [ПКК]. В этом новом, втором кремле с построением каменного Успенского собора (рис. 13) сосредоточилась вся церковная, административная и городская жизнь. Город как бы переместился на другое место и стал расти вниз по берегу р. Волги. Старый город с соборным храмом Феодора Стратилата скоро превратился в посад, около нового кремля постепенно образовались и другие посады: Вознесенский, вниз по берегу р. Волги, и верхний посад во главе с кремлевским Троицким собором, разросшийся на северо-восток между Благовещенской церковью и основанным в XVI в. Богоявленским монастырем.

Итак, то, что время строительства Успенского собора относится к *середине первой трети XV в.*, сомнений практически не вызывает.

Примечания

¹ Датировка предложена Д.И. Лебедевым [Лебедев: 67].

² «На Суле у Мшанские улицы

Церковь стоит без пенья Федора Стратилата древяна, клецки. Земли церковные (Л. 595) в длину девятнадцать сажень, поперек тринадцать сажень» [ПКК: 282].

³ «Мшанская улица. Настасьин присуд

Двор бобыля Ивашки Панфилова. Длина двору и с огородом четырнадцать сажень, поперек пять сажень.

Место дано под двор бобылю Паршуку Иванову сыну – холщевнику. В длину шесть сажень, поперек пять сажень без чети. И Паршуку на том месте двор поставить (Л. 321). А для дворового строенья дано лготы па два года со 136-го по 138-й год. А как лготные годы отойдут, и Паршуку с того двора давать государевы подати – бобыльской оброк» (ПКК: 164).

«У царя Костянтина

Двор вдовы Огрофенки Ивановской же (Л. 327 об.) ны Пылаева да с сыном с Маркушом – сапожником. Двора и огороду длина сорок четыре сажени, поперек во дворе четыре сажени, а в огороде сорок четыре сажени.

Двор бобыля Игнашка Васильева сына Чернышева. Длина двора и огороду пятнадцать сажень, поперек восемь сажень. Промысл ево – портное делает» (ПКК: 167).

«Улица Мшанская. Присуд Спаса ж Запрудново (Л. 341 об.) Двор бобыля Федки Михайлова –

колашника. Длина тритцать одна сажень, поперек одиннадцать сажень.

Двор бобыля Ивашка Васильева сына Бороды. Длина двора и с огородом четырнадцать сажень, поперек шесть сажень.

Келья на белом месте нишево Демки Ондреева сына Драчева, что бывал подьячей площадной. Длина двора и огорода дватцать пять сажень, поперек восемь сажень.

Двор бобыля недоросля Митьки Завьялова да брата его Васки (Л. 342). Длина двора и огороду пятьдесят сажень, поперек сорок сажень.

Двор бобыля Куземки Максимова – сапожново мастера. Длина двора и огороду тритцать пять сажень, поперек восемь сажень.

Двор бобыля Онтонка Спиридонова – бьет молотом из найму. Длина двору и огороду дватцать три сажени, поперек шеснатцать сажень. Да у него ж из двора кузница. Оброку три алтына две денги.

Двор бобылей Ортюшки да Васки Федоровых детей – сапожников. Длина (Л. 342 об.) двора и огороду тритцать сажень, поперек восемь сажень с полусаженью.

Двор на черной земле Троицы Ипатцкого монастыря. Длина Двора и огороду семнатцать сажень, поперек семь сажень. Дворица вдова Оринка з зятем з Захарком» (ПКК: 173).

«Во Мшанской же улице на черной земле

Изба кабатцкая с сенми. Места под ней в длину восемь сажень, поперек шесть сажень.

Двор бобылицы вдовы Васили(Л. 343)ски Федоровской жены – плотника. Длина двора и огороду тринадцать сажень, поперек пять сажень.

Двор бобыля Михалка Михайлова сына – плотника. Длина двора и огороду одиннадцать сажень, поперек девять сажень.

Двор худово человека Савки Семенова сына – животинного прасола. Длина двора и с огородом сорок сажень, поперек шесть сажень.

Двор Тихонка Иванова сына Крежо(Л. 343 об.) ва – шапочника. Длина двора и с огородом семдесят девять сажень, поперек тринадцать сажень.

Двор самого худово человека Ивашка Степанова сына Гоголина. Длина с огородом сорок одна сажень, поперек одиннадцать сажень, да того ж огороду в сторону улицы сорок пять сажень, поперек дватцать пять сажень.

Двор Овдокимка Иванова сына – рукавишника. Длина сорок одна сажень, поперек четыре сажени(Л. 344)ни с полусаженью. Животом добре худ.

Двор худово человека Васки Григорьева сына – сапожника. Длина двенадцать сажень, поперек четыре сажени.

Двор худово человека Федки Богданова сына – портново мастера. Длина двора и огороду десять сажень, поперег восемь сажень.

Двор худово человека Стенки Офонасьева сына – орешника. Длина двора и огороду десять сажень, поперег шесть сажень» (ПКК: 173–174).

«Идучи во Мшанскую улицу монастырь же, словет Спас Подвязной

А в монастыре церковь Преображение Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа.

Да церковь другая с трапезою Вход в Иерусалим, древяны, клецки.

А в церквах образы, и свечи, и книги, и ризы, и колокола, и всякое церковное [строенье] (Л. 589 об.) государево да приходных людей.

А церковных служебников игумен Арсеней, да двенадцать братьев черноризцев, да дьячок церковной Ганька Минин.

А церковные земли под монастырем, и под кладбищем, и под кельями в длину семьдесят две сажени, поперег сорок девять сажень. Да на той же монастырской земле десять келей нищих, пнтаютца от церкви Божий» (ПКК: 280).

«Во Мшанской улице на всполье, словет на Гноицех

Церковь с трапезою великого чудотворца Николы. Да место (Л. 590) церковное, церковь была чудотворцов Козмы и Домьяна.

А в церкви образы месные, и свечи, и книги, и ризы, и колокола, и всякое церковное строенье мирские приходных людей.

А церковных служебников поп Иван Федоров.

А земли церковные с кладбищем в длину дватцать девять сажень, поперег дватцать сажень. Попова двора одиннатцать сажень, поперег шесть сажень, да огорода попова сорок одна са[жень], поперег дватцать [семь] сажень. (Л. 590 об.)» (ПКК: 280).

«Во Мшанской же улице

Место церковное в длину двенатцать сажень, поперег девять сажень. А которая церковь на том месте была во имя, того, посадские люди сказали, не помнят, что пустеет давно» (ПКК: 280).

«На Суле у Мшанские улицы. Церковь стоит без пенья Федора Стратилата древяна, клецки.

Земли церковные (Л. 595) в длину девятнатцать сажень, поперег тринадцать сажень» (ПКК: 282).

«Во Мшанской улице

Двор Матюшки Ондреева. В длину пятнатцать сажень с третью, поперег восемь сажень с полусаженью.

(Л. 694 об.) Двор Ивашка Прокофьева. В длину четырнатцать сажень, поперег десять сажень» (ПКК: 335).

«Во Мшанской улице

Двор Данилка Павлова. В длину пятнатцать сажень, поперег восемь сажень.

Двор Онашки Петрова. В длину пятнатцать сажень, поперег восемь сажень.

Место дворовое пусто сторожевское Фадейка – сапожника. В длину одиннатцать сажень, поперег девять сажень.

Двор Власка Григорьева. В длину осмнатцать сажень, поперег восемь сажень.

Двор Матюшки Андреева сына – шубника. В длину десять сажень, поперег восемь сажень. (Л. 698 об.)

По конец же посаду подле Кирпичной слободки дворовые на белой земле другово собору Живоначальной Троицы сторожей.

Двор Митки Фролова. В длину сорок восемь сажень, поперег девять сажень с полусаженью.

Двор Тренки Тимофеева сына – судоплата. В длину сорок восемь сажень, поперег девять сажень с полусаженью.

Двор Ивашка Исакова сына – сапожника. В длину сорок восемь сажень, поперег девять сажень.

Двор Левки Григорьева сына – горшечника. (Л. 699) В длину дватцать пять сажень, поперег восемь сажень.

Двор Тренки Ильина сына – горшечника. В длину дватцать пять сажень, поперег одиннатцать сажень.

Двор Ивашка Васильева сына – горшечника. В длину дватцать пять сажень, поперег девять сажень с полусаженью.

Двор Сенки Максимова. В длину дватцать пять сажень, поперег девять сажень.

Троицы ж соборные церкви полянка, что были сторожевские дворища. В длину сорок восемь сажень, поперег дватцать семь сажень, владеют троицкие соборные попы.

(Л. 699 об.) Да на Костроме ж на посаде рыбные ловцы ловят про государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси в реке в Волге красную рыбу, осетры, и стерляди, и белую рыбицу, а живут на белой земле» (ПКК: 336–337).

⁴«[Список с костромских писцовых книг писма и меры Ивана Бутурлина да подьячих Остафья Коллюпапова да Ивана Злобина 136-го году, да писма и меры, и межеванья князь Василья Волконского да подьячих Остафья Коллюпапова, да Ивана Злобина 137-го и 138-го году, каковы они подали в приказе Костромские четверти в прошлом во 144-м году марта в 26 день за приписью подьячего Остафья Коллюпапова.

Город Кострома по старой осыни на реке на Волге на Луговой стороне

У города ворота Большие Спаские из Нового города от торгу. Ширина воротам четыре сажени с полусаженью, поперег две сажени с полусаженью.

А от ворот вшед в город налево в стене башия Середняя. От торгу ширина две сажени с полусаженью, поперег две сажени с четвертью.

Стены от ворот Спаских до наугольной Воскресенской башии восемьдесят сажень. Воскресен-

ской наугольной башни ширина три сажени, поперег тож.

А от Воскресенской башни по другой стене от Каткини горы башня, что бывали Ильинские ворота. Ширина три сажени с полусаженью, поперег две сажени с полусаженью.

Да в той же стене башня середняя Борисоглебская. Ширина четыре сажени, поперег тож.

Да по той же стене башня Дебриская. Ширина четыре сажени, поперег тож.

От Воскресенские башни до наугольной Волской башни стены сто девяносто сажен. Волской башни ширина четыре сажени, поперег тож.

От Волской наугольной башни башня Выводная. Ширина пять сажен, поперег [...] сажени.

А от Волские Косые башни к реке Волге ворота Водяные. Ширина три сажени с полсаженью, поперег тож.

Да перед Водяными воротами башня Отводная. Ширина шесть сажен с полусаженью, поперег три сажени с полусаюсню.

От Волги ж башня. Ширина три сажени с четвертью, поперег тож.

В той же стене от реки от Волги башня Наугольная с рукавом. Рукав обведен тыном. Ширина три сажени с полусаженью, поперег две сажени с полусаженью.

От Волской Наугольной башни до башни Наугольной, что с рукавом сто десять сажен.

От Наугольной башни башня ж с рукавом против мыту. Ширина три сажени с полусаженью, поперег три сажени.

В той же стене башня над тайником. Ширина четыре сажени, поперег три сажени с полусаженью. Тайник от воды в город до улицы. Длина тринадцать сажен, поперег в тайнике две сажени с четвертью. А вверх полторы сажени.

В той же стене башня от талника против Соборной церкви. Ширина три сажени с полусаженью, поперег тож.

От Наугольной башни, что с рукавом до башни, что у Спаских ворот, стены сто дватцать четыре сажени. Башня ширина три сажени с четвертью, поперег три сажени.

А от тое башни до Больших Спаских ворот семь сажен с четвертью.

Башни рублены все клетками, бои выводные за город о двумостех.

А меж башен тыих острог оставлен без тарасов в борозду. Вышина острогу две сажени с полусаженью. Под верхом были полати з боем и под котками.

Перед Спаскими ворота в Новой город, через ров мост на клетках. Ширина пять сажен, в длину пятнадцать сажен с полусаженью.

А Новом городи от Кремля города от осыпи от Спаских ворот с волскую сторону стены до Предтеченских ворот двести трицать сажен.

А в стене ворота Николские. Ширина четыре сажени, поперег три сажени с полусаженью об одном мосту.

А от ворот Николских башня в стене Середняя. Ширина полтрети сажени, поперег тож.

Башня Предтеченская. Ширина две сажени с четвертью, поперег тож.

Башня другая Предтеченская. Ширина три сажени с четвертью, поперег тож.

Башня от Предтеченских ворот. Ширина полтрети сажени, поперег тож.

Предтеченским воротам ширина четыре сажени с четвертью, поперег четыре сажени. А в ней два моста.

А от Предтеченских ворот городовые стены от Настасьинского монастыря до Сулские башни, и до Васильевской выводной башни, и до Исаковской башни, и до Дмитревской башни, и до Благовещенских ворот двести дватцать сажен.

Первой башни Сулской ширина три сажени без четверти, поперег полтрети сажени.

Васильевской выводной башни ширина полтрети сажени, поперег две сажени с четвертью.

Башни Исаковской ширина полтрети семями, поперег две сажени. Башни Дмитревской ширина полтрети сажени без четверти, поперег тож.

Благовещенским воротам ширина три сажени без четверти, поперег тож. Об одном мосту.

А от Благовещенских ворот до Гостиные башни, и до Воскресенских ворот, и до Кремля города до осыпи сто двенатцать сажен.

Гостиные башни ширина четыре сажени с четвертью, поперег тож.

Воскресенским воротам ширина три сажени с четвертью, поперег тож.

А поставлен был тот Новый город для осаднова времени во 127-м году, а ставили посадкие люди собою. Орублен тарасы косые, как ставитца острог лежачей. А около ево веден был ров. И город во многих местех развалился и ров поосыпался.

В Старом же городе дворы осадные Улица подле осыпи от Спаских ворот по левой стороне

Двор Григорья Агеева сына Кафтырева. В длину одиннадцать сажен, поперег шесть сажен. Дворник Васка Яковлев – торгует лаптеми.

Двор Ивана Полозова, да Ачкасовых, да Жадовских. В длину девять сажен с четвертью, поперег полсемь сажени. Дворник Баженко Давыдов.

Двор Стахья Хропылева. В длину шесть сажен, поперег три сажени. Дворник – кабацкой ярышка Илюшка Андреев.

Двор Григорья Овчина. В длину восемь сажен, поперег шесть сажен. Дворник Осипко Ильин сын – плотник.

Избенка с сенми пуста посадкого человека Оники Воцешникова. Вкопано в осыпи место шесть сажен.

Избенка с сенми посадцкого человека Неустройка Сузунова. Вкопано в осыпи место четыре сажени.

Двор Боголюбца Полозова. В длину полсеми сажени, поперег четыре сажени. Живет в нем кормовой немчин Андрей Волков.

Двор Михаила Пасынкова. В длину шесть сажен, поперег полшесты сажени. Живет в нем стрелец Любимка Лукоянов.

Двор Юмрана Пасынкова с племянником. В длину восемь сажен, поперег шесть сажен. Дворник Васка смолнянин, Лучка Гурьев.

Избенка с сенми векошники Ивана Носова. В осыпи места под ним семь сажен. Дворник Федка – сапожной мастер.

Двор Новинского монастыря. В длину двенадцать сажен, поперег семь сажен. Дворники Мартьянко Фомин, да Якимко Семенов, да Анкудинко Козмин – торгуют лаптями.

Двор Ивана да Нелюба Огаревых. В длину тринадцатая сажен с четвертью, поперег тринадцатая сажен. Дворник Куземко – мясник.

Двор Семена Останкова. В длину девять сажен, поперег семь сажен. Дворник Ивашко Иванов сын – холицевник.

Двор пуст Федора да Ивана Золотухиных. В длину шесть сажен, поперег тож.

Двор столника князя Василья Туренина. В длину десять сажен, поперег полсеми сажени. Дворник Ивашко Григорьев – мясник.

Двор Егуна Жадовского. Длина одиннадцатая сажен с полусаженью, поперег девять сажен. Дворник Девятко Лаврентьев – портной мастер.

Двор Василья Высоцкого. В длину двенадцатая сажен без четверти, поперег семь сажен. Дворник Федка – ветошник.

Двор пуст Данила Шенгурского. В длину восемь сажен, поперег шесть сажен.

Двор Библия да Мамлея Пасынковых. В длину семь сажен, поперег полсеми сажени. Живет в нем Гришка – стрелец.

Двор боярина князя Ивана Семеновича Куракина. В длину девять сажен, поперег полсеми сажени. Дворник Афонка – сапожник.

Двор Семена Скрыпичина. В длину шесть сажен, поперег полпяты сажени. Дворник Ивашко – ветошник.

Двор Ивана Саврасова. В длину шесть сажен, поперег тож. Живет в нем Филка Михайлов – съезжей избы пристав.

Двор пуст Посника Супонева. В длину семь сажен, поперег пять сажен с четвертью.

Двор Матвея Жадовскаго. В длину девять сажен, поперег пять сажен с четвертью. Дворник Федка – сапожник.

Двор князя Федора Бярятинского. В длину четырнадцатая сажен, поперег одиннадцатая сажен с четвертью. Дворник Игнашко – сапожник.

Двор Льва Нежданова сына Усова. В длину семь сажен, поперег пять сажен. Дворник Степка – рукавичник.

Двор Василья Ярлыкова. Длина десять сажен с четвертью, поперег пять сажен. Дворник Давыдко – извоицк.

Двор Федора да Володимера Беляницыных детей Зюзина с племянником их. В длину десять сажен, поперег восемь сажен. Дворник Федка – холицевник.

Двор Федора да Никиты Афанасьевых детей Куломзина. В длину тринадцатая сажен, поперег пять сажен с четвертью. Дворник Федка Иванов – ездит по торжском.

Двор немчина Юрья Палтова.

В длину девять сажен, поперег пять сажен с четвертью. Дворник Афонка Никитин.

Двор боярина Федора Ивановича Шереметева. В длину шеснатцатая сажен, поперег десять сажен. Дворник Фадейко Иванов – торгует живатиною.

Двор Ивана Игнатъева сына Пуминова. В длину тринадцатая сажен, поперег три сажени. Дворник Богдашко Еремеев – сапожник.

Двор Любима Высоцкого з братьею. В длину семь сажен, поперег шесть сажен. Дворник Ивашко Григорьев – епанечник.

Двор пуст Степана Ярлыкова. В длину шесть (Л. 3) сажен, поперег пять сажен.

Двор князя Василия Морткина. В длину восемь сажен, поперег шесть сажен. [Двор]ник Дюбимка Селиванов – торгу[ет] горохом.

Двор Кирила Скрыпичина. В длину полсеми сажени, поперег полтрети сажени. Дворник Якушко – работной человек.

Двор Ивана Жедовского. В длину восемь сажен, поперег семь сажен. Дворник Фочка – седелник.

Двор Алексея да Лаврентья Сумароковых. Длина одиннадцатая сажен, поперег [семь] сажен. Дворник Ясушко – [работной] человек.

Двор Ивана да [Кирила] Шетневых. Длина [тринадцатая] (Л. 3 об.) сажен с полусаженью, поперег четыре сажени, а в уском три сажени. Дворник Русилка – работной человек.

Двор Петра [Скр]ыпичина. В длину девять сажен [с че]тью, поперег шесть сажен, а в уском месте сажень с четью. Дворник Михалка – ветошник.

Двор Ивана Захарьева сына Кутузова. В длину пятнадцатая сажен, поперег семнатцатая [са]жен. Дворник Степанко Тихонов – хлебник.

Двор Андрея Ступишина. [В] длину девять сажен, поперег тож. Дворник Федка – иконник.

Двор Кузмы Данилова сына Левонтьева. [В длину чety]рнадцатая сажен, поперег девять сажен. Дворник Степанко Григорьев – извоицк.

Двор Костянтина Кудрина да Ивана Грамотина. В длину девять сажен, поперег полпяты сажени. Дворник Микитка – сапожник.

Двор Давыда Нежданова. В длину шесть сажен без четверти, поперег четыре сажени. Дворник Овдейко – работной человек.

Место дворовое пусто Ивана Кузьмина сына Ярлыкова, Гребешка. Длина пять сажен, поперег тож.

Двор пуст. Длина полпяты сажени, поперег полчетверты сажени. А чей бывал, того не ведают.

Двор пуст Пятово Пасынково. Длина восемь сажен, поперег четыре сажени с четвертью.

Двор Олферья Петрова сына Зюзина. В длину девять сажен, поперег шесть сажен. Дворник Федка – пивовар.

Двор Якова Иванова сына Стригина. В длину воешь сажен без четверти. Дворник Ивашко – кнутник.

Двор дьяка Михаила Данилова. В длину семь сажен, поперег тож. Живет нищеза вдова Авдотьица.

Двор князь Василья да князь Михаила княж Григорьевых детей Козловских да Ивана Алексея сына Ляпунова. В длину двенадцать сажен, поперег девять сажен. Дворник Гришка – колотилец.

Двор Мосея Панова. В длину десять сажен, поперег пять сажен. Дворник Еремка Кондратьев – щепетилец.

Двор Микиты Оладьяна да князь Афонасья княж Григорьева сына Козловского. В длину семь сажен с четвертью, поперег полсемьи сажени. Дворник Ивашко Максимов сын – сапожник.

Двор Ивана Михайлова сына Сколково. В длину одиннадцать сажен, поперег десять сажен. Дворник Кондрашка – ветошник.

Двор Важенка Симонова. В длину полдевяты сажени, поперег три сажени. Дворник Илейка Сидоров – лапотник.

Двор пуст Федора Витовтова з братьею. В длину девять сажен без четверти, поперег шесть сажен.

Двор пуст Михаила Носова, что бывал иноземца Федора Селецкого. В длину шесть сажен с четвертью, поперег полшесты сажени. Двор Лаврентья Иванова сына Оверкьева, что бывал Микиты Ушакова да сына его Богдана. В длину шесть сажен, поперег пять сажен. Дворник Тренка – сапожник. А написан тот двор за Лаврентьем Аверкиевым по государеве Цареве и великого князя Михаила Федоровича всеа Русин грамоте за приписью дьяка Микифора Шипулина. По обыском место одно, а за хоромишка велено по цене денги платить. И на то дворовое место Лаврентью даная да на двор князь Романовы княгини Федоровича Троекурова княгини Ульяны, что бывал Ивана Кромина да Исаия Есипова. В длину шесть сажен, поперег полшесты сажени. Владеет по государеве грамоте и по обыском, а дворник пречистенской пономарь Посничко Семенов.

Двор Дмитрея Чаплина. В длину девять сажен, поперег четыре сажени. Дворницы вдовы.

Переулоч на Большую улицу к Водяным воротам

Двор Марка Ярлыкова. Длина девять сажен, поперег шесть сажен. Дворник Савка – сапожник.

Двор пуст у Больше улицы пречистенского пономаря Посничка Семенова. В длину семь сажен, поперег две сажени с четвертью.

Двор Ивана Ярлыкова. Длина девять сажен с полусаженью, поперег семь сажен. Дворник Панка – сапожник.

Двор осадной великие государыни иноки Марфы Ивановны. Двора в длину семь сажен без четверти, поперег полсемьи сажени, опричь спорные земли Здвиженским монастырем. В длину полдевяты сажени, поперег пять сажен с четвертью. Дворник – Гришка портной мастер.

Двор Григорья Жабина з братьею. Длина девять сажен, поперег три сажени. Дворник Первушка – рожешник.

Двор Силы Иванова сына Зюзина. В длину девять сажен, поперег пять сажен. Дворник Куземка – сапожной мастер.

Двор Федора Щапини з братом. В длину семь сажен без четверти, поперег шесть сажен. Дворник Якушко – щепетилец.

Двор Ивана Заворотнова да Бажена Аристова. В длину полшесты сажени, поперег пять сажен. Дворник Ивашко – работной человек.

Двор Михаила Колычева з братом да Афанасья Бабарыкина. Длина полдевяты сажени, поперег полшесты сажени. Дворник Афонка Ларионов – работной человек.

Двор Ивана Вязямсково з братьею. Длина девять сажен, поперег полшесты сажени. Дворники Михалко да Богдашка – кормятся по миру.

Двор князя Романа Гагарина да столника Степана Милюкова. В длину одиннадцать сажен, поперег восемь сажен. Дворник Федка Федоров – работной человек.

Двор Дениса Чортова да вдовы Андреевской жены Чортова. Длина тринадцать без четверти, поперег девять сажен с четвертью. Живет в нем стрелец Микитка Тарасов.

(Л. 4) Двор Ивана Оладьяна да Чюдиновские жены Чортова вдовы Лукерги. Длина тринадцать сажен, поперег девять сажен. Живет в нем стрелец Микитка Тарасов.

Двор думного дьяка Федора Лихачева, что двор был боярина князь Ивана Васильевича Голицына. В длину по улице по воротом четырнадцать сажен и с тою землею, что была в споре Здвиженским монастырем, позади от Здвиженского монастыря в длину ж десять сажен, а поперег девять сажен, а в уском конце поперег же полпяты. А написан тот двор за думным дьяком за Федором Лихачевым по государеве цареве и велик[ого] (Л. 4 об.) князя Михаила Федоровича всеа Русии грамоте за приписью дьяка Микифора Шипулина и по обыском 136-го году.

Улица Большая к Водяным воротам

Двор старицы княжны Ирины Ивановны Мстиславской. В длину четырнадцать сажен с полсаженю, поперег девять сажен. Дворник Силка Обрамов – торгует, отъезжая на Низ, всяким товаром.

Двор Федора да Дмитрея Шаховых да Богдана Селевина. В длину двенадцать сажен, поперег восемь сажен. И о том дворе был у них спор, по суду и по при[го]вору писца Ивана Матвеевича (Л. 1) Бугурлина да подъячих Остафья Колюпанова да Ивана Злобина. Тот двор розделен им по третям: Федору да Дмитрею Шаховым две трети – в длину двенадцать сажен, а поперег пять сажен с третью. А Богдану Селевину того двора треть, в длину двенадцать сажен, а поперег три сажени бес трети.

Двор Осипа Микитина сына Шахова да мачехи ево вдовы Марины. В длину тринадцать сажен, поперег восемь сажен. И в том дворе Осипу две трети, а мачехи ево треть. Дворник Ларка – [пор]тной мастер.

[Двор Чудова монастыря. В длину одиннадцать сажен с четверть, поперег] (Л. 1 об.) шесть сажен. Дворник Осипка Матвеев да Ивашко Филипов – москательники.

Двор Андрея да Савы Жедовских. В длину тринадцать сажен, поперег одиннадцать сажен. Дворники Васка – сапожник да Гришка – иконник.

Двор Богоявленсково монастыря, что на Костроме в посаде. В длину дватцать сажен, поперег тринадцать сажен. Дворник Сенка Наумов сын – иконник.

Двор Живоначалной Троицы Ипацково монастыря. В длину тринадцать сажен, поперег двенадцать сажен. Дворник [Семен]ка Оксемов – тюремной сторож.

[Двор Ивана да Замятни Федоровых детей Левонть(Л. 2)ева] з братьею. В длину тринадцать сажен, поперег семь сажен с четью. Дворник Первущка – сапожник.

Двор Тимофея Микитина сына Василчикова. В длину девять сажен с четью, поперег девять сажен без чети. Дворник Акимко – стрелец.

Двор Бориса Тимофеева сына Овцына з братьею. В длину четырнадцать сажен, поперег одиннадцать сажен. Дворник Кондрашко – воротник.

Двор немец Романа Миколаева да Бориса Яковлева. В длину семь сажен с четью, поперег четыре сажени. Живет в нем стрелец Пет[руш]ка.

Двор столпика Алексея Дми[триева] сына Плещеева. В длину [девять] (Л. 2 об.) сажен, поперег тожь. Дворник Ивашко Мартынов – плотник.

Двор Гаврила Моготова да Ивана Озерова. В длину четырнадцать сажен, поперег восемь сажен. Дворник Ондрушка – колотилщик.

Двор пуст князя Петра княж Одреева сына Волконского. В длину восемь сажен, поперег семь сажен.

Двор Федора Ивашева. Длина тринадцать сажен, поперег девять сажен без чети. Дворник Максимко Данилов – ситник.

Двор столника Алексея Мик[и]тина сына Годунова. Длина девять сажен с четью, поперег семь сажен [с четвертью]. Дворник Ивашко Белозе[ров] (Л. 5) – хлебник.

Двор немчина Ариста Фа[менди]на з братьею. Длина девять сажен с четвертью, поперег полсемь сажени, а в уском месте шесть сажен. Дворник Ивашко Семенов – пролубщик.

Двор Степана Иванова сына Аристова. В длину шеснатцать сажен, поперег полсемь сажени. Дворник Магюшка – хлебник.

Двор немчина Кашпира Давыдова. В длину полдесяты сажени, поперег три сажени. Дворник Микитка – мясник.

Двор немчина Ортемья Голбярхова. Длина пять сажен, по[пе]рег тожь. Дворник Магюшка [Исаев] – хлебник.

Двор Михея Деглина [с братьею. (Л. 5 об.) Длина] тринадцать сажен, поперег девять сажен с четью. Дворник Данилко Иванов – хлебник.

Двор Неждана Усова. Длина четырнадцать сажен, поперег четыре сажени. Дворник Первущка Филипов – шапочник.

Двор Фомы да Романа Шестакозых. В длину восемнатцать сажен, поперег шесть сажен с четью. Дворник Софонка Микиткин да Парфенко Тарасов – холщевщики.

Двор Ивана Одреева сына Аргамакова. Длина полдевяты сажени, поперег три сажени с четью. Дворник [Сен]ка Васильев сын – плотник.

(Л. 6) Двор околничево Лва Ивановича да [Фе]дора Борисова сына Долматова Карповых да Ивана Одреева сына Годунова. Длина осмнатцать сажен с четью, поперег полшесты сажени, а в уском месте три сажени. Дворник Ефимка Селиванов – извощик.

От Волских Воденых ворот налево подле осыпи Избенка с сенми стрелца Федки Посникова. Места три сажени с четью.

Изба с сенми иноземца Ивана Сменцова. Длина пять сажен, поперег две сажени.

Двор пуст Ивановской жен[ы] Витофтова вдовы. Длина десять са[жен] без чети, поперег четыре саж[ени] (Л. 6 об.) [бе]з чети.

Двор иноземца Ивановы дочери Зенгера девки Марьицы. В длину четыре сажени, поперег три сажени без чети.

Место пусто Григория Фрянцова. В длину шесть сажен, поперег пять сажен.

Двор пуст иноземца Мартына Волмирова. В длину восемь сажен с четью, поперег три сажени с четью.

Идучи к Воденым и Волским воротам из города на правой стороне улицы

Двор Якова Полозова з братьею. Длина четырнадцать сажен, поперег три сажени с четью. Дворник Ивашко [Гр]игорьев сын – плотник.

Двор Ивана [Фи]лософова. В длину шестнадцать (Л. 7) сажен с полусаженью, поперег одиннадцать сажен. Дворник Гришка – сапожник.

Двор Богоявленского монастыря, что бывал Михаила Иевлева. Длина восемь сажен, поперег четыре сажени с четью. Дворник – пушкарь Ивашко Бес, владеет по закладной.

Двор Ондreja Савина да Федора Елизарова. Длина восемь сажен, поперег полсемь сажени. Дворник Ивашко – плотник.

Двор Михаила Остафьева сына Пушкина. Длина десять сажен с четью, поперег восемь сажен. Дворник Надежка Родивонов – торговой человек, животинной прасол.

Двор Семена Шахова з братьею. Длина семь (Л. 7 об.) сажен, поперег четыре сажени. Живет в нем стрелец Мишка.

Двор Осипа Сурмина. Длина полсемь сажени, поперег четыре сажени. Живет в нем Васка – стрелец.

Двор Новотора да Изота Неверовых детей Зворыкиных. Длина девять сажен с четью, поперег восемь сажен. Дворник Сенька Дементьев сын – ветошник.

Двор Ивана да Петра Аристовых. Длина пятнадцать сажен с четью, поперег четыре сажени. Дворник Петрушка Дорофеев.

Место пусто Воина Золотарева. Длина полшесть сажени, поперег пять сажен.

Двор пусто Улана Щепина. Длина семь (Л. 8) сажен, поперег шесть сажен с четью.

Двор сотника стрелецкого Степана, да Ивана, да Степана Ивановых детей Жабина. Длина четырнадцать сажен, поперег полсемь сажени. Дворник Богдашко Михайлов сын – плотник.

Двор Ивана Сурмина з братьею. Длина шесть сажен, поперег пять сажен без чети. Дворник Богдашко – стрелец.

Двор немки вдовы Анны Отоденовские жены. Длина семь сажен, поперег пять сажен с четью. Живут в нем люди ее.

Двор Ивана Яковлева сына Кафты (Л. 8 об.) рева. Длина восемь сажен, поперег семь сажен. Дворник Ивашко Федотов сын – плотник.

Двор Любимка Исаева сына Линева. Длина десять сажен, поперег полсемь сажени. Дворник Онисимко Ондреев – работной человек.

Двор князя Петра Збаретцкого. Длина тринадцать сажен, поперег семь сажен с четью. Дворник Ивашко Юрьев – портной мастер.

Двор Степана да Ивана Исаковых. Длина девять сажен, поперег восемь сажен. Дворник Фочка Гаврилов (Л. 9) – хлебник.

Двор Гаврила Осипова сына Супонева. Длина десять сажен, поперег три сажени. Дворник Богдашко Олексеев сын Жорноков.

Двор князя Петра Борятинского. Длина девять сажен, поперег шесть сажен. Дворник Ивашко – овчинник.

Двор Ивана Степанова сына Потулова. Длина полдевяты сажени, поперег тож. Дворник – пушкарь Тимошка Марушкин. Двор Рохманина Болдырева. Длина шесть сажен, поперег полтрети сажени. Дворник Семейка – нищей.

(Л. 9 об.) Двор Данила Супонева. Длина семь сажен с четью, поперег полсемь сажени. Дворник Игранашка – плотник.

Двор столника Глеба Ивановича Морозова. Длина пятнадцать сажен, поперег семь сажен без чети. Дворник Богдашка Дементьев – овчинник да Гришка Исаков сын – пастух.

Двор Федора Внукова. Длина девять сажен, поперег полдевяты сажени. Дворник Левка Петров – работной человек.

Двор ключника Офонася Родионова. Длина десять (Л. 10) сажен, поперег девять сажен. Дворник Ивашко Осипов – лняник.

Двор Федора, да Михаила, да Мини с племянники Бедаревых. Длина одиннадцать сажен без чети, поперег шесть сажен без четверти. Живет в нем пушкарь Пронка Третьяков.

Двор Данила Рожнова. Длина восемь сажен, поперег шесть сажен без чети. Дворник Куземка Иванов – портной мастер.

Двор пусто Матвея Корцова да Деевых детей Лаптева. Длина семь сажен, поперег полпяты сажени.

Двор иноземца Ивана (Л. 10 об.) Мецтака. В длину шесть сажен, поперег пять сажен без чети. Дворник Баженко – щепетилник.

Двор столника Василья Ондреева сына Колычева. В длину десять сажен, поперег шесть сажен с полусаженью. Живет в нем стрелец Ивашка – рукавичник.

Колодезь осадной. Места длина три сажени, поперег тож.

Двор пусто Ондreja Левонтьева сына Романова. В длину шесть сажен, поперег пять сажен.

Двор Тихона Степанова сына Беденекова. В длину шесть сажен, (Л. 11) поперег две сажени без чети. Живет черница.

Изда в осьпи с сеньми торговых людей Петра Ознобихина с сыном с Ивашком. В длину семь сажен без чети, поперег три сажени.

Двор Якова Писемского. В длину восемь сажен, поперег семь сажен. Дворник Дружинка – портной мастер.

Место дворовое посадских людей Ивашка Фокина, Филки Заболотново, Ондрюшки Скорнякова. Длина пять сажен, поперег три сажени. Живет Олешка Яковлев.

Двор Федосея Чейковского. В длину полдесяты сажени, поперег (Л. 11 об.) шесть сажен с четью. Дворник Степанко Лаврентьев.

Двор окольничьего Федора Левонтьевича Бутурлина. В длину десять сажен, поперег полосмы сажени. Дворник Михалко – мясник.

Двор Матвея Головцына. В длину четырнадцать сажен, поперег полшесты сажени. Живет в нем пушкарь Левка.

Двор Максима Кулнева. Длина восемь сажен, поперег семь сажен без чети. Дворник Исачко – рабочей человек.

Двор иноземца Лаврентья Красовского. (Л. 12) Длина девять сажен, поперег пять сажен с получетью. Дворник Селуянко – плотник.

Двор Ильи Кафтырева. В длину восемь сажен без получети, поперег полосмы сажени. Дворник Петрушка – портной мастер.

В осыпи избенка с сенми пуста Володимера Бу-такова. В длину четыре сажени, поперег две сажени.

У осыпи избенко с сенми Петра да Григорья Супоневых. Длина четыре сажени, поперег две сажени.

Двор Селчюка Полозова да Маковья Радкова. Длина девять сажен без чети, поперег три сажени. Дворник (Л. 12 об.) Филка – шапочник.

Двор немки вдовы Варварицы Володимеровы жены Титверово. Длина полсемы сажени, поперег четыре сажени с четью.

Двор Арсения да Ивана Полозовых. Длина полсемы сажени, поперег три сажени с четью. Живет в нем стрелец Омелка Гаврилов.

Двор Фадея Корцова. В длину полдевяты сажени, поперег полпяты сажени. Дворник Петрушка слемой.

Двор Левонтья Микитина сына Глебова. В длину семь сажен, поперег четыре сажени. Дворник Ивашко – портной мастер.

Двор Кузмы Корташова (Л. 13) да Федора Фофанова. Длина шесть сажен, поперег пять сажен. Дворник Овдокимко – овчинник.

Двор Михаила да Офонася Телцовых. Длина полсемы сажени, поперег четыре сажени. Живет старица нищая.

Двор пуст Тимофея Телцова. Длина пять сажен, поперег три сажени с четью.

Двор Тихона Мошкова. Длина шесть сажен, поперег полтрети сажени. Дворник Данилко – щепетилник.

Двор Зиновья Матцково. В длину полосьмы сажени, поперег полчетверты сажени без чети. Дворник Степанко – рабочей человек.

Место у осы[пи] (Л. 13 об.) посацкого человека Савки Надежина да Михалка Мурзина. В длину пять сажен, поперег три сажени.

Кузница пуста казенная. Места под нею три сажени, поперег полтрети сажени.

Двор Осипа Нелидова. В длину восемь сажен, поперег четыре сажени. Дворник Якушко – мясник.

Две житницы государевы пусты. Места под ними длина шесть сажен, поперег три сажени.

Две житницы ж. Длина пять сажен, поперег полторы сажени.

Двор дьяка Семейки Головина. Длина семь сажен, поперег пол четверты сажени. Живет в нем иноземец (Л. 14) Бориско Улфов.

Двор Лукьяна Немцова. В длину полсемы сажени, поперег четыре сажени. Живет в нем стрелец Васка Бодарда.

Двор Федора да Михаила Аристовых. Длина полпяты сажени, поперег три сажени. Дворник Тимошка – плотник.

Двор Ивана Чернова, да Баима, да Василья, да Кирила, да Судалея Кафтыревых, да Василья Легчанова. Длина одиннатцать сажен, поперег шесть сажен без чети. Дворница вдова Агафьица.

Двор пуст Ивана Юрьева сына Ловчикова. Длина одиннатцать сажен, поперег шесть сажен.

Двор Самсона Салманова. Длина одиннатцать (Л. 14 об.) сажен, поперег [шесть] сажен. Дворник Ивашко – коновал.

Двор Ондreja Немецкого. Длина полосмы сажени, поперег четыре сажени. Дворник Семейка Панфилов – рабочей человек.

Двор Петра да Михаила Алалыкиных. В длину девять сажен без чети, поперег шесть сажен без чети. Дворница вдова Федосьица Мелентьева.

Двор вдовы Анны Ивановские жены Колычева. В длину восемь сажен, поперег шесть сажен. Дворница черница Улея.

Двор Кадыша Кафтырева. В длину шесть сажен с четью, поперег полчетверты сажени. Дворник Тараско – сапожник.

Двор Дементья Васильева сына (Л. 15) Кафтырева с братьею. Длина девять сажен с полусаженью, поперег шесть сажен с четью. Дворник Тараско – сапожник.

Двор Олексея Полева. Длина полдевяты сажени, поперег шесть сажен. Дворник Власко Яковлев – рабочей человек.

Двор боярина Бориса Михайловича да брата его кравчево Михаила Михайловича Салтыковых. Длина четырнатцать сажен, поперег восемь сажен. Дворник Фролко – холщевник.

Двор Григория Окинфова. Длина девять сажен, поперег шесть сажен. Дворник Архипко – седелник.

Двор Онтоня Потулова з братьею. В длину полдиннатцаты сажени, поперег семь сажен. Дворник Гришка – (Л. 15 об.) щепетилник.

Двор Ивана Литвинова. Длина десять сажен, поперег полсемы сажени. Дворник Данилко – рабочей человек.

Двор немчина Юрья Волда. Длина полдиннатцати сажени, поперег пять сажен без чети.

Двор пуст Спаса Новаго монастыря, что на Москве. Длина одиннатцать сажен, поперег пять сажен без чети.

Двор Офонася Рубцова. Длина шесть сажен, поперег четыре сажени. Дворник Ивашко – ветошник.

Двор Ондreja Уланова сына Полозова, что был Ивана Головцына. Длина полдевяты сажени,

поперек четыре сажени. (Л. 16) Дворник Михалко – портной мастер. Владает по купчей со 133-го году.

Двор у осыпи Михалка Сохина. Длина пять сажени, поперек две сажени. Живет в нем Гришка Чернцов – съезжие избы пристав.

Двор пуст Прохора Кафтырева. Длина полдесяты сажени, поперек полпяты сажени.

Двор Офонася Агаркова. Длина пол шести сажени, поперек четыре сажени. Дворник Пятунка – хлебник, а бывало под тем двором место дворовое (Л. 16 об.) пушкарское.

Двор Ивана Олексеева да Максима Полозовых з братею. Длина тринадцат сажени, поперек полпяты сажени. Дворник Микитка – каменщик.

Двор пуст Ивана Ондреева сына Полозова да Василья Батинегого. Длина пятнадцат сажени с полсаженью, поперек восемь сажени.

Двор столника Василья Олексеева сына Третьякова. Длина семь сажени с четью, поперек семь сажени. Живет старица Ираида.

(Л. 17) Двор Микиты Безстужева. Длина восемь сажени, поперек три сажени. Дворник Васка Иванов – плотник.

Двор Михаила Вельяминова. Длина одиннадцат сажени с получетью, поперек полпяты сажени, а в усом месте три сажени. Дворник Титко Прокофьев – сапожник.

Келья подле осыпи черницы Достафеи. Купила у посацкого человека у Михаила – дехтяря. Длина четыре сажени с четью, поперек две сажени без чети.

Двор в [осы[пи] (Л. 17 об.) посацкого человека Илейки Гарасимова. Длина семь сажени, поперек две сажени с четью. Дворник Первушка – нищей.

Двор пуст у осыпи пушкаря Ивашка Шилы. Длина две сажени с четью, поперек две сажени.

Двор живоначальные Троицы Сергиева монастыря. Длина одиннадцат сажени с полусаженью, поперек семь сажени. Дворник Ивашко Осипов – работной человек.

Двор стрелца Федки Спиридонова. Длина пять сажени, поперек полтрети (Л. 18) сажени.

Двор у осыпи посацкого человека Ивана Боландина. Длина семь сажени, поперек две сажени.

Двор вдовы Варвары Савиной жены да вдовы Анны Володимеровы жены Матюнинских. Длина полдевяты сажени, поперек восемь сажени. Дворник Якушко – мясник.

Место пусто у осыпи костромичь Ивана Хохля, да Ивана ж, да Дружины Рубцовых. Длина полсеми сажени, поперек две сажени с четь[ю].

Двор пуст Ивашка Чер[нова] – мясника да Ивашка [Кокорева]. (Л. 18 об.) Длина четыре сажени, поперек две сажени с четью.

Двор пуст у осыпи Чесново Полозова з братею. Длина семь сажени, поперек полтрети сажени.

Двор Смирля Легчанова. Длина семь сажени, поперек пол шести сажени. Живет в нем стрелец Гришка – барышник.

Двор Смирнове Голчина. Длина полдесяты сажени, поперек шесть сажени. Двор [ник] Елисейко – горшечник.

[Двор Ивана] Голчина. Длина (Л. 19) девять сажени с четвертью, поперек семь сажени. Дворник Ивашко Гаврилов – работной человек.

Двор Осипа да Ондreja Шуваловых. Длина одиннадцат сажени, поперек шесть сажени с четью. Дворник Васка – нищей.

Двор воеводской. В длину двадцать три сажени, поперек семнадцат сажени. А строен тот воевоцкой двор городом Костромою и уездом. Из[ба] с сенми съезжая гд[е сидя]т воеводы и при[казные] (Л. 19 об.) люди. Места под нею длина десять сажени, поперек пять сажени.

От съезжей избы порозжево места к городской стене в длину шесть сажени, поперек четыре сажени, да от колоколницы три сажени с полусаженью до съезжие избы.

Под губною избою места длина пять сажени [бе] з чети, поперек три [сажени].

[У во]рот же у Спаских

(Л. 20) У осыпи изба караулная. Места под нею полтрети сажени, поперек то же. Да в городе ж тюрьма. Места под нею десять сажени, поперек десять же сажени без четверти» (ПКК: 15–31).

⁵ Так, например, названия путаются в несудимой грамоте, данной этому собору царем Федором Ивановичем 15 сентября 1586 г. взамен старой обветшавшей, данной царем Василием Ивановичем (1505–1535) и подтвержденной царем Иоанном Грозным [Островского: 195].

⁶ Поездки в Орду и подкупы ханов и ханских мурз. Это привело к появлению в Суздальской земле новых орд татар, резне. Князья то мирились, то снова ссорились.

⁷ «В Старом городе

Церковь соборная каменная во имя Пречистые Богородицы чудотворные иконы Федоровские.

А в церкви образов месных.

Образ Пречистые Богородицы Федоровские и иконостасе с притворы. А на притворех писаны празники и святые. А чудотворной образ обложен серебром. На полях шестнадцат празников льяных золоченых. Да в верхнем поле две ставки достокан лазорев да серавик. Да по сторонам повыше глав вставка жемчужная. Да по сторонам [жа] на главе два репья с камен[ь] (Л. 547 об.) и жемчюги. Да во главе сажено жемчюгом на серебряной цке. Да три камени яхонты лазоревы, да на серебряной цке. Да три камени яхонт лазорев, да три камени достоканы, да шесть вставок жемчюжных, да в исподи винниса венец серебрян сканной золочен. А около ево прядь низано жемчюгом. А в ней вставок два яхонта лазоревых, да камень достокан зелен, да три камени червцы, да две вставки раковинные, да серавик. Да у святова образа в венце

яхонт лазорев, да две вставки жемчужные, Лапа [главе вверху] корсуна серебрена сканная (Л. 548) с финифты, золочена, а в ней вставок пять яхонтов лазоревых да четыре винисы. Да посреди коруны хрусталь, да четыре серавика, да две вставки лазоревых литых. Да поверх корупы на спнях два яхонта лазоревых да бечата, а па них жемчюги бурминские, да четыре серавики, а на них жемчюги, да на исподних спнях на коруие ж десять жемчюгов. Да рясы десять прядей с лапками серебряными и з бубеньчики золочены, да прядь того ж жемчюгу в ризнице, а на ней четыре лапки да две прониски. А на десятой рясе камень лалик да два жемчюга бурминских. Да

серги [золотые], (Л. 548 об.) а на них яхонты лазоревы да четыре жемчюги бурминских. Да серги на шелку яхонт лазорев, а на них осмнатцать жемчюгов, кольца серебряны золочены. Да четверы серги камень бечета. Да серга одинакая серебрена позолочена бечета з жемчюги. Да серги камень серавик серебряны золочены. Да трой лапки серебряны золочены с камнем и с жемчюги. Да ожерелье жемчужное сажено на золотой цке. А в нем пять яхонтов лазоревых да четыре камени лалы. Да крест золот тощ. А в нем два яхонта лазоревы, да два камени лалы. Да другой крест золот же (Л. 549) с мощми. А в нем два яхонта червчаты да около прядь жемчюгу, да в наглавие яхонт лазорев. А на закрепке два жемчюга бурминских. Приклад государя царя и великого князя Михаила Федоровича всея Руси. А весу в них пятьдесят один золотник. Да крест золот с мощми. А весу в нем десять золотников. Да четыре креста малых тощих золотых. Да три креста резных обложены серебром сканью. Один золочен, а два не золочены. Да девятнатцать крестов каменных, камень аспид, обложены серебром. Да четыре креста серебряных тощих золочены. Да пять икон обложены серебром. Да два золотых (Л. 549 об.) двойных. Да дватцать пять золотых. Да бирюска обложена золотом. А низаны на пруте серебряном. Да чепь серебрена золочена, а на ней дватцать девять крестов серебряных золочены. Да крест невелик золот литой. Да девять пронизок серебряных золочены. Да сто копеек золочены, да одиннатцать копеек золочены и белых. Да чепь золотая, а в ней весу тритцать пять золотых. Да чепь серебряна. Да цата большая сканная с финифтом, а около ее прядь жемчюгу, на конце немного осыпалось, да в ней камень вареник, да две вставки раковенные большие, да две (Л. 550) вставки лазоревых литых, да две вставки зеленых литых, да тринацать больших и малых басменных на подушке.

Да пелена шита золотом. А на ней образ Пречистые Богородицы. На верху главы Деисус шит золотом да на другой стороне образа написан образ святые великомученицы Парасковей, нареченные Пятницы. Венец басменной золочен, а в нем пять

вставок червцов литых. Да ожерелье жемчужное. Да покров на зеленой земле камкаепа, а на нем плащики и жемчюги.

Да у Пречистой же прикладу государя царя и великого князя Михаила Федоровича всея Руси оглавие низано жемчюгом болшим на золотой цке. А огла(Л. 550 об.)вие сорок одно зерно

Бурминское на золотых спнях в обниси. А в оглавие камень изумруд большой, да шесть изумрудов малых в золотых гнездах, да камень лал большой, да вставка яхонт лазорев на восемь граней, да четыре яхонты болших, да десять яхонтов червчатых золотых, все в золотых гнездах, да два яхонта в гнездах золотых. Да ожерелье жемчужное большое на золотой цке, а в нем три яхонты лазоревы да два лала в золотых гнездах. Да рясы большие жемчужные восемь прядей. У рясы две колотки золотые, а в колотке по три изумруда, (Л. 551) да по два яхонта червчатых, да по двенатцати жемчюгов бурминских на золотых спнях. Да в тех же рясах шестнатцать колодок золотых в пронизи с ыскрами яхонтовыми да бирюзами. А в ысподи у ряс восемь висулок золотых з жемчюги бурминскими, и с ыскрами яхонтовыми, и з бирюски. Да цата золотая литая, а в ней шесть яхонтов лазоревых да шестнатцать яхонтов червчатых, все в золотых гнездах. Да у цаты девятнатцать жемчюгов бурминских на золотых спнях. И тот весь приклад государя царя и великого князя Михаила Федоровича (Л. 551 об.) всеа Руси.

Да у образа ж Пречистые Богородицы трой серги серебряны золочены, камень бечета з жемчюги, да сорок копеек золочены, да три креста серебряны невелики, да крест серебрян золочен тощей с мощми. Да пелена вышита на червчатом отгласе образ Пречистые Богородицы, золотой венец, а оклады, и оглавие, и ризы низаны жемчюгом, подпись у образа низана жемчюгом, около прядь жемчужная, около ее потпись, шит тропарь золотом.

Да другая пелена бархат черн, а на ней крест да дватцать две драбницы басменных серебряных золочены кругом низаны жемчюгом, подпись у креста (Л. 552) жемчужная, кругом пелены низан стих жемчюгом в два верхка, кругом прядь жемчужная в одну нить.

Покров отлас золотной, у него сорок одна драбница серебряны позолочены басмены. Два креста серебряны позолочены з жемчюги. Да семь крестов серебряных золочены. Да крест серебрян золочен с финифтом. Да девять крестов серебряных. Да серги серебряны позолочены, камень бечета з жемчюги, да серги баусы с жемчюги серебряны позолочены, да сорок семь копеек золочены, да шестдесят копеек белых.

Другой образ Пречистые Богородицы на престолные. Обложен серебром позо(Л. 552 об.)лочен басменным, на одну сторону золочен. Круг глав венец серебрян позолочен басмен, наглавие

сажено жемчугом на черной земле по изуфрю. Да у Пречистые

Богородицы ожерелье жемчужное, а у жерелья восемь пугвиц серебряны золочены з жемчюги. Да крест деревян обложен серебром. Да восемь крестов каменных аспидных обложены серебром. Да четыре креста серебряных литых золочены. Да чепь серебряна. Да сто пятнатцать копеек золочены, да семпатцать серебряных позолочены басмены.

Да пелена, а на ней вышит образ Пречистые Богородицы Воплощение, шита шелком. А поверх (Л. 553) главы вышит Спасов образ со архангелы.

Да покров шит по червчатым дорогам золотом, а позади у образа Пречистые Богородицы Федор Стратилат, да Стефан Пермской, да Тихон Чюдотворец, да Христов мученик Миня, да во облаце Троица живоначалная. А прикладу у них две цаты да осмнатцать копеек золочены.

Да в ризнице одиннатцать крестов литых больших и малых золочены. Да шесть крестов литых серебряны.

Да икона невелика стекляна обложена серебром.

Да двесте четырнатцать копеек золочены.

Да образ Пречистые Богородицы Федоровские шти листовой обложен серебром позолочепым (Л. 553 об.) басменым. У образа приклад государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русин. Надглавие низано жемчугом, а в нем вставка яхонт червчат золотом гнезде, да ожерелье жемчужное, да серги золоты яхонт голуб з жемчюги, да лапки золоты, а у них шесть прядей низано жемчугом. А в пронизи шесть яхонтов голубых, да шесть перепелков золотых, да шестнатцать басмсных, золочены. А образ Пречистые Богородицы Федоровские обложен серебром басменым, золочен, а в венце камень серавик да две бирюзы, да виниска.

Да образ Пречистые Богородицы в киоте (Л. 554) пятилистой. Обложен серебром басменым, золочен. Прикладу венец сканной с камнем да осмнатцать копеек золочены.

Да образ Федора Стратилата обложен серебром золоченым басменым, в венце бирюска, да две вставки литых, да четыре потройных серебряны позолочены.

Двери Царские на золоте на рези. Одесную страну Царских дверей возле чюдотворного образа Пречистые Богородицы образ Успения Пречистые Богородицы обложен серебром басменым, позолочены. Да четыре венца резные у Пречистой Богородицы и у Спасова образа. Да десять цат серебряных позолочены басмены да у Богородицы и у архангелов три цаты (Л. 554 об.) серебряных

басменых. Да по сторон Спасов образ прикладу цата басменная серебряна позолочена. Да четыре иконы резные обложены серебром. Да два креста резных деревяны обложены серебром, золочены. Да два креста серебряных тощие золочены.

Да крест каменной обложен серебром с камышки. Да три потройных золочены. Да четыре копейки золочены.

Да образ Иванна Предотеца на празелени. Да у Предотеца пелена бархат черн рыт, а на ней крест площадной. Да дватцать девять плащиков серебряны золочены басмены.

Да образ Преображение (Л. 555) Господне на празелени. У него пелена бархат червчат рытой, а на пелене крест плащаной дватцать девять плащиков серебряных золочены, а около креста подпись, а кругом плащиков обнизан жемчугом, а опушена пелена отласом червчатым.

Да образ Пречистые Богородицы Одигитрия на празелени. У ней пелена бархат черной глаткой, а на ней крест плащаной, да сорок шесть плащиков серебряны, опушена бархатом червчатым рытым. А промеж теми пеленами камка белая.

Да образ Федора Стратилата на празелени.

Да образ Троицы Живоначалные в деаньех на красках. (Л. 555 об.) У него прикладу три цаты серебряны позолочены басмены. Да три плащи серебряных позолочены басмены.

Да образ Похвалы Пречистой Богородицы з деаньем на золоте, прикладу две цаты серебряны позолочены басмены.

У Троицы Живоначалной пелена отлас зелен на золоте, а на ней крест шит серебром, а опушена пелена киндяком черным.

А у Похвалы Пречистой Богородицы пелена тафтица красная, крест шит серебром, а подпись и около пелены шиты золотом, а опушка зендениная темно-синя.

Да образ преподобных отец Кирила Белозерского да Макария Желтоводцкого. (Л. 556) А промеж ими Живоначалная Троица на красках на одной цке. А у них прикладу по цате серебряны позолочены басмены.

Да образ святые великомученицы Парасковей, нарицаемые Пятницы, на краске. Прикладу три цаты серебряные позолочены басмены.

Два Евангелия на престолные обложены серебром басменым с евангелисты серебряными, позолочены, чеканны, з застешки серебряными. Одно печатное, другое писменое.

Крест воздвизалной обложен серебром, позолочен, чеканным с камнем, один камень яхонт да семь (Л. 556 об.) камней простых.

Да другой крест воздвизалной обложен серебром басменым а в нем две бирюзы да два червца.

Да сосуды церковные потир, дискос, лжица да звезда серебряны, да два блюда оловяные, кадило серебряное, да подсвешник серебряной, яблока золочены. Три паникадила медных – одно решетчатое с кистью шелковою, а другою лошчатое а третее о шти шанданех малое.

Да перед месным образом перед Пречистою Богородицею Федоровскою ломпада медная с неуга-

симою свечою над подсвешнике железном да чаша медная (Л. 557) со святою водою.

Да у Пречистые ж Богородицы Федоровские Деисусы празники и пророки и праотцы. А перед Деисусы, и перед празники, и перед пророки, и перед праотцы подсвешники деревянные посеребрены на железных шанданех. А Деисусы, и празники, и пророки, и праотцы данье государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси.

Да образ посторонь столпа правого крылоса Страшной суд на краске.

Да в соборной же церкви Пречистые Богородицы две херугови. Одна шита по червчатым дорогам образ Пречистые Богородицы Федоровские, а по другую сторону Успение Пречистые Богородицы шито по червчатой земле золотом и серебром (Л. 557 об.) по обеим сторонам. А потпись около образов трепари, шиты шелком белым. А другая херуговь на червчатом мухояре нашит образ Пречистые Богородицы по обе стороны, ветха. Да два кадила медных.

Да в ризнице ризы отласные болшие по червчатой земле круги золотыми, оплечье сажено жемчюгом по черному бархату. Да патрахель отлас таусинной сажена жемчюгом с пугвицы серебряными позолочеными. А на ней дватцать две пугвицы, кисти накищены шолком з золотом и з серебром, да поручи шиты золотом и серебром с пугвицы серебряными позолочены, а у них осмнатцать пугвиц.

Стихарь кушашной (Л. 558) полосатой ветх.

Да ризы камчатые белые ветхи. На них оплечье бархат по зеленой земле золотной.

Стихарь миткалинной ветх да патрахель бархат цветной, а на нем семь крестов сажены жемчюгом да шестнатцать пугвиц серебряных позолочены.

Да ризы дорогинные белые, на них оплечье золотной бархат на вишневой земле ветх.

Ризы камчатые цветные ветхи. Оплечье отлас золотной ветх.

Патрахель бархат на золоте на вишневой земле ветх.

Да ризы миткалинные ветхи. Оплечье бархат червчат цветной ветх.

Патрахель шита шелки розными с кистми шолковымими.

Да ризы миткалинные (Л. 558 об.) ветхи. Оплечье бархат на золоте на зеленой земле.

Да ризы миткалинные ветхи. Оплечье камкасея цветная ветха.

Ризы полотняные. Оплечье шито золотом да серебром.

Ризы полотняные. Оплечье полубархатное на зеленой земле.

Двои ризы миткалинные ветчанные. Оплечье бархат червчат, а у других цветной.

Да стихарь дяконской камка белая. Оплечье бархат золотной по червчатой земле, уларь бархат червчат золотной.

Да стихарь миткалинной ветх. Оплечье бархат золотной, уларь бархатной по червчатой земле.

Да шестеры ризы полотняные. Оплечье у них выбойчатые ветхи.

(Л. 559) Да четыре стихаря подризных ветхи. Оплечье выбойчатые.

Да стихарь миткалинной ветх. Оплечье бархат цветной.

Да пять сунков служебных, два тавтяных, а три бархателных, накищены.

Да ризы миткалинные. Оплечье полубархатное полосатое по зеленой земле.

Да воздух служебной тавтян червчат. Шиты святы шолки, обложен тавтою лазоревою.

Два покровы кутняные лазоревы, по сторонам и в середке шиты святы. Пелена престолная по вишневой земле золотная.

Три пояса служебных шелковых да четыре пояса служебных нитяных.

Да пятеры поручи, двои бархат золотной по вишневой земле ветх, да поручи дорогилные пол(Л. 559 об.)осатые, поручи отлас зелен ветх, да поручи гвоздишная камка, да шесть ширинок миткалинных шиты золотом и серебром, накищены шолком, и золотом, и серебром.

Да в ризнице ж два креста древяных обложены серебром.

Икона каменная обложена серебром да две иконы раковинных обложены серебром, одна с камнем и с жемчюгом, шесть икон писаных по хрусталу обложены серебром.

Девять крестов серебряных позолочены. Два креста тощих серебряных озолочены.

Ожерельце жемчюжное, десять камней бижут и хрусталиев.

Четыре (Л. 560) евангелиста серебряных позолочены.

Образ Спасов литой серебрян позолочен.

Ноугородок золоченых, и потройных, и белых копеек дватцать девять золотников да цаг целых, и ломаных, и мелких, весу в них фунт тритцать девять золотников.

А Онтоней протопоп сказал, ноугородки золоченые, и белые и потройные дватцать девять золотников и цагы ломаные и мелкие фунт тритцать девять золотников отданы де окладывать образ местной Успение Пречистые Богородицы.

Да воздух отлас серебрян, кругом обложен отласом золотным.

Два покровца отлас золотной на червчатой земле, обложены участком золотным.

(Л. 560 об.) Покров на престолной на червчатой земле, обложен участком серебряным тканой золотной. А на нем крест тканой золотом и серебром.

Пелена отлас золотной по золоченой земле. На ней крест золото с серебром.

Да пятеры ризы камчатые белые. У риз оплечье отлас золотной по таусинной земле, а у других от-

лас золотной по червчатой земле, у третьих оплечье отлас золотной по белой земле, у червчатых оплечье отлас золотной по вишневой земле, у пятых риз оплечье отлас золотной по зеленой земле.

Патрахель участок серебрян, у ней шестнатцать пуговиц серебряных, у ней же одиннатцать кистей (Л. 561) золото с серебром с шелки разными.

Две патрахели камка вишнева золотная. А у них по пятинацати пугвиц серебряных, кисти шелковые з золотом.

Две патрахели бархат травной. У них по пятинацати пугвиц серебряных, кисти шелковые з золотом.

Два стихаря дьяконских белые камчатые. Оплечье у одново отлас золотной по белой земле, у друго оплечье отлас золотной по вишневой земле.

Стихарь подризной тафта белая. Оплечье отлас по зеленой земле да четыре стихаря миткалинные белые подризных. У стихарей оплечье камкасея, поручи участок новые серебряные.

(Л. 561 об.) Двои поручи отлас золотной по вишневой земле. Двои поручи бархат вишнев по белой земле, пугвицы серебряные. У всех уларь отлас золотной по вишневой земле, уларь бархат вишнев по белой земле.

Пять поясов шолковых черлены да зелены, да индинья па престоле бархат цветной на желтой земле, а около ее камочка лазорева. Да на жертвнике бархат двоеличон на желтой земле; а около ее камочка зелена.

Ризы камка белая, оплечье бархат золотной по червчатой земле.

Стихарь камка белая, оплечье бархат таусинной двоеличон по рудожелтой земле.

Патрахель бархат червчат (Л. 562) по серебру, десять пугвиц да четыре чашки серебряные, позолочены, кисти шелковы, уларь бархат черной по вишневой земле с кистми шелковыми.

Да пелены у образов государева ж царева и великого князя Михаила Федоровича ввсера Русин данья. У образа у Троицы пелена камка лазорева с светло-зеленою камочкою, опушена, а на ней крест киндяк червчат. У образа Похвалы Пречистые Богородицы пелена камка бела, опушка камка лазорева, крест киндяк червчат.

У образа Кирила Белозерского да Макарья Желтоводцково пелена камка лазорева, опушена (Л. 562 об.) белою камкою, крест киндячной.

У образа святые Пятницы пелена камка лазорева, опушена зеленою камкою.

Пелена в пределе у Федора Стратилата на престоле камка зелена, опушена камочкою лазоревою.

Да стихарь дьяконской миткалинной белой, оплечье бархатель лазорева. Да воздех, да два покровца служебных камка вишневая двоелична, травы зелены, опушены лазоревою камкою.

Евангелие напрестолное печатное, в десть, по обрезу золотом, цка серебряная резная. Распятие

и евангелисты чеканные позолочены, застешки (Л. 563) серебряные с финифтом. А другие цка и плащи серебряные резные. Покрыто отласом золотным на червчатой земле.

Крест воздвизалной с мощми серебрян, золочен, сканной с финифты. Распятие чеканное, а у него четыре камени яхонты лазоревы да четыре камени лалы, а в нем шестнатцатеры мощи. Около креста обнизано жемчугом.

Кадило серебряное чеканное, золочено, с поддоном, чеи серебряные, позолочены.

Да сосуды служебные потыр да дискос.

Два блюда, да звезда, и копие все серебряное, позолочено.

Да паникадило большое о штинацати шанданех, а у него яблоко (Л. 563 об.) стекляное, обложено серебром чеканным, золочено. Чашка сажена жемчугом, ворворка золотная, кисть у чашки золото да шелк. Да другое паникадило об осмнатцати шанданех. Третье о двунатцати шанданех. Оба бес кистей.

А те воздухи, и покровы, и ризы, и патрахели, и стихари и поясы, и улары, и поручи, и пелены, и евангелия, и крест и кадило, и сосуды, и паникадило – данье государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси.

Да ризы камка травы желты по красной земле, оплечье бархат золотной цветной с шелки разными, опушка камка светло-зе(Л. 564)леная.

Да в церковной же казне была государева данья бархатели дватцать четыре аршина. В той же бархатели зделано в теплой церкви и в пределе Федора Стратилата две индиги да страчица на налой.

Да в казне же шестнатцать золотых, и ис тех золотых вынято два золотых на оклад на позолоту, золотить Успение Пречистые Богородицы месной образ. А осталось в казне четырнатцать золотых, да две денги золотых, да два шкиля серебряных позолочены.

Да в ризнице остатков четверть аршина бархату цветнова лазоревого по рудожелтой земле, да бархату червчатого по серебру с четверть (Л. 564 об.) аршина, да остатков же камочек в розни зеленые и светло-зеленые камочки два аршина, да остатков цветной камочки с четь аршина, да лазоревой камочки в розни с четь аршина, да киндяку светло-зеленова с четь аршина.

Да книг Минеи месечных в переплете писмянных девять книг, да печатных книг Минеи же четьре в переплете, да прошлого во весь год четьре книги, да Треодь Посная переплетена на две книги, да Треодь Цветная переплетена две книги, два Охтая печатных, Апостол печатной, да четьрих книг Евангелие Толковое печатное, две книги (Л. 565) Соборники в десть, два Служебника печатных, три Служебника писменных, Потребник печатной, другой писменной, две книги Псалтыри печатные, третья писменная, Часовник в четверть, две книги Канунники в четверть, третья в полдесть, ветха,

а в них освещений церквам Потребник невелик, в поддесть, два Устава, один печатной, а другой писменной, два Ермолая в четверть да в тетратех, книг Охтай пятого гласу печатной, Минея месяц февраль, да Минея

ж обща печатная, да Трефолой писмянной, да книга Потребник печатной в поддесть. (Л. 565 об.)

Да у Пречистые Богородицы у соборные церкви предел Федора Стратилата.

А в пределе Федора Стратилата образ Федора Стратилата на краске, а у него цапа басменная невелика.

Другой образ Федора ж Стратилата на краске ж. Двери Царские да Деисус ветх, шесть икон.

Да над Западными дверми кружало, на нем написано Воплощение Пречистые Богородицы, да Трех святителей Василия Великого, Григория Богослова, Ивана Златоустого, да московских чудотворцов Петра и Алексея, Ионы.

Да над другими дверми кружало, а на нем Спасов образ да Пречистые Богородицы, да Ивана Предотеча, (Л. 566) да Михаила Малейна, да Антония великого.

Да теплая церковь Похвалы Пречистые Богородицы.

А в ней местной образ Похвалы Пречистые Богородицы на празелени.

Двери Царские на краске ж да свеча деревянная писана красками.

Да на колоколнице колоколов. Колокол большой благовестной в двесте пуд, дань государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси, колокол дватцать четыре пуда, колокол пятнатцать пуд, два колокола восемь пуд, два колокола малых по четыре пуда.

Да в ризнице крест камень аспид, обложен, позолочен, з жемчюги. Да два креста, один (Л. 566 об.) тощей, а другой литой, серебряны, позолочены.

Икона хрустальная, обложена серебром с жемчюгом.

Да дватцать девять крестов серебряных малых и больших литых, Да крест тощей серебрян невелик.

Да серешки камень лалик золоты с жемчюги.

Да у образа Пречистые Богородицы пелена камка червчата, опушена камкою лазеревою, крест шит золотом, а подпись у креста сажена жемчюгом.

Да крестов серебряных незолоченых шестнатцать, да золоченых два креста з жемчюги, да шесть крестов золоченых, да крест тощей, да крест аспидной обложен серебром золочен з жемчюги. (Л. 567) Да серги бечета з жемчюги. Да после отписных книгах в прибыли десять крестов белых серебряных, четыре креста

серебряны позолочены, да крест аспидной з жемчюги, да золотой.

Да копеек позолочелых дватцать две копейки, да денга золотая, да два потройных золоченых, да цат целых и ломаных, весу в них восемь золотников.

Да в церковной же казне в ризнице государевых жалованных грамот. Грамота жалованная государя царя и великого князя Федора Ивановича всеа Руси, да жалованная грамота тарханная государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Рус[ии, да] (Л. 567 об.) грамота жалованная ружная, по чему емлют денги и хлеб, жалованье государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси, да грамота государева, что имал подводы под святые воды, как поедут к Москве к государю со святыми водами, да выпись з дозорных книг Дея Чередова да подьячего Рохманина Болдырева» [ПКК: 257–268].

⁸ Позже это будет подтверждено результатом археологических исследований 2016–2017 гг.

⁹ В 1409 г., во время нашествия хана Эдигея, Василий Дмитриевич, не успев собрать достаточную рать, оставил в Москве Владимира Андреевича, а сам с супругой и детьми отбыл в Кострому, надеясь на крепкие стены и верность жителей, а также на помощь местной святыни [Никоновская летопись 10: 208]. Между тем Эдигей приблизился к Москве и, узнав об отъезде великого князя в Кострому, отправил для преследования его к Костроме тридцатитысячную рать. Татары опустошили многие города: Переславль-Залесский, Ростов, Дмитров, Серпухов, Нижний Новгород, Городец и другие; сожгли их, ограбили церкви и монастыри, захватили пленными множество жителей, но до Костромы не дошли и возвратились назад [Карамзин 5: 195; Никоновская летопись 11: 23–24; Щербатов 4, ч. 1: 190].

¹⁰ Здесь и далее в подобных случаях цитирования текст выделен курсивом нами.

Список литературы

Беляев И. Статистическое описание соборов и церковей Костромской епархии, составленное на основании подлинных сведений, имеющихся по духовному ведомству, членом Костромского губернского статистического комитета, кафедрального Успенского Собора Протоиереем Иоанном Беляевым. СПб.: Типография Почтового Департамента, 1863. 202 с.

Виноградов А.И. История кафедрального Успенского собора в губ. гор. Владимире. Владимир: Типо-литография Губернского Правления, 1905. 215 с.

Диев М.Я. Историческая записка о г. Костроме: черновая рукопись из библиотеки А. Титова. № 4019 // Библиотека Общества любителей древней письменности в Петербурге, 1889.

Иконников В.С. Опыт русской историографии. М., 1908. Т. 2. 1116 с.

Карамзин Н.М. История государства российского. СПб.: Военная типография Главного штаба Его Императорского Величества, 1817. Т. 4. 494 с.; Т. 5. 592 с.; Т. 6. 486 с.

Козловский А.Д. Взгляд на историю Костромы. М.: Тип. Николая Степанова, 1840. 203, [1] с.

Крживоблоцкий Я. Материалы для геогр[афии] и статистики России. Костромская губерния. СПб., 1861. 638 с.

Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М.: Наука, 1984. 353 с.

Лебедев Д.И., прот. История соборных храмов Феодоровского и Успенского в городе Костроме в связи с повестью о Феодоровской иконе Богоматери, краткой историей и топографией древнего города. Кострома, 2010. 175 с.

Островский П.Ф. Историческое описание Костромского Успенского собора. М., 1855. 256 с.

Павлинов А.М. История русской архитектуры. М., 1894. 265 с.

Писцовая книга г. Костромы 1627/28 – 1629/30 гг. (ПКК). Кострома: Костромаиздат, 2004. 438 с.

Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 1. Лаврентьевская и Троицкая летописи. СПб., 1846. 392 с.

ПСРЛ. Т. 3. Новгородская летопись. СПб., 1841. 320 с.

ПСРЛ. Т. 7. Летопись по Воскресенскому списку / подг. к изд. Я.И. Бердниковым, А.Ф. Бычковым; под ред. А.С. Норова. СПб., 1856. 358 с.

ПСРЛ. Т. 10. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновской летописью. СПб., 1885. 250 с.

ПСРЛ. Т. 15. Тверская летопись. Рогожский летописец. СПб., 1863. 504 с.

ПСРЛ. Т. 18. Летопись Симеоновская. СПб., 1913. 321 с.

Радеева О.В. Сказание о Федоровской иконе Пресвятой Богородицы в книжной культуре России XVII–XVIII вв.: дис. ... канд. истор. наук. М., 2011. 369 с.

Труды IV Областного историко-археологического съезда в Костроме в июне 1909 г. Кострома, 1914. 129 с.

Феодоровский образ Пресвятой Богородицы: сказание в иконе / сост. Е.Л. Тихомирова. М.: ГРАНД-Холдинг, 2009. 71 с.

Щербатов А.М. История российская от древнейших времен. Т. 4. Ч. 2. СПб.: Императорская Академия наук, 1783. 544 с.

References

Belyaev I. *Statisticheskoe opisanie soborov I cerkvey Kostromskoy eparhii, sostavlennoe na osnovanii podlinnykh svedeniy, imeyuschihsy po duhovnomu vedomstvu, chlenom Kostromskogo gubernskogo statisticheskogo komiteta, Kafederalynogo Uspenskogo sobora Protoireem Ioannom Belyaevym* [Statistical description of cathedrals and churches of the Kostroma diocese, compiled on the basis

of authentic information available for the spiritual Department, a member of the Kostroma provincial statistical Committee, the Cathedral of the assumption Cathedral Archpriest John Belyaev]. St. Petersburg: Printing office of the Postal Department, 1863, 202 p. (In Russ.).

Vinogradov A.I. *Istoriya Kafederalynogo Uspenskogo sobora v gub.gor. Vladimire* [History of the Cathedral of the assumption in Vladimir gubernia]. Vladimir: Typo-lithography Of The Provincial Government, 1905, 215 p. (In Russ.)

Diev M.Ya. *Istoricheskaia zapiska o g. Kostrome: chernovaia rukopis' iz biblioteki A. Titova* [Historical note about Kostroma: draft manuscript from the library of A. Titov], № 4019. *Biblioteka Obshchestva liubiteli drevnei pis'mennosti v Peterburge* [Library Of the society of lovers of ancient writing in St. Petersburg], 1889. (In Russ.)

Ikonnikov V.S. *Opyt russkoy istoriografii* [Experience of Russian historiography]. Moscow, 1908, vol. 2, 1116 p. (In Russ.)

Karamzin N.M. *Istoriia gosudarstva rossiiskogo* [History of the Russian state]. SPb., Voennaia tipografiia Glavnogo shtaba ego Imperatorskago Velichestva Publ., 1817, vol. 4, 494 p.; vol. 5, 592 p.; vol. 6, 486 p. (In Russ.)

Kozlovsky A.D. *Vzgliad na istoriiu Kostromy* [View on the history of Kostroma]. М., Тип. Nikolaia Stepanova Publ., 1840, 203 p. [1] (In Russ.)

Krzywoblocki Ya. *Materialy dlia geogr[afii] i statistiki Rossii. Kostromskaia guberniia* [Materials for geography[afii] and statistics of Russia. Kostroma province]. SPb., 1861, 638 p. (In Russ.)

Kuchkin V.A. *Formirovanie gosudarstvennoi territorii Severo-Vostochnoi Rusi v X–XIV vv.* [Formation of the state territory of North-Eastern Russia in the X–XIV centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1984, 353 p. (In Russ.)

Lebedev D.I., prot. *Istoriia sobornykh khramov Feodorovskogo i Uspenskogo v gorode Kostrome v sviazi s povest'iu o Feodorovskoi ikone Bogomateri, kratkoi istoriei i topografiei drevnego goroda* [History of the Cathedral churches of Feodorovsky and Uspensky in the city of Kostroma in connection with the story of the Feodorovsky icon of the mother of God, a brief history and topography of the ancient city]. Kostroma, 2010, 175 p. (In Russ.)

Ostrovsky P.F. *Istoricheskoe opisanie Kostromskogo Uspenskogo sobora* [Historical description of the assumption Cathedral in Kostroma]. М., 1855, 256 p. (In Russ.)

Pavlinov A.M. *Istoriya russkoy arhitektury* [History of Russian architecture]. Moscow, 1894, 265 p. (In Russ.)

Pistsovaia kniga g. Kostromy 1627/28 – 1629/30 gg [Scribe the book of the city of Kostroma 1627/28 – 1629/30 from Kostroma]. Kostroma, Kostromaizdat Publ., 2004, 438 p. (In Russ.)

PSRL. Vol. 1. *Lavrent'evskaia i Troitskaia letopisi* [Laurentian and Trinity Chronicles]. St. Petersburg, 1846, 392 p. (In Russ.)

PSRL. Vol. 3. *Novgorodskaya letopis'* [Novgorod chronicle]. St. Petersburg, 1841, 320 p. (In Russ.)

PSRL. Vol. 7. *Letopis' po Voskresenskomu spisku* [Chronicle of the Sunday list], prep. for publ. by Ya.I. Berednikov, A.F. Bychkov, ed. by A.S. Norov. St. Petersburg, 1856, 358 p. (In Russ.)

PSRL. Vol. 10. *Letopisnyj sbornik, imenuemyj Patriarsheju ili Nikonovskoy letopis'u* [Chronicles collection, called Patriarchal or Neither-konovsky chronicle]. St. Petersburg, 1885, 250 p. (In Russ.)

PSRL. Vol. 15. *Tverskaia letopis'. Rogozhskii letopisets* [Tver chronicle. Rogozhsky chronicler]. St. Petersburg, 1863, 504 p. (In Russ.)

PSRL. Vol. 18. *Letopis' Simeonovskaya* [Simeon's Chronicle]. St. Petersburg, 1913, 321 p. (In Russ.)

Radeeva O.V. *Skazanie o Fjedorovskoy ikone Ghesvyatoy Bogorodicy v knizhnoy cul'ture Rossii*

XVII–XVIII vv. [The Legend of the Fedorov icon of the most Holy Theotokos in the book culture of Russia of the XVII–XVIII centuries]: dissertation of the candidate of historical Sciences. Moscow, 2011, 369 p. (In Russ.)

Trudy IV Oblastnogo istoriko-arheologicheskogo s'ezda v Kostrove v ijuune 1909 [Proceedings of the IV Regional historical and archaeological Congress in Kostroma in June 1909 Kostroma, 1914], 129 p. (In Russ.)

Feodorovskiy obraz Presvyatoy Bogorodicy: skazanie v ikone Feodorovsky mother of God: the legend of the icon, comp. E.L. Tikhomirov. Moscow, GRAND-holding, 2009, 71 p. (In Russ.)

Shcherbatov A.M. *Istoriya rossiyskaja ot drevneyshyh vremen* [History of Russia from ancient times], vol. 4, part 2. St. Petersburg, Imperial Academy of Sciences, 1783, 544 p. (In Russ.)

СТРУКТУРА МУНИЦИПАЛЬНОЙ ВЛАСТИ В СРЕДНЕВЕКОВОМ КЕМБРИДЖЕ

В настоящее время город Кембридж ассоциируется в большей степени с университетом. Действительно, школяры появились в городе еще в XIII в. С этого времени жизнь университета и города оказалась тесно переплетенной. Появление внутри городского сообщества университета, безусловно, внесло свои коррективы в жизнь Кембриджа, в том числе и в функционирование местной администрации, ее структуру. В данной работе мы рассмотрели проблему становления и развития структуры муниципальной власти в средневековом Кембридже, выявили особенности местной администрации. Наше исследование показало, что к концу XV в. город обладал достаточно разветвленной системой муниципального самоуправления. Во главе корпорации находился мэр, существовал коллегиальный совещательный орган – Совет 24-х. Действовали казначей, бейлифы, коронер и рекордер. Это давало возможность городу самостоятельно решать вопросы социально-экономического, контрольно-административного характера. К особенностям же местной администрации, на наш взгляд, следует отнести: деятельность согласительных коллегий из представителей обоих сообществ – города и университета, существование принципалов в муниципальных домах, в которых проживали школяры, а также достаточно раннее появление в структуре городской власти совещательного органа при основных должностных лицах корпорации. Указанные особенности администрации Кембриджа следует связать с нахождением в пределах городской черты «ученого сообщества», необходимостью местным властям выстраивать с ним свой диалог.

Ключевые слова: органы муниципального самоуправления, средневековый город, университет, корпорация.

Информация об авторе: Гусева Марина Александровна, кандидат исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Ивановская государственная сельскохозяйственная академия имени Д.К. Беляева», г. Иваново, Россия.

E-mail: gmar@inbox.ru

Дата поступления статьи: 23.03.2020.

Для цитирования: Гусева М.А. Структура муниципальной власти в средневековом Кембридже // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 2. С. 36–41. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-36-41.

Marina A. Guseva

Belyayev Ivanovo State Agricultural Academy

THE STRUCTURE OF MUNICIPAL GOVERNMENT IN MEDIEVAL CAMBRIDGE

Currently, the town of Cambridge is associated more with the university. Indeed, students appeared in the town as early as in the 13th century. Since that time, the life of the university and the town have been closely intertwined. The appearance of the university within the town community, of course, made its own adjustments to the life of Cambridge, including the functioning of the local administration, its structure. In this research, we examined the problem of the formation and development of the structure of municipal authority in medieval Cambridge, revealed the features of the local administration. Our study showed that by the late 15th century, the town had a fairly ramified system of municipal self-government. At the head of the corporation was the mayor; there was a collegial deliberative body – the Council of the 24. There were treasurers, bailiffs, a coroner and a recorder. This enabled the town to independently resolve issues of a socioeconomic, control and administrative nature. The peculiarities of the local administration, in our opinion, include the activities of conciliatory colleges from representatives of two communities – the town and the university. The existence of principals in the municipal houses in which the students lived. And also a rather early appearance in the structure of town power of an advisory body under the main officers of the corporation. These features of the Cambridge administration should be explained by the existence of a «scientific community» within the town limits, the need for local authorities to build their dialogue with it.

Keywords: municipal authorities, medieval town, University, corporation.

Information about the author: Marina A. Guseva, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Belyayev Ivanovo State Agricultural Academy, Ivanovo, Russia.

E-mail: gmar@inbox.ru

Article received: March 23, 2020.

For citation: Guseva M.A. The structure of municipal government in medieval Cambridge. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 2, pp. 36–41 (In Russ.). DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-36-41.

Город Кембридж расположен на реке Кем в восточной части Англии и является административным центром одноименного графства. В настоящее время он представляет собой формулу «город в университете» и воспринимается как составная часть «ученого сообщества». Действительно, школяры появились в Кембридже еще в XIII в. С этого времени жизнь университета и города оказалась тесно переплетенной. В этой связи интересным представляется рассмотреть становление и развитие собственно городских органов самоуправления средневекового Кембриджа, выяснить, как повлияло на данный процесс соседство с «ученым сообществом».

В зарубежной медиэвистике различные аспекты жизни городов Англии изучены достаточно полно. Социально-экономическая история английских средневековых городов хорошо исследована в отечественной историографии [см., например: Евсеев 2019: 10–49]. Проблема развития муниципального самоуправления в Англии в Средние века также получила определенное освещение [см., например: Гусева 2005: 18–19]. Однако данный вопрос, на наш взгляд, остается еще недостаточно изученным, в частности, с позиции взаимоотношений различных социальных сообществ, вынужденных существовать в пределах одной городской черты, как это было в Кембридже.

Так, общие аспекты жизни английских провинциальных городов рассмотрены В. Хоскинсом [Hoskins]. Вопросы организации обучения в Кембриджском университете изучены в работе Ч. Брука [Brooke]. Происхождение университетов Кембриджа и Оксфорда, их управление, колледжи, хостелы, общие проблемы во взаимоотношениях между данными «учеными сообществами» и церковью, городом исследованы в труде А. Коббена [Cobban 1988]. Этот же автор обратил свое внимание на отдельные аспекты университетской жизни в Средние века, в том числе на взаимоотношения с городской средой [Cobban 2004]. Однако в центре внимания А. Коббена находились в большей степени вопросы организации повседневной, бытовой жизни города и университета, например уборка и мощение улиц, деятельность колледжей, общежитий для школяров, сопутствующих ремесел (переплетчиков, торговцев канцтоварами). В отечественной историографии тема университетской жизни средневековой Англии также получила свое освещение. В частности, эволюцию взаимоотношений английских университетов с церковью, государством и городской средой в XIII – первой половине XV вв. исследовал А.В. Лычагин [Лычагин]. Проблемы становления данных «ученых сообществ», их отношения с церковью в XIII–XIV в. изучены В.А. Евсеевым, М.Н. Панютиной [Евсеев, Панютина]. Классовую борьбу в городах Восточной Англии в XIV в., кото-

рая захватила и Кембридж, исследовала А.А. Кириллова [Кириллова].

В нашей работе мы рассмотрим вопросы становления и развития структуры муниципальной власти в средневековом Кембридже, установим влияние университета на ее формирование, выявим особенности местной администрации.

В качестве методологической основы исследования были использованы сравнительно-исторический, обобщающий, проблемно-хронологический методы изучения исторических закономерностей через их конкретные проявления.

Основными источниками для данного изыскания послужили «Анналы Кембриджа» и издание «Хартий города». «Анналы» представляют собой краткие погодные записи значимых событий из жизни городского сообщества: отчеты казначеев, сообщения о выборах должностных лиц города, выдержки из муниципальных хартий, королевских писем и посланий, жалобы и взаимные претензии корпорации Кембриджа, университета [Cooper]. В работе использован только первый том издания, рассказывающий о жизни города с VII по XV в. Другой источник – это хартии Кембриджа, представленные на латинском языке, с параллельным их переводом на английский. Документы охватывают период с XIII по XVI в. [The Charters].

Известно, что первое поселение на месте современного Кембриджа появилось еще в доримский период. Впоследствии римляне возвели здесь крепость и мост через реку Грант. Первоначально город носил имя Грантебридж. В 870 и в 1010 г. он подвергался разорению войсками датчан [Cooper: 14–15]. В 955 г. территория города перешла к монастырю святой Этелдреды. Однако уже в 1068 г. Вильгельм Завоеватель, воздвигнув недалеко от современного Кембриджа замок, вернул город в королевское владение [Cooper: 17]. С конца XI в. он стал именоваться Кембриджем, а река – Кем.

В 1101 г. город приобрел свою первую фирму. Она представляла собой обязательный ежегодный платеж монарху, который собирался жителями самостоятельно. Обладание фирмой существенно ограничивало компетенцию королевских и сеньориальных чиновников в Кембридже. Впоследствии город мог претендовать на другие дополнительные привилегии, в том числе и в вопросах самоуправления.

В отдельные периоды истории размер фирмы был разным. Так, в 1185 г. он составил 300 марок серебром и одну золотом. В 1207 г. – 40 фунтов серебряной монетой и 20 фунтов обычной монетой. В 1332 г. – 67 фунтов. А после участия Кембриджа в восстании Уота Тайлера фирма была увеличена до 105 марок (около 70 фунтов) [Cooper: 22, 28, 86, 126].

Документальные свидетельства о существовании в Кембридже собственно муниципальной

администрации мы находим с начала XIII в. Однако, вероятно, и до этого времени в городе действовали «свои» должностные лица. Об этом свидетельствует как получение Кембрижем фирмы, так и возможность иметь свою торговую гильдию (*Gilda Mercatoria*). Данное право город приобрел в 1201 г. [Cooper: 31–33]. Отметим, что именно гильдия нередко выступала основой для формирования собственно муниципальных органов самоуправления. Вероятно, в случае Кембриджа мы встречаем подобный пример. Так, упоминание представителей гильдии в ранних хартиях Кембриджа фактически эквивалентно «муниципальному сообществу».

Первую свою хартию город получил в 1201 г. Однако отправной точкой формирования собственно местных органов самоуправления, на наш взгляд, следует считать 1207 г., когда Кембридж приобрел уже вторую хартию.

В частности, в более раннем документе представители города – шериф, или «*reeve*», Кембриджа – указаны в качестве должностных лица монарха, обязанных информировать его о возможных притеснениях членов торговой гильдии [The Charters: 5–6]. В хартии же 1207 г. «*reeve*», или «*prepositus*», то есть «вышестоящий или начальник», упоминаются уже как лица, выражающие интересы города и его жителей [The Charters: 7–9]. Поэтому нам представляется более верным начинать отсчет становления городского самоуправления в Кембридже с 1207 г.

Также заметим, что в ранний период истории в документах города встречается информация как об одном, так и о нескольких главах сообщества. Наименование их также разнится. В частности, с 1212 по 1224 г. упоминаются несколько «*reeves*», а в 1215 и 1218 г. – бейлифов Кембриджа [Cooper: 33, 35–39]. Существование коллегиального управления муниципальным сообществом было довольно распространенным явлением для средневековых городов Англии. Например, во главе Шрусбери до XVII века находились двое бейлифов, а в епископском Беверли действовала коллегия из 12-ти управляющих [Beverly, Brooke]. Вероятно, и в Кембридже в определенные периоды истории существовало несколько центральных должностных лиц, название которых менялось. При этом функции, полномочия указанных чиновников оставались теми же. Данные главы города избирались местными жителями самостоятельно. Об этом нам сообщает хартия 1227 г. [The Charters: 13–15].

С 1231 г. муниципальное сообщество Кембриджа возглавил мэр. К этому же времени относится одно из первых документальных свидетельств нахождения в городе университета. Так, указ Генриха III от 1231 г. постановил, что все школяры «ученого сообщества», находившиеся в Кембридже, должны быть прикреплены к магистрам, а не

нашедшие себе наставника – изгнаны из города. Владельцы сдаваемых школярам муниципальных квартир обязывались не повышать ренту в течение всего срока найма. Контроль над исполнением указа возлагался на мэра, бейлифов и двух университетских магистров, двух горожан. Подобное королевское послание встречается и под 1265 г.

Безусловно, решить проблему контроля над пришлыми людьми в городе силами только мэра и бейлифов было невозможно. Требовалось более широкое привлечение местных жителей. В частности, в хартии Кембриджа 1268 г. говорилось о необходимости избрания в каждом муниципальном квартале двух уважаемых горожан, которые контролировали нахождение на своей территории пришлых людей. Человек, проведенный в Кембридже более трех ночей, обязан был сообщить причину своего нахождения в городе указанным лицам.

Помимо этого, с 1270 г. в Кембридже начала действовать специальная коллегия из местных жителей и магистров университета, призванная рассматривать конфликтные ситуации между членами данных сообществ [Cooper: 52–53]. Городскую корпорацию в ней представляли 10 жителей Кембриджа (как клирики, так и миряне), университет – пять школяров-англичан, двое из Уэльса, трое из Ирландии. Состав коллегии менялся ежегодно. В городских домах, где проживали школяры, были избраны принципалы, или старшие, которые отвечали за поведение «своих» постояльцев.

Таким образом, мы видим, что появление в городской черте университета заставило местные власти решать новые для себя вопросы, в частности осуществление контроля над пришлыми людьми, сдерживание роста цен на жилые помещения. Для рассмотрения спорных ситуаций в Кембридже был создан коллегиальный орган из местных жителей и представителей университета, контроль над иногородними людьми передан на места.

Безусловно, жители Кембриджа, привлекаемые к решению данных вопросов, не являлись постоянно действующими должностными лицами. Они избирались для выполнения отдельных поручений и на определенный срок. Вместе с тем данные лица несли ответственность за свои действия, выполняли социально значимые функции. На наш взгляд, их можно считать составной частью структуры муниципальной администрации Кембриджа XIII в.

Важным элементом городского самоуправления был коллегиальный совещательный орган власти. Как правило, он представлял собой Совет мэра или Совет олдерменов. В «Анналах» Кембриджа первое указание на существование подобной коллегии встречается в 1268 г. [Cooper: 50]. Это были два олдермена и четверо уважаемых горожан, ассистировавших мэру и бейлифам. В 1344 г. упомянуто о выборах двух олдерменов и четырех советников. Заметим, в изучаемый период город был разделен

на четыре квартала. Вероятно, каждый из четверых уважаемых жителей/советников представлял в коллегии «свой» квартал. В частности, по данному принципу формировался состав бейлифов, сопровождавших мэра [Cooper: 41, 67].

Указанные шесть горожан выполняли функции советников при основных чиновниках Кембриджа. В муниципальных документах сообщалось, что данные лица обязаны «находиться при мэре и бейлифах, давать им хорошие советы в деле поддержания мира и спокойствия в Кембридже, сбора акцизов, поиска преступников и нарушителей» [Cooper: 96].

Относительно раннее появление данной коллегии в Кембридже следует связать с определенным усложнением жизни города, необходимостью совместно решать множество разнообразных вопросов, в том числе связанных с университетом и школярами. Об этом свидетельствует упоминание коллегии в контексте различных инцидентов, связанных с муниципальной корпорацией и «ученым сообществом». Например, в «Анналах» Кембриджа под 1335 г. приведена жалоба университета монарху о пренебрежении мэром, бейлифами, олддерменами и советниками своими обязанностями по поддержанию мира и спокойствия в городе, организации работ по мощению улиц, содержанию их в чистоте [Cooper: 88].

Итак, к концу XIII в. Кембридж обладал достаточно разветвленной административной структурой. Во главе городского сообщества находились мэр и бейлифы, которых сопровождали два олддермена и четыре советника. На местах за порядком следили выборные горожане, действовала согласительная коллегия из жителей Кембриджа и представителей «ученого сообщества».

Также заметим, что с середины XIII в. Кембридж получил возможность избирать двоих коронеров [Cooper: 102]. Напомним, что коронеры относились к королевским должностным лицам, но были избираемы из местных жителей, жителей графства. Они рассматривали дела о незначительных преступлениях криминального характера, насильственной смерти. Обладание правом избрания «своих» коронеров делало город более независимым от вмешательства чиновников сеньора и графства.

Значимые изменения в жизни Кембриджа произошли в XIV–XV вв., что в свою очередь нашло отражение в структуре муниципальной власти. Именно в это время на территории Кембриджа образуется ряд крупных университетских колледжей: Клэр, Пембрук, Гонвилл и Кэйюси, Тринити Холл, Корпус Кристи, Кингз, Сент Кетринс, Джисус. Увеличились и полномочия университета, которые нередко пересекались с интересами городской корпорации. Это приводило к обострению отношений между данными сообществами. Крупные антисту-

денческие выступления в Кембридже произошли в 1304, 1322, 1371 г. [Гусева 2012: 4–8].

Необходимость решения новых задач способствовала усложнению структуры муниципальных органов власти Кембриджа.

С 1344 г. в городе начинают действовать два казначея – «taxors» [Cooper: 96]. Действительно, для муниципального самоуправления Англии XIV века характерна тенденция к более узкой специализации должностных лиц. Так, если ранее все штрафы и платежи внутри городских стен собирали только мэр и бейлифы, то сейчас данные полномочия были разделены между указанными чиновниками и казначеями.

Под этим же годом в «Анналах» Кембриджа приведен механизм избрания основных должностных лиц города [Cooper: 96]. Выборная коллегия состояла из 18 человек. Первого выборщика называл мэр и его советники, другого – корпорация. Эти двое указывали имена 12 уважаемых горожан, которые предлагали имена еще 6 членов корпорации. Данная коллегия избирала мэра, 4 бейлифов, 2 олддерменов, 4 советников и 2 казначеев. Указанные чиновники составляли основу муниципальной администрации Кембриджа первой половины XIV в.

С 1376 г. в городе начал свою работу Совет 24-х, или Общий совет. Ранее это были четыре советника и два олддермена, сопровождавшие мэра и бейлифов. Заметим, что Совет 24-х действовал как совещательный орган, но также имел право издавать постановления, регулирующие повседневную жизнь города [Cooper: 114, 148, 151, 152].

Важные события в жизни Кембриджа произошли в конце XIV в. Известно, что в 1381 г. в Англии вспыхнуло восстание Уота Тайлера [Кириллова: 240–249]. Не обошло оно и Кембридж. Здесь гнев горожан был направлен на университет и клир.

Конфликт в Кембридже назревал давно. Еще в 1380 г. король потребовал от муниципальных властей более пристального внимания к проблеме поддержания спокойствия в городе и округе. С этой целью в Кембридже была создана комиссия из мэра, семерых уважаемых горожан, канцлера университета [Cooper: 119]. Однако, как показало время, деятельность данной коллегии оказалась малоэффективной. Крупное столкновение горожан и школяров произошло в июне 1381 г. Был разгромлен ряд церковных зданий, домов клириков и университетского руководства. Хартии и грамоты «ученого сообщества», попавшие в руки горожан, сожжены.

За подобные действия король лишил Кембридж прав самоуправления и ввел прямое монаршее правление. Корпорацию возглавил королевский чиновник Ричард Мастермен. Только в 1387 г. город смог избрать «своего» мэра Р. Бригэма. Права самоуправления Кембриджа были урезаны, в частности, часть значимых экономических привилегий

перешла от города к университету. Фирма Кембриджа увеличена со 101 марки (около 67 фунтов) до 105 марок (около 70 фунтов) [Cooper: 124].

В XV в. Кембридж, как и большинство старых провинциальных городов, переживал определенный упадок, связанный с возросшей ролью новых экономических центров, общим спадом цехового ремесла. Так, если в XIV веке, по данным налогообложения, Кембридж занимал 20-е место из 42 городов, то уже в начале XVI века – только 29-е. [Hoskins: 176–177]. Параллельно с этим росли свободы университета, которые тоже способствовали упадку городской экономики. В 1446 году жители Кембриджа жаловались королю на опустение муниципальных домов и невозможность выполнить десятинный сбор, связывая это с увеличившимися владениями Кингз Колледжа и исключением школяров, магистров из системы городского налогообложения [Cooper: 197–198]. Споры между жителями и школярами Кембриджа возникали достаточно часто [Cooper: 155, 160–166, 170].

И вновь в 1426 г. в «Анналах» Кембриджа мы встречаем упоминание о деятельности согласительной комиссии между городом и университетом. Она включала в себя основных должностных лиц Кембриджа, семерых горожан и троих жителей окраин, а также канцлера университета, представителей всех церковных приходов. Вероятно, появление данной комиссии связано с делом Джона Билнея – яркого противника университета, его возрастающих привилегий [Cobban 1988: 272–273]. Известно, что деятельность Дж. Билнея на посту мэра привела к гневному посланию университета королю и парламенту, с указанием 25 фактов притеснения его свобод и привилегий.

С 1494 г. Кембридж получил возможность избирать рекордера, который относился к числу королевских должностных лиц. Данный чиновник играл важную роль во взаимоотношениях города и короны, университета. Рекордер фактически являлся главным юристом корпорации, представлял ее интересы на судебных процессах, консультировал по наиболее значимым вопросам [Cooper: 244]. Получив право избрания данного чиновника, горожане могли заручиться его поддержкой в спорах различного уровня.

Итак, наше исследование показало, что средневековый Кембридж обладал достаточно развитой структурой муниципальной власти. Во главе корпорации находился мэр, существовал коллегиальный совещательный орган – Совет 24-х. Действовали казначеи, бейлифы, коронер и рекордер. Это давало городу возможность самостоятельно решать вопросы социально-экономического, контрольно-административного характера.

Данный механизм развития муниципальных органов самоуправления в Кембридже, на наш взгляд, соответствует общеанглийской схеме.

Вместе с тем следует указать и на определенную специфику его управления. Во-первых, это деятельность согласительных комиссий, призванных регулировать спорные вопросы между городом и «ученым сообществом». Указанные коллегии включали в себя представителей обеих противоборствующих сторон. Во-вторых, это существование в городских домах принципалов, или старших, отвечающих за «своих» постояльцев. Также определенной спецификой муниципального самоуправления Кембриджа можно считать достаточно раннее (XIII в.) появление совещательной коллегии при мэре и бейлифах. На наш взгляд, все вышеназванные особенности муниципальной власти Кембриджа следует связать с нахождением в его черте двух сообществ – города и университета, которые при всех своих различиях вынуждены были находить компромисс, совместно решать общие вопросы.

Список литературы

Гусева М.А. Становление муниципального самоуправления в английских городах в XIV–XV веках: структура и функции: на примере светских и церковных городов: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иваново: ИвГУ, 2005. 22 с.

Гусева М.А. Отношения города и университета Кембриджа во второй половине XIV века // Политическая жизнь Западной Европы: античность, средние века, новое и новейшее время. Арзамас: АГПИ, 2012. С. 4–8.

Евсеев В.А. Городская цивилизация Англии от Тюдоров до Стюартов. М., СПб.: ЦГИ, 2019. 635 с.

Евсеев В.А., Панютина М.Н. Церковь и становление английских средневековых университетов // Церковно-исторический ежегодник. Иваново: ИвГУ, 2002. С. 123–125.

Кириллова А.А. Классовая борьба в городах Восточной Англии в XIV вв. // Вопросы социальной и классовой борьбы в английских городах XIV–XV вв. М.: [б. и.], 1969. С. 240–249.

Лычагин А.В. Эволюция взаимоотношений английских университетов с церковью, государством и городской средой в XIII – первой половине XV вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь: СГУ, 2001. 25 с.

Brooke Ch. A History of the University of Cambridge. Cambridge, Cambridge univ. press, 2004, 320 p.

Beverly town documents, ed. by A. Leach. L., B. Quaritch, 1900, part 1–3.

Cobban A.B. The English university life in the Middle Ages. Cambridge, Scholar press, 2004, 281 p.

Cobban A.B. The Medieval English Universities: Oxford and Cambridge to c. 1500. Cambridge, Scholar press, 1988, 465 p.

Cooper Ch.H. Annals of Cambridge. Cambridge, Warwick and co., 1842, vol. 1, 452 p.

Hoskins W. Local history of England. L., Longman, 1959, 307 p.

Owen H., Brickdale J.B. A History of Shrewsbury. L., Harding, Lepard and co., 1825, 534 p.

The Charters of borough of Cambridge, ed. by F. Maitland, M. Bateson. Cambridge, Cambridge univ. press, 1901, 262 p.

References

Guseva M.A. *Stanovlenie municipal'nogo samoupravlenija v anglijskih gorodah v XIV–XV vekah: struktura i funkcii: na primere svetskikh i cerkovnyh gorodov): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [The formation of municipal self-government in English towns in the XIV-XV centuries: structure and functions: on the example of secular and church towns: author. dis. ... cand. hist. sciences]. Ivanovo, IvGU Publ., 2005, 22 p. (In Russ.)

Guseva M.A. *Otnoshenija goroda i universiteta Kembridzha vo vtoroj polovine XIV veka* [Relations between the city and the University of Cambridge in the second half of the XIV century]. *Politicheskaja zhizn' Zapadnoj Evropy: antichnost', srednie veka, novoe i novejshee vremja* [Political life of Western Europe: antiquity, the middle ages, modern and modern times]. Arzamas, AGPI Publ., 2012, pp. 4–8. (In Russ.)

Evseev V.A. *Gorodskaja civilizacija Anglii ot Tjudorov do Stjuartov* [Urban civilization of England from the Tudors to the Stuarts]. Moscow, Saint Petersburg., CGI Publ., 2019, 635 p. (In Russ.)

Evseev V.A., Panjutina M.N. *Cerkov' i stanovlenie anglijskih srednevekovyh universitetov* [The Church and the formation of English medieval universities]. *Cerkovno-istoricheskij ezhegodnik* [Church-historical Yearbook]. Ivanovo, IvGU Publ., 2002, vol. 2002, pp. 123–125. (In Russ.)

Kirilova A.A. *Klassovaja bor'ba v gorodah Vostochnoj Anglii v XIV vv.* [Class struggle in the cities of Eastern England in the XIV century]. *Voprosy social'noj i klassovoj bor'by v anglijskih gorodah XIV–XV vv.* [Questions of social and class struggle in English cities of the XIV-XV centuries]. Moscow, [b. i.], 1969, p. 240–249]. (In Russ.)

Lychagin A.V. *Jevoljucija vzaimootnoshenij anglijskih universitetov s cerkov'ju, gosudarstvom i gorodskoj sredoj v XIII – pervoj polovine XV vv.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Evolution of the relationship of English universities with the Church, state and urban environment in the XIII – first half of the XV centuries: autoref. dis. ... kand. hist. sciences]. Stavropol, SSU Publ., 2001, 25 p. (In Russ.)

ПОВСЕДНЕВНЫЕ ПРАКТИКИ МАТЕРЕЙ
ПРОВИНЦИАЛЬНОГО СОВЕТСКОГО ГОРОДА В 1950–1960-Е ГГ.

Подготовлено по плану НИР ИЭА РАН и проекту РФФИ 19-09-00191

В статье раскрываются мероприятия, предпринятые советским государством в период оттепели в области репродуктивного поведения, охраны материнства и детства. Сборники, пособия и журналы, предназначенные для женщин, являлись важнейшими регуляторами поведения, определяя допустимые нормы и правила. Материалы источников личного происхождения и устной истории позволяют наглядно продемонстрировать реальные чувства женщин. Изучение быта и повседневности женщин в аспекте, касающемся планирования беременности, вынашивания и воспитания детей, позволит сравнить реальное положение и ход реализации задач в области охраны материнства и детства. Демографический всплеск в условиях возрождающегося после войны хозяйства, нехватка детских дошкольных учреждений, а также невысокий материальный достаток большинства семей вынуждали женщин подстраиваться под сложившуюся ситуацию. В условиях совмещения роли матери, жены и работницы женщины возлагали на себя практически непосильный труд, который сказывался на здоровье и благополучии семьи. Процедура легализации аборт дала женщинам не только право самим решать вопрос о материнстве, но и сделала открытым без того необходимым, но вредящим здоровью привычный способ регулирования рождаемости. Материнские заботы в тяжелых материальных и жилищных условиях становились заботой женщин и более старшего поколения, которые помогли молодым женщинам совместить роль матери-работницы, которую руководство страны уверенно возлагало на женщин.

Ключевые слова: повседневная жизнь, права женщин, материнство, детство, здравоохранение, гигиена, Волгоград.

Информация об авторе: Богдашина Ирина Владимировна, ORCID 0000-0002-9908-2039, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, г. Москва, Россия.

E-mail: ira18bogdashina@mail.ru

Дата поступления статьи: 13.02.2020.

Для цитирования: Богдашина И.В. Повседневные практики матерей провинциального советского города в 1950–60-е годы // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 2. С. 42–51. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-42-51.

Irina V. Bogdashina

Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences

EVERYDAY PRACTICE OF MOTHERS IN A PROVINCIAL SOVIET CITY IN THE 1950–60S

Prepared in accordance with the IEA RAS research plan and the RFBR project 19-09-00191

The article reveals the measures undertaken by the Soviet state during the “thaw” in the field of reproductive behaviour, the protection of motherhood and childhood. Compilations, manuals and magazines intended for women were the most important regulators of behaviour, determining acceptable norms and rules. Materials from sources of personal origin and oral history make it possible to clearly demonstrate the real feelings of women. The study of women’s everyday and daily life in the aspect related to pregnancy planning, bearing and raising children will allow us to compare the real situation and the course of implementation of tasks in the field of maternal and child health. The demographic surge in the conditions of the economy reviving after the war; the lack of preschool institutions, as well as the low material wealth of most families, forced women to adapt to the situation. In the conditions of combining the roles of mother, wife and female worker, women entrusted themselves with almost overwork, which affected the health and well-being of the family. The procedure for legalising abortion gave women not only the right to decide the issue of motherhood themselves, but also made open the already necessary, but harmful to health, habitual way of birth control. Maternal care in difficult material and housing conditions became the concern of women and the older generation, who helped young women to combine the role of a working mother, which the country’s leadership confidently assigned to women.

Keywords: daily life, women’s rights, motherhood, childhood, healthcare, hygiene, Volgograd.

Information about the author: Irina V. Bogdashina, ORCID iD 0000-0002-9908-2039, Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

E-mail: ira18bogdashina@mail.ru

Article received: February 13, 2020.

For citation: Bogdashina I.V. Everyday practice of mothers in a provincial Soviet city in the 1950–60s. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 2, pp. 42–51 (In Russ.). DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-42-51.

Традиционные отношения в сфере репродуктивного поведения тесно связаны с гендерными и претерпевают изменения вместе с пересмотром сложившегося гендерного порядка. В советскую эпоху государство претендовало на контроль репродуктивной системы, формируя режим заботы о материнстве и детстве. На протяжении советского периода складывались основные принципы институализированной заботы о репродуктивном здоровье женщин и детей, которые лежат в основе и современной системы. Государство формировало идеологические представления через официальные постановления, указы и главным образом – путем диктовки официальной идеологии через прессу, в частности женскую. Труды, посвященные охране материнства и детства, одновременно являющиеся источниками, начали появляться еще в изучаемый нами период. Исследования представляли собой лекции, руководства и пособия, которые предназначались главным образом для студентов медицинских институтов и врачей [Государственная охрана; Руководство для врачей; Мананникова 1956; Мананникова 1959]. В 1970–80-е гг. появляются работы, посвященные охране женского труда, вопросам совмещения женщиной роли матери и работницы [Голод; Стародуб; Юк; Советская женщина; Данченко; Машика]. С началом 1990-х гг. и сменой идеологических ориентиров исследователями начинают выдвигаться новые постулаты о положении советской женщины. Материнство как социокультурный феномен на разных этапах истории было рассмотрено Н.Л. Пушкаревой [Пушкарева 1999; Пушкарева 2001]. Вопросам социальной политики в отношении женщин посвящено немало трудов, многие из которых носят региональный характер [Антонова; Шамрина; Кузнецова; Такташева; Фахрутдинова]. Современные исследователи приходят к выводу о том, что женский вопрос в СССР не был решен, сохранялись проблемы развития системы здравоохранения и детских учреждений, а также социального обеспечения женщин. Цель работы состоит в выявлении повседневных материнских практик поколения беби-бума в эпоху 1950–60-х гг. [Емельянова, Белых, Шабанова; Дьякова; Емельянова, Шмидт].

Можно говорить о том, что в период оттепели происходит «частичная реабилитация личной жизни» [Пушкарева 2012: 17]. Одним из важных событий периода явилась отмена в 1955 г. запрета на искусственное прерывание беременности, что дало возможность женщине «самой решать вопрос о материнстве» и повлекло за собой либерализацию социальной репродуктивной политики¹. Кроме того, был увеличен отпуск по беременности и родам, который составлял 56 дней до и 56 после родов². Государство предпринимало важные шаги, направленные на развитие здравоохранения и со-

циальную поддержку матерей. С тех пор в прессе, а также в научно-популярной литературе указывалось на то, что женщинам было предоставлено право «самим решать вопрос о продолжении или прерывании беременности» [Никончик 1956: 10–11; Гранат, Матвеева: 49; Никончик 1965: 17–18].

Периодическая печать, сборники и руководства являлись чуть ли не единственным источником информации для женщин, из которых они черпали дельные советы и осведомлялись о своих правах. Авторами изданий, посвященных вопросам женской гигиены, средствам контрацепции и воспитанию детей, как правило, являлись врачи и ученые. Правда, стоит отметить, что немногие женщины знали о существовании данных брошюр и пособий: «Книг по половому воспитанию не было, все узнавали друг у друга. Я в десятом классе ничего об этом не знала» (Ольга Владимировна) (здесь и далее, где не указано иное, приводятся цитаты из полевых материалов автора (ПМА), собранных в г. Волгограде в апреле – декабре 2019 г.). Тем не менее женщины теперь имели право выбора: «Д., кажется, беременна. Если сына – хочет рожать, если дочь – нет. Как быть?» (октябрь 1963 г.)³. В журналах тема полового воспитания начинает открыто подниматься лишь к середине 1960-х гг. Так, в 1965 г. появляется рубрика «Разговор о половом воспитании» в журнале «Здоровье» [Колбаковский: 4–6; Рогова: 4].

На протяжении 1950–60-х гг. аборт продолжал оставаться самым распространенным способом регулирования рождаемости. Несмотря на появление специализированной массовой литературы, осведомляющей женщин о правилах личной гигиены, вреде аборта и способах контрацепции, грамотность женщин в отношении полового воспитания оставалась низкой [Домоводство 1958: 82; Коробкевич: 19, 89; Домоводство 1965: 111]. Причинами низкой грамотности населения являлась не только государственная политика, но и замкнутость самих женщин, которые, как правило, не обсуждали личную жизнь даже с подругами: «С подругами личные отношения не обсуждали»; «Моя подруга лучшая в 10 классе родила, и папа мне запрещал по вечерам ходить куда-то. Мы с ней об этом не разговаривали, это было интимно, мы об этом не говорили» (Людмила Васильевна; Ольга Владимировна).

Научно-просветительская литература рассказывала о различных видах контрацепции, которая в большинстве случаев предназначалась для женщин, что определяло данную заботу как женскую прерогативу. В пособиях говорилось о трех видах противозачаточных средств, которые позволяли предупредить аборт: механические, химические и преждевременное прерывание полового сношения [Гранат, Матвеева: 49–50].

Специальные пособия, рассказывающие женщинам о противозачаточных средствах, начали

выходить только к концу 1950-х гг., им предшествовала литература, которая лишь предупреждала о вреде аборта [Никончик: 1956а]. Первым изданием была брошюра под названием «Аборт и предупреждение беременности (противозачаточные средства)», вышедшая в 1959 г. Наряду с традиционной информацией об устройстве женского организма и гигиене, появились сведения не только о последствиях аборта, но и противозачаточных средствах, которые были призваны его предотвратить. Стоит отметить, что рассказывалось не только о видах контрацепции, но и способах их применения, ведь «в вопросе подбора и применения противозачаточного средства более активной должна быть женщина». Иллюстрации, приводимые в брошюрах, наглядно показывали, как следует пользоваться теми или иными средствами, которые «при правильном пользовании могли оградить от операции аборта и сохранить здоровье» [Никончик 1959: 28–36].

Брошюры под названием «Гигиена женщины» регионального издательства стали выпускаться в середине 1950-х гг., но они еще обходили стороной тему контрацепции. Информация о противозачаточных средствах появляется лишь в 3-м издании, вышедшем в 1967 г. [Ананьев 1954; Ананьев 1967: 56–61]. При этом указывалось, что «абсолютно верного и в то же время абсолютно безвредного средства для предохранения от беременности пока не имеется». Женщинам на выбор предоставлялось «довольно много противозачаточных средств», которые они могли изготовить либо самостоятельно, либо обратиться к помощи врачей женской консультации [Ананьев 1967: 58–60].

Как уже упоминалось, основная забота о средствах контрацепции ложилась на женщин, в первую очередь потому, что практически абсолютное большинство из них являлись именно женскими. Единственным мужским средством, наряду с прерванным половым актом, являлся презерватив, который врачи, тем не менее, не рекомендовали к использованию в связи с «неполным половым удовлетворением как для мужчин, так и для женщин», наставляя предохраняться супругов поочередно. Среди женских противозачаточных средств можно отметить: влагалищные шарики и пасты, губки, колпачки различных видов, которые можно было приобрести в аптеках, эффективным средством признавалось и спринцевание [Ананьев 1967: 59–61].

Несмотря на выпуск специализированной литературы, некоторые женщины не знали о методах контрацепции: «Контрацепции не было, никто о ней не знал»; «Тогда книг, ничего не было, что подружка сказала, то и знала. Никто не беседовал, темные люди были в этом плане» (Ольга Владимировна; Татьяна Викторовна). Из средств контрацепции женщины отмечают спирали, которые, правда,

становятся доступными в 1970-е гг.: «Ставила себе спирали, бесплатно притом»; «После второго ребёнка поставила спираль, так хорошо, аборт делать не надо» (Людмила Васильевна; Анна Дмитриевна). На третьем областном съезде акушеров-гинекологов в 1958 г. в Сталинграде подчеркивалось, что «работа по применению противозачаточных средств не во всех консультациях налажена» [Третий областной съезд: 9]. Число женских и детских консультаций в регионе возросло к 1965 г. в сравнении с 1950 г. почти в два раза, тем не менее работа в них велась недостаточно продуктивно [Народное хозяйство: 252]. Дешевле и, как казалось женщинам, проще было сделать аборт, к которому на протяжении жизни они прибегали неоднократно: «Соседка, помню, двадцать пять абортов сделала, и детей было шестеро, я всегда удивлялась, как так»; «Аборты тогда делали через одного. Делали аборты, так как материально не могли обеспечить» (Людмила Васильевна; Раиса Александровна). Женщины отмечали дороговизну и недоступность средств контрацепции: «О контрацепции не знали и на это не было денег» (Нина Евгеньевна).

Подпольные аборты имели свое место на протяжении всего периода, многие женщины буквально рисковали своей жизнью, решаясь на операцию в домашних условиях: «В 1950-х моя бабушка делала аборт. Она ходила к бабушке-повитухе, в деревню уезжала. Потом долго отходила от этого, отпуск брала»; «Моя мама, мне было года четыре, делала криминальный аборт и чуть не умерла, сама себе пыталась сделать, было заражение крови» (Наталья Геннадьевна; Ольга Владимировна).

В рубриках «Решать тебе самой...» и «Беседы врача» журнала «Работница» освещались темы, которые волновали самих читательниц, в частности о женской чести, поведении, вреде абортов, где указывалось, что «женская общественность в каждом городе может помочь распространению медицинских знаний, способствующих сохранению здоровья женщин» [Решать тебе самой: 29]. Тем не менее вопросы о нежелательной беременности и способах ее предотвращения преподносились как «о самом интимном» [Обысова: 28–29]. Журнал «Здоровье» также старался привлечь внимание женщин к губительным последствиям аборта, указывая, что зачастую он являлся необратимым поступком [Ляндрес: 27–28; Никончик 1962: 18–19].

Таким образом, массовая научно-популярная медицинская литература и периодическая печать были призваны просветить советских женщин в вопросах контрацепции, прежде всего, чтобы сократить количество абортов, которые зачастую наносили непоправимый вред здоровью женщин. Несмотря на это, аборт оставался наиболее распространенным средством прерывания беременности. Сохранение практики абортов свидетельствует о низкой грамотности женщин в вопросах

контрацепции, а также об ограниченной доступности средств большинству населения. Вместе с тем женщинам постоянно напоминали об их прямой обязанности – рождении и воспитании детей.

Государство считало важной задачей увеличение рождаемости, стимулировать женщин к деторождению должен был налог, введенный еще в 1941 г. и который уплачивали граждане, не имеющие детей⁴. Многие женщины считали данный налог оскорбительным: «...безобразный, позорящий, я считаю, налог для девицы и государства...» (ноябрь 1951 г.)⁵. Естественно, многие женщины радовались, когда меры смягчались, и часть женщин от налога была освобождена: «Утром сообщили по радио об освобождении от налога на бездетность – одиноких женщин и семейных. Наконец-то снят бессовестный налог» (декабрь 1957 г.)⁶. В условиях возрождающегося после войны хозяйства данный налог и без того ударял по доходам, в чем и выражалось главное недовольство женщин в совокупности с морально-личностным оскорблением.

В 1950–60-е гг. начинают приобретать популярность публичные лекции, читаемые лекторами общества «Знание», отделения которого имелись во многих регионах страны, в частности в Волгограде. Число проводимых лекций и форм пропаганды увеличивалось с каждым годом, особой популярностью среди молодежи пользовались вечера вопросов и ответов, а также лекции на темы: «Брак и семья в социалистическом обществе», «За здоровый быт»⁷.

Лекции проводились на предприятиях, важнейшее значение они имели среди тех, на которых женщины составляли большинство сотрудников. В частности, на швейных предприятиях проводились лекции на темы: «Гигиена женщины», «Брак и развод», «О личной гигиене»⁸. На партсобраниях предприятий, где женщины являлись большинством работающих, обсуждались вопросы о продлении отпуска по беременности и сокращении рабочего дня для женщин, которые помимо работы были отягощены еще и домашними делами⁹.

Внимание уделялось моральному облику женщины, он формировался исподволь через средства массовой информации: радиопередачи и литературу. Отрицательным примером являлись девушки легкомысленные, ветреные, ведущие беспорядочную половую жизнь. В пример же ставились девушки, имеющие цель стать хорошей женой, хозяйкой и матерью [Коробкевич: 93–100]. В телевизионной передаче для молодежи «Люди сильной воли» говорилось о том, что «часто девушка забывает, что она должна быть не только хорошей женой, но и другом, волевым и сильным. Она не должна отставать от мужа»¹⁰. Волевым характером обладала Лена, которая «вышла замуж, родила ребенка, но спорт не забросила. Наоборот, овладела еще и другими видами»¹¹. Таким образом, положи-

тельным являлся образ женщины, которая совмещала не только роль матери и хозяйки, но и принимала активное участие в общественной жизни, оставалась интересной мужу и занималась саморазвитием.

Еще в 1950-е гг. интерес для жителей города представляли книги, рассказывающие о воспитании детей, этике, манерах хорошего тона и гигиене: «Дома появилась хорошая новая книга “За здоровый быт”». Давно назрела потребность в подобной литературе... книгу эту читает вся наша квартира» (декабрь 1956 г.)¹². Стоит отметить, что зачастую просветительская литература распространялась среди населения через сотрудников здравоохранения.

Отдельное внимание уделялось гигиене женщин во время беременности. Просветить женщин были призваны учебники по акушерству, брошюры, а также журналы, предназначенные для широкого круга читателей. Первые пособия о гигиене для женщин во время беременности появляются в послевоенные годы, но активно они начинают выпускаться с середины 1950-х гг., в том числе и по регионам [Черепашин; Давыдов]. В частности, выпускается серия под названием «Гигиена беременной женщины», в которой освещаются вопросы физиологии, гигиены тела, половой жизни, питания, одежды и занятия физкультурой во время беременности [Гранат 1955; Гранат 1963]. Сама беременность преподносилась как «нормальное физиологическое явление, в абсолютном большинстве случаев не вызывающее каких-либо болезненных изменений в организме будущей матери» [Малиновский: 12]. В журналах можно было найти советы, посвященные гигиене в родовой и послеродовой периоды [Пирадова 1957: 28; Пирадова 1958: 22–24; Хренова: 30; Степанов: 44].

Стоит отметить, что в научно-популярной медицинской литературе и журналах поднимается тема обезболивания родов [Константинов: 8; Вельвовский: 13–15]. Указывалось, что данная процедура проводится «во всех родовспомогательных учреждениях Советского Союза» и представляет собой психопрофилактический метод, по которому «только в Сталинградской области у тысячи женщин роды прошли без боли» [Ананьев 1954: 43–44]. Однако вплоть до второй половины 1960-х гг. данный метод оставался единственным заблаговременным способом подготовить женщину к родам. О медикаментозном обезболивании в литературе стало упоминаться, а значит и широко применяться лишь во второй половине 1960-х гг. [Ананьев 1967: 27].

Число коек для беременных женщин и рожениц в регионе к 1965 г. в сравнении с 1950 г. возросло чуть более чем в 1,5 раза [Народное хозяйство: 252]. Абсолютное большинство опрошенных нами женщин рожали в медицинских учреждениях, в прошлое ушла практика домашних родов, кото-

рая бытовала в конце 1940-х гг.: «Рожали только в роддомах. Это мои тётушки рожали дома, бабушки у них принимали роды, я была в пятом классе. А в мое время нет» (Любовь Васильевна). По словам женщин, обслуживание в больницах было хорошего качества: «Рожала в больнице. Детей брали кормить, роддом хороший был»; «Рожала в роддоме, в больнице на Водниках. Все нормально, кормили хорошо»; «Рожала Игоря в 16-й больнице, там все выдавали. Лежала девять дней, врачи ухаживали, кормили» (Любовь Васильевна; Мери Петровна; Галина Петровна). Тем не менее бывали и случаи, которые ставили под угрозу жизнь рожениц: «Во время родов, когда мне делали укол, занесли инфекцию и пошло заражение, шприцы же тогда кипятили, видимо, плохо обработали, и так получилось». Во время пребывания женщин в роддомах забота о них ложилась на плечи их мужчин: «Пока лежала в больнице, отец мне сына приводил и пеленки сменные, кормила молоком. Муж тоже помогал, когда я родила сына» (Нина Васильевна).

Советы женщины находили в журналах, которые зачастую были более доступны, нежели брошюры и научно-популярная медицинская литература. На страницах ежемесячного журнала «Здоровье» освещались вопросы материнства и детства. Перед женщиной как труженицей-матерью ставилась задача «продолжать свою производственную и общественную деятельность, учиться, плодотворно работать в любой области народного хозяйства, литературы, искусства», в чем должны были помочь дошкольные детские учреждения [Боголепова: 1; Орлова: 26–27]. Советы по воспитанию детей женщины изыскивали из разных источников: «Мои тетушки меня обучали всему, и как детей воспитывать»; «Воспитание детей? Где-то подслушивала по телевизору, в журналах»; «Была книга “От ноля до семи”, как воспитывать детей, отсюда брала советы, как кормить, мыть» (Любовь Васильевна; Людмила Васильевна; Галина Петровна). В журнале «Крестьянка» имелась целая рубрика под названием «Беседы с матерями», в которой женщинам рассказывалось об уходе за грудным ребенком, детской физиологии, лечении болезней, одежде [Павлова: 30; Доброхотова: 30; Михайлов: 23]. В журнале «Работница» также имелись рубрики: «На педагогические темы», «Советы для родителей», «Советы врачей», рассказывающие о воспитании и лечении детей [Турнин: 26–27; Кудрявцева: 29; Невская: 32]. Журнал «Советская женщина» также уделял важное внимание вопросам материнства и воспитанию детей, о чем говорилось в рубриках «Советы молодой матери» и «Школа материнства» [Эйгес: 45; Вакурова: 30–31].

Большинство женщин из-за отсутствия материального достатка были вынуждены сразу выходить на работу: «В декабре 1963-го уже вышла, так как много работы и надо было работать»; «Дочь родила

в 1964 г., в декрете почти не была. Жить надо было на что-то» (Ираида Васильевна; Нина Евгеньевна).

По рассказам женщин, большинство из них отдавали своих детей на попечение родителям, няням, соседям: «Я была в декрете два месяца в 1961 г., потом месяц взяла отпуск и пошла на работу, мы наняли няню. Она мне дочь привозила кормить на проходные»; «В декрете была три месяца. Сначала нам помогала бабушка-соседка по квартире, до полутора лет она следила за сыном, мы ей, конечно, платили»; «Декретные 56 до и после родов. Три месяца – и надо на работу. Папа помогал, потом нашли няню-соседку»; «Когда жили со свекровью, она мне помогала, я пошла работать. Я только три месяца просидела дома» (Нина Петровна; Нина Васильевна; Мери Петровна; Нина Федоровна).

Некоторым женщинам удавалось устроить детей в ясли и сад, но зачастую такая возможность выдавалась только по знакомству: «С трех лет в садик. Приняли в садик за подарок, подарила две комбинации, и приняли в садик»; «Дочь в ясли с шести месяцев, были знакомые, помогли устроить»; «Устроить ребёнка в детский сад было очень даже сложно. Ольгу оформил отец, потому что он обслуживал этот сад» (Мери Петровна; Татьяна Григорьевна; Нина Федоровна). Исхитряясь, женщины сами шли работать в детские сады, чтобы заодно пристроить и своих собственных детей: «Папа устроил меня в детский сад няней»; «В два месяца отдала в ясли Таню, где я работала» (Галина Петровна; Анна Дмитриевна). Женщины прибегали и к противозаконным путям, дабы выбить место в детском саду. Так, в 1954 г. Лидия Николаевна купила посредством знакомых фиктивную справку о том, что является работницей артели: «Эта справка нужна была Берендеевой для устройства ее ребенка в детсад... за эту фиктивную справку Ушакова с Берендеевой взяла 100 руб.»¹³.

Маленьких детей кормили грудным молоком, молочными кашами, а вот молочную кухню прописывали не всем: «У меня очень много было жирного молока, а у соседки было плохое молоко, ее сына я тоже кормила. Молочную кухню нам не прописали»; «Кормили детей манной кашей»; «Как мы питались, и какое у меня было молоко, даже врачи удивлялись, очень жирное было, дети быстро поправлялись» (Нина Васильевна; Галина Петровна; Нина Федоровна). Чтобы женщина-мать скорее могла выйти на работу, врачи считали важной задачей отучить ребенка от груди через полгода, чему многие женщины не следовали [Островская: 9]. Пытаясь заменить грудное вскармливание, матери прибегали к разным способам: «Давали кусок сала или хлеб замачивали в сладкой воде и в марлю заматывали – вот и соска готова» (Нина Федоровна). Советы по грудному вскармливанию можно было найти и в журналах. Рекомендации

смягчаются к середине 1960-х годов, когда на вопрос читательницы о том, как отучить ребенка от груди, было указано, что «ребенка отучают от груди матери обычно между десятым и двенадцатым месяцам его жизни» [Елизарова: 30; Новикова: 31].

Совмещение роли матери-работницы требовало от женщин стойкости, сил и терпения: «Я не высыпалась, падала в обморок, декрета как такового не было» (Нина Петровна). Несмотря на все трудности, женщины находили поддержку в лице старшего поколения и мужей, зачастую знакомых женщин, выполняющих роль нянь и сиделок. Достаточно распространенная практика воспитания ребенка в первые годы жизни в домашних условиях, а не в государственных учреждениях (яслях и садах) свидетельствует о том, что дошкольных детских учреждений в регионе было недостаточно. Согласно статистическим данным, в сравнении с 1950 г. к 1965 г. число яслей выросло в 2 раза, при том что количество детей в них возросло в 2,6 раза. А вот число детских садов и яслей-садов увеличилось в 2,5 раза, количество же детей выросло в 2,4 раза [Народное хозяйство: 251]. Таким образом, можно говорить о том, что в эпоху беби-бума, пик которой выпал на вторую половину 1950-х – середину 1960-х гг., более всего регион нуждался в яслях, в то время как детские сады строились и пополнялись относительно пропорционально.

Демографический всплеск в условиях возрождающегося после войны хозяйства, нехватка дошкольных учреждений, а также невысокий материальный достаток большинства семей региона вынуждали женщин искать новые пути приспособления к жизни. Осведомленность женщин в вопросах полового воспитания оставалась низкой. Научно-популярная литература, рассказывающая о тонкостях тщательно скрываемой личной жизни, выпускалась небольшими тиражами и не удовлетворяла потребностей жительниц достаточно крупного, но нестоличного города Волгограда. Аборт на протяжении периода продолжал оставаться самым ходовым способом регулирования рождаемости. Распространение знаний в женских консультациях оказывалось недостаточным, а нехватка знаний в отчаянной форме проявлялась на страницах женских журналов. В условиях совмещения роли матери, жены и работницы женщины возлагали на себя практически непосильный труд, который трансформировал и гендерные роли. Процедура легализации абортов дала женщинам не только право самостоятельно решать вопрос о материнстве, но и сделала открытым без того необходимый, но вредящий здоровью привычный способ регулирования рождаемости. В регионе еще только начинает появляться и входить в повседневность научно-популярная и медицинская литература о гигиене тела, брака и средствах контрацепции, что оказывалось для горожанок крайне актуальным и интересным.

Материнские заботы в тяжелых материальных и жилищных условиях становились заботой женщин и более старшего поколения, которые помогали молодым женщинам совместить роль матери-работницы, которую руководство страны так уверенно возлагало на женщин.

Примечания

В статье использованы Полевые материалы автора (ПМА); г. Волгоград, апрель – декабрь 2019 г. (информанты: Людмила Васильевна, 1943 г. р.; Ольга Владимировна, 1953 г. р.; Раиса Александровна, 1935 г. р.; Нина Евгеньевна, 1945 г. р.; Наталья Геннадьевна, 1969 г. р.; Любовь Васильевна, 1936 г. р.; Мери Петровна, 1933 г. р.; Галина Петровна, 1945 г. р.; Нина Васильевна, 1938 г. р.; Ираида Васильевна, 1937 г. р.; Нина Петровна, 1941 г. р.; Нина Федоровна, 1933 г. р.; Татьяна Григорьевна, 1940 г. р.; Анна Дмитриевна, 1943 г. р.; Татьяна Викторовна, 1948 г. р.).

¹ Об отмене запрещения абортов: указ Президиума ВС СССР от 23.11.1955 г. // КонсультантПлюс: справ. правовая система. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=15519#09135342238891582> (дата обращения: 28.01.2020).

² Об увеличении продолжительности отпусков по беременности и родам: указ Президиума ВС СССР от 26.03.1956 г. // КонсультантПлюс: справ. правовая система. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=17167#07903103934895195> (дата обращения: 30.01.2020).

³ Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. 6880. Оп. 6. Д. 29. Л. 147.

⁴ Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства»: указ Президиума ВС СССР от 08.07.1944 г. // КонсультантПлюс: справ. правовая система. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=ESU&dst=100045&n=7182&req=doc#03465637663160759> (дата обращения: 08.01.2020).

⁵ Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. 6880. Оп. 6. Д. 13. Л. 130.

⁶ Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. 6880. Оп. 6. Д. 20. Л. 222.

⁷ Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). Ф. Р-6533. Оп. 2. Д. 39. Л. 33.

⁸ Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). Ф. 12917. Оп. 1. Д. 3. Л. 62.; Ф. 340. Оп. 1. Д. 9. Л. 68.

⁹ Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). Ф. 340. Оп. 1. Д. 12. Л. 6.

¹⁰ Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. 6174. Оп. 2. Д. 297. Л. 104.

¹¹ Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. 6174. Оп. 2. Д. 297. Л. 46.

¹² Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. 6880. Оп. 6. Д. 19. Л. 17.

¹³ Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). Ф. 71. Оп. 21. Д. 41. Л. 55.

Список литературы

Ананьев Я.М. Гигиена женщины. Сталинград: Сталинградское кн. изд-во, 1954. 96 с.

Ананьев Я.М. Гигиена женщины. Волгоград: Нижне-Волжское кн. изд-во, 1967. 64 с.

Антонова М.В. Советская социальная политика: семейно-бытовой аспект. 1950–1960-е годы (на материалах Ленинграда): автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2010. 22 с.

Боголепова Л.С. Охрана здоровья женщин и детей // *Здоровье*. 1955. № 3. С. 1.

Вакурова А. Подготовка к родам // *Советская женщина*. 1962. № 11. С. 30–31.

Вельвовский И.З. Роды без боли // *Здоровье*. 1957. № 5. С. 13–15.

Голод С.И. Профессиональная работа женщин и семья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1970. 22 с.

Государственная охрана прав матери и ребенка в СССР / сост. Ф.А. Артемьев. М.: б. и., 1952. 60 с.

Гранат Н.Е., Матвеева Е.Е. Девочка, девушка, женщина. М.: Знание, 1965. 63 с.

Гранат Н.Е. Гигиена беременной женщины. М.: Медгиз, 1955. 32 с.

Гранат Н.Е. Гигиена беременной женщины. Минск: Госиздат БССР, 1963. 92 с.

Давыдов В.И. Гигиена беременной женщины. Свердловск: Свердл. обл. гос. изд-во, 1952. 44 с.

Данченко Н.И. Правовая охрана труда женщин в СССР. Киев: Наук. думка, 1985. 159 с.

Доброхотова А.И. Что надо знать родителям о кори // *Крестьянка*. 1955. № 3. С. 30.

Домоводство / сост. А.А. Демезер, М.Л. Дзюба. М.: Гос. изд-во с/х лит-ры, 1958. 560 с.

Домоводство / под ред. В.А. Мартемьянова. М.: Колос, 1965. 759 с.

Дьякова В.В. Особенности гражданской идентичности и патриотизма российского поколения бейби-бумеров // *Молодой ученый*. 2018. № 50 (236). С. 440–442.

Елизарова И. Если не хватает грудного молока... // *Работница*. 1964. № 4. С. 30.

Емельянова Т.П., Белых Т.В., Шабанова В.Н. Образы прошлого, настоящего и будущего у представителей поколения «бэйби-бумеров» // *Вестник Московского государственного областного университета*. 2018. № 3. С. 75–85.

Емельянова Т.П., Шмидт Д.А. Романтические отношения и брак в социальных представлениях

поколений миллениалов и бэйби-бумеров // *Вестник Московского государственного областного университета*. 2019. № 1. С. 29–43.

Колбановский Е.М. Предупреждение сексуальности у детей // *Здоровье*. 1965. № 7. С. 4–6.

Константинов В.И. Возможны ли роды без боли. М.: Медгиз, 1960. 38 с.

Коробкевич О. Вам, девушки. М.: Медгиз, 1961. 272 с.

Кудрявцева В.П. Не запускайте болезнь у детей // *Работница*. 1959. № 6. С. 29.

Кузнецова И.П. Государственная политика в области охраны материнства и детства во второй половине 1940-х – первой половине 1960-х годов (на примере Башкирской АССР) // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2014. № 8. С. 41–48.

Ляндрес И.М. Не могу молчать! Из записок акушера-гинеколога // *Здоровье*. 1958. № 2. С. 27–28.

Малиновский М.С. В ожидании ребенка // *Здоровье*. 1955. № 2. С. 12.

Мананникова Н.В. Охрана материнства и детства в СССР. М.: Медгиз, 1956. 76 с.

Мананникова Н.В. Охрана материнства и детства в СССР. М.: Медгиз, 1959. 104 с.

Машика Т.А. Занятость женщин и материнство. М.: Мысль, 1989. 285 с.

Михайлов Ю. Почему дети плачут? // *Крестьянка*. 1955. № 6. С. 23.

Народное хозяйство Волгоградской области за 50 лет: Статистический сборник. Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1967. 263 с.

Невская Т. Если ребенок заболел... // *Работница*. 1962. № 6. С. 32.

Никончик О.К. Аборт // *Здоровье*. 1956. № 3. С. 10–11.

Никончик О.К. Аборт и его последствия. М.: Медгиз, 1956а. 35 с.

Никончик О.К. Аборт и предупреждение беременности (противозачаточные средства). М.: Медгиз, 1959. 36 с.

Никончик О.К. Не доводить до беды! // *Здоровье*. 1962. № 12. С. 18–19.

Никончик О.К. Пусть женщина решает сама // *Здоровье*. 1965. № 5. С. 17–18.

Новикова Е.Ч. Когда и как отучить ребенка от груди // *Здоровье*. 1965. № 3. С. 31.

Обысова Е. О самом интимном // *Работница*. 1962. № 8. С. 28–29.

Орлова Д. Ясли и сад – вместе // *Здоровье*. 1959. № 12. С. 26–27.

Островская И.М. Питание ребенка // *Здоровье*. 1955. № 7. С. 9.

Павлова А. Уход за грудным ребенком // *Крестьянка*. 1955. № 9. С. 30.

Пирадова М.Д. Противозачаточные средства // *Здоровье*. 1957. № 8. С. 31.

Пирадова М.Д. До и после родов // *Здоровье*. 1958. № 7. С. 22–24.

Пушкарева Н.Л. Гендерная система советской России и судьбы россиянок // Новое литературное обозрение. 2012. № 5. С. 17.

Пушкарева Н.Л. Материнство в новейших философских и социологических концепциях // Этнографическое обозрение. 1999. № 5. С. 47–59.

Пушкарева Н.Л. Материнство как социально-исторический феномен // Материнство и отцовство как социально-культурные феномены / под ред. Т.Б. Рябовой. Иваново: ФГБОУ ВПО Ивановский государственный ун-т, 2001. С. 93–106.

Рогова Е.П. Девочки и мальчики // Здоровье. 1965. № 9. С. 4.

Руководство для врачей яслей и домов ребенка / отв. ред. Л.В. Гречишников. М.: Медгиз, 1954. 419 с.

Решать тебе самой... // Работница. 1965. № 5. С. 29.

Советская женщина: труд, материнство, семья / сост. З.П. Крылова. М.: Профиздат, 1987. 172 с.

Стародуб Л.И. Женщина и общественный труд. Л.: Лениздат, 1975. 92 с.

Степанов Л. Гигиена беременной женщины // Советская женщина. 1956. № 6. С. 44.

Такташева Ф.А. Развитие системы охраны здоровья женщин и детей в Сталинградской области в 1945-м – начале 1950-х гг. // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2015. № 4. С. 184–189.

Третий областной съезд акушеров-гинекологов 13–15 ноября 1958 г.: рефераты докладов. Сталинград: б. и., 1959. 31 с.

Турнин В. Наши малыши // Работница. 1957. № 6. С. 26–27.

Фахрутдинова Н.Р. Политика охраны материнства и детства в РСФСР в 1950–1980 годах и ее региональные проявления // Вестник хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. 2017. № 22. С. 129–131.

Хренова В.Г. Гигиена послеродового периода // Здоровье. 1958. № 8. С. 30.

Черепихин Г.К. Что нужно знать беременной женщине. Горький: Горьк. обл. гос. изд-во, 1950. 36 с.

Шамрина Е.А. Охрана материнства и детства в г. Воронеже и области во второй половине 1940-х – 1980-е гг. // Вестник Тамбовского университета. 2011. № 5. С. 296–300.

Эйгес Н. В ожидании ребенка // Советская женщина. 1956. № 7. С. 45.

Юк З.М. Труд женщины и семья. Минск: Беларусь, 1975. 238 с.

References

Anan'ev Ya.M. *Gigiena zhenshchiny* [Hygiene women]. Stalingrad: Stalingradskoe kn. izdatel'stvo Publ., 1954, 96 p. (In Russ.)

Anan'ev Ya.M. *Gigiena zhenshchiny* [Hygiene women]. Volgograd: Nizhne-Volzhsкое knizhnoe izd-vo Publ., 1967, 64 p. (In Russ.)

Antonova M.V. *Sovetskaya social'naya politika: semejno-bytovoј aspekt. 1950–1960-s gody (na materialah Leningrada)*: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Soviet social policy: family-household aspect. 1950–1960 (on the materials of Leningrad)]. SPb., 2010, 22 p. (In Russ.)

Bogolepova L.S. *Ohrana zdorov'ya zhenshchin i detej* [Health care for women and children]. *Zdorov'e [Health]*, 1955, № 3, p. 1. (In Russ.)

Vakurova A. *Podgotovka k rodam* [Preparation for childbirth]. *Sovetskaya zhenshchina* [Soviet woman], 1962, № 11, pp. 30–31. (In Russ.)

Vel'vovskij I.Z. *Rody bez boli* [Childbirth without pain]. *Zdorov'e [Health]*, 1957, № 5, pp. 13–15. (In Russ.)

Golod S.I. *Professional'naya rabota zhenshchin i sem'ya*: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Professional work of women and family]. Moscow, 1970, 22 p. (In Russ.)

Gosudarstvennaya ohrana prav materi i rebenka v SSSR [State protection of the rights of mother and child in the USSR], ed. by F.A. Artem'ev. Moscow, b. i. Publ., 1952, 60 p. (In Russ.)

Granat N.E., Matveeva E.E. *Devochka, devushka, zhenshchina* [Girl, girl, woman]. Moscow, Znanie Publ., 1965, 63 p. (In Russ.)

Granat N.E. *Gigiena beremnoј zhenshchiny* [Hygiene of a pregnant woman]. Moscow, Medgiz Publ., 1955, 32 p. (In Russ.)

Granat N.E. *Gigiena beremnoј zhenshchiny* [Hygiene of a pregnant woman]. Minsk, Gosizdat BSSR Publ., 1963, 92 p. (In Russ.)

Davydov V.I. *Gigiena beremnoј zhenshchiny* [Hygiene of a pregnant woman]. Sverdlovsk, Sverdl. obl. gos. izd-vo Publ., 1952, 44 p. (In Russ.)

Danchenko N.I. *Pravovaya ohrana truda zhenshchin v SSSR* [Legal labor protection of women in the USSR]. Kiev, Nauk. dumka Publ., 1985, 159 p. (In Russ.)

Dobrohotova A.I. *Chto nado znat' roditelyam o kori* [What parents need to know about measles]. *Krest'yanka* [Peasant], 1955, № 3, p. 30. (In Russ.)

Domovodstvo [Housekeeping], ed. by A.A. Demezer, M.L. Dzyuba. Moscow, gos. izd-vo s/h lit-ry Publ., 1958, 560 p. (In Russ.)

Domovodstvo [Housekeeping], ed. by V.A. Martem'yanova. Moscow, Kolos Publ., 1965, 759 p. (In Russ.)

D'yakova V.V. *Osobennosti grazhdanskoј identichnosti i patriotizma rossijskogo pokoleniya bejbi-bumerov* [Features of civic identity and patriotism of the Russian generation of baby boomers]. *Molodoј uchenyj* [Young Scientist], 2018, № 50 (236), pp. 440–442. (In Russ.)

Elizarova I. *Esli ne hvataet grudnogo moloka...* [If there is not enough breast milk ...]. *Rabotnica* [Worker], 1964, № 4, p. 30. (In Russ.)

Emel'yanova T.P., Belyh T.V., Shabanova V.N. *Obrazy proshlogo, nastoyashchego i budushchego u predstavitelej pokoleniya «bebi-bumerov»*

[Representatives of the past, present and future for representatives of the “baby boomers” generation]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta* [Bulletin of Moscow State Regional University], 2018, № 3, pp. 75–85. (In Russ.)

Emel'yanova T.P., Shmidt D.A. *Romanticheskie otnosheniya i brak v social'nyh predstavleniyah pokolenij millenialov i bebi-bumerov* [Romantic relations and marriage in social representations of generations of millennials and baby boomers]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta* [Bulletin of Moscow State Regional University], 2019, № 1, pp. 29–43. (In Russ.)

Kolbanovskij E.M. *Preduprezhdenie seksual'nosti u detej* [Prevention of sexuality in children]. *Zdorov'e* [Health], 1965, № 7, pp. 4–6. (In Russ.)

Konstantinov V.I. *Vozmozhny li rody bez boli* [Is childbirth possible without pain]. Moscow, Medgiz Publ., 1960, 38 p. (In Russ.)

Korobkevich O. *Vam, devushki* [You, girls]. Moscow, Medgiz Publ., 1961, 272 p. (In Russ.)

Kudryavceva V.P. *Ne zapuskajte bolezni u detej* [Do not start the disease in children]. *Rabotnica* [Worker], 1959, № 6, p. 29. (In Russ.)

Kuznecova I.P. *Gosudarstvennaya politika v oblasti ohrany materinstva i detstva vo vtoroj polovine 1940-h – pervoj polovine 1960-h godov* (na primere Bashkirskoj ASSR) [State policy in the field of maternal and child health in the second half of the 1940s – the first half of the 1960s (for example, the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic)]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University], 2014, № 8, p. 41–48. (In Russ.)

Lyandres I.M. *Ne mogu molchat! Iz zapisok akushera-ginekologa* [I can't be silent! From the notes of the obstetrician-gynecologist]. *Zdorov'e* [Health], 1958, № 2, pp. 27–28. (In Russ.)

Malinovskij M.S. *V ozhidanii rebenka* [Waiting for a child]. *Zdorov'e* [Health], 1955, № 2, p. 12. (In Russ.)

Manannikova N.V. *Ohrana materinstva i detstva v SSSR* [Protection of motherhood and childhood in the USSR]. Moscow, Medgiz Publ., 1956, 76 p. (In Russ.)

Manannikova N.V. *Ohrana materinstva i detstva v SSSR* [Protection of motherhood and childhood in the USSR]. Moscow, Medgiz Publ., 1959, 104 p. (In Russ.)

Mashika T.A. *Zanyatost' zhenshchin i materinstvo* [Women's employment and motherhood]. Moscow, Mysl' Publ., 1989, 285 p. (In Russ.)

Mihajlov Yu. *Pochemu deti plachut?* [Why do children cry?]. *Krest'yanka* [Peasant], 1955, № 6, p. 23. (In Russ.)

Narodnoe hozyajstvo Volgogradskoj oblasti za 50 let. Statisticheskij sbornik [The national economy of the Volgograd region for 50 years. Statistical Digest]. Volgograd, Nizh.-Volzh. kn. izd-vo Publ., 1967, 263 p. (In Russ.)

Nevskaya T. *Esli rebenok zabolet...* [If a child falls ill...]. *Rabotnica* [Worker], 1962, № 6, p. 32. (In Russ.)

Nikonchik O.K. *Abort* [Abortion]. *Zdorov'e* [Health], 1956, № 3, p. 10–11. (In Russ.)

Nikonchik O.K. *Abort i ego posledstviya* [Abortion and its consequences]. Moscow, Medgiz Publ., 1956a, 35 p. (In Russ.)

Nikonchik O.K. *Abort i preduprezhdenie beremennosti (protivozachatochnye sredstva)* [Abortion and pregnancy prevention (contraceptives)]. Moscow, Medgiz Publ., 1959, 36 p. (In Russ.)

Nikonchik O.K. *Ne dovodit' do bedy!* [Do not bring to trouble!]. *Zdorov'e* [Health], 1962, № 12, pp. 18–19. (In Russ.)

Nikonchik O.K. *Pust' zhenshchina reshaet sama* [Let the woman decide for herself]. *Zdorov'e* [Health], 1965, № 5, pp. 17–18. (In Russ.)

Novikova E.CH. *Kogda i kak otuchit' rebenka ot grudi* [When and how to wean a baby from breast]. *Zdorov'e* [Health], 1965, № 3, p. 31. (In Russ.)

Obysova E. *O samom intimnom* [About the most intimate]. *Rabotnica* [Worker], 1962, № 8, pp. 28–29. (In Russ.)

Orlova D. *Yasli i sad – vmeste* [Nurseries and a garden - together]. *Zdorov'e* [Health], 1959, № 12, pp. 26–27. (In Russ.)

Ostrovskaya I.M. *Pitanie rebenka* [Baby nutrition]. *Zdorov'e* [Health], 1955, № 7, p. 9. (In Russ.)

Pavlova A. *Uhod za grudnym rebenkom* [Care of the infant]. *Krest'yanka* [Peasant], 1955, № 9, p. 30. (In Russ.)

Piradova M.D. *Protivozachatochnye sredstva* [Contraceptives]. *Zdorov'e* [Health], 1957, № 8, p. 31. (In Russ.)

Piradova M.D. *Do i posle rodov* [Before and after childbirth]. *Zdorov'e* [Health], 1958, № 7, pp. 22–24. (In Russ.)

Pushkareva N.L. *Gendernaya sistema sovetskoy Rossii i sud'by Rossiyanok* [The gender system of Soviet Russia and the fate of Russians]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New literary review], 2012, № 5, p. 17. (In Russ.)

Pushkareva N.L. *Materinstvo v novejsih filozofskih i sociologicheskikh koncepciyah* [Motherhood in the latest philosophical and sociological concepts]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 1999, № 5, pp. 47–59. (In Russ.)

Pushkareva N.L. *Materinstvo kak social'no-istoricheskij fenomen* [Motherhood as a socio-historical phenomenon]. *Materinstvo i otcovstvo kak social'no-kul'turnye fenomeny* [Motherhood and fatherhood as socio-cultural phenomena], ed. by T.B. Ryabovoj. Ivanovo, FGBOU VPO Ivanovskij gosudarstvennyj un-t Publ., 2001, pp. 93–106. (In Russ.)

Rogova E.P. *Devochki i mal'chiki* [Girls and boys]. *Zdorov'e* [Health], 1965, № 9, p. 4. (In Russ.)

Rukovodstvo dlya vrachej yaslej i domov rebenka [Guide for nursery doctors and orphanages], ed. by

L.V. Grechishnikova. Moscow, Medgiz Publ., 1954, 419 p. (In Russ.)

Reshat' tebe samoj...[You decide ...]. *Rabotnica* [Worker], 1965, № 5, p. 29. (In Russ.)

Sovetskaya zhenshchina: trud, materinstvo, sem'ya [Soviet woman: labor, motherhood, family], ed. by Z.P. Krylova. Moscow, Profizdat Publ., 1987, 172 p. (In Russ.)

Starodub L.I. *Zhenshchina i obshchestvennyj trud* [Woman and social work]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1975, 92 p. (In Russ.)

Stepanov L. *Gigiena Beremennoj zhenshchiny* [Hygiene of the Pregnant Woman]. *Sovetskaya zhenshchina* [Soviet Woman], 1956, № 6, p. 44. (In Russ.)

Taktasheva F.A. *Razvitie sistemy ohrany zdorov'ya zhenshchin i detej v Stalingsradskoj oblasti v 1945-m – nachale 1950-h gg.* [Development of a system for protecting the health of women and children in the Stalingrad region in 1945 and the beginning of the 1950s]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University], 2015, № 4, pp. 184–189. (In Russ.)

Tretij oblastnoj s"ezd akusherov-ginekologov 13–15 noyabrya 1958 g. (Referaty dokladov) [The Third Regional Congress of Obstetricians and Gynecologists November 13–15, 1958 (Abstracts of reports)]. Stalingrad, b. i. Publ., 1959, 31 p. (In Russ.)

Turnin V. *Nashi малыши* [Our kids]. *Rabotnica* [Worker], 1957, № 6, pp. 26–27. (In Russ.)

Fahrutdinova N.R. *Politika ohrany materinstva i detstva v RSFSR v 1950–1980 godah i ee regional'nye proyavleniya* [The policy of protecting motherhood and childhood in the RSFSR in 1950–1980 and its regional manifestations]. *Vestnik khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.F. Katanova* [Bulletin of the Khakass State University named after N.F. Katanova], 2017, № 22, pp. 129–131. (In Russ.)

Hrenova V.G. *Gigiena poslerodovogo perioda* [Postpartum Hygiene]. *Zdorov'e* [Health], 1958, № 8, p. 30. (In Russ.)

Cherepahin G.K. *Chto nuzhno znat' beremennoj zhenshchine* [What you need to know a pregnant woman]. Gor'kij, Gor'k. obl. gos. izd-vo Publ., 1950, 36 p. (In Russ.)

Shamrina E.A. *Ohrana materinstva i detstva v g. Voronezhe i oblasti vo vtoroj polovine 1940-h – 1980-e gg.* [Protection of motherhood and childhood in the city of Voronezh and the region in the second half of the 1940s – 1980s]. *Vestnik Tambovskogo universiteta* [Bulletin of the Tambov University], 2011, № 5, pp. 296–300. (In Russ.)

Ejges N. *V ozhidanii rebenka* [Expecting a child]. *Sovetskaya zhenshchina* [Soviet Woman], 1956, № 7, p. 45. (In Russ.)

Yuk Z.M. *Trud zhenshchiny i sem'ya* [Labor women and family]. Minsk, Belarus' Publ., 1975, 238 p. (In Russ.)

Никифоров Юрий Сергеевич

Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского;
Вологодский государственный университет**РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА 1950–1990-Х ГГ.
И ЭВОЛЮЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО УСТРОЙСТВА:
РЕПРЕЗЕНТАТИВНОСТЬ И УНИКАЛЬНОСТЬ
ВЕРХНЕВОЛЖСКИХ РЕГИОНОВ ПОЗДНЕГО СССР**

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ,
проект № 19-18-00269 «Трансформация российского общества 1950–1990-х гг.:
классовый генезис и эволюция экономического устройства»*

В статье ставится вопрос о возможностях, перспективах и направлениях в изучении регионального аспекта проблемы трансформации российского общества 1950–1990-х гг. и эволюции экономического устройства в позднем СССР. Теоретико-методологическая основа исследования связана с идеями М.А. Безнина и Т.М. Димони о формировании государственного капитализма в позднем СССР, А. Юрчака о последнем советском поколении. Утверждается, что Верхневолжские области (Владимирская, Ивановская, Костромская, Калининская, Ярославская) периода позднего СССР как объект исторического исследования должны анализироваться одновременно с двух ракурсов. С одной стороны, указывается, что эти регионы в достаточной степени типичны и репрезентативны для изучения позднего СССР в политической и социально-экономической сферах. С другой стороны, подчеркивается уникальность Верхневолжского кластера регионов в плане социокультурных и ментальных характеристик, а также географического положения. Особое внимание в статье уделяется пространственной локализации объекта исследования. Рассматривается роль Верхневолжских регионов как крупных промышленных и научно-технических центров союзно-республиканского масштаба, их значение в военно-промышленном комплексе и оборонительной системе СССР. Констатируется формирование в исследуемых регионах влиятельного слоя политической, хозяйственной и научно-технической элиты. Анализируются уникальные характеристики статуса Верхневолжских регионов как центров российской государственности и национальной, культурной идентичности (туристический маршрут «Золотое кольцо России»), их географическая близость к Москве.

Ключевые слова: элиты, поздний СССР, региональная власть, центр, Хрущев, Брежнев, Верхневолжские регионы, репрезентативность, государственный капитализм, российское общество, классовый генезис, экономическое устройство.

Информация об авторах: Никифоров Юрий Сергеевич, ORCID 0000-0002-4253-4532, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, г. Ярославль, Россия; старший научный сотрудник, Вологодский государственный университет, г. Вологда, Россия.

E-mail: Nikifor2108@yandex.ru

Дата поступления статьи: 17.02.2020.

Для цитирования: Никифоров Ю.С. Региональный аспект исследования трансформации российского общества 1950–1990-х гг. и эволюции экономического устройства: репрезентативность и уникальность Верхневолжских регионов позднего СССР // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 2. С. 52–60. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-52-60.

Yuriy S. Nikiforov

Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University;
Vologda State University**THE REGIONAL ASPECT OF THE STUDY OF THE TRANSFORMATION
OF RUSSIAN SOCIETY IN THE 1950-1990S
AND THE EVOLUTION OF THE ECONOMIC SYSTEM:
REPRESENTATIVENESS AND UNIQUENESS OF THE UPPER VOLGA REGIONS
OF THE LATE USSR**

*The study was financially supported by the Russian Science Foundation,
project No. 19-18-00269 «Transformation of Russian Society of the 1950—1990s:
Class Genesis and Evolution of the Economic Structure»*

The article raises the question of opportunities, prospects and directions in studying the regional aspect of the problem of transformation of Russian society in the 1950-1990s and the evolution of the economic system in the late USSR. The theoretical and methodological basis of the study is connected with the ideas of Mikhail Beznin and Tat'yana Dimoni on the formation of state capitalism in the late USSR; Alexei Yurchak's, on the last Soviet generation. It is argued that the Upper Volga

region (Vladimir, Ivanovo, Kostroma, Kalinin, Yaroslavl) of the late USSR as an object of historical research should be analysed simultaneously from two angles. On the one hand, it is indicated that these regions are sufficiently typical and representative of the study of the late USSR in the political and socio-economic spheres. On the other hand, the uniqueness of the Upper Volga cluster of regions in terms of socio-cultural and mental characteristics, as well as geographical location, is emphasised. Particular attention is paid to the spatial localisation of the object of study. The role of the Upper Volga regions as large industrial and scientific-technical centres of Union-republican significance, their importance in the military-industrial complex and the defence system of the USSR are examined. The formation of the influential layer of the political, economic and scientific-technical elite in the studied regions is noted. The unique characteristics of the status of the Upper Volga regions as centres of Russian statehood and national, cultural identity (the Golden Ring of Russia tourist route), their geographical proximity to Moscow are analysed.

Keywords: elites, late USSR, regional authority, centre, Nikita Khrushchev, Leonid Brezhnev, Upper Volga regions, representativeness, state capitalism, Russian society, class genesis, economic structure.

Information about the authors: Yuriy S. Nikiforov, ORCID 0000-0002-4253-4532, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, scientific secretary of Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University, Yaroslavl, Russia; Senior researcher of Vologda State University, Vologda, Russia.

E-mail: Nikifor2108@yandex.ru

Article received: February 17, 2020.

For citation: Nikiforov Yu.S. The regional aspect of the study of the transformation of Russian society in the 1950-1990s and the evolution of the economic system: representativeness and uniqueness of the Upper Volga regions of the late USSR. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 2, pp. 52–60 (In Russ.). DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-52-60.

В настоящей статье предпринята попытка оценить основные проблемные точки и векторы, показывающие уникальность и репрезентативность Верхневолжских регионов как объектов исследования трансформации российского общества 1950–90-х гг. и эволюции экономического устройства в позднем СССР в направлении государственного капитализма [Безнин, Димони].

Актуальность обращения к региональной проблематике истории позднего СССР обусловлена как сложностями центр-периферийных отношений в новейшей истории России [Коньков], так и тенденциями развития современной историографии, которые подчеркивают отечественные и зарубежные ученые. Теория «пространственного поворота» («спатильный поворот» / «spatial turn») получила широкое развитие в историографии и других гуманитарных науках. Авторитетный российский историк Л.П. Репина в одной из последних статей подчеркивает, что «обращение к более ограниченному – региональному или трансрегиональному – пространствам сулит немалые преимущества или, по меньшей мере, удобства презентации полученных результатов» [Репина: 6]. Данная теория является существенной методологической опорой для исследования региональной истории позднего СССР на материале Верхневолжских областей. По словам А.А. Фокина, другого отечественного историка, «...тема регионов – это еще одно из многочисленных белых пятен в истории СССР» [Фокин: 12]. Английский исследователь М. Добсон, в свою очередь, отмечала, что «послевоенные и постсталинские годы были относительно девственной территорией, по крайней мере, с точки зрения архивных исследований» [Добсон: 905].

Касаясь локализации во времени, следует сказать, что термин «поздний СССР», вынесенный в заголовок статьи, достаточно активно использу-

ется в отечественной и зарубежной историографии [Зубкова: 4]. Исследователь А. Юрчак хронологически идентифицирует этот период в рамках примерно 30 лет советской истории с конца сталинского периода до начала перестройки (начало 1950-х – середина 1980-х), когда «советская система воспринималась большинством советских граждан и большинством зарубежных наблюдателей как система мощная и незыблемая» [Юрчак: 36].

Остановимся на пространственной локализации объекта исследования. Верхневолжские области РСФСР (Владимирская, Ивановская, Костромская, Калининская/Тверская, Ярославская области) как объект исторического исследования представляются регионом достаточно типичным и репрезентативным для анализа трансформации российского общества 1950–90-х гг. и эволюции экономического устройства в контексте взаимодействия периферии с союзно-республиканским центром в позднем СССР. В новейшей отечественной истории понятие «Верхневолжский» соотносится с процессом создания укрупненного совнархоза в эпоху Хрущева. В соответствии с постановлением Совмина РСФСР от 16 марта 1963 г. был создан укрупненный Верхневолжский совнархоз¹, который включал 4 области: Владимирскую, Ивановскую, Костромскую, Ярославскую. Калининская (ныне – Тверская) область не была включена в данный совнархоз, но территориально и географически всегда входила в состав регионов Верхней Волги и Нечерноземья, что с определенными оговорками обуславливает ее включение в перспективу исследования. Подчеркнем, что Верхневолжский регион, сформировавшись в центре России и к северо-востоку от Москвы, еще в эпоху Российской империи исторически включал 4 губернии – Владимирскую, Костромскую, Тверскую, Ярославскую. По словам В.М. Марасановой, «...в рамках административно-территориального деления эти

губернии нередко объединялись, например, под властью наместников времен Екатерины II, генерал-губернаторов начала XIX в., а также в рамках деления на округа (военный, учебный, судебный и др.) [Марасанова: 132]. Следует заметить, что аналогичные процессы слияния и выделения административных единиц имели место и в советскую эпоху: границы Верхневолжских регионов часто менялись. Например, Костромская область была образована в 1944 г. В 1929–1936-х гг. существовала Ивановская промышленная область с центром в Иваново-Вознесенске, включавшая Владимирскую, Иваново-Вознесенскую, Костромскую и Ярославскую губернии.

Стоит сказать, что в современных междисциплинарных исследованиях термины, связанные с официальным административно-территориальным делением, в том числе «регион», часто заменяются понятием «провинция», проблема которой широко затронута в трудах Т.С. Злотниковой и ее научной школы [Злотникова; Модель культуры]. В контексте настоящей статьи интерес представляет работа В.Л. Каганского, в которой провинция характеризуется как «базовая территория, середина, средняя зона, ядро типичности». С его точки зрения, провинция – «относительно самодостаточная, внутренне связанная, нецентростремительная средняя зона, удаленная от краев и крайностей. Балансир и база системы» [Каганский: 78]. Каганский через веерную матрицу 4 основных типов ландшафта (характерных территорий бывшего СССР, где города обозначают регионы) определяет один из центров Верхневолжских регионов (Ярославль) в качестве примера типичной провинции [Каганский: 78].

Подчеркнем, что со строго формальной исторической точки зрения термин «провинция» применительно к советской эпохе является, конечно же, искусственным конструктом. Однако при изучении отдельных социокультурных и экономических аспектов представляется возможным экстраполировать это междисциплинарное понятие и на историческое исследование Верхневолжских регионов эпохи позднего СССР.

Касаясь литературы по новейшей отечественной истории анализируемых Верхневолжских регионов, отметим, что за последние 25 лет вышло в свет много ценных *обобщающих научных трудов, энциклопедических и учебных изданий* [Анисков, Рутковский, Балдин, Ильин, Веселов, Зенькович, Копылов, Михня, Рязанцев, Салова; Марасанова, Тихомиров].

Большой интерес представляют *биографические исследования*, связанные с региональными (партийными, советскими и хозяйственными) лидерами советской эпохи 1950–80-х гг. [Башкиров, Белов, Иштуин, Потапов, Размолодин; Человек и его эпоха].

Особую ценность в контексте исследования коммуникативных практик и исторической памяти представляют мемуары представителей региональной элиты Верхневолжских регионов [Белоусов, Быстров; Бородин; Бученков; Дерунов; Еремин; Исаков; Лощенков; Теплов; Торопов].

Изучение историографии данного вопроса свидетельствует либо о наличии учебных и краеведческих работ по Верхневолжским регионам, либо трудов, связанных с анализом деятельности отдельных представителей местной элиты рассматриваемого периода, либо редких мемуаров самих представителей советской региональной элиты. Можно констатировать отсутствие в историографии работ, непосредственно связанных с комплексным изучением феномена взаимодействия Верхневолжских регионов с союзно-республиканским центром.

Ценность Верхневолжских регионов как объекта исторического исследования для анализа феномена трансформации российского общества и экономического устройства в позднем СССР в контексте взаимодействия советской провинции и союзно-республиканского центра объясняется рядом позиций.

В первую очередь, следует подчеркнуть, что Верхневолжские регионы – это *крупные промышленные и научно-технические центры союзно-республиканского значения*. В позднем СССР индустриальную мощь регионов составляли такие «гиганты», как Владимирский моторо-тракторный завод, Калининский вагоностроительный завод, Ивановский завод тяжелого станкостроения, Ярославский моторный завод, Рыбинский авиадвигательный завод, Костромской экскаваторный завод.

Научно-технический потенциал регионов был обусловлен наличием крупных отраслевых и академических институтов. Среди наиболее известных стоит назвать, например, Научно-исследовательский институт мономеров синтетического каучука (НИИМСК) в Ярославле, НИИ внутренних вод Академии наук СССР в Борке Ярославской области, научно-производственное объединение «Центрпрограммсистем» в Калининне, Институт химии растворов Академии наук СССР в Иванове, Всесоюзный научно-исследовательский проектно-конструкторский и технологический институт электромашиностроения во Владимире, НИИ льняной промышленности в Костроме.

Помимо прочего, учитывая милитаризованный характер советского государства и общества, стоит подчеркнуть, что данные регионы играли *существенную роль в военно-промышленном комплексе и оборонительной системе СССР*. Выделим, к примеру, такие объекты, как оружейный завод им. В.А. Дегтярева в Коврове Владимирской области, судостроительный завод «Вымпел» в Рыбинске Ярославской области, военный аэродром «Иваново-Северный» в Ивановской области, а также

высшие военные учебные заведения эпохи позднего СССР (Военная академия радиационной, химической и биологической защиты имени С.К. Тимошенко в Костроме, Военная командная академия противовоздушной обороны в Калинин, Ярославское высшее военное училище противовоздушной обороны, Ярославский военный финансово-экономический институт им. генерала армии А.В. Хрулёва), расположенные в этих областях. Сосредоточение в регионах крупных предприятий и НИИ обусловило *формирование влиятельного слоя хозяйственной и научно-технической элиты.*

Во-вторых, выделим *уникальную роль данных регионов как культурных и образовательных центров.* Прежде всего, подчеркнем наличие в регионах огромного историко-культурного наследия, отражающего зарождение российской государственности и национальной идентичности – знаменитый туристический маршрут «Золотое кольцо России» [Бычков: 2]. Все Верхневолжские регионы отличаются высокой концентрацией памятников культуры и архитектуры средних веков и нового времени (к примеру, Владимиро-Суздальский историко-художественный и архитектурный музей-заповедник, Музей народного деревянного зодчества в Костроме, Ярославский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, Ярославский драматический театр им. Ф.Г. Волкова и др.).

Концентрация вузов, уступающая только городам-миллионникам СССР, способствовала формированию широкого слоя высококвалифицированных педагогических, инженерных, медицинских и военных кадров, которые обеспечивали не только сами регионы, но и служили резервом для соседних областей.

В-третьих, подчеркнем *географическую близость Верхневолжских регионов к Москве,* опоясывающих столицу с северо-востока и частично с запада. Заявленные регионы исторически были и вплоть до настоящего времени являются одними из основных «доноров» человеческого капитала для столицы России, источником высококвалифицированных трудовых ресурсов [Горбачев; Денисова]. В позднем СССР эти трудовые кадры, прибывавшие очень часто из соседних регионов и через пару десятилетий становившиеся постоянными жителями столицы, не совсем уважительно именовались «лимитчики» [Горлов].

Справедливости ради стоит сказать, что, несмотря на историко-культурное единство Верхневолжских регионов, в традиционном представлении Ивановская область воспринималась как текстильный край, Костромская область в большей степени как аграрный регион, а Ярославская область как наиболее близкая к столице, урбанизированная и промышленно развитая в сфере машиностроения и нефтехимии.

В-четвертых, коснемся такого дискуссионного аспекта, как особая *ментальность элит и рядовых граждан* [Дутов]. На протяжении всей отечественной истории население Верхневолжских регионов, с одной стороны, периодически демонстрировало повышенную пассионарность (в терминологии Л.Н. Гумилева), роль одного из ключевых звеньев в поддержке российской государственности (период Смутного Времени, Отечественная война 1812 г., Великая Отечественная война). С другой стороны, эти территории часто являлись центрами протестного движения (революции и Гражданская война в XX в., протесты периода перестройки). В интервью один из экспертов в области психологии, профессор, доктор психологических наук В.А. Мазилев отметил, что «люди в этом регионе особые, более оппозиционные» [Интервью]. Выскажем гипотезу, что элиты и общество Верхневолжских регионов обладали в поздний советский период особой рациональной ментальностью, причудливо сочетавшей традиционные качества волжан (например, «ярославский расторопный мужик», воспетый Н.В. Гоголем) и влияние советской идеологии. В частности, региональные элиты этих областей, открыто демонстрируя лояльность Москве, латентно проявляли своеобразную строптивость и нежелание идти в русле, уготованном центральной властью, периодически добиваясь успеха в отстаивании региональных интересов.

Характеризуя властные отношения и общественно-политическую сферу регионального уровня в позднем СССР, еще раз заострим внимание на близости Верхневолжских регионов к столице, которая обусловила возможности более частых личных контактов региональной и союзно-республиканской элиты. На рубеже 1960-70-х гг. на фоне общесоюзной тенденции геронтократизации власти в Политбюро ЦК КПСС во властных структурах Верхневолжских регионов постепенно

Таблица

Первые секретари Верхневолжских обкомов КПСС к середине 1970-х гг.

Обком	Владимирский обком КПСС	Ивановский обком КПСС	Калининский обком КПСС	Костромской обком КПСС	Ярославский обком КПСС
ФИО, годы жизни, период пребывания на посту 1-го секретаря обкома	М.А. Пономарёв (1918–2001), 1961–1983	В.Г. Клюев (1924–1998), 1972–1985	Н.Г. Корытков (1910–2000) 1960–1978	Ю.Н. Баландин (1925–2004), 1971–1986	Ф.И. Лощенко (1915–2009), 1961–1986
Пик карьеры на центральном уровне	Зам. председателя Комиссии партийного контроля при ЦК КПСС, 1983–1988	Министр легкой промышленности СССР, 1985–1989	–	Зам. председателя Госагропромкомитета СССР, 1986–1989	Председатель Госрезерва СССР, 1986–1989

наступала *эра политических долгожителей*. Региональных лидеров второй половины 1960-х гг. – первой половины 1980-х гг. можно с полным правом назвать своеобразными «властелинами» Золотого кольца. Среди этих «властелинов» особо выделялись первые секретари региональных парткомов – М.А. Пономарёв, В.Г. Ключев, Н.Г. Корытков, Ю.Н. Баландин, Ф.И. Лощенков. Некоторые особенности политической карьеры этих региональных лидеров представлены ниже в таблице, составленной на основе базы данных «Бинарная просопографическая таблица как инструмент исследования социокультурных характеристик советских региональных элит: источники и методика» [Никифоров].

Как видно из таблицы, некоторые высшие представители региональной элиты Верхневолжских регионов сделали прекрасную карьеру на общесоюзном и/или республиканском уровне. Указанные фигуры представляют собой интересный феномен для анализа как в разрезе региональной власти, так и в ракурсе союзно-республиканской элиты. К примеру, В.Г. Ключев может быть исследован одновременно и как представитель провинциальной элиты (1-й секретарь Ивановского обкома), и на уровне союзной элиты (министр лёгкой промышленности СССР). Ю.Н. Баландин – 1-й секретарь Костромского обкома КПСС (1971–1986) – в 1986–1989 гг. был зам. председателя Государственного агропромышленного комитета СССР. Ф.И. Лощенков – 1-й секретарь Ярославского обкома КПСС (1961–1986) – позднее занимал пост председателя Госкомитета СССР по материальным резервам (1986–1989). М.А. Пономарев – 1-й секретарь Владимирского обкома КПСС (1961–1983) – был заместителем председателя Комитета партийного контроля при ЦК КПСС. В более ранний период (конец 1950-х гг. – 1960-е гг.) подобные вертикальные перемещения в Москву также имели место в обозначенных регионах. Например, И.В. Капитонов – 1-й секретарь Ивановского обкома КПСС (1959–1964) – с 1965 по 1986 г. был на работе в ЦК КПСС. Л.Я. Флорентьев также может анализироваться и как представитель провинциальной элиты (1-й секретарь Костромского обкома КПСС, 1965–1983), и на уровне республиканской элиты (министр сельского хозяйства РСФСР). Аналогичный подход может быть применен и при анализе других крупных представителей региональной элиты Верхневолжских регионов РСФСР.

Обратимся к такому важному для исторического исследования аспекту, как *источниковая база*. Ключевыми для исследования трансформации российского общества 1950–1990-х гг. и эволюции экономического устройства в контексте центр-периферийной коммуникации Верхневолжских регионов и союзно-республиканского центра являются фонды региональных (област-

ных) партийных комитетов (обкомов) КПСС и областных исполнительных комитетов (облисполкомов): фонды № 830 («Владимирский обком КПСС») и № Р-3789 («Владимирский облисполком») Государственного архива Владимирской области (ГАВО), фонд № 765 («Костромской обком КПСС») Государственного архива новейшей истории Костромской области (ГАНИКО), фонды № 147 («Калининский обком КПСС») в Центре документации новейшей истории Тверской области (ЦДНИТО) и № Р-2043 («Калининский облисполком») в Государственном архиве Тверской области (ГАТО), фонды № 272 («Ярославской обком КПСС») Центра документации новейшей истории Ярославской области (ЦДНИЯО) и № Р-2380 («Ярославский облисполком») Государственного архива Ярославской области (ГАЯО).

Безусловно, интерес представляют и фонды центральных архивов. В Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) для анализа важны такие фонды, как «Бюро ЦК КПСС по РСФСР» (Ф. 556), «ЦК КПСС» (Ф. 17), «Письма в редакцию газеты «Сельская жизнь» (Ф. 591). В Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ) необходимо исследовать фонды «Аппарат ЦК КПСС» (Ф. 5) и «Подотдел писем Общего отдела ЦК КПСС (1953–1991 гг.)» (Ф. 100), а также фонды некоторых высших советских и партийных государственных деятелей: Л.И. Брежнева (Ф. 80), М.А. Суслова (Ф. 81), Ю.В. Андропова (Ф. 82), М.С. Горбачева (Ф. 84). В Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) важно подвергнуть анализу описи таких масштабных фондов, как «Совет министров СССР» (Ф. Р5446), «Совет министров РСФСР» (Ф. А259), «Верховный совет РСФСР» (Ф. А385), «Верховный совет СССР» (Ф. Р7523).

Важно подчеркнуть, что при анализе документов 1960-х гг. следует учитывать реформу Н.С. Хрущева 1962 г. [Хлевнюк]. Разделение региональных партийных органов по производственному принципу на промышленные и сельскохозяйственные нашло отражение и в систематизации архивных документов. Материалы, охватывающие 1962–1964 гг., присутствуют в 2-х фондах. Так, например, в Тверской области – это фонды № 632 («Калининский сельскохозяйственный обком КПСС») и № 631 («Калининский промышленный обком КПСС»), а в Ярославской области – фонды № 7386 («Ярославский промышленный обком КПСС») и № 7385 («Ярославский сельскохозяйственный обком КПСС»). Та же особенность наблюдается и в архивохранилищах трех других Верхневолжских регионов: Владимирской, Ивановской и Костромской областей. В указанных фондах отложились различные *делопроизводственные документы*, включая стенограммы

и протоколы партийных пленумов и конференций, переписка с союзно-республиканскими органами власти, в том числе различного рода ходатайства, отчеты, справки, информации. Исследователь А.М. Дубровский очень точно охарактеризовал *источниковедческие особенности* некоторых из названных документов: «Протоколы собраний, стенограммы заседаний, отчёты – обладают высокой степенью достоверности... важно знать, на что опирается исследователь – на протокол или стенограмму, поскольку степень полноты информации, точность передаваемых высказываний в них существенно разнятся» [Дубровский: 185].

Подводя итоги, отметим, что Верхневолжские области РСФСР (Владимирская, Ивановская, Костромская, Тверская, Ярославская области) представляются регионом достаточно типичным и репрезентативным для анализа *позднего СССР* в силу ряда факторов: традиционное ядро российской государственности, относительная этническая однородность, крупный развитый промышленный, культурный и научно-технический центр РСФСР. В 1950–1980-е гг. Верхневолжские регионы выгодно выделялись как в масштабах РСФСР, так и всего СССР своим экономическим и человеческим потенциалом. Возьмем на себя смелость утверждать, что период 1950-х – середины 1980-х гг. был своеобразным «золотым веком» для Верхневолжских регионов – временем интенсивного роста промышленного и сельскохозяйственного потенциала, возведения масштабных инфраструктурных объектов, развития сети научно-образовательных и культурных центров, формирования и развития регионального «человеческого капитала», который проявлял себя и на общесоюзном уровне. В тоже время следует подчеркнуть уникальность этого *кластера регионов*: наличие огромного историко-культурного наследия (туристический маршрут «Золотое кольцо»), географическая близость к Москве, особая ментальность элит и рядовых граждан.

Примечания

¹ Государственный архив Ярославской области (ГА ЯО). Ф. Р-3651. Оп. 1. Д. 295. Л. 1–12.

Список литературы

Анисков В.Т., Рутковский М.А. История Ярославского края (1928–1998). Ярославль: ЯрГУ, 2000. 290 с.

Балдин К.Е., Семенов А.М. Иваново. Из прошлого в будущее. Иваново: ИвГУ, 2011. 247 с.

Балдин К.Е., Ильин Ю.А. Ивановский край в истории Отечества. Иваново: ИвГУ, 1998. 150 с.

Балдин К.Е. От кустарного села к индустриальному «мегаполису». Иваново: ИвГУ, 2004. 250 с.

Башкиров Г.В. «Истинный интеллигент» в роли регионального лидера. Некоторые особенности деятельности В.И. Торопова на посту первого сек-

ретаря Костромского обкома КПСС // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI вв.: материалы XV Международной научной конференции. Иваново: ИвГУ, 2016. С. 382–388.

Безнин М.А., Димони Т.М. Личное приусадебное хозяйство как индикатор отмирания аграрного общества в России // Вопросы истории. 2019. № 12. С. 84–96.

Белов А.М. Руководители Костромской губернии и области 1778–2009 гг. Кострома: КГУ, 2009. 296 с.

Белоусов А., Быстров М. Город, в который я верю. Тверь: Тверь-Информ, 2012. 173 с.

Бородин М.Е. Время, действия, лица: воспоминания. Белгород: Белгородская областная типография, 2011. 422 с.

Бученков Е.В. С высоты прожитых лет. Владимир: Калейдоскоп, 2009. 285 с.

Бычков Ю. Золотое кольцо. Осуществимая мечта / Ю. Бычков, А. Фомин // Советская культура. 1967. 12 декабря. С. 2

Веселов В.Р. История Костромского края XX в. Кострома: КГУ, 1997. 231 с.

Горбачёв О.В. На пути к городу: сельская миграция в Центральной России (1946–1985 гг.) и советская модель урбанизации. М.: Наука, 2002. 158 с.

Горлов В.Н. Московские лимитчики 1960–80-х гг. как особая категория жителей столицы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 1. С. 72–80.

Денисова Л.Н. Исчезающая деревня России: Нечерноземье в 1960–1980-е гг. М.: Наука, 1996. 215 с.

Дерунов П.Ф. Моторостроители. Рыбинск: Рыбинский Дом печати, 1998. 200 с.

Дубровский А.М. Книга рождает размышления // Российская история. 2019. № 4. С. 184–187.

Дутов Н.В. Особенности менталитета Ярославцев. Ярославль как культурно-исторический тип: образ жизни, поведенческие модели, люди, события. Ярославль: Ремдер, 2006. 144 с.

Еремин А. Е. От станка до Верховного Совета. Кострома, 2003. 168 с.

Зенькович Н. Губернаторы новой России: Энциклопедия карьер. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. 581 с.

Зубкова Е.Ю. Советская жизнь как предмет исторической реконструкции // Российская история. 2019. № 5. С. 3–14.

Злотникова Т.С., Ерохина Т.И., Летина Н.Н., Киященко Л.П. Русская провинция в философском дискурсе: концептуализация метафоры // Вопросы философии. 2014. № 11. С. 126–136.

Ишутин В.И. Пономарев. Первый секретарь. Владимир: Граф Цепелин, 2008. 257 с.

Исаков В.З. Дневники и воспоминания. Летопись нашего времени. Тверь: Лилия Принт, 2006. 422 с.

Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М.: НЛЮ, 2001. 573 с.

Коньков А.Е. Центр-периферийные отношения в Российской Федерации в условиях административной реформы. М.: МГУ, 2008. 24 с.

Копылов Д.И. История Владимирского края в XX столетии. Владимир: Департамент образования Администрации Владим. обл., 1999. 144 с.

Липин В.П. Без прикрас о себе и других. Тверь: СФК-офис, 2016. 160 с.

Интервью с профессором В.А. Мазилковым [Личный архив автора].

Лощенков Ф.И. От Сталина до Горбачева. Ярославль: ЛИЯ, 2000. 79 с.

Марасанова В.М. Деятельность губернаторов Верхневолжского региона России в условиях Первой мировой войны (август 1914 – февраль 1917 гг.) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2013. № 8. С. 132–139.

Михня С.Б. История Тверской земли с древнейших времен до наших дней. Тверь: Мартин, 2008. 264 с.

Модель культуры русской провинции в аутентичном, историко-типологическом и глобализационном дискурсах. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2013. 286 с.

Никуфоров Ю.С. Бинарная просопографическая таблица как инструмент исследования социокультурных характеристик советских региональных элит: источники и методика. Свидетельство о регистрации базы данных RU 2019621244, 11.07.2019.

Потанов Г.П. Директор: светлой памяти А.М. Добрынина. Ярославль: Индиго, 2011. 126 с.

Размолодин М.Л. Эпизоды из жизни и деятельности Ф.И. Лощенкова (интервью с бывшим 1-м секретарем Ярославского обкома КПСС). Ярославль: ЛИЯ, 1995. 176 с.

Репина Л.П. История регионов, или «территория историка» после пространственного поворота // Диалог со временем. 2019. № 69. С. 5–16.

Рутковский М.А., Воскресенский С.Г. Страницы современной истории Ярославской области (1985–2010). Ярославль: Ленинградский гос. ун-т им. А.С. Пушкина, Ярославский фил., 2010. 207 с.

Рутковский М.А., Рутковская Л.М. Полвека ярославской экономики. Начало 1960-х – 2010. Ярославль: Верхняя Волга, 2011. 176 с.

Рязанцев Н.П., Салова Ю.Г. История Ярославского края. Рыбинск: Рыбинский Дом печати, 2005. 277 с.

Теплов В.В. Автопортрет во времени: воспоминания художника. Ярославль: Печать, 2015. 347 с.

Тихомиров А.М. Иваново. Иваново-Вознесенск. Путеводитель сквозь времена. Иваново: ИвГУ, 2011. 327 с.

Торопов В.Ф. Незабываемое. Записки председателя облисполкома. Ярославль: Верх. Волга, 2001. 173 с.

Фокин А.А. Коммунизм не за горами. Образы будущего у власти и населения СССР на рубеже 1950–1960-х годов. М.: РОССПЭН, 2017. 221 с.

Хлевнюк О.В. Роковая реформа Н.С. Хрущёва: разделение партийного аппарата и его последствия, 1962–1964 гг. // Российская история. 2012. № 4. С. 164–179.

Шаттенберг С. Леонид Брежнев. Величие и трагедия человека и страны. М.: РОССПЭН, 2018. 623 с.

Человек и его эпоха. Почетный гражданин города Ярославля В.Ф. Горулев / авт.-сост. И.В. Пухтий. Ярославль, 2012. 235 с.

Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось: последнее советское поколение. М.: НЛЮ, 2014. 664 с.

Gorlizki Y. Too much trust: Regional party leaders and local political networks under Brezhnev. *Slavic Review*, 2010, № 69 (3), pp. 676–700.

Dobson M. The Post-Stalin Era. De-Stalinization, Daily Life, and Dissent. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 2011, № 12 (4), pp. 905–924.

References

Aniskov V.T., Rutkovskij M.A. *Istoriya Yaroslavskogo kraya (1928–1998)* [History of the Yaroslavl Territory (1928–1998)]. Yaroslavl, YArGU Publ., 2000, 290 p. (In Russ.)

Baldin K.E., Semenenko A.M. *Ivanovo: Izproshlogo v budushhee* [Ivanovo: From the past to the future]. Ivanovo, IvGU Publ., 2011, 247 p. (In Russ.)

Baldin K.E., Il'in Yu.A. *Ivanovskij kraj v istorii Otechestva* [Ivanovo region in the history of the Fatherland]. Ivanovo, IvGU Publ., 1998, 150 p. (In Russ.)

Baldin K.E. *Ot kustarnogo sela k industrial'nomu «megapolisu»* [From artisanal village to industrial "megapolis"]. Ivanovo, IvGU Publ., 2004, 250 p. (In Russ.)

Bashkirov G.V. «Istinnij intelligent» v roli regional'nogo lidera. *Nekotorye osobennosti deyatel'nosti V.I. Toropova na postu 1-go sekretarya Kostromskogo obkoma KPSS* [True intellectual "as a regional leader. Some features of the activity of V.I. Toropova as First Secretary of the Kostroma Regional Party Committee]. *Gosudarstvo, obshchestvo, cerkov' v istorii Rossii XX–XXI vv.: materialy XV Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [State, society, church in the history of Russia of the XX – XXI centuries: materials of the XV International Scientific Conference]. Ivanovo, IvGU Publ., 2016, pp. 382–388. (In Russ.)

Beznin M.A., Dimoni T.M. *Lichnoe priusadebnoe hozyajstvo kak indikator otmiraniya agrarnogo obshchestva v Rossii* [Personal household plots as an indicator of the withering away of agrarian society in

Russia]. *Voprosy istorii* [History issues], 2019, № 12, pp. 84–96. (In Russ.)

Belov A.M. *Rukovoditel iKostromskoj gubernii i oblasti 1778–2009* [The leaders of the Kostroma province and the region 1778-2009]. Kostroma, KGU Publ., 2009, 296 p. (In Russ.)

Belousov A., Bystrov M. *Gorod, v kotoryj ya veryu* [The city I believe in]. Tver, Tver'-Inform Publ., 2012, 173 p. (In Russ.)

Borodin M.E. *Vremya, dejstviya, lica: vospominaniya* [Time, Actions, Faces: Memories]. Belgorod, Belgorodskaya oblastnaya tipografiya Publ., 2011, 422 p. (In Russ.)

Buchenkov E.V. *S vysoty prozhityh let* [From the height of past years]. Vladimir, Kalejdoskop Publ., 2009, 285 p. (In Russ.)

Bychkov Yu., Fomin A. *Zolotoe kol'co. Osushchestvimaya mechta* [Gold ring. A feasible dream]. *Sovetskaya kul'tura* [Soviet culture], 1967, 12 dec., 2 p. (In Russ.)

Veselov V.R. *Istoriya Kostromskogo kraja XX v.* [The history of the Kostroma region of the XX century]. Kostroma, KGU Publ., 1997, 231 p. (In Russ.)

Gorbachyov O.V. *Na puti k gorodu: sel'skaya migraciya v Central'noj Rossii (1946–1985) i sovetskaya model' urbanizacii* [On the way to the city: rural migration in Central Russia (1946–1985) and the Soviet model of urbanization]. Moscow, MPGU Publ., 2002, 158 p. (In Russ.)

Gorlov V.N. *Moskovskie limitchiki 1960–80-h gg. kak osobaya kategoriya zhitelej stolicy* [Moscow Limiters of the 1960s and 80s as a special category of residents of the capital]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki* [Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Political Science], 2018, № 1, pp. 72–80. (In Russ.)

Denisova L.N. *Ischezajushhaja derevnya Rossii: Nechernozem'e v 1960–1980-e gg.* [The Disappearing Village of Russia: Non-Black Earth Region in the 1960-1980]. Moscow, Nauka Publ., 1996, 215 p. (In Russ.)

Derunov P.F. *Motorostroiteli* [Motor builders]. Rybinsk, Rybinskij Dom pečhati Publ., 1998, 200 p. (In Russ.)

Dubrovskij A.M. *Kniga rozhdaet razmyshleniya* [The book gives rise to thoughts]. *Rossijskaya istoriya* [Russian history], 2019, № 4, pp. 184–187. (In Russ.)

Dutov N.V. *Osobennosti mentaliteta Yaroslavcev. Yaroslavec kak kul'turno-istoricheskij tip: obraz zhizni, povedencheskie modeli, lyudi, sobytiya* [Features of the mentality of Yaroslavl. Yaroslavets as a cultural-historical type: lifestyle, behavioral models, people, events]. Yaroslavl, Remder Publ., 2006, 144 p. (In Russ.)

Eremin A.E. *Ot stanka do Verhovnogo Soveta* [From the machine tool to the Supreme Council]. Kostroma, 2003, 168 p. (In Russ.)

Zen'kovich N. «*Gubernatory novoj Rossii. Enciklopediya kar'er*» [The governors of the new Russia. Encyclopedia of quarries]. Moscow, OLMA Media Grupp Publ., 2007, 581 p. (In Russ.)

Zubkova E.Yu. *Sovetskaya zhizn' kak predmet istoricheskoy rekonstrukcii* [Soviet life as a subject of historical reconstruction]. *Rossijskaya istoriya* [Russian history], 2019, № 5, pp. 3–14. (In Russ.)

Zlotnikova T.S., Erohina T.I., Letina N.N., Kiyashchenko L.P. *Russkaya provinciya v filosofskom diskurse: konceptualizaciya metafory* [Russian province in philosophical discourse: conceptualization of metaphor]. *Voprosy filosofii* [Philosophy Issues], 2014, № 11, pp. 126–136. (In Russ.)

Ishutin V.I. *Ponomarev. 1-j sekretar'* [Ponomarev. First secretary]. Vladimir, Graf Ceppelin Publ., 2008, 257 p. (In Russ.)

Isakov V.Z. *Dnevnik i vospominaniya. Letopis' nashego vremeni* [Diaries and memories. Chronicle of our time]. Tver, Liliya Print, 2006, 422 p. (In Russ.)

Kaganskij V.L. *Kul'turnyj landshaft i sovetskoe obitaemoe prostranstvo* [Cultural landscape and Soviet habitable space]. Moscow, NLO Publ., 2001, 573 p. (In Russ.)

Kon'kov A.E. *Centr-periferijnye otnosheniya v Rossijskoj Federacii v usloviyah administrativnoj reform* [Center-peripheral relations in the Russian Federation in the context of administrative reform]. Moscow, MGU Publ., 2008, 22 p. (In Russ.)

Kopylov D.I. *Istoriya Vladimirskogo kraja v XX stoletii* [The history of the Vladimir region in the XX century]. Vladimir, Departament obrazovaniya Administracii Vladim. obl. Publ., 1999, 144 p. (In Russ.)

Interv'ju s V.A. Mazilov: lichnyj arhiv avtora (Nikiforov Yu.S.) [Interview with V.A. Mazilov: personal archive of the author] (In Russ.)

Lipin V.P. *Bez prikras o sebe i drugih* [Without embellishment about yourself and others]. Tver', SFK-ofis Publ., 2016, 160 p. (In Russ.)

Loshhenkov F.I. *Ot Stalina do Gorbacheva* [From Stalin to Gorbachev]. Yaroslavl, LIYA Publ., 2001, 79 p. (In Russ.)

Marasanova V.M. *Deyatel'nost' gubernatorov Verhnevolzhskogo regiona Rossii v usloviyah Pervoj mirovoj vojny (avgust 1914 – fevral' 1917)* [The activities of the governors of the Upper Volga region of Russia in the First World War (August 1914 – February 1917)]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific reports of Belgorod State University], 2013, № 8, pp. 132–139. (In Russ.)

Mihnya S.B. *Istoriya Tverskoj zemli s drevnejshih vremen do nashih dnei* [The history of Tver land from ancient times to the present day]. Tver', Martin Publ., 2008, 264 p. (In Russ.)

Model' kul'tury russkoj provincii v autentichnom, istoriko-tipologicheskom i globalizacionnom diskursah

[The model of culture of the Russian province in authentic, historical-typological and globalization discourses]. Yaroslavl, YAGPU Publ., 2013, 286 p. (In Russ.)

Nikiforov Yu.S. *Binarnaya prosopograficheskaya tablica kak instrument issledovaniya sociokul'turnyh harakteristik sovetskikh regional'nyh elit: istochniki i metodika* [Binary prosopographic table as a tool for studying the socio-cultural characteristics of Soviet regional elites: sources and methods]. Svidetel'stvo o registracii bazy dannyh RU 2019621244, 11.07.2019. (In Russ.)

Potapov G.P. *Direktor: svetloj pamyati A.M. Dobrynina* [Director: blessed memory of A.M. Dobrynin]. Yaroslavl, Indigo Publ., 2011, 126 p. (In Russ.)

Razmolodin M.L. *Epizody iz zhizni i deyatel'nosti F.I. Loshchenkova (interv'yuu s byvshim 1-m sekretarem Yaroslavskogo obkoma KPSS)* [Episodes from the life and work of F.I. Loshchenkova (interview with the former 1st Secretary of the Yaroslavl Regional Committee of the CPSU)]. Yaroslavl', LIYA Publ., 1995, 176 p. (In Russ.)

Repina L.P. *Istoriya regionov, ili «territoriya istorika» posle prostranstvennogo povorota* [The history of the regions, or “territory of the historian” after a spatial turn]. *Dialog so vremenem* [Dialogue over time], 2019, № 69, pp. 5–16. (In Russ.)

Rutkovskij M.A., Voskresenskij S.G. *Stranicy sovremennoj istorii Jaroslavskoj oblasti (1985–2010)* [Pages of the modern history of the Yaroslavl region (1985–2010)]. Yaroslavl, Leningradskij gos. un-t im. A.S. Pushkina, YAroslavskij fil Publ., 2010, 207 p. (In Russ.)

Rutkovskij M.A., Rutkovskaya L.M. *Polveka yaroslavskoj ekonomiki. Nachalo 1960–2010* [Half a century of the Yaroslavl economy. Early 1960s - 2010]. Yaroslavl', Verhnyaya Volga Publ., 2011, 176 p. (In Russ.)

Ryazancev N.P., Salova Yu.G. *Istoriya Yaroslavskogo kraja* [History of Yaroslavl region]. Rybinsk, Rybinskij Dom pechati Publ., 2005, 277 p. (In Russ.)

Teplov V.V. *Avtoportret vo vremeni: vospominaniya hudozhnika* [Self portrait in time: artist's memories]. Yaroslavl', Pechat' Publ., 2015, 347 p. (In Russ.)

Tihomirov A.M. *Ivanovo. Ivanovo-Voznesensk. Putevoditel' skvoz' vremena* [Ivanovo Ivanovo-Voznesensk. A guide through time]. Ivanovo, IvGU Publ., 2011, 327 p. (In Russ.)

Toropov V.F. *Nezabyvaemoe. Zapiski predsedatelja oblispolkoma* [Unforgettable. Notes by the chairman of the regional executive committee]. Yaroslavl', Verh. Volga Publ., 2001, 173 p. (In Russ.)

Fokin A.A. *Kommunizm ne za gorami. Obrazy budushchego u vlasti i naseleniya SSSR na rubezhe 1950–1960* [Communism is just around the corner. Images of the future in power and the population of the USSR at the turn of the 1950s and 1960s]. Moscow, ROSSPJeN Publ., 2017, 221 p. (In Russ.)

Hlevnyuk O.V. *Rokovaya reforma N.S. Hrushchyova: razdelenie partiynogo apparata i ego posledstviya. 1962–1964* [Fatal reform of N.S. Khrushchev: separation of the party apparatus and its consequences. 1962-1964]. *Rossiyskaya istoriya* [Russian history], 2012, № 4, pp. 164–179. (In Russ.)

CHelovek i ego epoha. Pochetnyj grazhdanin goroda Yaroslavlya. V.F. Gorulev [Man and his era. Honorary Citizen of the City of Yaroslavl. V.F. Gorulev]. Yaroslavl, 2012, 235 p. (In Russ.)

Shattenberg S. *Leonid Brezhnev. Velichie i tragedijacheloveka i strany* [Leonid Brezhnev. The greatness and tragedy of man and country]. Moscow, ROSSPJeN Publ., 2018, 623 p. (In Russ.)

Jurchak A. *Jeto bylo navsegda, poka ne konchilos': poslednee sovetskoe pokolenie* [It was forever until it ended: the last Soviet generation]. Moscow, NLO Publ., 2014, 664 p. (In Russ.)

К 75-летию Победы в Великой Отечественной войне

DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-61-67
УДК 94(470)''1941/1945''

Волков Григорий Юрьевич

Костромская государственная сельскохозяйственная академия

ПЛАНЫ НАЦИСТСКОГО РУКОВОДСТВА ТРЕТЬЕГО РЕЙХА ПО ОККУПАЦИИ СССР

Победа в Великой Отечественной войне сохранила нашу страну в мировой истории. Это было великое торжество не только вооруженных сил, но и идей. В статье широко применяются советские и современные издания как российских, так и зарубежных ученых, посвященные Великой Отечественной войне. Показана преступная сущность А. Гитлера, его личностные качества, образ мышления, осуществлен анализ его высказываний, официальных выступлений, частных бесед, «застольных речей», «Майн Кампф». Также реконструирован процесс мышления других нацистских гражданских и военных лидеров, которые действовали вместе со своим фюрером, преследуя общую цель. В статье впервые, с учетом логики мышления руководства Третьего рейха, прослеживается буквально по годам, что война против СССР была задумана как тотальный геноцид и тщательно проработана по всем направлениям. Яркое свидетельство этому – процитированные планы, директивы, приказы, меморандумы, распоряжения и др. Автор приходит к выводу, что кровавая бесчеловечная логика руководства германского рейха, крупных предпринимателей и банкиров, членов НСДАП и СС, генералов и солдат вермахта, легиона различного рода чиновников четко показывает, что все они были едины в своем стремлении «прекратить русскую историю».

Ключевые слова: СССР, Германия, Гитлер, руководство Третьего рейха, война, геноцид, оккупация, вермахт, планы.

Информация об авторе: Волков Григорий Юрьевич, ORCID 0000-0002-0296-4001, кандидат исторических наук, доцент, Костромская государственная сельскохозяйственная академия, Кострома, Россия.

E-mail: grisha.volkov.53@inbox.ru

Дата поступления статьи: 16.03.2020.

Для цитирования: Волков Г.Ю. Планы нацистского руководства Третьего рейха по оккупации СССР // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 2. С. 61–67. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-61-67.

Grigoriy Yu. Volkov

Kostroma State Agricultural Academy

PLANS OF THE NAZI LEADERSHIP OF THE THIRD REICH FOR THE OCCUPATION OF THE USSR

The victory over the Axis powers had virtually preserved Russia in world history. It was a great celebration not only of the armed forces, but also of ideas. The article widely uses Soviet and modern publications, by both Russian and foreign scientists, dedicated to the East Front of World War II. The criminal essence of Adolf Hitler's personality, his personal traits, way of thinking is shown, the analysis of his statements, official speeches, private conversations, «table speeches», «Mein Kampf» is carried out. It also reconstructs the thinking process of other Nazi civil and military leaders who acted together with their Führer in pursuit of the common goal. The article for the first time, taking into account the logic of thinking of the leadership of the third Reich, traces literally by years that the war against the USSR was conceived as a total genocide and carefully worked out in all directions. The author concludes that the bloody and inhuman logic of the leadership of the German Reich, big entrepreneurs and bankers, members of the National Socialist German Workers' Party and the Schutzstaffel, generals and soldiers of the Wehrmacht, and a virtual legion of various officials clearly shows that they were all united in their desire to «stop Russian history».

Keywords: USSR, Germany, Adolf Hitler, Third Reich leadership, war, genocide, occupation, Wehrmacht, plans.

Information about the author: Grigoriy Yu. Volkov, ORCID 0000-0002-0296-4001, Candidate of Historical Sciences, Kostroma State Agricultural Academy, Russia.

Article received: March 16, 2020.

For citation: Volkov G.Yu. Plans of the Nazi leadership of the third Reich for the occupation of the USSR. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 2, pp. 61–67 (In Russ.). DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-61-67.

Самым страшным испытанием для нашего народа в XX веке стала Великая Отечественная война. Многих граждан нашей страны, интересующихся родной историей, особенно молодежь, не устраивает состояние знаний о войне. По нашему мнению, в стране нет ясного понимания того, что нацисты совершали не просто военные преступления, а воплощали план геноцида, от которого народы СССР спасли воины Красной армии и труженики тыла. Люди должны знать правду в полном объеме, чтобы интеллектуальные мошенники не путали сознание молодежи.

Историческая справедливость требует ясного понимания планов нацистского руководства Германского рейха по оккупации Советского Союза. Нужны четкие ответы на конкретные вопросы.

Думается, что преступную сущность Гитлера можно понять полнее, если показать некоторые его личностные черты, процесс его мышления. Гитлер искренне верил всю свою жизнь, что он призван Провидением, чтобы осуществить рывок в новый великий период германской истории. Гитлер о себе: «Моя мать подарила немецкому народу великого сына... Я себя превосходно чувствую в обществе великих исторических героев, к которым сам принадлежу... Если я для чего-то нужен, значит, меня послали сюда высшие силы» [Пикер 1993: 91, 101]. Выступая перед главнокомандующими Вермахта 22 августа 1939 г., он сказал: «В значительной мере все зависит от меня, от моего существования, от моих политических способностей. Ведь это факт, что такого доверия всего немецкого народа, каким пользуюсь я, не приобрести никому. В будущем наверняка не найдется никого, кто имел бы больший авторитет. Итак, мое существование является фактором огромного значения» [Дашичев 1973а: 138]. 12 сентября 1936 г. на съезде НСДАП Гитлер произнес: «Чудо, что вы нашли меня среди многих миллионов. И что я нашел вас, это – счастье для Германии» [Кох-Хиллебрехт: 173].

Приведем высказывания о Гитлере его соратников. Гесс был одним из тех, кто создавал культ фюрера. Он ввел новое обращение: «Мой фюрер». На процессе в Нюрнберге Гесс сказал: «Мне было даровано судьбой много лет жить и работать под началом величайшего сына моего народа. Я ни о чем не сожалею. Если бы мне предстояло прожить жизнь еще раз, я бы прожил ее в точности так же» [Первушин 2000: 307]. Герман Геринг провозглашал Гитлера «самым великим полководцем всех времен» [Черная: 124]. Генерал-фельдмаршалы Гюнтер фон Клюге и Вильгельм Кейтель считали его военным гением [Мазер: 393].

Наиболее наглядным подтверждением вышеизложенного является судьба семьи Иозефа и Магды Геббельс. Они покончили с жизнью сразу после самоубийства любимого фюрера, объяснив это тем, что «мир, который будет после того, как уйдет фю-

рер и национал-социализм, не стоит того, чтобы в нем жить» [Кох-Хиллебрехт: 275–276].

Газета «Народный наблюдатель», рупор нацистских пропагандистов, занималась непрерывной идеологической обработкой масс и обожествлением любимого фюрера. «Мы преклоняется перед фюрером, – писала газета. – Мы чувствуем, что он величественнее нас всех вместе взятых, величественнее, чем вы и я. Он – орудие божественной воли, который определяет историю со свежей созидательной страстностью...» [Первушин 2006: 70]. Каждый день дети в немецких детсадах хором повторяли как молитву: «Дорогой фюрер, мы любим тебя, как папу и маму. Так как мы принадлежим им, так мы принадлежим и тебе. О, фюрер, прими нашу любовь и веру!» [Рис: 21].

Верхний эшелон нацистского государства при всей грызне и сваре внутри него был «подобран» чрезвычайно умело – один дополнял другого. Гитлер умел связать своих соратников круговой порукой.

Война занимала во взглядах Гитлера центральное место, была мерой всех вещей. Все, что он делал на протяжении многих лет, было прологом к войне. Гитлер и его сподвижники делали ставку на постепенный захват всей планеты. А что было бы с нашим Отечеством, если бы победила фашистская Германия? Чтобы иметь полное представление по этому главному для нас вопросу, несомненно, следует напрямую знакомиться и анализировать личные высказывания, официальные выступления, частные беседы, «застольные» речи, «Майн Кампф» А. Гитлера. Также необходимо реконструировать процесс мышления других нацистских гражданских и военных лидеров, которые действовали вместе со своим фюрером, преследуя общую с ним цель.

В моменты откровения Гитлер говорил о мировом господстве, но живой целью в своих внешнеполитических планах он ставил завоевание «жизненного пространства» на Востоке. «Когда мы говорим о завоевании новых земель в Европе, – писал он в основном труде своей жизни “Майн Кампф”, – мы, конечно, можем иметь в виду только Россию и те огромные государства, которые ей подчинены... Это гигантское восточное государство неизбежно обречено на гибель» [Гитлер: 558–559] (Необходимо пояснить, что чаще всего СССР нацисты называли «Россией», а все ее население – «русскими».) Оказывается, что этот свой любимый тезис будущий фюрер Третьего рейха озвучил еще в начале 1923 г. [Препарата: 208]. За 10 лет до прихода к власти Гитлер в своей книге совершенно четко объявил, что его целью в будущем является война с СССР, который должен в итоге погибнуть. В период после прихода к власти и нападения на Советский Союз он многократно формулировал эту главную цель. Менее чем за месяц до начала Второй мировой войны Гитлер подчекнул: «Все,

что я делаю, направлено против России» [Проектор: 99–100; Дашичев 1973: 123, 133, 307].

В будущем нацисты рассчитывали на тотальную войну против Советского Союза, мечтали не только разгромить Красную армию, но и уничтожить наше государство вместе с населением. Анализируя военную программу вермахта, один из военных экспертов отмечал: «Борьба будет направлена не только против вооруженных сил, но и непосредственно против источников военной мощи, народа в тылу... Война с помощью оружия дополняется экономической войной, направленной на то, чтобы лишить врага экономических средств для ведения войны и существования. Наконец, к войне с помощью оружия и экономической войне присоединяется пропагандистская война, которая должна парализовать волю к борьбе и моральную стойкость вражеского народа». Логичным дополнением вышесказанного является приложение к памятной записке ОКВ от 19 апреля 1938 г.: «Какой представляется война будущего? В итоге проигранная война угрожает государству и народу не только ущербом, но и уничтожением» [Дашичев 1973: 112, 131].

На совещании в ставке вермахта 9 января 1941 г. Гитлер заявил: «Гигантские пространства России таят в себе неисчислимые богатства. Германия должна экономически и политически овладеть этими пространствами... Тем самым она будет располагать всеми возможностями для ведения в будущем борьбы против континентов, тогда никто больше не сможет ее разгромить. Когда эта операция будет проведена, Европа затаит дыхание» [Дашичев 1973а: 93–94]. Таким образом, вероломное нападение нацистов на СССР явилось началом нового, заранее запланированного Гитлером грандиозного раздела мира. Об этом он прямо заявил 22 июня 1941 г.: «Народ Германии! Развернувшиеся в настоящее время военные события по своему масштабу намного превосходят все те, которые когда-либо переживало человечество» [Шелленберг: 198].

22 июля 1940 г. Браухич после совещания у Гитлера, на котором тот приказал «...заняться русской проблемой. Продумать подготовку», дал указание генштабу сухопутных войск начать разработку плана нападения на Советский Союз. На секретном совещании в Бергхофе 31 июля Гитлер поставил цель – «уничтожение жизненной силы России». А уже 5 сентября на совещании у начальника штаба командующего армией резерва был рассмотрен вопрос о комплектовании и развертывании немецких войск для нападения на СССР.

Война против Советского Союза была задумана как тотальный геноцид, тщательно продумывалась по всем направлениям, объединяя все ее составляющие: расовую теорию, нацистскую идеологию, доктрину «жизненного пространства». Директива

№ 21 план «Барбаросса» была подписана Гитлером 18 декабря 1940 г. Замысел заключался в том, что германские вооруженные силы должны разбить СССР в ходе кратковременной кампании. Конечные цели определялись как «создание заградительного барьера против Азиатской России, по общей линии Волга – Архангельск. Таким образом, в случае необходимости последний индустриальный район, остающийся у русских на Урале, можно будет парализовать с помощью авиации» [Дашичев 1973а: 86]. Но в июле 1941 г. рост территориального аппетита нацистского руководства Германии стал более масштабным. В указаниях Гитлера от 16 июля того же года определялась оккупация СССР вплоть до Баку – устья Волги – Урала [Пикер 2013: 90]. Размеры «жизненного пространства», которые планировалось завоевать, значительно увеличились. И можно не сомневаться, что в случае успешных действий вермахта они в своих планах непрерывно бы расширяли оккупацию территории нашего Отечества. Этому есть четкие доказательства. 12 сентября 1936 г. Гитлер заявил: «Если бы у меня были Уральские горы с их неисчислимым богатством сырья, Сибирь с ее безграничными лесами и Украина с ее необозримыми пшеничными полями, Германия и национал-социалистическое руководство утопали бы в изобилии» [Ключник: 170–171]. А вот еще одно утверждение фюрера, высказанное им на одном из совещаний в середине июля 1941 г.: «Он не думает, что сопротивление в Европейской России продлится еще больше шести недель. Куда пойдут русские дальше, он не знает. Может быть, на Урал или за него. Но мы будем их преследовать, и он, фюрер, не устрашится совершить прорыв через Урал... Сталина он будет преследовать везде, куда бы он ни двинулся» [Проектор: 108]. Вероятно, в мечтах он уже давно покорила все пространство Советского Союза.

Всю весну 1941 г. в Германии идет интенсивная подготовка к войне. Нет никаких свидетельств, указывающих на то, что генералы в высшем руководстве вермахта возражали против решения развернуть оружие против СССР. 30 марта 1941 г. Гитлер четко разъяснил главнокомандующим всех родов войск вермахта: «Наши задачи в отношении России: разгромить ее вооруженные силы, разрушить ее государство... Речь идет о борьбе на уничтожение большевистских комиссаров и коммунистической интеллигенции... Надо не допустить образования новой интеллигенции». В конце своего выступления он специально подчеркнул, что эта война резко отличается от борьбы на Западе [Откровения: 118–119].

Познакомимся с серией приказов верховного командования германской армии. Начальник штаба оперативного руководства верховного главнокомандования Йодль отдает директиву о «необходимости немедленно обезвреживать всех

большевистских руководителей и комиссаров». Приказ начальника штаба ОКВ фельдмаршала Кейтеля: «Для подготовки политического управления в районе боевых действий сухопутных войск рейхсфюрер СС получает специальное задание, которое вытекает из идеи борьбы двух диаметрально противоположных политических систем. В рамках этого задания рейхсфюрер действует самостоятельно и на всю ответственность... Дальнейшие детали Главное командование сухопутных войск должно согласовывать непосредственно с рейхсфюрером СС». Начальник генштаба сухопутных войск генерал Гальдер записал в дневнике: «Созданная Сталиным интеллигенция должна быть уничтожена. Руководящий механизм русской империи должен быть уничтожен» [Преступные цели: 1; Проэктор: 103]. В меморандуме относительно целей агрессии и методов установления господства на оккупированных советских территориях от 2 апреля 1941 г. прямо указывалось, что, «оккупировав Великороссию, можно осуществить ее ослабление... полным уничтожением государственного управления без последующей организации нового разветвленного государственного аппарата» [Дашичев 1973а: 24].

И каков должен быть итог? А в итоге – запланированное массовое уничтожение руководящего состава государственного аппарата управления всех уровней, офицерского состава армии, а также всех граждан, не желающих разделить участь рабов Третьего рейха.

В распоряжении Кейтеля о военной подсудности в районе «Барбаросса» и об особых полномочиях войск от 13 мая 1941 г. офицерам вермахта предоставлялись широкие полномочия для организации карательных действий против населения и заранее обеспечивалась безнаказанность за подобные преступления против граждан СССР [Преступные цели: 22–25]. Наличие таких приказов, подписанных еще до начала агрессии против Советского Союза, свидетельствует о том, что руководство Третьего рейха заранее соединило воедино военно-стратегическое планирование с планированием чудовищных преступлений, а фюрер считал сознательную аморальность армии залогом ее успешных действий.

Говоря о военно-стратегических планах руководства нацистской Германии, ни в коем случае нельзя оставить без внимательного рассмотрения военно-экономическое планирование. Нацистское государство и германский крупный капитал были тесно переплетены друг с другом. Адольф Гитлер более других соответствовал интересам самых реакционных сил немецкого монополистического и финансового капитала. Обратим внимание на ряд красноречивых фактов. В меморандуме промышленника А. Рехберга, поданном начальнику имперской канцелярии 18 ноября 1938 г. сказано: «Объектом экспансии для Германии представляет-

ся пространство России... она обладает неисчислимыми потенциальными богатствами в области сельского хозяйства и еще не тронутых сырьевых ресурсов. Если мы хотим, чтобы экспансия в это пространство обеспечила Германии превращение в империю с достаточной для ее потребностей аграрной и сырьевой базой, то необходимо захватить по крайней мере всю русскую территорию по Урал включительно, где залегают огромные рудные богатства» [Дашичев 1973: 42]. Перед собравшимися в мае 1939 г. на заседании центрального совета рейхсбанка представителями финансовой олигархии статс-секретарь Людвиг Кепплер, советник Гитлера по экономическим вопросам, заявил, что Советский Союз должен быть германизирован до Урала [Норден: 134]. Как видно, по поводу запланированной войны против СССР было полное взаимопонимание. В пункте 2 меморандума относительно целей агрессии и методов установления господства на оккупированных советских территориях от 2 апреля 1941 г. были запланированы на оккупированных территориях СССР всеобщие и повсеместные реквизиции «предметов экономики... В стране должно остаться только то, без чего обойтись невозможно» [Дашичев 1973а: 25].

Важнейшее значение в системе нацистского стратегического руководства занимали органы военно-экономического планирования. Экономическое ограбление «восточных пространств» планировалось структурами, подчиненными Герингу. При выполнении этих задач он опирался на аппарат экономического штаба «Восток». В его аппарате было много представителей германских монополий, занимавших ответственные посты. В плане «Барбаросса» имелся специальный экономический раздел. Сформулированные в нем цели и задачи были детально разработаны в «Зеленой папке» Геринга, который называют «Директивы об экономическом ограблении намеченной к оккупации территории СССР». В приказе Кейтеля от 16 июня 1941 г. подчеркивалось, что директивы Геринга, разработанные по поручению фюрера, «служат в качестве инструмента военному руководству и хозяйственным инстанциям в области экономических задач в подлежащих захвату восточных областях» [Преступные цели: 31–38].

Гитлер был удовлетворен результатом работы многих тысяч военных и гражданских специалистов по подготовке планов нападения на Советский Союз, будущей эксплуатации его территории и массового уничтожения его граждан. 30 апреля он назначил дату нападения – 22 июня. В донесении советской разведки от 16 июня 1941 г. сообщалось, что на одном из совещаний Розенберг заявил, что «понятие «Советский Союз» должно быть стерто с географической карты». А 20 июня, в следующем своем выступлении, он призвал своих слушателей: «Если все мы будем добросовестно служить этой

общей задаче, мы сможем помочь фюреру осуществить великий труд его жизни» [Рис: 188–189; Преступные цели: 44].

Какие же народы СССР в понимании руководителей Третьего рейха подлежали уничтожению? Давайте послушаем их высказывания на тему, кто же такой гражданин СССР? «Происходит столкновение между германским Рейхом и ублюдками – недочеловеками», – объяснял Гиммлер высшему руководству Главного управления имперской безопасности (РСХА) [Откровения: 255]. Борман заявил, что народы, населяющие СССР, «недочеловеки», у которых одна альтернатива: «Либо рабство, либо смерть». И еще одно из его заявлений: «Они должны работать на нас, а если они нам не нужны, пусть умирают» [Черная: 319–320]. В том же духе были выступления и фюреров пониже рангом. Были и другие определения граждан СССР: «звери», «зверолоуди», «животные», «свиньи», «неполноценные тупые люди», «примитивные люди», «расовые отбросы» и т. п.

Что думали по этому поводу военные, которые беспрекословно следовали лозунгу: «Фюрер, приказывай! Мы идем за тобой». Массами германских солдат и офицеров двигали воспитанные в них нацистской пропагандой уверенность в своем превосходстве над недочеловеками, которыми считались жители Советского Союза, и стремление поживиться за их счет. «Русские – только для уничтожения, – считал один из немцев, штурмовавших Брестскую крепость. – Не только победить их, но и уничтожить» [Козлов: 213]. Это пример из 1941 г., а вот о чем рассказал пехотинец Вальтер Маут, который в 1944 г. отступал вместе со своими сослуживцами, уничтожая за собой все живое: «Мы жгли, и здания сразу сгорали. наших командиров интересовало только это – до людей никому не было дела. Никто об этом даже не задумывался, ведь речь шла лишь о “недочеловеках”, которыми считали тогда русских... Слышал, как они убивали людей прямо в домах... Но ведь они убивали русских – это ничего не значило, напротив, за эти деяния их ждали ордена: чем больше убитых, тем выше награда. Это ведь война» [Рис: 365].

Здесь необходимо ответить на следующий вопрос: за какой период времени Гитлер и его подвизники планировали решить проблему жизненного пространства для Германии, а впоследствии уничтожить большинство граждан СССР, а оставшихся сделать рабами? Проблема «пространства» Гитлер планировал обязательно решить не позже 1943–1945 гг. [Тревор-Ропер: 21; Дашичев 1973: 127]. Далее в его планах значилось, что если нацистская партия (НСДАП) в течение 50 лет «будет творить там историю, то это придаст этим землям исключительно германский облик» [Рикер 1993: 277]. Однако, по всей вероятности, Гитлер хотел еще при своей жизни увидеть эти реально онемеченные

пространства. Назначенным им гауляйтерам, этим правителям восточных земель, которых он относил к «расе властелинов, племени повелителей», была предоставлена свобода действий в принятии решений. Фюрер «велел гауляйтерам ровно через десять лет рапортовать о повсеместной и полной германизации соответствующих областей, причем обещал не спрашивать, какими способами они действовали» [Рис: 132; Пикер 1993: 274]. В августе 1942 г. Борман отдал приказ по НСДАП «ускорить программу германизации восточного пространства во взаимодействии с Гиммлером» [Черная: 320]. Ответ на вопрос, как всего этого добиться, у фюрера был короткий: «На восточных землях можно добиться цели, лишь действуя совершенно беспощадными методами...» [Пикер 1993: 277].

Выполняя это указание фюрера, высшее руководство вермахта издало целую серию приказов и директив о создании эффективной системы террора со стороны вермахта, чтобы искоренить у населения оккупированных областей всякое желание сопротивляться. Предлагалось лишать жизни от 50 до 100 советских граждан за каждого убитого немца, а способы этих казней должны были увеличивать степень устрашающего воздействия. Ясно, что во всех этих выступлениях и приказах речь идет о борьбе на уничтожение СССР и его народов как биологического, географического и исторического понятия в определенные сроки. А методы достижения этих целей были откровенно преступными.

В середине июля 1941 г. Гитлер убежденно говорил, что сопротивление в европейской России продлится не более шести недель. В ставке не сомневались – исход «восточного похода» предрешен, события развиваются в строгом соответствии со всеми искомыми расчетами, и главные трудности уже позади. Можно приступить к освоению неисчислимых богатств гигантской страны. 16 июля 1941 г. в ставке состоялось совещание, на котором Гитлер, Борман, Геринг, Розенберг и Ламмерс обсудили, как оптимально поступить с «гигантским русским пирогом». «В основном дело сводится к тому, – пояснил Гитлер, – чтобы освоить огромные территории, с тем чтобы мы, во-первых, овладели ими, во-вторых, управляли и, в-третьих, эксплуатировали» [Преступные цели: 46–52]. В дальнейшем он несколько раз разъяснял своим соратникам: «Нужно всегда исходить из того, что в первую очередь задача этих народов – обслуживать нашу экономику. И поэтому мы должны стремиться, руководствуясь экономическими интересами, всеми средствами извлечь из оккупированных русских территорий все, что можно», а в «перспективе – освоить это пространство для заселения его ста миллионами представителей германской расы» [Пикер 1993: 198, 274].

В русле изложенного логично рассмотреть генеральный план «Ост», работа над которым была

начала сразу после разгрома Польши [Макнаб: 89]. Он был детищем главного имперского управления безопасности под руководством Гиммлера, Розенберга и других структур государственных органов управления. На сегодня историкам известны четыре документа из этого плана, из которых один касался запланированного нацистами «будущего» для нашей страны. Речь идет о «Замечаниях и предложениях по генеральному плану “Ост” рейхсфюрера войск СС». Этот документ был подписан 27 апреля 1942 г. Э. Ветцелем, начальником отдела колонизации 1-го главного политического управления министерства по делам оккупированных восточных областей, главой которого еще 17 июля 1941 г. Гитлер назначил Розенберга. Ветцель изложил целую программу путей решения «русской проблемы». Во-первых, он предлагал разделить территории, населенные русскими, на разные политические районы с собственными органами управления, чтобы обеспечить в каждом из них обособленное национальное существование, то есть насаждение сепаратизма. Во-вторых, добиться того, чтобы население в своем большинстве состояло из людей «примитивного типа», «массы расово неполноценных, тупых людей», которые нуждаются в германском руководстве. В-третьих, Ветцель расписал целый набор различных мер по подрыву «биологической силы» народа захваченных восточных территорий. «В этих областях мы должны сознательно проводить политику на сокращение населения... Этой цели мы можем добиться вышеуказанными путями», – отмечал он в конце своих предложений [Преступные цели: 69–77].

Само собой разумеется, что последнее слово относительно судьбы Советского Союза и населяющих его народов после планируемой победы нацистской Германии было бы за Гитлером. Его мировоззрение было более радикальным, чем разработки подчиненных Гиммлера и Розенберга. Для коренного населения глава Третьего рейха предлагал резервации с самым примитивным уровнем жизни: без современной техники, медицины и образования, что неизбежно должно было привести к его ускоренному вымиранию [Пикер 1993: 96, 197, 199, 453].

Кровавая бесчеловечная логика руководства германского рейха, крупных предпринимателей и банкиров, членов НСДАП и СС, генералов и солдат вермахта, легиона различного рода чиновников четко показывает, что все они были едины в своем стремлении «прекратить русскую историю». Наша армия, вдохновленная идеалами своих великих предков, разгромила нацистскую армию, воспитанную на идеях неравенства, господства и порабощения, сохранив нашу Родину в мировой истории.

Список литературы

Гитлер А. Майн Кампф. М.: Русская правда, 2002. 606 с.

Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма: Исторические очерки, документы и материалы. Т. 1. Подготовка и развертывание нацистской агрессии в Европе, 1933–1941. М.: Наука, 1973. 766 с.

Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма: Исторические очерки, документы и материалы. Т. 2. Агрессия против СССР. Падение «третьей империи», 1941–1945. М.: Наука, 1973а. 664 с.

Ключник Р. Покушение на Великую Победу. Связь между двумя Мировыми войнами. Еще раз о «загадках» 1941-го. О «русских фашистах». СПб.: ООО Павел ВОГ, 2014. 612 с.

Козлов Н.Д. Великая Отечественная война: свидетельства и оценки участников. СПб.: Гангут, 2015. 544 с.

Кох-Хиллебрехт М. Номо Гитлер: психограмма диктатора. Минск: ООО «Попурри», 2003. 416 с.

Мазер В. Адольф Гитлер. 2-е изд. Минск: ООО «Попурри», 2002. 496 с.

Макнаб К. Секретные планы нацистов: новый порядок для покоренного мира. М.: Изд-во «Э», 2016. 224 с.

Норден А. Так делаются войны. О закулисной стороне и технике агрессии. М.: Прогресс, 1972. 391 с.

Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне «третьего рейха» против СССР. Секретные речи. Дневники. Воспоминания. М.: ТЕРРА, 1996. 568 с.

Первушин А. Окультизм тайны НКВД и СС. СПб.: Изд. дом «Нева»; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. 416 с.

Первушин А. Окультизм Гитлера. М.: Яуза, 2006. 448 с.

Пикер Г. Застольные речи Гитлера. Смоленск, 1993. 496 с.

Пикер Г. План «Ост». Как правильно поделить Россию. М.: Алгоритм, 2013. 214 с.

Препарата Г.Д. Гитлер. Как Британия и США создавали Третий рейх. М.: Поколение, 2007. 448 с.

Преступные цели – преступные средства. Оккупационная политика фашистской Германии на территории СССР (1941–1944). М.: Эксмо, 2017. 400 с.

Прозектор Д.М. Европа – век XX. Войны. Их уроки. Воля к миру. М.: Знание, 1984. 208 с.

Рис Л. Нацисты: Предостережение истории. М.: КоЛибри: Азбука-Аттикус, 2018. 448 с.

Тревор-Ронер Х. Застольные речи Гитлера. 1941–1944 гг. М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. 655 с.

Черная Л.Б. Коричневые диктаторы: (Гитлер, Геринг, Гиммлер, Геббельс, Борман, Риббентроп). М.: Республика, 1992. 384 с.

Шелленберг В. Лабиринт. Мемуары гитлеровского разведчика. М.: СП «Дом Бируни», 1991. 400 с.

References

- Hitler A. *Majn Kampf* [Mein Kampf]. Moscow, Russian truth, 2002, 606 p. (In Russ.)
- Dashichev V.I. *Bankrotstvo strategii germanskogo fashizma. T. 1. Podgotovka i razvertyvanie nacistoj agressii v Evrope, 1933–1941* [Bankruptcy of the strategy of German fascism. Vol. 1. Preparation and deployment of Nazi aggression in Europe, 1933-1941]. Moscow, Nauka, 1973, 766 p. (In Russ.)
- Dashichev V.I. *Bankrotstvo strategii germanskogo fashizma: Istor. ocherki. T. 2. Agressiya protiv SSSR. Padenie «tret'ej imperii», 1941–1945* [Bankruptcy of the strategy of German fascism. Vol. 2. Aggression against the USSR. Fall of the «third Empire», 1941-1945]. Moscow, Nauka, 1973a, 664 p. (In Russ.)
- Klyuchnik R. *Pokushenie na Velikuyu Pobedu. Svyaz` mezhdu dvumya Mirovy`mi vojnami. Eshhe raz o «zagadkax» 1941-go. O «russkix fashistax»* [Attempt on the Great Victory. The link between the two World wars. Once again about the «riddles» of 1941. About «Russian fascists»]. SPb., Pavel VOG LLC, 2014, 612 p. (In Russ.)
- Kozlov N.D. *Velikaya Otechestvennaya vojna: svidetel'stva i ocenki uchastnikov* [The Great Patriotic war: testimonies and assessments of participants]. SPb., Gangut, 2015, 544 p. (In Russ.)
- Koch-Hillebrecht M. *Homo Gitler: psixogramma diktatora* [Homo Hitler: the dictator's psychogram]. Minsk, Medley LLC, 2003, 416 p. (In Russ.)
- Maser V. *Adolf Hitler* [Adolf Hitler]. Minsk, OOO «Potpourri», 2002, 496 p. (In Russ.)
- McNab K. *Sekretny`e plany` nacistov: novy`j poryadok dlya pokorenogo mira* [Secret plans of the Nazis: a new order for the conquered world]. Moscow, Publishing house, 2016, 224 p. (In Russ.)
- Norden A. *Tak delayutsya vojny`. O zakulisnoj storone i texnike agressii* [This is how wars are made. About the backstage side and the technique of aggression]. Moscow, Progress, 1972, 391 p. (In Russ.)
- Otkroveniya i priznaniya. *Nacistskaya verxushka o vojne «tret'ego reixa» protiv SSSR. Sekretny`e rechi. Dnevnik. Vospominaniya* [Revelations and confessions. The Nazi elite about the war of the «third Reich» against the USSR. Secret speeches. Diaries. Memories]. Moscow, TERRA, 1996, 568 p. (In Russ.)
- Pervushin A. *Okkul`tny`e tajny` NKVD i SS* [Occult secrets of the NKVD and SS]. SPb., Ed. House «Neva»; Moscow, OLMA-PRESS, 2000, 416 p. (In Russ.)
- Pervushin A. *Okkul`tny`j Gitler* [Occult Hitler]. Moscow, Yauza, 2006, 448 p. (In Russ.)
- Picker G. *Zastol`ny`e rechi Gitlera* [Hitler's drinking speeches]. Smolensk, 1993, 496 p. (In Russ.)
- Picker G. *Plan «Ost». Kak pravil'no podelit` Rossiyu* [Plan «OST». How to divide Russia correctly]. Moscow, Algorithm, 2013, 214 p. (In Russ.)
- Preparata G.D. *Gitler. Kak Britaniya i SShA sozdavali Tretij rejx* [Hitler. How Britain and the United States created the Third Reich]. Moscow, Generation, 2007, 448 p. (In Russ.)
- Prestupny`e celi – prestupny`e sredstva. Okkupacionnaya politika fa-shistkoj Germanii na territorii SSSR (1941–1944)* [Criminal ends are criminal means. Occupation policy of Nazi Germany on the territory of the USSR (1941-1944)]. Moscow, Eksmo, 2017, 400 p. (In Russ.)
- Projector D.M. *Evropa – vek XX. Vojny`. Ix uroki. Volya k miru* [Europe – a century XX. Wars. Their lesson. The will to peace]. Moscow, Znanie, 1984, 208 p. (In Russ.)
- Rees L. *Nacisty`: Predosterezhenie istorii* [The Nazis: a warning to history]. Moscow, Kolibri, Azbuka-Atticus, 2018, 448 p. (In Russ.)
- Trevor-Roper H. *Zastol`ny`e rechi Gitlera. 1941–1944 gg.* [Hitler's drinking speeches. 1941-1944]. Moscow, ZAO Center-polygraph, 2004, 655 p. (In Russ.)
- Black L. B. *Korichnevy`e diktatory`: (Gitler, Gering, Gimmmler, Gebbel`s, Borman, Ribbentrop)* [Brown dictators: (Hitler, Goering, Himmler, Goebbels, Bormann, Ribbentrop)]. Moscow, Republic, 1992, 384 p. (In Russ.)
- Schellenberg W. *Labirint. Memuary` gitlerovskogo razvedchika* [The Labyrinth. Memoirs of a Hitler intelligence officer]. M., SP “The House of Biruni”, 1991, 400 p. (In Russ.)

**О КОРЕННОМ ПЕРЕЛОМЕ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ
(по мемуарам немецких и советских военачальников)**

В статье, основываясь на мемуарах немецких и советских военачальников, автор обращается к такому важному аспекту коренного перелома в Великой Отечественной войне, как овладение боевым опытом ведения современной войны. Автор заключает, что если на начальном этапе внезапное нападение Германии на СССР и применение в боях большой массы танков и авиации приводило к успеху вермахта, то к концу 1941 года победа Красной армии под Москвой определила поворот в войне. В тяжелейших испытаниях начального этапа Красная армия выстояла и положила начало овладению советскими военачальниками методами ведения современной войны. Из тех командиров, кто выдвинулся в дальнейшем, были военачальники, проявившие себя в боях под Москвой и Сталинградом. Современная война потребовала от них овладения опытом по руководству большой массой техники – танками, самолетами – в соответствии с заложенным в них потенциалом. Формирование танковых, авиационных дивизий, корпусов, армий заложило материальную основу коренного перелома в войне. Важнейшей составляющей полководческого опыта стало умение предвидеть действия противника и принимать неожиданные для него решения. Овладение опытом координации действий разных фронтов и родов войск, формирование армий, вооруженных новейшей техникой, надлежащее обеспечение боеприпасами и другими материалами стали залогом победы под Сталинградом и Курском, освобождения левобережной Украины и Донбасса, то есть тех побед, которые и считаются коренным переломом в Великой Отечественной войне.

Ключевые слова: коренной перелом, мемуары, немецкие и советские военачальники, Красная армия, Великая Отечественная война.

Информация об авторе: Белов Андрей Михайлович, доктор исторических наук, профессор, Костромской государственной университет, г. Кострома, Россия.

E-mail: Belovi@mail.ru

Дата поступления статьи: 16.04.2020.

Для цитирования: Белов А.М. О коренном переломе в Великой Отечественной войне (по мемуарам немецких и советских военачальников) // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 2. С. 68–76. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-68-76.

Andrei M. Belov
Kostroma State University

**ON THE MAJOR TURNAROUND IN THE EAST FRONT OF WORLD WAR II
(according to memoirs of German and Soviet military commanders)**

The author refers in the article to such an important aspect of the major turnaround in the East Front of the Second World War as mastering the combat experience of contemporary warfare, based on the memoirs of German and Soviet military commanders. The author concludes that if, at the initial stage, Germany's sudden attack on the USSR and the use of a large mass of tanks and aircraft in combat led the Wehrmacht to success, by the end of 1941, the Red Army's victory near Moscow had defined a turnaround in the war. The Red Army endured the worst challenges of the initial stage and began to master the methods of conducting contemporary war by Soviet military commanders. Of those commanders who advanced in the future, there were those military commanders who asserted themselves in the battles of Moscow and Stalingrad. Contemporary war required them to master the experience of guiding a large mass of equipment – tanks, aircraft – in accordance with the potential embedded in them. The formation of tank, aviation divisions, corps, armies laid the material foundation for the major turnaround in the war. The ability to anticipate the actions of the enemy and make decisions unexpected to it had become an essential component of the commanders' experience. The experience of coordinating the actions of different fronts and branches of troops, the formation of armies possessing the latest ammunition, the proper provision with arms and other materials became the guarantee of victory around Stalingrad and Kursk, the liberation of the Ukraine on the left bank of the Dnieper and of Donbass, that is, the victories considered to be the major turnaround in the Second World War.

Keywords: major turnaround, memoirs, German and Soviet military commanders, Red Army, World War II.

Information about the author: Andrei M. Belov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Kostroma State University, Kostroma, Russia.

E-mail: Belovi@mail.ru

Article received: April 16, 2020.

For citation: Belov A.M. On the major turnaround in the East Front of World War II (according to memoirs of German and Soviet military commanders). Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 2, pp. 68–76 (In Russ.). DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-68-76.

Под коренным переломом в войне понимается изменение хода и направления военных действий, переход стратегической инициативы в войне к советскому командованию, начало освобождения от немецко-фашистских войск республик и областей Советского Союза в ходе Великой Отечественной войны. Между тем содержание этого понятия включает в себя ряд смыслов, связанных как с особенностью этой «войны моторов», многими новациями, которые она несла, так и целым рядом других составляющих. К ним, безусловно, надо отнести то, что Великая Отечественная была важной частью Второй мировой войны и, следовательно, гранью проблемы являлось взаимодействие СССР с союзниками – экономическое, военное, дипломатическое. В понятие «коренной перелом» входит изменение в пользу СССР экономических показателей и быстрый рост объема выпуска танков, самолетов, боеприпасов. В немецкой, да и отечественной литературе сложился относительный консенсус по событиям и срокам осуществления коренного перелома – Сталинградская битва (ноябрь 1942 г.) и последующие сражения 1943 года [Типпельскирх: 255–273; История России: 536–540 и др.]. В данной статье автор обращается к опыту боевых действий, к тому новому, что принесла эта война, а также чем в действительности пришлось овладеть, чему научиться советскому командованию разных уровней для победы над фашистской Германией.

Вскоре после окончания войны немецкие и советские полководцы составляют свои мемуары, стремятся осмыслить опыт грандиозной войны, понять ее уроки. В силу обстоятельств послевоенных реалий, как правило, отставки, а часто ареста и тюремного заключения сразу после завершения войны немецких генералов, они составляли свои сочинения раньше советских полководцев. В данном исследовании автор опирается на мемуары таких военачальников вермахта, как Э. Манштейн и Г. Гудериан, труд по истории войны генерала К. Типпельскирха [Манштейн; Гудериан 2009; Типпельскирх]. Однако взгляд был бы неполным без привлечения воспоминаний советских полководцев – Г.К. Жукова и А.М. Василевского. Все названные военачальники входили в высший руководящий состав немецкой и советской армий, непосредственно разрабатывали крупнейшие операции, были в центре принимаемых решений. Формирование тех или иных установок, влиявших на ход боевых действий, противостояние немецкой и советской военной мысли вносят важные штрихи, позволяют лучше представить масштабы такого ключевого события, как коренной перелом, определивший исход и в конечном счете победу советского народа в этой войне.

Конечно, размах Великой Отечественной войны был значительно шире времени коренного пере-

лома. Поэтому для того, чтобы понять сложность проблемы, которую пришлось решать советскому верховному командованию, следует обратиться к истокам противостояния Германии и СССР, понять то новое, что несла эта война. Как известно, ключевым элементом агрессивных наступательных действий Германии сначала против Польши и Франции в 1939 и 1940 годах, а затем и Советского Союза была тактика «блицкрига» – молниеносной войны. Немцы первыми разработали и внедрили в войне против своих противников то новое, что дал научно-технический прогресс в первой половине XX века. Этим новым стало концентрированное применение в наступательных операциях большой массы танков и авиации. Манштейн считал, что «...война потребовала других методов управления, особенно соединениями, обладающими высокой подвижностью» – танками и самолетами. Эта «маневренная война» предъявила и новые требования к командирам. В условиях быстрой смены обстановки в бою «ни один командир танкового соединения не мог позволить себе находиться на командном пункте далеко в тылу». Невыполнение этих условий приводило к потере времени, упущению «удобных случаев» для нанесения поражения противнику. В то же время присутствие военачальников в гуще сражения вселяло уверенность, давала дополнительный стимул рядовым бойцам, способствовало успешному завершению наступления [Манштейн: 182]. Одним из авторов успешного применения тактики «блицкриг» был немецкий генерал танковых войск Г. Гудериан. Как теоретик, организатор и практик танкового дела он в своем труде заключает: «...разработка каждого технического боевого средства – включая танки – должна быть проведена с максимальным учетом заложенного в нем потенциала» [Гудериан 2008: 5]. Но ключевым в реализации потенциала танковых войск и успешном проведении наступательных операций против Польши и Франции в 1939 и 1940 гг. было взаимодействие между родами войск. Немецкий военачальник важнейшими факторами успеха считал предваряющую наступление разведку, прежде всего авиационную, с выявлением «естественных и искусственных преград», вскрывающих «оборону противника». Разведка должна вестись и на большую глубину, «поскольку моторизованные части способны в считанные часы преодолевать большие расстояния». Важнейшими по результативности должны быть и действия такого рода войск, как артиллерия. Но как только «танки пойдут в атаку», артиллерия должна перенести огонь с территории их наступления. Помогать наступлению танков должны и саперы, делая «удобные пути подхода», обеспечивая переправы через реки и болота, своевременно осуществляя на пути танковой атаки разминирование. По-новому определяет Гудериани место «царицы полей» –

пехоты: «Наиболее эффективно можно развивать успех танковой атаки с помощью моторизованной пехоты», то есть сопровождавшей движение танков на броневиках и мотоциклах. Важной новацией Второй мировой войны стало взаимодействие танков с авиацией. Авиационные соединения помогали разрушать оборону противника, а также обеспечивать прикрытие от действий самолетов врага. Достижением взаимодействия родов войск стало «великолепное изобретение... радиосвязи». Подводя итоги своим рассуждениям, Гудериан заключает, что залогом успешности танковой атаки были три неперемняемых условия – наличие «подходящей местности, сосредоточение сил в решающей точке и внезапность» [Гудериан 2008: 252, 254, 256, 258, 261, 264].

Действительно, тактика танковых ударов во взаимодействии с другими родами войск, и прежде всего авиацией, позволила Германии молниеносными ударами разгромить в 1939 г. Польшу, а в 1940 – Францию. Внезапность немецкого удара против СССР с использованием больших групп танков и самолетов люфтваффе привела к большим потерям Красной армии в приграничных сражениях танков, самолетов новейших марок, артиллерии летом 1941 г. Враг захватил военно-стратегическую инициативу и начал стремительное продвижение вглубь советской земли. Поражения были тяжелыми, но не такими катастрофичными, как на Западе. Советскому Союзу удалось сохранить в неприкосновенности главные политические центры – Москву, где находилось руководство страны, и Ленинград – политический и промышленный центр, а также база Балтийского флота. Поражение немцев под Москвой показало предел эффективности тактики «блицкриг». Но цена первого периода войны – сотни тысяч погибших, пропавших без вести, раненых защитников отечества, утрата страной в 1941 г. ведущих промышленных и сельскохозяйственных центров – со всей остротой показала важность овладения новыми приемами, выдвижения на командные должности новых талантливых военачальников, перестройки всей армии с учетом требований современной войны. Начальный этап Великой Отечественной войны также показал, что военачальники периода Гражданской войны – маршалы К.Е. Ворошилов, С.М. Буденный, Г.И. Кулик и ряд других – не оправдали надежд верховного командования Красной армии. Да и само противостояние армий Германии и СССР по ожесточенной непримиримости и масштабности не шло ни в какое сравнение с боевыми действиями эпохи Гражданской войны в России. Только командиры, овладевшие новейшими приемами современной войны, могли организовать оборону, дать отпор бронетанковым и авиационным соединениям немецко-фашистских войск, заложить основу перелома в войне.

Кадры командиров в Красной армии выдвигались и в начальный период Великой Отечественной войны. Среди высших офицеров таким военачальником становится генерал армии Георгий Константинович Жуков. Надо отдать должное чутью на выдвижение талантливых военачальников верховному главнокомандующему И.В. Сталину. В сложнейший первый период войны верховный доверил Жукову важнейшие посты командующего Резервным, Ленинградским и Западным фронтами. В тяжелейших боях лета – осени 1941 года полководческий талант Жукова стал важной частью наших первых побед. В мемуарах полководца содержится ряд примечательных эпизодов, раскрывших то преобразование, которое происходило в войсках в августе 1941 года в ходе наших первых наступательных боевых действий под Ельней: «Ельнинская операция была моей первой самостоятельной операцией, первой пробой личных оперативно-стратегических способностей в большой войне с гитлеровской Германией» [Жуков 2: 121]. Собственно в ходе наступления под Ельней Жуков применил метод современной войны и активно использовал против врага все имевшиеся в его распоряжении рода войск – «всю наличную авиацию, танки, артиллерию и реактивные минометы». Среди новых приемов ведения боя полководец отметил такие действия, как наступление «после тщательной разведки, серьезной подготовки и выявления слабых мест противника», а «отвоєванные у врага позиции» использовались «для закрепления успеха и его развития». Новым было также проявление активности в обороне против наступающих и стремление постоянно проводить контратаки против врага. В боях под Ельней Жуков поднимал авторитет мужественных и требовательных командиров, кто мог «заставить своих подчиненных выполнять приказы» [Жуков 2: 125–126]. Эти приемы ведения современного боя были доложены верховному главнокомандующему И.В. Сталину и были доведены до войск приказом № 308 от 18 сентября 1941 г. народного комиссара обороны.

Но не только новые тактические действия бойцов и командиров помогли противостоять бронетанковым и механизированным частям немецко-фашистских войск. Вступивший 10 октября 1941 года в командование Западным фронтом – в критический момент битвы за Москву – Г.К. Жуков высказал такие суждения о крахе немецкого «блицкрига» в целом и операции «Тайфун», то есть удара немецких войск на Москву, в частности. Главное, что удалось в ноябре 1941 г., то есть в самый критичный период боев, когда враг стоял в считанных километрах от Москвы, вспоминал Жуков, это определить действия «ударных группировок противника на флангах нашего фронта обороны». В результате своевременно выявленных направлений главных ударов «мы противопоставили

глубоко эшелонированную оборону, оснащенную достаточным количеством противотанковых и инженерных средств. Здесь же, на самых опасных направлениях, сосредоточились все наши танковые части». В результате ударные группировки вражеских войск утратили пробивную силу и в декабре 1941 года были отброшены от стен Москвы [Жуков 2: 223–224]. Но развить успех и нанести противнику стратегическое поражение зимой 1941–1942 гг. не удалось. В наступающих частях Красной армии не хватало тех средств, которые и обеспечивали успех современной войны – танков. Сталин в ответственный момент контрнаступления советских войск в ответ на просьбу генерала Жукова дать «хотя бы две сотни танков» отказал. Плохо обстояло дело и с боеприпасами: «Так, из запланированных на первую декаду января (1942 года. – А. Б.) нашему Западному фронту было предоставлено... мин – 1 процент, артиллерийских выстрелов – 44 процента». Как пишет Жуков, в это трудно поверить, но «нам приходилось устанавливать норму расхода боеприпасов – 1–2 выстрела на орудие в сутки». В результате атакующие части Красной армии несли очень большие потери, не добившись надлежащего успеха [Жуков 2: 243–244]. Как следствие, наступление наших войск вскоре прекратилось.

Победа Красной армии под Москвой стала важнейшим событием, показавшим пределы немецкой тактики «блицкриг», использования механизированных частей и новых приемов ведения войны. Начальный период Великой Отечественной войны (июнь – июль 1941 г.) показал ошибки в расчетах немецких стратегов, неготовность немецкой армии вести войну в климатических и пространственных условиях России. Немецкий генерал Г. Гудериан перечисляет эти просчеты: во-первых, наличие в армии Германии транспорта, «предназначенного только для дорог Центральной Европы»; во-вторых, пространственный просчет и потерю времени из-за растянутости коммуникаций; в третьих, «...самым больным местом было отсутствие паровозов. Из русских ширококолейных паровозов в наши руки попали в исправном состоянии лишь небольшая часть». Следовательно, мощным тормозом в снабжении войск стала разница железнодорожной колеи в Европе – 1 435 мм и России – 1 525 мм. Как следствие, в решающий момент боев в ноябре 1941 г. «...для всей группы армий “Центр” суточный подвоз составлял 23 эшелона, в то время как потребности войск достигали 70 эшелонов в сутки» [Гудериан 1957: 121–125]. Но просчет был связан не только с пространством, но и климатом. К концу ноября 1941 года «ударил морозы... Снег и туман ограничили поддержку авиации... росли трудности войск, не имевших зимнего снаряжения. Обмороженных было больше, чем пострадавших от огня...» [Типпельскирх: 20]. Таким образом, поражение немецко-фашистских войск под Москвой

показало возможность успешного противостояния Красной армии в современной войне танковым, механизированным и авиационным соединениям врага. Однако, чтобы победить советскому командованию, необходимо было овладеть приемами современного боя, создать необходимые материальные резервы для коренного перелома в войне, а это потребовало времени, привело к новым испытаниям.

Весна и лето 1942 года не стали переломными в войне, но перемены в создании современной Красной армии начались. Как пишет в воспоминаниях исполнявший в это время обязанности начальника Генерального штаба А.М. Василевский, «к этому времени в основном был закончен перевод мирной промышленности на военные рельсы. Удалось... успешно завершить эвакуацию основных промышленных предприятий... на восток. В Поволжье, на Урале, Средней Азии и в Сибири были созданы новые предприятия и отрасли промышленности, преимущественно оборонной». Создававшиеся стратегические резервы из танков и самолетов было решено не передавать в распоряжение действующих армий. Ставка принимает решение весной 1942 г. «...вернуться к идее массированного использования авиации в однородных по типу бомбардировочных, штурмовых и истребительных авиадивизиях». Начинают создаваться воздушные армии. В это же время появляются и «две первые танковые армии, а летом 1942 года к ним добавились еще две» [Василевский: 203, 204]. Эти тактические соединения – армии – насчитывали сотни самолетов и танков, а впоследствии – и несколько тысяч.

Все это закладывало фундамент для изменения хода войны, но в мае – июне 1942 года в жизнь не воплотилось. Как показали развернувшиеся на юге страны события, командный состав армий и фронтов не смог использовать то преимущество, которое давали Красной армии механизированные и авиационные соединения. Был допущен просчет и Ставкой верховного командования в планировании и осуществлении наступательных операций в Крыму и в районе Харькова. Среди просчетов, которые приводит А.М. Василевский, были: учет данных «разведки о подготовке главного удара врага на юге», а также ошибочное «решение одновременно обороняться и наступать» [Василевский: 206]. В результате наши войска Юго-западного фронта попали в окружение и потерпели поражение. В Крыму немецкое командование внезапным ударом овладело г. Керчью. В исключительно тяжелом положении оказался и Севастополь. Против защитников военно-морской крепости враг развернул все силы 11-й армии и овладел городом в начале июля 1942 г. Примерно в это же время резко ухудшилась обстановка и в районе Воронежа, где развернула наступление 6-я немецкая армия.

В результате «потери Крыма, поражения наших войск в районе Барвенково, в Донбассе и под Воронежем противник вновь захватил стратегическую инициативу и... начал стремительное продвижение к Волге и на Кавказ» [Жуков 2: 259]. В воспоминаниях А.М. Василевского приведена директива Ставки, в которой разбираются ошибки командования Крымского фронта и указывается важность того, чтобы «наш командный состав по-настоящему усвоил природу современной войны, понял необходимость глубокого эшелонирования войск и выделения резервов, понял значение организации взаимодействия всех родов войск, и особенно взаимодействие наземных сил с авиацией». Директива требовала покончить с порочной практикой «бюрократическо-бумажного руководства» войсками, требовала от командования не ограничиваться отдачей приказов, почаще бывать «в войсках, в армиях, дивизиях и помогать своим подчиненным в деле выполнения приказов командования» [Василевский: 210]. Все эти выводы пришлось подтверждать практикой тяжелейших сражений в районе Сталинграда, Воронежа и Кавказа осенью 1942 г. Таким образом, первый период войны во всей важности поставил задачу выдвижения на ответственные должности по руководству военными соединениями новых кадров, получивших боевой опыт современной войны и подготовленных к командованию армиями и фронтами. В этой связи мемуары советских полководцев приводят интересные детали того, как происходило выдвижение на командные должности в Красной армии. Решающее слово в деле расстановки и назначения принадлежало верховному главнокомандующему И.В. Сталину. Однако тяжелые поражения лета – осени 1941 г. привели к тому, что Сталин стал прислушиваться и даже обращаться к мнению профессиональных военных. Так, в начальный период битвы за Ленинград – в сентябре 1941 г. – при назначении на пост командующего фронтом Сталин разрешил Жукову взять с собой генералов по его выбору. Во время этой же встречи, по совету Жукова, Сталин назначил командующим Западным фронтом генерал-лейтенанта Конева, а главкомом юго-западного направления – маршала Тимошенко [Жуков 2: 131]. Неудачи и военные поражения Красной армии весной – летом 1942 г. вновь поставили на повестку дня вопрос о подборе новых военачальников. В этом деле случались и новые, порой неожиданные решения. При разборе неудачных июльских боев 1942 года на воронежском направлении Сталин утвердил нового командующего Брянским фронтом: отлично себя проявившего в боях под Москвой генерала К.К. Рокоссовского. Но с командующим новым Воронежским фронтом возникла заминка – Сталин «отводил» предложенные кандидатуры. Присутствовавший на совещании исполняющий обязанности начальника Генерального штаба А.М. Василевский по этому поводу свидетельствует: «Вдруг встает Николай Федорович (Ватутин, заместитель А.М. Василевского. – А. Б.) и говорит: Товарищ Сталин! Назначьте меня командующим Воронежским фронтом. – Вас? – и Сталин удивленно поднял брови. Я поддержал Ватутина, хотя было очень жалко отпускать его из Генерального штаба. И.В. Сталин, немного помолчав, посмотрев на меня, ответил: – Ладно. Если товарищ Василевский согласен с вами, я не возражаю». Между тем сам А.М. Василевский приказом Ставки 26 июня 1942 г. был утвержден вместо заболевшего маршала Б.М. Шапошникова новым начальником Генерального штаба. Возражавший против своего назначения Александр Михайлович пытался отговориться тем, что начальник Генштаба «обязан обладать не только глубокими военными знаниями, боевым опытом, критическим умом и рядом других качеств», он должен проявлять «выдержку и спокойствие, гибкость в руководстве огромным и столь ответственным, разнохарактерным коллективом, иметь дипломатические способности». Но Сталин, безусловно доверявший не только своему чутью, но и мнению уважаемого им Б.М. Шапошникова, оставил свой выбор на Василевском. И этот выбор оказался удачным. Необходимо прямо сказать, что преемственность в руководстве Генштаба состоялась, и генерал, а вскоре и маршал А.М. Василевский полностью соответствовал столь высокому посту [Василевский: 215, 222]. Александр Михайлович, располагая полным доверием верховного главнокомандующего И.В. Сталина, в последующем будет способствовать выдвижению на ответственные посты начальников штабов, командующих армиями и фронтами генералов И.Д. Черняховского, Ф.И. Толбухина, А.И. Антонова и других.

Суровый боевой опыт рубежа 1942–1943 гг. выдвинул на командование 13-й армией генерал-майора Н.П. Пухова. По профессии учитель, он и «в армии очень серьезно занимался проблемой воспитания, прекрасно знал методику педагогики». По отзыву его непосредственного начальника генерала армии Н.Ф. Ватутина «армии, возглавляемой генералом Н.П. Пуховым, даже под 13-м номером везет». Но это говорит о том, что кроме «везения» у командарма есть еще и немалое умение бить врага в любых условиях. Хотелось бы побольше таких командармов» [Василевский: 306]. Конечно, командование армией – десятками тысяч людей – давалось новым командующим не сразу. Как пишет представитель Ставки А.М. Василевский, он внимательно следил во время боев за освобождение Воронежа в январе 1943 г. за деятельностью командующего 60-армией И.Д. Черняховского, только что выдвинутого на этот пост «не без моего участия». Александр Михайлович свидетельствует: «И.Д. Черняховскому не хватало

опыта для руководства войсками такого крупного объединения, как армия, и на первых порах он подрастерялся. Пришлось побывать с ним, практически помочь ему; он успокоился, обрел уверенность, затем поразительно быстро освоил все основные “секреты” руководства армией...» Трудности в выдвигании талантливых военачальников зависели и от особенностей характера верховного главнокомандующего И.В. Сталина. Так, находившийся с ним в постоянном контакте А.М. Василевский свидетельствует: «...будучи по характеру крайне недоверчивым и осторожным человеком, особенно по отношению к новым, незнакомым ему лицам», Сталин в отношении только что выдвинутого заместителя начальника Генштаба генерала А.И. Антонова никаких обещаний мне не давал и порекомендовал использовать его на фронте». Таким образом руководитель оперативного управления А.И. Антонов оказался на Воронежском фронте с «большой пользой для дела». За успешное руководство и организацию взаимодействия Воронежского и Брянского фронтов при освобождении Курска 8 февраля 1943 года начальник Генерального штаба А.М. Василевский представил своего заместителя генерал-лейтенанта А.И. Антонова к награждению полководческим орденом Суворова 1-й степени [Василевский: 306–311].

Стремительность наступательных действий нашей армии в условиях современной войны поставили в повестку дня и вопрос о военных комиссарах. Этот политический институт был порождением Гражданской войны, когда в создаваемой новой рабоче-крестьянской Красной армии в результате революции 1917 года возникло недоверие к кадрам офицеров царской армии. Поэтому все приказы командиров об использовании войск Красной армии должны были быть санкционированы доверенным лицом партии большевиков – комиссаром. Быстрота изменения событий в ходе сражений Великой Отечественной войны и некомпетентность в военных делах военных комиссаров, которые вмешивались в распоряжения командующих и, как следствие, несли ответственность за поражения войск на Украине, в Крыму и ряде других мест, поставили вопрос о ликвидации института комиссаров в армии. Это было осуществлено непосредственным распоряжением Сталина [Василевский: 240–241]. 9 октября 1942 г. был издан указ президиума Верховного Совета СССР «Об установлении полного единоначалия и упразднении института военных комиссаров в Красной Армии». В указе говорилось, что «Великая Отечественная война с немецкими захватчиками закалила наши командные кадры, выдвинула огромный слой новых талантливых командиров, испытанных в боях и до конца верных своему воинскому долгу и командирской чести». Указ подчеркнул то, что командиры в суровых боях с врагом «доказали свою преданность нашей ро-

дине, приобрели значительный опыт современной войны, выросли и окрепли в военном и политическом отношениях» [Известия].

Быстрота событий современной войны и сложность управления большими массами войск предъявили новые требования к представителям Ставки верховного командования в местах проведения важнейших военных операций. Осенью 1942 г. деятельностью генералов Жукова и Василевского на новую высоту был поднят институт представителя Ставки на фронтах Великой Отечественной войны. С прорывом немецкого танкового корпуса к Волге севернее города 23 августа 1942 г. сложилось тяжелое положение под Сталинградом. 26 августа решением Государственного комитета обороны генерал армии Жуков был назначен заместителем Верховного главнокомандующего и направлен в район Сталинграда. Здесь же находился и генерал-полковник начальник Генштаба Василевский. К этому времени стало очевидным, что битва приобрела важнейшее военно-политическое значение. С падением Сталинграда гитлеровское командование получало возможность отрезать юг от центра страны. Страна могла потерять Волгу – важнейшую водную артерию России, по которой большим потоком шли военно-стратегические грузы с Поволжья и Кавказа. Новым в деятельности представителей Ставки генералов Жукова и Василевского становится то, что они получают право на выработку идей и планов на проведение будущих военных операций, призванных изменить стратегическую обстановку на советско-германском фронте. Вернувшись в Москву 12 сентября 1942 г., Жуков и Василевский обсудили со Сталиным сложившуюся обстановку. Доложив верховному главнокомандующему расстановку сил, военачальники высказали свои соображения о количестве войск и вооружений, необходимых для изменения обстановки под Сталинградом. Как сообщает в своих мемуарах Г.К. Жуков, Сталин «...достал свою карту с расположением резервов Ставки, долго и пристально ее рассматривал. Мы с Александром Михайловичем отошли подальше от стола... и очень тихо говорили о том, что, видимо, надо искать иное решение. – А какое «иное» решение? – вдруг подняв голову, спросил Сталин. Я никогда не думал, что у И.В. Сталина такой острый слух. Мы подошли к столу. – Вот что, – продолжил он, – поезжайте в Генштаб и подумайте хорошенько, что надо предпринять в районе Сталинграда... Завтра в 9 часов вечера снова соберемся здесь». В результате кропотливой работы полководцев в Генштабе родился план действий советских войск в районе Сталинграда. В его основе была идея «на первом этапе активной обороной продолжить изматывать в боях противника, а во-вторых, приступить к подготовке контрнаступления, чтобы нанести противнику в районе Сталинграда такой удар, который

резко изменил бы стратегическую обстановку на юге страны в нашу пользу» [Жуков 2: 273–277; Василевский: 241–242]. Так родился план знаменитой операции «Уран» по переходу в контрнаступление Красной армии и разгрому немецко-фашистских войск в районе Сталинграда. Эта идея была в конце ноября 1942 – феврале 1943 г. блестяще воплощена в жизнь. Фашистской Германии было нанесено стратегическое поражение, положившее начало коренному перелому в Великой Отечественной и Второй мировой войне. Как пишет в своем труде об итогах боев в районе Сталинграда немецкий генерал К. Типпельскирх, «результат наступления оказался потрясающим: одна немецкая и три союзные армии были уничтожены, три другие немецкие армии понесли тяжелые потери. По меньшей мере пятьдесят немецких и союзных дивизий не существовало... Prestиж Германии в глазах ее союзников сильно пошатнулся... Моральный дух русских высоко поднялся» [Типпельскирх: 269]. В обязанности Жукова и Василевского входило также: 1) отработка оперативно-тактических решений по армии, которой предстояло развернуть наступление; 2) представитель Ставки имел право вносить изменения по вводу войск в ходе развернувшихся боев, если этого требовала обстановка; 3) информирование Ставки о снабжении войск боеприпасами и горючим, а также времени доставки необходимого снаряжения; 4) проработка взаимодействия фронтов и армий с их командующими; 5) определение сроков наступления и обеспечения необходимыми резервами наступающие части Красной армии; 6) предоставление ежедневных докладов Сталину обо всем сделанном. Эти доклады, как пишет А.М. Василевский, были «ежедневными в течение долгих месяцев». Доклады составляли в зависимости от заданий совместно либо каждый в отдельности генералы Жуков и Василевский. Так, совместная телеграмма Василевского и Жукова информировала Ставку 6 января 1943 года: «1. Все вопросы оперативно-тактических решений по армии Москаленко отработаны лично с командующим армией, командирами дивизий и бригад... По армии Рыбалко и как группе плохо дело обстоит с подходом по железной дороге транспортов с боеприпасами, горючим, а также подходом войск... Лично о Рыбалко можно сказать следующее: человек он подготовленный и в обстановке разбирается неплохо. 2. Сейчас прорабатываем взаимодействие фронтов и армий на стыках лично с товарищами Харитоновым, Рыбалко, Ватутиным, Голиковым...» [Василевский: 299].

К весне – лету 1943 года в полной мере стали сказываться усилия Ставки и Государственного комитета обороны по развертыванию работы промышленных предприятий на востоке страны по выпуску оборонной продукции. К лету 1943 года в составе Красной армии было свыше 6,6 млн

человек, 105 тыс. орудий и минометов, около 2 200 установок реактивной артиллерии, более 10 тыс. танков, 10 300 самолетов. Все это станет важной материальной составляющей коренного перелома в Великой Отечественной войне. Но где состоятся решающие бои, как поступить в преддверии весенне-летнего сезона, определить направление главного удара врага? Трагические уроки летних кампаний 1941 и 1942 годов показали важность предвидения развития событий. Боевой опыт, приобретенный в сражениях под Сталинградом, Воронежем и на Кавказе позволили Ставке и Генеральному штабу дать точный прогноз удара немецко-фашистских войск летом 1943 г. Впервые этот прогноз был составлен заместителем Верховного главнокомандующего маршалом Г.К. Жуковым и направлен И.В. Сталину 8 апреля 1943 г. в 5:30 утра. В результате тщательно организованной разведки расположения войск противника на участках Центрального, Воронежского и Юго-Западного фронтов, а также сведений, полученных от партизан, Жуков информировал, что «главные наступательные операции противник развернет против этих трех фронтов, с тем чтобы, разгромив наши войска на этом направлении, получить свободу маневра для обхода Москвы по кратчайшему направлению. Видимо, на первом этапе противник, собрав максимум своих сил, в том числе до 13–15 танковых дивизий, при поддержке большого количества авиации нанесет удар своей орловско-кромской группировкой в обход Курска с северо-востока и белгородско-харьковской группировкой в обход Курска с юго-востока». В докладе прогнозировалось, что в случае успеха противник может организовать последующий удар на Москву. Жуков для предотвращения нежелательных событий предложил ряд неотложных мер по укреплению противотанковой обороны, расположению дополнительных артиллерийских полков на угрожаемых направлениях, сосредоточения в резерве Ставки «как можно больше авиации». Были также указаны места сосредоточения резервов, в том числе в районе Тулы, одной резервной армии. В докладе была предложена и новая тактика применения войск: «Переход наших войск в наступление в ближайшее время с целью упреждения противника считаю целесообразным. Лучше будет, если мы измотаем противника на нашей обороне, выьем его танки, а затем, введя свежие резервы, переходом в общее наступление окончательно добьем основную группировку противника» [Жуков 3: 13–15]. Эти расчеты были полностью поддержаны А.М. Василевским и Генеральным штабом. Наступление, предпринятое немецкими армиями 5 июля 1943 г. одновременно с севера и юга, несмотря на использование всех сил и мощную поддержку с воздуха, не принесло им желаемого результата. Как свидетельствует командующий немецкой группой армий

«Юг» Э. Манштейн, «несмотря на все принятые нами меры по маскировке и дезинформации противника... мы уже не могли рассчитывать на то, что застанем его врасплох». А вскоре после развития успешного наступления на севере Курской дуги войск Красной армии, Манштейн получил приказ «передать несколько своих танковых дивизий» на север, для отражения наступления «русской армии» [Манштейн: 449–450]. Таким образом, в результате жесткой преднамеренной обороны войскам Красной армии удалось остановить и отбросить танковые клинья немецких войск в районе Курска. Переход в наступление 12 июля 1943 г. войск Брянского фронта (командующий М.М. Попов), а за ним Центрального (К.К. Рокоссовский) и Западного (В.Д. Соколовский) привел к тому, что 5 августа были освобождены города Орел и Белгород, а 22 августа – Харьков. Освободив эти города, советские войска перешли в общее стратегическое наступление по фронту в 2 тыс. км. Коренной перелом в войне, начатый под Сталинградом, завершился битвой за Днепр. 6 ноября 1943 г. была освобождена столица Украины г. Киев. В целом от врага были очищены ряд областей юга России, Левобережная Украина, Донбасс, захвачены важные плацдармы в Крыму.

Подводя итог, необходимо отметить следующее. Воспоминания полководцев Германии и СССР являются важным источником изучения противоборства советской и немецкой военной мысли. И если на первом этапе внезапное начало и применение новейшей тактики, использование большой массы танков и авиации способствовали успеху немецкой армии, то конец 1941 г. и победа Красной армии под Москвой определили начало поворота в войне. В тяжелейших испытаниях начального периода командование Красной армии выстояло и положило начало овладению методами ведения современной войны. Из тех, кто овладел приемами ведения современной войны, необходимо выделить кадры командиров, прежде всего командующих армиями и фронтами, выдвинувшие своей стойкостью в боях под Москвой и Сталинградом. Современная война потребовала овладеть опытом руководства большой массой техники в соответствии с заложенным в нее потенциалом и средствами связи. Это относится к танковым, авиационным, артиллерийским и реактивным системам огня. Формирование танковых и авиационных дивизий, корпусов и армий этих родов войск заложили материальную основу коренного перелома в войне. Важнейшей составляющей войны стало умение предвидеть действия противника, принимать неожиданные для него решения, правильно используя данные разведки. Многое зависело от таких качеств командующего, как расчет средств, то есть боеприпасов, горюче-смазочных материалов, их приложения к условиям местности,

времени года и глубины проведения военной операции. Эти важные составляющие стали залогом успешного проведения военных компаний 1943 г. и победы под Сталинградом и Курском, освобождения Левобережной Украины, то есть тем, что и считается коренным переломом в Великой Отечественной войне. Эти сражения вынес простой советский солдат, а осуществили и провели полководцы победы – маршалы И.В. Сталин, Г.К. Жуков, А.М. Василевский, И.С. Конев, Л.А. Говоров, Ф.И. Толбухин, К.А. Мерецков, Р.Я. Малиновский, маршал авиации А.А. Новиков, маршал артиллерии Н.Н. Воронов, маршалы бронетанковых войск М.Е. Катюков, П.А. Ротмистров, П.С. Рыбалко, генерал-армии А.И. Антонов, десятки других военачальников. Мемуары советских полководцев остаются важнейшим памятником стойкости народа в Великой войне.

Библиографический список

- Василевский А.М.* Дело всей жизни. М.: Политиздат, 1988. Кн. 1. 319 с.
- Известия: газета. 1942. 10 октября.
- Гудериан Г.* Воспоминания немецкого генерала. Танковые войска Германии во Второй мировой войне. 1939–1945. М., 2009. 574 с.
- Гудериан Г.* Опыт войны с Россией // Итоги Второй мировой войны: сб. статей / пер. с нем. Л.К. Комоловой; под ред. [и с предисл.] ген.-майора И.Н. Соболева. М.: Изд-во иностр. лит., 1957. 640 с.
- Гудериан Г.* Танковые войска Германии. Практика танковой войны. М.: Центрполиграф, 2008. 286 с.
- Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления: в 3 т. М.: Изд-во агентства печати «Новости», 1987. 381 с.
- История России XX – начала XXI века / А.С. Барсенков, А.И. Вдовин, С.В. Воронкова; под ред. Л.В. Милова. М.: Аспект Пресс, 2006. 846 с.
- Манштейн Э.* Проигранные победы. Личные записки генерала вермахта. М.: Центрполиграф, 2009. 574 с.
- Титпельскирх К.* История Второй мировой войны. М.: Изд-во иностр. лит., 1956. 607 с.

References

- Vasilevskii A.M. *Delo vsei zhizni* [Work during the hole life]. Moscow, Politizdat, 1988, vol. 1, 319 p. (In Russ.)
- Izvestiia: gazeta* [Izvestia: The newspaper], 1942, October 10. (In Russ.)
- Guderian G. Vospominaniia nemetskogo generala. Tankovye voiska Germanii vo Vtoroi mirovoi voine, 1939–1945* [Memoirs of a German general. German tank forces in The Second World War, 1939–1945]. Moscow, 2009, 574 p. (In Russ.)
- Guderian G. Opyt voynys Rossiei* [Experience of war with Russia]. In *Itoги Vtoroi mirovoi voiny: sb. statei*

[Results of the Second World War. Sat articles], trans. by L.K. Komolovoi; ed. by I.N. Soboleva. Moscow: Izdatel'vo inostranoi literatyru, 1957, 640 p. (In Russ.)

Guderian G. *Tankovye voiska Germanii. Praktika tankovoi voiny* [Tank troops of Germany. The practice of tank warfare]. Moscow, Tsentrpoligraf, 2008, 286 p. (In Russ.)

Zhukov G.K. *Vospominaniia i razmyshleniia* [Memoirs and reflections]: in 3 vol. Moscow, Izdatel'vo agentstva pechati "Novosti", 1987, vol. 2, 381 p. (In Russ.)

Zhukov G.K. *Vospominaniia i razmyshleniia* [Memoirs and Reflections]: in 3 vol. Moscow,

Izdatel'vo agentstva pechati "Novosti", 1987, vol. 3, 327 p. (In Russ.)

Istoriia Rossii XX – nachala XXI veka [The history of Russia of the XX – beginning of the XXI century]. Barsenkov A.S., Vdovin A.I., Voronkova S.V., ed. by L.V. Milov. Moscow, Aspekt Press, 2006, 846 p. (In Russ.)

Manshtein E. *Proigrannye pobedy. Lichnye zapiski generala vermakhta* [Lost victories. Personal notes of the Wehrmacht General]. Moscow, Tsentrpoligraf, 2009, 574 p. (In Russ.)

Tippelskirch K. *Istoriia Vtoroi mirovoi voiny* [History of The Second World War]. Moscow, Izdatel'vo inostranoi literatyru, 1956, 607 p. (In Russ.)

DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-77-82
УДК 623.45(470.315)"1941/1942"

Малинка Алексей Николаевич
Военный учебно-научный центр Сухопутных войск
«Общевойсковая ордена Жукова академия Вооруженных Сил Российской Федерации»
Анисимов Алексей Владимирович
Военный учебно-научный центр Сухопутных войск
«Общевойсковая ордена Жукова академия Вооруженных Сил Российской Федерации»
Карташов Александр Константинович
Военная академия радиационной, химической и биологической защиты
имени Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко

ХИМИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВОЙСК В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

На момент начала Великой Отечественной войны фашистская Германия обладала значительным количеством химического оружия. Химическое обеспечение становится одним из главных видов оперативного (боевого) обеспечения. С началом Великой Отечественной войны была пересмотрена и система подготовки кадров химической службы. Основное внимание командованием Красной армии было уделено мероприятиям противохимической защиты войск, поражению живой силы, вооружения и боевой техники противника огнеметно-зажигательными средствами и применению дыма в целях маскировки. Задача своевременного выявления и недопущения применения противником химического оружия включала в себя химическое, метеорологическое наблюдение, химическую разведку местности и противника, которые выполнялись в основном частями химических войск. Весьма трудной задачей стало обеспечение войск средствами противохимической защиты в достаточных объемах. На огнеметчиков возлагались задачи выжигания противника из долговременных огневых сооружений и укрепленных зданий, блокирования опорных пунктов, борьба с танками и бронетранспортерами. Дымом маскировались объекты тыла, важные промышленные объекты в крупных городах страны, железнодорожные узлы, мосты и переправы. Маскировка дымами в несколько раз снижала эффективность бомбардировок немецкой авиацией.

Ключевые слова: химическое оружие, противохимическая защита, химическое обеспечение, химическая служба, огнеметно-зажигательные средства, маскирующие дымы.

Информация об авторах: Малинка Алексей Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, Военный учебно-научный центр Сухопутных войск «Общевойсковая ордена Жукова академия Вооруженных Сил Российской Федерации», г. Москва, Россия.

E-mail: ovavcrf@mail.ru

Анисимов Алексей Владимирович, Военный учебно-научный центр Сухопутных войск «Общевойсковая ордена Жукова академия Вооруженных Сил Российской Федерации», г. Москва, Россия.

E-mail: ovavcrf@mail.ru

Карташов Александр Константинович, кандидат технических наук, доцент, Военная академия радиационной, химической и биологической защиты имени Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко, г. Кострома, Россия.

E-mail: alexandrkartashov70@mail.ru

Дата поступления статьи: 11.03.2020.

Для цитирования: Малинка А.Н., Анисимов А.В., Карташов А.К. Химическое обеспечение войск в годы Великой Отечественной войны // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 2. С. 77–82. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-77-82.

Aleksey N. Malinka
Military training and research centre of the Land forces
«Combined arms Academy of the Order of Zhukov of the Armed Forces of the Russian Federation»
Aleksey V. Anisimov
Military training and research centre of the Land forces
«Combined arms Academy of the Order of Zhukov of the Armed Forces of the Russian Federation»
Aleksandr K. Kartashov
Marshal of the Soviet Union Timoshenko Military Academy of Nuclear, Chemical and Biological Defence

CHEMICAL SUPPORT OF TROOPS DURING WORLD WAR II

When it attacked the USSR, Nazi Germany possessed significant chemical weapons. Chemical support thus became one of the main kinds of operational (combat) support. Short-term course has been created for chemical service commanders and personnel chemical specialists training. The Red Army's general attention was paid to the chemical defence measures, to eliminate the enemy manpower, weapons and military equipment by use of the flamethrower and incendiary means, smoke screens were used to mask. Chemical detection and the prevention of chemical weapons use involved chemical, meteorological monitoring; chemical reconnaissance was provided mostly by chemical troops. It took a lot to provide troops with necessary chemical defence means. The flamethrowers' mission was to burn the enemy out of long-term fire facilities and fortified buildings, to block strongholds, and to destroy tanks and armoured personnel carriers. Smoke screens were used to mask rear

objects, important industrial facilities in cities, railway junctions, bridges and crossings. Smoke screens masking significantly reduced the effectiveness of German air force bombing.

Keywords: chemical weapons, chemical defence, chemical support, chemical service, flamethrower and incendiary means, masking smoke.

Information about the authors: Malinka Aleksey Nikolaevich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Military training and research centre of the Land forces «Combined arms Academy of the Order of Zhukov of the Armed Forces of the Russian Federation», Moscow, Russia.

E-mail: ovavcrf@mail.ru

Anisimov Alexey Vladimirovich, Military training and research centre of the Land forces «Combined arms Academy of the Order of Zhukov of the Armed Forces of the Russian Federation», Moscow, Russia.

E-mail: ovavcrf@mail.ru

Kartashov Alexander Konstantinovich, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, S.K. Military Academy of Radiation, Chemical and Biological Protection named after Marshal of the Soviet Union Tymoshenko, Kostroma, Russia.

E-mail: alexandrkartashov70@mail.ru

Article received: March 11, 2020.

For citation: Malinka A.N., Anisimov A.V., Kartashov A.K. Chemical support of troops during World War II. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 2, pp. 77–82 (In Russ.). DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-77-82.

Для достижения своих стратегических целей в войне против СССР руководство фашистской Германии помимо обычного оружия планировало применять и химическое. Так в мае 1939 г. на совещании германского военного командования Гитлер сказал: «Договоры и право – ерунда... Любое оружие имеет решающее значение только тогда, когда его не имеет враг. Это относится и к газам...» [Войска 1999: 21]. Немецкие военные теоретики Р. Ганслиан и Ф. Бергендорф утверждали, что химическое оружие позволяет приобрести мировое значение, и даже мировое господство [Калитаев: 12].

К началу Великой Отечественной войны промышленность Германии в достаточных количествах обеспечила химическими боеприпасами свои войска.

Перед управлением химических войск стояла особая задача по обеспечению надежной защиты личного состава Красной армии в случае возможного применения противником химического оружия. Однако неудачи начального периода войны оказали сильное влияние на снижение возможностей химической службы и химических войск. Примерно 40% созданных мобилизационных запасов средств противохимической защиты (ПХЗ) оказались на временно оккупированной немецкими войсками территории или были уничтожены.

Возникшие проблемы химического обеспечения войск потребовали в кратчайшие сроки перевода всей химической службы на штаты военного времени. В августе 1941 г. изменился статус и, вместе с тем, наименование руководящего органа химической защиты. Оно было переименовано в Главное военно-химическое управление Красной армии (ГВХУКА), которое стало подчиняться непосредственно Верховному главнокомандующему [Войска 1999: 24]. Была создана система управления химической службой и химическими войсками.

С началом войны Военно-химическая академия сократила сроки подготовки офицеров для хими-

ческой службы. Обучение проходило от шести до девяти месяцев. Кроме того, в академии производилась переподготовка офицеров. Одним из приоритетных направлений становится подготовка специалистов-химиков рядового и сержантского состава, которая с первых месяцев войны была развернута при запасных стрелковых бригадах, а с января 1942 г. создаются 53 учебно-химических пункта [Красильников, Петров: 49]. В начале 1943 г. для подготовки офицерского состава в Подмоскowie создается огнеметное училище.

Руководство Красной армии уделяло большое внимание мероприятиям ПХЗ войск, первоочередными из которых становятся химическая разведка и оповещение войск о химической опасности. Химическое наблюдение, как свидетельствует опыт войны, являлось основным способом химической разведки, для чего разворачивалась сеть отдельных войсковых наблюдателей и наблюдательных постов, которые выставлялись в каждой роте, на командных пунктах (КП) и в районах расположения тыловых подразделений, обычно состоявшие из 3–5 человек [Петров: 26]. В ночное время для определения возможного волнового пуска ОВ от рот первого эшелона выставлялись химические секреты.

Химическую разведку противника и местности наряду с выполнением своих общих задач вели разведывательные дозоры, разъезды и отряды, выделяемые от соединений (частей) первого эшелона.

Начиная с 1943 г., наряду с задачей по выявлению возможного применения противником химического оружия, на химическую разведку командование Красной армии стало возлагать и обнаружение самого химического оружия. С июля 1943 г. до конца войны разведчиками подразделений и частей химической защиты 2-го Украинского фронта было обнаружено 358 химических складов, захвачено более 500 образцов вооружения и средств ПХЗ противника [Красильников, Петров: 45].

В ходе Берлинской операции и после войны советские военнотруженики только в восточных зем-

лях Германии обнаружили огромное количество химических боеприпасов: около 400 тыс. снарядов, 150 тыс. авиабомб, 34 тыс. фугасов. Кроме того, порядка 7 тыс. тонн отравляющих веществ находились в бочках, цистернах и т.д. [Сысоев: 45].

Все данные, добываемые разведывательными подразделениями химических войск, а также химиками-разведчиками подразделений общевойсковых соединений и частей неопровержимо подтверждали, что немецкое командование поддерживало в войсках готовность к применению химического оружия до самых последних дней войны.

Весьма трудной задачей, возложенной на химическую службу в начальном периоде войны, стало обеспечение войск средствами ПХЗ в размерах, достаточных для создания надежной их защиты при применении противником химического оружия, так как соединения и части имели их большой комплект. В случае расхода или потерь пополнение подразделений средствами защиты осуществлялось через батальонные и полковые пункты боепитания за счет боевой нормы части [Войска 2000: 37].

С 1942 г. на химическую службу возлагаются задачи по обеспечению дегазации оружия, боевой техники, обмундирования, снаряжения и отдельных участков местности. Для выполнения этих мероприятий штатными подразделениями химической защиты и силами приданных отдельных батальонов химической защиты (обхз) разворачивались санитарно-дегазационные пункты (СДП) – полковые, дивизионные и тыловые.

Таким образом в условиях непосредственной угрозы применения химического оружия были пересмотрены значение и содержание комплекса мероприятий противохимической защиты с учетом развития химического оружия и взглядов на его применение. Большое внимание уделялось совершенствованию органов руководства противохимической защитой, сил и средств во всех звеньях войск.

На химическую службу с первых дней войны были возложены задачи поражения живой силы, вооружения и боевой техники противника огнеметно-зажигательными средствами. В первом периоде войны основным огнеметно-зажигательным средством становятся зажигательные бутылки, которые бойцы Красной армии применяли для выжигания живой силы из окопов, блиндажей, домов и других фортификационных сооружений, а также для борьбы с танками и броневыми автомобилями.

В ноябре 1941 г. командованием Красной армии были приняты на вооружение ампулометы. Для использования нового вооружения формировались ампулометные взводы (до восьми ампулометов в каждом). Данные подразделения, как правило, придавались стрелковому батальону (роте). Штурмовой взвод мог быть усилен двумя ампулометчиками [Скибинский, Осипенко: 57].

Ампулометы широко применялись в Сталинградской битве. Тридцать четыре ампулометных взвода в декабре 1942 г. уничтожили восемь танков, тридцать три долговременных огневых точки, двадцать пять сооружений и 68 немецких солдат [Петров: 31]. При ликвидации окруженной фашистской группировки в крепости Великие Луки в январе 1943 г. массированный обстрел из ампулометов заставил немецкий гарнизон сдаться (до 500 человек с девятью танками и артиллерией) [Боевой опыт: 32].

Исходя из того, что основной ударной силой немецкой армии были все же танки, необходимость эффективной борьбы с ними потребовала от руководства Красной армии формирования таких химических подразделений, которые могли успешно решить данную задачу. Было принято решение о формировании рот, на вооружении которых находились бы фугасные огнеметы (орфо). В сентябре 1941 г. было сформировано 50 рот данного типа. В первый месяц 1942 г. в строй встали еще 93 подразделения. Опыт использования данных подразделений показал необходимость создания более крупных воинских формирований под единым командованием с целью массированного применения этих средств поражения. Таким образом, в составе резерва Ставки Верховного главнокомандующего появились отдельные огнеметные батальоны (ооб) и отдельные моторизованные противотанковые огнеметные батальоны (омптоб) [Дмитриев, Якубов: 78].

Батальон первого типа состоял из трех огнеметных рот. Общее количество огнеметов составляло шестьсот сорок восемь единиц. В батальоне второго типа имелось пятьсот сорок единиц, но он был усилен пулеметной ротой. В качестве транспорта использовались как автомобили, так и гужевые средства.

В конце 1941 г. при обороне столицы подразделения фугасных огнеметов получили боевое крещение. Так, в декабре 26-я отдельная рота фугасных огнеметов, приданная 32-й стрелковой дивизии, прикрывая отдельные направления от ударов противника, уничтожила 4 танка и более 120 солдат и офицеров, тем самым полностью сорвав атаку противника [Развитие: 67].

Огнеметная рота могла прикрывать рубеж по фронту до 1,5 км, а батальон – до 3–4 км. Довольно успешно огнеметы ФОГ-1 и ФОГ-2 использовались и в наступательных действиях. Основными задачами, решаемыми огнеметными подразделениями являлись: удержание рубежей, объектов и районов; уничтожение наступающих сил противника; подавление окруженных формирований; подавление противника в зданиях и фортификационных сооружениях [Боевой опыт: 62].

В условиях, когда линия непосредственного боевого соприкосновения советских и немецко-фа-

шистских войск была меньше ста метров в качестве огневой поддержки, использовались фугасные огнеметы. Так, в середине 1942 г. войска 339 стрелковой дивизии вышли к реке Керчь и готовились к штурму. Расстояние между траншеями противника и окопами наших войск было 70–80 метров. Дивизионное командование принимает решение перед проведением атаки совместно с артиллерийской подготовки использовать огнеметные средства ооб.

На участке фронта протяженностью около одного километра батальон установил около четырехсот ФОГ-1. Утром 18 ноября 1943 г., по завершении орудийного обстрела вражеских позиций, был сделан залп по траншеям немцев из подготовленных огнеметов. Такого развития событий противник не ожидал. Последующая атака наших войск позволила одним броском преодолеть три траншеи, захватить несколько укрепленных объектов и овладеть значительным по площади районом. В этом бою потерь бойцов Красной армии не было.

Отдельно необходимо сказать об использовании фугасных огнеметов в населенных пунктах, и в особенности в городах. Немцы очень тщательно готовили оборону. Для противодействия советской бронетехнике оборонявшиеся дополнительно усиливались гранатометчиками с фаустпатронами. Снайперы и пулемётные расчеты поражали наши орудийные отделения. Поэтому основным средством огневой поддержки были огнеметы. В качестве примеров боевого применения частей фугасных огнеметов могут служить боевые действия по взятию городов Познани, Бреслау, Вены, Кенигсберга, Берлина.

В начале 1942 г. проблема уничтожения живой силы противника потребовала от командования Красной армии создания подразделений, способных вести эффективную борьбу с пехотой противника, такими подразделениями становятся отдельные роты ранцевых огнеметов (орро).

Огнеметные подразделения придавались стрелковым частям и соединениям. Как правило, полк мог быть усилен одним – двумя взводами ранцевых огнеметов. Огнеметчики занимали позиции в батальонах первого эшелона, обычно группами до четырех бойцов. Вместе с пехотой они поражали живую силу противника. В боях у г. Сталинграда 172-я орро выполняла задачи в интересах 64-й армии. В период двух недель данная рота «сожгла» почти двести шестьдесят вражеских солдат, двадцать одну оборудованную огневую точку, одиннадцать блиндажей.

Наиболее успешными были действия подразделений ранцевых огнеметов в уличных боях. Действуя в составе штурмовых групп, огнеметчики проникали в проломы и на верхние этажи зданий, в тыл противника по подземным коммуникациям, в подвалы и другие труднодоступные места. В г. Познань при штурме одного из костелов вои-

ны-химики, действуя в паре, взорвали входную дверь и, ворвавшись внутрь, уничтожили огнеметанием до 25 гитлеровцев, а 175 взяли в плен.

Для усиления противотанковой обороны на химические войска возлагалась задача по организации различного рода огневых заграждений. Основным из таких заграждений в начале войны был огневой вал, который специально готовили следующим образом. На танкоопасном рубеже создавался завал из деревьев. Для легкости и надежности воспламенения использовались горюче-смазочные материалы. При подходе вражеских танков данное сооружение поджигалось с помощью огнеметов или бутылок с зажигательной смесью. Примером использования огневых валов может служить бой 32-й стрелковой дивизии у населенного пункта Акулово. Пылающий завал из деревьев задержал продвижение противника на 4 часа [Боевой опыт: 65].

В дальнейшем химическими войсками стали применяться новые, более эффективные заграждения – минноогневые фугасные (МОФ) поля (сочетание зажигательных бутылок и противопехотных мин) [Развитие: 69], которые планировались химическим отделом. МОФ поля состояли из нескольких десятков фугасных точек (очагов). Для создания каждого очага отрывалась яма, на дно которой устанавливалась мина, а поверх нее укладывались несколько бутылок с зажигательной смесью. Специально подготовленная команда бойцов до 30 чел. за ночь создавала около ста пятидесяти фугасных точек [Буреев: 12]. О высокой эффективности полей МОФ свидетельствуют примеры оборонительных боев на подступах к Сталинграду, где только в августе 1942 г. с помощью этих минноогневых заграждений было уничтожено до 70 германских танков, а за июль 1943 г. на полях МОФ Степного фронта сгорело 28 танков и до роты пехоты противника. Особенно значительные потери немцев от применения МОФ были в полосе обороны армий Воронежского фронта, где было установлено до 26 погонных км. полей [Боевой опыт: 69]. Танковые подразделения, оказавшиеся на минноогневых полях, начинали маневрировать, изменяли направление движения и тем самым подставляли более уязвимые места бронированной машины под удар противотанковых орудий и других средств поражения.

Применение в годы Великой Отечественной войны огнеметно-зажигательных средств показало свою высокую эффективность. За годы войны сложились основы применения частей (подразделений) огнеметов в целях поддержания пехотных частей Красной армии.

Применение химическими войсками маскирующих дымов для обеспечения боевых действий войск началось уже с первых дней войны. Эту задачу выполняли батальоны и бригады химической защиты. Так, на Ленинградском фронте в октябре–

декабре 1941 г. 84 обхз осуществлял постановку дымовых завес переправ на р. Неве. Маскировка позволила частям и соединениям 55-й и 8-й армий преодолеть водную преграду и вести боевые действия в полосе у населенного пункта Дубровка.

С 1943 г. обхз были доукомплектованы специальными дымовыми техническими средствами. Возможности батальона по постановке аэрозольных завес увеличились до 8 км. С этого времени силами одного обхз выполнялась задача по прикрытию до двух переправ одновременно. Кроме того, батальон мог произвести маскировку площади более 30 кв. км [История: 74].

Важной задачей в армейских операциях являлась маскировка смены или перегруппировки войск, которая, как правило, решалась постановкой линейных дымовых завес на открытых участках местности. В июне 1944 г. 31-й стрелковый корпус держал оборону на левом берегу р. Днестр. На занимаемом рубеже должна была произойти смена войск. На смену корпусу подходили части 259-й стрелковой дивизии. На участке до 4 км прибывшим войскам необходимо было передвигаться по открытой местности. Химический отдел армии спланировал постановку двух дымовых завес, одну – действительную и одну ложную. В результате маневр был осуществлен скрытно, смена войск произведена без людских потерь [Развитие: 76].

Примером эффективного планирования аэрозольной маскировки является постановка отвлекающих ложных завес 5-й ударной армией летом 1944 г. Армия в соответствии с планом дымового обеспечения фронта ставила дымовую завесу с целью введения противника в заблуждение в вопросе направления главного удара войск Красной армии. Отвлекающие завесы сыграли ключевую роль. В результате чего противник задержал переброску войск в район южнее Тирасполя, где три советские армии готовились нанести главный удар [Боевой опыт: 78].

Дальнейшее развитие в годы войны получило мероприятие по применению химическими войсками дымов с целью маскировки тыловых объектов и переправ. Так, например, 12-й и 67-й обхз Степного (в последующем 2-го Украинского) фронта 25 сентября 1943 г. успешно выполнили задачу при переправе главных сил фронта через р. Днепр. В октябре 1943 г. прикрывались дымом армейские переправы в районе Букринского плацдарма [Боевой опыт: 80]. Аналогичные задачи выполняли 24-й и 67-й обхз при форсировании р. Прут войсками 2-го Украинского фронта в апреле 1944 г. и р. Дунай в ноябре–декабре 1944 г. В феврале 1945 г. силами химических войск осуществлялась маскировка передислокации соединений 2-й ударной армии к реке Висла. За образцовое выполнение заданий эти батальоны были награждены орденами Красной Звезды, а 197 солдат, сержантов и офицеров – орденами и медалями.

Бригады химической защиты совместно с воинскими формированиями противоздушной обороны обеспечивали прикрытие важных военных, государственных и промышленных объектов от налета авиации в оперативной глубине. В результате грамотного планирования и слаженности действий войск за два последних года войны зафиксированы только четыре случая повреждения маскируемых армейских и фронтовых переправ германской авиацией в полосе 2-го Украинского фронта.

К объектам, прикрываемым химическим бригадами, относились более шестидесяти железнодорожных узлов, а также тридцать пять железнодорожных мостов [История: 76]. В период Великой Отечественной войны химическими войсками маскировалось около шестисот важных стратегических объектов. Из тридцати трех тысяч авиабомб, сброшенных люфтваффе на эти объекты, только 70 попали в цель [Боевой опыт: 85].

Несомненно, в годы Великой Отечественной войны был получен огромный опыт по организации, планированию и осуществлению химического обеспечения войск Красной армии. Мероприятия противохимической защиты, применение маскирующих дымов и огнеметно-зажигательных средств получили свое развитие.

Таким образом, огнеметные части и подразделения химических войск неоспоримо внесли значительный вклад в Победу советского народа в Великой Отечественной войне. Родина высоко оценила заслуги воинов-химиков. За особые заслуги перед страной, безупречное выполнение воинского долга, смелость, решительность и профессионализм личного состава двадцать пять батальонов фугасных огнемётов, семнадцать батальонов и тринадцать рот ранцевых огнемётов и восемнадцать батальонов химической защиты были награждены орденами; сорок частей получили почётные наименования. Десятки тысяч воинов-химиков награждены орденами и медалями, а двадцать восемь человек стали Героями Советского Союза.

Список литературы

Боевой опыт химических войск и химической службы в Великой Отечественной войне. Сборник примеров. М.: Воениздат, 1989. 146 с.

Бурев В.И. Боевое использование войск химической защиты в операциях Шестого Сталинского удара в кампании 1944 г. Отчет. М.: ВАХЗ, 1951. 42 с.

Временная инструкция по обеспечению противохимической защиты войск службами Красной Армии. М.: Воениздат, 1942. 149 с.

Войска РХБ защиты. Учебное пособие. М.: ВУРХБЗ, 1999. 174 с.

Войска РХБ защиты. Учебное пособие. М.: ВУРХБЗ, 2000. 154 с.

Дмитриев Д.М., Якубов В.Е. Боевой опыт химических войск и химической службы в Великой Оте-

чественной войне (1941–1945 гг.). М.: Воениздат, 1989. 114 с.

История химических войск и химической службы Советской Армии (1918–1945 гг.). Ч. 1. М.: ВАХЗ, 1983. 94 с.

Коротков В.С., Васильев С.Н. и др. Средства защиты органов дыхания человека. М.: ВАХЗ, 1965. 132 с.

Калитаев А.Н., Баранаев М.К. и др. Химическое оружие вероятного противника. М.: ВАХЗ, 1977. 218 с.

Красильников М.В., Петров Г.И. История химической службы и войск химической защиты Советской Армии. М.: ВАХЗ, 1958. 135 с.

Петров Г.И. Химическая служба Советской Армии в Великой отечественной войне. М.: ВАХЗ, 1948. 132 с.

Развитие искусства подготовки и ведения обороны в годы Великой Отечественной войны. Курс лекций. М.: ВАХЗ, 1992. 84 с.

Скибинский Н.П., Осипенко В.Е. Развитие вооружения и организации химических войск в годы второй мировой войны. М.: ВАХЗ, 1994. 101 с.

Сысоев И.Т. Химическое обеспечение Берлинской наступательной операции 1945 г. Отчет. М.: ВАХЗ, 1952. 34 с.

References

Boevoi opyt khimicheskikh voisk i khimicheskoi sluzhby v Velikoi Otechestvennoi voine. Sbornik primerov [Combat experience of chemical troops and chemical service in the Great Patriotic war. Collection of examples]. Moscow, Voenizdat Publ., 1989, 146 p. (In Russ.).

Bureev V.I. *Boevoe ispol'zovanie voisk khimicheskoi zashchity v operatsiiakh Shestogo Stalinskogo udara v kampanii 1944 g.* Otchet [Combat use of chemical protection troops in the operations of the Sixth Stalinist strike in the campaign of 1944. Report]. Moscow, VAKhZ Publ., 1951, 42 p. (In Russ.).

Vremennaia instruksiia po obespecheniiu protivokhimicheskoi zashchity voisk sluzhbbami Krasnoi Armii [Temporary instructions for providing chemical protection of troops by Red Army services]. Moscow, Voenizdat Publ., 1942, 149 p. (In Russ.).

Voiska RKhB zashchity [The troops of NBC protection]. Moscow, Military university of RHB protection Publ., 1999, 174 p. (In Russ.).

Voiska RKhB zashchity [The troops of NBC protection]. Moscow, Military university of RHB protection Publ., 2000, 154 p. (In Russ.).

Dmitriev D.M., Iakubov V.E. *Boevoi opyt khimicheskikh voisk i khimicheskoi sluzhby v Velikoi Otechestvennoi voine (1941–1945 gg.)* [Combat experience of chemical troops and chemical service in the Great Patriotic war (1941–1945)]. Moscow, Voenizdat publ., 1989, 114 p. (In Russ.).

Istoriia khimicheskikh voisk i khimicheskoi sluzhby Sovetskoï Armii (1918–1945 gg.) [History of chemical troops and chemical service of the Soviet Army (1918–1945)]. Part 1. Moscow, Military Academy of chemical protection Publ., 1983, 94 p. (In Russ.).

Korotkov B.C., Vasil'ev S.N. i dr. *Sredstva zashchity organov dykhaniiia cheloveka* [Means of protection of respiratory organs of man]. Moscow, Military Academy of chemical protection Publ., 1965, 132 p. (In Russ.).

Kalitaev A.N., Baranaev M.K. i dr. *Khimicheskoe oruzhie veroiatnogo protivnika* [Chemical weapons of a possible enemy]. Moscow, Military Academy of chemical protection Publ., 1977, 218 p. (In Russ.).

Krasil'nikov M.V., Petrov G.I. *Istoriia khimicheskoi sluzhby i voisk khimicheskoi zashchity Sovetskoï Armii* [History of the chemical service and chemical protection troops of the Soviet Army]. Moscow, Military Academy of chemical protection Publ., 1958, 135 p. (In Russ.).

Petrov G.I. *Khimicheskaiia sluzhba Sovetskoï Armii v Velikoi Otechestvennoi voine* [Chemical service of the Soviet Army in the Great Patriotic war]. Moscow, Military Academy of chemical protection Publ., 1948, 132 p. (In Russ.).

Razvitie iskusstva podgotovki i vedeniia oborony v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [Development of the art of preparing and conducting defense during the Great Patriotic war]. Moscow, Military Academy of chemical protection Publ., 1992, 84 p. (In Russ.).

Skibinskii N.P., Osipenko V.E. *Razvitie vooruzheniia i organizatsii khimicheskikh voisk v gody vtoroi mirovoi voiny* [Development of armament and organization of chemical troops during the Second World war]. Moscow, Military Academy of chemical protection Publ., 1994, 101 p. (In Russ.).

Sysoev I.T. *Khimicheskoe obespechenie Berlinskoi nastupatel'noi operatsii 1945 g.* Otchet [Chemical support for the Berlin offensive in 1945. Report]. Moscow, Military Academy of chemical protection Publ., 1952, 34 p. (In Russ.).

ПРОИЗВОДСТВО СПЕЦПРОДУКЦИИ НА ИВАНОВСКОМ МЕБЕЛЬНОМ КОМБИНАТЕ (ЗАВОД № 43) В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Статья посвящена исследованию деятельности Ивановского мебельного комбината, который в годы Великой Отечественной войны действовал под условным наименованием «завод № 43» Наркомата лесной промышленности. Выполняя постановления ГКО СССР, он производил десантные и санитарные аэросани, спецкупурку для 45-миллиметровых снарядов, корпуса для противотанковых мин и другую спецпродукцию для действующей армии. В статье отражены проблемы освоения комбинатом указанных видов продукции, организации производственной кооперации по изготовлению отдельных узлов и приборов к аэросаням, а также металлической арматуры для спецкупурки и корпусов к противотанковым минам. Важное внимание уделено специфике поиска решений, в том числе через обращения к председателю ГКО И.В. Сталину. Данные действия опирались на максимальную мобилизацию местных производственных ресурсов и на развитие различных форм социалистического соревнования. Статья подготовлена по материалам Государственного архива Ивановской области, Российского государственного архива социально-политической истории, Государственного архива Российской Федерации, а также местной периодической печати. В ней обобщены новые сведения по исследуемой теме, большинство архивных документов впервые вводятся в научный оборот, что позволяет расширить представление исследователей и общественности о вкладе жителей области в достижение победы над нацистской Германией и ее союзниками. Результаты данного исследования могут представлять интерес для специалистов в области региональной экономики и истории Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: постановления, Государственный комитет обороны СССР, обком ВКП(б), Ивановский мебельный комбинат, «завод №43», специальные задания, аэросани, спецкупурка, корпуса для противотанковых мин, производственная кооперация, Всесоюзное социалистическое соревнование, действующая армия.

Информация об авторе: Околотин Владимир Сергеевич, доктор исторических наук, доцент кафедры истории России Ивановского государственного университета, г. Иваново, Россия.

E-mail: okolotin.vladimir@yandex.ru

Дата поступления статьи: 04.04.2020.

Для цитирования: Околотин В.С. Производство спецпродукции на Ивановском мебельном комбинате (завод № 43) в годы Великой Отечественной войны // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 2. С. 83–87. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-83-87.

Vladimir S. Okolotin
Ivanovo State University

PRODUCTION OF SPECIAL PRODUCTS AT IVANOV FURNITURE FACTORY (PLANT NO. 43) DURING WORLD WAR II

The article is devoted to the study of Ivanovo furniture factory, which during World War II operated under the provisional name «plant No. 43» of the People's Commissariat of the forest industry. Fulfilling the orders of the State Defence Committee of the USSR, it produced landing and sanitary aerial vehicles, special caps for 45 mm shells, cases for anti-tank mines and other special products for the active army. The article reflects the problems of the development of these types of products by the combine, the organisation of production cooperation for the production of individual components and devices for aerial vehicles, as well as metal fittings for special closures and cases for anti-tank mines. Important attention is paid to the specifics of the search for solutions to resolve them, including through appeals to Joseph Stalin, the Chairman of the State Defence Committee. These actions were based on maximum mobilisation of local production resources and on the development of various forms of socialist competition. They were so successful that in August and September 1944, the factory's labour team twice became the winner of the all-Union socialist competition among the enterprises of the forest industry with the award of the Red Banner of the GKO of the State Defence Committee. In the end, all this worked for the defence of the country and brought the defeat of the enemy closer. The article is based on the materials of the state archive of Ivanovo Region, the Russian state archive of socio-political history, the State archive of the Russian Federation, and the local periodical press. It summarises new information on the topic under study, most of the archival documents are introduced into scientific circulation for the first time, which allows researchers and the public to expand their understanding of the contribution of residents of the region to achieving victory over Nazi Germany and its allies. The results of this research may be of interest to specialists in the field of regional economy and the history of World War II.

Keywords: resolutions, State Defence Committee of USSR, regional Committee of Communist party, Ivanovo furniture factory, «plant No. 43», special tasks, air-sled, special capping, cases for anti-tank mines, production cooperation, all-Union socialist competition, passing Red banner of State Defence Committee, active army, honorary title «City of labour valour».

Information about the author: Vladimir S. Okolotin, Doctor of Historical Sciences, associate Professor of the Department of Russian History of Ivanovo State University, Ivanovo, Russia.

E-mail: okolotin.vladimir@yandex.ru

Article received: April 4, 2020.

For citation: Okolotin V.S. Production of special products at Ivanovo furniture factory (plant No. 43) during World War II. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 2, pp. 83–87 (In Russ.). DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-83-87.

В 2016 и 2019 гг. автором статьи были изданы две книги из задуманных пяти монографий, посвященных Ивановской области в годы Великой Отечественной войны. В них отражена деятельность региона в 1941 г. [Околотин 2017] и 1942 г. [Околотин 2019а]. Продолжается работа над другими книгами (томами), охватывающими события 1943, 1944 и 1945 гг. Предметом их исследования стали постановления Государственного Комитета обороны СССР (ГКО СССР), Иваново-Вознесенского городского комитета обороны, Ивановского обкома ВКП(б) и исполкома областного совета депутатов трудящихся, а также подготовительные документы к ним, отражавшие мобилизацию ресурсов города Иванова и области в годы Великой Отечественной войны. Такой подход позволяет ввести в научный оборот пласт правовых документов чрезвычайного характера, системно не рассматривавшихся на региональном уровне. Более того, с использованием материалов из местных архивов возникает возможность отразить на страницах изданий ход выполнения постановлений и проблемы, возникавшие при этом, показать в каких условиях осуществлялось их решение. Это имеет большое значение не только для усиления исторического ресурса региона, но и для увековечивания памяти о тружениках тыла через присвоение городу Иваново почетного звания «Город трудовой доблести». Деятельности трудового коллектива Ивановского мебельного комбината (завода №43), одного из ведущих предприятий г. Иванова по выполнению постановлений ГКО СССР, его трудовым достижениям и посвящена данная статья.

В 1941 г. Ивановскому мебельному комбинату было поручено производство аэросаней для Красной армии. Согласно заданию в декабре 1941 г. комбинат должен был изготовить 70 штук аэросаней НКЛ-16 и в январе 1942 г. еще 40 единиц¹. О том, какие проблемы возникли при их производстве, свидетельствует содержание сообщения секретаря обкома ВКП(б) Г.Н. Пальцева председателю ГКО СССР И.В. Сталину от 8 января 1942 г. В нем говорилось: «Выпуск аэросаней на Ивановском мебельном комбинате задерживается из-за отсутствия труб для маслопровода и бензопровода, труб для подmotorной рамы, масломанометров, других металлических деталей и измерительных приборов. В настоящее время изготовление металлических деталей организовано на месте на предприятиях города. На 8 января собраны 3 машины,

из которых одна прошла ходовые испытания. Изготовлено корпусов 98, из них готово к монтажу 80, лыж 282, из них окованы 178. К 11 января будет собрано 10 машин и при получении из Саратова масломанометров все они будут сданы военпреду. Сейчас на комбинате имеется масломанометров всего лишь на 3 машины». В конце документа прозвучало заявление о том, что обком ВКП(б) принимает все меры «к безусловному выполнению январского плана выпуска аэросаней»².

18 февраля 1942 г. на заседании суженного исполкома облсовета депутатов трудящихся был заслушан доклад директора комбината Калинина. Из его доклада следовало, что выпуск аэросаней продолжает сдерживаться отсутствием магнето и трубками для бензо- и маслосистем. Испытание уже собранных аэросаней на комбинате осуществлялось путем перестановки пусковых магнето с одних машин на другие. Были приняты все меры к заводу на автомашинах необходимых материалов из Москвы, Горького и Ярославля, командированы представители комбината в Куйбышев и Саратов за приборами, а также на завод № 41 в Киров за трубками бензо- и маслосистем. В результате принятых мер первая партия машин НКЛ-16 в количестве 15 штук была полностью изготовлена, испытана и сдана военпреду, а 18 февраля была отправлена в действующую армию.

По результатам обсуждения доклада участники заседания приняли решение № 27 «О ходе выполнения задания по изготовлению аэросаней Ивановским мебельным комбинатом». В нем констатировалось, что невыполнение комбинатом задания по монтажу аэросаней задерживается, в том числе по причине несвоевременной поставки предприятиями Иванова различных металлических узлов и деталей. Среди них были названы фабрики Красная Талка и Сосневская отделочная, БДМ и Тейковский текстильный комбинат, а также облконтора Главметаллосбыта. Им было в жесткой форме предписано изготовить требуемые для производства аэросаней узлы до 110 комплектов к 1 марта 1942 г. Управляющего облконторой Главметаллосбыта Никифорова исполком облсовета обязал немедленно выполнить распоряжение Ивановского городского комитета обороны и поставить комбинату железо и сталь необходимых сортов и профилей³.

Как отмечалось в конъюнктурном обзоре директора комбината Калинина за февраль 1942 г., «все эти практические мероприятия в сочетании с самоотверженной работой коллектива дали

возможность комбинату изготовить 41 машину НКЛ-16 при задании 40 штук и тем самым перевыполнить план февраля месяца». Там же утверждалось, что при наличии ограниченного времени с пониманием всей ответственности за своевременное изготовление машин для фронта, «коллектив комбината поголовно включился в социалистическое соревнование имени 24-й годовщины Красной Армии и принял вызов 41-го завода, во что бы то ни стало выполнить задание февраля по изготовлению машин. Работа шла по-стахановски. Отдельные группы монтажников буквально не выходили из цехов целыми неделями, проявляя патриотизм, стойкость и выносливость на трудовом фронте при выполнении заказов для фронта».

В числе отличившихся в обзоре были названы главный механик Круглов, начальник цеха № 3 Факторович, авиатехник М.С. Гусаров, моторист Н.М. Бурьлин, монтажники П.П. Касьяненко и А.И. Гусев, технолог С.А. Сапун и другие. В итоге в первых числах марта все 41 аэросани были отгружены заказчику⁴. По состоянию на 21 марта 1942 г. комбинат выпустил еще 21 машину, тем самым значительно приблизился к выполнению задания ГКО СССР по производству 110 аэросаней⁵.

В предверии зимнего периода ГКО СССР вновь принял постановление № 2236 сс от 3 сентября 1942 г. «Об изготовлении аэросаней для Красной Армии». Согласно его содержанию, предприятиям трех наркоматов (Наркомлес, Наркомречфлот и Наркомрыбпром) предстояло изготовить и сдать НКО до 1 января 1943 г. 1000 транспортных аэросаней НКЛ-16 улучшенной конструкции образца 1942 г. Они оснащались авиационными моторами М-11, которые выработали свой ресурс в воздухе, но могли быть пригодными для работы на земле. Производство 550 аэросаней было возложено на Наркомлес и, в частности, подчиненный ему Ивановский мебельный комбинат⁶.

О результатах выполнения этого задания и возникших при этом проблемах свидетельствует обращение секретаря обкома ВКП(б) Г.Н. Пальцева к зампреду СНК СССР В.М. Молотову: «Ивановский обком ВКП(б) на Вашу телеграмму сообщает, что согласно постановлению ГКО от 3 сентября 1942 г. Ивановский мебельный комбинат должен изготовить в течение сентября-декабря 1942 г. 120 штук аэросаней, из них образца 1941 г. – 20 штук и образца 1942 г. – 100 штук. По состоянию на 23 сентября с.г. сдано аэросаней 35 штук (образца 1941 г.), находится в монтаже 15 машин (образца 1942 г.), из которых одна машина прошла испытания и сдана ОТК. Кроме этого на стапелях находится 14 штук каркасов»⁷.

Там же сообщалось, что «задержка в монтаже машин произошла вследствие того, что поставщики металлоузлов деталей и комплектующего оборудования их мебельному комбинату не поставля-

ют. Так, управление промкооперации гор. Кирова должно было изготовить 855 разных видов узлов и деталей, а на 20 октября с.г. поставлено только 145; гор. Москвы – из 120 шт. деталей №75-00-06 поставлено всего 3; Наркоместпрома гор. Молотова из 620 разных деталей не поставлено ни одной и гор. Кирова из 175 только – 46; завод «Коммунар» треста Лессудмашстрой из 900 деталей также не поставил ни одной. Главспецдревпром также задерживает поставку деталей. Так, например тахометров с гибким валом поставлено всего 2, вместо 100 штук по плану, пускового магнето 48 из 120 и бензонасосов 30 из 100»⁷.

Говорилось и о принятых обкомом ВКП(б) организационных мерах. Так, его «обращение к обкомам ВКП(б) Кировской и Молотовской областей об ускорении изготовления и отгрузки деталей Ивановскому мебельному комбинату пока положительных результатов не дали. В настоящее время обкомом ВКП(б) приняты меры к изготовлению узлов и деталей на месте с тем, чтобы недопоставку аэросаней в ноябре полностью перекрыть в декабре 1942 г.»⁸.

Одновременно, в том же обращении обком ВКП(б) просил Совнарком СССР «дать указание Главнефтебьюту об отоваривании фондов на авиабензин для мебельного комбината за счет резервов, т.к. отсутствие горючего не дает возможности производить испытания выпускаемых аэросаней»⁹.

По всей вероятности, обкому ВКП(б) все-таки удалось решить часть организационных проблем и выполнить постановление ГКО. Однако потребности фронта требовали наращивания производства аэросаней. В результате ГКО СССР 19 января 1943 г. принял постановление №2762 сс «Об изготовлении аэросаней для Красной Армии в январе – феврале 1943 г.»¹⁰. Согласно его содержанию в указанные сроки предприятиям Наркомлеса и Наркомрыбпрома предстояло дополнительно произвести и сдать НКО до 20 февраля равномерно по пятидневкам 180 транспортных аэросаней НКЛ-16. Из указанного количества предприятиям Наркомлеса предстояло изготовить 150 аэросаней, а предприятиям Наркомрыбпрома – 30 саней.

Для выполнения этого постановления ГКО обязал Наркомавиапром передать в январе и феврале 1943 г. Наркомлесу и Наркомрыбпрому соответствующее количество моторов М-11, вылетающих ресурс, отремонтированных и пригодных для установки на аэросанях. В свою очередь Наркомторгу было предписано обеспечить снабжением рабочих и инженерно-технических работников предприятий Наркомлеса СССР (завод №41, завод «Красный Октябрь» в г. Молотове, Ивановский мебельный комбинат), занятых в изготовлении аэросаней, продовольственными товарами «по нормам особого списка» до 1 марта 1943 г.¹¹. Своим постановлением ГКО также обязал Наркомат электростанций

обеспечить в январе-феврале 1943 г. бесперебойное снабжение электроэнергией «в пределах выделенных лимитов» занятых в производстве аэросаней и узлов к ним. От председателей облисполкомов и секретарей обкомов ВКП(б), в том числе Ивановской области, постановление потребовало «на основе сложившейся кооперации на местах» обеспечить изготовление деталей и узлов к аэросаням. О выполнении указанных работ всем наркоматам надлежало представлять в СНК СССР 5-дневные сводки по выпуску аэросаней¹².

Кроме аэросаней комбинат в 1942 г. изготавливал спецукупорку. По сути это были деревянные ящики для укупорки снарядов, которые производились местными машиностроительными и механическими заводами [Околотин 20196]. Несмотря на получение увеличенного по сравнению с прошлым годом задания, комбинат приостановил их производство из-за отсутствия пиломатериалов. Архангельская контора Главлесосбыта из необходимых комбинату 80 вагонов кондиционных материалов в январе 1942 г. отгрузила лишь 25 вагонов шпальной срезки¹³.

Для изготовления спецукупорки требовались не только пиломатериалы, но и парковая арматура. В один комплект парковой арматуры входили 4 угольника, 2 навески, 2 накладки и 2 запора. Для выполнения заданий комбинату требовалось более 500 тыс. комплектов арматуры, но фонды на нее НКО СССР по ряду обстоятельств не выделил. По этой причине на комбинате скопилось свыше 13 тыс. ящиков, не усиленных арматурой, в то время как предприятия, производившие боеприпасы, испытывали острую нужду в спецукупорке. В этой связи директор комбината Калинин был вынужден 20 февраля 1942 г. обратиться в военный отдел обкома ВКП(б) с просьбой организовать в области на базе имеющегося прессового хозяйства производство парковой арматуры, гвоздей и шурупов¹⁴. По всей вероятности, такие меры были приняты, поскольку другие документы по данной проблеме в Государственном архиве Ивановской области автор издания не выявил. Значительную помощь в снабжении мебельного комбината пиломатериалами для изготовления спецукупорки и иных изделий оказал ГКО СССР. Согласно его постановлению № 2694 сс от 5 января 1943 г. «О плане производства боеприпасов на январь и 1 квартал 1943 г.», начальнику Главлесснаба при СНК СССР Лопухову предписывалось выделить в январе текущего года Ивановском мебельному комбинату для перевозки пиловочника и пиломатериалов 60, а в дальнейшем ежемесячно по 80 вагонов¹⁵. В результате в Ивановскую область для производства спецукупорки надлежало ввести 8 тыс. кубометров пиловочника. Для его вывозки с мест разгрузки председателю областного совета депутатов трудящихся Г.Н. Шубину предписывалось вы-

делять НКЛП необходимое количество возчиков с лошадьми¹⁶.

Этим же постановлением мебельный комбинат обязывался произвести в первом квартале 1943 г. 30 тыс. корпусов для противотанковых мин (ЯМ-5)¹⁷. Кроме того на комбинате в больших количествах производились лодки – волокуши, кровати санитарные, доски крепленные и т.д. Как и при производстве аэросаней, здесь также максимально использовалась производственная кооперация различных предприятий, мобилизация их потенциальных возможностей. В результате в течение 1943 и 1944 гг. завод № 43 смог нарастить выпуск спецпродукции и полностью выполнять задания, установленные ГКО СССР.

12 сентября 1944 г. ВЦСПС и Наркомлеспром СССР, рассмотрев итоги Всесоюзного социалистического соревнования, за август признали его победителем завод № 43 Главспецдревпрома (директор Максаков, парторг Каракозов, предзавкома Акимов) с вручением ему переходящего Красного Знамени ГКО и денежной премии в размере 75 тыс. руб.¹⁸. Следует сказать, что трудовой коллектив завода № 43, развивая производственные темпы, смог удержать за собой лидерство в социалистическом соревновании в сентябре 1944 г. В результате ВЦСПС и Наркомлеспром СССР приняли решение оставить заводу № 43 переходящее Красное Знамя ГКО СССР¹⁹.

Таким образом, трудовой коллектив Ивановского мебельного комбината в непростых условиях не только освоил производство аэросаней для действующей армии, но и постоянно наращивал его. Из-за отсутствия фондов на материалы многие детали и узлы для них изготавливались на других предприятиях области за счет выявленных и неиспользуемых материальных резервов. Кроме того, комбинат выпускал спецукупорку для снарядов, производившихся на территории области, а также корпуса для противотанковых мин. Как и при производстве аэросаней, здесь также была осуществлена производственная кооперация комбината с другими предприятиями за счет выявленных и неиспользуемых ранее материальных резервов. Трудовые заслуги комбината были по достоинству оценены при подведении итогов Всесоюзного социалистического соревнования. Его трудовой коллектив дважды становился победителем соревнования с вручением переходящего Красного Знамени ГКО СССР.

Награды завода № 43 в совокупности с трудовыми заслугами других предприятий в годы Великой Отечественной войны стали основанием для ходатайства губернатора Ивановской области С.С. Воскресенского к Президенту России В.В. Путину о присвоении городу Иваново почетного звания «Город трудовой доблести». В Иванове волонтерами был начат сбор подписей в поддерж-

ку такого обращения. Президент России В.В. Путин во время своего пребывания в Иванове 6 марта 2020 г. поддержал эту инициативу и дословно сказал следующее: «... Если не Иваново, то тогда какие города ещё могут заслуживать такого звания? Конечно, мы это обязательно рассмотрим, и, я думаю, решим положительно»²⁰.

Присвоение городу Иваново такого почетного звания будет способствовать увековечиванию трудового подвига ивановцев, в том числе и тружеников Ивановского мебельного комбината в годы Великой Отечественной войны.

Примечания

- ¹ Государственный архив Ивановской области (ГАИО). ГАИО. ФП-327. Оп. 7. Д. 520. Л. 14.
- ² ГАИО. ФП-327. Оп. 7. Д. 479. Л. 7.
- ³ ГАИО. ФП-327. Оп. 7. Д. 520. Л. 19–20.
- ⁴ ГАИО. ФП-327. Оп. 7. Д. 520. Л. 53–55.
- ⁵ ГАИО. ФП-327. Оп. 7. Д. 520. Л. 60–60 об.
- ⁶ Российский Государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф-644. Оп. 2. Д. 91. Л. 24.
- ⁷ ГАИО. ФП-327. Оп. 7. Д. 478. Л. 128.
- ⁸ ГАИО. ФП-327. Оп. 7. Д. 478. Л. 128.
- ⁹ ГАИО. ФП-327. Оп. 7. Д. 478. Л. 128.
- ¹⁰ РГАСПИ. Ф-644. Оп. 2. Д. 127. Л. 108–111.
- ¹¹ РГАСПИ. Ф-644. Оп. 2. Д. 127. Л. 110.
- ¹² РГАСПИ. Ф-644. Оп. 2. Д. 127. Л. 111.
- ¹³ ГАИО. ФП-327. Оп. 7. Д. 520. Л. 14.
- ¹⁴ ГАИО. ФП-327. Оп. 7. Д. 514. Л. 51.
- ¹⁵ РГАСПИ. Ф-644. Оп. 2. Д. 120. Л. 22.
- ¹⁶ РГАСПИ. Ф-644. Оп. 2. Д. 120. Л. 33.
- ¹⁷ РГАСПИ. Ф-644. Оп. 2. Д. 120. Л. 127.
- ¹⁸ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф-5451. Оп. 26. Д. 232. Л. 131, 134.

¹⁹ ГАРФ. Ф-5451. Оп. 26. Д. 236. Л. 110.

²⁰ Владимир Путин поддержал инициативы жителей Ивановской области // Наше слово. 2020. 17 марта.

Список литературы

Околотин В.С. Ивановская область в годы Великой Отечественной войны. Книга 1. 22 июня – 31 декабря 1941 года. Иваново: А-Гриф, 2017. 344 с.

Околотин В.С. Ивановская область в годы Великой Отечественной войны. Книга 2: 1 января – 31 декабря 1942 года. Иваново: А-Гриф, 2019. 624 с.

Околотин В.С. Производство 45-миллиметровых артиллерийских снарядов на заводах Ивановской области в 1942 году // Вестник Костромского государственного университета. 2019. № 1. С. 61–66.

References

Okolotin V.S. Ivanovskaia oblast' v gody Velikoi Otechestvennoi voiny. Kniga 1. 22 iunია – 31 dekabria 1941 goda [Ivanovo region during the Great Patriotic War. Book 1. June 22 – December 31, 1941]. Ivanovo, A-Grif Publ, 2017, 344 p. (In Russ.).

Okolotin V.S. Ivanovskaia oblast' v gody Velikoi Otechestvennoi voiny. Kniga 2: 1 ianvaria – 31 dekabria 1942 goda [Ivanovo region during the Great Patriotic War. Book 2: January 1 – December 31, 1942]. Ivanovo, A-Grif Publ, 2019, 624 p. (In Russ.).

Okolotin V.S. Proizvodstvo 45-millimetrovykh artilleriiskikh snariadov na zavodakh Ivanovskoi oblasti v 1942 godu [Production of military products at enterprises cooperative and local industry of Ivanovo Region in 1941–1942] // *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University]. 2019, № 1, pp. 61–66. (In Russ.).

Будник Галина Анатольевна

Ивановский государственный энергетический университет имени В.И. Ленина

Королева Татьяна Валерьевна

Ивановский государственный энергетический университет имени В.И. Ленина

Котлова Татьяна Борисовна

Ивановский государственный энергетический университет имени В.И. Ленина

**ПРОБЛЕМЫ ЭНЕРГЕТИКИ ПРИФРОНТОВЫХ ОБЛАСТЕЙ
ЦЕНТРА РОССИИ В 1941–1945 ГГ.**

В статье изучаются основные проблемы энергетики прифронтовых областей центра России в годы Великой Отечественной войны. Показаны особенности эвакуации оборудования электростанций из центра страны на Урал и в Сибирь, организация в прифронтовой зоне бесперебойного снабжения армии и промышленных предприятий электричеством, восстановления электростанций на освобожденной от врага территории. Выделяются проблемы и трудности в работе трудовых коллективов, такие как обеспечение электростанций топливом и рабочей силой. Анализируются основные пути их преодоления. Новизна исследования заключается в том, что впервые предпринимается попытка всестороннего, многоаспектного изучения работы отрасли в 1941–1945 гг. Выявлены важнейшие факторы, способствующие организации бесперебойной работы энергообъектов. Среди них – патриотический подъем; преимущество плановых, директивных методов руководства отраслью; ужесточение, в соответствии с законами военного времени, трудового законодательства; использование в строительстве электростанций труда заключенных ГУЛАГа НКВД СССР; достижения ученых, изобретателей и рационализаторов производства. Определен круг вопросов, требующих дальнейшего научного изучения.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, СССР, прифронтовые области, электроэнергетика, эвакуация, восстановление.

Информация об авторах: Будник Галина Анатольевна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и философии Ивановского государственного энергетического университета имени В.И. Ленина, г. Иваново, Россия.

E-mail: budnik@iif.ispu.ru

Королева Татьяна Валерьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии Ивановского государственного энергетического университета имени В.И. Ленина, г. Иваново, Россия.

E-mail: kor_tv@mail.ru

Котлова Татьяна Борисовна, доктор исторических наук, зав. кафедрой истории и философии, проректор по воспитательной работе и связям с общественностью Ивановского государственного энергетического университета имени В.И. Ленина, г. Иваново, Россия.

E-mail: ktb@ispu.ru

Дата поступления статьи: 29.02.2020.

Для цитирования: Будник Г.А., Королева Т.В., Котлова Т.Б. Проблемы энергетики прифронтовых областей центра России в 1941–1945 гг. // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 2. С. 88–96. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-88-96.

Galina A. Budnik

Lenin Ivanovo State Power Engineering University

Tat'yana V. Korolyova

Lenin Ivanovo State Power Engineering University

Tat'yana B. Kotlova

Lenin Ivanovo State Power Engineering University

**POWER ENGINEERING PROBLEMS OF THE FRONT-LINE AREAS
OF CENTRAL OF RUSSIA IN 1941–1945**

The article studies the main problems of the power engineering of the front-line areas of the centre of Russia during World War II. The details of the evacuation of power plant equipment from the centre of the country to the Urals and Siberia, the organisation in the front-line zone of uninterrupted supply of electricity to the army and industrial enterprises, and the power plants recovery on the territory liberated from the enemy are shown. The problems and difficulties in the work of labour collectives, such as providing power plants with fuel and workforce are pointed out. The main ways to overcome them are analysed. The novelty of the study lies in the fact that for the first time an attempt is made for comprehensive, multi aspect study of the work of the branch in 1941-1945. The most important factors contributing to the organisation of the uninterrupted operation of energy facilities are elicited. Among them is a patriotic upsurge; the advantage of planned, policy-based methods for managing the industry; tightening, in accordance with the martial laws, labour legislation; the employment of prisoners of the Gulag of the NKVD of the USSR in the construction of power plants; achievements of scientists, inventors and innovators of production. The range of issues requiring further scientific study is determined.

Keywords: World War II (East Front), USSR, front-line nearabout, power engineering, evacuation, recovery.

Information about the authors: Galina A. Budnik, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History and Philosophy, Lenin Ivanovo State Power University, Ivanovo, Russia.

E-mail: budnik@iif.ispu.ru

Tat'yana V. Korolyova, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History and Philosophy, Lenin Ivanovo State Power University, Ivanovo, Russia.

E-mail: kor_tv@mail.ru

Tat'yana B. Kotlova, Doctor of Historical Sciences, Head of department of History and Philosophy, Lenin Ivanovo State Power University, Ivanovo, Russia.

E-mail: ktb@ispu.ru

Article received: February 29, 2020.

For citation: Budnik G.A., Kotlova T.B., Korolyova T.V. Power engineering problems of the Front-line areas of Central Russia in 1941–1945. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 2, pp. 88–96 (In Russ.). DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-88-96.

В 2020 г. весь мир отмечает 75-летний юбилей Победы СССР над фашистской Германией в годы Великой Отечественной войны. К настоящему времени историография важнейшего в XX веке события обширна, однако до сих пор некоторые аспекты истории Великой Отечественной войны не нашли в научной литературе должного освещения. Мало изучена, в частности, трудовая деятельность электроэнергетиков в 1941–1945 гг. Одной из причин этого является то, что архивные фонды по этой проблематике только начинают открываться. До настоящего времени основными источниками по истории электроэнергетики в годы войны являются воспоминания руководителей и ветеранов энергетики. Они содержат обширный материал по организации производства, примеры трудового героизма энергетиков [Жимерин 1960; Жимерин 1962; Энергетики]. Опубликованы статьи и главы в научных изданиях, раскрывающие отдельные аспекты истории электроэнергетики [Гвоздецкий, Будрейко; Околотин]. Заслуживают внимания сборники материалов по истории электроэнергетики, изданные по инициативе Министерства энергетики РФ [Энергия Великой], энергетических корпораций, например, РАО «ЕЭС России» [Энергия Победы], а также научно-популярные статьи в профессиональных изданиях. Так, например, четвертый номер журнала «ЭнергоРынок» за 2015 г. посвящен энергетике в военные годы. Материалы о деятельности трудовых коллективов в годы войны размещены на сайтах региональных, отраслевых и корпоративных Музеев энергетики. Однако пока нет ни одной обобщающей монографии, освещающей историю отрасли в 1941–1945 гг.

Целью данной статьи является попытка всестороннего освещения основных проблем энергетики в центре России в годы Великой Отечественной войны. Выбор региона исследования обусловлен тем, что на первом этапе войны эта территория наиболее сильно пострадала от боевых действий. Фашистские войска яростно рвались к Москве, стремясь захватить столицу нашей Родины. В результате уже осенью 1941 г. часть прилегающих к Москве территорий была оккупирована захват-

чиками, остальные стали прифронтовыми областями, а Тула, которой непосредственно грозила опасность захвата врагом, была объявлена на осадном положении. На примере электроэнергетики этого региона можно изучить основные проблемы эвакуации оборудования электростанций в тыл; организации работы энергетиков в условиях прифронтовых областей; восстановления объектов электроэнергетики после освобождения оккупированных территорий.

К началу Великой Отечественной войны, во многом благодаря плановым, директивным методам руководства страной, советскому правительству удалось создать достаточно мощную энергетическую базу для обеспечения электроэнергией промышленности, в первую очередь оборонной. Понимая неизбежность войны, руководство отрасли предпринимало серьезные усилия для подготовки электростанций к работе в условиях военного времени. Уже в 1940 г. на энергообъектах начали проводить мероприятия, связанные с их защитой от нападения с воздуха, увеличением надежности работы оборудования. Проведенная работа смягчила удар, нанесенный фашистской Германией 22 июня 1941 г., но далеко не все удалось сделать.

30 июня 1941 г. был создан Государственный комитет обороны СССР, важнейшей задачей которого стала организация действенной обороны страны. В этих целях мобилизовывались все имеющиеся в государстве ресурсы. Задачи, стоящие перед энергетиками, были четко обозначены. Уже в августе 1941 г. в передовой статье в журнале «Электрические станции» отмечалось, что «настоящая война является войной резервов людских и материальных. Сейчас победу больше, чем когда-либо, будут решать человеческие и экономические резервы... <...> Все это требует увеличения выработки электроэнергии и безусловного надежного и бесперебойного электроснабжения промышленности. <...> Страна требует от всех трудящихся, работающих в тылу, подлинного героизма, ибо в тылу, так же как и на фронте, куется победа над врагом» [Электрические станции: 1–2]. В статье конкретно обозначались задачи наркомата, руководителей, работников электростанций.

Чтобы не позволить гитлеровцам захватить оборудование энергообъектов, перед энергетиками стояла сложнейшая задача оперативно эвакуировать энергетическое оборудование из западных, северо-западных и юго-западных территорий СССР на Восток и в Среднюю Азию, а также обеспечить бесперебойное снабжение армии и промышленности электроэнергией вплоть до подхода немецких войск.

Эвакуацию оборудования приходилось проводить в спешном порядке, под ударами фашистской авиации. При этом станции вырабатывали электроэнергию на нужды фронта и промышленности вплоть до вступления немецких войск в города. Так, в июле – августе 1941 г. было демонтировано и отправлено в тыл основное оборудование Брянской ГРЭС. Но до начала оккупации области (7 октября 1941 г.) электростанция не прекращала подачу электроэнергии» [История создания]. В 1941 г. практически полностью оказалась оккупирована противником Калужская область. Однако городская электростанция работала до вступления немцев в пригород Калуги, и только 9 октября были остановлены машины, взорваны котлы [История развития].

К октябрю 1941 г. прифронтовой становится Московская энергосистема. Электрические сети в районе Сталиногорска, Тулы и Каширы оказались полностью или частично в зоне оккупации. Начался широкомасштабный демонтаж энергооборудования, которое готовилось к отправке на Урал и в Сибирь. С большими трудностями удалось эвакуировать оборудование Сталиногорской ГРЭС. Полностью его вывезти не успевали, и ГРЭС была взорвана при отступлении Красной армии. В октябре начался демонтаж Фрунзенской ТЭЦ, которая проработала всего четыре месяца после ввода в эксплуатацию [История Мосэнерго]. Осенью 1941 г. правительством было принято решение об эвакуации оборудования Каширской ГРЭС (Московская область), отправке его в Сибирь и о минировании станции. 12 октября начались демонтажные работы, а 14 октября в Новосибирск пошли первые эшелоны с демонтированными котлами, турбинами. Люди работали по одиннадцать и более часов. За два месяца было отправлено около 500 вагонов с оборудованием. Для сложной и тяжелой работы по демонтажу оборудования электростанций привлекли женщин и подростков, так как большинство мужчин были мобилизованы на фронт. Занятые на демонтаже трудились день и ночь, при этом сами электростанции продолжали вырабатывать нагрузку. К декабрю 1941 г. была проведена огромная по масштабам работа: демонтировали и эвакуировали 54 % мощностей Мосэнерго [История Мосэнерго]. Нельзя не согласиться с В.И. Зоркальцевым в том, что «необычайно успешно проведенную эвакуацию, а также активный перевод всей экономики на военный лад, быстрый ввод в строй эвакуирован-

ных промышленных предприятий можно считать первой крупной победой СССР, предопределившей последующие военные победы» [Зоркальцев].

Важнейшей задачей энергетиков прифронтовых областей было обеспечение бесперебойной работы электростанций и подстанций. Для этого прежде всего необходимо было защитить энергообъекты от бомбардировок фашистской авиации. В этих целях были развернуты работы по общей маскировке предприятий. Часть оборудования закрывалась защитными кожухами. На крышах зданий (для дежурных противовоздушной обороны) и в цехах (для дежурных механиков) устанавливались специальные металлические будки для защиты от осколков. Заготавливались средства борьбы с зажигательными бомбами для предотвращения пожаров – бочки с водой, ящики с песком, багры, лопаты и клещи. Возводились ложные объекты для дезориентации воздушной разведки противника. Проводилось обучение персонала для действий в военных условиях, создавались специальные отряды для тушения пожаров, а также отряды Местной противовоздушной обороны (МПВО).

Активно шло формирование аварийного резерва оборудования и запасных частей. Учитывая исключительно большое значение энергетических предприятий, военное командование выделило средства для авиационного прикрытия электростанций. Благодаря заранее принятым мерам по защите оборудования, тяжелых разрушений авианалеты врага не причинили, и все повреждения быстро устранялись силами эксплуатационного и ремонтного персонала и бойцами сформированной МПВО.

Важнейшей проблемой, которую энергетикам необходимо было решить – это обеспечение станций топливом. В связи с оккупацией фашистами угольных бассейнов, таких как Донецкий, Ростовский, Подмосковский, районов добычи торфа, разрушения нефтяных промыслов Грозного и Майкопа необходимо было найти резервные источники топлива. Дело в том, что до войны электростанции Центрального региона работали в основном на донбасском угле, поступление которого прекратилось вскоре после начала войны. Центр страны был беден топливно-энергетическими ресурсами. Бурые угли Подмосковского бассейна, расположенные в пределах Тверской, Смоленской, Калужской, Тульской, Рязанской областей, были низкокалорийными, высокозольными, влажными, сернистыми, выдерживавшими перевозку не более чем на 200–300 км. Но на севере региона были залежи торфа, который и стал фактически единственным видом топлива для электростанций центра страны. В тяжелые годы войны, особенно зимой 1941–1942 и 1942–1943 гг., именно торф стал практически единственным энергетическим топливом для Москвы и всего Центрального промышленно-

го района¹. Однако добывать его и доставлять на станции было очень трудно. Торфопредприятиям не хватало рабочей силы, а железнодорожникам – подвижного состава. Ситуация была критической. Только самоотверженная работа трудовых коллективов предотвратила полную остановку станций. В Подмосковье на производство торфа каждую весну мобилизовали десятки тысяч людей из близлежащих областей. Но торфа всё равно не хватало, и электростанции переходили на сжигание дров и пней. На некоторых ТЭЦ, например на ЯрГРЭС, стали использовать кислый гудрон. Проблемы с поставками топлива сохранялись в течение всей войны. Однако, несмотря на трудности, «энергетики Центра в годы войны успешно решили задачу энергоснабжения оборонных предприятий промышленных районов Москвы, Горького, Ярославля, Иванова, Кирова, Калинина и частично Ленинграда, базируясь исключительно на местном топливе, в основном на торфе и низкосортном угле. При этом они добились экономии 198,7 тыс. т условного топлива» [Трембовля: 14].

Следующей важной проблемой был острый дефицит кадров. Из Костромской горэлектросети, например, «за две недели на войну ушли почти все кадровые рабочие» [Жуков]. Аналогичная ситуация была и на других энергообъектах.

В мирное время работа энергетиков считалась сугубо мужским занятием. В Ивэнерго, например, «женщины составляли только 2 % персонала энергопредприятий. Но... мужчины уходили на фронт. Несмотря на то, что в целях восполнения дефицита кадров в июле 1941 г. ГКО постановил, что инженерно-технический и рабочий персонал энергетических организаций не подлежит мобилизации и исключил возможность добровольного ухода мужчин на фронт, многие энергетики все-таки предпочитали сражаться за Родину на фронте. В результате в 1944 г. количество женщин, работавших на станциях, составило 51 %» [Энергия Победы: 62]. Женщины приходили работать на самые тяжелые и сложные участки. Бывшие ткачихи, парикмахеры, домохозяйки становились дежурными электромонтерами подстанций, слесарями, монтерами, штукатурами, малярами, бойцами охраны, шоферами, сцепщиками вагонов и даже кочегарами, помощниками машинистов турбин. В Костроме «дежурными у щита управления горэлектросети стали Е. Звездочкина, Л. Герасимова, А. Соколова, с работой главного бухгалтера и завхоза быстро освоились А. Богородская и М. Богданова. А когда получили газогенераторную полуторку, за ее руль смело сели Н. Жукова и Е. Коробицына» [Жуков].

Еще одним резервом кадров стала молодежь и подростки. Ветеран владимирской энергетики А.В. Наценова (Богданова) вспоминала: «В 1943 г., когда мне исполнилось 15 лет, отец привел меня работать на станцию (ТЭЦ-1. – Прим.

авторов) <...> На станции трудились преимущественно женщины и подростки. Работали повсеместно: на главном щите управления, на турбинах, на разгрузке торфа. Немногие оставшиеся в тылу мужчины занимались обслуживанием котлов. Очень часто нас направляли на разгрузочные работы, поскольку мы, в отличие от взрослых, не работали в ночные смены. <...> Летом всю молодежь отправляли на штабелировку торфа... Особенно тяжело приходилось энергетикам зимой. В отопительный период на станции четыре котла работали с полной нагрузкой. Замерзший в бункерах торф расширялся при оттаивании, и его нужно было проталкивать в котлы при помощи кувалд» [Энергия Победы: 31–32].

Трудиться приходилось на пределе человеческих возможностей, однако во всех воспоминаниях ветеранов электроэнергетики отмечается патристический подъем, высокое чувство ответственности инженеров и рабочих. Лозунг «Все для фронта! Всё для победы!» реально вдохновлял их на трудовой героизм.

На Костромской ТЭЦ-1, например, «слесарь В. Розанов освоил специальность газосварщика и перекрыл установленные нормы выработки в два с лишним раза. В марте 1942 г. ему был поручен срочный ремонт котла, на который по нормам полагалось четыре дня. Однако каждый час простоя агрегата оборачивался бездействием сотен станков и машин на предприятиях, выполняющих военные заказы. Несмотря на тяжелые условия работы и температуру 60 градусов, на ремонт котла потребовалось чуть более 24 часов. Розанов ушел домой лишь тогда, когда агрегат, принятый с оценкой «отлично», начал работать.

Несколькими днями позже потребовалось срочно отремонтировать насос турбины со сменой ротора. Однако мастер машинного цеха А. Стрекалов организовал дело так, что ремонт, на который отводилось трое суток, был выполнен за одни, причем в выходной день. Им же был разработан уникальный метод использования старого ротора путем насадки на него медных колец, позволивший насосной станции работать без перебоев.

Не отставали от тружеников ТЭЦ-1 и работники Костромской горэлектросети, в тяжелых военных условиях перевыполнившие намеченный производственный план на 123 %. План по ремонту сети энергетики выполнили на 109 % уже к 1 ноября 1942 г.» [Энергия Победы: 84–85].

Одним из инструментов мобилизации трудовых коллективов являлось Всесоюзное социалистическое соревнование, инициатором которого в годы войны был коллектив Каширской ГРЭС Мосэнерго. Упор в нем был сделан на бесперебойное обеспечение электроэнергией и теплом промышленности, экономию топлива и электроэнергии, перевыполнение планов добычи, сушки и вывоза торфа, до-

срочный ввод новых энерго мощностей, как было отмечено в газете «Правда» от 16 июня 1942 г.

Однако организовать бесперебойное электроснабжение потребителей при максимальном использовании ограниченных человеческих и материальных ресурсов было очень сложно. Поэтому еще одним фактором, серьезно влиявшим на работу энергообъектов, был контроль за выполнением ими плановых заданий местными партийными и советскими органами власти. В отношении трудовых коллективов и отдельных работников отрасли не только принимались меры поощрения или наказания, но энергопредприятиям оказывалась и конкретная оперативная помощь. Так, например, в декабре 1942 г. на ИвГРЭС была критическая ситуация с топливом. Станция работала с недопустимо низкой заполняемостью бункеров, а аварийные запасы на складе станции были израсходованы. В этой связи бюро обкома ВКП(б) разработало ряд конкретных мер по выводу ИвГРЭС из энергетического кризиса [Околотин: 284–285].

Неоднократно обкомы ВКП(б) прифронтовых областей рассматривали также вопросы по обеспечению электростанций рабочими, по наведению порядка в электрохозяйствах предприятий, обеспечению экономии электроэнергии. Жесткие, конкретные директивные меры, прописываемые в документах, часто с очень объемным перечнем мероприятий по выводу станций из кризисного состояния, играли существенную роль в разрешении жизненно важных проблем отрасли.

В октябре 1941 г., когда механизированные колонны Гудериана подошли вплотную к Туле, «председатель городского комитета обороны – первый секретарь обкома ВКП(б) В.Г. Жаворонков, несмотря на крайне напряженную обстановку на фронте, дал указание отвести всех энергетиков с передовой, поручив им обслуживание и охрану энергетических объектов» [Энергетика в годы войны. Тульская область]. Фронт и электроэнергетика были равнозначны по своей важности для обороны страны.

Важным направлением работы энергетиков была достройка и расширение уже начатых до войны электростанций. Так, накануне войны не было закончено строительство Рыбинской ГЭС, которая должна была обеспечивать электроэнергией Москву. Завершение начатых работ продолжалось в годы войны: «Строительно-монтажные работы на Рыбинской ГЭС велись в условиях бомбежек, пронизывающего холодного волжского ветра, грязевого месива, в котором утопали тяжелые телеги с оборудованием, нехватки рабочей силы, работы по 16 часов в сутки, бытовой необустроенности, плохого питания. В течение всего периода строительства сохранялась готовность к подрыву станции в случае прорыва врага. Для этого в основании плотины были сделаны специальные ниши для закладки приготовленного тола. Рыбинская

ГЭС была введена в строй досрочно – первый ток в Москву был подан вечером 18 ноября 1941 г. – острота ситуации с энергоснабжением столицы отпала» [Гвоздецкий, Будрейко: 54].

В последние годы появились научные публикации, в которых рассматривается проблема применения труда осужденных ГУЛАГа НКВД на строительстве электростанций в годы Великой Отечественной войны [Бурдин, Захарченко].

Известно, что заключенные Волжского лагеря участвовали в строительстве Рыбинской ГЭС. «Десятки тысяч человек, вполне здоровые первоначально, «переработанные» лагерной машиной, превратились в инвалидов и «слабосильных». В феврале 1942 г. на базе Волжского лагеря был создан Рыбинский лагерь для размещения «лагерных контингентов пониженной трудоспособности», больных и инвалидов. В течение года в Рыбинском лагере, по данным ведомственной статистики, умерло 16 704 человека, в основном от пеллагры (авитаминоз. – *Прим. авторов*); за два года существования лагеря в нем умерло 41,7 % заключенных. Преждевременная гибель сотен тысяч людей, бессмысленное расточительство в каторжном труде сил и талантов, способных принести несравнимо большую пользу на свободе, – высокая цена, заплаченная за экономические достижения ГУЛАГа. В случае Волжских станций – по меньшей мере сорок человеческих жизней на каждую тысячу кВт» [Заключенные: 24].

В годы войны достраивалась и Угличская станция – здесь был введен в эксплуатацию судоходный шлюз, что оказало огромную помощь обороне Москвы и дальнейшему изгнанию врага.

Необходимость ускоренного ввода в строй энергообъектов приводила к нарушению норм проектирования и технологии строительства, результатом чего нередко были аварии и человеческие жертвы.

В годы войны энергетика не только обеспечивали бесперебойное снабжение промышленных предприятий и населения электроэнергией, но и работали на нужды армии, участвовали в производстве боеприпасов и средств боевого обеспечения. На электростанциях изготавливали «ежи», «надолбы» и другие заградительные сооружения. В механических цехах многих станций было налажено производство деталей для реактивных установок БМ-13 «Катюша».

Кроме того, ученые и инженеры работали над усовершенствованием процесса производства. Так, «в 1945 г. на ЯрГРЭС была смонтирована первая в стране шахтно-мельничная топка для сжигания фрезерного торфа. Ярославские энергетика внесли весомый вклад в разработку и внедрение в производство передовой на тот период технологии. Особенно надо отметить разработки главного инженера ЯрГРЭС Н.А. Петрова, за которые ему позднее была присуждена Государственная премия СССР.

В скором времени топки шахтно-мельничного типа стали успешно внедряться... и в других энергосистемах страны» [Энергия Победы: 266–267].

С 1942 г. на ряде электростанций страны были развернуты работы по строительству энергопоездов, которые нужны были для восстановления энергообеспечения освобожденных территорий и проведения там восстановительных работ. Они состояли, как правило, из четырехосных платформ, на которых монтировались турбины с генератором, и вагона, где размещался щит управления. На первых поездах в качестве парогенератора использовался паровоз. Один из таких поездов был построен в Ивановской области. Приказ РУ «Ивэнерго» о монтаже энергопоезда датирован 3 декабря 1943 года. Оборудование энергопоезда было закончено к 1 января 1944 г. «Для оснащения энергопоезда на него устанавливался турбогенератор... мощностью 1100 кВт. Монтаж производился в исключительно сжатые сроки с привлечением работников со всего РЭУ «Ивэнерго». <...> С Владимирской ТЭЦ приехала бригада слесарей-ремонтников... А 5 января энергопоезд, собранный ивановскими и владимирскими энергетиками, был отправлен в Донбасс для обеспечения электроэнергией восстанавливающейся угольной промышленности [Рудакова].

После разгрома немцев под Москвой на освобожденные территории стало возвращаться эвакуированное оборудование, началось восстановление энергохозяйства и ввод новых мощностей. Однако возвращение к жизни электростанций и ЛЭП было непростым делом. Освобожденные города и села представляли из себя страшное зрелище. Дело в том, что оккупанты не только демонтировали и вывезли в Германию огромное количество оставшихся после эвакуации турбин, паровых котлов, электрогенераторов, трансформаторов, электромоторов, кабеля и проводов, но и планомерно разрушали инфраструктуру отрасли. Это являлось частью плана руководства фашистской Германии по уничтожению экономики СССР. Отступая, гитлеровцы создавали специальные команды для целенаправленного уничтожения городов. В первую очередь они разрушали и минировали электростанции, линии электропередачи, подстанции и промышленные предприятия.

Энергетики входили в освобождаемые города вместе с Красной армией и сразу приступали к восстановлению энергообъектов. Например, в центре страны обстановка коренным образом изменилась после разгрома фашистских войск под Москвой в конце 1941 г., и вскоре на подмосковных Каширской, а затем и Шатурской ГРЭС энергетики приступили к установке демонтированных недавно агрегатов. 31 декабря 1941 г. поступил приказ об отмене эвакуации энергооборудования ТЭЦ из города Ярославля, и уже в марте 1942 г. турбоге-

нератор № 2 был вновь смонтирован и приступил к работе [Ярославская]. Сразу после разгрома немцев под Тулой, уже 17 декабря 1941 г., начались работы по восстановлению ЛЭП 35 кВ «Старая Тула – Щекино» [Энергетика в годы войны. Тульская область].

В результате героического труда энергетиков «к концу 1942 года мощность районных электростанций центральной части страны была восстановлена на 93 % от довоенной» [Жимерин 1960: 99].

В последние годы появились публикации, в которых в качестве одной из причин высокой трудовой дисциплины рабочих и служащих называется трудовое законодательство военного времени, которое предельно жестко регламентировало трудовую мобилизацию и ужесточало наказание за нарушение трудовой дисциплины. Так, «Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 февраля 1942 года «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве» мобилизации подлежали: мужчины от 16 до 55 лет, женщины от 16 до 45 лет... Уклонение от мобилизации или самовольный уход с места работы наказывались от 1 года принудительных работ по месту жительства (народные суды) до тюремного заключения сроком от 5 до 8 лет (военные трибуналы). Также были внесены изменения в Кодекс законов о труде РСФСР: в первую очередь была расширена ст. 11 КЗоТ РСФСР. <...> Сверхурочные работы от 1 до 3 часов в день стали обязательными. Отменялась полностью норма ст. 105 о возрастной границе в 18 лет, так как продолжительность рабочего дня до 10 часов разрешалась и для лиц, не достигших 16 лет. Только беременные и кормящие женщины трудились на производстве по 8 часов» [Масюк: 157]. В.Н. Земсков указывал, что всего в 1941–1945 годы за самовольный уход с работы, прогулы и опоздания на 21 минуту и более было осуждено около 7,5 миллиона человек [Земсков: 112].

По мнению В.И. Масюка, «жесткие меры регулирования трудовых отношений, принятые в Советском Союзе в годы войны, позволили превзойти в выпуске военной продукции фашистскую Германию, при том что Германия обладала более высококвалифицированными трудовыми ресурсами и развитой промышленностью. В тех условиях принятие столь жесткого законодательства оказалось полностью оправдано» [Масюк: 159]. На наш взгляд, вынужденные военной обстановкой меры, принятые органами власти, наряду с другими факторами, действительно способствовали организации работы трудящихся. Однако рассматривать этот вопрос необходимо не изолированно, а в комплексе с иными причинами, побуждающими трудовые коллективы упорно и самоотверженно работать.

В целом на основании изученного материала можно заключить, что трудовые достижения электростанций

троэнергетиков внесли весомый вклад в военную победу СССР. Энергетики в тяжелых условиях военного времени сумели найти способы решения сложных проблем снабжения электростанций топливом, обеспечения их рабочей силой.

Представляется возможным выделить важнейшие факторы, способствующие организации бесперебойной работы энергетической отрасли в годы военного лихолетья, а именно: патриотический подъем в трудовых коллективах; преимущество плановых, директивных методов руководства в стране; ужесточение, в соответствии с законами военного времени, трудового законодательства; использование в строительстве электростанций труда заключенных ГУЛАГа НКВД; достижения рационализаторов производства, сумевших разработать наиболее экономичные и эффективные методы организации производственного процесса.

Вместе с тем анализ историографии позволяет заключить, что до сих пор нет обобщающего научного исследования по истории электроэнергетики СССР в годы Великой Отечественной войны. В изучении данной темы существует много недостаточно исследованных в русле современных методологических подходов вопросов. Среди них: гендерные проблемы, связанные с изменением социального статуса, ролей, жизненных стратегий девушек и женщин, пришедших в электроэнергетику в 1941–1945 гг.; повседневная жизнь семей энергетиков; роль узников ГУЛАГа в строительстве электростанций.

Примечания

¹ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 607. Оп. 1. Д. 17. Л. 11–12.

Список литературы

Бурдин Е.А. Вклад заключённых ГУЛАГа в строительство волжских гидроузлов (1932–1958 гг.): монография. Ульяновск: УлГПУ, 2013. 122 с.

Гвоздецкий В.Л., Будрейко Е.Н. Советская энергетика и Великая Отечественная война // Электрические станции. 2017. № 4. С. 51–57.

Жимерин Д.Г. История электрификации СССР. М.: Соцэкгиз, 1962. 458 с.

Жимерин Д.Г. Развитие энергетики СССР. М.; Л.: Госэнергоиздат, 1960. 327 с.

Жуков Ю.А. Костромская горэлектросеть в годы войны // Молодежная линия. № 19. 2007. URL: <http://mline.kostroma.edu.ru/?action=read&read=8225> (дата обращения: 01.02.2020).

Заключенные на стройках коммунизма. ГУЛАГ и объекты энергетики в СССР: Собрание документов и фотографий / отв. сост. О.В. Хлевнюк. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. 448 с. URL: http://www.rushydro.ru/file/main/global/industry/biblioteka/3076.html/01_vv.pdf (дата обращения: 01.02.2020).

Захарченко А.В. Трудовые ресурсы НКВД в Поволжье в условиях Великой Отечественной войны // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 16, № 3 (2). 2014. С. 490–501. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/trudovye-resursy-nkvd-v-povolzhie-v-usloviyah-velikoy-otechestvennoy-voyny/viewer> (дата обращения: 01.02.2020).

Земсков В.Н. Организация рабочей силы и ужесточение трудового законодательства в годы войны с фашистской Германией // Международные отношения. 2014. № 1. С. 104–114. URL: https://www.nbpublish.com/library_get_pdf.php?id=27263. DOI: 10.7256/2305-560X.2014.1.10353 (дата обращения: 11.02.2020).

Зоркальце В.И. «Всё для фронта! Всё для победы!» // ЭКО: всероссийский экономический журнал. 2015. № 5. С. 169–180. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vsyo-dlya-fronta-vsyo-dlya-pobedy-3/viewer> (дата обращения: 16.02.2020).

История Мосэнерго. Очерк 5. Эвакуация Москвы // Музей истории развития Мосэнерго: сайт. URL: http://www.mosenergo-museum.ru/History_of_Mosenergo/Historical_Review/17160/ (дата обращения: 7.05.2019).

История создания Белобережской ГРЭС // WebUrok.com: учебно-методические материалы для учителей. URL: <https://weburok.com/181185> (дата обращения: 11.09.2019).

История развития энергетики региона. Энергосистема Калужской области: первая атомная и первая ласточка реформ URL: <https://mrsk-cp.ru/affiliates/kalugaenergo/istoriya-razvitiya-energetiki-regiona/?print=Y> (дата обращения: 11.09.2019).

Масюк В.И. Трудовое законодательство СССР в годы Великой Отечественной войны Вестник Кузбасского института. 2015. № 2. С. 155–160 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/trudovoe-zakonodatelstvo-sssr-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny> (дата обращения: 01.02.2020).

Околотин В.С. Ивановская область в годы Великой Отечественной войны. Кн. 2: 1 января – 31 декабря 1942 года. Иваново, 2019. 624 с.

Рудакова Н. Ивановская энергетика на военном положении // Ивановская газета. 2010. 30 марта.

Рязанцев Н.П., Салова Ю.Г. Ярославская область в годы Великой Отечественной войны // Яркий-педия, 1941–1945. URL: <https://yarwiki.ru/article/36/yaroslavskaya-oblast-v-gody-velikoj-otechestvennoj-vojny-19411945-gg> (дата обращения: 11.09.2019).

Трембовля В.И. Трудовой подвиг советских энергетиков в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Энергетик. 2000. № 11. С. 13–16.

Электрические станции: журнал. № 15–16. 1941. С. 1–2.

Энергетика в годы войны. Владимирская область. URL: https://mrsk-cp.ru/press/special_projects/svet-velikoy-pobedy/energetika-v-gody-

voyny/vladimirskaya-oblast.php (дата обращения: 11.09.2019).

Энергетика в годы войны. Тульская область. URL: https://mnsk-cp.ru/press/special_projects/svet-velikoy-pobedy/energetika-v-gody-voyny/tulskaya-oblast.php (дата обращения: 11.09.2019).

Энергетики в Великой Отечественной войне: Воспоминания старейших энергетиков: сб. статей / сост. А.М. Маринов [и др.]. М.: Энергоиздат, 1985. 160 с.

Энергия Великой Победы / Министерство энергетики Российской Федерации. М., 2015.

Энергия победы. Энергетика России в годы Великой Отечественной войны. М.: Изд. А.С. Акчурин, 2005. 270 с.

Ярославская теплоэлектростанция (ТЭЦ-1). URL: <http://af.yar-archives.ru/archive1/funds/10000167300> (дата обращения: 21.09.2019).

References

Burdin E.A. *Vklad zakliuchennykh GULAGa v stroitel'stvo volzhskikh gidrouzlov (1932–1958gg.)*. Monografiia. [The contribution of Gulag prisoners to the construction of the Volga hydroelectric dams (1932-1958)]. Ulyanovsk, UIGPU Publ., 2013, 122 p. (In Russ.)

Gvozdet'skii, V.L., Budreiko E.N. *Sovetskaia energetika i Velikaia Otechestvennaia voina* [Soviet Energy Industry and the Great Patriotic War]. *Elektricheskie stantsii* [Power stations], 2017, № 4, pp. 51-57. (In Russ.)

Zhimerin, D.G. *Istoriia elektrifikatsii SSSR* [History of electrification of the USSR]. Moscow, Sotsekgiz Publ., 1962, 458 p. (In Russ.)

Zhimerin D.G. *Razvitie energetiki SSSR* [The development of the USSR energy industry]. Moscow-Leningrad, State Energy Publ., 1960, 327 p. (In Russ.)

Zhukov Iu.A. *Kostromskaia gorelektriset' v gody voyny* [Kostroma urban electric network during the wartime]. *Molodezhnaia liniia* [Youth line], 2007, № 19. URL: <http://mline.kostroma.edu.ru/?action=read&read=8225> (access date: 01.02.2020). (In Russ.)

Zakliuchennye na stroikakh kommunizma. GULAG i ob"ekty energetiki v SSSR: Sbranie dokumentov i fotografii [Prisoners on the construction sites of communism. Gulag and energy facilities in the USSR: A collection of documents and photographs], responsible compiler O.V. Khlevniuk. Moscow, Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2008, 448 p. URL: http://www.rushydro.ru/file/main/global/industry/biblioteka/3076.html/01_vv.pdf (access date: 01.02.2020). (In Russ.)

Zakharchenko A.V. *Trudovye resursy NKVD v Povolzh'e v usloviakh Velikoi Otechestvennoi voyny* [NKVD labor resources in the Volga region under the Great Patriotic War]. *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk*

[Izvestia of the Samara Research Center of the Russian Academy of Sciences], 2014, T.16, № 3(2). pp. 490-501. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/trudovye-resursy-nkvd-v-povolzhie-v-usloviakh-velikoy-otechestvennoy-voyny/viewer> (access date: 01.02.2020). (In Russ.)

Zemskov V.N. *Organizatsiia rabochei sily i uzhestochenie trudovogo zakonodatel'stva v gody voyny s fashistskoi Germaniei* [Organization of labor and tightening of labor laws during the war with Nazi Germany]. *Mezhdunarodnye otnosheniia* [International relations], 2014, № 1, pp. 104-114. URL: https://www.nbpublish.com/library_get_pdf.php?id=27263 DOI: 10.7256/2305-560X.2014.1.10353 (access date: 11.02.2020). (In Russ.)

Zorkal'tsev V.I. «*Vse dlia fronta! Vse dlia pobedy!*» ["Anything for the frontline! Everything to win!"]. *Vserossiiskii ekonomicheskii zhurnal EKO* [All-Russian economic journal IVF], 2015, № 5, pp. 169-180. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vsyo-dlya-fronta-vsyo-dlya-pobedy-3/viewer> (access date: 16.02.2020). (In Russ.)

Istoriia Mosenergo. Ocherk 5. Evakuatsiia Moskvyy [The story of Mosenergo. Essay 5. Evacuation of Moscow]. *Muzei istorii i razvitiia Mosenergo* [Museum of History and Development], URL: http://www.mosenergo-museum.ru/History_of_Mosenergo/Historical_Review/17160 (access date: 7.05.2019). (In Russ.)

Istoriia sozdaniia Beloberezhskoi GRES [History of the creation of the Beloberezhskaya hydroelectric power plant]. *WebUrok.com: uchebno-metodicheskie materialy dlia uchitelei* [WebUrok.com: teaching materials for teachers], URL: <https://weburok.com/181185> (access date: 11.09.2019). (In Russ.)

Istoriia razvitiia energetiki regiona. Energosistema Kaluzhskoi oblasti: pervaiia atomnaia i pervaiia lastochka reform [The history of the region's energy industry development. Kaluga Region Energy System: First Nuclear And First Swallow Of Reforms], URL: <https://mnsk-cp.ru/affiliates/kalugaenergo/istoriya-razvitiya-energetiki-regiona/?print=Y> (access date: 11.09.2019). (In Russ.)

Masiuk V. I. *Trudovoe zakonodatel'stvo SSSR v gody Velikoi Otechestvennoi voyny* [Soviet labor legislation during the Great Patriotic War]. *Vestnik Kuzbasskogo instituta* [Herald of the Kuzbass Institute], 2015, № 2, pp. 155-160. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/trudovoe-zakonodatel'stvo-sssr-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny> (access date: 01.02.2020). (In Russ.)

Okolotin V.S. *Ivanovskaia oblast' v gody Velikoi Otechestvennoi voyny. Kn. 2: 1 ianvaria - 31 dekabria 1942 goda* [The Ivanovo region during the Great Patriotic War. B. 2: January 1 - December 31, 1942]. Ivanovo: A-Grif, 2019, 624 p. (In Russ.)

Rudakova N. *Ivanovskaia energetika na voennom polozhenii* [Ivanovo energy industry on martial law].

Ivanovskaia gazeta [Ivanovskaya newspaper], 2010, 30.03. (In Russ.)

Riazantsev N.P., Salova Iu.G. *Iaroslavskaia oblast' v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Yaroslavl region during the Great Patriotic War]. *Yarkipedia 1941–1945*, [Iarkipediia 1941 – 1945], URL: <https://yarwiki.ru/article/36/yaroslavskaya-oblast-v-gody-velikoj-otechestvennoj-voiny-19411945-gg> (access date: 11.09.2019). (In Russ.)

Trembovliia V.I. *Trudovoi podvig sovetskikh energetikov v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg.* [The labor feat of Soviet power engineers during the Great Patriotic War 1941-1945]. *Energetik* [Power engineer], 2000, № 11, pp. 13-16. (In Russ.)

Elektricheskie stantsii [Power stations], 1941, № 15-16, pp. 1-2. (In Russ.)

Energetika v gody voiny. Vladimirskaia oblast' [Energy industry during the war. Vladimir region], URL: https://mrsk-cp.ru/press/special_projects/svet-velikoy-pobedy/energetika-v-gody-voyny/vladimirskaya-oblast.php (access date: 11.09.2019). (In Russ.)

Energetika v gody voiny. Tul'skaia oblast' [Energy industry during the war. Tula region], URL: https://mrsk-cp.ru/press/special_projects/svet-velikoy-pobedy/energetika-v-gody-voyny/tulskaya-oblast.php (access date: 11.09.2019). (In Russ.)

Energetiki v Velikoi Otechestvennoi voine: Vospominaniia stareishikh energetikov: sb. statei [Power engineers in the Great Patriotic War: Memories of the veterans of power engineering] responsible compiler A.M. Marinov, Moscow, Energoizdat, 1985, 160 p. (In Russ.)

Energiia Velikoi Pobedy [The energy of the Great Victory], Abyshev S.V. and etc., Russian Energy Ministry, Moscow, Expertus, 2015, 494 p. (In Russ.)

Energiia Pobedy. Energetika Rossii v gody Velikoi otechestvennoi voiny [Energy of Victory. Energy industry of Russia during the Great Patriotic War]. Moscow, from A.S. Akchurin Publ., 2005, 270 p. (In Russ.)

Iaroslavskaia teploelektrotsentral' (TETS-1) [Yaroslavl Thermal Power Plant (TPP-1)], URL: <http://af.yar-archives.ru/archive1/funds/10000167300> (access date: 21.09.2019). (In Russ.)

DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-97-103
УДК 94(470) "1941/1945"

Волкова Елена Юрьевна
Костромской государственный университет
Волков Григорий Юрьевич
Костромская государственная сельскохозяйственная академия

БЫТОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЖИТЕЛЕЙ ТЫЛОВЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Для создания объективной картины достижения Победы в Великой Отечественной войне необходимо проанализировать многочисленные бытовые проблемы, с которыми столкнулись труженики тыловых регионов России. Предваряя анализ отдельных сторон повседневности (заготовка дров, производство промтоваров, работа коммунального хозяйства, благоустройство городов), авторы кратко рассмотрели историографию проблемы. Они показали, что на этот вопрос исследователи стали обращать внимание лишь с начала 1970-х гг. На основе архивных материалов и воспоминаний очевидцев показано, что война резко обострила и без того слабо развитую сферу быта. Сократились централизованные рыночные фонды, ремонтно-строительная база на местах, наблюдался дефицит квалифицированных кадров, топлива, транспорта и т. п. С другой стороны, внимание местного руководства, особенно в 1941–1942 гг., было обращено прежде всего на мобилизацию всех сил на отпор врагу. В 1943–1945 гг. после увеличения государственных ассигнований на социальные нужды, поиска путей выхода из создавшегося критического положения бытовые проблемы несколько ослабли. Авторы приходят к выводу, что от решения бытовых проблем зависело не только физическое и психологическое состояние трудящихся, но главное в условиях войны – их желание трудиться во имя Победы. Весь период войны условия быта оставались крайне тяжелыми. Этому были объективные и субъективные причины. В основном же решение бытовых вопросов зависело от инициативы самих труженников, проявления ими творчества и находчивости.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, тыловые регионы, историография, бытовые проблемы: топливо, промтовары, бани, благоустройство.

Информация об авторах: Волкова Елена Юрьевна, ORCID 0000-0003-3291-6147, доктор исторических наук, доцент, Костромской государственный университет, Кострома, Россия.

E-mail: v-0-8@yandex.ru

Волков Григорий Юрьевич, ORCID 0000-0002-0296-4001, кандидат исторических наук, доцент, Костромская государственная сельскохозяйственная академия, Кострома, Россия.

E-mail: grisha.volkov.53@inbox.ru

Дата поступления статьи: 27.03.2020.

Для цитирования: Волкова Е.Ю., Волков Г.Ю. Бытовые проблемы жителей тыловых регионов России в годы Великой Отечественной войны // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 2. С. 97–103. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-97-103.

Yelena Yu. Volkova
Kostroma State University
Grigoriy Yu. Volkov
Kostroma State Agricultural Academy

DOMESTIC PROBLEMS OF RESIDENTS OF THE REAR REGIONS OF RUSSIA DURING WORLD WAR II

To create an objective picture of the achievement of Victory over the Axis powers, it is necessary to analyse the numerous everyday problems faced by workers of the rear regions of Russia. Preferring the analysis of certain aspects of everyday life (firewood harvesting, industrial goods production, public utilities, urban improvement), the authors briefly considered the historiography of the problem. They showed that researchers began to pay attention to this question only from the beginning of the 1970s. Based on archival materials and the recollections of eyewitnesses, it is shown that the war sharply aggravated the already poorly developed sphere of life. Centralised market funds, local repair and construction facilities were reduced, and there was a shortage of qualified personnel, fuel, transport, etc. On the other hand, the attention of the local leadership, especially in 1941-1942, was focused primarily on the mobilisation of all forces to repel the enemy. In 1943-1945, after increasing state allocations for social needs and finding ways out of the current critical situation, domestic problems eased somewhat. The authors come to the conclusion that not only the physical and psychological state of workers depended on solving everyday problems, but the main thing in war conditions was their desire to work for the sake of Victory. Throughout the war, living conditions remained extremely difficult. There were objective and subjective reasons for this. In general, the solution of everyday problems depended on the initiative of the workers themselves, their creativity and resourcefulness.

Keywords: USSR involvement in World War II, rear regions, historiography, household problems: fuel, industrial goods, baths, landscaping.

Information about the authors: Yelena Yu. Volkova, ORCID 0000-0003-3291-6147, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Kostroma State University, Kostroma, Russia.

E-mail: v-0-8@yandex.ru

Grigoriy Yu. Volkov, ORCID 0000-0002-0296-4001, Candidate of Historical Sciences, Kostroma State Agricultural Academy, Russia.

E-mail: grisha.volkov.53@inbox.ru

Article received: March 27, 2020.

For citation: Volkova Ye. Yu., Volkov G. Yu. Domestic problems of residents of the rear regions of Russia during World War II. *Vestnik of Kostroma State University*, 2020, vol. 26, № 2, pp. 97–103 (In Russ.). DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-97-103.

Великая Отечественная война – самая кровопролитная в истории человечества. Советский народ шел к Победе долгих 1 418 дней. Каждый из них нужно было суметь прожить. Это касалось не только фронта. В тылу возникали бесконечные проблемы, которые требовалось решать, чтобы не замерзнуть, не умереть с голоду или от болезней, одновременно работая до изнеможения на общую Победу. Более того, от решения, на первый взгляд, незначимых проблем в быту зависело физическое и психологическое состояние жителей, их желание трудиться, занимать свободное время на общественную работу. Поэтому не случайно все больше исследователей обращается к социально-бытовым вопросам. Их общий взгляд на проблему высказал А.В. Шалак. Он считает, что, анализируя подвиги бойцов на фронте или тружеников в тылу, необходимо видеть и «другую сторону правды о войне – это реальная жизнь миллионов людей и каждого человека отдельно с их повседневными нуждами и заботами» [Шалак: 3].

Усилению внимания к этой проблеме способствовало и снятие грифа секретности с целого пласта важных документов, которые вскрывают негативные моменты в работе региональных партийных и советских органов при решении бытовых проблем, а также многочисленные факты бедственного положения самих тружеников. Изучив общедоступные и вновь открытые материалы, авторы приходят к разным выводам. Одни слишком оптимистично заявляют, что благодаря «разносторонней деятельности» местных Советов депутатов трудящихся «наша страна преодолела огромные трудности в снабжении и бытовом устройстве населения» [Горинский: 3], или что местные партийные и советские органы «в основном успешно обеспечили достаточный уровень материально-бытовых условий жизни населения тыла и освобожденных районов» [Гуржиева: 93], и даже что в СССР в условиях войны «не было голода и хронического недоедания», «в тыловых районах не было людей, оставшихся без крова, под открытым небом», «не было и беспризорных детей» [Исупов, Алексеев: 125]. В отличие от них В.С. Кожурин более жестко смотрит на проблему: «Патриотический лозунг «Все для фронта, все для победы!» означал, по существу, ликвидацию сложившейся системы социальных благ и государственных гарантий по отношению к конкретному человеку...

Жизненный уровень подавляющей части населения страны катастрофически снизился. Миллионы людей ютились в землянках. Массовым явлением стал голод... По существу, нация находилась на грани физического вымирания... Все это сопровождалось разгулом преступности, спекуляции, гиперинфляцией, уродливым развитием системы социальных привилегий для отдельных слоев и групп населения» [Кожурин: 5].

В этой связи хотелось бы выделить работы М.С. Зинич [Зинич 1994, 1998, 1999], которую всегда отличал наиболее объективный анализ. Приводя обилие цифр и фактов, она дает характеристику материально-бытовому положению самых разных категорий населения, в том числе переселенцев, заключенных, жертв сталинских репрессий, о которых ранее запрещено было писать. Детальное изучение проблемы позволило ей прийти к справедливому выводу, что «тяжелое материально-бытовое положение народа объяснялось не только военными обстоятельствами, административно-командной системой управления, но и нарушениями законности и принципа социальной справедливости» [Зинич 1999: 355]. Правильно отмечает и профессор М.Н. Потемкина: «Отсутствие необходимых товаров в торговой сети, инфляция и реквизиции привели к широкой спекуляции, развитию натурального хозяйства и прямого обмена в условиях низких денежных заработков и катастрофического положения с продовольствием» [Потемкина: 248].

Основной производительной силой в тылу в период войны стали женщины, но лишь с начала 70-х гг. исследователи стали анализировать отдельно их материально-бытовые условия [Бакастова, Кочнева, Леонтьева, Мерзлякова]. Изложение вопроса во всех работах сводилось к перечислению основных бытовых проблем: продовольственный вопрос, жилищные проблемы, создание детских учреждений, охрана материнства и младенчества. Весь приводимый материал доказывал основной тезис: несмотря на гигантские трудности войны, партия и правительство все-таки сумели найти средства и возможности для облегчения труда и быта женщин. В то же время исследователи в разные годы подчеркивали, что в военный период главной целью при создании необходимых материально-бытовых условий являлось вовлечение женщин в производство в массовом масштабе.

Бытовых вопросов, с которыми сталкивались жители тыловых регионов, было множество. Авторы статьи остановились лишь на некоторых, делая акцент на воспоминаниях очевидцев, которые дают наиболее яркое представление о проблемах повседневности. В первые несколько месяцев войны еще сохранялись с мирных времен запасы продуктов, топлива, а также одежды, обуви и др. Быстрее всего начались проблемы с питанием, поэтому в городах в парниках посадили не цветы, а овощную рассаду. Горожанам стали раздавать индивидуальные огороды, а предприятиям – подсобные хозяйства. Обычной картиной в городе стали возвращавшиеся после рабочего дня грибники и ягодники из близлежащих лесов и огородники «с потесами на плечах».

С началом войны заготовка дров, не составлявшая в мирное время особого труда, превратилась в большую проблему: некому их стало заготавливать и не на чем вывозить. Например, преподавателям и студентам Костромского учительского института в феврале 1943 г. выделили в лесу делянку, но своего транспорта у вуза не было. Пока его нашли, дрова уже отдали ТЭЦ-1, а студентам пришлось просто собирать дрова по лесу. Руководство пыталось договориться, чтобы предоставили дрова, заготовленные на берегу Волги в черте города, но городские власти не разрешили¹.

Из-за острой нехватки дров местные власти разрешали вырубать деревья рядом с городом. Но зачастую рубили молодые деревья, что приводило к гибели всего леса. Горожане самовольно рубили деревья и на территории городов, пускали на топливо заборы и ограждения. 25 апреля 1944 г. М. Широкова писала в костромскую газету «Северная правда»: «За последние годы центральный парк в значительной степени потерял былые признаки культуры. Деревянные постройки в нем расхищаются, никто не заботится о поддержании прежнего уютного и красивого места. Мне пришлось видеть, как сами работники парка разламывали пол в павильоне против музыкальной площадки и переносили его в контору на топку».

Казалось, что в деревнях, окруженных лесами, проблем с дровами не могло возникать. Но взрослое трудоспособное население практически не имело времени на поездки в лес, а детям это было не под силу. Наглядный пример этому – воспоминания Е.В. Циркулевой, родившейся 30 апреля 1934 г. в д. Лисицыно Мантуровского района современной Костромской области: «Отец умер еще в 1937 г. от тяжелой болезни. С началом войны слегла и мать. Нам с братом Сашей (1935 г. р.) приходилось ходить по соседним селам просить милостыню. Однажды зимой мы с Сашей везли на санках из леса охапку хвороста, чтобы протопить избу, где лежала больная мать. Нас увидел председатель колхоза. Он был комиссован из армии по ра-

нению (не было одной руки). Когда он нас увидел, то заплакал. И вечером к нашему дому от колхоза привезли большую вязанку дров»². В.В. Павлов из г. Нерехты той же области рассказывает: «Когда началась война, мы жили в Нерехте на ул. Красной Армии в своем доме. В нем было холодно. Большая комната была закрыта, жили на кухне, спали на печи и полатах, там было теплей, приходилось топить печку “буржуйку”. Дров не было, поэтому зимой мать на санках ездила ночью в лес за 6 км за дровами. Бывало и такое: лесники встречали ее на дороге и отбирали пилу, топор и дрова. Приходилось объезжать по всем сугробам, чтобы не попасть на лесников. А летом все соседские мальчишки на больших тачках ездили за прутьями и корнями. Мать рубила их на пучки на зиму»³.

В катастрофическом положении находилось производство промышленных товаров для населения. Широкомасштабная война поглощала все больше сил и средств. Предприятия, особенно в 1941–1942 гг., просто не имели времени на выпуск товаров широкого потребления. Многие предметы культурно-бытового назначения, например швейные машины, радиоприемники, часы, практически не производились. Если до войны, например, в Ярославской области ежегодно реализовывалось 62,5 млн метров тканей, то в 1943 г. – лишь 3,7 млн [Бритов: 46]. Централизованные рыночные фонды в СССР на производство непродовольственных товаров первой необходимости уменьшились за 1940–1945 гг. в несколько раз: это хлопчатобумажные и шерстяные ткани, платки, хлопчатобумажные нитки, чулочно-носочные изделия, обувь и др. [Народное хозяйство: 190]. Т.А. Андреева из Нерехтского района рассказывает: «Что касается вещей, их мы донашивали друг за другом, с материнского плеча носили пальто до самых пят, но его не обрезали, так как его одевали и младшие, и старшие. Ходили в лохмотьях, в старых тряпках. Зимой на всех нас были одни валенки. Пока кто-то в них работал, остальные обматывали ноги в тряпки и грелись на печке»⁴.

В сложившемся положении выход был один: быстрее увеличение производства товаров широкого потребления силами местной и кооперативной промышленности. Кроме того, предметы первой необходимости начали выпускать промышленные предприятия из отходов своего производства. Например, на горьковском заводе ГАЗ стали производить ведра, лейки, тазы, обувь на деревянной подошве, зубной порошок (жители или вообще зубы не чистили, или чистили углем). Заводчане наладили выпуск спичек и др.

Однако люди больше надеялись на себя. Возродилось домашнее ткачество (женщины ткали из льна и даже из крапивы), прядение шерсти, сами плели лапти, хотя с 1943 г., прежде всего по линии потребительской кооперации, началось организо-

ванное плетение лаптей. Н.П. Скрыбина из д. Конавальцево Кировской области вспоминает: «Лапти были круглый год, зимой из льна, летом из липы делали лыко. Бабушка плела “бахары” – лапти из бересты вместо тапочек»⁵. К концу войны стало немного легче. Например, за 1943–1945 гг. во Владимирской области выпуск товаров ширпотреба увеличился в 6 раз, производство обуви – в 3 раза. По Ярославской области в 1944 г. было продано населению товаров на 42,7 млн рублей больше, чем в 1942 г. [Бритов: 46].

Высшее руководство страны осознавало, что каждодневные бытовые проблемы отражались на образе жизни людей, их желании и возможностях трудиться на нужды фронта. В передовой статье газеты «Правда» 5 января 1942 г. отмечалось: «Было бы глупо думать, что военная обстановка определяет отказ от обсуждения бытовых нужд населения, что это дело можно “отложить” до другой поры... Наоборот, военные условия и неизбежные с этим ограничения как раз требуют, чтобы все организации, занятые бытовым обслуживанием населения, работали с исключительной четкостью, добросовестностью и аккуратностью». Неустроенность сферы быта могла привести к очень тяжелым последствиям, которые бы повлекли за собой не только ухудшение здоровья людей, но срыв военных поставок. Это видно по таким примерам. На 17 предприятиях Челябинской области 5 830 молодых рабочих из 9 500, подготовленных школами ФЗО, бросили работу. Причиной этого стали плохие бытовые условия. Например, в общежитии треста № 22 протекал потолок, а само помещение практически не отапливалось. В итоге рабочим было удобнее ночевать на предприятии⁶. В марте 1943 г. комиссия, проверявшая предприятия Горьковской области, пришла к выводу: «Обращает на себя внимание угрожающий рост дезертиров в военной промышленности». Главной причиной было названо «бездушное отношение к их материально-бытовым нуждам». Так, на заводе № 80 все жильцы женского барака работали в одну смену. Дверной же замок комендант барака наотрез отказался сделать. В результате там происходили ежедневные кражи [Забвению не подлежит: 412–413].

Не лучшим образом обстояло дело в жилищно-коммунальном хозяйстве городов и рабочих поселков. Например, на 1 января 1945 г. жилье горожан Волго-Вятского региона лишь на 9 % было обеспечено центральным отоплением, канализацией – 12 %, водопроводом – 21 % [Серебрянская: 329]. Любое элементарное желание людей сопровождалось огромными сложностями. Так, в годы войны резко ухудшилась работа бань. Многие закрылись, а те, что работали, имели пропускную способность намного ниже потребностей. Чтобы помыться, необходимо было выстоять большие очереди. Однако, попав в баню, приходилось ждать, когда

освободятся тазы, где-то приобрести мочалку, а главное – мыло. Иногда удавалось купить настоящее мыло у военных, которых привозили мыться в местные бани. Мыло покупали у спекулянтов на базаре, среди которых попадались нечестные люди. В кусок мыла они закладывали деревяшку, тряпку и т. п. Такое положение вещей также имело тяжелые последствия. 29 марта 1942 г. Лебедев, начальник Костромского отделения НКВД, сообщал: «Очень медленно идет освоение выпуска новых видов мыла из местных промышленных отходов... Население города мыла совершенно не получает, что способствует зашивленности и распространению инфекции сыпного тифа» [Была война: 36]. Эпидемия же сыпного тифа могла серьезно сказаться на трудоспособности населения.

Резкое увеличение физической и психологической нагрузки привело и тому, что не было времени и сил заниматься уборкой домов, предприятий, дворов, улиц. Города наполнялись нечистотами и мусором. «Загляните во многие дворы, – писал А. Соловьев из Костромы, – и вы увидите неприглядную картину: во всех уголках разлиты нечистоты, высятся навозные кучи, в общественные уборные нельзя войти». В подъездах домов первого квартала ул. Советской «зловонные, грязные ручьи с первыми лучами солнца потекли на улицу», в доме № 43 по ул. Ленина «жители прямо с крылец выливают помой и выбрасывают мусор» [Соловьев]. Когда весной начиналось активное таяние снега, возникала угроза эпидемиологических заболеваний: брюшного тифа и дизентерии. Горисполкомы принимали жесткое решение срочно очистить выгребные ямы и мусор, скопившийся во дворах. Кто не выходил на уборку, штрафовали. Принятые меры улучшали санитарное состояние населенных пунктов, тем не менее желудочно-кишечные заболевания из-за плохого санитарного состояния не прекращались.

Улучшение наступало с трудом. 7 июня 1944 г. «Правда» в передовой статье жестко критиковала городские власти за невнимание к благоустройству. Она писала, что среди «градоправителей» наблюдалось довольно распространенное мнение, что в военное время «неизбежно снижение внимания к хозяйству города, к быту горожан, к вопросам коммунального обслуживания населения, к жилищному строительству, к ремонту домов и т. п. А раз это неизбежно, то можно мириться с дырой в крыше, с разбитым окном, с выщербленной мостовой, с плохой работой водопровода, бани, прачечной, парикмахерской, больницы, трамвая... Почему, например, в Костроме обыкновенная метла стала в военные дни рассматриваться как предмет роскоши? Дворник с метлой – фигура, которую можно видеть лишь в центре города, а в 10 шагах от центра улицы не подметаются». В Астрахани благоустройство «стало почти отвлеченным по-

нятием». Центральной орган коммунистической партии справедливо призывал: «Надо благоустройство города превратить в кровное дело всего населения».

Действительно, практика прежних лет показывала, что административные взыскания и штрафы нужного эффекта в борьбе за чистоту не давали. Проблему можно было решить только за счет привлечения самого населения. Весной 1943 г. костромская фабрика «Знамя труда» выступила с инициативой по наведению чистоты и порядка на производстве и прилегающих к фабрикам территориях. Их инициативу поддержал горком партии и все предприятия. Рабочие почистили дворы предприятий и прилегавшие к ним территории [18].

Ближе к концу войны месячники по благоустройству стали обязательными. Руководство городов каждому предприятию и учреждению давало задание с точным указанием места и объема работ. Большую роль в благоустройстве города играло социалистическое соревнование между районами, домоуправлениями, уличными комитетами, коллективами предприятий и учреждений. Например, в г. Златоусте Челябинской области сотни домохозяйек, учащихся, пенсионеров вышли на благоустройство улиц и площадок Сталинского района. Они отремонтировали дорожки, мостики, навели чистоту, посадили более 2 тыс. деревьев [19]. Среди домохозяйек г. Рыбинска Ярославской области нашлись мостовики и асфальтировщики. 12 женщин заасфальтировали около 8 тысяч метров тротуара⁷. Жители Ивановской области отработали более 750 тыс. человеко-дней на благоустройстве городов и рабочих поселков [Материалы к отчету: 60].

Яркой страницей героического труда по благоустройству явилось возведение новой набережной в Ярославле, которое проходило по решению бюро горкома партии от 27 июля и собрания городского партактива от 5 августа 1944 г. В резолюции последнего, в частности, указывалось: «Строительство новой набережной – дело всех трудящихся нашего города. Коммунисты и комсомольцы в выполнении этой боевой задачи обязаны показать образцы самоотверженного труда и любовь к своему городу». На предприятиях были сформированы бригады строителей. Проводилась широкая агитация. Ярославские девушки, желая украсить свой город к приезду бойцов-победителей, в тяжелейших условиях выполняли по несколько норм. Комсомольско-молодежная бригада Т. Полещенко с завода «Союз» давала ежедневно по 350 %, бригада В. Савинской с электромашиностроительного завода – по 300, а члены ее бригады Н.Н. Жаренкова и А. Косарева – по 500, Е.П. Баталычева – по 800 %⁸. В итоге набережную построили всего за 75 дней.

Таким образом, в период всей войны бытовые условия в тыловых регионах России оставались тяжелыми. Этому были объективные причины: со-

кращение ремонтно-строительной базы местных советов, увеличение дефицита строительных материалов, квалифицированных кадров, транспорта, топлива и т. п. Хотя государственные ассигнования на социальное обеспечение выросли с 4 млрд рублей в 1941 г. до 15,8 млрд в 1944-м, это не сыграло существенной роли в разрешении бытовых проблем [Морехина: 236]. Субъективными причинами развала городского коммунального хозяйства явилось отношение к нему местных партийных, советских и профсоюзных органов как второстепенному после производства. Например, В.В. Сыроватченко, секретарь Владимирского обкома партии, на областном пленуме в марте 1945 г. заявил, что «в первые годы войны можно было прощать некоторое невнимание к этим делам со стороны руководителей партийных и советских органов, а также со стороны директоров предприятий»⁹. В результате не осваивались даже те малые средства, которые государство ассигновало на нужды городов. В таких условиях трудящиеся вынуждены были надеяться только на себя и по возможности сами решать многочисленные проблемы.

Примечания

¹ Государственный архив новейшей истории Костромской области (ГАНИКО). Ф. 444. Оп. 1. Д. 5. Л. 4.

² Информант Циркулева Елена Васильевна, 1934 г. р., д. Лисицыно, Мантуровский район, Костромская область, записала Смирнова С.А. в 2009 г.

³ Информант Павлов Вадим Васильевич, 1939 г. р., г. Нерехта, Костромская область, записал Павлов В.В. в 2009 г.

⁴ Информант Андреева Тамара Анатольевна, 1930 г. р., д. Неверово, Нерехтский район, Костромская область, записала Беленогова И.Н. в 2010 г.

⁵ Информант Скрябина Надежда Петрова, 1940 г. р., д. Конавальцево, Свечинский район, Кировская область, записали Скрябина М.А., Федоренко В.В. в 2010 г.

⁶ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 125. Д. 107. Л. 6–10.

⁷ Центр документации новейшей истории Государственного архива Ярославской области (ЦДНИ ГАЯО). Ф. 272. Оп. 224. Д. 1001. Л. 30.

⁸ Там же. Д. 1646. Л. 8, 11.

⁹ Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. 830. Оп. 1. Д. 157. Л. 14.

Список литературы

Бакастова Г.П. Деятельность партийных организаций Верхней Волги по удовлетворению материально-бытовых нужд текстильщиц в годы Великой Отечественной войны // Партийные организации Верхней Волги в годы Великой Оте-

чественной войны. Иваново: ИвПИ, 1971. Вып. 1. С. 127–141.

Бритов В.М. Забота партийных организаций Верхней Волги о материальном благосостоянии трудящихся в годы Великой Отечественной войны (январь 1943 – май 1945) // Партийные организации Верхней Волги в годы Великой Отечественной войны. Иваново: ИвПИ, 1968. Вып. 6. С. 41–63.

Была война...: сб. документов и материалов 1942–1945 гг. (к 60-летию образования Костромской области и 60-летию Победы в Великой Отечественной войне). Кострома: Б. и., 2004. 295 с.

Горинский Н.Н. Деятельность Советов Восточной Сибири по удовлетворению материально-бытовых нужд тружеников тыла (1941–1945) // Социально-политические проблемы Великой Отечественной войны 1941–1945. Кострома: КТИ, 1992. С. 3–14.

Гуржиева А.Г. Забота местных советов Горьковской и Кировской областей о материально-бытовых условиях жизни трудящихся в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Социально-политические проблемы Великой Отечественной войны 1941–1945. Кострома: КТИ, 1992. С. 92–96.

Забвению не подлежит: страницы Нижегородской истории (1941–1945): документы, письма, воспоминания. Н. Новгород: Волго-Вят. кн. изд-во, 1995. Кн. 3. 640 с.

Зинич М.С. Будни военного лихолетья. М.: Русская пресс-служба, 1994. Вып. 1–2. 272 с.

Зинич М.С. Испытание и величие народа // Великая Отечественная война, 1941–1945: Военно-исторические очерки. М.: Наука, 1999. Кн. 3. С. 348–363.

Зинич М.С. Люди и власть: решение социальных проблем в годы Великой Отечественной войны // Личность, общество и власть в истории России: Системный компаративный анализ: материалы 3-й Междунар. конф. М.: Изд-во РУДН, 1998. С. 305–309.

Исупов В.А., Алексеев В.В. Население Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск: Наука, Сиб. отд., 1986. 232 с.

Кожурин В.С. Народ и власть (1941–1945): Новые документы. М.: РАГС, 1995. 145 с.

Кочнева Ф.И. Трудовые подвиги женщин Ставрополя в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945 // Рабочий класс и современный мир. 1979. № 5. С. 52–57.

Леонтьева М.Г. Материально-бытовые условия женщин-работниц в 1941–1945 гг. // Народы Сибири в Великой Отечественной войне. Кызыл: Тув-книгоиздат, 1973. С. 144–155.

Материалы к отчету исполкома Ивановского областного Совета депутатов трудящихся за 1940–1947 гг. Иваново: Кн. изд-во, 1947. 72 с.

Мерзлякова Г.В. Героини второго фронта: О вкладе женщин автономных республик РСФСР

в победу в Великой Отечественной войне. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1992. 138 с.

Морехина Г.Г. Партийное строительство в период Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. М.: Наука, 1986. 391 с.

Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне, 1941–1945 гг.: стат. сб. М.: Госкомстат СССР, 1990. 235 с.

Наш город должен быть чистым и культурным // Северная правда. 1943. 13 апр.

О благоустройстве наших городов // Правда. 1944. 7 июня.

Потемкина М.Н. Роль денег в стратегиях выживания советского человека: оккупированные территории и советский тыл // Война в истории и судьбах народов юга России (к 70-летию начала Великой Отечественной войны): материалы Междунар. науч. конф. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. С. 245–250.

Серебрянская Г.В. Промышленность и кадры Волго-Вятского региона Российской Федерации в к. 30-х –1-й пол. 40-х гг. XX века. Н. Новгород: НГАСИ, 2003. 476 с.

Соловьев А. О санитарном состоянии города // Северная правда. 1942. 4 марта.

Шалак А.В. Условия жизни и быта населения Восточной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Иркутск: ИГЭА, 1998. 183 с.

References

Bakastova G.P. *Deyatel'nost' partijny'x organizacij Verxnej Volgi po udovletvoreniyu material'no-by'tovy'x nuzhd tekstil'shchiz v gody' Velikoj Otechestvennoj vojny* [Activity of the party organizations of the Upper Volga on satisfaction of material and household needs of textile workers during the great Patriotic war]. *Partijny'e organizacii Verxnej Volgi v gody' Velikoj Otechestvennoj vojny* [Party organizations of the Upper Volga during the great Patriotic war]. Ivanovo, IvPI, 1971, vol. 1, pp. 127–141. (In Russ.)

Britov V.M. *Zabota partijny'x organizacij Verxnej Volgi o material'nom blagosostoyanii trudyashchixsya v gody' Velikoj otechestvennoj vojny' (yanvar' 1943 – maj 1945)* [Care of the party organizations of the Upper Volga about the material welfare of workers during the great Patriotic war (January 1943 – may 1945)]. *Partijny'e organizacii Verxnej Volgi v gody' Velikoj Otechestvennoj vojny'* [Party organizations of the Upper Volga during the great Patriotic war]. Ivanovo, IvPI, 1968, vol. 6, pp. 41–63. (In Russ.)

By'la vojna...: (k 60-letiyu obrazovaniya Kostromskoj ob-lasti i 60-letiyu Pobedy' v Velikoj Otechestvennoj vojne) [There was a war...: (to the 60th anniversary of the formation of the Kostroma region and the 60th anniversary of Victory in the great Patriotic war)]. Kostroma, 2004, 295 p. (In Russ.)

Gorinsky N.N. *Deyatel'nost' Sovetov Vostochnoj Sibiri po udovletvoreniyu material'no-by'tovy'x*

nuzhd truzhenikov ty`la (1941–1945) [Activity of Soviets of Eastern Siberia on satisfaction of material and household needs of home front workers (1941–1945)]. *Social'no-politicheskie problemy` Velikoj Otechestvennoj vojny` 1941–1945* [Socio-political problems of the great Patriotic war of 1941–1945]. Kostroma, KTI, 1992, pp. 3–14. (In Russ.)

Gurzhieva A.G. *Zabota mestny`x sovetov Gor'kovskoj i Kirovskoj oblastej o material'no-by`tovy`x usloviyax zhizni trudyashhixsya v gody` Velikoj Otechestvennoj vojny` 1941–1945 gg.* [Care of local councils of the Gorky and Kirov regions about the material and living conditions of workers during the great Patriotic war of 1941–1945]. *Social'no-politicheskie problemy` Velikoj Otechestvennoj vojny` 1941–1945* [Socio-political problems of the great Patriotic war of 1941–1945]. Kostroma, KTI, 1992, pp. 92–96. (In Russ.)

Zabveniyu ne podlezhit: stranicy Nizhegorodskoj istorii (1941–1945) [Oblivion is not subject to: pages of Nizhny Novgorod history (1941–1945)]. N. Novgorod, Volgo-Vyat. kn. publishing house, 1995, vol. 3, 640 p. (In Russ.)

Zinic M.S. *Budni voennogo lixolet`ya.* [The Everyday life of the war years]. Moscow, Russian a press-service, 1994, vol. 1–2, 143 p. (In Russ.)

Zinich M.S. *Ispy`tanie i velichie naroda* [Test and greatness of the people]. *Velikaya otechestvennaya vojna, 1941–1945: Voенно-istoricheskie ocherki* [Great Patriotic war. 1941–1945: Military-historical essays]. Moscow, The science, 1999, vol. 3, pp. 348–363. (In Russ.)

Zinich M.S. *Lyudi i vlast`: reshenie social'ny`x problem v gody` Velikoj Otechestvennoj vojny`* [People and power: the solution of social problems during the great Patriotic war]. *Lichnost`, obshhestvo i vlast` v istorii Rossii: Sistemy`j komparativny`j analiz* [Personality, society and power in the history of Russia: a Systematic comparative analysis]. Moscow, Publishing house of RUDN, 1998, pp. 305–309. (In Russ.)

Isupov V.A., Alekseev V.V. *Naselenie Sibiri v gody` Velikoj Otechestvennoj vojny`* [Population of Siberia during the great Patriotic war]. Novosibirsk, Science, Sib. department, 1985, 232 p. (In Russ.)

Kozhurin V.S. *Narod i vlast` (1941–1945)* [People and power (1941–1945)]. New document. Moscow, RAGS, 1995, 145 p. (In Russ.)

Kochneva F.I. *Trudovy`e podvigi zhenshhin Stavropol`ya v gody` Velikoj Otechestvennoj vojny`, 1941–1945* [Labor feats of women of Stavropol region during the great Patriotic war, 1941–1945]. *Rabochij klass i sovremenny`j mir* [Hhe working class and the modern world], 1979, № 5, pp. 52–57. (In Russ.)

Leontieva M.G. *Material'no-by`tovy`e usloviya zhenshhin-rabotnicz v 1941–1945 gg.* [Material and living conditions of women workers in 1941–

1945]. *Narody` Sibiri v Velikoj Otechestvennoj vojne* [Peoples of Siberia in the great Patriotic war]. Kyzyl, Townhouse, 1973, pp. 144–155. (In Russ.)

Materialy` k otchetu ispolkoma Ivanovskogo oblastnogo Soveta deputatov trudyashhixsya za 1940–1947 gg. [Materials for the report of the Executive Committee of the Ivanovo regional Council of workers' deputies for 1940–1947]. Ivanovo, Kn. publishing house, 1947, 72 p. (In Russ.)

Merzlyakova G.V. *Geroini vtorogo fronta: O vklade zhenshhin avtonomny`x respublik RSFSR v pobedu v Velikoj Otechestvennoj vojne* [Heroines of the second front: on the contribution of women of the Autonomous republics of the RSFSR to the victory in the great Patriotic war]. Izhevsk, Publishing house of the Udm. un-ta, 1992, 138 p. (In Russ.)

Morechina G. *Partijnoe stroitel`stvo v period Velikoj Otechestvennoj vojny` Sovetskogo Soyuza 1941–1945 gg.* [Party building during the period of the great Patriotic war of the Soviet Union 1941–1945]. M., The science, 1986, 391 p. (In Russ.)

Narodnoe xozyajstvo SSSR v Velikoj otechestvennoj vojne, 1941–1945 gg. [National economy of the USSR in the great Patriotic war, 1941–1945]. M., Goskomstat of the USSR, 1990, 235 p. (In Russ.)

Nash gorod dolzhen by`t` chisty`m i kul`turny`m [Our city should be clean and cultured]. *Severnaya Pravda*, 1943, Apr. 13. (In Russ.)

O blagoustrojstve nashix gorodov [About the improvement of our cities]. *Pravda*, 1944, June 7. (In Russ.)

Potemkina M.N. *Rol` deneg v strategiyax vy`zhivaniya sovetskogo cheloveka: okkupirovanny`e territorii i sovetskij ty`l* [Hhe Role of money in the strategies of survival of the Soviet man: occupied territories and the Soviet rear]. *Vojna v istorii i sud`bax narodov yuga Rossii (k 70-letiyu nachala Velikoj Otechestvennoj vojny`)*. [War in the history and fate of the peoples of southern Russia (to the 70th anniversary of the beginning of the great Patriotic war)]. Rostov n/D, Publishing house of SSC RAS, 2011, pp. 245–250. (In Russ.)

Serebryanskaya G.V. *Promy`shlennost` i kadry` Volgo-Vyatskogo regiona Rossijskoj Federacii v k. 30–1-j pol.40-x gg. XX veka* [Industry and personnel of the Volga-Vyatka region of the Russian Federation in k. 30–1st floor. 40s of the XX century]. N. Novgorod, NGASI, 2003, 476 p. (In Russ.)

Solovyov A. *O sanitarnom sostoyanii goroda* [About the sanitary state of the city]. *Severnaya Pravda*, 1942, March 4. (In Russ.)

Shalak A.V. *Usloviya zhizni i by`ta naseleniya Vostochnoj Sibiri v gody` Velikoj Otechestvennoj vojny` (1941–1945)* [Conditions of life and life of the population of Eastern Siberia during the great Patriotic war (1941–1945)]. Irkutsk, IGEA, 1998, 183 p. (In Russ.)

ТРУД МЕДИКОВ ПЕРМСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Пермская область в годы Великой Отечественной войны стала местом расположения госпиталей для раненых бойцов благодаря наличию нескольких медицинских вузов. В статье рассматриваются вопросы организации эвакуации госпиталей, передача госпиталем оборудования от гражданских больниц. Отражена статистика возвращения раненых не только к обычной жизни, но и к военной деятельности, обосновывается повышенный процент возвращения в строй по отношению к статистике СССР. Особое внимание уделяется перепрофилированию медиков по лечению травм и ускоренному обучению хирургов. Изучены изменения в подготовке студентов в условиях военного времени, демонстрируются возможности использования труда студентов в практических санитарных действиях. На основе донорского движения в Пермской области отражено развитие гематологии и преимущества переливания крови в СССР перед Германией. В статье рассматривается создание Ученого Совета для медицинских работников, позволившего направить научные интересы врачей согласно нуждам, вызванным реалиями войны. Отражены факты из биографии ученых-медиков, включая биографию будущего академика Е.А. Варнера, бывшего этническим немцем. Изучено медицинское обслуживание на уральских заводах, имевших военное значение, отражено введение в медицинский инструментарий местного сырья.

Ключевые слова: история здравоохранения, Пермская область, раненые, госпитали, медицинские вузы.

Информация об авторе: Шестова Татьяна Юрьевна, ORCID 0000-0002-3956-9697, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и практики управления Пермского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Пермь, Россия.

E-mail: shestova-t@mail.ru

Дата поступления статьи: 29.02.2020.

Для цитирования: Шестова Т.Ю. Труд медиков Пермской области в годы Великой Отечественной войны // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 2. С. 104–107. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-104-107.

Tat'yana Yu. Shestova

Perm Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

LABOUR OF MEDICS OF PERM LAND DURING WORLD WAR II

During the years of the Second World War, Molotov Region (what is now called Perm Land) became the location of hospitals for wounded soldiers due to the presence of several medical universities. The article discusses the organisation of evacuation hospitals, the transfer of equipment to hospitals from civilian hospitals. The statistics of the return of the wounded, not only to ordinary life, but also to military activity, is reflected, an increased percentage of return to duty in relation to the statistics of the USSR is substantiated. Particular attention is paid to the reprofiling of medics to treat injuries and accelerated training of surgeons. Changes in the training of students in wartime are studied, the possibilities of using the labour of students in practical sanitary actions are demonstrated. On the basis of the donor movement in Molotov Region, the development of hematology and the advantages of blood transfusion in the USSR over Germany are reflected. The article analyses the creation of the Academic Council for medical workers, which allowed redirecting the scientific interests of doctors to the realities of war. Specific biographies of medical scientists are reflected, including the biography of the future academician Yevgeniy Vagner, in fact of German ethnicity himself. The article examines medical care in the Ural factories of military importance, reflects the introduction of local raw materials into medical instruments.

Keywords: history of healthcare, Molotov (Perm) Region, wounded, hospitals, medical universities.

Information about the author: Tat'yana Yu. Shestova, ORCID 0000-0002-3956-9697, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chair of Theory and Practice of Management, Perm Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Perm, Russia.

E-mail: shestova-t@mail.ru

Article received: February 02, 2020.

For citation: Shestova T.Yu. Labour of medics of Perm land during World War II. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 2, pp. 104–107 (In Russ.). DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-104-107.

В современной сложной эпидемической обстановке стало очевидным, что консолидация медицинских кадров и материально-технических ресурсов в регионе существенно сказывается на излечиваемости населения, а также его качестве жизни. При их недостатке приходится вводить сортировку больных, жертвуя жизнями в тяжелых случаях по примеру военного времени.

В период Великой Отечественной Войны задачей врачей стала быстрая эвакуация раненных в тыл, а затем вторичное возвращение в строй. В этих условиях нужно было выбирать регионы, которые не были бы слишком отдалены от линии фронта, но при этом располагали бы и госпитальной и врачебной базой. Комплексом нужных ресурсов и располагала Пермская область. Здесь со времен Строгановых и Демидовых действовала заводская медицина, позволявшая работать с травмами и ранениями, а также обладающая практическим навыком борьбы с инфекционными заболеваниями в группах большого скопления людей.

Следует отметить, что вклад медиков в дело Победы отражен до сих пор недостаточно. Основным форматом стали статьи, демонстрирующие работу медиков на фронтах, а также воспоминания ветеранов. Некая консолидация опыта деятельности медиков Пермской области в годы Великой Отечественной войны присутствовала в работах Н.Я. Азановой. В последнее десятилетие кафедры Пермского медицинского университета стали выпускать собственные исторические работы о деятельности сотрудников. Они строятся по хронологическому принципу, и период Великой Отечественной войны несколько теряется в общем материале. Все вышесказанное объясняет необходимость консолидации накопленного материала в отдельной статье.

К началу войны медицинские вузы Перми представляли стоматологический и фармацевтический институты. В первые же дни на завкафедрами этих вузов была наложена бронь при условии работы в госпиталях [Азанова 1991: 36].

200 сотрудников мединститута ушли на фронт. Судя по биографиям медиков, ушедших на фронт, многие начали свой путь с Курской дуги, например Л.А. Буткевич, Е.П. Вилесова и другие [Победители – потомкам: 188–190].

VII сессия Совета депутатов потребовала ускорить подготовку медиков в вузах [Азанова 1991: 36]. Студенты учились по укороченной программе за 3,5 года вместо 6, занимались по 14–16 часов в день [Грязнов, Давидов: 15].

За годы войны обучили 1540 врачей, в то время как в довоенный период было подготовлено 1989 [Победители – потомкам: 337]. Хирургов было только 25% от потребности, их учили быстро и перепрофилировали [Исторические очерки: 37].

С первых дней войны на западном Урале было создано более 50 эвакуогоспиталей [Азанова 1985: 34]. В Перми было 30 госпиталей в Березниках – 6, Кунгуре – 5, Кизеле – 6, а в других по 1–4.

Отдел эвакуогоспиталей возглавил профессор Б.Н. Лебединский. Его должность входила в номенклатуру обкома ВКП(б), главный хирург В.Н. Парин, главный терапевт – профессор П.А. Ясницкий. Комитет по обслуживанию больных и раненных воинов красной армии бюро обкома возглавил директор мединститута П.П. Сумбаев. Решения комитета помощи раненым приравнивались к партийным документам [Азанова 1985: 35]. Данные по общему узлу эвакуационных госпиталей показывают, что в Пермской области в июле 1941 г. было всего 9 госпиталей на 2500 коек, в 1942 г. – 132 госпиталя на 46100 коек [Новиков: 1995]. По мере продвижения фронта на Запад последовало их сокращение. В период войны в мединституте была создана кафедра по военному нейротравматизму, на которой работало 29 врачей.

Всего в Пермской области работало 13 профессоров. Все ученые медики были объединены в Ученый Совет при облздраве. Во время войны в пермском мединституте было защищено – 8 докторских и 38 кандидатских диссертации [Азанова 1991 36–37, 41]. Василий Николаевич Парин, выпускник Казанского университета, стажировался в клиниках Германии и Швейцарии по хирургии. Он руководил клинической больницей № 2 с 1935 по 1944 гг., был главным редактором «Пермского медицинского журнала», основателем пермского хирургического общества. Под руководством В.Н. Парина в пермский период были защищены 9 диссертаций, из них 2 докторские [Палатова, Нечаев: 25]. За период Великой Отечественной войны Парин провел более 2000 операций по пластической хирургии [Азанова 1991а: 41]. С 1944 г. кафедре хирургии возглавил его сын Борис Васильевич. В 1928 г. он провел первое переливание крови на Урале. Специализировался на урологии, ему была присвоена степень без защиты кандидатской диссертации [Грязнов Давидов: 15–16]. Кафедра изучала опыт боевой травмы и ее последствий. Профессор А.Л. Фелонов лично лечил писателя Ю. Тынянова от рассеянного склероза, поставив его кровать к своему письменному столу, так как оказывать помощь в гостинице при таком тяжелом заболевании было некому.

Академик Е.А. Вагнер, имя которого носит медицинская академия в Перми, начал работу с 23 июня 1941 г. хирургом на поле боя, но к концу 1941 г. последовало распоряжение всех этнических немцев убрать с постов и направить в стройбат. В феврале 1942 г. Е.А. Вагнер был сослан в Казахстан, а затем в лагерь под Соликамском. Жизнь ему спасла патологоанатом Александра Семеновна Кривлева, ставшая затем женой Е.А. Вагнера.

В Соликамске будущий академик работал в больнице НКВД [Палатова, Нечаев: 76–77].

При открытии эвакогоспиталей в Пермской области местные лечебные заведения передали госпиталям 31 рентгеновский аппарат, 400 физеоприборов, 67 микроскопов [Азанова 1991: 43].

С 1942 по 1944 гг. в Пермской области действовала специализированная больница для ленинградцев. Там полагалось усиленное питание: шоколад, масло, мясо [Здравоохранение Западного: 14]. По всем видимости, эти больные вызвали интерес профессора Я.А. Ловцкогкок. лечившего дистрофию [Пермский медицинский: 30].

Эвакогоспиталь № 1234 числился как общехирургический с профилем челюстно-лицевой хирургии. В 1944 г. из-за наплыва раненых из него выделилось глазное и ушное отделения. После войны госпиталь был перепрофилирован под обслуживание инвалидов ВОВ. В 1945 г. в области 1700 коек были оставлены на работу с инвалидами [Новиков].

В 1928 г. директор первого в мире Института переливания крови А.А. Богданов погиб при переливании крови без учета резус-фактора. Но несмотря на научные ошибки, опыты с переливанием крови были необходимы для страны. К началу войны СССР был подготовлен к переливаниям намного лучше гитлеровской Германии. На местах отработка практических навыков шла по ходу военных действий. Если в Пермской области в начале войны донорскую кровь получали трое из 200 раненых, то к концу войны – каждый третий [Азанова 1991: 45]. Объем переливания крови вырос в 50 раз. В каждом эвакогоспитале создавались донорские пункты. Первыми кровь сдавали медики. Молодежь и комсомольцы составляли 70 % доноров. За годы войны в Пермской области было собрано 35 тыс. литров крови [Азанова 1985: 36–37]. Деньги за кровь сдавали в фонд обороны.

Помимо медицинского обслуживания раненых требовалась поддержка тружеников тыла. В поликлиниках были установлены дежурства до 12 ночи и по выходным. На каждого врача вместо 25 человек приходилось до 100 [Здравоохранение Западного Урала: 13]. Крупные заводы, такие как завод им. Свердлова имели свою медсанчасть, санпропускники и скорую помощь для рабочих.

Перед пермскими медиками ставилась задача разработки местных лечебных средств до 40 наименований, и тут отличились пермские ученые В.К. Модестов и З.М. Митягина [Бородин]. А.В. Пшеничнов и Б.Б. Райхер разработали вакцину против сыпного тифа, за что были удостоены Государственной премии.

Пермские нефтяники наладили основу для производства мазей. В 1942 г. 700 тонн целлюлозы от пермских бумажников было переработано в перевязочные материалы [Здравоохранение Западного Урала: 10].

Санпропускник Пермь 2 принял 1888 эшелонов, провел 82000 человек в санобработке [Новиков]. Студенты медики дежурили на санпропускниках по 12 часов в день.

Все эти действия позволили осуществить главный государственный запрос – возвращение в строй бойцов. По Пермской области в строй было возвращено 76 % бойцов, при том что всего по стране – 72,3%. [Азанова 1985: 41; Азанова 1991: 46]. У фашистов возврат был всего в 40%. Если в немецких госпиталях смертность составляла более 65%, то в уральских – 1,1% [Здравоохранение Западного Урала: 3].

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны Пермская область стала местом расположения большой сети эвакогоспиталей. Место было определено наличием двух медицинских вузов и медицинских кадров. Большое количество сотрудников ушло на фронт, но заведующие кафедрами получили бронь от участия в военных действиях. Сроки обучения студентов были сокращены, а учебный день стал значительно более протяженным. Студенты- медики работали в госпиталях, санпропускниках, встречали эшелоны с ранеными. Профильным предметом подготовки стала хирургия. Большое развитие получило изучение огнестрельных ранений и лицевая пластическая хирургия, была создана кафедра военной нейротравмы.

К середине войны госпиталя в малопригодных помещениях стали закрываться, оставались профильные отделения. Была создана специализированная больница для ленинградцев, где изучали методы борьбы с дистрофией, выделен госпиталь для послевоенной работы с инвалидами. Все ученые медики были объединены в Ученый Совет, что усилило научную работу в регионе. Пермские медики разрабатывали медикаменты на местном сырье, использовали продукты нефтепереработки и целлюлозы для мазей и перевязочных материалов. Все эти меры помогали выстоять стране в жесточайшем противостоянии и сохранить тысячи жизней.

Список литературы

Азанова Н.Я. Детальность медицинских работников Западного Урала в годы Великой Отечественной войны // Западный Урал – фронту. Тезисы городской научной конференции, посвященной 40-летию победы советского народа в годы Великой Отечественной войны. Пермь, 1985. С. 34–37.

Азанова Н.Я. Эвакуационные госпитали Западного Урала (1941–1945) // Тезисы докладов научно-практической конференции, посвященной истории Великой Отечественной войны. Пермь, 1991. С. 41–47.

Азанова Н.Я. Ученые пермских медицинских вузов на службе здравоохранения в годы войны // Тезисы докладов научно-практической конферен-

ции, посвященной истории Великой Отечественной войны. Пермь, 1991. С. 36–40.

Бородин В. Медики Урала в годы Великой Отечественной войны // Медицинская газета. 1995. 5 мая.

Грязнов В.Н., Давидов М.И. Славный путь созидания чести, милосердия, доблести, и милосердия. Клиническая больница № 2 имени доктора Ф.Х. Граля. Пермь. 2015. 107 с.

Здравоохранение Западного Урала в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Пермь. 1985. 27 с.

Исторические очерки становления и развития хирургической службы Прикамье и хирургических клиник пермского государственного медицинского университета имени академика Вагнера (1916–2016). Пермь, 2016. 387 с.

Новиков А.И. Бойцы возвращались в строй // Вечерняя Пермь. 1995. 27 апреля.

Палатова Л.Ф., Нечаев О.И. История кафедры госпитальной хирургии пермского государственного медицинского университета имени академика Е.А. Вагнера. Пермь, 2019. 184 с.

Пермский медицинский институт 1916–1986. Пермь, 1988. 137 с.

Победители – потомкам. Прикамье в годы Великой Отечественной войны. Пермь 2000. 328 с.

References

Azanova N.Ja. *Detal'nost' medicinskih rabotnikov Zapadnogo Urala v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Details of the medical personnel of the Western Urals during the Great Patriotic War]. *Zapadnyj Ural-frontu. Tezisy gorodskoj nauchnoj konferencii, posvjashhennoj 40-letiju pobedy sovetskogo naroda v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Western Ural front. Abstracts of the city scientific conference dedicated to the 40th anniversary of the victory of the Soviet people during the Great Patriotic War]. Perm, 1985, pp. 34–37. (In Russ.).

Azanova N.Ja. *Jevakuacionnye gospiitali Zapadnogo Urala (1941–1945)* [Evacuation hospitals of the Western Urals (1941–1945)]. *Tezisy dokladov nauchno-prakticheskoy konferencii, posvjashhennoj istorii Velikoj Otechestvennoj vojny* [Abstracts of the scientific-practical conference devoted to the history of the Great Patriotic War]. Perm, 1991, pp. 41–47. (In Russ.).

Azanova N.Ja. *Uchenye permskih medicinskih vuzov na sluzhbe zdravooohranenija v gody vojny.*

[Scientists of Perm medical universities – in the health service during the war]. *Tezisy dokladov nauchno-prakticheskoy konferencii, posvjashhennoj istorii Velikoj Otechestvennoj vojny* [Abstracts of the scientific-practical conference devoted to the history of the Great Patriotic War]. Perm, 1991, pp. 36–40. (In Russ.).

Borodin V. *Mediki Urala v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Physicians of the Urals during the Great Patriotic War]. *Medicinskaja gazeta* [Medical newspaper]. 1995, 5 maja. (In Russ.).

Grjaznov V.N., Davidov M.I. *Slavnyj put' sozidanijachesti, miloserdija, doblesti, imiloserdija. Klinicheskaja bol'nica № 2 imeni doktora F.H. Gralja* [The glorious path of building honor, mercy, valor, and mercy. Clinical Hospital № 2 named after Dr. F.Kh. Grail.]. Perm, 2015, 107 p. (In Russ.).

Zdravooohranenie Zapadnogo Urala v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 [Health care in the Western Urals during the Great Patriotic War of 1941–1945.]. Perm, 1985. 27 p. (In Russ.).

Istoricheskie ocherki stanovlenija i razvitiija hirurgical'eskoj sluzhby Prikam'e i hirurgical'eskih kliniki permskogo gosudarstvennogo medicinskogo universiteta imeni akademika Vagnera (1916–2016) [Historical Essays on the Formation and Development of the Surgical Service of Prikamye and Surgical Clinic of the Perm State Medical University named after Academician Wagner (1916–2016)]. Perm, 2016, 387 p. (In Russ.).

Novikov A.I. *Bojcy vozvrashhalis' v stroj* [The soldiers returned to duty]. *Vechernjaja Perm'*. [Evening Perm]. 1995, April, 27. (In Russ.).

Palatova L.F., Nechaev O.I. *Istorija kafedry gospiital'noj hirurgii permskogo gosudarstvennogo medicinskogo universiteta imeni akademika E.A. Vagnera* [History of the Department of Hospital Surgery of Perm State Medical University named after Academician E.A. Wagner.]. Perm, 2019, 184 p. (In Russ.).

Permskij medicinskij institut 1916–1986 [Perm Medical Institute 1916–1986]. Perm, Publ., 1988, 137 p. (In Russ.).

Pobediteli – potomkam. Prikam'e v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Winners – to descendants. Kama region during the Great Patriotic War.]. Perm, 2000, 328 p. (In Russ.).

Зуев Алексей НиколаевичВоенная академия радиационной, химической и биологической защиты
имени Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко**Никонов Иван Иванович**Военная академия радиационной, химической и биологической защиты
имени Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко**ПОТРЕБИТЕЛЬСКАЯ КООПЕРАЦИЯ ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

В данной статье рассматриваются новые задачи, которые встали перед потребительской кооперацией с началом Великой Отечественной войны. Авторы статьи показывают, что вся деятельность кооператоров находилась под контролем партийного руководства. В статье рассматриваются изменения, которые произошли в финансовой системе потребительской кооперации и внутрикооперативной работе. Авторы приводят конкретные показатели деятельности потребительской кооперации Ярославской области по заготовительным работам и в производстве товаров широкого потребления. В статье указаны трудности, которые возникали при увеличении кооперативной торговой сети и общественного питания, а также меры, принимаемые партийным и кооперативным руководством для устранения недостатков. Особое внимание в статье уделено описанию адресной помощи Ярославских кооператоров конкретным фронтам и округам. Авторы также показывают работу, проделанную ярославскими кооператорами, по обеспечению переселяемых из западных областей и Ленинграда детей и взрослых всем необходимым. В статье прослеживается процесс увеличения производства потребкооперацией товаров широкого потребления, особенно одежды, обуви, посуды и мебели. В исследовании впервые вводятся в научный оборот некоторые архивные источники. Делается вывод о том, что потребительская кооперация успешно решала задачи обеспечения нужд населения товарами первой необходимости, что позволило государственным предприятиям переключить свое производство на непосредственные нужды фронта.

Ключевые слова: потребительская кооперация, нужды фронта, Ярославская область, обком ВКП(б), райкомы ВКП(б), облпотребсоюз, райпотребсоюз.

Информация об авторах: Зуев Алексей Николаевич, ORCID 0000-0002-5835-5184, Военная академия радиационной, химической и биологической защиты имени Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко, г. Кострома, Россия.

E-mail: zuewa-1987@mail.ru

Никонов Иван Иванович, ORCID 0000-0002-7222-1430, доктор исторических наук, профессор, Военная академия радиационной, химической и биологической защиты имени Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко, г. Кострома, Россия.

Дата поступления статьи: 25.03.2020.

Для цитирования: Зуев А.Н., Никонов И.И. Потребительская кооперация Ярославской области в годы Великой Отечественной войны // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 2. С. 108–114. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-108-114.

Aleksey N. Zuyev

Marshal of the Soviet Union Timoshenko Military Academy of Nuclear, Chemical and Biological Defence

Ivan I. Nikonov

Marshal of the Soviet Union Timoshenko Military Academy of Nuclear, Chemical and Biological Defence

**CONSUMERS COOPERATIVE SOCIETY IN YAROSLAVL REGION
AT THE PERIOD OF WORLD WAR II**

The article reveals the problems raised towards the consumers cooperative society in the context of the beginning of World War II. The authors show that the cooperative society activity was under control of the Communist Party leadership and authorities. The article reflects the changes in the financial system of the consumers cooperative society and cooperative work. The authors enlighten particular activity and statistics of the consumers cooperative society of Yaroslavl Region on procuring and commodities production. The article is about difficulties faced at the increment of cooperative distributing network and public catering as well as the measures taken by the party and cooperative authorities corrective measure towards removal of disadvantages. A special emphasis in the article is made to describe the targeted help of the co-operators to particular fronts and districts. The authors also investigated through Yaroslavl co-operators attitude and practical help to the western regions and Leningrad regarding children's and adults' supply with all necessary items and goods. The article describes the process of output expansion by the commodities production such as clothes, shoes, dishes and furniture. For the first time the archival sources have been scientifically implemented. The conclusion is drawn regarding successful consumers cooperative society activity to solve tasks for essential commodities supply, making possible the state factories diversify its production for specific immediate demands of the front.

Keywords: consumers cooperative society, demands of front, Yaroslavl Region, Regional Committee of All-Union Communist Party, District Committee of All-Union Communist Party, Regional Consumer's Association, District Consumer's Association.

Information about the authors: Aleksey N. Zuyev, ORCID 0000-0001-9553-7262, Marshal of the Soviet Union Timoshenko Military Academy of Nuclear, Chemical and Biological Defence, Kostroma, Russia.

E-mail: zuewa-1987@mail.ru

Ivan I. Nikonov, ORCID 0000-0001-9553-7262, Doctor of Historical Sciences, Professor, Marshal of the Soviet Union Timoshenko Military Academy of Nuclear, Chemical and Biological Defence, Kostroma, Russia.

Article received: March 25, 2020.

For citation: Zuyev A.N., Nikonov I.I. Consumers cooperative society in Yaroslavl Region at the period of World War II. Kostroma State University reporter. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 2, pp. 108–114 (In Russ.). DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-108-114.

С началом Великой Отечественной войны в СССР началась перестройка жизни страны и экономики на военный лад. Реорганизация затронула и потребительскую кооперацию. Партийные организации лично руководили перестройкой кооперации и ставили перед ней следующие задачи: а) сохранения и правильного расходования продовольственных фондов и промышленных товаров; б) осуществления нормированного снабжения населения продовольствием и промышленными товарами; в) максимального вовлечения в товарооборот местных товаров, ресурсов и сырья; г) расширения производства товаров широкого потребления на кооперативных предприятиях и предприятиях местной и кооперативно-кустарной промышленности; д) увеличения кооперативного хлебопечения; е) централизации планирования и распределения товарных ресурсов; ж) перехода от свободной торговли на дифференцированное снабжение специальных контингентов населения (эвакуированных, детей, детсадов, яслей, детдомов, сельской интеллигенции и т. д.); з) расширение более обычного заготовок и закупок сельхозпродуктов и сырья; и) расширение подсобного хозяйства и другие.

Большая работа по перестройке деятельности кооператоров проводилась непосредственно в районах под руководством райкомов партии. Бюро Даниловского райкома ВКП(б) Ярославской области требовало предельной мобилизации райпотребсоюза на выполнение задач в соответствии с требованием военного времени [Ярославцы: 42–43]. Бюро Некрасовского райкома ВКП(б) 7 июля 1941 г. требовало от Большесольского, Левашовского и Боровского сельпо беспрекословного выполнения плановых заданий заготовок картофеля, овощей, лома черного и цветного металла¹.

Кооператоры принимали все меры для сохранения конепоголовья райпотребсоюзов и укрепления транспортного хозяйства потребительской кооперации. В результате численность лошадей в облпотребсоюзах Ярославской области даже несколько увеличилась – с 479 на 1 января 1941 г.² до 482 на начало 1942 г.³ Сохранение конепоголовья области примерно на таком же уровне (что само по себе было большим достижением) на протяжении всех последующих лет войны обеспечило, хотя и с предельным напряжением, решение вопросов перевозок в области. Такая же картина наблюдалась и в других областях Нечерноземья.

Серьезные изменения произошли в финансовой системе потребительской кооперации и внутрикооперативной работе. Если в Ярославской области на 1 января 1941 г. имелось 438 974 члена кооперации-пайщика с общей суммой взносов 6609,1 тыс. руб.⁴, то на 1 января 1942 г. их осталось 223 500 человек, то есть почти в 2 раза меньше, а размер взноса упал до 5 500 тыс. руб.⁵

XIII пленум Ярославского обкома ВКП(б), состоявшийся в июле 1942 г., особое внимание всех заготовителей обратил на сохранение полученного урожая, на своевременную организацию буртования картофеля. Области тогда предстояло заготовить свыше 53 000 т этого ценного продукта. Требовалось срочно подготовить площадки для буртования на 20 000 т, в том числе потребительской кооперацией – на 15 000 т⁶.

Кооператоры Ярославской области успешно справились с этой задачей. Они своевременно оборудовали и подготовили под овощехранилища подвалы домов в Костроме, Рыбинске, Ярославле, а также ямы для буртования картофеля. В итоге было заготовлено 57 303 т картофеля и 19 343 т овощей⁷, что превысило заготовки 1941 г. соответственно на 8 268 т и на 18 300 т,⁸ или более чем в два раза. При этом заготовки овощей возросли (на 3000 т), и по сравнению с предвоенным 1940 годом плановые задания года были перевыполнены также по заготовке яиц, дикорастущих грибов и ягод, лектесырья, шерсти. Однако в целом повышенный план заготовок, особенно сырья, был невыполнен. В стоимостном выражении заготовки 1942 г. составили 21595,5 тыс. руб. при плане 29923,1 тыс., или 99,4 % в сравнении с 1941 годом⁹. Сказались возросшие трудности с рабочей силой, транспортом, наличием других материальных возможностей.

Успешному решению поставленных задач способствовали массовые инициативы трудящихся на местах. Так, 14 сентября 1941 г. бюро Ярославского обкома партии поддержало обращение колхозов, колхозников, заготовительных, партийных и советских организаций Ростовского района об организации соревнования за досрочное выполнение плана отгрузки картофеля и овощей для Красной армии. Бюро обкома призвало партийные, комсомольские и советские организации принять самое активное и непосредственное участие в социалистическом соревновании за досрочное выполнение плана поставки для фронта этих продуктов¹⁰.

И всякий раз кооператоры, в свою очередь, по-боевому рассматривали выдвигаемые перед ними задачи на собраниях первичных партийных организаций облпотребсоюза, райпотребсоюзов и предельно мобилизовали свои силы. Благодаря этому в Ярославской области был обеспечен ощутимый прирост заготовок. В 1942 г. местные кооператоры заготовили 57 303 т картофеля⁷ при плане 59 560 т¹¹, в 1943 г. – 69 555 т⁷ при плане 60 000 т¹¹. Кроме этого, системой потребкооперации области было принято свыше 40 000 т зерна по госпоставкам на контрактных началах с «Заготзерно», что составило 40 % его областных заготовок. В порядке госзакупок в кооперацию поступило тогда 49 162 т зерна. Установленный правительством план был выполнен на 100 %. План по госзакупкам картофеля, утвержденный бюро обкома ВКП(б), область выполнила на 119 %, то есть вместо 17 800 т закупила 21 221 т⁷.

При этом облпотребсоюз план доставки картофеля и овощей Наркомату обороны выполнил соответственно на 138 % и 108 %. В частности, Московскому военному округу было поставлено картофеля 100 % планируемого объема, Калининскому фронту – 199 %, а овощей – 193 %, Волховскому фронту – картофеля 114 %, овощей – 139 %, Военно-Морскому Флоту – 140 % и 73 %. За успехи в выполнении поставок картофеля и овощей для фронта Ярославским кооператорам во втором квартале было присуждено переходящее Красное знамя ГКО¹². Большой вклад кооператоров в дело заготовок и поставок фронту отметил XVIII пленум Ярославского обкома партии, обсудивший 11–12 ноября 1943 г. вопрос «О выполнении государственного плана заготовок сельскохозяйственных продуктов за 1943 год». При этом, учитывая успешное проведение сельскохозяйственных работ и высокий урожай зерновых, картофеля и овощей, пленум обкома потребовал и впредь считать первоочередной задачей партийных, советских, комсомольских и заготовительных организаций досрочное выполнение всех сельскохозяйственных заготовок и завершение уборки без потерь¹³.

В условиях войны особенное значение для снабжения армии и населения Севера приобрела сушка овощей, картофеля и фруктов. В сушеном виде они в 8–10 раз легче свежих, более транспортабельны и удобны для хранения. Уже в октябре 1941 г., рассмотрев вопрос «О ходе сушки и заготовки в сухом виде овощей и картофеля в колхозах и у колхозников», бюро Ярославского обкома ВКП(б) потребовало от облпотребсоюза и райкомов партии своевременного выполнения повышенных заданий по сушке овощей и картофеля, сдаче их государству для удовлетворения потребностей фронта¹⁴.

Широкая заготовка сушеных овощей и фруктов осуществлялась все годы войны. Нередко она проводилась целевым назначением. 3 марта 1943 г.

бюро Ярославского обкома ВКП(б) приняло, например, специальное постановление «О сушке картофеля для Волховского фронта». Предстояло по заданию ГКО насушить 6 080 т картофеля, из них 680 т должен был подготовить облпотребсоюз. Поэтому вопросы заготовки сушеных овощей и фруктов регулярно заслушивались на самых авторитетных уровнях – пленумах и бюро райкомов партии, как это было, например, в январе 1942 г. в Некрасовском и Ярославских районах Ярославской области^{15, 16}.

Всего в 1944 г. кооператоры страны заготовили 170 тыс. сушеных овощей и картофеля, то есть в 6 раз больше, чем в 1940 г. Это позволило высвободить для перевозки других грузов свыше 10 тыс. железнодорожных вагонов [Климов: 116].

Если заготовка дикорастущих плодов и ягод для потребительской кооперации являлась традиционной деятельностью, то оказание помощи заготовительным организациям «Заготзерно», осуществленной с 1944 года, было делом новым. Оно требовало специальных знаний организации хлебозаготовок, всех видов злаковых и бобовых культур, а также соответствующей материально-технической базы, ибо в предвоенные годы и первые годы войны кооператоры проводили лишь закупки зерна.

В Ярославской области, например, этот вопрос был обсужден на бюро обкома партии 18 августа 1944 г. Принятое постановление потребовало от облпотребсоюза немедленного наведения порядка на заготовительных пунктах, который обеспечил бы бесперебойную сдачу и закладку хлеба, организацию круглосуточной работы всех пунктов¹⁷. Для контроля за выполнением этого решения и оказания необходимой помощи были назначены ответственные работники. Аналогичным образом поступили и в других областях.

Бюро Ярославского обкома партии вопрос «О плане заготовки лома и отходов цветных металлов во исполнение распоряжения ГКО» рассмотрело 25 мая. Утвержденный план заготовок лома черных и цветных металлов на 2-е полугодие 1941 г. составил по области 3 000 т, из них 1 100 т приходилось на облпотребсоюз¹⁸. Бюро потребовало взять под постоянный партийный контроль ход заготовки и отгрузки отходов черных и цветных металлов. Райкомы партии ежеквартально рассматривали эти вопросы на бюро, строго спрашивали с тех, кто безответственно относился к этому важному участку работы. Так, например, в августе 1944 г. бюро Ярославского обкома ВКП(б) строго спросило с руководства облпотребсоюза за невыполнение плановых заданий сдачи лома и отходов черных металлов за третий квартал и потребовало его выполнения при любых условиях¹⁹. В итоге на протяжении всей войны кооператоры Ярославской области успешно справлялись с плановыми зада-

ниями заготовок лома и отходов черных и цветных металлов. В 1942 г. план по черным металлам они выполнили на 135 % (6055,7 т), цветным – на 245 % (99,2 т),²⁰ в 1943 г. по черным металлам – на 117,4 % (5282 т), цветным – на 121 % (156,0 т),²¹ в 1944 г. по черным – на 123,1 % (3827,0 т), цветным – на 108 % (186 т).²²

В целом по стране кооператорами было заготовлено только в 1944 г. 18,7 млн т, что превысило заготовки 1940 г. почти в 2 раза, [40 лет: 88]. Тем самым кооператоры внесли свой посильный вклад в решение этой важной народно-хозяйственной задачи.

Война потребовала серьезных корректив в организации товарообмена между городом и селом: сокращения ее объема, снижения выпуска товаров народного потребления, уменьшения рабочей силы в сфере обслуживания и т. п. Произошло существенное сокращение материально-технической базы кооперативной торговли и общественного питания, хотя в прифронтовых областях в связи с прибытием эвакуированного населения, наоборот, требовалось увеличение кооперативной торговой сети и общественного питания. В рамках именно этих противоположных обстоятельств и проходила деятельность партийных организаций по обеспечению необходимого для конкретных условий войны товарообмена города и села, укрепления материально-технической базы торговли.

Остро стоял вопрос обеспечения населения керосином, солью, спичками. Он также неоднократно выносился на заседания бюро обкомов и райкомов партии. Должное внимание уделяли ему и коммунисты–кооператоры на собраниях первичных парторганизаций, где рассматривались реальные предложения, как лучше решать эти задачи. Когда во второй половине 1944 г. в Ярославской области возникли трудности по обеспечению сельпо солью, обком ВКП(б) принял все меры по решению этой проблемы. Рассмотрев 28 сентября этот вопрос на бюро, обком обязал облпотребсоюз немедленно организовать разгрузку вагонов с солью, обеспечить ее завоз во все магазины сельпо и организовать бесперебойную продажу населению по установленным нормам. Секретарям райкомов ВКП(б) было в свою очередь предложено оказать всемерную помощь райпотребсоюзам и сельпо в завозе соли в магазины, используя для этого попутные машины и тягловую силу, занятые на вывозе зерна, картофеля и овощей. Они обязывались также взять под контроль завоз соли на места и своевременную ее продажу населению.²³

Ярославский обком обращал серьезное внимание на факты незаконного расхода хлеба и продовольственных товаров в торгующих организациях области. На работу в магазины и столовые нередко допускались непроверенные люди – жулики, имевшие в прошлом судимость за растраты и хищения.²⁴

Все это привело к тому, что за 5 месяцев 1942 г. в проверенных торгующих организациях было незаконно израсходовано и расхищено 335 т хлеба. Во многих магазинах сельпо не оказалось документов по расходу хлеба и продовольственных товаров. В некоторых сельпо списки на отпуск хлеба были составлены лишь в начале 1942 г.; в последующие месяцы они не пересматривались, а только дополнялись. Так, например, в Вошажском сельпо Борисоглебского района в списках оказалось более 20 человек, давно уже выехавших из района. Имелись факты хищения хлеба, других продуктов питания и спекуляции.

Бюро обкома обязывало райкомы ВКП(б) лично руководить торгующими организациями и контролировать расход государственных фондов хлеба и продуктов питания.²⁵ Обкомом было установлено, что ревизия каждого магазина, столовой, сельпо и райпотребсоюза по расходу хлеба и продуктов питания должна проводиться не реже одного раза в месяц.

К 1 ноября 1941 г. из западных областей страны и Ленинграда только в Ярославскую область прибыло 42 067 детей с родителями и 55 079 детей без родителей, а также 44 840 человек взрослого населения.²⁶ Для обеспечения питания эвакуированных только через кооперацию Ярославской области было реализовано 16 529 кг колбасы, 8 315 животного и 6 315 растительного масла, 18 631 кг мяса, 9 315 кг сельди, 11 174 кг сыра и 46 248 кг свежей рыбы. Кроме этого, для детских садов, яслей и детей, находившихся на лечении, было выделено дополнительно 700 кг чая, 15 396 кг колбасы и 39 245 кг макарон.²⁷

В Ярославской области в III квартале 1941 г. на 97 148²⁶ эвакуированных детей было выдано 274,6 т сахара, 199,5 т макарон, 43,6 т сельди, 227,6 т рыбы.²⁷ К лету 1942 г. количество находившихся только на постоянном обеспечении ярославских кооператоров детей достигло 38 447 человек, в основном из Ленинграда. На их содержание из централизованных фондов в I квартале 1942 г. было получено 56 т мяса, 10,2 т сельди, 9,1 т растительного и 10,7 т животного масла, 23,5 т сахара.²⁸ Но во II квартале централизованные фонды значительно сократились: мяса – до 33,9 т, масла животного – до 13,6 т, рыбы – до 0,2 т, макарон – до 11,3 т, крупы – до 1,4 т.²⁹ Картофель и овощи из централизованных фондов впредь и вовсе не планировались, и все детские учреждения обеспечивались за счет запасов области.

Кроме этого, только в I половине 1942 г. для обеспечения интернатов и детских домов, эвакуированных в Ярославскую область, кооператорами было отпущено и реализовано 942,3 тыс. м хлопчатобумажных тканей, 64,3 тыс. шт. швейных изделий, 2,6 тыс. пар обуви кожаной, 99,8 тыс. пар валяной обуви, 80,4 тыс. шт. одеял, 0,62 тыс. шт.

трикотажных изделий, 2,27 тыс. пар чулок, 79 тыс. м шерстяных тканей, 7,3 тыс. шт. платков, 22,4 тыс. шт. подушек³⁰.

В июне 1942 г. в стационарных детских домах и интернатах содержалось 33 006 эвакуированных детей, а в июле их число вновь увеличилось на 23 000 человек³¹.

С каждым годом войны все острее стоял вопрос об обеспечении детей одеждой. Особенно обострился он в 1943 г., когда довоенная обувь уже поизносилась, а местная промышленность еще не наладила массового производства. Часть товаров отвлекали освобождаемые районы. В феврале 1943 г. бюро Ярославского обкома рассмотрело вопрос «Об изготовлении белья, одежды, обуви для детей военнослужащих». В этих целях бюро потребовало от руководителей облпотребсоюза увеличить уже в феврале – мае 1943 г. изготовление из местного сырья на своих предприятиях для детей военнослужащих обувь, одежду и белье в количестве, предусмотренном заданием. Была установлена ежедекадная отчетность предприятий и организаций перед обкомом ВКП(б) о выполнении настоящего постановления³². В сентябре 1943 г. бюро Ярославского обкома партии рассмотрело вопрос «О выработке обуви, одежды, белья для детей и молодых рабочих». В соответствии с этим постановлением облпотребсоюзу была поставлена задача выработать 10 тыс. пар валенок и 10 тыс. пар чулок и носков³³.

Другой важной задачей потребительской кооперации являлось производство товаров широкого потребления. Перед кооператорами были поставлены неотложные задачи расширения сети предприятий, выпускающих товары широкого потребления, увеличения массы этих товаров и их ассортимента. Если в 1941 г. в системе потребкооперации области работало лишь 9 предприятий, производивших товары широкого потребления с годовым планом выпуска продукции 2 800 тыс. руб., то в 1942 г. их стало 20 с планом выпуска на I квартал в объеме 3039,5 тыс. руб. В ассортименте товаров ширпотреба появились новые виды продукции (ложки, тарелки), увеличился выпуск обуви, детской одежды из отходов текстильной промышленности.

В целях контроля и оказания помощи в августе – сентябре 1942 г. бюро Ярославского обкома партии отдельно обсудило вопрос о выработке то-

варов широкого потребления в Палкинском, Антроповском и Нейском районах. Бюро указало, что здесь недостаточно вырабатывалось обуви, гончарной посуды, готовых кож и других изделий. Оно потребовало от председателя Палкинского райпотребсоюза до 10 сентября 1943 г. закончить ремонт и пустить в эксплуатацию гончарный завод с ежемесячным выпуском 60 тыс. литров гончарной посуды. К этому же сроку предстояло организовать мастерскую по выработке детской валяной обуви и обеспечить начиная с сентября выработку детской валяной обуви до 150 пар ежемесячно. Предлагалось расширить мастерскую райпотребсоюза по выработке кожи и обеспечить ежемесячно выпуск 50 кож для верхней одежды и 15 кож для подошвенного товара³⁴. Аналогичные задачи по расширению выпуска гончарной посуды, выработке кож и детской валяной обуви были поставлены и перед кооператорами Антроповского и Нейского районов. Бюро обязало секретарей райкома ВКП(б) оказать помощь райпотребсоюзам в подборе рабочей силы, подвозе сырья и топлива, установить контроль за выполнением принятых решений.

Ярославский обком партии в декабре 1943 г. вновь рассмотрел на бюро вопрос «О производстве обуви, одежды, посуды и других товаров широкого потребления» и обязал всех руководителей местной промышленности и облпотребсоюза увеличить производство товаров широкого потребления, особенно одежды, обуви, посуды и мебели. Однако рост производства все-таки отставал от быстрого увеличения потребностей. Предприятия потребительской кооперации, выпускающие товары широкого потребления, к тому же не успевали справляться с растущими плановыми заданиями.

Райкомы партии, первичные партийные организации, все кооператоры проделали очень трудную, но результативную работу. Это позволило, несмотря на все трудности военного времени, заметно увеличить производство товаров народного потребления на кооперативных предприятиях. Это наглядно видно на примере Ярославской области (табл. 1)³⁵.

Из таблицы 1 видно, что объем выпуска товаров широкого потребления здесь из года в год возрастал и в 1944 г. по сравнению с 1940 г. увеличился почти в 8 раз. Такая картина наблюдалась во всех областях Нечерноземья. К производству этих това-

Таблица 1
Выпуск товаров широкого потребления кооператорами Ярославской области за 1940–1944 гг.

	План (тыс. руб.)	Выполнение (тыс. руб.)	% к плану	Кол-во предприятий, мастерских	В них рабочих
1940	1100	131	11,9	10	20
1941	650	273	42,0	21	45
1942	3385	1460	43,0	62	123
1943	4000	5846	146,2	106	473 (753 надомн.)
1944	10065	10101	100,3	127	660 (753 надомн.)

Таблица 2

Количество предприятий, мастерских и занятых в них рабочих по Ярославскому облпотребсоюзу (1943–1944 гг.)

	На 01.01.1943	На 01.01.1944	Абс. рост
Мастерских (предприятий)	82	328	246
Рабочих в них	554	1200	646
Надомников	568	1608	1040
В 1944 г. выработано товаров на 10 101 тыс. руб. ⁴⁰			

ров широко привлекались инвалиды войны, которые объединялись в артели, и домохозяйки. Опять-таки большой опыт использования надомничества накопила Ярославская партийная организация. Только в 1943 г. все надомники области выработали продукции на 41 600 тыс. руб. Они связали 76 800 пар чулок, соткали 256 тыс. метров тканей, пошили на 26 793 тыс. рублей различных швейных изделий и много других предметов первой необходимости³⁶.

В целях активизации этой работы 12 мая 1944 г. Ярославский обком партии обсудил вопрос «О привлечении неработающего населения в местную и кооперативную промышленность области для работы на дому». Бюро обкома одобрило обращение рабочих и работниц местной и кооперативной промышленности, работающих на дому, ко всем работницам-надомникам и инвалидам Великой Отечественной войны. Руководителям кооперативной и местной промышленности было рекомендовано привлечь в 1944 г. в качестве работников-надомников 26 135 человек³⁷.

Кооператоры области многое делали для выполнения решений пленума обкома и областного совещания. Уже в 1942 г. (в оптово-отпускных ценах) они произвели: мебели – 47 тыс. руб., обозно-шорных изделий – на 599 тыс., ложкарных – на 14 тыс., гончарных – на 120 тыс., культтоваров – на 19 тыс., шорных – на 322 тыс., трикотажа и швейных изделий – на 653 тыс., обуви резиновой – на 240 тыс., тары – на 281 тыс. руб. Всего на 82 предприятиях было изготовлено товаров широкого потребления на 2 880 тыс. руб.³⁸

В 1943 г. было выработано еще больше (в тыс. руб.): мебели – на 70, обозно-шинных и бондарных товаров – на 2876,2, ложкарных – на 74,8, гончарных – на 671, культтоваров – на 80, шорных товаров – на 766, трикотажа – на 983, швейных изделий – на 2849, обуви разной – на 1943, прочих предметов – на 520. Общая выработка достигла 12 854 тыс. руб. Наибольших успехов добились Буйский облпотребсоюз (при плане 500 тыс. руб. выработал на 1 731 тыс., или 346 %), Костромской (план 180 тыс. руб., выполнение на 536,9 тыс., или 298,3 %), Ярославский РПС (план 207 тыс. руб., выполнение 629 тыс., или на 303,7 %).

Произошло значительное увеличение и в количестве предприятий, производящих товары широкого потребления, и в числе рабочих на них (табл. 2)³⁹.

Росла не только численность предприятий, но и объем выпускаемой продукции. Эта же тенденция прослеживалась по всем областям и республикам Нечерноземья, разумеется, с учетом тех особенностей, которые имелись в различных регионах.

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны Коммунистической партией и Советским правительством перед потребительской кооперацией были поставлены задачи снабжения продуктами питания и товарами первой необходимости детских учреждений и населения, эвакуированного из прифронтовых районов страны, инвалидов войны и семей фронтовиков, нормированного обеспечения отдельных отрядов сельской интеллигенции и расширения производственной деятельности по производству предметов первой необходимости и сельскохозяйственного инвентаря на базе местного сырья.

Своими решениями они нацеливали кооператоров на экономное расходование централизованных фондов, изыскание внутренних возможностей для обеспечения продовольствием и промышленными товарами детских учреждений, особенно эвакуированных из временно оккупированных территорий, эвакуированного взрослого населения, фронтовиков и их семей, отрядов сельской интеллигенции.

Партийные организации направляли усилия кооператоров на расширение их производственной деятельности на базе местного сырья. Кооператоры на собственных предприятиях изготавливали товары первой необходимости для населения и сельскохозяйственный инвентарь для колхозов и совхозов. Это давало возможность успешнее решать задачи обеспечения нужд населения, колхозов и совхозов товарами первой необходимости, а государственными предприятиями переключить свое производство на непосредственные нужды фронта.

Примечания

¹ Центр документации новейшей истории Государственного архива Ярославской области (ЦДНИ ГАЯО). Ф. 254. Оп. 25. Д. 183. Л. 87.

² Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. 2314. Оп. 1. Д. 136. Л. 80.

³ ГАЯО. Ф. 2314. Оп. 1. Д. 135. Л. 50.

⁴ ГАЯО. Ф. 2314. Оп. 1. Д. 116. Л. 101.

⁵ ГАЯО. Ф. 2314. Оп. 1. Д. 136. Л. 64.

⁶ ЦДНИ ГАЯО. Ф. 272. Оп. 224. Д. 379. Л. 39, 41.

⁷ ГАЯО. Ф. 2314. Оп. 1. Д. 195. Л. 9.

- ⁸ ГАЯО. Ф. 2314. Оп. 1. Д. 174. Л. 11.
⁹ ГАЯО. Ф. 2314. Оп. 1. Д. 116. Л. 108.
¹⁰ ЦДНИ ГАЯО. Ф. 272. Оп. 224. Д. 442. Л. 11, 12.
¹¹ ГАЯО. Ф. 2314. Оп. 1. Д. 189. Л. 23.
¹² ЦДНИ ГАЯО. Ф. 272. Оп. 224. Д. 753. Л. 50.
¹³ ЦДНИ ГАЯО. Ф. 272. Оп. 224. Д. 753. Л. 5.
¹⁴ ЦДНИ ГАЯО. Ф. 272. Оп. 224. Д. 89. Л. 6.
¹⁵ ЦДНИ ГАЯО. Ф. 2543. Оп. 25. Д. 214. Л. 2.
¹⁶ ЦДНИ ГАЯО. Ф. 264. Оп. 3. Д. 18. Л. 8.
¹⁷ ЦДНИ ГАЯО. Ф. 272. Оп. 224. Д. 1136. Л. 16.
¹⁸ ЦДНИ ГАЯО. Ф. 272. Оп. 224. Д. 77. Л. 4, 14.
¹⁹ ЦДНИ ГАЯО. Ф. 272. Оп. 224. Д. 1138. Л. 13, 14.
²⁰ Российский государственный архив экономический (РГАЭ). Ф. 484. Оп. 5. Д. 3131. Л. 43.
²¹ РГАЭ. Ф. 484. Оп. 5. Д. 3022. Л. 43.
²² РГАЭ. Ф. 484. Оп. 5. Д. 3131. Л. 46.
²³ ЦДНИ ГАЯО. Ф. 272. Оп. 224. Д. 1143. Л. 16.
²⁴ ЦДНИ ГАЯО. Ф. 272. Оп. 224. Д. 431. Л. 17, 18.
²⁵ ГАЯО. Ф. 272. Оп. 224. Д. 431. Л. 17.
²⁶ ГАЯО. Ф. 2314. Оп. 1. Д. 135. Л. 5.
²⁷ ГАЯО. Ф. 2314. Оп. 1. Д. 177. Л. 240.
²⁸ ГАЯО. Ф. 2314. Оп. 1. Д. 177. Л. 239.
²⁹ ГАЯО. Ф. 2314. Оп. 1. Д. 177. Л. 276.
³⁰ ГАЯО. Ф. 2314. Оп. 1. Д. 177. Л. 235.
³¹ ГАЯО. Ф. 2314. Оп. 1. Д. 177. Л. 198, 230, 232.
³² ЦДНИ ГАЯО. Ф. 272. Оп. 224. Д. 781. Л. 13.
³³ ЦДНИ ГАЯО. Ф. 272. Оп. 224. Д. 801. Л. 16, 41.
³⁴ ЦДНИ ГАЯО. Ф. 272. Оп. 224. Д. 788. Л. 17.

- ³⁵ ГАЯО. Ф. 2314. Оп. 1. Д. 96. Л. 32.
³⁶ ЦДНИ ГАЯО. Ф. 272. Оп. 224. Д. 1122. Л. 21.
³⁷ ЦДНИ ГАЯО. Ф. 272. Оп. 224. Д. 1092. Л. 29, 30.
³⁸ ГАЯО. Ф. 2314. Оп. 1. Д. 174. Л. 22.
³⁹ ГАЯО. Ф. 2314. Оп. 1. Д. 195. Л. 4.
⁴⁰ ГАЯО. Ф. 2314. Оп. 1. Д. 96. Л. 32

Список литературы

40 лет Советской потребительской кооперации. 1917–1957 гг. М.: Центросоюз РФ, 1957. 244 с.

Климов А.П. Потребительская кооперация в системе развитого социализма. М.: Экономика, 2007. 306 с.

Ярославцы в годы Великой Отечественной войны: сборник документов. Ярославль, 1960. 445 с.

References

40 let Sovetskoj potrebitel'skoj kooperacii [40 years of the Soviet consumers cooperative society], 1957, 244 p. (In Russ.)

Klimov A.I. *Potrebitel'skaja kooperacija v sisteme razvitogo socializma* [Consumers cooperative society in the system of the full-fledged socialism], 306 p. (In Russ.)

Jaroslavcy v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [The Yaroslav people in the years of the Great Patriotic War: collection of documents]. Yaroslavl, 1960. 445 p. (In Russ.)

DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-115-119
УДК 623.45(470.315) "1941/1945"

Щеглова Татьяна Кирилловна
Алтайский государственный педагогический университет
Рыков Алексей Викторович
Алтайский государственный педагогический университет

**ЗНАЧЕНИЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ
В СНАБЖЕНИИ КОЛХОЗНОГО КРЕСТЬЯНСТВА АЛТАЙСКОГО КРАЯ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ:
НА ПРИМЕРЕ ГОНЧАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА И ПРОИЗВОДСТВА ОБУВИ
НА ДЕРЕВЯННОЙ ПОДОШВЕ**

Великая Отечественная война вызвала значительные изменения в системе распределения товаров. Переориентация предприятий на выполнение военных заказов привела к сокращению централизованного производства товаров для населения, в том числе тыловых регионов. В результате большую роль в снабжении сельского населения приобрела потребительская кооперация. В статье анализируются проблемы, с которыми столкнулась потребительская кооперация и предприятия местной промышленности, которые являлись ее основными поставщиками. На примере производства гончарных изделий, а также производства обуви на деревянной подошве выявляются трудности перестройки предприятий в условиях войны. Рассматриваются проблемы взаимодействия предприятий местной промышленности и потребительской кооперации. Авторами делается вывод о том, что главной проблемой перестройки предприятий в условиях войны стала нехватка сырья, а существенным фактором развития – кустарный характер производства. Определенную проблему создавало нежелание предприятий сдавать свою продукцию кооперации по заниженным государственным ценам и ее низкое качество. Следствием этого явилось снижение значения потребительской кооперации и увеличение роли рыночной торговли в снабжении колхозного крестьянства Алтайского края.

Ключевые слова: потребительская кооперация, снабжение, колхозное крестьянство, Алтайский край, Великая Отечественная война, гончарное производство, обувь на деревянной подошве.

Информация об авторах: Щеглова Татьяна Кирилловна, доктор исторических наук профессор, заведующая кафедрой отечественной истории ФГБОУ ВО «Алтайский государственный педагогический университет», г. Барнаул, Россия.

Е-mail: tk_altai@mail.ru

Рыков Алексей Викторович, ассистент кафедры отечественной истории ФГБОУ ВО «Алтайский государственный педагогический университет», г. Барнаул, Россия.

Е-mail: avrykov@bk.ru

Дата поступления статьи: 06.03.2020.

Для цитирования: Щеглова Т.К., Рыков А.В. Значение потребительской кооперации в снабжении колхозного крестьянства Алтайского края в годы Великой Отечественной войны: на примере гончарного производства и производства обуви на деревянной подошве // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 2. С. 115–119. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-115-119.

Tat'yana K. Shcheglova
Altai State Pedagogic University
Aleksey V. Rykov
Altai State Pedagogic University

**THE SIGNIFICANCE OF CONSUMERS COOPERATIVE SOCIETY IN PROVISIONING
OF COLLECTIVE FARM PEASANTRY OF ALTAI LAND IN THE YEARS OF WORLD WAR II:
IN TERMS OF POTTERY AND MANUFACTURE OF WOODEN SOLE BOOTS**

The war between Nazi Germany and the USSR caused drastic changes in the Soviet system of distribution of goods. Reorientation of factories on military contracts led to diminishing of the centralised production of goods for consumers in rear areas. As a result, consumers cooperative society started to play an important role. The article considers the problems of consumers cooperative society and local enterprises which were its major suppliers. Through the example of pottery and manufacture of wooden sole boots difficulties of reorganisation of enterprises in the context of war are revealed. The problems of interaction of local enterprises and consumers cooperative society are considered. In conclusion, the author points out that the major problem of reorganisation of enterprises in the context of war was the shortage of raw materials and the significant factor of development was hand-crafted character of manufacturing. A certain problem was created by the reluctance of enterprises to deliver their production at artificially low state prices and its poor quality. The consequence of that was the decrease of significance of consumers cooperative society and the increase of the ratio of market trade in provisioning of collective farm peasantry.

Keywords: consumers cooperative society, provisioning, collective farm peasantry, Altai Land, World War II, pottery, wooden sole boots.

Information about the authors: Tat'yana K. Shcheglova, Doctor of Historical Sciences, Professor, the head of Russian history chair of Altai State Pedagogic University, Barnaul, Russia.

E-mail: tk_altai@mail.ru

Aleksey V. Rykov, assistant of Russian history chair of Altai State Pedagogic University, Barnaul, Russia.

E-mail: avrykov@bk.ru

Article received: March 06, 2020.

For citation: Shcheglova T.K., Rykov A.V. The significance of consumers cooperative society in provisioning of collective farm peasantry of Altai land in the years of World War II: in terms of pottery and manufacture of wooden sole boots. *Vestnik of Kostroma State University*, 2020, vol. 26, № 2, pp. 115–119 (In Russ.). DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-115-119.

Начало Великой Отечественной войны оказало большое влияние на систему распределения товаров в СССР в связи с изменениями в промышленности. Промышленные предприятия были переориентированы на выпуск продукции военного назначения. Часть промышленности оказалась на оккупированной территории. В результате снизилось производство промышленной продукции для нужд населения. Если в 1940 г. в стране было выработано 4,0 млрд. м. хлопчатобумажных тканей, то в 1942 г. – лишь 1,6 млрд. м.; кожаной обуви – соответственно 212 и 52,7 млн. пар, сахарного песка – 2165 и 114 тыс. т. [Любимов: 14]. В этих условиях для нужд тыла выделялось очень малое количество товаров, что можно проследить по снижению централизованных рыночных фондов товаров для личного потребления. В 1942 г., по сравнению с 1940 г., эти фонды сократились: по мясным продуктам – в 2,8 раза, сахару – в 6,6, хлопчатобумажным тканям – в 12, швейным изделиям – в 8,5, кож. обуви – в 11,1, чулочно-носочным изделиям – в 6 [История советского крестьянства: 354].

В Алтайском крае также сократились фонды продовольственных товаров. Фонды по мясу в Алтайском крае к 1942 г. по сравнению с 1939 г. сократились в 4,3 раза, рыбе – в 13,3 раза, сахару – в 10,3 раза (см. табл. 1). К 1944 г. ситуация с фондами продовольственных товаров в крае несколько улучшилась. По мясу, животным и растительным жирам объемы фондов практически достигли довоенных показателей. При этом по рыбе и сахару они выросли незначительно.

Снабжение сельского населения непродовольственными товарами в годы войны возлагалось преимущественно на потребительскую кооперацию. Нормы и периодичность продажи определялись местными советскими и кооперативными органами в зависимости от наличия розничного товарного фонда [Крестьянство Сибири: 172]. Потребительская кооперация занимала значительную

долю в общем розничном товарообороте в Алтайском крае. Несмотря на сокращение общего объема розничного товарооборота в сети крайпотребсоюза с 1939 по 1945 гг. на 64,9%, доля в общем объеме розничной торговли сократилась с 50,1% в 1939 г. до 39,6% в 1945 г. (см. табл. 2).

В условиях сокращения завоза товаров из центральной части СССР большая роль государством возлагалась на местную и кооперативную промышленность. Они должны были изготавливать товары широкого потребления из местного сырья. Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 07.01.1941 г. подчеркивалось, что местные органы власти и торгующие организации ориентировались на ввоз сырья из других регионов страны при наличии возможностей производства многих наименований у себя за счет развития местной промышленности¹. С началом войны, в условиях нехватки централизованных ресурсов, производство товаров широкого потребления стало перекладываться на предприятия местной промышленности.

За 1943–1944 гг. предприятиями местных торгов было выпущено промтоваров широкого потребления на 11755 тыс. руб., а предприятиями потребкооперации на 25651 тыс. руб.² Даже к концу войны доля товаров местной промышленности в общем товарообороте была небольшой. В 1944 г. доля этих товаров в розничном товарообороте потребительской кооперации Алтайского края составляла всего 0,58%. К 1945 г. она увеличилась, но составляла лишь 2,35%³.

Обустройство новых производств в местной промышленности, переход на местное сырье происходил в военное время и был осложнен многими проблемами. Основными источниками продукции для потребительской кооперации являлись предприятия управления промкооперации, крайместпрома и крайкоопинсоюза. Потребкооперация получала товары от местной промышленности в объемах, значительно меньше плановых. В 1945 г. потребкооперация получила от управления промко-

Таблица 1
Фонды продовольственных товаров по Алтайскому краю (1939–1944 гг.) (в тоннах)

	Мясо	Рыба	Жиры животн.	Жиры растит.	Сахар
1939	5245	22900	1400	1240	16770
1942	1215	1716	480	520	1625
1944	4200	2300	1290	885	1670

Составлено по: ГААК. Ф. Р-926. Оп. 1. Д. 1. Л. 10.

Розничный товарооборот в Алтайском крае в 1939–1946 гг.

Отчетный период	Розничный товарооборот		
	Всего по краю	В том числе	
		Организации министерства торговли	Крайпотребсоюз
1939	1150657	291277	576669
1940	1030842	259221	507251
1941	1090057	340834	485467
1942	711339	266681	345671
1943	723032	197243	282457
1944	766978	196221	300173
1945	945164	224848	374267
1946	1394179	510388	442355

Сост. по: ГААК. Ф. Р-926. Оп. 1. Д. 1. Л. 6.

операции 37,6% трикотажа, 58,3% валенок, 13,8% чулок-носок, 28% скобяных изделий, 57% замков и ряд других товаров. Ни по одному из наименований товаров установленный план не был выполнен. По ряду товаров, таких как ножи, ложки металлические, железные лопаты, и ряду других ничего не было поставлено⁴. В свою очередь, крайместпром в 1945 г. по ряду наименований перевыполнил план поставок: 190% от плана металлических ложек, 173% деревянных ложек, 164% головных уборов, 327,3% пуговиц и 1861% валенок. По ряду наименований крайместпром поставленный объем поставок не выполнил. Трикотажа было поставлено 73,2% от плана, чулочно-носочных изделий – 78%, скобяных изделий – 14%, хозяйственных веревок – 59%, гребней и расчесок – 10%⁵.

Проблемы касались и поставок от крайкоопинсоюза. Ни по одному из наименований продукции поставленный план не был выполнен. Было поставлено 51,2% от плана изготовления трикотажа, 20,7% валенок, 22,6% скобяных изделий. По ряду наименований не было ничего поставлено: чулки-носки, гребни, расчески, пуговицы⁶.

Главной причиной данной ситуации стало состояние производства на самих предприятиях малой промышленности. Они не смогли оперативно перестроиться к условиям военного времени. Это можно проиллюстрировать на примере организации производства гончарных изделий и обуви на деревянной подошве. За 5 месяцев 1943 г. годовой план производства гончарных изделий был выполнен крайместпромом на 25,7%, промкооперацией – на 28%, коопинсоюзом – на 22,1%. Производство гончарной посуды не было механизировано, в результате чего она производилась кустарным способом⁷. Проблемы возникли при освоении технологии производства обуви на деревянной подошве, которая была призвана восполнить недостаток производства обычной обуви. На 2 квартал 1942 г. Барнаулторгу, Алтайторгу, Военторгу и Спецторгу был доведен план выпуска 25 тыс. пар обуви

на деревянной подошве. Из-за отсутствия у местных торгов специалистов-деревобделочников и инструмента для массовой выработки подошвы выпуск обуви план так и не был осуществлен⁸. К концу войны выпуск обуви на деревянной подошве был налажен, но планы систематически не выполнялись. В 1943 г. при общем годовом плане в 144 тыс. пар обуви на деревянной подошве всеми производящими организациями за 10 месяцев года было выработано 47226 пар – 39,3% плана. При этом «выработанная обувь на деревянной подошве по своему оформлению и качеству стояла на очень низком уровне»⁹.

Кроме проблем с производством, в годы войны возникали сложности с взаимодействием предприятий местной промышленности и потребительской кооперации, которая должна была их реализовывать. В ряде случаев поставщики отказывались от заключения договоров с потребкооперацией. Это было связано с нежеланием предприятий поставлять свою продукцию по заниженным установленным государственным ценам. Вместо этого для получения прибыли они стремились реализовать свою продукцию через продажу непосредственным потребителям. Артель «Красная звезда» управления промкооперации в Завьяловском районе продала непосредственно колхозам до 70 тыс. шт. кирпичей. Райпищепром того же района выработал 80 кг хозяйственного мыла к октябрьским торжествам и продал его населению непосредственно со склада¹⁰.

Предприятия местной промышленности допускали большое количество брака при производстве промышленных товаров. В результате райпотребсоюзы были вынуждены возвращать некачественный товар обратно на предприятия. Белоглазовский райпромкомбинат в декабре 1945 г. сдал райпотребсоюзу 30 тыс. пар мужских шерстяных носков ручной вязки по цене 32 руб. из непромытой шерсти, толстой и грубой пряжи и несоответствующие установленной форме¹¹.

В течение войны потребительская кооперация не смогла осуществить переход на производство продукции из местного сырья. Годовой план 1944 г. производства товаров широкого потребления из централизованного сырья был выполнен на 103,6%, а из местного сырья – только на 76,1%. Товары широкого потребления из местного сырья в общей производственной программе по Алтайскому краю на 1944 г. занимали всего 28,7%¹².

Основу товарооборота потребительской кооперации края в годы Великой Отечественной войны составляли централизованные товары, удельный вес которых по итогам 1944 г. занимал до 85%. Основу общего товарооборота занимали водка и прочие алкогольные напитки, а также хлеб и хлебопродукты. По итогам 1944 г. доля водки и прочих алкогольных напитков составляла до 40%, а хлеба и хлебопродуктов – до 12%. Продукты первой необходимости занимали незначительную долю. На 1944 г. доля хозяйственного мыла составляла – 1,6%, керосина – 1,3%, чая – 0,9%, соли – 3,6%, спичек – 4,2%, овощей – 0,3%, кожаной обуви – 3,8%¹³.

Во время войны кооперация частично удовлетворяла запросы крестьянского населения. Рост розничного товарооборота кооперации в годы войны в абсолютном выражении составлял для крестьянского двора очень малый объем товаров. За один месяц первого полугодия 1943 г. на каждое из обследованных 10323 крестьянских хозяйств страны по линии кооперации было приобретено 8,6 кг зерновых (включая овес бобовые, кукурузу и пр.), 0,4 кг картофеля и овощей, 0,02 кг масла растительного, 2,7 кг мяса и сала (включая сбой), 0,56 кг молочных продуктов (включая пахту и сыворожку), 0,03 кг сахара, 0,05 кг кондитерских изделий, 26 г чая, 1,4 кг соли, 2,8 коробки спичек, 0,5 л водки и т. д. Если иметь в виду месячную норму одного человека, то эти данные нужно уменьшить примерно в 5 раз [Анисков 1993: 133–134].

Негативное влияние оказало и сокращение сети магазинов и ларьков потребительской кооперации Алтайского края. Если на 1940 г. краевая потребительская кооперация располагала 3471 магазином и 556 ларьками, то на 1 июня 1945 г. в ее распоряжении оставались только 1790 магазинов и 205 ларьков¹⁴. За годы войны торговая сеть потребительской кооперации сократилась в 2 раза. В результате доступ сельского населения к товарам первой необходимости значительно затруднился. В сельских магазинах ряда районов по несколько месяцев отсутствовали некоторые товары. Так, Тальменский райпотребсоюз на протяжении первого квартала 1944 г. не имел в продаже соли и спичек¹⁵. При этом, как отмечает В.Т. Анисков, значительная часть фондов потребительской кооперации уходила на стимулирование заготовок сельскохозяйственной продукции и снабжения детей и инвалидов. По его данным в 1943 г. по стране на эти цели было использовано

40% общего рыночного фонда потребительской кооперации, в 1944 г. – 50%, а в 1945 г. – 80% [Анисков 2003: 372].

В результате сокращения централизованных рыночных фондов значительный объем снабжения сельского населения лег на потребительскую кооперацию. Основным источником промышленных и продовольственных товаров для нее стали предприятия местной промышленности. Начавшийся процесс перехода предприятий на местное сырье был продолжен во время войны, но трудности военного времени не позволили его полноценно завершить. В результате основу оборота продолжали составлять централизованные товары, значение потребительской кооперации для удовлетворения потребностей крестьян падало. Следствием негативных процессов в кооперации стало увеличение роли рыночной торговли как источника продовольственных и непродовольственных товаров для сельского населения.

Примечания

¹ Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) 7 января 1941 г. «О мероприятиях по увеличению производства товаров широкого потребления и продовольствия из местного сырья» // Правда. 1941. 12 января.

² Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. Р-926. Оп. 1. Д. 1. Л. 7.

³ ГААК. Ф. Р-844. Оп. 1. Д. 248. Л. 75.

⁴ ГААК. Ф. Р-844. Оп. 1. Д. 248. Л. 75-75об.

⁵ ГААК. Ф. Р-844. Оп. 1. Д. 248. Л. 75об.

⁶ ГААК. Ф. Р-844. Оп. 1. Д. 248. Л. 76.

⁷ ГААК. Ф. Р-926. Оп. 1. Д. 3. Л. 133.

⁸ ГААК. Ф. Р-926. Оп. 1. Д. 2. Л. 71.

⁹ ГААК. Ф. Р-926. Оп. 1. Д. 3. Л. 19.

¹⁰ ГААК. Ф. Р-844. Оп. 1. Д. 248. Л. 77об.

¹¹ ГААК. Ф. Р-844. Оп. 1. Д. 248. Л. 77.

¹² ГААК. Ф. П-1. Оп. 18. Д. 804. Л. 6.

¹³ ГААК. Ф. П-1. Оп. 18. Д. 804. Л. 2.

¹⁴ ГААК. Ф. П-1. Оп. 18. Д. 804. Л. 135.

¹⁵ ГААК. Ф. П-1. Оп. 18. Д. 804. Л. 3.

Список литературы

Анисков В.Т. Жертвенный подвиг деревни: Крестьянство Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 1993. 245 с.

Анисков В.Т. Крестьянство против фашизма, 1941-1945: История и психология подвига. М.: Памятники исторической мысли, 2003. 500 с.

История советского крестьянства: в 5 т. Т. 3. / гл. ред. В.П. Шерстобитов. М.: Наука, 1986. 447 с.

Крестьянство Сибири в период упрочения и развития социализма / отв. Ред. В.Т. Анисков. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1985. 398 с.

Любимов А.В. Торговля и снабжение в годы Великой Отечественной войны. М.: Экономика, 1968. 231 с.

References

Aniskov V.T. *Zhertvennyi podvig derevni: Krest'ianstvo Sibiri v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [The sacrificial feat of the village: the Peasantry of Siberia during the Great Patriotic War]. Novosibirsk, 1993, 245 p. (In Russ.)

Aniskov V.T. *Krest'ianstvo protiv fashizma, 1941–1945: Istoriia i psikhologiya podviga* [The peasantry against fascism, 1941–1945: History and psychology of the feat]. Moscow, Monuments of historical thought Publ., 2003, 500 p. (In Russ.)

Istoriia sovetskogo krest'ianstva: v 5 t. T. 3. [The history of the Soviet peasantry], ed. by V.P. Sherstobitov and etc. Moscow, Science Publ., 1986, 437 p. (In Russ.)

Krest'ianstvo Sibiri v period uprocheniia i razvitiia sotsializma [The peasantry of Siberia during the consolidation and development of socialism], ed. by V.T. Aniskov and etc. Novosibirsk, Science. Siberian branch Publ., 1985. 398 p. (In Russ.)

Lyubimov A.V. *Torgovlia i snabzhenie v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Trade and supply during the Great Patriotic War]. Moscow, Economics Publ., 1968, 231 p. (In Russ.)

**ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЮВЕЛИРНЫХ АРТЕЛЕЙ
ВЕРХНЕВОЛЖСКОГО РЕГИОНА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Деятельность ювелирно-художественных артелей в годы Великой Отечественной войны практически не освещена в советской историографии из-за специфики данной отрасли. В предлагаемой статье анализируется изменение состава продукции ювелирных артелей Верхнего Поволжья в период 1941–1945 гг. Рассматривается вклад артелей в снабжение Красной Армии вещевым имуществом. Особое внимание уделяется обеспечению мирного населения такими специфическими товарами, как ювелирно-художественные изделия. Для изучения данного вопроса были привлечены малоизученные архивные источники; некоторые из них были рассекречены лишь недавно. Автор статьи доказывает, что в целом продукцию ювелирных артелей Верхневолжского региона в годы Великой Отечественной войны можно разделить на несколько групп: предметы, продолжавшие традицию местных художественных промыслов: ювелирно-художественные изделия (серьги, броши, портсигары, отделочные пуговицы и т.п.); металлическая галантерея: металлическая посуда, крючки и петли на одежду и т. п.; изделия военного назначения: знаки отличия и пуговицы для военной формы, детали для противогазов и парашютов, медико-санитарное оборудование.

Ключевые слова: артели, ювелирно-художественные изделия, военная продукция, Великая Отечественная война, Верхневолжский регион.

Информация об авторе: Камыгина Галина Антоновна, Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник; Красносельский музей ювелирного и народно-прикладного искусства, пгт. Красное-на-Волге, Костромская область, Россия.

E-mail: gkamygina@mail.ru

Дата поступления статьи: 02.03.2020.

Для цитирования: Камыгина Г.А. Производственная деятельность ювелирных артелей Верхневолжского региона в годы Великой Отечественной войны // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 2. С. 120–125. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-120-125.

Galina A. Kamygina
Museum of jewellery and folk-applied art in Krasnoye-na-Volge

**PRODUCTION ACTIVITY JEWELLERY ARTELS
OF THE UPPER VOLGA REGION DURING THE SECOND WORLD WAR**

The activity of jewellery and art artels during the War is almost not covered in Soviet historiography because of the specifics of this industry. The proposed article analyses the change in the composition of jewellery artels of the Upper Volga region in the period of 1941-1945. The contribution of cooperatives to the supply of clothing to the Red Army is examined. Particular attention is paid to providing civilians with such specific goods as jewellery and art products. To study this issue, little-studied archival sources were used; some of them were declassified only recently. In general, the products of jewellery cooperatives of the Upper Volga region during World War II can be divided into several groups: 1. Items that continued the tradition of local art crafts: jewellery and art products (earrings, brooches, cigarette cases, decoration buttons, etc.) 2. Metal haberdashery: metal dishes, metal pads on bags and briefcases, etc. 3. Military products: insignia and buttons for military uniforms, parts for gas masks and parachutes, medical equipment.

Keyword: artels, jewellery, military products, World War II, Upper-Volga region.

Information about the author: Galina A. Kamygina, Kostroma State Historical, Architectural and Artistic Museum-Reserve; Museum of jewellery and folk-applied art, urban settlement of Krasnoye-na-Volge, Krasnoselsky district, Kostroma Region, Russia.

E-mail: gkamygina@mail.ru

Article received: March 02, 2020.

For citation: Kamygina G.A. Production activity jewellery artels of the Upper Volga region during the Second World war. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 2, pp. 120–125 (In Russ.). DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-120-125.

Начало Великой Отечественной войны потребовало перестройки уклада жизни всего советского народа. Транспорт, сельское хозяйство, все отрасли промышленности были направлены на создание вооружения и боевой техники, обмундирования, вещевого имущества для Красной Армии. Кроме того, необходимо было обеспечить товарами широкого потребления мирное население [Промысловая кооперация: 1]. Для выполнения поставленной задачи была привлечена и кооперативная промышленность, в том числе артели, выпускавшие такую специфическую продукцию, как ювелирно-художественные изделия [Павлова: 4].

На территории Верхневолжского региона существовало несколько предприятий, выпускавших подобную продукцию. Большинство кооперативов, выпускавших ювелирные украшения, располагалось вблизи Костромы, а также в красносельской округе Ярославской области и было объединено в Красносельский ювелирно-художественный союз. В пос. Мстера (ныне Владимирская обл.) располагалась артель им. Молотова, выросшая из фабрики, выпускавшей до 1917 г. серебряные оклады и переориентировавшейся в 20–30 гг. XX в. на выработку художественной посуды: подстаканников, чайных и кофейных ложек, пудрениц и прочее. Самыми молодыми ювелирными артелями в 30-е гг. стали «Красная Пресня» и ее филиал «Путь октября», организованные в городах Приволжск и Плес Ивановской области.

Наиболее широким ассортиментом продукции славились ювелиры Красносельского ювелирно-художественного союза. По всей стране расходились женские и детские украшения, предметы сервировки стола, аксессуары одежды, портсигары и т. д. [Уткина: 83].

В Приволжске и Плесе существовала несколько другая специализация. Там, в основном, выпускали мелкую металлическую фурнитуру, стрелки для часов, ткацкие пружины, прессованные камни из цветного стекла, имевшие хороший сбыт в Москве и Ленинграде [Кузьмичев: 15].

В первой половине 1941 г. продукция в ювелирных артелях еще выпускалась по довоенным договорам. В Красном мастера продолжали выра-

батывать дамские пряжки, серебряные портсигары и подстаканники, выполненные в технике скани, серебряные брошки и медную бортовую цепь¹. В Приволжске за 1941 г. было выпущено ювелирных изделий на сумму 395915 руб.²

С первых дней войны ювелирные артели перешли на заказы для Красной Армии [Красносельский Ювелирпром: 9]. Быстрой адаптации ювелирно-художественных кооперативов к новым условиям способствовало то, что на предприятиях существовало оборудование по обработке мелких металлических изделий, а мастера имели специфические трудовые навыки.

Уже в 1941 г. в Приволжск пришел большой заказ на продукцию «точная механика» (стрелки к часам и приборам для фронта), на металлические пуговицы. Для их изготовления применяли поковочное железо, а поскольку оборудование в «Красной Пресне» было маломощное, уполномоченный управления промкооперации предложил обратиться к ювелирным кооперативам Красносельского района, имеющим прокатные станки для обработки железа³.

Артели Красносельского района делали звездочки для шапок и фуражек, покрытые эмалью, знаки отличия для бойцов [Камыгина: 45]. Выпускалось большое количество металлических пуговиц для военной формы с изображением пятиконечной звезды, серпа и молота (рис. 1).

Знакомыми для красносельских мастеров были и процессы изготовления посуды, для выработки которой существовало необходимое оборудование. Однако война внесла свои коррективы. В списках продукции появились железные ведра, бадьи, формы для выпечки хлеба.

Для ювелиров Приволжска выработка металлической посуды была незнакомой. Да и оборудование «Красной Пресни» было рассчитано только на изготовление мелких изделий. Поэтому для выпуска солдатских кружек, заказ на которые пришел в 1942 г., использовали банки из-под консервов, имеющиеся в округе⁴.

В январе 1942 г. СНК СССР указал на необходимость резкого увеличения выпуска товаров широкого потребления, рассматривая эту деятельность как непосредственную помощь фронту.

Рис. 1. Металлические пуговицы для военной формы.

Коллекция красносельского музея ювелирного и народно-прикладного искусства

Управление промысловой кооперацией при СНК РСФСР в своем приказе от 9 января разъяснял председателям областных и краевых исполкомов, что местная промышленность и промкооперация в условиях военного времени, наряду с выполнением оборонных заказов, являются главной базой производства товаров широкого потребления [Промысловая кооперация: 3–4].

28 апреля 1942 г. оргбюро Ивановского облмногопромсоюза потребовало возобновить производство в артели «Красная Пресня» брошек и пуговиц из имеющихся ювелирных камней. Видимо, эту продукцию выполняли из довоенных запасов сырья и полуфабрикатов, так как в отчете артели за 1942 г. есть данные о реализации ювелирной продукции, но сведений о её производстве уже нет⁵.

В Красном 29 апреля 1942 г. было проведено заседание исполкома райсовета и райкома ВКП(б), посвященное возобновлению данного вида производства. В итоге было принято постановление о восстановлении выработки ювелирно-художественных изделий и об организации в с. Красном краткосрочных курсов по подготовке гальваников, инструментальщиков и мастеров других ювелирных специальностей⁶.

В письме к артели «Красный кустарь» от 15 апреля 1942 г. Московская оптовая база Ювелирторга, эвакуированная в Ташкент, настойчиво напоминала о необходимости выслать товары в счет договора прошлого года: серьги «Звездочка», броши «Голубь», портсигары филигранные и браслеты для часов⁷. Казалось бы, странно было напоминать о ювелирных украшениях в самые тяжелые месяцы войны. Но подобная продукция имела и серьезное культурное значение. По воспоминаниям ветеранов, в годы войны сканские портсигары служили наградными предметами для красноармейцев [Потепалов: 2]. Немалую роль в сохранении художественного уровня красносельских изделий сыграл А.И. Удалов, назначенный художественным руководителем Красносельского ювелирного союза [Бузин: 105].

Трудности в производстве ювелирно-художественных изделий вызвали суровые предупреждения со стороны исполнительного комитета Ярославского областного совета депутатов трудящихся. Руководство области отмечало, что «председатель Красносельского райисполкома т. Васильев до сих пор

не понял государственного значения восстановления работы ювелирных промколхозов» и обязал под его личную ответственность «принять меры, обеспечивающие полное выполнение программы промколхозами по ювелирным изделиям»⁸.

Наиболее активная трансформация выпускаемой продукции среди ювелирных кооперативов региона произошла в мастерской артели им. Молотова. До войны мастера Мстёры вырабатывали художественную посуду [Бардина: 38]. Именно это предприятие стало выпускать продукцию военного назначения уже в конце 1941 г. Связано это было, в основном, с тем, что в данной артели имелось довольно мощное оборудование.

Интересно проследить, насколько стремительно мастера Мстёры переходили на выпуск новых, неизвестных для них изделий. Так, согласно постановлению Президиума Облпромсовета от 28 декабря 1941 г., на артель им. Молотова было возложено задание по изготовлению металлической арматуры к парашютам и противогазам. Размеры и другие параметры деталей были мастерам неизвестны; кроме того, не было соответствующих приспособлений. В связи с этим были срочно запрошены чертежи в г. Иваново, которые были высланы в Мстёру 6 января 1942 г.

Мастера предприятия смогли в короткие сроки подготовить специальные приспособления для выработки соответствующих деталей и уже во втором квартале 1942 г. оборудование мстёрской артели было сплошь загружено военными заданиями. В частности, вырабатывались клапана и очковые обоймы к противогазу типа «ГП-1»⁹.

Спустя несколько месяцев военных действий, в связи с появлением большого количества раненых, в СССР возникла потребность в продукции медико-санитарного назначения. Мастера ювелирных артелей начали активно выпускать металлические детали к санитарным носилкам, хозяйственный инвентарь для обеспечения госпиталей. За май 1942 г. мстёрцы выпустили: ложек разливных – 500 шт., столовых, чайных – по 7500 шт.¹⁰ Промартели Красносельской округи в это время также активно занимались промышленной выработкой металлической галантереи, посуды.

Возрождение производства собственно ювелирных украшений началось с весны 1943 г. На этот процесс оказало большое влияние постановление

Рис. 2. Ювелирные изделия 40-х гг. артели «Красная Пресня». Коллекция музея ЗАО «Красная Пресня»

Таблица 1

Цены на продукцию артели «Красная Пресня» 1943–1944 гг.

Серьги детские медные посеребренные	5 р. 20 коп за пару
Пуговицы жестяные с одним камнем	77 коп.
Пряжка железная к ручным часам	1 р. 50 коп
Камни без фольги за 1000 шт.	157 р. 16 коп.
Камни, покрытые фольгой – за 1000 шт.	206 р. 11 коп.
Кольца медные посеребренные с камнями	от 2 р. 50 к. до 6 р. за шт.
Серьги медные посеребренные	от 5 до 7 руб. за пару.
Пуговица медная посеребренная отделочная с камнями	4 р.
Пряжка отделочная медная посеребренная с камнями	20 руб. за шт.

СНК РСФСР от 07.02.1943 № 128 «О мероприятиях по восстановлению и развитию народных художественных промыслов в РСФСР»¹¹.

В Приволжье, наряду с металлической солдатской пуговицей, вновь стали выпускать ювелирные изделия, отделочные пуговицы с россыпью мелких прессованных камешков. Трогательно звучат названия украшений, которые могли тогда покупать жители страны: серьги детские медные посеребренные, кольцо из меди посеребренное, пуговицы жестяные с одним камнем, пряжка железная к ручным часам и т. п. (рис. 2).

Отпускная цена на перечисленные изделия утверждалась специальными Распоряжениями Облсоветов. Так, по распоряжениям 1943–1944 гг., были утверждены следующие цены на продукцию артели «Красная Пресня»¹² (табл. 1).

В январе 1943 г. на объединенном заседании Красносельского РК и Исполкома райсовета было принято постановление, где намечался целый комплекс мер по поддержке народного промысла. В постановлении предусматривалось составление списков квалифицированных мастеров, налаживание тесной связи с НИИХП по вопросам развития современного ювелирного производства и выпуска высокохудожественных изделий. По каждому промколхозу предусматривалось восстановление витрины выпускаемой продукции. Председателя промколхоза «Красный кустарь» т. Андреева было решено обязать обеспечить плавку серебра для всех промколхозов района; провести конкурсы художников промколхозов на разработку лучшего

рисунка к выпускаемым изделиям¹³. В результате проведенной работы ювелирные предприятия района выпускали довольно разнообразный ассортимент продукции. Это были серебряные браслеты и кольца разных видов, кулоны. Сырье артелям Красносельского художественного союза присылал Союзювелирторг.

Значительно расширяется список продукции с 1943 г. и в мстёрской артели, хотя она в тот момент не входила в состав специализированных художественных союзов. По плану поставки вещевого имущества для Красной Армии к уже выпускаемой продукции предприятия добавились ведра и бидоны для горючего, котелки, пряжки, пластины для лыж, детали для телефонных катушек. Согласно приказам уполномоченного по промкооперации Ивановской области на 1–3 квартал 1943 г. артель им. Молотова должна была изготовить, например: солдатских котелков 8000 шт.; шины Дитерикса 1000 шт.; детали для противогозов 50 000 пар¹⁴.

В 1944 г. наблюдается значительное изменение ассортимента в пользу гражданской продукции. В Красном одну из артелей, «Металлист», местные жители даже называли между собой «Гвоздилка», так как основной продукцией в 1943–1944 гг. были пуговицы, гвозди, пряжки. Ювелирные украшения, вырабатываемые в красносельских артелях того времени, в отчетах скромно называли «Культпромышленность». Это были дешевые, выполненные из меди со стеклянными вставками, серьги «калачи», броши «голубь», супиры, броши «червячок» и пр. (рис. 3).

Рис. 3. Ювелирные изделия 1940-х гг.
 а – брошь «червячок»; б – серьги «калачи». Коллекция красносельского музея ювелирного и народно-прикладного искусства.
 в – кольцо-супир. Коллекция музея ЗАО «Красная Пресня»

Приволжские мастера реконструировали в 1944 г. стеклоплавильную печь и вновь активно занялись выработкой отделочных пуговиц и ювелирной продукции с осью мелких пресованных камешков¹⁵.

Согласно распоряжению по Ивановскому областному Металлпромсоюзу, артель им. Молотова стала переходить на выпуск сугубо гражданской продукции: пряжки для шаровар, шорно-сапожный инструмент, сельхозинвентарь¹⁶.

С 1945 г. вновь встречаются упоминания о предметах, в изготовлении которых применялось золото: мельхиоровых, позолоченных внутри стопках, медных позолоченных сканных брошах. Промколхоз им. Молотова Красносельского ювелирно-художественного союза в первом квартале выпустил серебряные золоченые кольца на 144 тыс. руб., промколхоз «Красный крестьянин» за этот же период выпустил 718 шт. позолоченных серебряных цепей¹⁷. Мастера Мстёры изготовили серебряную с позолотой брошь, изображающую цветок ромашки, а к октябрю 1945 г. уже сделали шкатулку из мельхиора, покрытую серебром, с тонкой чеканкой со сценами из басен Крылова [Аброскин: 4].

Довольно быстрому возвращению к производству ювелирных украшений способствовал тот фактор, что в артелях продолжили работу старые опытные мастера. Они либо не подлежали призыву на фронт в силу возраста, либо вернулись с фронта после ранения.

По данным региональных архивов можно проследить довольно необычную ситуацию. Ювелирные артели Верхневолжского региона, выпускавшие в довоенный период специфическую, сугубо мирную продукцию, с первых месяцев войны включились в работу по обеспечению Красной Армии вещевым имуществом. Одновременно с военными заказами в отдельных артелях продолжался выпуск ювелирно-художественных изделий. Несмотря на тяжелые военные годы, мирное население страны обеспечивалось доступными украшениями, выполненными из дешевых материалов.

Примечания

¹ Государственный архив новейшей истории Костромской области (ГАНИКО). Ф-21. Оп. 1. Ед.хр. 455. Л. 59–60.

² Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Р-240. Оп. 1. Д. 14. Л. 4.

³ Там же. Д. 19. Л. 12.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Д. 21. Л. 7.

⁶ ГАНИКО. Ф. п-21, Оп. 1. Ед. хр. 519. Л. 18.

⁷ Государственный архив Костромской области (ГАКО), Ф. 1969. Оп. 4. Д. 1. Л. 16.

⁸ Там же. Л. 4

⁹ ГАИО. Ф. Р-2183. Оп. 1. Д. 12. Л. 27.

¹⁰ Там же. Л. 95

¹¹ Постановление СНК РСФСР от 07.02.1943 № 128 «О мероприятиях по восстановлению и развитию народных художественных промыслов в РСФСР» // КонсультантПлюс: справ. правовая система. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=ESU&dst=100001&n=27706&req=doc#06502508565653158> (дата обращения 25.12.2019)

¹² ГАИО. Ф. Р-2183. Оп. 1. Д. 22 .

¹³ ГАКО. Ф-1972. Оп. 1. Д. 144 .

¹⁴ ГАИО. Ф. Р-2183. Оп. 1. Д. 19-20.

¹⁵ ГАИО. Р-240. Оп. 1. Д. 22. Л. 49

¹⁶ ГАИО. Ф. Р-2183. Оп. 1. Д. 24.

¹⁷ ГАКО. Ф-1972. Оп. 1. Д. 146. Л. 7–35.

Список литературы

Аброскин Н. Возрожденное мастерство // Призыв. 1945. 28 октября

Бужин А.И. Красносельские художники-ювелиры. Кострома: Изд-во КГПИ, 1997. 260 с.

Бардина Р.А. Художественные промыслы Владимирской области. Ярославль: Верхне-волжское кн. изд-во, 1975. 112 с.

Камыгина Г.А. Перестройка работы ювелирных артелей Ярославской и Ивановской областей в условиях военного времени // Материалы международной научно-практической конференции «Россия в зеркале военной истории». Кострома: 2015. С. 43–47

Кузьмичев Л.А. Приволжские ювелиры. Иваново: Ивановская газета, 2002. 192 с.

Красносельский Ювелирпром. 100 лет. 100 фактов. История успеха / сост. В. Брынчак. Издание ПАО Красносельский Ювелирпром, 2019. 68 с.

Павлова Е. Труженики тыла // Красное Приволжье. 1991. 23 апреля.

Потепалов А. Старые мастера: из истории родного края // Красное Приволжье. 1989. 17 августа.

Уткина А.С. Красносельская скань: история появления и организация производства в первой половине XX века // Музейный хронограф: сб. науч. трудов Костром. Музея-заповедника; под ред. И.С. Наградова: Кострома, Салон печати GUT, 2010. С. 77–84.

Промысловая кооперация Горьковской и Кировской областей в годы войны // Военно-исторический журнал. <http://history.milportal.ru/promyslovaya-kooperaciya-gorkovskoj-i-kirovskoj-oblastej-v-gody-voyny> (дата обращения 10.01.2020).

References

Abroskin N. *Vozrozhdennoe masterstvo. Prizyv*. [Restored Mastery. The call] 1945, 28 okt. (In Russ.)

Buzin A.I. *Krasnosel'skie hudozhniki-juveliry* [Krasnoselsky jewelers]. Kostroma, KGPI Publ., 1997, 260 p. (In Russ.)

Bardina R. A. *Hudozhestvennye promysly Vladimirskoj oblasti* [Art crafts of the Vladimir

region]. Jaroslavl', Verhne-volzhscoe Publ., 1975, 112 p. (In Russ.)

Kamygina G.A. *Perestrojka raboty juvelirnyh artelej Jaroslavskoj i Ivanovskoj oblastej v uslovijah voennogo vremeni*. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Rossija v zerkale voennoj istorii» [The restructuring of jewelry artels of the Jaroslavl and Ivanovo regions in wartime. Materials of the international scientific-practical conference “Russia in the mirror of military history”]. Kostroma, 2015, pp. 43–47. (In Russ.)

Kuz'michev L.A. *Privolzhskie juveliry* [Volga jewelers]. Ivanovo Publ., 2002, 192 p. (In Russ.)

Krasnosel'skij Juvelirprom. 100 let. 100 faktov. Istorija uspeha [Krasnoselsky Jeweler. 100 years. 100 facts. History of success]. red. V. Brynchak. PAO Krasnosel'skij Juvelirprom Publ., 2019, 68 p. (In Russ.)

Pavlova E. Truzheniki tylu [Rear workers]. *Krasnoe Privolzh'e* [Red Volga region]. 1991, 23 apr. (In Russ.)

Potepalov A. *Starye mastera: iz istorii rodnogo kraja* [Old masters: homeland history]. Krasnoe Privolzh'e [Red Volga region]. 1989, 17 aug. (In Russ.)

Utkina A.S. *Krasnosel'skaja skan': istorija pojavlenija i organizacija proizvodstva v pervoj polovine XX veka* [Filigree jewelry from the village of Krasnoe: the history of the appearance and organization of production in the first half of the twentieth century]. Muzejnyj hronograf: sb. nauch. trudov Kostrom. Muzeja-zapovednika [Museum Chronograph. Collection of scientific papers of employees of the Kostroma Museum-Reserve]; ed. by I.S. Nagradov: Kostroma, GUT Publ., 2010, pp. 77–84. (In Russ.)

Promyslovaja kooperacija Gor'kovskoj i Kirovskoj oblastej v gody vojny [Fishing cooperation of the Gorky and Kirov regions during the war]. *Voennostoricheskij zhurnal* [Military History Journal]. URL: <http://history.milportal.ru/promyslovaya-kooperaciya-gorkovskoj-i-kirovskoj-oblastej-v-gody-vojny> (access date: 10.01.2020) (In Russ.)

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-126-131
УДК 821.161.1.09"18"

Ратников Александр Николаевич
Московский государственный областной университет

БАТАЛЬНАЯ ЛИРИКА Г.Р. ДЕРЖАВИНА В СВЕТЕ ПАНЕГИРИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVIII В.

Творчество Г.Р. Державина ознаменовало важный этап становления отечественной поэзии. Воспитываясь на работах предшествующих поколений поэтов, Державин освоил лучшие образцы российских и зарубежных торжественных панегирических произведений, создав на их основе особую разновидность державинской батальной оды. Полному и глубокому пониманию процесса становления и развития державинской батальной лирики способствует исследование зачатков отечественной одической традиции, связанных с петровским временем. В этот период переосмысливается место поэзии в жизни общества; поэзия рационализируется, становится на службу государству. Поэтические тексты используются в качестве музыкально-поэтического сопровождения праздников, торжественных встреч царских особ или восхваления военных успехов. Отечественная словесность откликнулась на данный запрос появлением различных образцов торжественной, панегирической поэзии – кантов и иных торжественных стихотворений. В эпоху правления Петра I наиболее яркими представителями панегирической лирики являлись Феофан Прокопович (1681–1736), Стефан Яворский (1658–1722) и Дмитрий Ростовский (1651–1709). Избранные батальные произведения вышеуказанных авторов, а также батальная лирика Г.Р. Державина являются объектом исследования в рамках данной статьи. В ходе сравнительного изучения торжественных панегирических произведений батальной тематики и батальной оды Г.Р. Державина выявлены многочисленные соответствия и элементы преемственности между панегирическими кантами и одами Г.Р. Державина, выраженные в схожей системе аллегорических образов-символов, а также в ориентации на античные образцы и библейские мотивы.

Ключевые слова: классицизм, торжественные панегирические канты, батальная ода, Г.Р. Державин, Стефан Яворский, Симеон Полоцкий, Феофан Прокопович.

Информация об авторе: Ратников Александр Николаевич, аспирант, Московский государственный областной университет, г. Москва, Россия.

E-mail: ratnikoff.alex@gmail.com

Дата поступления статьи: 31.01.2020.

Для цитирования: Ратников А.Н. Батальная лирика Г.Р. Державина в свете панегирических традиций в русской литературе XVIII в. // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 2, С. 126–131. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-126-131.

Aleksandr N. Ratnikov
Moscow Region State University

PANEGYRIC TRADITIONS IN RUSSIAN LITERATURE OF THE 18TH CENTURY, PRECEDING THE FORMATION OF GAVRILA DERZHAVIN'S BATTLE ODE

Gavrila Derzhavin's creative work marked an important stage in the formation of Russian poetry. Raised in the works of previous generations of poets, Gavrila Derzhavin mastered the best samples of Russian and foreign solemn panegyric works, creating on their basis a special form of his own batal ode. What contributes to a full and deep understanding of the process of formation and development of Gavrila Derzhavin's batal lyrics, is a study of the conception of the Russian odic tradition related to the time of Peter I. The place of poetry in the life of society had been rethought during this period; poetry had been rationalised at the service of the state. Poetry texts started to be used as musical and poetry accompaniment of holidays, solemn meetings of reigning persons or praise of military successes. Russian literature responded to this request by the appearance of various samples of solemn, panegyric poetry - cantos and other solemn poems. During the reign of Peter I, who were the most prominent representatives of the panegyric lyrics were Theophan Prokopovich (1681–1736), Stefan Yavorsky (1658–1722) and Dmitri Rostovsky (1651–1709). The chosen batal works of the above-mentioned authors as well as the batal lyrical poetry by Gavrila Derzhavin are the subject of research within the framework of this article. The numerous correspondences and elements of continuity between the panegyric cantos and the odes by Gavrila Derzhavin expressed in a similar system of allegorical image-symbols, as well as in orientation to antique specimens and to biblical motifs, are revealed in the comparative study of solemn panegyric works of batal subject matter and the batal ode of Gavrila Derzhavin.

Keywords: classicism, solemn panegyric cantos, battle ode, Gavrila Derzhavin, Stefan Yavorsky, Symeon Polotsky, Theophan Prokopovich.

Information about the author: Aleksandr N. Ratnikov, post-graduate student of Moscow State University, Moscow, Russia.

E-mail: ratnikoff.alex@gmail.com

Article received: January 31, 2020.

For citation: Ratnikov A.N. Panegyric traditions in Russian literature of the 18th century, preceding the formation of Gavrila Derzhavin's battle ode. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 2, pp. 126–131 (In Russ.). DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-126-131.

Батальная лирика Г.Р. Державина уникальна: в ней гармонично соединены такие понятия, как чувственное описание природы, глубокое лирическое сопереживание человеку, терпящему бедствие от войны, с батальной монументальностью и изображениями кровавых битв. Тем не менее батальную оду Державина следует отнести к торжественной панегирической поэзии. К моменту, когда Державин стал создавать свои лирические произведения (1762 г.), в России уже существовала давняя панегирическая традиция, которая корнями уходила в допетровскую эпоху. Во время правления Петра I поэзию обращали на службу государству, авторы создавали панегирические канты, посвященные важнейшим политическим событиям. Подобные канты образовали целый корпус произведений, объединенных общей тематикой, которые подчинялись своей внутренней логике. Они создавали базис для отечественной батальной традиции последующих периодов развития русской литературы. Изучение батальной оды Державина в сравнении с панегирическими кантами может послужить основой для более глубокого понимания проблематики батальной лирики.

Вопрос изучения творчества писателей XVIII века в их связях с панегирическими традициями привлекал внимание отечественных исследователей. Так, в статье Л.И. Сазоновой «От русского панегирика XVII в. к оде М.В. Ломоносова» исследовались «неизученные аспекты национальной литературной традиции в творчестве Ломоносова» [Сазонова: 103]. На сегодняшний день батальная лирика поэтов XVIII века становится актуальной темой для исследования и среди зарубежных авторов. Иоахим Клейн провел ряд исследований, в которых изучал особенности военной лирики, «широко практикуемой русскими поэтами во второй половине XVIII века» [Клейн: 174]. Также зарубежные авторы привлекают тексты торжественных од данного периода в качестве материала для сравнения с современной политической и литературной ситуацией. Например, тема мирного присоединения Крыма становится «основой художественных размышлений авторов, откликнувшихся на это событие» [Алпатова: 84]. Так, У. Экутсч рассматривает в рамках своей культурной традиции батальную оду Державина «На приобретение Крыма» [Экутсч: 254] как материал для обоснования своих политических позиций. Таким образом, изучение батальной традиции русских авторов является чрезвычайно актуальным вопросом.

Литературная жизнь в России всегда активно отзывалась на социально-экономические преобразования общества. Происходящее в допетровское и петровское время укрепление власти монарха способствовало подъему торжественных панегирических литературных жанров. В Москве при царском дворе Симеон Полоцкий занимался раз-

работкой подобных торжественных произведений, которые «рассеянные во множестве в рукописях Симеона, были обращаемы им не только к царю и царевичам, но простирались и на женскую половину царской семьи...» [Татарский: 122], «в случаях же особенно важных, когда здесь происходили торжественные церемонии по поводу каких-либо выдающихся радостных или печальных событий, Симеон выступал с уже более значительными произведениями этого рода. Обыкновенно он составлял тогда особую, более или менее обширную стихотворную “книжицу”, написанную со всей “хитростью пиитического учения”» [Татарский: 123]. Следует отметить его стихотворение, носящее торжественный панегирический характер, которое Симеон преподнес в день крещения царевича 29 июня 1672 года, в нем предсказывалась будущая судьба Петра:

Православный родися ныне нам царевич,
Великий князь московский Петр Алексеевич;
Тщится благочестием вас украсить,
И всю бусурманскую мерзость низложить

[Татарский: 126–127].

Стихотворение представляет собой политико-религиозный манифест, в нем Симеон Полоцкий перечисляет важнейшие государственные проблемы и задачи, которые предстоит решить будущему наследнику престола. Произведение Симеона является примером государственной панегирической оды, написанной силлабическими виршами. Позднее Державин создаст свое стихотворение «На пророчество Симеона Полоцкого и Дмитрия Ростовского при рождении Петра Великого», напечатанное в Московском журнале в ноябре 1791 года. Это стихотворение следует считать одним из самых веских аргументов, свидетельствующих об интересе Державина к давней панегирической традиции:

Волхвы российски возвестили:
«Рожденный отрок будет Петр,
Сотрет невежеству, внутри изменам выю;
Как громом, поразит и внешних он врагов
И просветит все, как света бог, Россию»
Сбылся пророческий глас слов!

[Державин 1: 444].

В «Пророчестве» Державина политические тезисы Симеона Полоцкого представлены в свете мистического прозрения, духовного предвидения. Такое прочтение возникло ввиду того, что восхваление Петра I стало общим местом в отечественной одической традиции. В панегирических произведениях Петра изображали как монарха, сумевшего преобразовать Россию. Образ Петра стал важнейшим элементом в батальных одах, любой последующий монарх сравнивался с ним. Одописцы восхищались Петром, призывали на него ориентироваться в государственных делах, его образ наделялся божественными чертами. Поэтому, называя пророками тех, кто посвящал Петру торже-

ственные вирши при его жизни, Державин и свои торжественные оды отсылает к петровской эпохе. Возникает живая связь между «легендарным» временем и тем временем, в котором создавал свои произведения сам Державин.

Проследить влияние кантов на последующее развитие батальной оды Державина можно на примере устойчивых мотивов, реализующихся в образах. Во всех приведенных стихах устойчиво присутствует, повторяясь зачастую по несколько раз, изображение России в виде орла, а Швеции в виде льва, связанное с геральдической традицией. Многократное упоминание данных образов: «орел швецкаго льва убиваенне...», «Российску орлу даст силу велику...», «Что будет слава яко здесь толику...», «льва надежду не повелевает...», «орел прострет свои крыле...», «Орла Российска со лвом умирить поможе...», «Орла мирна, со лвом смирна...» [Копылова: 16–18, 21, 22] – заложило традицию использования подобных образов и в творчестве других авторов. Проиллюстрируем системность описанного явления на примере нескольких произведений Державина:

Се тот герой, Орла который просветил,
Вне Солнце, Льва, Луну, – внутрь Гидру победил...
[Державин 3: 327],

так отразились сразу несколько символических образов, обозначающих Персию, Швецию и Турцию в произведении «На статую Петра Великого» (1775 г.). При помощи этих же образов в другом произведении, посвященном батальной теме, «На победы Екатерины II над турками» (1772 г.), где присутствует фрагмент:

Дрожит дунайский берег, трепещут Дарданеллы,
Колелебтся Восток и южные пределы.
Везде твои орлы, монархиня, парят...

[Державин 1: 13]

Державин, вероятно, обозначает уже конкретных людей, а не всю Россию. Также и в зрелой его лирике, в оде «На взятие Измаила» (1790 г.), упоминается «орел» в том же самом контексте, что и в ранних своих произведениях – в борьбе с другим символом, «луной», олицетворением турецкого государства:

О росс! твоя лишь добродетель
Таких великих дел содетель;
Лишь твой орел луну затмил

[Державин 1: 353].

Устойчивость использования подобного приема Державиным говорит о том, что он прочно вошел в его поэтический метод и стал важным элементом творчества.

В некоторых других кантах, авторство которых установлено, присутствующие образы орла или льва усложняются отсылками к античности. На подобных примерах прослеживается нарастающее влияние поэзии древних авторов, которая является важнейшим фактором на пути становления и развития батальной оды в России и Европе. Так, в из-

вестном канте Дмитрия Ростовского на взятие Нарвы образ льва видоизменяется и становится Немейским:

Льва Немейска сила изменися;
О камень твердый Петра сокрушися

[Розанов: 36].

В приведенном фрагменте наблюдается еще один устойчивый мотив, который использовался Симеоном Полоцким, а также некоторыми анонимными авторами¹. «В основе этой построенной на мотиве камня цепочки образов лежит топическое метафорическое отождествление Петра I с апостолом Петром, опирающееся, в свою очередь, в качестве *tertium comparationis*, на евангельский эпизод, где Петр сравнивается с “камнем”, на котором будет создана церковь Христова (Матф. 16:18)» [Николози: 47]. Таким способом Петр I сравнивается с одним из апостолов Христа, что придает образу царя героический «божественный» характер. В данном же стихотворении этот образ дополняется еще и героическим оттенком, порожденным сравнением с героем греческого мифа. Другие обращения Дмитрия Ростовского в канте к библейским текстам отсутствуют, особый стиль его канта создается благодаря переплетению античных смыслов и образов, которые реализуют множество интертекстов и интерпретаций. В дальнейшем при создании своей батальной лирики Державин также активно обращался к таким же художественным методам, при помощи которых сравнивал Петра I с апостолом Петром и отмечал его «божественную» природу. В этом также прослеживается непосредственная преемственность батальной оды Державина по отношению к панегирическим кантам. Так, Державин характеризует Петра I как правителя с «твердым» характером в произведении «Петру Великому» (1776 г.): «Был в вере тверд и ей послушен...» [Державин 1: 33], где слово «твердый» отсылает читателя к греческому значению имени Петра, а в четверостишье «На гроб Петра Великого» (1775 г.) отмечает его «божественное» начало: «Священный прах Петров в сем гробе почивает...» [Державин 3: 329].

Если у Дмитрия Ростовского отмечается сильное влияние античности, то канты Стефана Яворского изобиловали именно библейскими отсылками. В «Стихах на измену Мазепы, изданных от лица всей России» избранные фрагменты ярко передают настрой всего произведения:

Се второй Ирод, исполнь смертна яда, –
Мазепа лютый убил мои чада.
Уподобися Россия Давиду,
Иже от сына терпяше обиду...

[Панченко, Адрианова-Перетц: 36].

Однако стоит отметить, что отношение отечественных авторов к наследию древних претерпело существенное изменение под влиянием французской литературы, в которой вследствие спора, проходившего во Французской академии наук между

группой Буало и группой Шарля Перро, возник новый взгляд на наследие античности².

XVIII век в истории русской литературы характеризуется еще и тем, что поэты и ученые активно трудились над литературно-теоретическими трактатами. Учеными создаются разнообразные поэтики и риторики. Одним из таких выдающихся ученых во времена Петра I был Феофан Прокопович. Стоит отметить, что в его стихах также сочетались библейские и античные образы. Созданные им образцы риторических и поэтических жанров на долгие годы заложили основу поэтического дела в России.

Феофан Прокопович оказал большое влияние на становление жанра батальной оды в России. Мотивы, присутствующие в его кантах, были творчески освоены последующими поэтами, в том числе и Г.Р. Державиным. Стихотворение «Епиникион, или Песнь победная на преславную победу полтавскую» (1709 г.) является важным этапом на пути к батальной пиндарической оде Ломоносова «На взятие Хотина» [Ломоносов: 57–85]. Еще лишенный важных элементов внутренней формы пиндарической оды – «восторгов», «парений», экзальтированных состояний, которыми будет характеризоваться ода нового типа после Тредиаковского и Ломоносова, – тем не менее кант Феофана закладывает основы, на которые отчасти будут опираться будущие реформаторы оды. Также в «Епиникионе» отмечается сильное влияние античности. Начиная с названия, которое отсылает читателя к торжественным песням в честь победителя на Олимпийских (Пифийских и др.) играх, эпиникиях Пиндара, и продолжая отсылками к греческим мифам, присутствующим в тексте. В данном фрагменте «Епиникиона» в текст торжественного канта введено прямое упоминание Троянской войны, цикла древнегреческих мифов, что придает происходящей битве легендарные черты:

Уже брань десятое лето начинаше
(Время брани Троянской), егда уже бяше
Внутр отчества супостат сверепий и дивый,
Зменническим полчищем силу умноживый

[Ф. Прокопович: 219].

Далее следует еще одно упоминание данного мифа, в котором говорится о том, что враг в безумстве возомнил себя Ахиллесом:

Гордость ум их и мечта, естеству противна.
Помыслиша бо себе от твердой сложенных
Руды и во стикгийской воде изможенных,
И немощи своему язвигися телу, –
Таковую безумне няху в себе силу

[Ф. Прокопович: 210].

В тексте канта есть эпическое описание произошедшей битвы, черты которой будут прослеживаться у многих последующих создателей батальных произведений:

Блисну огнем все поле; многия восгоре
Излетеша молния; не таков во море
Шум слышится, егда ветр на ветр ударяет,
Ниже тако гром з темных облаков рыкает,

Яко гримят арматы, и гласом и страхом,
И уже день помрачи дым, смешен со прахом

[Ф. Прокопович: 212].

Здесь наблюдаются и охваченное огнем все поле битвы, и сравнение шума битвы с сильнейшими явлениями природы: с громом и молнией, и поднятый до небес и затмивший солнце дым, смешанный с прахом убитых. Данное описание сравнимо со следующим фрагментом батальной оды Державина «На взятие Измаила» (1790 г.):

Везувий пламя изрыгает,
Столп огненный во тьме стоит,
Багрово зарево зияет,
Дым черный клубом вверх летит...

[Державин 1: 341–342].

В «Епиникионе» героизируется образ Петра. Феофан Прокопович, будучи ярким союзником Петра, поддерживал все его реформы и начинания, в своих «Словах...» и кантах создавал теоретическое и богословское обоснование деятельности царя. В произведении Петр защищен божьим благословением, он неуязвим для стрел, его образ сам становится героическим, божественным:

Но егда ты, о царю и воине сильный,
Узре посреде огня, объять ю страх зелный;
Вострепета и крайней убоися страсти,
Да бы в едином лицу всем не пришло пасти

[Ф. Прокопович: 210, 212].

Русский царь также многократно сравнивается с Марсом – богом войны – что создает на первый взгляд противоречивое сочетание христианских мотивов с упоминанием имен греческих богов:

Тем же приими, о храбрый царю, цвет победный
И силы, яже в тебе *Марс* сей многобедный...
Вси твоей начнут дружбы, вси мира желати
И не дерзнут рускаго *Марса* раздражати

[Ф. Прокопович: 213].

Сравним с отрывком из державинского четверостишья «На изображение Петра Великого», где также Петр I сравнивается с богом войны Марсом:

Кого блистающа я вижу средь лучей?
Не *Марс* ли, Аполлон, Эрмий, иль бог морей?
Ликурга ль образ сей, Алкида ль представляет? –
Великого Петра, – мне Клия отвечает...

[Державин 3: 329].

Влияние творчества Феофана Прокоповича на последующую батальную лирику Г.Р. Державина также можно продемонстрировать на примере отрывков из оды «На взятие Измаила» и «Епиникиона»:

...Смерти, огнем летущой; *лиется кровь всюду*;
Стелет землю трупие; мало уже люду

[Ф. Прокопович: 212].

и державинское:

Вошел! «Не бойся», – рек, и *всюды*
Простер свой троегранный штык:
Поверглись тел кровавы груди,
Напрасно слышан жалоб крик;
Напрасно, бранны человеки!
Вы *льете крови* вашей реки,
Котору должно бы беречь

[Державин 1: 348].

Как видим, Державин использует в своей оде очень схожую лексику.

«Эпиникион» содержит призывы к миру: «полно ратовать, меч в ножны влагайте...». Мотив пагубности войны и пацифистские настроения встретятся позднее и у Державина («Вы льете крови вашей реки, которую должно бы беречь...»), что, несомненно, является общим местом в батальной традиции русских од. Наряду с упоминанием того, что война является вынужденным злом, поскольку Россия должна защищать свои политические и экономические интересы, например ей нужен выход к морю, о котором в своих речах упоминал Феофан Прокопович, в русской традиции присутствует понимание того, что война уносит жизни людей, которые никак нельзя восполнить, что мир всегда лучше войны.

Для полноценного понимания того влияния, которое оказала литературная деятельность Феофана Прокоповича на будущее развитие батальной оды, необходимо ознакомиться с важнейшими программными тезисами его теоретического трактата о поэтике: «Поэтическое искусство».

Стоит отметить, что в «Поэтическом искусстве» Феофана Прокоповича в качестве образца предлагается именно горацянская ода. Это важно для понимания будущего развития одического жанра, а в частности батальной оды. Именно в противостоянии с этим типом оды рождается будущая русская пиндарическая ода с ее безумным и ученым восторгом, а также лирическим беспорядком. Характерно, что приводя примеры из Горация с целью усилить свою точку зрения его авторитетом, Феофан не приводит тех цитат, в которых Гораций прямо высказывается о Пиндаре и его поэзии³. Это демонстрирует некоторую необъективность его литературного метода, поскольку дает читателям неполноценную одностороннюю картину отношения Горация к Пиндару.

Таким образом, панегирическая традиция, разрабатываемая на рубеже конца XVII – начала XVIII в. послужила основой для дальнейшего развития батальной лирики в России. Державин ориентировался при создании своих произведений на ту литературную традицию, в которой он вырос, что, однако, не помешало ему произвести реформу в отечественной одической традиции и реформировать жанр. Горацянская ода выходила из употребления при составлении торжественных и батальных од, ей на смену приходила новая – пиндарическая.

Несмотря на смену парадигмы, панегирическая традиция не исчезла бесследно, она заняла свое место в развитии отечественной литературы, а также прочно вошла составной частью в сознание писателей XVIII столетия, которые, создавая собственные произведения, отталкивались в том числе и от старых панегирических кантов.

Примечания

¹ См.: в канте «Виват, фундатор, в суде оратор...» имеется такой фрагмент:

«Виват Петр-камень, в твердыне славен,
Как адамант,
К царству крепчайший, в вещах дражайший,
Як бриллиант».

² См.: Спор о древних и новых / Овсянников М.Ф., Аникст А.А. и др.; под ред. Бахмутского В.Я. М.: Искусство, 1985. 471 с.

³ Гораций писал: «Пиндар подобен могучей реке, которая катит бурливые волны, и из его уст, как из глубокого источника, извергаются безмерные богатства и красоты», а также: «Кто, о Юл, в стихах состязаться дерко / с Пиндаром тщится». См.: Спор о древних и новых / Овсянников М.Ф., Аникст А.А. и др.; под ред. Бахмутского В.Я. М.: Искусство, 1985. С. 304, 441, 445.

Список литературы

Аллатова Т.А. Мотив «приобретения Крыма» в русской торжественной поэзии XVIII столетия: потенциал творческого поиска // Михаил Муравьев и его время: коллективная монография по материалам VI Всерос. науч.-практ. конф. «Михаил Муравьев и его время. Словесность. Служение. Совершенство (к 260-летию Михаила Муравьева и 300-летию Александра Сумарокова), Казань, 29–30 апреля 2017 года / под ред. И.В. Завьяловой, А.Н. Пашкурова, А.Ф. Галимуллиной. Казань: РИЦ «Школа», 2017. С. 84–92.

Гребенюк В.П. Панегирические произведения первой четверти XVIII в. и их связь с Петровскими преобразованиями // Панегирическая литература Петровского времени. М.: Наука, 1979. С. 5–132.

Державин Г.Р. (1743–1816). Сочинения Державина / с объяснительными прим. и предисл. Я. Грота. Т. 1–9. СПб: Имп. Акад. наук, 1864–1883.

Копылова В. Избранные русские канты XVIII века: Для хора или ансамбля солистов без сопровождения. Л.: Музыка, 1983. 80 с.

Клейн Иоахим. Торжествующая Россия: военная лирика XVIII века // Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies. 2018. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/torzhestvuyuschaya-rossiya-voennaya-lirika-xviii-veka> (дата обращения: 30.01.2020).

Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. С приобщением жизни сочинителя и с прибавлением многих его нигде еще не напечатанных творений: в 6 ч. СПб.: Изд-во Имп. АН, 1803. Ч. 1. 344 с.

Николози Р. Петербургский панегирик XVIII века: Миф – идеология – риторика / пер. с нем. М.Н. Жаровой; под ред. К.А. Богданова. М.: Языки славянской культуры, 2009. 216 с.

Панченко А., Адрианова-Перетц В. Русская силлабическая поэзия XVII–XVIII вв. Л.: Советский писатель, 1970. 424 с.

Розанов И.Н. Великая северная война в русской поэзии первой половины XVIII века // Учен. зап. Московского пед. ин-та. М., 1946. Т. 7. С. 35–40.

Сазонова Л.И. От русского панегирика XVII в. к оде М.В. Ломоносова // Ломоносов и русская литература. М., 1987. С. 103–126.

Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб.: Изд. Импер. Академии наук, 1864. Т. 1: Стихотворения. Ч. 1. 812 с.

Спор о древних и новых / Овсянников М.Ф., Аникст А.А. и др.; под ред. Бахмутского В.Я. М.: Искусство, 1985. 471 с.

Татарский И. Симеон Полоцкий. М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. 344 с.

Феофан Прокопович. Сочинения / под ред. И.П. Еремина. М.; Л.: Изд-во Академии наук, 1961. 503 с.

Jekutsch U. The Annexation of Crimea in Russian Literature of the 18th and 21st Centuries, *Rocznik komparatystyczny*, 2015, 6, pp. 251–269.

References

Alpatova T.A. *Motiv «priobretenija Kryma» v russkoj torzhestvennoj poeziji XVIII stoletija: potencial tvorcheskogo poiska* [The motive of “acquiring Crimea” in Russian solemn poetry of the XVIII century: the potential of creative search]. *Mihail Murav'ev i ego vremja* [Mikhail Muravyov and his time], ed. by I.V. Zav'jalovoj, A.N. Pashkurova, A.F. Galimullin. Kazan, Shkola Publ., 2017, pp. 84–92. (In Russ.)

Grebenjuk V.P. *Panegiricheskie proizvedenija pervoj chetverti XVIII v. i ih svjaz' s Petrovskimi preobrazovanijami. Panegiricheskaja literatura Petrovskogo vremeni*. Moscow, 1979, pp. 5–132. (In Russ.)

Derzhavin G.R. (1743–1816). *Sochineniia Derzhavina / s ob"iasnitel'nymi prim. i predisl.* Ja. Grota. T. 1–9. SPb: Imp. Akad. nauk, 1864–1883. (In Russ.)

Kopylova V. *Izbrannye russkie kanty XVIII veka. Dlja hora ili ansamblja solistov bez soprovozhdenija* [Selected Russian Cantos of the XVIII century. For an unaccompanied choir or ensemble of soloists]. Leningrad, Muzyka Publ., 1983, 80 p. (In Russ.)

Klein Joachim *Torzhestvujushhaja Rossija: voennaja lirika XVIII veka* [Triumphant Russia:

military lyrics of the XVIII century]. *Slověne = Slovène: International Journal of Slavic Studies*, 2018, № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/torzhestvuyuschaya-rossiya-voennaya-lirika-xviii-veka> (access date: 30.01.2020). (In Russ.)

Lomonosov M.V. *Polnoe sobranie sochinenij. S priobshheniem zhizni sochinitelja i s pribavleniem mnogih ego nigde eshhe ne napechatannyh tvorenij* [Complete works. With the introduction of the writer's life and with the addition of many of his works that have not yet been printed]: in 6 vol. Saint Petersburg, Publ. Imp. AN, 1803, vol. 1, 344 p. (In Russ.)

Nikoloz R. *Peterburgskij panegirik XVIII veka: Mif – ideologija – ritorika* [St. Petersburg panegyric of the XVIII century: Myth-ideology-rhetoric], trans. M.N. ZHarovoj, ed. by K.A. Bogdanova. Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 2009, 216 p. (In Russ.)

Panchenko A., Adrianova-Peretc V. *Russkaja sillabicheskaja poezija XVII–XVIII* [Russian syllabic poetry of the XVII–XVIII centuries]. Leningrad, Sovetskij pisatel' Publ., 1970, 424 p. (In Russ.)

Rozanov I.N. *Velikaja severnaja vojna v russkoj poeziji pervoj poloviny XVIII veka* [The great Northern war in Russian poetry of the first half of the XVIII century]. *Uchen. zap. Moskovskogo ped. in-ta*. Publ. Moscow, 1946, vol. 7, pp. 35–40. (In Russ.)

Sazonova L.I. *Ot russkogo panegirika XVII v. k ode M.V. Lomonosova* [From the Russian panegyric of the XVII century to the ode of M.V. Lomonosov]. *Lomonosov i russkaia literatura* [Lomonosov and Russian literature]. Moscow, 1987, pp. 103–126. (In Russ.)

Sochinenija Derzhavina s objasnitel'nymi primechanijami Ja. Grota [Derzhavin's works with explanatory notes by J. Groth]. Saint Petersburg, Publ. Imp. Akademii nauk, 1864, vol. 1: *Stihotvorenija*, iss. 1, 812 p. (In Russ.)

Spor o drevnih i novyh [Dispute about ancient and new]. Ovsjannikov M.F., Anikst A.A. i dr., ed. by Bahmutskogo V.Ja. Moscow, Iskusstvo Publ., 1985, 471 p. (In Russ.)

Tatarskij I. *Simeon Polockij* [Simeon Polotsky]. Moscow, Tip. M.G. Volchaninova, 1886, 344 p. (In Russ.)

Feofan Prokopovich. *Sochinenija* [Compositions], pod red. I.P. Eremina. Moscow, Leningrad, 1961, pp. 219. (In Russ.)

**РОМАН Л.Н. ТОЛСТОГО «ВОСКРЕСЕНИЕ» КАК ЭПИЧЕСКИЙ:
АВТОРСКИЙ ПОДХОД К ИЗОБРАЖЕНИЮ ФАКТОВ СОВРЕМЕННОСТИ И ИХ ОЦЕНКА**

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 20-012-00102*

В статье роман Л.Н. Толстого «Воскресение» рассматривается как эпический. К его специфическим особенностям отнесены: основополагающее значение общего, народного в ценностной системе произведения, а также энциклопедический охват русской жизни конца XIX в. Исходной для рассмотрения материала стала постановка проблемного вопроса о неизбежности противоречия между объективным воссозданием современности и повышенным субъективизмом позднего Толстого, творчество которого отличал возросший этический пафос. В статье утверждается, что «снятие» противоречия происходит благодаря характеру подхода романиста к изображению фактов современности. Этот подход предполагает масштабность обобщений, соотнесение фактов современной жизни с жизнью народа, их погружение в объемный историко-культурный контекст, в том числе историко-литературный. Подчеркнуто субъективное авторское освещение петербургской жизни парадоксальным образом становится залогом изображения объективной картины. Это обусловлено тем, что автор, описывающий и оценивающий процессы современной жизни с позиций сущего и «должного», опирается на народный «взгляд на вещи». В целом освещение и оценка тенденций развития современного российского общества даны в романе «Воскресение» в эпической перспективе.

Ключевые слова: эпический роман, эпическая картина мира, индивидуалистическое сознание, народная точка зрения, научный дискурс, петербургский дискурс, прецедентный факт, реальный комментарий, автор, тенденциозность.

Информация об авторе: Михновец Надежда Геннадьевна, ORCID 0000-0002-0674-1964, доктор филологических наук, профессор ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена», г. Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: mikhnovets@yandex.ru

Дата поступления статьи: 21.03.2020.

Для цитирования: Михновец Н.Г. Роман Л.Н. Толстого как эпический: авторский подход к изображению фактов современности и их оценка // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 2. С. 132–138. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-132-138.

Nadezhda G. Mikhnovets

Herzen Russian State Pedagogic University, St. Petersburg

**THE NOVEL «RESURRECTION» BY LEO TOLSTOY AS AN EPIC – THE AUTHOR'S APPROACH
TO THE IMAGE OF FACTS OF CONTEMPORANEITY AND THEIR APPRAISAL**

*The reported study was funded by RFBR,
project number 20-012-00102*

The novel «Resurrection» by Leo Tolstoy It is regarded as an epic one in the article. What is attributed to its specific features, includes – the fundamental importance of the common, folkish in the value system of the book, as well as the encyclopedic coverage of the late 19th century Russian life. What became the starting point for considering the material, is raising the problematic question of the inevitable contradiction between the objective re-creation of contemporaneity and the heightened subjectivity of Leo Tolstoy's late creative work, which the increased ethical pathos is characteristic of. The article argues that the «removal» of the contradiction is due to the nature of the novelist's approach to depicting the facts of contemporaneity. This approach implies the scale of generalisations, the correlation of the facts of contemporary life with folkish life, immersion of the facts in a voluminous historical and cultural context, including the historical and literary one. It is stressed that the author's subjective coverage of St. Petersburg life paradoxically becomes a handwriting of the image of an objective picture. This is due to the fact that the author, who describes and evaluates the processes of contemporary life from the point of view of substantial and «due», relies on the folkish «view of things». In general, the coverage and assessment of trends in the development of contemporary Russian society are given in the novel «Resurrection» in an epic perspective.

Keywords: epic novel, epic worldview, individualist consciousness, folkish point of view, scientific discourse, St. Petersburg discourse, case law fact, real commentary, author, tendentiousness.

Information about the author: Nadezhda G. Mikhnovets, ORCID 0000-0002-0674-1964, Doctor of Philological Sciences, Professor, Herzen Russian State Pedagogic University, Saint-Petersburg, Russia.

E-mail: mikhnovets@yandex.ru

Article received: March 21, 2020.

For citation: Mikhnovets N.G. The novel «Resurrection» by Leo Tolstoy as an epic – the author's approach to the image of facts of contemporaneity and their appraisal. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 2, pp. 132–138 (In Russ.). DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-132-138.

В конце 1889 г. Толстой, как известно, начал работать над новым романом «Воскресение», затем не раз откладывал его, а после длительных перерывов вновь возвращался к своему сочинению. Первоначально романист был сосредоточен на истории «духовного рождения» главного героя. Однако написанное не удовлетворило писателя, он понял главное: еще не найден «центр тяжести» [Толстой 53: 62]. В дневниковой записи от 5 ноября 1895 г. Толстой зафиксировал решительный перелом в ходе создания романа: «Сейчас ходил гулять и ясно понял, отчего у меня не идет “Воскресение”. Ложно начато. Я понял это, обдумывая рассказ о детях – “Кто прав?”; я понял, что надо начать с жизни крестьян, что они предмет, они положительное, а то тень, то отрицательное. И то же понял и о “Воскресении”. Надо начать с нее» [Толстой 53: 69]. Кроме того, для автора романа становилось очевидным, что сама история духовного воскресения Нехлюдова и Катюши Масловой – только составная часть куда более широкого явления: процесса изменения и обновления всей русской жизни. В целом же был найден «центр тяжести» нового произведения: отдельное, индивидуальное представало как включенное в общее, народное. Именно это определило эпическую природу романа «Воскресение».

Писатель встал перед необходимостью поведать о России больше изначально предполагаемого. В одном из писем Толстой не без удивления отметил в связи с работой над романом: «Я сам не ожидал, как много можно сказать в нем о грехе и бессмыслице суда, казней» [Толстой 71: 457]. Романист шаг за шагом кропотливо исследовал жизнь Российской империи. Известный толстовед К.Н. Ломунов обстоятельно описал работу Толстого, ознакомившегося с многочисленными источниками, а также исходившего из личного опыта [Ломунов: 107–125]. Писатель неустанно встречался и беседовал со многими людьми из самых разных сфер российской жизни. Ему были интересны решительно все: тюремные надзиратели, начальники тюрем, адвокаты, сектанты, революционеры, прибывший из Сибири американский журналист Дж. Кеннан, родственники потерпевших. Беседы с ними давали неоценимое знание: от конкретики тюремного быта до подробностей заседаний в Сенате, от положения политических заключенных-женщин на карийской каторге до особенностей поведения всесильного К.П. Победоносцева во время аудиенции и по ее завершении. По всестороннему и глубокому охвату российской жизни последней четверти XIX столетия роман «Воскресение» энциклопедичен в самом точном смысле этого слова. Это эпически «просторное» произведение.

Вместе с тем необходимо обозначить проблему, связанную с авторской позицией в этом романе. Начнем с того, что в произведениях Толстого 1880–

1890-х гг., в сравнении с его художественным творчеством предшествующих десятилетий, резко усиливается этический пафос. Автор отстаивает свое миропонимание, указывая своим героям и читателям на «должные», с его точки зрения, истины, своими художественными и публицистическими произведениями стремится вмешаться в «мирскую» жизнь современников, совладать с нею. В таком случае, казалось бы, в позднем толстовском творчестве самым активным образом начинает проявляться авторский субъективизм. С одной стороны, нельзя не признать наличие этой тенденции в произведениях писателя 1880–1890-х гг., с другой стороны, необходимо выяснить, в силу каких причин российская действительность, тем не менее, получает в романе «Воскресение» возможность для своего объективного выражения.

Роман «Воскресение» вырос из текущей действительности; обратимся к его материалу и попытаемся выявить особенности, во-первых, подхода романиста к изображению фактов современности в их сущностном значении, а, во-вторых, их оценки.

Начнем с научного дискурса. В Европе и в России второй половины XIX в. изменился статус науки, роль естественнонаучного знания возрастала. Примечательно, что это сопровождалось экстраполяцией результатов научных открытий на сферу общественной жизни. К примеру, эволюционное учение Ч. Дарвина стремительно завоевывало не столько научный мир (теорию как пропагандировали, так и оспаривали ученые), сколько умы современников, зачастую весьма далекие от дебатов в сфере естествознания. Открытие Дарвина без промедления было распространено современниками на основополагающие представления о человеке, о смысле его жизни, что заключало в себе потенциал их коренного пересмотра современниками [Михновец 2010а].

Автор «Воскресения» наряду с фиксацией самого историко-культурного факта, свидетельствующего о существенном изменении места и роли естественнонаучного знания в современной России, в первую очередь указывает на знаменательные особенности в его усвоении социумом. Так, в сферу общения представителей образованного общества конца XIX в. входит набор знаковых имен, «расхожих» высказываний и «готовых» представлений. В частности, этот свод неизменно включал в себя понятия и положения, относящиеся к дарвинскому учению («наследственность», «эволюция», «борьба за существование» и др.).

В романе «Воскресение» о выступлении товарища прокурора на суде сказано: «В его речи было всё самое последнее, что было тогда в ходу в его круге и что принималось тогда и принимается еще и теперь за последнее слово научной мудрости. Тут была и наследственность, и прирожденная

преступность, и Ломброзо, и Тард, и эволюция, и борьба за существование, и гипнотизм, и внушение, и Шарко, и декадентство» [Толстой 32: 72]. В повествование о бывшем министре графе Чарском, которого «вытеснили» со службы «по закону борьбы за существование, точно такие же, как и он, научившиеся писать и понимать бумаги, представительные и беспринципные чиновники» [Толстой 32: 252], автор романа ввел «ходячую» точку зрения большинства. Читателю очевидно, что свод «готовых» представлений лег в основу понимания смысла жизни петербургскими сановниками и чиновниками Москвы, стал для них искомым руководством в осмыслении современности.

Однако Толстого интересуют глубинные причины таких явлений современной общественной жизни как психология большинства («круг» своих, «такие же») и мода. Сам историко-культурный факт поспешной готовности перенести выводы новейших научных открытий на сферу общественной жизни был обусловлен, по его мнению, стремлением главенствующей части современного российского общества оправдать свой господский образ жизни и защититься от сущностных вопросов человеческого бытия.

В трактате «Что такое искусство?» (1897–1898) в связи с теорией Мальтуса и выросшим на ее основе дарвинским учением Толстой писал: «Если теория оправдывает то ложное положение, в котором находится известная часть общества, то, как бы ни была неосновательна теория и даже очевидно ложна, она воспринимается и становится *верою* этой части общества» (курсив мой. – *Н. М.*) [Толстой 30: 77]. Толстой, указавший на феномен обретения научной теорией высокого статуса «веры», по существу выявил новую особенность в душевном состоянии представителей господской части общества, оторванной от общенародной жизни: присутствие в ее жизни некой тревоги экзистенциального свойства в связи с отсутствием уверенности в правомерности своего исключительного положения в социуме, а также с незнанием, в чем заключается смысл жизни. В драматичной по своему существу ситуации у этой части общества исподволь нарастает желание чем-либо защититься, в том числе – сферой модных имен и ходячих формул.

Еще в черновиках повести «Смерть Ивана Ильича» (1886) было отмечено: главный герой заявляет, что лишен страха смерти, потому что у него с юности есть опора – научные труды Бюхнера и Молешота [Толстой 26: 524]. В окончательном тексте произведения рассказ о жизни Ивана Ильича имеет весьма выразительный зачин: «Прошедшая история жизни Ивана Ильича была самая простая и самая ужасная» [Толстой 26: 68]. Умиравший всматривается в порядок жизни как собственной, так и людей своего круга, пытаясь найти прочное духовное основание в ситуации неотвратимой

смерти, но не достигает искомого: опыт его взрослой (за пределами детства), чиновничьей жизни шаг за шагом предстает как неубедительный. «Смерть Ивана Ильича» – первое в русской литературе произведение о кризисе индивидуалистического сознания.

В начале 1880-х гг. философ Вл. Соловьев написал, что человек двух последних десятилетий окончательно и безболезненно поставил «вместо Божьего и всемирного ... свое, отдельное». Обособление от «Божьего и всемирного», по всей видимости, и есть последняя, «высшая» ступень в выделении личного из «общего». В связи с этим Вл. Соловьев указал на заявивший себя парадокс: современный человек, отделившийся от «Божьего и всемирного», «хотя бы для того, чтобы иметь мир с самим собою ... нуждается в какой-нибудь опоре кроме самого себя» [Соловьев: 251, 279]. Философ обозначил и заострил проблему духовной основы для современного человека, обособившегося от «Божьего и всемирного».

В повести «Смерть Ивана Ильича» в качестве положительного в опыте земной жизни главного героя предстают: память о поре детства, его предсмертный порыв пожалеть близких, а также общение с простым мужиком Герасимом. Этот ценностный багаж и позволил Ивану Ильичу в конечном итоге обрести духовное основание. В книге «О жизни» Толстой писал, что «единственное дело жизни» человека – есть «установление нового отношения к миру, увеличение любви» [Толстой 26: 410]. В финале повести Иван Ильич пришел к пониманию этого и преодолел ужас смерти как абсолютного уничтожения: «Кончена смерть, – сказал он себе. – Ее нет больше» [Толстой 26: 113]. Согласно позднему Толстому, прожитая жизнь Ивана Ильича была смертью, а только теперь он проснулся в жизнь вечную.

В романе «Воскресение» чиновники и господа проживают, как когда-то Иван Ильич, свою «простую жизнь», но она одновременно – и «ужасная», потому что исподволь исполнена, повторим, желанием *оправдать* свой господский образ жизни и оградить себя от сущностных вопросов. Безусловно, степень проявления таких реакций у каждого из этих героев романа различна, и она напрямую соотносится романистом с мерой их отдаленности от «живой жизни». В петербургские страницы романа, к примеру, вкратце вписана история жизни Селенина – от юности ко времени достижения им высокого положения в государственной структуре. Нехлюдов, приехавший в столицу, встретил своего лучшего друга студенческого времени, у которого, как отмечено в повествовании, «были грустные глаза». Когда же Нехлюдов доверительно поспешил высказать своему бывшему приятелю свои новые взгляды, тот не принял приглашение к диалогу. На один из проблемных вопросов, побуждающих

к раздумьям и, возможно, к коренному пересмотру устоявшихся в обществе представлений, Селенин ответил однозначно, «прямо и мертво глядя в глаза Нехлюдову» (курсив мой. – Н. М.) [Толстой 32: 279]. Добавим, что в «Воскресении» в содержательном отношении темы увлечений светского общества наукой, спиритизмом, редстокизмом имеют общее основание.

Народная же жизнь была свободна от научных «наваждений» (этим словом Толстой определял многочисленные современные увлечения образованной части господского общества [Толстой 35: 262]). В «Воскресении» читаем об одном из крестьянин: «В религиозном отношении он был также типичным крестьянином: никогда не думал о метафизических вопросах, о начале всех начал, о загробной жизни. Бог был для него, как и для Араго, гипотезой, в которой он до сих пор не встречал надобности. Ему никакого дела не было до того, каким образом начался мир, по Моисею или Дарвину, и дарвинизм, который так казался важен его сотоварищам, для него был такой же игрушкой мысли, как и творение в 6 дней» [Толстой 32: 393]. Стадной общности чиновников, успокаивающихся модными знаниями и «ходячими» рассуждениями, противопоставлен типичный крестьянин. Он мыслит столь же самостоятельно, как и французский физик Д.Ф. Араго (1786–1853), при этом совершенно безучастен к метафизическим вопросам и к ветхозаветному Богу.

Рассмотрение научного дискурса в романе «Воскресение» позволяет заключить: освещение тенденций развития современного российского общества дано в эпической перспективе. Это обусловлено особенностями толстовского подхода к изображению. Во-первых, исходным для постижения автором причин и содержания историко-культурного факта становится установление в жизни людей господского круга характера соотношения общего, народного – и отдельного, индивидуалистического. Во-вторых, Толстой вписывает особенности понимания жизни как со стороны господ и чиновников, так и отдельного крестьянина в широкий историко-культурный контекст: от ветхозаветных времен до открытий европейских ученых Д.Ф. Араго и Ч. Дарвина, до общественных событий конца XIX столетия. Это предопределило масштабность в обобщении романистом изображенных фактов текущей действительности. В-третьих, изображаемое соотносено автором, согласно с гомеровской традицией, с основополагающими для человеческого бытия темами: жизни и смерти; труда. В научном дискурсе романа противопоставлены: государственная служба чиновников – земледельческому труду крестьян; напряженный поиск веры и ее иллюзорный характер у одних – твердым, многовековым убеждениям других в вопросах о смысле жизни и смер-

ти. В факте всеобщего увлечения новейшими научными открытиями романист увидел глубокий мировоззренческий кризис господствующей части современного российского общества, еще при ее жизни оборачивающийся духовной смертью.

Продолжая рассматривать особенности подхода романиста к изображаемым фактам действительности и установления им их сущностного значения, обратимся к историко-литературному контексту. В него, как известно, входит высоко ценяемая Толстым книга «Записки из Мёртвого дома» Ф.М. Достоевского. Обратим внимание на то, что из этого произведения Толстой хотел закрепить в нашей культурной памяти своим последним романом.

В книге Достоевского отмечен эпизод, когда случайный прохожий подает милостыню арестанту. Заключенный принял «подавание» в пять копеек. «Мещанин перекрестился и пошел своею дорогой. Эти пять копеек в то же утро проели на калачах, разделив их на всю нашу партию повровну» [Достоевский: 70]. В начале романа Толстого «Воскресение» есть весенняя московская сцена с арестанткой Катериной Масловой, которую солдаты ведут по Москве. Горожане: извозчики, лавочники, кухарки, рабочие, чиновники «останавливались и с любопытством оглядывали арестантку», кто-то поспешил осудить ее. «Дети с ужасом смотрели на разбойницу, успокаиваясь только тем, что за ней идут солдаты, и она теперь ничего уже не сделает. Один деревенский мужик, продавший уголь и напившийся чаю в трактире, подошел к ней, перекрестился и подал ей копейку. Арестантка покраснела, наклонила голову и что-то проговорила» [Толстой 32: 6].

Спустя двадцать лет эта романная сцена отчасти повторилась в реальной жизни: в книге мемуаров А.Л. Толстой «Дочь» предстала весенняя Москва 1920-го г., и по ее улицам солдаты вели уже не проститутку Маслову, а дочь самого романиста. На шествие арестанток горожане вновь реагировали по-разному: извозчики сторонились, давая дорогу, прохожие из интеллигентов «смотрели с сочувствием, иные попроще – со злобой», кто-то из них выкрикнул оскорбительные слова. И, тем не менее, один «низенький приземистый человек», из нынешних «политических», уже посидевших в новоявленной советской тюрьме, вдруг бросился к женщинам со словами сочувствия и ободрения и протянул то единственное, что у него с собой было – огурчики. «Спасибо на добром слове, спасибо! – кричали мы ему вслед» [Толстая: 131], – вспоминала А.Л. Толстая.

Все три сцены свидетельствуют о спонтанном, «здесь и сейчас» проявленном христианском милосердии. Этой прецедентной цепочкой сцен подтверждается точность когда-то выделенной Достоевским черты русского народа. Толстой поддержал своего предшественника в этом представлении,

а Александра Толстая ненамеренно подтвердила собственным опытом.

Московская сцена романа «Воскресение», напоминающая о такой же сцене в «Записках из Мертвого дома», получает свою содержательную глубину и ценность через приобщение к коренным особенностям народного видения жизни. Эта сцена из «Воскресения», – с одной стороны, неотъемлемая часть в изображении Москвы последнего десятилетия XIX столетия, а с другой, – вневременная. Она словно изымается из текущего дня и вписывается в сферу непрерываемого и неколебимого в многовековой истории России.

Перейдем к петербургскому дискурсу, отмечая особенности мотивно-тематического и повествовательного планов петербургских страниц романа, акцентируя внимание на специфическом проявлении авторской оценочной позиции. Если общенародное понимается романистом как «положительное» и как «живая жизнь», то государственное, символическое средоточие которого представляет собою столичный Петербург, являет в романе противоположное начало: отрицательное, теневое, лишённое «живой жизни».

Парадокс заключается в том, что, с одной стороны, петербургские страницы характеризуются разноаспектной и достоверной фактографией (это уже стало предметом для реального комментария [Михновец 20106]), а с другой стороны, отличаются субъективным, зачастую подчеркнuto тенденциозным характером изображения романистом реалий города (напомним, что в структуре повествования точки зрения повествователя и героя сближены; сказанное не относится только к театральной сцене, в которой Нехлюдов на какое-то время поддается искушению, общаясь с Mariette).

Приведем показательные примеры изображения в «Воскресении» столицы России как исключительно прекрасного и чистого города. Первоначально составим реальный комментарий к зачину одного «петербургского» описания повествователем: «Прекрасный, чистый, учтивый извозчик...» [Толстой 32: 254]. Известно, что в конце XIX в. состоятельные петербуржцы не пользовались общественным транспортом (например, конно-железнодорожной), предпочитая индивидуальный. Извозчики того времени «должны были иметь столичный вид: лошадь “годная”, одежда – по форме: синий кафтан, низенький цилиндр с пряжкой спереди. Сбруя должна быть ременная, экипаж-пролетка – приличный, с подъемным верхом от дождя, с кожаным фартуком для ног седоков» [Засосов, Пызин: 49]. Специальная комиссия осуществляла осмотр лошади, экипажа и извозчика. Вместе с тем реальная ситуация была не столь радужной: бытовая жизнь петербургских извозчиков оставалась неустроенной. Композитор И. Стравинский (1882–1971), делясь впечатлениями своего

петербургского детства, вспоминал, что от самих дрожжек «приятно пахло дегтем, кожей и лошадыми». Однако замечал при этом, что «самый сильный запах исходил от самого возницы» и бывали случаи, когда «запахи от немывтого тела проникали сквозь слои одежды, такие же плотные, как у мумии и столь же редко сменявшиеся» [Стравинский: 12]. Мемуарное свидетельство подтверждает: в романе «Воскресение» Толстой не стремился нарисовать объективную и объемную картину города – он создавал исключительно «лакированный» образ имперской столицы.

В романе «Воскресение» Петербург – это благоустроенный, комфортный и чистый город без запаха и цвета. Действие разворачивается в центре столицы, где «все так чисто, удобно, благоустроенно», где можно передвигаться по «чисто политической мостовой». Историки города пишут: «Столица выделялась на фоне всей России благоустроенностью улиц и площадей. Расходы из городского бюджета по этой статье в приведении к версте улиц были в 2, 4 раза больше, чем в Одессе, и в 2, 8 раза больше, чем в Москве. Все улицы были замощены» [Засосов, Пызин: 272]. Еще в 1830-е гг. в центре Петербурга появились торцевые мостовые, которые были удобны как для пешеходов, так и для лошадей. Эти мостовые «избавили улицы от пыли и шума, но требовали частой починки и были дорогими» [Быт пушкинского Петербурга: 65]. Торцы, т. е. распиленные на шестигранные шашки бревна, устанавливали на настил, засыпали песком, заливали горячим дегтем и затем вновь засыпали песком. В сухую погоду центральные улицы города поливали из шлангов (они использовались только в этой части столицы, потому что стоили дорого). Из шлангов «производилась поливка и промывка деревянных торцовых мостовых, их следовало содержать в особой чистоте, так как иначе они издавали неприятный запах» [Юхнёва: 244].

Казалось бы, у романиста были все фактические основания для изображения города как чистого и благоустроенного, тем не менее, он прибегает к гиперболе и рисует Петербург как исключительно чистый, исключительно комфортный город. Обратим внимание на повторы в описаниях: «*Прекрасный, чистый, учтивый извозчик повез его мимо прекрасных, учтивых, чистых городских, по прекрасной, чисто политой мостовой, мимо прекрасных, чистых домов к тому дому на канаве, в котором жила Mariette*» (курсив мой. – Н. М.) [Толстой 32: 254]. Повторы определения «прекрасный» (и его вариантов) задают возможность для деления этого предложения на четыре стиха, а также для формирования анафорического ритма, осуществляющегося уже независимо от содержания и идущего вразрез с ним, а тем самым изнутри подрывающего его. Кроме того, в этом описании стирается грань между одушевленным и неоду-

шевленным, миром человеческим и предметным: в синонимический ряд встают извозчик, городские, мостовые и дома. В петербургских страницах романа подобные описания частотны: «Опять, как в Сенате, он нашел в великолепном помещении великолепных чиновников, чистых, учтивых, корректных от одежды до разговоров, отчетливых и строгих» [Толстой 32: 264]; «Швейцар в необыкновенно чистом мундире», лакей «в еще более чистой ливрее с галунами ... с великолепно расчесанными бакенбардами» [Толстой 32: 254], и т. д.

Обобщая примеры, относящиеся к петербургскому дискурсу в романе «Воскресение», укажем на еще один парадокс. Он состоит в том, что подчеркнутая субъективность и даже тенденциозность автора – есть следствие стремления романиста воссоздать жизнь столицы в ее глубинной сущности: «живая жизнь», как представляется Толстому, выхолащивается вследствие разрыва с жизнью многомиллионного народа. Читатель не может не солидаризироваться с автором: в его восприятии еще «не остыли» деревенские картины (перед Петербургом Нехлюдов побывал в своем имении). Подчеркнуто субъективное авторское освещение петербургской жизни парадоксальным образом становится залогом изображения объективной картины.

В романе «Воскресение» это обусловлено тем, что автор, описывающий и оценивающий процессы современной жизни с позиций сущего и «должного», опирается на народный «взгляд на вещи». Это специфическая особенность творчества позднего Толстого.

«Кризис мировоззрения» Толстого в 1880-е годы, по мысли М.М. Бахтина, «привел прежде всего к кризису эпического авторского слова»: «слово утратило свою уверенность, <...> изображение лишилось точки опоры в приятии изображаемого мира» (курсив мой. – Н. М.) [Бахтин: 211, 210]. Однако в это же десятилетие шла напряженная работа Толстого, позволившая ему вернуться в 1886 г. к литературному творчеству, найти точку опоры в народной жизни и выразить свой собственный взгляд на вещи. В связи с последним заслуживает внимание одно точное суждение, принадлежащее режиссеру П.П. Гайдебурову, несколько раз, в разные десятилетия своей жизни, поставившего на театральной сцене «Власть тьмы» (1886). Он совершенно справедливо заявил об отсутствии в этой толстовской пьесе сугубо публицистической позиции автора, якобы идущей вразрез с художественной природой произведения. По его мнению, необходимо «...рассматривать проповеднические идеи Толстого не как выводы, а как одно из явлений действительности, составляющих предмет сценического изображения» [Гайдебуров: 344]. Этим предметом была народная жизнь с присущей ей стройной системой духовно-нравственных представлений.

Представляется, что мысль режиссера можно экстраполировать на роман «Воскресение». Известный толстовед Я.С. Билинкис справедливо заключил о Толстом: «В повествовании своего последнего романа он внес народные представления в авторский взгляд и раскрыл в своих собственных представлениях их народную основу, слив таким образом свой и народный взгляд воедино» [Билинкис: 413]. Именно это легло в основу создания эпического мира в романе «Воскресение».

Безусловно, стремление писателя согласовать свое мировоззрение, претерпевшее существенные изменения, с народным миропониманием и обрести тем самым «точку опоры в приятии изображаемого мира» нельзя представить однозначно. Этот процесс был исполнен противоречий, авторская позиция могла и расходиться с народной. Наиболее отчетливо это выразилось в «Крейцеровой сонате» (1890), и именно тогда перед автором особенно остро встала проблема единства произведения. В начале 1890-х гг. Толстой неоднократно обращался к ней. Вот одно из его высказываний: «...цемент, который связывает всякое художественное произведение в одно целое и оттого производит иллюзию отражения жизни, есть не единство лиц и положений, а *единство самобытного нравственного отношения автора к предмету*» (курсив мой – Н. М.) [Толстой 30: 18–19].

В романе «Воскресение» расхождение с народным миропониманием нашло свое выражение в сцене пасхального богослужения в тюремной церкви (ч. 1, гл. XXXIX–XL). Нельзя не заметить и то, что эта сцена контрастирует со сценой Великопостной службы в «Записках из Мёртвого дома» Ф.М. Достоевского [Достоевский: 176–177]. Однако эта несогласованность не разрушила в «Воскресении» целостность всего произведения: в доминанте «самобытного нравственного отношения автора к предмету» оставался народный «взгляд на вещи».

Подведем итоги. Роман «Воскресение» предстает как эпический, решающим фактором этого является центральное положение основ народной жизни в ценностной системе произведения, при этом личные истории, отдельные судьбы осмыслены как включенные в общее течение жизни. Роман отличается широта изображения самых разных сторон российской жизни конца XIX в., однако важнейшая роль при воссоздании эпической картины принадлежит самому подходу автора к их освещению. Возросшая роль личного опыта автора, его личной инициативы в понимании и истолковании фактов действительности не противоречат процессу создания эпической картины мира: романист вскрывает значение конкретного факта современности, вводя народную точку зрения и опираясь на неё, соотнося его с основополагающими для человеческого бытия темами (жизни и смерти, труда), способствуя закреплению отдельных фактов (в ка-

честве показательных) в культурной памяти России. Авторская и народная точки зрения находятся, тем не менее, в неоднозначном соотношении, однако его динамику в романе еще предстоит изучить.

Список литературы

Антонов П.А. Мостовые и тротуары // Быт пушкинского Петербурга. Опыт энциклопедического словаря. Л-Я. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2005. 416 с.

Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. М.: Рус. словари, 2000. Т. 2. 800 с.

Билинкис Я.С. О творчестве Л.Н. Толстого. Л.: Советский писатель, 1959. 414 с.

Гайдебуров П.П. Литературное наследие Воспоминания. Статьи. Режиссерские экспликации. Выступления. М.: ВТО, 1977. 464 с.

Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972. Т. 4. 326 с.

Засосов Д.А., Пызин В.И. Из жизни Петербурга 1890–1910-х годов. Записки очевидцев. Л.: Лениздат, 1999. 413 с.

Ломунов К.Н. Над страницами «Воскресения». М.: Современник, 1979. 381 с.

Михновец Н.Г. Учение Дарвина и его культурный феномен в осмыслении Толстого // Яснополянский сборник 2010. Тула: Изд. дом «Ясная Поляна», 2010а. С. 235–248.

Михновец Н.Г. Комментарии // Толстой Л.Н. Воскресение. СПб., Азбука-классика, 2010б. С. 578–637.

Соловьев Вл. Собр. соч.: в 10 т. СПб.: «Просвещение», 1912. Т. 3.

Стравинский И. Диалоги. Воспоминания. Размышления. Комментарии. Л.: Музыка, 1971. 414 с.

Толстая А.Л. Дочь. М.: АО «Книга и бизнес», 1992. 464 с.

Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 тт. М.; Л.: Худ. лит, 1928–1958.

Юхнёва Е. Петербургские доходные дома. Очерки из истории быта. М.; СПб.: Центрполиграф, 2008. 379 с.

References

Antonov P.A. *Mostovye i trotuary* [Bridge and sidewalks]. *Byt pushkinskogo Peterburga. Opyt entsiklopedicheskogo slovaria. L-Ia*. [Life of Pushkin Petersburg. The experience of the encyclopedic dictionary. L - Z]. St. Petersburg, Ivan Limbakh Publ., 2005, 416 p. (In Russ.)

Bakhtin M.M. *Sobranie sochinenii*. T. 2. [Collected works. Vol. 2]. Moscow, Rus. slovari Publ., 2000, 800 p. (In Russ.)

Bilinkis Ia.S. *O tvorchestve L.N. Tolstogo*. [On the work of L.N. Tolstoy]. Leningrad, Sovetskii pisatel Publ., 1959, 414 p. (In Russ.)

Gaideburov P.P. *Literaturnoe nasledie Vospominaniia. Stat'i. Rezhisserskie eksplikatsii. Vystupleniia*. [Literary heritage Memories. Articles. Director's explication. Performances]. Moscow, VTO Publ., 1977, 464 p. (In Russ.)

Dostoevskii F.M. *Poln. sobr. soch*. T. 4. [Complete works. Vol. 4]. Leningrad, Nauka Publ., 1972, 326 p. (In Russ.)

Zasosov D.A., Pyzin V.I. *Iz zhizni Peterburga 1890–1910-kh godov. Zapiski ochevidtsev*. [From the life of St. Petersburg in the 1890s and 1910s. Eyewitness accounts]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1999, 413 p. (In Russ.)

Lomunov K.N. *Nad stranitsami «Voskreseniia»*. [Above the Resurrection Pages]. Moscow, Sovremennik Publ., 1979, 381 p. (In Russ.)

Mikhnovets N.G. *Uchenie Darvina i ego kul'turnyi fenomen v osmyslenii Tolstogo* [The doctrine of Darwin and his cultural phenomenon in understanding Tolstoy]. *Iasnopolianskii sbornik 2010* [Yasnaya Polyana Collection 2010]. Tula: Izd. dom «Iasnaya Poliana» Publ., 2010a, pp. 235–248. (In Russ.)

Mikhnovets N.G. *Kommentarii* [Comments]. Tolstoy L.N. *Voskresenie*. [Tolstoy L.N. Resurrection]. St. Petersburg, Azbuka-klassika Publ., 2010b, pp. 578–637. (In Russ.)

Solov'ev Vl. *Sobr. soch*. T. 3. [Collected works. Vol. 3]. St. Petersburg, Prosveshchenie Publ., 1912. (In Russ.)

Stravinskii I. *Dialogi. Vospominaniia. Razmyshleniia. Kommentarii*. [Dialogs. Memories. Reflections Comments]. Leningrad, Muzyka Publ., 1971, 414 p. (In Russ.)

Tolstaia A.L. *Doch'*. [Daughter]. Moscow, АО «Книга i biznes» Publ., 1992, 464 p. (In Russ.)

Tolstoy L.N. *Poln. sobr. soch.: v 90 tt*. [Complete works: in 90 vols]. Moscow, Khud. Lit. Publ., 1928–1958. (In Russ.)

Iukhneva E. *Peterburgskie dokhodnye doma. Ocherki iz istorii byta*. [Petersburg apartment buildings. Essays from the history of life]. Moscow, St. Petersburg, Tsentrpoligraf Publ., 2008, 379 p. (In Russ.)

ИДЕЯ РАСКОЛЬНИКОВА В ПЕРЕВОДЕ НА ВЬЕТНАМСКИЙ ЯЗЫК

В статье рассматривается перевод на вьетнамский язык идеи главного героя романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» Родиона Раскольникова. Используются все имеющиеся во Вьетнаме переводы романа Достоевского, выполненные с языка-оригинала. Проведен сопоставительный анализ переводов словесного оформления идеи Раскольникова с последующими обратными переводами и их анализом. Показано, что переводчики делают акцент на удручающей бедности Раскольникова, на его социальном протесте как главной побудительной причине совершенного им преступления. Ослаблен интерес к идее героя, к ее скрытому богоборческому характеру: герой бросает вызов не только возмущающей его социальной несправедливости, но и основам православия, согласно которым закон нравственного добра исходит не от человека, а от Бога. Показано, что работая над переводом «Преступления и наказания», вьетнамские переводчики испытали несколько трудностей, главная из которых – в непонимании и незнании специфики религиозно-бытовой и культурной жизни русского человека середины XIX века. Реалии бытового и духовного православия часто заменяются реалиями буддистского культа, что привносит в роман не свойственный ему «восточный» религиозный колорит. Предлагаются некоторые конкретные уточнения в уже имеющиеся переводы.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, «Преступление и наказание», идея, герой-идеолог, эквивалентность, перевод, межкультурная коммуникация, христианская культура, бытовая культура.

Информация об авторе: Нгуен Тхи Хоан, аспирант, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия.
E-mail: nguyenthahoan19111989@gmail.com

Дата поступления статьи: 05.03.2020.

Для цитирования: Нгуен Т.Х. «Идея Раскольникова» в переводе на вьетнамский язык // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 2. С. 139–144. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-139-144.

Nguyen Thi Hoan
Ivanovo State University

RODION RASKOLNIKOV'S IDEA IN VIETNAMESE TRANSLATION

The article discusses the translation into Vietnamese of excerpts about the protagonist Rodion Raskolnikov's idea in Fyodor Dostoevsky's novel «Crime and Punishment». We used all available Vietnamese translations of Fyodor Dostoevsky's novel, adapted of the original language. We have done a comparative analysis of translations of the verbal conceptualisation of Rodion Raskolnikov's ideas and their reverse translations accompanied by their analysis. What is worth drawing attention to, are the depressing poverty of Raskolnikov, his social protest as the main motives which made the hero to pass to the terrible crime. There is weakened interest in the hero's idea, in its hidden godless character of Raskolnikov's ideas – the protagonist challenges not only the outrageous social injustice, but also the foundations of Orthodoxy, according to which the Law of moral goodness comes from God rather than from humans. It has been shown that Vietnamese translators, working on the translations of «Crime and Punishment», have experienced several difficulties. The main one is their lack of understanding and knowledge of the realia from Russian people's daily religious and cultural life in the mid-19th century. The realities of everyday life and spiritual Orthodoxy are often replaced by the realities of the Buddhist cult, which brings to the novel an unusual «oriental» religious flavour. Some specific clarifications are suggested for unclear content in the available translations.

Keywords: Fyodor Dostoevsky, «Crime and Punishment», idea, ideologist character, equivalence, translation, interculture, Christian culture, everyday culture.

Information about the author: Nguyen Thi Hoan, graduate student, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia.
E-mail: nguyenthahoan19111989@gmail.com

Article received: March 05, 2020.

For citation: Nguyen Thi Hoan. Rodion Raskolnikov's idea in Vietnamese translation. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 2, pp. 139–144 (In Russ.). DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-139-144.

В статье впервые детально проанализированы те главы романа «Преступление и наказание», переведенные тремя вьетнамскими авторами: Чыонг Динь Кы (1972), Ли Куок Шинь (1973), Као Суан Хао (1982–1983), – в которых раскрывается идея Раскольникова, с последующим обратным переводом и аналитическим комментарием. В романе идея Раскольникова наиболее ярко представлена в следующих главах: гл. 6, ч. 1 (разговор студента и офицера, свидетелем которого случайно стал Раскольников), гл. 5, ч. 3 (обсуждение статьи Раскольникова), гл. 4, ч. 4 (первый приход Раскольникова к Соне), гл. 4, ч. 5 (второй приход Раскольникова к Соне).

В представленной статье мы рассматриваем две первые названные главы, в которых идея Раскольникова увидена чужими (студент) или polemично настроенными к нему людьми (Порфирий Петрович, Разумихин). Прделанный нами анализ убеждает в том, что во Вьетнаме преобладает социологический подход к прочтению романа Достоевского. Монография М.М. Бахтина «Проблемы поэтики Достоевского», в которой дано классическое определение героя Достоевского (Раскольникова в том числе) как героя-идеолога, была переведена на вьетнамский язык лишь в 1992–1993 гг.

Социологическое прочтение романа «Преступление и наказание» впервые было осуществлено Д.И. Писаревым в статье «Борьба за жизнь». Завершая статью, он пишет: «Эту теорию никак нельзя считать причиной преступления, так точно как галлюцинацию больного невозможно считать за причину преступления. <...> Настоящей и единственной причиной являются все-таки тяжелые обстоятельства» [Писарев: 110].

М.М. Бахтин, напротив, именно идею Раскольникова считает основной причиной совершенного им преступления: «Всем героям Достоевского дано “горная мудрствовати и горних искати”, в каждом из них “мысль великая и неразрешенная”, всем им прежде всего “надобно мысль разрешить”. И в этом-то разрешении мысли (идеи) вся их подлинная жизнь и собственная незавершенность. Если отмыслить от них идею, в которой они живут, то их образ будет полностью разрушен. Другими словами, образ героя неразрывно связан с образом идеи и неотделим от него. Мы *видим* героя в идее и через идею. А идею мы *видим* в нем и через него» [Бахтин: 98–99]. Мысль Бахтина о том, что нигде в романе нет изложения идеи Раскольникова в монологической форме, что она рождается, живет и раскрывается только в непрерывном диалоге с другими героями и с самим собой, сейчас можно считать общепризнанной [см., например, Касаткина: 319–320].

Впервые идея Раскольникова звучит в изложении безымянного студента, свидетелем разговора которого с офицером он случайно стал. По его

признанию, этот разговор «имел чрезвычайное на него влияние при дальнейшем развитии дела»: «Раскольников был в чрезвычайном волнении. Конечно, всё это были самые обыкновенные и самые частые, не раз уже слышанные им, в других только формах и на другие темы, молодые разговоры и мысли. Но почему именно теперь пришлось ему выслушать именно такой разговор и такие мысли, когда в собственной голове его только что зародились... *такие же точно мысли?* И почему именно сейчас, как только он вынес зародыш своей мысли от старухи, как раз и попадает он на разговор о старухе?... Станным всегда казалось ему это совпадение» [Достоевский 6: 55].

В оригинальном тексте трижды использовано слово «именно» («именно теперь», «именно сейчас», «именно такой разговор и такие мысли»), чтобы акцентировать внимание на одномоментности происходящих событий: появление зародыша странной мысли в голове Раскольникова и изложение тех же мыслей студентом. В переводе Чыонг Динь Кы замена слов «именно теперь» (то есть именно сейчас, когда студент только что изложил свою идею) словами «именно сегодня» (то есть в любой момент сегодняшнего дня) снижает напряженность происходящего на наших глазах внутреннего диалога Раскольникова со своим теоретическим единомышленником. Отметим, что все три переводчика не обратили внимания на неслучайное повторение слова «именно».

Кроме того, в переводах Чыонг Динь Кы и Ли Куок Шинь важная фраза «при дальнейшем развитии дела» не переводится точно. Мысли студента, которые Раскольников случайно услышал в трактире именно в то время, когда странная мысль только что появилась в его голове, оказали сильное влияние на его решение «переступить закон» в будущем, а не только «trong suốt thời gian sự việc xảy ra» (в течение времени, когда произошло дело – Чыонг Динь Кы) и «trong suốt vụ này» (в течение этого дела – Ли Куок Шинь). Логика этой странной мысли требовала преступления, ведущего от злодеяния единичного – убийства вредной старухи – к убийству её сестры, кроткой Лизаветы.

Студент предлагает убить «проклятую старуху» «без всякого зазору совести» и на ее деньги спасти от нищеты и разложения десятки семейств: «Убей ее и возьми ее деньги, с тем чтобы с их помощью посвятить потом себя на служение всему человечеству и общему делу... не загладится ли одно крошечное преступленьце (выделено мной. – Н. Т. Х.) тысячами добрых дел? За одну жизнь – тысячи жизней, спасенных от гниения и разложения. Одна смерть и сто жизней взамен – да ведь тут арифметика! Да и что значит на общих весах жизнь этой чахоточной, глупой и злой старушонки? Не более как жизнь вши, таракана, да и того не стоит, потому что старушонка вред-

на» [Достоевский 6: 54]. Идеи устранения социальной несправедливости посредством насилия давно «витали в воздухе», Раскольников прав, утверждая, что подобные «молодые разговоры и мысли» не стали для него новостью.

Здесь «без всякого зазору совести» значит «без всякого угрызания совести», которое переводится автором Чьонг Динь Кы «*chẳng có gì thối mắt cả*» (никакого сомнения нет) и Ли Куок Шинь «*chẳng mảy may hối hận*» (без всякого раскаяния). Переводчики не передают умысел Раскольникова, скрытый не в единожды повторенном слове «совесть». Заметим, что все три переводчика допустили немалую погрешность, заключающуюся в том, что частица «бы», присутствующая в оригинале, в переводах пропущена. Именно из-за невнимания авторов гипотеза, существующая только в голове студента, в переводах становится его реалистическим желанием. На самом деле, отвечая на вопрос офицера: «Вот ты теперь говоришь и ораторствуешь, а скажи ты мне: убьешь ты сам старуху или нет?», – он утвердительно ответил: «Разумеется, нет! Я для справедливости... Не во мне тут и дело...» [Достоевский 6: 55]. А дело, по мнению автора «Преступления и наказания», именно в человеке, не случайно в тексте курсивом акцентировано слово «сам». Раскольников озлоблен на весь белый свет: в последний приход в Соне он признался в том, что он самолюбив, завистлив, зол, мерзок. Придя в первый раз к старухе-процентщице, еще ничего не зная о ней, он «почувствовал к ней непреодолимое отвращение». А для студента Алена Ивановна и «славная», и «стерва ужасная» [Достоевский 6: 53]. Идея студента головная (отсюда убийство с высокой целью для него уже не преступление, но все еще «преступленьице»), Раскольников же в сердце своем решил, что предполагаемое и осуществленное им «предприятие» не есть преступление.

Отметим, в переводах слово «преступленьице» переведено то как «*tội giết người*» (преступление убийства – Чьонг Динь Кы), то как «*trọng tội*» (серьезное преступление – Ли Куок Шинь), то как «*tội ác*» (преступление – Као Суан Хао). Получается абсурдная ситуация: «серьезное преступление» не может быть «крошечным». Переводчики не уловили глубинный идеологический и личностный характер происходящего. Мы предлагаем перевести это слово как «*sự mất tội nhỏ*» («преступленьице»).

Услышав слова студента, «Раскольников вздрогнул». В переводе Ли Куок Шинь глагол «вздрогнул» передается глаголом «*tùng mình*», обозначающим во вьетнамском словаре резкие судорожные движения от испуга или от холода. На наш взгляд, Раскольников сделал резкое судорожное движение от совпадения идеи студента с его собственными мыслями. Во вьетнамском и русском языках есть фразеологизм «*có tật giật mình*» / «На воре шапка горит». Думается, фразеологизм здесь будет умест-

нее. Именно это и сделано в переводах Чьонг Динь Кы и Као Суан Хао.

Суть идеи, изложенной Раскольниковым в разговоре с Порфирием Петровичем, состоит в следующем: «...люди, по закону природы, разделяются *вообще* на два разряда: на низший (обыкновенных), то есть, так сказать, на материал, служащий единственно для зарождения себе подобных, и собственно на людей, то есть имеющих дар или талант сказать в среде своей *новое слово*» [Достоевский 6: 200].

К идее Раскольникова привели размышления над всей историей человечества и наблюдения над социальным устройством и нравственными нормами окружающего его общества, законы которого он считает вечными и неизменными. Уже из статьи следует, что Раскольников относит себя к «*высшему разряду*», члены которого могут и должны «*переступить законы*» ради идеи, «спасительной для человечества».

В словаре русского языка «*природа*» – окружающая людей совокупность естественных условий на земле (поверхность, растительность, климат), не созданных деятельностью человека. Кроме прямого значения, это слово еще имеет переносное значение, обозначающее сущность, прирожденное свойство, натуру, характер кого/ чего-либо [Евгеньева]. А во вьетнамском языке «*thiên nhiên*» (*природа / окружающая среда*) имеет единственное значение, представляющее собой объективное явление, которое существует вне и независимо от сознания человека. Иными словами, это всё, что людей окружает, за исключением вещей, созданных человеческими руками. Здесь Раскольников, излагая свою идею, хотел подчеркнуть естественное свойство людей, а не «*trật tự của thiên nhiên*» (порядок окружающей среды), как в переводе Ли Куок Шинь.

Мы считаем слова «*tạo hoá*» (*творец мира*) в переводах Чьонг Динь Кы и Као Суан Хао ближе к оригиналу, потому что во Вьетнаме они обозначают верховное существо, создавшее мир (вселенную), управляющее им, покровительствующее всем. Во вьетнамском языке при обозначении врождённого свойства употребляется выражение «*do tạo hoá/ do trời sinh*» (*по закону творца мира/ по богу*) – то есть по тому, что порождено Богом.

Очевидно, что многозначность русских слов вызывает трудность у переводчиков. Отметим, что Ли Куок Шинь постоянно делает семантическую ошибку при передаче слова «*природа*».

Другая неудача в использовании слов в том же переводе заключается в том, что вместо фразы «*собственно на людей*», «*имеющих дар или талант, сказать в среде своей новое слово*» переводчик употребляет сочетание «*những con người chân thực*» (*искренние/честные люди*). Возникает ситуация «наизнанку»: честными, искренними оказываются те, которые позволили себе «*перешагнуть через кровь по совести*» во имя великой социальной

идеи. Раскольников предстает борцом за счастье «униженных» и «оскорбленных».

В этом же переводе автор употребляет слово «*cánh giời*» (*пределы*) вместо «*среда*». В этом случае замена удачна. Во вьетнамском языке «*cánh giời*» (*пределы*) – многозначное древнекитайско-вьетнамское слово, обозначающее грань, место и обстоятельство, которое в настоящее время звучит только в практике буддизма. По нашему наблюдению, два автора – Чьонг Динь Кы и Ли Куок Шинь – часто используют устаревшие китайско-вьетнамские слова.

Раскольников констатирует: «... все, не то что великие, но и чуть-чуть из колеи выходящие люди... должны, по природе своей, быть непременно преступниками» [Достоевский 6: 200]. Здесь «*чуть-чуть из колеи выходящие люди*» – люди, способные мыслить более или менее оригинально. Мы считаем, что в этом случае перевод «*bất kỳ kẻ nào hơi đứng ra ngoài những thành kiến, không thích thủ cựu*» (*стоящий вне предрассудков, всякий, которому не нравится рутина*) Чьонг Динь Кы ближе к оригиналу, чем перевод «*tất cả những người nào chỉ vượt cao lên bên trên mức thông thường của nhân loại*» (*все только поднимающиеся выше нормального уровня человечества люди*) Ли Куок Шинь или «*những người chỉ vượt lên trên mức bình thường một tí*» (*чуть-чуть поднимающиеся выше нормального уровня люди*) Као Суан Хао. На наш взгляд, замена слова «*преступник*» в переводе Ли Куок Шинь на «*kẻ phạm pháp*» (*правонарушитель*) неудачна: у Достоевского речь идет не столько о преступлении в рамках уголовного законоположения, сколько о пере-ступлении вечного нравственного закона.

Переходим к анализу предложения: «... в следующих поколениях эта же масса ставит казненных на пьедестал и им поклоняется (более и менее)» [Достоевский 6: 200].

Остановимся на понимании словосочетания «*hương khói*» (поклоняться) в переводе Као Суан Хао. Оно состоит из двух слов: «*hương*» (аромат) и «*khói*» (дым), отсылающих к древней вьетнамской традиции зажигать ароматические палочки для поклонения предкам. Обычай культа предков и умерших является очень важным верованием в жизни вьетнамцев, создающий вьетнамский культурный колорит. Большинство семей во Вьетнаме имеет алтарь/жертвенник, на котором в чаши, наполненные золой, ставят зажженные ароматические палочки. Обычай «зажигать ароматические палочки» – важный буддистский обряд, напоминающий сжигание ладана при богослужении в православной церкви. Као Суан Хао привносит реалии самой распространенной во Вьетнаме религии на русскую религиозную почву, при этом почти интуитивно нащупывает точки соприкосновения в обрядах поминовения усопших как в православии, так и традиционной вьетнамской религии.

В диалоге Порфирия Петровича и Раскольникова упоминается Новый Иерусалим, в который Раскольников, по его словам, твердо верует. Образ этот восходит к Апокалипсису, к одной из наиболее почитаемых Достоевским книг Нового Завета. В философско-культурном контексте XIX века *Новый Иерусалим* – широкий символ осуществления всех надежд, имеющий как чисто мистическое, так и религиозно-утопическое толкование. Так, по учению сен-симонистов, идеями которых молодой Достоевский увлекался, вера в *Новый Иерусалим* означала веру в наступление нового земного рая – «золотого века».

Раскольников говорит о конце и итоге всемирной истории, но, по всей вероятности, и о возможности «земного рая».

Чьонг Динь Кы перевел «*Новый Иерусалим*» как древнейший город государства Израиль, крупнейший религиозный центр трех монотеистических религий. Во вьетнамском языке «*thành*» [тхань] – сокращение слова «*thành phố*» (*город*). Мы считаем замену слов «*Новый Иерусалим*» на фразу «*перестройка города Иерусалима*» в этом переводе неудачной, ибо таким образом устраняется мистический смысл образа. В переводах Ли Куок Шинь и Као Суан Хао сохраняется как буквальная, так и мистическо-символическая суть образа Нового Иерусалима, что более точно соответствует оригиналу.

Обнимая мыслью в своей теории всю всемирную человеческую историю, Раскольников приходит к выводу, что всегда и везде основной формой и законом исторического прогресса было преступление. От идеи Раскольникова Разумихин ужаснулся. Он вскричал: «Ну, брат, если действительно это серьезно, то... Ты, конечно, прав, говоря, что это не ново и похоже на всё, что мы тысячу раз читали и слышали; но что действительно оригинально во всем этом, – и действительно принадлежит одному тебе, к моему ужасу, – это то, что всё-таки кровь *по совести* разрешаешь, и, извини меня, с таким фанатизмом даже... В этом, стало быть, и главная мысль твоей статьи заключается. Ведь это разрешение крови *по совести*, это... это, по-моему, страшнее, чем бы официальное разрешение крови проливать, законное...» [Достоевский 6: 202–203]. Это одно из ключевых мест романа. Впервые речь зашла об оригинальности идеи, только Раскольникову принадлежащей. Выделенные курсивом слова направляют читательское восприятие в нужном автору русле.

Рассмотрим передачу слова «*ужас*» в переводах Чьонг Динь Кы и Ли Куок Шинь. Оно заменяется то словом «*hơi sợ*» (*немножко пугать*), то «*biết*» (*грустить*). Хотя глагол «*пугать*» и существительное «*ужас*» синонимичны по значению, но между ними есть разница по выразительному нюансу. «*Пугать*» – внушать кому-либо чувство страха, «*ужас*» же есть чрезвычайное состояние очень сильного

страха, то есть высшая его степень. Совсем неудачна замена слова «ужас» глаголом «*đuộc*» (*grustit*) в переводе Ли Куок Шинь. В этих переводах уменьшено состояние чрезмерного ужаса, в котором Разумихин находится от идеи Раскольникова, “разрешающего кровь по совести”. По мнению Разумихина, Раскольников посягнул своей идеей не только на человеческую, но и на Божескую правду.

Совсем неудачна в переводе Чьонг Динь Кы замена сочетания «кровь по совести» фразой «*máu đò vói ú thíc gđ gàng*» (кровь с ясным сознанием). В болезненном сознании героя не случайно соседствуют друг с другом Наполеон и Мессия (Христос). Раскольников впадает в грех самообожествления. Он полагает, что законодателем нравственности является не Бог, а человек. «Совесть в идее героя поставлена в прямую зависимость от исполнения “необыкновенными” их “метафизического долга”: верность этому долгу как раз и становится их внутренним нравственным критерием и обуславливает – даже в преступлении – их согласие с собственной совестью» [Тихомиров: 248].

Нами было отмечено, что в переводах Чьонг Динь Кы и Као Суан Хао авторский курсив сохранен. В переводе Ли Куок Шинь слово «по совести» вовсе выпущено.

Передача идеи Раскольникова с русского языка на вьетнамский оказывается непростой задачей для переводчиков. Наблюдения над переводами показывают: 1) все переводчики сохранили оригинальный текст в полном объеме, тем не менее иногда оставляя без перевода ключевые слова, например такие, как «преступленьице» в речи студента, «кровь по совести» в речи Разумихина; 2) метафизический, богоборческий смысл идеи Раскольникова передан чрезвычайно поверхностно. По всей видимости, авторы переводов не придают должного значения идее Раскольникова как одной из главных побудительных причин совершенного им преступления. Так, До Хай Фонг, обозревая почти вековую историю общения вьетнамцев с творчеством Достоевского и называя драгоценную «жемчужину», полученную ими в результате этого общения, уверенно констатирует: «Особенно ценным культурным обретением оказалась “социальная сентиментальность” писателя, его боль за униженных и оскорбленных, утопическая мечта о соборной “деятельной любви”» [До: 234]; 3) реалии религиозно-культурной жизни русского человека середины XIX века часто заменяются специфическими подробностями буддистского культа, что привносит в роман не свойственный ему «восточный» религиозный колорит.

Список литературы

Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2002. 341 с.

Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука. 1972–1990. Т. 6. Л.: Наука, 1973. 423 с. (В тексте статьи ссылки даются на данный том с указанием страницы.)

До Хай Фонг. Достоевский во Вьетнаме // Достоевский: Материалы и исследования. СПб.: Наука, 2013. Вып. 20. С. 220–234.

Дьяченко Григорий. Полный церковно-славянский словарь. М.: Издательский отдел Московского Патриархата, 1993. 1159 с.

Евгеньева А.П. Малый академический словарь: в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (20.11.2019).

Као Суан Хао. Перевод романа «Преступление и наказание»: в 2 т. Ханой: Литература, 1982. Т. 1. 464 с.

Касаткина Т.А. Характерология Достоевского. Типология эмоционально-ценностных ориентаций. М.: Наследие, 1996. 336 с.

Ли Куок Шинь. Перевод романа «Преступление и наказание». Шайгон: Нгуон Шанг, 1973. 819 с.

Писарев Д.И. Борьба за жизнь // Писарев Д.И. Собр.соч.: в 4 т. Т. 2. М.: Гослитиздат, 1956. С. 98–119.

Тихомиров Б. «Лазарь! Гряди вон»: Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: Книга-комментарий. СПб.: Серебряный век, 2005. 472 с.

Чьонг Динь Кы. Перевод романа «Преступление и наказание»: в 2 т. Шайгон: Хай Чи, 1972. 1173 с.

References

Bakhtin M.M. *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of poetics of Dostoevsky]. Moscow, Russkie slovari Publ., Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2002, 341 p. (In Russ.)

Dostoevskii F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 t.* [Full composition of writings: in 30 vols.]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. Vol. 6. Leningrad, Nauka, 1973. 423 p. (In Russ.)

Do Khai Fong. *Dostoevskii vo V'etname* [Dostoevsky in Vietnam]. *Dostoevskii. Materialy i issledovaniia* [Dostoevsky. Materials and research]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2013, vol. 20, pp. 220–234. (In Russ.)

D'iachenko Grigorii. *Polnyi tserkovno-slavianskii slovar'* [Complete Church Slavonic Dictionary]. Moscow, Izdatel'skii otdel Moskovskogo Patriarkhata Publ., 1993, 1159 p. (In Russ.)

Evgen'eva A.P. *Malyi akademicheskii slovar': v 4 t.* [Small Academic Dictionary: in 4 vols.]. РАН, In-t lingvistich.issledovani. Moscow, Rus. iaz. Publ., Poligrafresursy Publ., 1999. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (20.11.2019). (In Russ.)

Kao Suan Khao. *Perevod romana «Prestuplenie i nakazanie»: v 2 t.* [Translation of the novel «Crime

and Punishment»: in 2 vols.]. Kanoi, Literatura Publ., 1982, vol. 1, 464 p. (In Russ.)

Kasatkina T.A. *Kharakterologiya Dostoevskogo. Tipologiya emotsional'no-tsennostnykh orientatsii* [Characterology of Dostoevsky. Typology of emotional value orientations]. Moscow, Nasledie Publ., 1996, 336 p. (In Russ.)

Li Kuok Shin'. *Perevod romana «Prestuplen i einakazanie»* [Translation of the novel «Crime and Punishment»]. Shaigon, Nguon Shang Publ., 1973, 819 p. (In Russ.)

Pisarev D.I. *Bor'ba za zhizn'* [The struggle for life.] *Pisarev D.I. Sobr.soch.: v 4 t.* [Pisarev D.I. Composition

of writings: in 4 vols.]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1956, pp. 98–119. (In Russ.)

Tikhomirov B. «Lazar'! Griadi von»: *Roman F.M. Dostoevskogo «Prestuplen i einakazanie» v sovremennom prochtenii: kniga-kommentarii* [«Lazarus! Come Out»: Roman F.M. Dostoevsky's «Crime and Punishment» in the modern reading: comment Book]. St. Petersburg, Serebrianyi vek Publ., 2005, 472 p. (In Russ.)

Chyong Din' Ky. *Perevod romana «Prestuplen i einakazanie»*: v 2 t. [Translation of the novel Crime and Punishment: in 2 vols.]. Shaigon, Khai Chi Publ., 1972, 1173 p. (In Russ.)

Романова Галина Ивановна
Московский городской педагогический университет
Ризаева Кристина Владимировна
Московский городской педагогический университет

ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА ДИЛОГИИ М.Н. АЛЬБОВА «О ЛЮДЯХ, “ВЗЫСКУЮЩИХ ГРАДА”»

Рассмотрена жанровая специфика повестей М.Н. Альбова «Воспитание Лельки» и «Сутки на лоне природы». Дан историко-типологический анализ обоих произведений. Анализируются хронотоп, тип сюжетов, особенности организации речи в обеих повестях, рассмотренных как дилогия. Дана обзорная характеристика бытования жанра повести в русском литературном процессе, отмечена исключительная принадлежность жанра повести русской литературе. Обозначены литературные тенденции конца XIX в., указывается значительная роль жанра повести в русской литературе во второй половине XIX в. Отмечены две традиции в определении специфики жанра повести: по формальным признакам и по содержательным характеристикам. Дана общая специфика произведений Альбова – статичность характеров героев при многократном использовании одних и тех же имен персонажей, их историй в разных произведениях писателя. Повесть Альбова «Воспитание Лельки» характеризуется как сюжетно традиционная для литературы о страдающих детях, делается вывод о творческом восприятии писателем произведений Достоевского. Повесть Альбова «Сутки на лоне природы» определяется как сюжетно не взаимосвязанная с повестью «Воспитание Лельки». В статье доказывается, что повести составляют дилогию. Отмечено преобладание психологизма в изображении героинь обеих повестей, выявлен жанровый инвариант повести, характерный для беллетристики последней трети XIX в.

Ключевые слова: жанр, повесть, повествователь, М.Н. Альбов, дилогия, беллетристика, традиция.

Информация об авторах: Романова Галина Ивановна, ORCID 0000-0002-6173-2411, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской литературы Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета, г. Москва, Россия.

E-mail: galinroma@mail.ru

Ризаева Кристина Владимировна, ORCID 0000-0001-6163-0629, Московский городской педагогический университет, г. Москва, Россия.

E-mail: minushinak@gmail.com

Дата поступления статьи: 30.04.2020.

Для цитирования: Романова Г.И., Ризаева К.В. Жанровая специфика дилогии М.Н. Альбова «О людях, “взыскующих града”» // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 2. С. 145–150. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-145-150.

Galina I. Romanova
Moscow State Pedagogic University
Kristina V. Rizayeva
Moscow State Pedagogic University

GENRE SPECIFICITY OF MIKHAIL ALBOV'S DILOGY “OF PEOPLE «IN SEARCH OF THE CITY»”

Genre specifics of the stories «Lyol'ka's Upbringing» and «A Day in the Vastness of Nature» by Mikhail Albov is considered. Historical-typological analysis of both works is given. Chronotope, type of plots, features of speech organisation in both stories, which are considered as a diology, are analysed. The overview characteristic of the existence of the genre of story in the Russian literary process is given, the exclusive affiliation of story genre to Russian literature is noted. Literary trends of the late 19th century are marked, the significant role of the story genre in Russian literature in the 2nd half of the 19th century is indicated. Two traditions in determining the specifics of the story genre – by formal features and by meaningful characteristics – are noted. Mikhail Albov's works general specificity - the static character of heroes when repeatedly using the same names and life stories of characters in different works of the writer – is presented. The story «Lyol'ka's Upbringing» by Mikhail Albov is characterised as storytelling traditional one for literature about suffering children, a conclusion about the writer's creative perception of Fyodor Dostoevsky's works is made. The story «A Day in the Vastness of Nature» by Mikhail Albov is defined as one unrelated to the story «Lyol'ka's Upbringing» by plot. The article proves that the stories constitute a diology. Prevalence of psychology in portraying heroines of both stories is noted; the genre invariant of a story, characteristic of belles lettres of the last third of the 19th century, is identified.

Keywords: genre, story, narrator, Mikhail Albov, diology, belles lettres, tradition.

Information about the authors: Galina I. Romanova, ORCID 0000-0002-6173-2411, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Professor of Russian Literature department, Institute for the Humanities of Moscow City Pedagogic University, Moscow, Russia.

E-mail: galinroma@mail.ru

Kristina V. Rizayeva, ORCID 0000-0001-6163-0629, Institute for the Humanities of Moscow City Pedagogic University, Moscow, Russia.

E-mail: minushinak@gmail.com

Article received: April 30, 2020.

For citation: Romanova G.I., Rizayeva K.V. Genre specificity of Mikhail Albov's dilogy "Of People «in Search of the City»" // Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 2, pp. 145–150 (In Russ.). DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-145-150.

Эстетические искания русских писателей последней трети XIX в. сказались и в смене жанровой парадигмы. Основная тенденция времени в этом отношении – переход от крупной формы – к малой, от романов – к повестям и рассказам. Так, уже в середине XX в. исследователи соглашались с тем, что в конце XIX в. роман ушел на периферию [Баскаков], [Цейтлин]. Однако такой вывод был сделан на основе анализа творчества классиков русской литературы. Исследование беллетристики того же периода может привести к иным результатам. В творчестве писателей второго ряда, в частности, достаточно популярного в свое время писателя М.Н. Альбова, произведения которого высоко оценивались критиками – его современниками (К. Чуковским, В. Короленко, И. Шмелевым, и др.), мы видим другой пример жанровых изменений. Здесь очевидно обратное движение: от жанров малой прозы к средней и крупной форме, от фрагментов, очерков, набросков – к жанрам повести и романа. Хотя, по словам И.А. Бунина, из-за таких авторов «ломали копья, их книги казались событиями, а история литературы едва уделит им три строчки» [Бахрах: 103] в общей картине развития жанров в литературном процессе, их значение несомненно. Обратимся к повестям Альбова, составившим дилогию, – «Воспитание Лёльки» и «Сутки на лоне природы», – опубликованным в 1880 г.

Жанр представляет собой основу литературной и шире – культурной традиции. Как подчеркивал М.М. Бахтин, считавший именно жанры «главным героем» литературы, «произведение уходит своими корнями в далекое прошлое. Великие произведения литературы подготавливаются веками, в эпоху их создания снимаются только зрелые плоды длительного и сложного процесса созревания» [Бахтин: 350]. Другими словами, работе автора над данным текстом предшествует работа времени над многими его элементами, над жанром как неким типом целостности, поэтому исследование жанровой традиции составляет часть творческой истории каждого литературного произведения.

Среди жанров, характерных только для русской литературы, видное место занимает повесть. Распространенный в древнерусской литературе («Повесть о нашествии Батыя на Рязань», «Повесть

о Петре и Февронии»), этот жанр приобрел популярность в литературе нового времени. Русские романтики (В.Ф. Одоевский, А.А. Бестужев-Марлинский и др.) давали своим произведениям жанровый подзаголовок «повесть». Классическими стали повести А.С. Пушкина и Н.В. Гоголя. Литературно-художественная практика потребовала теоретического осмысления специфики жанра. В статье «О русской повести и повестях г. Гоголя (“Арабески” и “Миргород”»)» (1835) В.Г. Белинский писал: «Ее форма может вместить в себе все, что хотите – и легкий очерк нравов, и колкую саркастическую насмешку над человеком и обществом, и глубокое таинство души, и жестокую игру страстей. Краткая и быстрая, легкая и глубокая вместе, она перелетает с предмета на предмет, дробит жизнь на мелочи и вырывает листки из великой книги этой жизни» [Белинский 1: 271–272]. Во второй половине XIX в. повесть не утрачивает своей популярности, которая только растет к началу XX в. Практически все писатели советского периода пробовали себя в этом прозаическом жанре, «неустойчивого объема (преимущественно среднего между романом и рассказом), тяготеющим к хроникальному сюжету, воспроизводящему естественное течение жизни» [Кожин: 814].

Жанровый канон, сложившийся во второй половине XIX в., предполагал определенную сюжетную схему и характерный хронотоп, а также тип композиционно-речевой организации произведения (особенности повествования). Существуют две традиции в определении специфики этого жанра: по формальным признакам (объем, количество изображенных событий и действующих лиц) и по содержательным характеристикам (особенности конфликта, проблематики, идейная позиция автора). В распространенном бытовом суждении о том, что роман «толще» повести, основанном на поверхностном понимании мысли Белинского («Повесть есть тот же роман, только в меньшем объеме, который условливается сущностью и объемом самого содержания» [Белинский 5: 42]), есть доля правды. Определения, основанные на формальных признаках, даны в ряде современных справочно-энциклопедических изданий. Отечественные исследователи XX в. акцентировали содержательный критерий. Так, Ф.З. Канунова отмечала, что «эстетическая

природа повести как жанра, ее содержательность определяется, прежде всего, концепцией личности, характером ее детерминированности в произведении» [Канунова: 3]. Содержательного принципа придерживаются и литературоведы более позднего периода (в частности Романова, Тамарченко), обнаружившие жанровые отличия не только в таких элементах произведения, как сюжет, композиция, особенности художественного мира, но и в авторской позиции, типе содержания, модусе художественности. В повести внутренний мир героев дан как часть «целого мира» и в связи с ним, их история отражает тип отношений в обществе, к которому они относятся; сопоставлен краткий период и вся жизнь. Образ целого мира дан в повести в свернутом виде, как проекция [Лейдерман: 78–79].

Рассматривая жанровую природу произведений писателя «второго ряда», к которому относят М.Н. Альбова, необходимо ориентироваться на традицию, сформировавшуюся в повестях А.С. Пушкина и воплотившуюся в 1880–1890-е гг. в произведениях Л.Н. Толстого, составляющих классику жанра повести.

Как известно, Альбов был последователем писателей-демократов 1860-х гг. О его литературных симпатиях и учителях неоднократно писалось в самое последнее время [Ризаева 2019]. Творческая манера Альбова – тематика, круг проблем, особенности поэтики – сложилась уже к 1870-м гг. В жанровом отношении его проза разнообразна: он пробовал себя и в малой прозе, и в романе. Сложность жанрового определения ряда произведений Альбова связана не только с тем, что писатель экспериментировал с формами и пытался выходить за рамки канонов [Ризаева 2020], но и с тем, что его герои переходят из одного произведения в другое. Повторяются имена персонажей и истории их жизни, а события, в которых они участвуют, так или иначе упоминаются в последующих произведениях писателя. В целом характеры таких героев не меняются и не развиваются. В результате возникает вопрос о композиционном соотношении таких произведений, о возможности объединения нескольких рассказов в своеобразные циклы, а повестей – в дилогии и трилогии только на том основании, что в них действуют общие персонажи. Так, А.П. Могилянский считал, что «повесть “Сутки на лоне природы” (1880) составляет продолжение повести “Воспитание Лельки”» [Могилянский: 255–261]. Однако при ближайшем рассмотрении можно выяснить, что эти произведения связаны не так тесно, как части одного произведения.

Повесть «Воспитание Лельки» (1879–1880) о детстве сироты, это краткая история взаимоотношений Лельки и ее «благодетелей». Она напоминает сентиментальные истории о несчастливой жизни в семье дальних родственников, всячески притесняющих и попрекающих «лишний рот».

Второстепенные персонажи: кухарка, ее ухажер, родственница хозяев представляют фон, усугубляющий гнетущее впечатление. При этом приглушены социальные противоречия: мать Лельки, как может догадаться читатель, в большей степени пострадала от мошенников-родственников, в доме которых остановилась, чтобы разрешить свои судебные проблемы в Петербурге.

Повесть о детстве Лельки выдержана в традициях литературы о страдающих детях, бедных сиротах, о детском одиночестве и во многом напоминает произведения Достоевского («Мальчик у Христа на елке», «Неточка Незванова»): «большое стекло, а за стеклом комната, а в комнате дерево до потолка... а в комнате бегают дети, нарядные, чистенькие» [Достоевский: 8], которому как бы вторит эпизод с увиденной Лелькой на улице «хорошенькой и нарядной» девочкой, как «нарисованной на крышке коробки из-под конфет» [Альбов 1880а: 168–169]. Ее отогнал от окна городской, который принял ее за попрошайку [Альбов 1880а: 169]. Рассказ «Мальчик у Христа на елке» заканчивается смертью ребенка, но самому мальчику это кажется сном: «Мама, я сплю, ах, как тут спать хорошо!» [Достоевский: 13], в то время как у Альбова сон – это трансформация жизни Лельки. Изменение своего положения девочка ощущает как сон: «Все сон, все чудный очаровательный сон!» [Альбов 1880а: 179].

Детство, из которого остается, по словам Достоевского, «одна лишь грязь воспоминаний» и «ожесточённое сердце», Альбов подвергает пристальному психологическому анализу, с болью описывая «тупое недетское отчаяние одинокого существа, затерянного в толпе чужих людей и не знающего, где преклонить голову» [Альбов 1880а: 169], фиксируя «выражение лица, как у затравленного волчонка». Обращает на себя внимание тот факт, что традиционного в таких счастливых развязках чуда не происходит: ни взрослые, ни ребенок не вспоминают о высших силах, в власти которых находится судьба каждого. Повесть Альбова в этом смысле принципиально чужда рождественской повести.

Для повествования о Лельке характерна драматизация – напряженные диалоги, в которых преобладают просторечия, ругательства, передающие конфликтное противостояние. Даже упорное молчание девочки показано как напряженная борьба с теми, кто ее ненавидит. Резки действия ребенка, совершающего проступки (разбила чашку, которой особенно дорожили, выпустила птиц из клетки), убегающего от преследования, настигнутого, подвергаемого наказанию. Повествование динамично и напряженно.

Подробно и проникновенно передающая психологию обиженного ребенка, в душе которого разгорается ненависть к «благодетелям», повесть завершается тем, что, боясь наказания за незначи-

тельный проступок, девочка убегает из дома. В результате счастливого случая ее удочерила богатая, но глубоко несчастливая в семейной жизни Лизавета Аркадьевна Ремнищева. Изменение в положении выражается в символической смене имени: уничижительное и просторечное прозвище задравленного приемыша (Лёлька) меняется на производимое на французский манер имя обласканного и благодарно любящего ребенка: «Оболочка той жалкой замарашки, дикой девочки Лёльки осталась где-то там, на улице во мгле сырого тумана, а из нее выпорхнула, как из грязного кокона, бабочка – уже какая-то новая, другая Helene» [Альбов 1880а: 192].

Вторая повесть «Сутки на лоне природы» (1880) представляет собой повествование о юности и катастрофическом событии, определившем всю жизнь Лизаветы Аркадьевны. Приезд Ремнищевой вместе с приемной дочерью Helene в родовое имение – только обрамление и мотивировка воспоминаний и связанных с ними переживаний главной героини. В развязке первой повести установлены отношения матери и ее приемной дочери, финал второй повести возвращает читателя в то же самое событие (случайное «явление» Лёльки).

Сюжетно эти два произведения не связаны между собой. Главная героиня первой повести (приемыш Лёлька) становится второстепенным персонажем во второй. Ее функции сводятся к тому, что она увлекает татап именно в те уголки имения (пруд, беседка), которые вызывают тягостные воспоминания о прошлом. История Лизаветы Аркадьевны, татап, как называет ее Helene, в центре повествования «Сутки на лоне природы».

Данный в первой повести хронотоп города, населенного жестокими и злыми чиновниками, квартира с чуланом, где на сундуке ютится с ребенком бедная родственница, во второй части дилогии сменяется изображением «дворянского гнезда» с портретами предков в париках и буклях, имением с липовыми аллеями, заросшим прудом, обвитой плющом беседкой. С виду благополучная выпускница Смольного института Лизавета Аркадьевна вспоминает жизнь в родном доме с суровым отцом. В отличие от традиционных для русской литературы представлений, в повести Альбова уединенный образ жизни, книги из старой библиотеки («Жизнь двенадцати цезарей», маркиза де Сада и проч.) не развивают, а способствуют развращению молодой девушки, тайком читающей их по ночам. Спровоцировав садовника, она оказалась жертвой насилия, за которое он поплатился жизнью, а ей пришлось выйти замуж за человека, которого она ненавидела. Вспоминая об этом происшествии через двадцать лет, Лизавета Аркадьевна глубоко страдает.

Ограниченность времени и места способствует концентрации внимания на лирических переживаниях героинь обеих повестей, выделяет психоло-

гический конфликт. Акцентирование физиологической основы в неясных ощущениях и мечтаниях девушки, почти натуралистически изображенная сцена с садовником, отчуждение героини от реальной жизни и “уход в себя”, существование вне морали и религии, – все это свидетельствует об отходе писателя от традиционной литературной картины мира.

Является ли повествование от третьего лица характерным жанровым признаком повести – вопрос открытый. Некоторые исследователи объясняют это тем, что повесть (от слова «поведать») «восходит к древней эпической традиции, уходящей корнями в устную традицию», и сохраняет черты «дороманного эпоса», с его особым вниманием к голосу рассказчика [Кожин: 814]. Сфера знаний повествователя в обеих повестях Альбова ограничена знаниями персонажей. В этом отношении он ближе действующим лицам, чем автору. Соответственно, и речь повествователя близка речи персонажей, поэтому все повествование воспринимается как единый сплошной монолог. Представление о повествователе складывается не только из оценок, данных им изображаемому миру, но и из рассуждений общего плана: о жизни, о людях, о времени. Это максимально близкий к автору повествователь, т.е. почти прямо выражающий позицию писателя-разночинца, знатока реалий жизни бедных слоев. В повести Альбова все персонажи изображены с точки зрения повествователя, испытывающего глубокое сочувствие к приемышу Лёльке.

И хотя ее жизнь складывается удачнее, чем можно было предположить, основное настроение повести меланхоличное и безысходное.

Во второй повести («Сутки на лоне природы») темп замедлен, соответствует процессу воспоминаний, напряжение ослабевает. Повествование представляет собой почти сплошной монолог – передачу смены настроений, мыслей героини, изменение ее жизненной позиции под влиянием переосмысления событий прошлого.

Сюжет первой повести завершается обретением ребенком приемной матери и благополучия, второй – обретением приемного ребенка и вместе с ним – чувства осмысленности своей жизни. Симметричность структуры подчеркивает завершенность изображенного мира, «его исчерпанность» [Тамарченко: 76].

Перед читателями разворачиваются два типа сюжетов. Первый – сюжет повести «Воспитание Лельки» о становлении характера. Нанизывание событий при кажущейся их равнозначности для повествования имеет поступательное движение, обусловленное линейным хронотопом: от прошлого к будущему. В переносном смысле оно символизирует продвижение вперед, к неизвестной еще ни повествователю, ни герою правде, а в самом общем плане приближает их к понимающему смысла

жизни. Таким образом, прошлое конкретного человека становится всеобщим, повесть приобретает притчевый характер.

В повести «Сутки на лоне природы» дан сюжет испытания героини. Центральное событие повести связано с необходимостью выбора. Решение, принятое в прошлом, подлежит оценке героини и повествователя. Этим мотивировано неоднократное мысленное возвращение к прошлому, воспоминания о том, что кардинально изменило жизнь. В повестях преобладает хроникальность, между событиями ослаблена причинно-следственная связь, что сказывается на значении интриги.

Таким образом, повести Альбова «Воспитание Лельки» и «Сутки на лоне природы» представляют собой повествование о женских судьбах. В центре каждой из них – различные героини, особый хронотоп, сюжетные события и, соответственно, связанные с ними конфликты, темы и проблемы. Описывая ряд событий, автор показывает, как они определяют жизнь человека в целом. Общность героинь, ищущих лучшей доли для себя и других, их переживания, а также центральное событие повестей – удочерение сироты – дают основания рассматривать их как дилогию, объединенную в отдельном издании общим названием: «О людях, “взыскующих града”», что подчеркивает смысловое и формальное единство.

Список литературы

- Альбов М.Н. Воспитание Лельки. Повести и рассказы. СПб.: Тип. и лит. В.А. Тиханова, 1888а. С. 115–193.
- Альбов М.Н. Сутки на лоне природы. Повести и рассказы. СПб.: Тип. и лит. В.А. Тиханова, 1888б. С. 193–329.
- Баскаков В.Н. Романисты 1880–1890-х годов // История русского романа: в 2 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1964. Т. 2. С. 476–489.
- Бахрах А. Бунин в халате (1979). М.: Сoglasie, 2000. 244 с.
- Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.
- Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. М., Изд-во АН СССР, 1953–1959.
- Достоевский Ф.М. Мальчик у Христа на елке. СПб., 1885. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003599094?page=5> (дата обращения: 04.04.2020).
- Журавлева А.И. Повествование и повесть у Лермонтова // Русская повесть как форма времени. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2002. С. 108–114.
- Канунова Ф.З. Из истории русской повести (Историко-литературное значение повестей Н.М. Карамзина). Томск: Изд-во Томского ун-та, 1967. 188 с.
- Казаков А.А. Повесть в системе жанров Ф.М. Достоевского // Русская повесть как фор-

ма времени. Томск, Изд-во Томского ун-та, 2002. С. 200–206.

Кожин В.В. Повесть // Краткая литературная энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1971. Т. 5: Мурари–Припев. Стб. 814.

Лейдерман Н. Движение времени и законы жанра. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1982. 256 с.

Мазанов Ш.А., Ширванова Э.Н. Повесть в системе эпических жанров: теоретический аспект // Вестник Дагестанского научного центра. 2012. № 46. С. 111–114.

Могильянский А.П. Альбов // История русской литературы: в 10 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941–1956. Т. IX. Литература 70–80-х годов. Ч. 2. 1956. С. 255–261.

Ризаева К.В. Антигерой в произведениях Ф.М. Достоевского и М.Н. Альбова // Вестник Московского государственного педагогического университета. 2019. № 3. С. 113–119.

Ризаева К.В. Специфика жанров малой прозы в творчестве М.Н. Альбова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Т. 13. Вып. 1. 2020. С. 40–44.

Романова Г.И. Повесть и роман в творчестве Тургенева // Практика анализа литературного произведения. М.: Флинта, 2006. С. 181–197.

Русская повесть XIX в. История и проблематика жанра / под ред. Б.С. Мейлаха. Л.: Наука, 1973. 565 с.

Тамарченко Н.Д. Повесть как литературный жанр // Тамарченко Н.Д. Поэтика русской литературы. М.: РГГУ, 2006. С. 64–82.

Утехин Н.П. Жанры эпической прозы. Л.: Наука, 1982. 184 с.

Цейтлин А.Г. Пути критического реализма в 80-е годы // История русской литературы: в 3 т. / Под ред. Д.Д. Благого. М.: Наука, 1964. Т. 3.

References

- Al'bov M.N. *Vospitanie Lel'ki. Povesti i rasskazy* [Lelka's Upbringing. Novels and stories]. Sankt Petersburg, Tip. i lit. V.A. Tikhanova Publ., 1888a. pp. 115–193. (In Russ.)
- Al'bov M.N. *Sutki na lone prirody. Povesti i rasskazy*. [A Day in the Open Air. Novels and stories]. Saint Petersburg, Tip. i lit. V.A. Tikhanova Publ., 1888b. pp. 193–329. (In Russ.)
- Baskakov V.N. *Romanisty 1880–1890-kh godov. Istoriia russkogo romana: v 2 t.* [Novelists of 1880–1890. The history of Russian novel in 2 vols.] Moscow-Leningrad, Izd-vo AN SSSR Publ., 1964. vol. 2. pp. 476–489. (In Russ.)
- Bakhrakh A. *Bunin v khalate (1979)* [Bunin in bathrobe (1979)]. Moscow, Soglasie Publ., 2000. p. 103. (In Russ.)
- Bakhtin M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal art]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1986. 445 p. (In Russ.)

Belinskii V.G. *Poln. sobr. soch.: v 13 t.* [Complete collection in 13 vols]. Moscow, Izd-vo AN SSSR Publ., 1953–1959. (In Russ.)

Dostoevskii F.M. *Mal'chik u Khrista na elke* [The boy at Christ's Christmas Tree]. Saint Petersburg, 1885. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003599094#?page=5> (access date: 04.04.2020). (In Russ.)

Zhuravleva A.I. *Povestvovanie i povest' u Lermontova, Russkaia povest' kak forma vremeni* [Narration and story by Lermontov, Russian story as a form of time]. Tomsk, Izd-vo Tomskogo un-ta Publ., 2002. pp. 108–114. (In Russ.)

Kanunova F.Z. *Iz istorii russkoi povesti (Istoriko-literaturnoe znachenie povestei N.M. Karamzina)* [From the History of the Russian Story (Historical and literary significance of N.M. Karamzin's story)]. Tomsk, Izd-vo Tomskogo un-ta Publ, 1967. 188 p. (In Russ.)

Kazakov A.A. *Povest' v sisteme zhanrov F.M. Dostoevskogo. Russkaia povest' kak forma vremeni* [Story in the genre system of F.M. Dostoevsky. Russian story in form of time]. Tomsk, Izd-vo Tomskogo un-ta Publ, 2002. pp. 200–206. (In Russ.)

Kozhinov V.V. *Povest'. Kratkaia literaturnaia entsiklopediia* [Story. Short literary encyclopedia]. Moscow, Sov. Entsiklopediia Publ, 1971. Vol. 5: Murari–Pripev. Col. 814. (In Russ.)

Leiderman N. *Dvizhenie vremeni i zakony zhanra* [The movement of time and the laws of genre]. Sverdlovsk, Sred.-Ural. kn. izd-vo Publ, 1982. 256 p. URL: <https://studylib.ru/doc/2016993/dvizhenie-vremeni-i-zakony-zhanra> (access date: 04.04.2020). (In Russ.)

Mazanaev Sh.A., Shirvanova E.N. *Povest' v sisteme epicheskikh zhanrov: teoreticheskii aspekt* [Story in the epic genre's system: theoretic aspect]. *Vestnik Dagestanskogo nauchnogo tsentra* [Bulletin of the Dagestan science center], 2012. № 46. pp. 111–114. (In Russ.)

Mogilianskii A.P. *Al'bov. Istoriia russkoi literatury: v 10 t.* [Albov. The history of Russian literature in 10 vols.]. Moscow; Leningrad, Izd-vo AN USSR Publ, 1941–1956. Vol. IX. Literatura 70–80-kh godov. Ch. 2. 1956. pp. 255–261. (In Russ.)

Rizaeva K.V. *Antigeroi v proizvedeniakh F.M. Dostoevskogo i M.N. Al'bova* [Antihero in the works of F.M. Dostoevsky and M.N. Albov]. *Vestnik MGPU* [Bulletin of Moscow State Pedagogical University Publ.]. 2019. № 3, pp. 113–119. (In Russ.)

Rizaeva K.V. *Spetsifika zhanrov maloi prozy v tvorchestve M.N. Al'bova* [The specificity of the small prose' genres in M.N. Albov's works]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological science. Questions of theory and practice Publ.]. Vol. 13. № 1. 2020. pp. 40–44. (In Russ.)

Romanova G.I. *Povest' i roman v tvorchestve Turgeneva. Praktika analiza literaturnogo proizvedeniia* [The story and the novel in Turgenev's works. Practice of analyzing a literary work]. Moscow, Flinta Publ, 2006. pp. 181–197. (In Russ.)

Russkaia povest' XIX v. Istoriia i problematika zhanra, Pod red. B.S. Meilakha [The Russian Story of XIX cen. History and issues of the genre]. Leningrad, Nauka Publ, 1973. 565 p. (In Russ.)

Tamarchenko N.D. *Povest' kak literaturnyi zhanr* [The story as a literature' genre]. Tamarchenko N.D. *Poetika russkoi literatury* [The issue of Russian literature]. Moscow, RGGU Publ., 2006. pp. 64–82. (In Russ.)

Utekhin N.P. *Zhanry epicheskoi prozy* [Genres of epic prose]. Leningrad, Nauka Publ., 1982. 184 p. (In Russ.)

Tseitlin A.G. *Puti kriticheskogo realizma v 80-e gody. Istoriia russkoi literatury: v 3 t.* [Ways of critical realism in the 80's. The history of the Russian literature in 3 vols.], ed by D.D. Blagoy. Moscow, Nauka Publ, 1964. Vol. 3.

Мешалкин Александр Николаевич
Костромской государственной университет

КРЕСТЬЯНСКИЙ МИР В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ РАССКАЗАХ И.М. КАСАТКИНА

Исследование посвящено дореволюционной прозе И.М. Касаткина. Автор статьи раскрывает социальное и нравственное содержание его рассказов, рассматривает особенности изображения писателем жизни костромского крестьянства в кризисный период русской истории. И.М. Касаткин, как выходец из крестьянской среды, объективен и реалистичен в обрисовке костромского мужика, изображает крестьянский мир во всей полноте, сложности и противоречивости. Косность и жестокость крестьянина, по утверждению писателя, имеют социальные корни: мужик обездолен, бесправен, унижен. В изображении крестьянских судеб Касаткин наследует традиции своих предшественников (писателей-демократов) и современников (И. Бунина), но в то же время проявляет самостоятельность художественного мышления. И.М. Касаткин верит в возможность революционного обновления жизни, в крестьянское счастье. Ожидание перемен (как и социальная их заостренность) связано в его произведениях с темой детства. В статье акцентируется внимание на сюжетно-композиционных особенностях рассказов: использовании мотива пути-дороги, приема контраста в обрисовке людей и природы, образов-символов леса и реки Унжы. Автор исследования приходит к заключению, что художественный метод Касаткина, особенности его поэтики позволяют писателю на местном материале передать напряженную, драматическую атмосферу жизни русского крестьянства накануне революции и четко подметить стихийную устремленность мужика к светлым началам жизни.

Ключевые слова: реализм, традиции, самостоятельность художественного мышления, косность и жестокость крестьянского мира, социальная тематика, бесправие мужика, тема детства, ожидание перемен, мотив пути, образы реки и леса.

Информация об авторе: Мешалкин Александр Николаевич, ORCID 0000-0001-7140-5572, кандидат филологических наук, доцент, Костромской государственной университет, г. Кострома, Россия.

E-mail: <mailto:meshalkin62@bk.ru>

Дата поступления статьи: 23.03.2020.

Для цитирования: Мешалкин А.Н. Крестьянский мир в дореволюционных рассказах И.М. Касаткина // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 2. С. 151–155. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-151-155.

Aleksandr N. Meshalkin
Kostroma State University

THE PEASANT WORLD IN THE PRE-REVOLUTIONARY SHORT STORIES BY IVAN KASATKIN

The article examines the pre-revolutionary small prose of Ivan Kasatkin. It explores the social and moral dimensions of his stories, the individual features of his depiction of the life of Kostroma peasants in the turbulent years before the Russian Revolution of 1917. Ivan Kasatkin, a peasant born himself, offers an unprejudiced, realistic view of Kostroma fellas at the time, of their complex and contradictory world in all its entirety. In his opinion, the inertness and cruelty of male peasants has social roots, as this is the period when a fella is forced to live the life of a destitute, deprived of basic human rights and utterly humiliated. In this way, Ivan Kasatkin follows in the footsteps of his predecessors, known as Democrat-Writers, such as Nikolai Uspensky, Vasily Sleptsov, Alexander Levitov, as well as his contemporaries, such as Ivan Bunin. At the same time, he makes his own unique contribution to the artistic study of the plight of peasants. He believes, for example, in the feasibility of revolutionary rejuvenescence of life, he believes in peasant happiness. Above all, socially acute stipulations of change are manifest in his childhood narratives. The article focuses on the compositional features of the stories, namely, the use of the road motif, the use of contrast in the portrayal of people and nature, the use of symbolic imagery of forest and the Unzha River. The author argues that Ivan Kasatkin's artistic approach, his poetics, enable him to convey the intensely poignant and morose atmosphere of living in rural central Russia on the eve of the Revolution, while pointing out the instinctive yearning of male peasants for the new, invigorating beginnings of life.

Keywords: realism, tradition, independence of artistic thinking, inertia and cruelty of peasant world, social topics, human rights, childhood, anticipation of change, motif of road, symbolisation of river and forest.

Information about the author: Aleksandr N. Meshalkin, ORCID 0000-0001-7140-5572, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Kostroma State University, Kostroma, Russia.

E-mail: meshalkin62@bk.ru

Article received: March 23, 2020.

For citation: Meshalkin A.N. The peasant world in the pre-revolutionary short stories by Ivan Kasatkin. Vestnik of Kostroma State University, 2020. vol. 26, № 2, pp. 151–155 (In Russ.). DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-151-155.

Литературное наследие Ивана Михайловича Касаткина (1880–1938), уроженца Кологривского уезда Костромской губернии, невелико: наиболее полное собрание его сочинений, изданное в 1929 году, включает три тома рассказов и очерков, большая часть которых была написана в 1909–1914 годы. После революции Касаткин, предельно загруженный партийной и общественной работой, создал лишь несколько рассказов и начал роман о любви, который не был закончен: в 1938 году писатель был репрессирован; имя его на несколько десятилетий оказалось вычеркнутым из истории советской литературы. Однако произведения И.М. Касаткина органично вписываются в то направление русской литературы, для которого крестьянская тема была значимой и актуальной. Разумеется, осваивая эту тему, писатель опирался на богатый художественный опыт, накопленный русской литературой от Н.А. Некрасова и А.Ф. Писемского до А.П. Чехова и И. Бунина. Проблематика и поэтика рассказов И. Касаткина, критический реализм в изображении жизни предреволюционной деревни перекликаются с творчеством писателей-демократов (Н.В. Успенским, В.А. Слепцовым, А.В. Левитовым, Ф.М. Решетниковым), повестями А.П. Чехова «В овраге», «Мужики», И. Бунина «Деревня». Однако литературные аллюзии в произведениях Касаткина на те или иные образцы дореволюционной литературы о судьбах крестьянства зачастую свидетельствуют не о прямом следовании уже существующим идейно-художественным установкам, а о развитии темы, о диалоге-споре с предшественниками и современниками, о самостоятельности его художественного мышления.

И. Касаткин, как выходец из крестьянской среды, обладал подлинным и глубинным знанием народной жизни. Но в отличие, скажем, от своего земляка С.В. Максимова или А.М. Ремизова, он не стремился к детальному изображению деревенского быта и крестьянской культуры. Тем более писатель не был склонен к идеализации народной жизни, как это делали поэты-символисты или крестьянский поэт Н. Клюев, в творчестве которого народная Россия представляла как древняя святая Русь, как легендарный град Китеж, а крестьянин и все, что связано с его трудом и бытом, предельно эстетизировалось и поэтизировалось.

И. Касаткин пристально всматривался в самую суть, факты и прозу крестьянской жизни и подвергал беспристрастному анализу ее конкретно-историческое состояние, делая зачастую акцент на невежестве, жестокости, косности и оцепенелости деревенского мира. В большей части дореволюционных рассказов писатель изображает крестьянскую жизнь в состоянии социального и духовного кризиса, который легко улавливается в самой удручающей атмосфере мужицкого быта, в той вак-

ханалии, которая творится порой в крестьянском мире. Замечательно сказано об этом на страницах рассказа «Село Микульское»: «Вечером, в разгар рекрутского гулянья, трактир – один на все окружающие деревни – ревел десятками гармоник, дрожал от топота ног. Между столов грузно плясали, будто подневольные, будто и сами не рады. Взмахивая руками, осовело толклись и прыгали с искаженными потными лицами. Это было не веселье, а какой-то угар, рев перед бедой, неведомой, но надвигающейся. Похоже, что земля решила рухнуть из-под ног, провалиться в тартарары, и вот люди сгрудились в один дикий, ревуший клубок» [Касаткин: 131]. Мрачной картиной застоя жизни начинается рассказ «На барках»: «Хмур и беден наш городок. Заброшен он в дебри костромских лесов, стоит при сплавной реке. <...> В зимние ночи, когда напряженную тишину леса и полей вдруг нарушит медлительный и жалобный бой часов на соборной колокольне или завоюет голодным воем собака, чувство тоски, тревожной и смутной, пробуждают в душе эти звуки в наших гиблых местах» [Касаткин: 24]. Герои-мужики Касаткина совершают безрассудные, дикие поступки. Пустившийся в загул глава семейства готов пропить сапоги маленького сына, а разгоряченный в споре крестьянин – забить березовым колом собственную лошадь. Родители, подавленные нуждой, готовы продать своих дочерей людям «с шальными деньгами» – «тузам-лесопромышленникам». Любимые развлечения дремучего костромского края – это бои с кольями и беспорядное пьянство в питейном заведении девки Марьи, куда идут все: хмурый чиновник, «от пустоты жизни пропившийся и вдребезги проигравшийся в карты», деревенская баба, «тупая и слезливая, несущая кусок холста, чтобы тут же взять пудик муки, той самой, которую ее муж снес сюда же, чтобы залить водкой ошгетинившуюся тоску» [Касаткин: 25].

Подобное изображение жизни костромской глубинки лежит в русле рассказов из народного быта Н. Успенского (предвосхитивших повести Чехова «В овраге» и «Мужики»), где крестьянская жизнь предстает неустроенной, неблагополучной, бессмысленной. Кроме того, многие картины суровой крестьянской жизни, наполненной жестокостью, пьянством и диким безрассудством, реминисцируют с повестью И. Бунина «Деревня». Однако Касаткин, признавая русскую деревню темной и забитой и изображая ее таковой, все же верил, что в мужике есть здоровая, разумная сила и светлый дух (об этом Касаткин писал автору «Деревни»). Это положительное начало можно рассмотреть во взрослых героях рассказов «Батя», «Силантьево детство», «Петрунькина жизнь». В изображении народной жизни у Касаткина нет ни Чеховского или Бунинского пессимизма, ни сарказма и гротеска, присущих, например рассказу писателя-де-

мократа В.А. Слепцова «Свиньи», где речь идет о том, как мужики поверили в новый указ запрягать их в телеги и использовать как рабочий скот, поверили – и безропотно это восприняли.

Тема социальной несправедливости является сквозной в творчестве Касаткина. Но мужик в его рассказах не только забит и темен, но и способен на открытый бунт. Крестьянин Тихон, герой рассказа «Волчья песня», оказался в тяжелой нужде, но попытки договориться с богатым пароходчиком о приеме его на ремонтные работы в зимний период оказались тщетными. В отчаянии Тихон поджигает пароходы бездушного судовладельца. Однако бунт мужика оборачивается его смертью и новыми страшными несчастьями для оставленной на произвол судьбы семьи. Глядя на труп отца в холодной мертвецкой, маленький Гришка вдруг «понял что-то большое, безыменное, но страшное – и испугался». Автор, используя несобственно-прямую речь, рисует ужасные жизненные перспективы осиротевшей семьи: «Ему хотелось бы рассказать отцу, что он поморозил ноги, что картошки больше нет, что в том большом городском доме, где сегодня ночевали, шибко кашляют, с верхних нар плюются, всю ночь кашляют и плюются» [Касаткин: 178]. И все же герои Касаткина в большинстве своем «противостоят социальной несправедливости не бунтарством своим и не сознательным протестом. Этого писатель (как, скажем, и Бунин, и Горький) еще не видел в массе мужиков. Но Касаткин, мастерски вырисовывая психологические портреты мужиков, показывает, что в них жива потребность в радости, «в свободном труде и вольной жизни» и «растущую веру в близкую перемену мира» [Крупышев: 119].

Социальная тематика произведений Касаткина высвечивается по-особому благодаря мастерскому воплощению темы детства, детских страданий. Следуя традиции русской классической литературы, писатель судит о времени, обо всем, что происходит в жизни, с позиций «слезинки ребенка». «Слезинка ребенка» в произведениях Касаткина – не художественно-философская метафора Ф.М. Достоевского, а сама суть сюжетов, живая плоть произведений. Это объединяет И.М. Касаткина с А.П. Чеховым, Л. Андреевым, А.И. Куприным, А.С. Серафимовичем, активно развивавшими детскую тему в литературе рубежа веков. Острые социальные конфликты и противоречия, в которые втянуты взрослые в рассказах Касаткина, находят отражение в судьбах детей. В «Петрунькиной жизни» возникает параллельная фабульная ситуация. Сначала творится несправедливость со стороны старосты Зуева, который окончательно разоряет семью Петруньки, описывая все имущество вплоть до вьюшек из печной трубы. А чуть позже самодовольный Филька, сын старосты, зло подтрунивает над Петрунькой по поводу этого имущества и уве-

денной со двора коровы. Включенность детей во взрослую жизнь сопряжена с их интуитивным пониманием той тяжести, которая выпадает на долю родителей. Они по-детски непосредственно сочувствуют взрослым и даже стараются облегчить их участь. В «Веселом бате» Анка, притворившись, что спит, смотрит с печи из-за трубы на своего отца, оказавшегося в страшной нужде, понимающим и печальным взглядом. В рассказе «Силантьево детство» Силашке жаль страдающего «тятюку», у которого украли в городе лошадь. Подобное отношение детей к взрослым не только заостряет социальную проблематику рассказов, придает им драматическую напряженность, но и рождает в читателе надежды на перемены к лучшему в жизни крестьянина.

Ощущение перемен в жизни человека-труженика связано у Касаткина с мотивом «пути-дороги», когда крестьянин снимается с насиженных мест и отправляется в скорбные странствования. Надежды на лучшую долю в представлениях и детей, и взрослых связываются с жизнью за пределами деревни, в «волшебном» городе. О нем мечтает Петрунька («Петрунькина жизнь»), Силашка и его отец («Силантьево детство»), хотя город не несет крестьянину ни достатка, ни свободы – он необычен и сказочен лишь в детских представлениях. Сюжетный мотив пути, характерный для фольклорных произведений, часто использовался в русской литературе, и в этом смысле И. Касаткин не оригинален. Однако в художественном мире того или иного писателя мотив, образ пути имеет свою смысловую и поэтическую нагрузку. В поэме Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» этот мотив организует сюжет, проблематику, все художественное пространство, в котором вырисовывается эпическая картина русской жизни. В рассказах Касаткина путь-дорога имеет и конкретно-исторический смысл, и символический подтекст. Крестьянин вынужден уходить из деревни, бросая землю, спасаясь от нищеты и разорения. В этой устремленности мужика к новой, пусть и неведомой, жизни нет скорбных сожалений об утраченном, а есть стихийное желание перемен. Так И. Касаткин полемизирует с М. Горьким, своим литературным наставником и покровителем, утверждавшим, что забитость, невежество крестьянина, его социальная пассивность обусловлены оседлостью, тягой к земле – властью земли. В то же время путь-дорога как символический образ – это движение самой жизни, возможность ее революционного обновления. Примечательно, что в художественном пространстве рассказов Касаткина движение по пути-дороге не однонаправленное, а двустороннее. Писатель запечатлел меняющуюся социальную среду деревни: среди темной массы мужиков появляются ссыльные, фабричные мастеровые с соседних заводов. Эти новые люди, пришедшие в де-

ревню, пытаются просветить крестьян, расшатать застоявшуюся деревенскую жизнь, подготовить ее к революционным переменам.

Оригинальность, самобытность Касаткина-художника проявляется не только в использовании особого материала – жизни крестьянина из костромского захолустья, носителя особого языка, характера, жизненного уклада, в трактовке социального положения крестьянства и его нравственного состояния, стихийной устремленности из мрака к свету, – но и в сюжетно-композиционной организации рассказов, построенных по принципу контраста. В художественном мире Касаткина доминируют образы леса и реки, несущие как конкретный, так и символический смысл. Они скрепляют рассказы в некое художественное целое и в то же время детерминируют их главную проблематику: сложную взаимосвязь, борьбу противоположных начал крестьянской жизни. Бескрайний, дремучий лес символизирует застой, омертвелость глухих кологривских деревень, река Унжа олицетворяет движение, неотвратимость перемен, дарит надежду на просветление, выход в большой новый мир (неслучайно Касаткин любит напомнить читателю, что Унжа – это приток великой Волги). Образ реки Унжы органично связан с образом весны, поскольку пробуждение реки наступает весной, когда она «величаво и спокойно поплескивает волной в берега» и уносит людей к далекой Волге. Лирический и в то же время восторженный голос автора звучит там, где речь идет о пробуждающейся природе: «Весна! На реке шумит ледоход; вместе с этим шумом несется дружный дробный стук топоров. Время от времени там глухо и тяжело ухнет и загромыкает, как отдаленный гром. Это, благословясь, начинают спускать на воду новые барки. Если взглянуть на реку с соборной горы, новые барки напоминают больших белых птиц – далеко еще лететь им, присели они стаями на глинистых берегах, отдыхают...» [Касаткин: 131].

На конкретно-историческом уровне прием контраста проявляется в описании жестокостей и мерзостей жизни, когда уродство человеческого существования, «звериная жизнь», низменные инстинкты противопоставляются красоте человека или красоте природы. В рассказе «Лесовица» старики продают прекрасную девушку Настю, которая была для многих «лучом света» в «темном царстве» убогого края, где «все как будто вывернуто, скрючено и придавлено к земле звериной жизнью» за четвертной билет богатому лесопромышленнику. Примечательно, что в финале рассказа автор «наказывает» людей за это нравственное преступление. Те, кто унижал и насмехался над Настей, превратив ее в первобытное существо – лесовицу, сами превращаются в дикое, первобытное стадо, охваченное низменными инстинктами. В рассказе «Лоси» звери облагорожены, возвышены,

они олицетворяют гармоничный, величественный мир природы. Автор тонко передает восприятие зверями происходящих событий и деятельность человека: «С осени они избродили огромные пространства. Были у Ветлуги, переметывались к истокам Керженца, появлялись на Пыщуге и Ухтыше – и везде этот неугомонный человек и стук его топора!» [Касаткин: 178]. Человек нарушает естественное течение природной жизни и воспринимается лосями как что-то враждебное, несущее беду, смерть. В пейзажных зарисовках доминируют тишина и покой («мороз притаился», «ни шороха, ни звука», «невывразимо тих лес», «тонко звенящая тишина», «зимний сон», «лоси мирно лежат», «ночь охраняет покой лосиный», «бело, ровно и тихо» и т. п.), преобладают белый и синий цвета как символы чистоты природного мира. Безмолвию, величию природы противопоставлен неустроенный и беспокойный быт людей, «человеческая жизнь, полная резких, некомфортных для восприятия звуков, контрастных гармонии природного мира» [Лебедева: 64] («жалобно поскрипывали на утреннем ветру сломанные, расхлебанные ворота», охотник «засипел из-под платка», «спросонья и глухо начинают гуторить голоса», «заныл ребенок», «густые и тягучие вздохи, зевки, азартный чес» и т. п.).

Рассказ «Лоси» во многом соотносится со стихотворением И. Бунина «Густой зеленый ельник у дороги», написанным в 1905 году, хотя неизвестно, был ли знаком с этим поэтическим текстом Касаткин. Финальные сцены произведений разные: у Бунина сильный, благородный олень (так называет поэт лесного зверя) уходит от собачьего гона и спасает «красоту от смерти» – у Касаткина лоси обречены на смерть. Но, несмотря на эти фактические различия, оба автора, используя свои поэтические средства, поют гимн природе, ее величию, чистоте и красоте. Здесь мы наблюдаем сходство поэтических взглядов на мир. Правда, сама форма произведения Касаткина позволила писателю воплотить идею красоты природы и безнравственного поведения человека в более конкретных и развернутых обстоятельствах и образах. Гуманизм Касаткина проявляется в том, что его взгляд на природу и людей лишен чистого эстетства; в понятие красоты автор вкладывает нравственный смысл, в его произведениях красота природы и человека ярче высвечивает уродливые стороны жизни.

Так, наследуя и развивая традиции русской литературы о судьбах крестьянства, И.М. Касаткин изображает крестьянский мир во всей полноте, сложности и противоречивости, в единстве мрака и света, отчаяния и надежды. Не сосредотачиваясь на бытописании и обстоятельной обрисовке психологических портретов своих героев, писатель мастерски изображает напряженную, драматическую

атмосферу сельской жизни накануне революции. Касаткин не находит в крестьянской среде сознательных борцов за социальную справедливость, но четко подмечает стихийную устремленность мужика к светлым началам. Этот пафос проявляется во всей сюжетно-композиционной и образной структуре рассказов.

Список литературы

Занковская Л.В. Крестьянские рассказы И.М. Касаткина // Новый мир, 2002. С. 142–144.

Касаткин И.М. Мужик. Рассказы. М.: Советский писатель, 1991. 382 с.

Крупышев А.М. Приготовление к жизни // Вечные всходы: сб. очерков о писателях Костромского края / сост. Ю.В. Лебедев. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд.-во. 1986. С. 114–128.

Лебедева С.Н. «Эпические поэмы» И.М. Касаткина // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2012. № 4. С. 61–66.

Скобелев В.П. Творчество И.М. Касаткина // Революция. Жизнь. Писатель. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1978. С. 76–93.

References

Zankovskaia L.V. *Krest'ianskie rasskazy I.M. Kasatkina* [Peasant stories I.M. Kasatkina]. *Novyi mir* [New world], 2002. pp. 142–144. (In Russ.).

Kasatkin I.M. *Muzhik. Rasskazy* [Man. Stories]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ, 1991. 382 p. (In Russ.).

Krupyshev A.M. *Prigotovlenie k zhizni* [Preparation for life]. *Vechnye vskhody: sb. ocherkov o pisateliakh Kostromskogo kraia* / sost. Iu.V. Lebedev [Eternal seedlings: Sat. essays about the writers of the Kostroma region, comp. Yu.V. Lebedev]. Iaroslavl', Verkh.-Volzh. kn. izd.-vo Publ. 1986. pp. 114–128. (In Russ.).

Lebedeva S.N. «*Epicheskie poemy*» I.M. Kasatkina [“Epic poems” I.M. Kasatkina] *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva* [Bulletin of the Volga University by V.N. Tatishchev.], 2012, № 4. pp. 61–66. (In Russ.).

Skobelev V.P. *Tvorchestvo I.M. Kasatkina* [Creativity I.M. Kasatkina] *Revoliutsiia. Zhizn'. Pisatel'* [Revolution. A life. Writer]. Voronezh, Izd-vo Voronezhskogo un-ta Publ, 1978. pp. 76–93. (In Russ.).

**ТВОРЧЕСТВО А.П. ЧЕХОВА В ОЦЕНКЕ Д.В. ФИЛОСОFOVA
(на материале рецензий и статей 1900-х гг.)**

В статье рассматривается система оценок чеховского творчества, сложившаяся в рецензиях и статьях Д.В. Филосоfova 1900-х гг. Характеризуются особенности его критического метода, обнаруживающиеся в этот период. Доказывается, что Филосоfov воспринимает творчество Чехова как художественную вершину русской литературы начала XX века и вместе с тем как некоторый предел в её движении. Отмечается, что, используя в своей критике принцип «по поводу», он по-своему преломляет традицию В.Г. Белинского, Н.А. Добролюбова, Н.Г. Чернышевского, А.А. Григорьева. Утверждается, что склонность к мышлению антиномиями, проявившаяся в работах Филосоfova о Чехове 1900-х гг., связывает его с Мережковским. Важную роль в формировании философских оценок чеховского творчества играют антиномии «Чехов и чеховщина», «Повседневный трагизм и повседневный героизм». Они выполняют функцию скреп, соединяющих рецензии и статьи этого критика в своеобразный «чеховский» цикл. Оценки художественного наследия Чехова, сосредоточенные в рецензиях и статьях Филосоfova 1900-х гг., ориентированы на диалог с высказываниями современников: Мережковского, Гиппиус, Розанова. В опосредованной форме они транслируют идеи строительства «нового религиозного сознания». Но при этом Филосоfov не только иллюстрирует и развивает чужие критические концепции, но и открывает новые грани творчества Чехова.

Ключевые слова: А.П. Чехов, Д.В. Филосоfov, Серебряный век, литературная критика, оценки, творчество, антиномии, чеховщина, повседневный трагизм, новое религиозное сознание.

Информация об авторе: Наталия Геннадьевна Коптелова, ORCID 0000-0001-7145-223X, доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной филологии Костромского государственного университета, Кострома, Россия.

E-mail: nkoptelova@yandex.ru

Дата поступления статьи: 14.02.2020.

Для цитирования: Коптелова Н.Г. Творчество А.П. Чехова в оценке Д.В. Филосоfova (на материале рецензий и статей 1900-х гг.) // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 2. С. 156–163. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-156-163.

Nataliya G. Koptelova
Kostroma State University

**CREATIVE WORK OF ANTON CHEKHOV IN THE ASSESSMENT OF DMITRY FILOSOFOV
(based on reviews and articles of the 1900s)**

The article discusses the system of ratings, Anton Chekhov's creative work, developed in the reviews and articles of Dmitry Filosofov of the 1900s. The features of his critical method, which were realised during this period, are characterised. It is proved that Dmitry Filosofov perceives Anton Chekhov's work as the artistic peak of Russian literature of the early 20th century and at the same time as a certain limit in its movement. It is noted that using the principle of «in occasion of criticism» in his own way, he refracts the traditions of Vissarion Belinsky, Nikolay Dobrolyubov, Nikolay Chernyshevsky, Apollon Grigoryev. It is argued that the tendency to think in antinomies, manifested in the works of Dmitry Filosofov on Anton Chekhov in the 1900s, connects him with Dmitry Merezhkovsky. An important role in the formation of philosophical assessments of Anton Chekhov's creative work is played by the antinomies «Chekhov and Chekhovism», «Everyday tragedy and everyday heroism». They perform the function of bonds, connecting reviews and articles of this critic in a kind of «Chekhov» cycle. Dmitry Filosofov was one of the first to use the antinomy «Chekhov and Chekhovism» in his works, which later became a constant in criticising the Fin de Siècle as a whole. Assessments of Anton Chekhov's artistic heritage, concentrated in reviews and articles by Dmitry Filosofov of the 1900s, are focused on dialogue with statements by contemporaries – Dmitry Merezhkovsky, Zinaida Gippius, Vasily Rozanov. In an indirect form, they broadcast the ideas of building a «new religious consciousness». But at the same time, Dmitry Filosofov not only illustrates other people's critical concepts, but also opens up new facets of Anton Chekhov's work.

Keywords: Anton Chekhov, Dmitry Filosofov, Fin de Siècle, literary criticism, assessments, creativity, antinomies, Chekhovism, everyday tragedy, new religious consciousness.

Information about the author: Nataliya G. Koptelova, ORCID 0000-0001-7145-223X, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Kostroma State University, Kostroma, Russia.

E-mail: nkoptelova@yandex.ru

Article received: February 14, 2020.

For citation: Koptelova N.G. Creative work of Anton Chekhov in the assessment of Dmitry Filosofov (based on reviews and articles of the 1900s). Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 2, pp. 156–163 (In Russ.). DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-156-163.

В последние десятилетия отечественные исследователи немало сделали для того, чтобы восполнить лакуны в изучении сложного и противоречивого феномена Серебряного века. Один из продуктивных научных подходов связан с необходимостью «вывода из тени» фигур, игравших в литературном процессе конца XIX – начала XX века значимую роль, но в силу ряда причин оставшихся недооценёнными, заслонёнными другими деятелями культуры. Он позволяет в определённой мере дополнить многоцветную картину отечественной словесности рубежа веков и скорректировать существующие в литературоведении представления об иерархии авторитетов и истинной расстановке творческих сил в этот период. К таким «заново» открываемым исследователями авторам Серебряного века, несомненно, следует отнести Д.В. Философова [Коростелев 2016], долгое время воспринимавшегося исключительно как популяризатор религиозно-философских идей и художественных исканий Д.С. Мережковского и З.Н. Гиппиус. Тем не менее степень солидарности Философова с Мережковскими ещё предстоит конкретизировать и уточнить, а масштаб его личного вклада в развитие литературы Серебряного века – объективно определить.

Наиболее ценная часть творческого наследия Философова связана с его критической деятельностью, которая ещё очень мало изучена [Коростелев 2010]. Постоянным центром притяжения для Философова-критика стали произведения А.П. Чехова. Предметом его пристального внимания была, прежде всего, чеховская драматургия. В данной статье мы рассмотрим систему оценок чеховского творчества, сложившуюся в рецензиях и статьях Философова 1900-х гг.; охарактеризуем особенности его критического метода, обнаруживающиеся в этот период.

Уже рецензии Философова на постановки по пьесам «Дядя Ваня» (1901) [Философов 1901] и «Чайка» (1902) [Философов 1902] стали заметным явлением в литературной критике 1900-х гг. Они не только во многом определили пути постижения индивидуальности Чехова, но и стимулировали развитие эстетики русского модернизма в целом [Коптелова 2017].

В «Театральных заметках» Философов отзывается на вторую постановку «Чайки», осуществлённую Александринским театром. Именно в этой рецензии обозначается амбивалентность его критической оценки творчества Чехова: появляется категория «чеховщины», символизирующая настроения апатии и пессимизма, заражающие зрителей «Чайки» и перекликающиеся с декадентством рубежа веков. Это показывает, что отныне феномен Чехова в критике Философова воспринимается как двойственный, противоречивый: обладающий своей силой и слабостью. В «Театральных замет-

ках» критик впервые принципиально дифференцирует «чеховщину» и «истинного Чехова» [Коптелова 2018].

В 1900-е гг. Философов неизменно характеризует творчество Чехова как вершину русской литературы. Он не раз подчёркивает это, когда упоминает его имя в одной связке с классиками (А.С. Пушкиным, Н.В. Гоголем, Л.Н. Толстым) для того, чтобы противопоставить «модным» и «самодовольным», с его точки зрения, писателям современности: А.М. Горькому («Конец Горького» (1907)) [Философов 2010: 94] и Л.Н. Андрееву («Мания величия» (1909)) [Философов 2010: 288], – на которых обрушилась незаслуженная слава. Философов остаётся верным своей позиции, намеченной в мирискуснических рецензиях 1901 и 1902 гг., и когда защищает гений Чехова от нигилистических оценок В.П. Буренина, пытающегося перечеркнуть открытия автора «Чайки» в области драматургии («Нигилисты» (1904)) [Философов 2010: 69].

Критик связывает главные художественные достижения Чехова с созданием оригинального стиля, построенного на особой смысловой нюансировке и несущего на себе яркий отпечаток русской национальной специфики. Поэтому Философов парадоксально сближает стиль Чехова со стилем В.В. Розанова, но противопоставляет его стилю М. Горького. В рецензии на постановку драмы Горького «На дне» («О “лжи” Горького» (1903)), исполнявшейся в Берлине на немецком языке и имевшей, кстати, «громадный» успех, он неожиданно отмечает «космополитический характер» этой пьесы [Философов 2010: 48]. Критик пишет: «Всякий перевод, конечно, “предаёт” оригинал, но в данном случае предательства со стороны переводчика было мало. Трудно перевести таких тонких художников слова, как Чехов и Розанов. Их хрупкий, причудливый стиль ломается при перевозке в чужие страны. Горький же отливает свой язык, как чугуна. Прочно, но грубо. Наконец, по самой натуре своей он как-то донельзя общедоступен и не индивидуален» [Философов 2010: 48].

Философов не только противопоставляет Горького Чехову, он пытается проследить и их преемственную творческую связь. В статье «Завтрашнее мещанство» (1904) он пускает очередную «полемическую стрелу» в адрес Горького [Шишкина 2008], когда оценивает его как наследника «слабых» сторон драматургической поэтики Чехова. Выражая свои впечатления от постановки «Дачников» в театре В.Ф. Комиссаржевской, Философов уничижительно отзывается о пьесе Горького: «Детская беспомощность техники, полное непонимание условий сцены, наивное подражание Чехову, и притом не в его силе, а в его слабости, всё это вместе лишает “Дачников” всякого литературного значения» [Философов 2010: 72]. И далее критик саркастически высмеивает, по сути, чеховский при-

ём «подводного течения», лишаящий язык драмы «внешнего» действия. Этот приём использовал, как он считает, и Горький, стремившийся угодить вкусам эстетически неразвитой публики: «Публика обожает теперь всякое действие без действия, ей нравится, когда люди сидят часами на сене и считают мух, и всё это она находит в необъятном количестве в новой пьесе Горького» [Философов 2010: 72]. Примечательно, что мысль о приоритете «действия» над «созерцанием» не только в искусстве, но и в жизни, и в религии со временем станет ведущей идеологической константой в творческом мышлении Мережковского и Гиппиус, духовно близких Философам. Мережковский и Гиппиус так определяли вектор пути русской литературы: от эстетического созерцания к религиозному действию [Коптелова 2010: 207–270].

Статья Философова «Весенний ветер» (1907) также отчётливо ориентирована на творческий диалог с его соратниками (Гиппиус и Мережковским) и составляет с их концептуальными построениями некое «ансамблевое» единство. Не случайно даже заглавие философской статьи восходит к стихотворению Гиппиус «Ветер» («Неудержимый, властный, влажный...»), а в качестве эпиграфа к ней выбрана последняя строфа этого произведения [Коростелев 2010: 543]: «И оседает онемелый, // Усталый, талый, старый лёд... // Люби весенний ветер белый, // Его сверкающий полёт» [Философов 2010: 129]. К подобному приёму прибегает и Мережковский в своём критическом исследовании «Л. Толстой и Достоевский» (1902), когда в качестве смыслового ключа использует строки из незамысловатого стихотворения Гиппиус «Электричество» [Коптелова 2010: 194–195]. В интерпретации Философова образ «весеннего ветра», заимствованный из стихотворения Гиппиус, превращается в метафору «перелома», характеризующего современную общественно-литературную ситуацию: «Под напором весеннего ветра всё смешалось, всё как бы вернулось к “первоначальной интеграции”. Разобраться в “современных течениях” стало почти невозможно» [Философов 2010: 131]. Критик оценивает процессы, происходящие в отечественной словесности, как весьма хаотичные, противоречивые и болезненные. Он считает заблуждениями и провалами многие декларации и творческие искания очень разных писателей, объединившихся на платформе «мистического анархизма». В эту группу вошли, в частности, Вяч. Иванов, А. Блок, С. Городецкий, Л. Андреев. Их главную ошибку Философов определяет как метафизическую «односторонность», выразившуюся в разрыве природы и культуры, личности и общности, язычества и христианства. За этим раздроблением целостных феноменов, с точки зрения критика, кроется отказ от идеи «религиозного синтеза» (в понимании Мережковского).

Кроме того, Философов прямо солидаризируется с оценкой, которую Антон Крайний (за этим псевдонимом скрывается Гиппиус) даёт новейшей эротической литературе в статье «Братская могила» (1907) [Крайний: 60–63], называя её культурным «хулиганством» [Философов 2010: 152]. Автор статьи «Весенний ветер» также выражает отрицательное отношение к сакрализации эротики в творчестве М. Кузмина.

Но при этом все издержки современного литературного процесса Философов отчасти и оправдывает: «Идёт мучительный процесс искания новых ценностей, и разве одни писатели виноваты, что эти ценности не найдены?» [Философов 2010: 145]. Утрату духовных ориентиров современными художниками слова он закономерно объясняет разрушением быта как устойчивого фундамента человеческой жизни: «Старый быт потрясён до основания. <...> Надо ждать создания нового быта» [Философов 2010: 145]. Такой поворот в рассуждениях критика концептуально отсылает к статьям Гиппиус «Быт и события» (1904) и Мережковского «Чехов и Горький» (1906), в которых Чехов характеризуется как «художник мелочей», создавший особую «эстетику быта» [Гиппиус: 300–312]. Мастерство Чехова в изображении бытовых подробностей Гиппиус и Мережковский единодушно признают. У последнего чеховский талант бытописательства даже вызывает искреннее восхищение: «Он (Чехов. – Н. К.) – великий, может быть, даже в русской литературе величайший бытописатель. Если бы современная Россия исчезла с лица земли, то по произведениям Чехова можно было бы восстановить картину русского быта в конце XIX века в мельчайших подробностях» [Мережковский: 65]. Однако быт, который так ярко описывает и глубоко постигает Чехов, считает Гиппиус, есть «остановка» жизни, отсутствие событий, небытие. Она выражает уверенность, что с ускорением «полёта жизни», с назреванием в России новых событий время быта проходит [Гиппиус: 312]. Стало быть, уходит и эпоха Чехова. Мережковский, подхватывая эту мысль Гиппиус, доводит её до логического предела, предсказывая крушение старого чеховского быта, а с ним и особого склада творческого мышления, миропонимания, восходящего к художественно-философскому сознанию автора «Вишневого сада» [Чудаков]: «И весь этот гнилой, от гнилости хрупкий быт висит в пустоте над страшной пропастью на одной ниточке: вот-вот порвётся эта ниточка – и всё провалится в пропасть, разобьётся вдребезги. Как будто современная бытовая Россия перед своим концом – начало этого конца мы теперь уже видим – захотела в Чехове оглянуться на себя в последний раз» [Мережковский: 113]. В статье «Весенний ветер» Философов подтверждает правоту своих творческих соратников. Развивая их идейную линию, он ставит все точки над

«и»: «Чехов сделался писателем историческим. Читаешь его, и кажется, что переносишься в далёкое прошлое. “Вишнёвый сад” наравне с “Евгением Онегиным” – страница истории» [Философов 2010: 146]. Апология «движения», «жизни», «событий» заставляет критика отречься от «чеховщины». Вывод Философова безапелляционен: «Нет, явно, что время чеховщины прошло. Мы вышли из старого быта» [Философов 2010: 146]. А в хаосе, «вывихе» и даже «развале» современной литературы и жизни он обнаруживает ростки нового духовного творчества, признаки «подлинного томления духа» [Философов 2010: 157]. Критик заявляет: «Всё дрогнуло, всё двинулось вокруг них (современных писателей. – Н. К.). Куда идти – они не знают, пока ещё не знают, но что пора собираться в путь – это они чувствуют всем существом своим. И это хорошо, потому что жизнь – движение» [Философов 2010: 157]. В контексте рассматриваемой статьи Философов отрицает чеховское начало в литературе именно потому, что воспринимает его как «статическое». Такой подход к оценке творчества Чехова мотивирован пафосом построения «нового религиозного сознания», ставшего общим творческим проектом «триумvirата» и характеризующего Мережковским, Гиппиус, Философовым как «динамическое христианство» [Философов 2010: 156]. В отличие от Мережковского [Мережковский: 102] и Гиппиус [Гиппиус: 312], Философов в этой работе прямо не упрекает Чехова в безверии. Но весь ход его размышлений намекает на отсутствие в творчестве автора «Вишнёвого сада» глубокой религиозности, созидающей новые формы духовности и дающей импульс для развития бытия. В сущности, Философов подтверждает вывод Гиппиус, категорично сформулированный в статье «Быт и события»: трагедия Чехова-художника заключается в том, что его отношение к Богу «не двигалось вперёд» [Гиппиус: 312].

В свою очередь, на статью Философова «Весенний ветер» Мережковский откликнулся статьёй «Мистические хулиганы», напечатанной в газете «Свободные мысли» от 28 января 1908 года. Он подчеркнул, что более пессимистически оценивает состояние современной русской литературы, заражённой вирусом «мистического анархизма». Углубление и уточнение оценок чеховского творчества, представленных в статье «Весенний ветер», и последовательное развитие религиознотворческих идей Гиппиус и Мережковского продолжится и в более поздней работе Философова «Быт, события и небытие» (1910). Таким образом, статьи Философова, Гиппиус и Мережковского складываются в некий творческий полилог. В итоге эти авторы подходят к созданию своеобразного целостного текста, критического цикла, собранного коллективными усилиями. В совместной критической деятельности, откликах и реакциях на высказывания

друг друга можно почувствовать отзвук «новой соборности», искомой Философовым, Гиппиус и Мережковским. Причём в процессе взаимодействия религиозно-эстетическими идеями все трое соратников чередуют свои роли, передавая друг другу эстафету лидерства.

В своих критических работах 1900-х гг. Философов в определённом смысле выстраивает «гелиоцентрическую» модель художественной прозы начала XX века, где роль «солнца», источника как созидательной, так и разрушительной творческой энергии он отводит именно Чехову. При этом в статье «Без стиля» (1908) критик утверждает, что колоссальное влияние великого предшественника на таких художников слова, как Б.К. Зайцев и И.А. Бунин, выливается в досадное подражание ему. По мнению Философова, эти писатели, подчиняясь притяжению гения Чехова, подобно Горькому («Завтрашнее мещанство»), утрачивают творческую индивидуальность, лишаются стиля: «В одном сборнике есть рассказ Зайцева – *Гость*, в другом рассказ Бунина – *Астма*. Оба написаны отлично, оба напоминают хорошего Чехова. < ... > Рассказ ведётся интересно, с большой наблюдательностью. Есть и быт, и настроение, и веяние смерти – словом, всё, что нужно. Но закройте книгу и вспомните потом, кто написал *Астму* и кто *Гостя*, к какому помещику приехал становой и к какому исправник. Вы забудете. Два вполне литературных произведения, а личности авторской нет. Она исчезла и как-то подозрительно слилась с обликом Чехова» [Философов 2010: 220].

В статье «Повседневный героизм» (1909) Философов заявляет, что именно Чехов смог воплотить в своих пьесах глубоко скрытые человеческие переживания, чуждающиеся на сцене надрывных интонаций и аффектированных жестов, о чём мечтал когда-то М. Метерлинк. Это художественное открытие автора «Трёх сестёр» критик определил через понятие «повседневный трагизм». Сопрягая чаяния Метерлинка и творческое новаторство Чехова, Философов реализует один из ключевых принципов своего критического метода: рассматривать литературные явления, возникшие на русской почве, в контексте европейской культуры. Такой подход был им опробован уже в «Театральных заметках», представляющих собой отклик на вторую постановку чеховской «Чайки» Александринским театром (1902). Там понятие «чеховщины» было поставлено в один типологический ряд с «гауптмановщиной», «мариводажем», а также «мережковщиной» и «розановщиной» [Коптелова: 2018]. На этот раз «повседневный трагизм» Чехова, лишаящий театр жизнотворческой энергии, Философов противопоставляет героическим устремлениям, дух которых наиболее полно выражает Шекспир. Любопытно, что в этой статье критик использует элементы своеобразного ино-

сказательного нарратива, чтобы ярко и эмоционально передать свою мысль и иронически дистанцироваться от «негероического» Чехова: «“Три сестры” беспомощно барахтались в своей комнате, у лампы, и царящим вокруг них вечным законам могли противопоставить лишь истеричные вопли и жалкие лепетания о Москве. И вот, в то время, как мы сидели на Чехове, к нам пришёл Шекспир, не на театральную сцену, а на жизненную. Шекспир столкнулся с Чеховым, и победил... не Шекспир» [Философов 2010: 290].

Философов находит ещё одного творческого «наследника» Чехова среди его младших современников. Им неожиданно оказывается Л.Н. Андреев, который, по мнению критика, в своих драматургических экспериментах выступает как продолжатель чеховской традиции. Примечательно, что об Андрееве Философов писал даже более активно, нежели Мережковский и Гиппиус. Судя по всему, его очень интересовала «загадка» этого писателя [Шишкина 2005], обретшего в 1900-е гг. невероятно громкую славу. По мнению Философова, Андреев-драматург принял эстафету «повседневного трагизма», ставшего художественным открытием и настоящим откровением в театре Чехова, но при этом оказавшего на зрителя негативное воздействие, выражавшееся в подавлении воли к действию. Критик прочерчивает линию преемственности от «Трёх сестёр» к драме Андреева «Анатэма», формирующей общественную психологию пессимизма, упадка, апатии. Он даёт иронический «конспект» андреевской пьесы, выдержанный в тоне фельетона и саркастически пародирующий претенциозную мистику и повышенную экспрессивность, отличающую стиль автора: «Во-первых, мифическая сентиментальная “Москва” превратилась в “Железные врата”, за которыми в “безмолвии” и “тайне” обитает “Начало всякого бытия”. Вход в эти врата охраняет Некто, стоящий на грани двух миров» [Философов 2010: 291]. В «Анатэме» Философов находит «новый вид современной чеховщины» [Философов 2010: 291], несмотря на пропасть, которая отделяет высокохудожественные произведения Чехова от драм Андреева, оцениваемых критиком как явления, выходящие за рамки искусства.

Преемственно продолжая концептуальную линию прежних своих работ, в статье «Повседневный героизм» Философов рассматривает словесное искусство в качестве способа преобразования мира и даже созидания нового бытия. Он воспринимает литературу и жизнь как составляющие некоего единого метафизического «текста». Философов своеобразно преломляет традицию русской критики разных направлений, используя знаменитый принцип «по поводу», реализующийся в творчестве В.Г. Белинского, Н.А. Добролюбова, Н.Г. Чернышевского, А.А. Григорьева и многих других авторов XIX века.

В.В. Розанов справедливо видел в обращении к этому принципу выражение национальной специфики русской критики, тяготеющей к философствованию. В статье «Около имени Белинского» (1914) он писал: «“По поводу” – это и прошедшее, и будущее, это – вперёд и назад, и везде “по сторонам”. Так “русские критики” были всегда в сущности “русскими философами”» [Розанов: 54]. Парадокс состоит в том, что критический метод Философова в определённом смысле оказывается родственным подходу к постижению литературы, характерному для Белинского, Добролюбова и Чернышевского. Вслед за своими предшественниками в рецензиях и статьях 1900-х гг., посвящённых творчеству Чехова, он также «выносит приговор» действительности, социальной и художественной. В заключительном выводе статьи Философов резко осуждает и современную литературу, и современную общественную жизнь, утверждая, что они в равной мере обессилены «чеховщиной»: «Повседневный трагизм мы понимаем, а повседневный героизм нам чужд и непонятен» [Философов 2010: 292]. В соответствии с установкой на циклизацию своих критических опытов он подхватывает и развивает тему «повседневного героизма» в статье «Повседневный героизм Толстого», опубликованной в 1911 году. В этой работе Философов пытается воссоздать черты личности Л.Н. Толстого по материалам дневника его последнего секретаря В.Ф. Булгакова («У Л.Н. Толстого в последний год его жизни» (М., 1911)). По мнению критика, «повседневный героизм» великого писателя состоял не только в его неустанном духовном самосовершенствовании, «делании» самого себя, но и в активном поиске истины, то есть смысла жизни [Философов 2010: 406]. Философов приводит воспроизведённые в дневнике Булгакова слова Толстого, сказанные с осуждением как в адрес Чехова, так и в адрес его восторженных, но поверхностных почитателей, не способных глубоко постичь природу творчества своего любимого писателя: «То обстоятельство, что Чехов не знал и не нашёл смысла жизни, представляется всем каким-то особенным, в этом видят что-то поэтическое» [Философов 2010: 404]. Цитата этого высказывания Толстого, почерпнутая из дневника Булгакова, укрепляет идейную позицию Философова, отрицающего «чеховщину» как отказ от напряжённого поиска смысла жизни, как нежелание обретения духовной опоры в религиозной вере. В контексте рассматриваемой статьи понятие «повседневный героизм», проецируемое на жизнь и творчество Толстого, становится смысловым эквивалентом категории «религиозное действие», а словосочетание «повседневный трагизм», характеризующее драматургию Чехова, выступает как перифраз выражения «эстетическое созерцание». Отсюда возникает подразумеваемое Философовым противопоставление типов художественного со-

знания: Толстой как носитель истинно религиозного и деятельного отношения к миру и Чехов как писатель, замкнувшийся в чистой художественности, психологически ослабленный своим безверием и лишённый дара духовного роста.

Показательно, что в жёстком осуждении «беспорывного», «негероического» Чехова критик совпадает не только со своими конфидентами (Гиппиус и Мережковским), но и с другим строителем «нового религиозного сознания» начала XX в. – В.В. Розановым. Философов в чём-то продолжает вектор оценок творчества Чехова, намеченный Розановым в статьях «Литературные новинки» («Новое время», 16 июня 1904 года) и «Писатель-художник и партия» («Новое время», 21 июля 1904 года). В статье «Литературные новинки» Розанов, не называя слово «чеховщина», по сути, писал о ней же. Он пронизательно подчёркивал, что герои «Вишнёвого сада» утратили духовную энергию, сам смысл жизни: «Вишни цветут, а люди блёкнут» [Розанов: 168]. В статье «Писатель-художник и партия», написанной уже после смерти Чехова, оценка феномена Чехова остаётся у Розанова сложной, неоднозначной, но при этом согретой искренней любовью и состраданием к ушедшему из жизни писателю, загравленному «направленческой» критикой. Вместе с тем Розанов называет Чехова выразителем настроений «безвременья», периода, когда в русской литературе «поскучнело» [Розанов: 183]. Мысль о губительной роли «чеховщины» он, как и Философов, выражает в яркой образно-иносказательной форме: «Всё мокро, серо. Дождит. И вязнут крылья в тумане, не подымая вверх» [Розанов: 183].

Таким образом, оценки чеховского творчества, представленные в рецензиях и статьях Философова 1900-х гг., отличаются амбивалентностью. В этот период критик характеризует творчество Чехова как художественную вершину русской литературы начала XX века и вместе с тем как некоторый предел в её движении. Чеховский путь в отечественной словесности представляется ему уже исчерпанным, не имеющим духовной перспективы.

Склонность к мышлению антиномиями, проявившаяся в критических работах Философова 1900-е гг., несомненно, связывает его с Мережковским. Важную роль в формировании философских оценок чеховского творчества играют антиномии «Чехов и чеховщина» и «Повседневный трагизм и повседневный героизм», которые будут востребованы и в последующих его критических работах. Они выполняют функцию скреп, соединяющих рецензии и статьи Философова 1900-х гг. в своеобразный «чеховский» цикл. Их смысловое наполнение определяется разветвлённым генезисом. Например, само разведение Философовым понятий «Чехов» и «чеховщина» отсылает к оппозиции, найденной Добролюбовым: «Обломов» и «обломовщина». Философов одним из первых

начал использовать в своих работах антиномию «Чехов и чеховщина», которая затем стала константой в критике Серебряного века в целом [Бушканец: 166].

Оценки художественного наследия Чехова, сосредоточенные в рецензиях и статьях Философова 1900-х гг., ориентированы на диалог с критическими высказываниями его современников: Мережковского, Гиппиус, Розанова. В опосредованной форме они транслируют идеи строительства «нового религиозного сознания». Но при этом Философов не только иллюстрирует и развивает чужие критические концепции, но и открывает новые грани творчества Чехова, по его мнению, завершившего в русской литературе линию «повседневного трагизма».

Список литературы

- Бушканец Л.Е.* Чехов – писатель русского Апокалипсиса? // *Общественные науки и современность.* 2010. № 4. С. 162–172.
- Гиппиус З.* Литературный дневник // *Гиппиус З. Дневники: в 2 кн. / под общей ред. А.Н. Николукина.* М.: НПК «Интелвак», 1999. Кн. 1. С. 165–367.
- Коттелова Н.Г.* Проблема рецепции русской литературы XIX века в критике Д.С. Мережковского (1880–1917 гг.). Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2010. 343 с.
- Коттелова Н.Г.* Антиномия «Чехов и чеховщина» в истолковании Д.В. Философова // *Верхневолжский филологический вестник: научный журнал.* Ярославль: РИО ЯГПУ, 2018. № 1. С. 18–25.
- Коттелова Н.Г.* Рецензия Д.В. Философова на мхатовскую постановку «Дяди Вани» А.П. Чехова (1901) в контексте духовных и эстетических исканий русских символистов // *Вестник Костромского государственного университета: научно-методический журнал.* 2017. Т. 23, № 2. С. 79–83.
- Коростелев О.А.* Возвращение Д.В. Философова: сделанное и необходимое, мечты и реальность // *Философовские чтения: сб. материалов шестых Философовских чтений / сост. Н.В. Анисимова, Р.Н. Антипова, В.В. Булдакова; ред. Л.Я. Костючук, Р.Н. Антипова.* Псков: ООО «Логос», 2016. С. 6–13.
- Коростелев О.А.* Литературная критика Дмитрия Философова // *Философов Д.В. Критические статьи и заметки 1899–1916 / сост., предисл., примеч. О.А. Коростелева.* М.: ИМЛИ РАН, 2010. С. 3–21.
- Коростелев О.А.* Примечания // *Философов Д.В. Критические статьи и заметки 1899–1916 / сост., предисл., примеч. О.А. Коростелева.* М.: ИМЛИ РАН, 2010. С. 509–643.
- Крайний Антон.* Братская могила // *Весы.* 1907. № 7. С. 57–64.
- Мережковский Д.С.* Полн. собр. соч.: в 24 т. М.: Типография товарищества И.Д. Сытина, 1914. Т. 14. 240 с.

Розанов В.В. Собрание сочинений. О писательстве и писателях. М.: Республика, 1995. 734 с.

Философов Д.В. «Дядя Ваня» (Первое представление в Петербурге 19 февраля 1901 г.) // Мир искусства. 1901. № 2–3. С. 102–106.

Философов Д.В. Критические статьи и заметки 1899–1916 / сост., предисл., примеч. О.А. Коростелева. М.: ИМЛИ РАН, 2010. 680 с.

Философов Д.В. Театральные заметки. 2 Чайка // Мир искусства. 1902. № 11. С. 46–51.

Чудаков А.П. Чехов и Мережковский: два типа художественно-философского сознания // Чеховиана: Чехов и Серебряный век. М.: Наука, 1996. С. 50–67.

Шишкина Л.И. О мещанах и «дачниках»: Д. Философов в полемике с М. Горьким // Философовские чтения: сборник материалов третьих Философовских чтений. Псков: Изд-во Областного центра народного творчества, 2008. С. 100–119.

Шишкина Л.И. Творчество Л. Андреева в оценке Д. Философова // Философовские чтения: сборник материалов первых Философовских чтений. Псков: Изд-во Областного центра народного творчества, 2005. С. 153–163.

References

Bushkanec L.E. *Chehov – pisatel' russkogo Apokalipsisa?* [Chekhov – writer of the Russian Apocalypse?]. *Obshhestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity], 2010, № 4, pp. 162–172. (In Russ.)

Gippius Z. *Literaturnyj dnevnik* [Literary diary]. Gippius Z. *Dnevniki: v 2 kn.* [Diaries: in 2 vol.], ed. by A.N. Nikoljukina. Moscow, NPK «Intelvak» Publ., 1999, vol. 1, pp. 165–367. (In Russ.)

Koptelova N.G. *Problema recepcii russkogo literatury XIX veka v kritike D.S. Merezhkovskogo (1880–1917 gg.)* [The problem of reception of Russian literature of the nineteenth century in the criticism of D.S. Merezhkovsky (1880–1917)]. Kostroma, Kostroma State University named after named after N.A. Nekrasov Publ., 2010, 343 p. (In Russ.)

Koptelova N.G. *Antinomija “Chehov i chehovshchina” v istolkovanii D.V. Filosofova* [Antinomy “Chekhov and Chekhovshchina” in D.V. Filosofov's interpretation]. *Verkhnevolzhskij filologicheskij vestnik: nauchnyj zhurnal* [Verkhnevolzhsky Philological Bulletin: scientific journal], Yaroslavl, RIO JaGPU Publ., 2018, № 1, pp. 18–25. (In Russ.)

Koptelova N.G. *Recenzija D.V. Filosofova na mhatovskuju postanovku “Djadi Vani” A.P. Chehova (1901) v kontekste duhovnyh i jesteticheskikh iskanij russkikh simvolistov* [Dmitry Filosofov's review of Moscow Art Theatre staging “Uncle Vanya” by Anton Chekhov (1901) in the context of spiritual and aesthetic searches of the Russian symbolists]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta:*

nauchno-metodicheskij zhurnal [Vestnik of Kostroma State University: scientific and methodological journal], 2017, vol. 23, № 2, pp. 79–83. (In Russ.)

Korostelev O.A. *Vozvrashhenie D.V. Filosofova: sdellanoe i neobhodimoe, mechty i real'nost'* [The Return of Dmitry Vladimirovich Filosofov: done and necessary, dreams and reality]. *Filosofovskie chtenija: sb. materialov shestyh Filosofovskih chtenij* [Philosophical readings: collection of materials of the sixth Philosophical readings], comp. N.V. Anisimova, R.N. Antipova, V.V. Buldakova; ed. by L.Ya. Kostyuchuk, R.N. Antipova. Pskov, OOO «Logos» Publ., 2016, pp. 6–13. (In Russ.)

Korostelev O.A. *Literaturnaja kritika Dmitrija Filosofova* [Literary criticism of Dmitry Filosofov]. Filosofov D.V. *Kriticheskie stat'i i zametki 1899–1916* [Critical articles and notes 1899 – 1916], comp., foreword, note by O.A. Korostelev. Moscow, IMLI RAN Publ., 2010, pp. 3–21. (In Russ.)

Korostelev O.A. *Primechanija* [Notes]. Filosofov D.V. *Kriticheskie stat'i i zametki 1899–1916* [Critical articles and notes 1899–1916], comp., foreword, note by O.A. Korostelev. Moscow, IMLI RAN Publ., 2010, pp. 509–643. (In Russ.)

Krajnij Anton. *Bratskaja mogila* [Mass grave]. *Vesy* [Libra], 1907, № 7, pp. 57–64. (In Russ.)

Merezhkovskij D.S. *Poln. sobr. soch.: v 24 t.* [Complete collection of works: in 24 vols.]. Moscow, Printing house of the partnership of I. D. Sytin Publ., 1914, vol. 14, 240 p. (In Russ.)

Rozanov V.V. *Sobranie sochinenij. O pisatel'stve i pisateljah* [Collected works. About writing and writers]. Moscow, Republic Publ., 1995, 734 p. (In Russ.)

Filosofov D.V. “Djadja Vanja” (Pervoe predstavlenie v Peterburge 19 fevralja 1901 g.) [“Uncle Vanya” (First performance in St. Petersburg on February 19, 1901)]. *Mir iskusstva* [World of art], 1901, № 2–3, pp. 102–106. (In Russ.)

Filosofov D.V. *Kriticheskie stat'i i zametki 1899–1916* [Critical articles and notes 1899–1916], comp., foreword, note by O.A. Korostelev. Moscow, IMLI RAN Publ., 2010, 680 p. (In Russ.)

Filosofov D.V. *Teatral'nye zametki. 2 Chajka* [Theatrical notes. 2 Seagull]. *Mir iskusstva* [World of art], 1902, № 11, pp. 46–51. (In Russ.)

Chudakov A.P. *Chehov i Merezhkovskij: dva tipa hudozhestvenno-filosofskogo soznanija* [Chekhov and Merezhkovsky: two types of artistic and philosophical consciousness]. *Chehoviana: Chehov i Serebrjanyj vek* [Chekhovian: Chekhov and the Silver Age]. Moscow, Science Publ., 1996, pp. 50–67. (In Russ.)

Shishkina L.I. *O meshhanah i “dachnikah”:* D. Filosofov v polemike s M. Gor'kim [About philistines and “summer residents”: D. Filosofov in a polemic with M. Gorky]. *Filosofovskie chtenija: sbornik materialov tret'ih Filosofovskih chtenij* [Philosophical readings: a collection of materials of

the third Philosophical readings]. Pskov, Publishing House of the Regional Center for Folk Art Publ., 2008, pp. 100–119. (In Russ.)

Shishkina L.I. *Tvorchestvo L. Andreeva v ocenke D. Filosofova* [Creativity of L. Andreev in the assessment of D. Filosofov]. *Filosofovskie chtenija:*

sbornik materialov pervyh Filosofovskih chtenij [Philosophical readings: a collection of materials of the first Philosophical readings]. Pskov, Publishing House of the Regional Center for Folk Art Publ., 2005, pp. 153–163. (In Russ.)

Морозова Светлана Николаевна

Пензенский филиал Военной академии материально-технического обеспечения

Жаткин Дмитрий Николаевич

Пензенский государственный технологический университет

ТВОРЧЕСТВО ДЖОНА ЧИВЕРА В ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКОМ ОСМЫСЛЕНИИ К.И. ЧУКОВСКОГО

Исследование осуществлено в рамках выполнения работ по гранту Российского научного фонда № 17-18-01006 «Эволюция русского поэтического перевода (XIX – начало XX века)»

В статье осмысливаются особенности восприятия К.И. Чуковским творчества американского прозаика Джона Чивера (1912–1982). Появление произведений Дж. Чивера на русском языке сопровождалось комментариями советских исследователей, видевших в нем активного пропагандиста социалистических идей. Литературно-критические работы К.И. Чуковского способствовали более вдумчивому прочтению произведений американского писателя отечественными читателями. К.И. Чуковский является автором предисловия к вышеднему в 1962 году сборнику рассказов Дж. Чивера в переводах Т. Литвиновой «Исполненное радио». В дальнейшем это предисловие с изменениями и дополнениями публиковалось как статья «Джон Чивер». Восприятие К.И. Чуковским творчества американского писателя не было однозначным. Он критиковал первый сборник рассказов Дж. Чивера «The Way Some People Live» (1943) за ученическую подражательность писателям-предшественникам. К.И. Чуковский считал, что лучшие рассказы Дж. Чивера собраны в книге «The Enormous Radio and other stories» (1953), центральными темами которой стали несовершенство общественного устройства и вызвавшие его причины – социальное неравенство людей, их духовная опустошенность. Анализируя рассказы Дж. Чивера, К.И. Чуковский отмечал существенную деталь – несмотря на кажущееся беспристрастное отношение к своим попавшим в беду героям, Дж. Чивер сопереживает им, хочет привлечь внимание общества к важным проблемам современности.

Ключевые слова: К.И. Чуковский, Дж. Чивер, русская литература, американская литература, межкультурные и литературные связи, критический реализм, рассказ, художественная деталь.

Информация об авторах: Морозова Светлана Николаевна, ORCID 0000-0003-0686-5614, кандидат филологических наук, Пензенский филиал Военной академии материально-технического обеспечения, г. Пенза, Россия.

E-mail: s.morozova09@mail.ru

Жаткин Дмитрий Николаевич, ORCID 0000-0003-4768-3518, доктор филологических наук, профессор, Пензенский государственный технологический университет, г. Пенза, Россия.

E-mail: ivb40@yandex.ru

Дата поступления статьи: 05.02.2020.

Для цитирования: Морозова С.Н., Жаткин Д.Н. Творчество Джона Чивера в литературно-критическом осмыслении К.И. Чуковского // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 2. С. 164–170. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-164-170.

Svetlana N. Morozova

Penza branch of the Military Academy of Material and Technical Support

Dmitriy N. Zhatkin

Penza State Technological University

CREATIVE WORKS OF JOHN WILLIAM CHEEVER IN THE LITERARY-CRITICAL INTERPRETATION OF KORNEY CHUKOVSKY

The article is made within the project # 17-18-01006 «The Evolution of the Russian Poetic Translation (the 19th – the beginning of the 20th centuries)» of the Russian Science Foundation.

The article deals with the comprehension of the features of perception of works of American prose writer John William Cheever (1912–1982) by Korney Chukovsky. The appearance of the works of J. Cheever in Russian language was accompanied by the comments of Soviet researchers who considered him to be an active propagandist of socialist ideas. Literary critical works written by Korney Chukovsky provoked a more thoughtful reading of the works of the American writer by Russian readers. Korney Chukovsky is the author of the preface to the collection of short stories written by J. Cheever in translations of Tat'yana Litvinova entitled «Giant Radio» published in 1962. In the future, this introduction, with amendments and additions, was published as an article of «John Cheever». The American writer's work perception by Korney Chukovsky of was not unique. He criticised the first collection of short stories by J. Cheever «The Way Some People Live» (1943), for his student imitation of the recognisable style of predecessor writers. Korney Chukovsky believed that the best stories of J. Cheever were collected in the book «The Enormous Radio and other stories» (1953), the central themes of which were the imperfection of the social structure and the causes that caused it social inequality of people, their spiritual devastation. Analysing the stories of J. Cheever, Korney Chukovsky noted a significant detail – despite the seeming impartial attitude towards his heroes in trouble, J. Cheever empathises them, wants to draw public attention to important problems of our time.

Keywords: *Korney Chukovsky, John William Cheever, Russian literature, American literature, intercultural and literary ties, critical realism, story, artistic detail.*

Information about the author: Svetlana N. Morozova, ORCID 0000-0003-0686-5614, Candidate of Philological Sciences, Penza branch of the Military Academy of Material and Technical Support, Russia.

E-mail: s.morozova09@mail.ru

Dmitriy N. Zhatkin, ORCID 0000-0003-4768-3518, Doctor of Philological Sciences, Professor, Penza State Technological University, Russia.

E-mail: ivb40@yandex.ru

Article received: February 05, 2020.

For citation: Morozova S.N., Zhatkin D.N. Creative works of John William Cheever in the literary-critical interpretation of Korney Chukovsky. *Vestnik of Kostroma State University*, 2020, vol. 26, № 2, pp. 164–170 (In Russ.). DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-164-170.

Одним из наиболее значительных американских прозаиков XX века является Дж. Чивер, выход книг которого каждый раз сопровождался положительными рецензиями и становился значительным событием в литературной жизни США. Содержание его произведений по времени и тематике соотносится со значительными политическими событиями в стране. Отражившийся в творчестве Дж. Чивера интерес к духовным аспектам общественной жизни в совокупности с вниманием к внутреннему миру человека обусловили неповторимые особенности его произведений. Некоторая «неуверенность» его ранних рассказов не умалила их художественной значимости.

В разное время художественное наследие Дж. Чивера интересовало многих исследователей, в его творчестве находили отзвуки социалистических идей, а в самом писателе видели приверженца традиций социально-критического реализма. Этого направления в своих работах придерживались В.Н. Чеканов [Чеканов] и П.В. Балдицын [Балдицын]. В одной из глав книги А.А. Аствацатурова [Аствацатуров] характеризуется бытописание в произведениях Дж. Чивера, его внимание к окружающим человека вещам и событиям. Отрывок из биографической книги И.М. Ефимова «Бермудский треугольник любви» под названием «Джон Чивер» посвящен неоднозначной личности американского писателя [Ефимов]. Очерк написан в виде диалога двух лиц (Тенора и Баса), что позволяет читателю взглянуть на произведения Дж. Чивера с разных позиций. И.М. Левидова, опираясь на творчество американских прозаиков, в том числе Дж. Чивера, проводит параллель между психологическим климатом американского общества и настроениями усадебного дворянства в пореформенной России [Левидова]. Отечественные читатели тепло приняли произведения Дж. Чивера, что во многом объяснялось как качеством переводов Т. Литвиновой, так и вниманием самого писателя к сложным психологическим проблемам современного общества. Дж. Чивера нередко сравнивали с А.П. Чеховым, который проявлял особый интерес к несоответствию внешнего «фасада» и внутренней жизни обывателей, исследовал проблему психологической отчужденности в мире стяжательства.

К.И. Чуковский был одним из первых российских исследователей, давших полную характеристику творчества Дж. Чивера. В своих работах К.И. Чуковский обращался к художественному наследию и других американских писателей, в частности У. Уитмена и Г. Бичер-Стоу, поэтому реалии американской жизни были ему знакомы [Морозова, Жаткин 2019а; Морозова, Жаткин 2019б]. Вышедший в 1962 г. сборник рассказов Дж. Чивера «Исполинское радио», в котором, по мнению К.И. Чуковского, для советского читателя было собрано лучшее из написанного американским писателем, предварялся его предисловием. Ценность литературно-критической оценки К.И. Чуковского обусловлена личным знакомством писателей и их перепиской – в архиве русского писателя сохранилось несколько писем Дж. Чивера к нему. Большую роль в популяризации творчества Дж. Чивера в России сыграла переводческая работа Т.М. Литвиновой, с которой К.И. Чуковский близко общался, о чем свидетельствуют его записи в дневнике: «Сегодня Таня Литвинова читала мне свой перевод Чивера – открытого мною писателя: о доброй, благодущной, спокойной женщине – которая меняет любовников, как чеховская Душенька мужей – и только в конце выясняется, что это символ Смерти» (запись от 12 октября 1960 г.; [Чуковский 2013: 300]); «Она <Т. Литвинова> чудесно перевела его “Swimmer’a”» (запись от 23 октября 1964 г.; [Чуковский 2013: 395]); «Приехала Таня и прочитала два прелестных перевода Чивера» (запись от 25 июля 1965 г.; [Чуковский 2013: 415]); «В новой книжке “Иностранной литературы” напечатан ее <Т.М. Литвиновой> блистательный перевод “Геометрия любви” Чивера» (запись от 27 мая 1968 г.; [Чуковский 2013: 499]). Отметим, что вслед за книгой «Исполинское радио» в СССР были напечатаны (еще при жизни К.И. Чуковского): небольшой сборник рассказов Дж. Чивера в переводах В. Коткина «Ангел на мосту» (М., 1965 – в серии «Библиотека журнала “Огонек”»), объемный сборник рассказов с тем же названием в переводах Т. Литвиновой (М., 1966), роман «Семейная хроника Уопшотов» в переводе Т. Ровинской (Л., 1968).

Предисловие К.И. Чуковского к сборнику рассказов Дж. Чивера «Исполинское радио» в даль-

нейшем публиковалось с небольшими изменениями как статья «Джон Чивер». Несмотря на достаточно близкое знакомство, К.И. Чуковский не уделяет большого внимания биографии Дж. Чивера, ограничиваясь информацией о возрасте американского писателя и о месте его рождения. О внешности Дж. Чивера и своем отношении к нему К.И. Чуковский упоминает в дневниковой записи от 23 октября 1964 г.: «Вчера был у меня Чивер, поразительно похожий на Уэллса: тот же цвет волос, та же улыбка, тот же рост, та же фактура розовой кожи... я так люблю его, что мне было радостно с ним» [Чуковский 2013: 395]. Известно, что Дж. Чивер дважды побывал в СССР – в 1964 и 1971 гг.; во время первого из приездов он встречался с К.И. Чуковским.

К.И. Чуковский отмечает, что формирование художественной манеры происходило на всем протяжении творчества американского писателя, который работал во многих жанрах. К экспериментам Дж. Чивера К.И. Чуковский относился скептически, считая, что в поисках себя американский писатель не ко всем своим произведениям подходил с должной ответственностью, из-за чего во многих из них не было ни идейности, ни особого смысла: «Многие его рассказы, особенно в последнее время, имеют чисто развлекательный характер» [Чуковский 2012: 581]. Русский критик отмечал вторичность первого сборника Дж. Чивера «Как живут некоторые люди» (“The Way Some People Live”, 1943), вобравшего 30 ранних рассказов.

Простоту сюжетов К.И. Чуковский усматривал и в книге Дж. Чивера «Люди, места и вещи, которые не появятся в моей следующей новелле» (“Some People, Places, and Things That Will Not Appear in My Next Novel”, 1961). Писатель называет рассказ «Смерть Жюстины» тривиальным анекдотом, а «Герцогиню» – не более как экзотической биографией, имеющей неправдоподобный сюжет. По мнению К.И. Чуковского, название сборника отражало отношение автора к написанному, понимание того, «что эта дорога заведет его в тупик» и «все такие рассказы – приятное чтение, и только» [Чуковский 2012: 581].

К.И. Чуковский считает, что лучшие произведения Чивера собраны «в предлагаемой советским читателям книжке рассказов, входящих в... сборник “Исполинское радио” (1953)» [Чуковский 2012: 581]. Центральной темой в этой книге является мысль о несовершенстве общества, в котором существуют проблемы взаимоотношений между людьми, обусловленные как социальным неравенством, так и бесконечной внутренней борьбой с тоской и пустотой, вызванными отсутствием высших ценностей. Этот сборник был положительно воспринят критикой, хотя оказался не столь ярким литературным явлением, как вышедший в то же время сборник Дж.Д. Сэлинджера «Девять рассказов» («Nine Stories», 1953).

В первой части статьи К.И. Чуковский анализирует одноименный рассказ из сборника «Исполинское радио», герои которого – обычные жители пригорода, где за внешним приличием и благополучием скрываются людские пороки и где разгораются человеческие драмы. Сюжет разворачивается в комфортабельном доме одного из лучших кварталов Нью-Йорка, жители которого весьма почтенные люди. Но, по словам К.И. Чуковского, «стоило взглянуть в них писателю Чиверу, и куда девалась вся их почтенность и чинность» [Чуковский 2012: 575]. Называя жителей этого дома скардами, ворами, лицемерами и семейными деспотами, К.И. Чуковский перечисляет все их аморальные поступки: «эти только что украли драгоценный бриллиант», «мистер Осборн бьет свою жену, миссис Осборн», «миссис Хендрикс устраивает сцены мистеру Хендриксу за то, что его собираются уволить» [Чуковский 2012: 575]. В этом пристанище безнравственности значительно выделяется своими лозунгами праведница миссис Уэскотт. К.И. Чуковский приводит некоторые из этих суждений: «Жизнь ужасна, гнусна, омерзительна! И вечно они ссорятся друг с другом... И сходят с ума из-за денег» [Чуковский 2012: 576]. При первом знакомстве с ней читатель надеется, что автор поторопился с выводами о всеобщем нравственном опустошении, если есть еще такие личности. Но, оказывается, и эта праведность являлась лишь фасадом: «эта благородная праведница, так горячо ненавидящая всякое зло, несколько не лучше других: до нитки ограбила родную сестру» [Чуковский 2012: 576]. Может быть, помыслы этих людей и прекрасны, но в привычном жизненном круговороте пригорода все они обесцениваются и реализуются в злых, приводящих к трагедии поступках. И возникает парадоксальная ситуация, когда люди, вполне обеспеченные, работающие, не испытывающие типичных социальных неурядиц, глубоко несчастны. В этом рассказе Дж. Чивер, по наблюдению К.И. Чуковского, не отходит от характерного для реалистического рассказа 1930–40-х гг. способа изображения неустроенности социального уклада жизни, основанного на ложных ценностях и таком удобном для каждого человека конформизме в общении с другими людьми и даже с самим собой.

К.И. Чуковский называет рассказ шаржем, считая, что «не может быть, чтобы в громаднейшем доме все жители, все до единого, были пошляки и пройдохи» [Чуковский 2012: 576]. По мнению писателя, у Дж. Чивера есть герои, способные своей добродетелью противостоять цинизму и порочности окружающих. Такой могла бы стать поэтичная и мечтательная героиня рассказа «Брак» Этель, которую «Чивер изобразил... мягкими красками» [Чуковский 2012: 576]. Однако К.И. Чуковский видит, что у Этель нет желания и даже по-

мыслов бороться с обступающей ее со всех сторон несправедливостью, потому что «он <мир> в два-три года вытравил из нее все человеческое, превратив ее в слепую машину для точного выполнения семейных обязанностей» [Чуковский 2012: 576]. Душная разрушающая атмосфера пригорода отравляет любые свободные проявления человека. И когда к Этель приходит любовь, она «шарахается от нее как от бури» [Чуковский 2012: 576].

Такая же участь постигает маленькую героиню рассказа «Приключение на Саттон-плейс» – прелестную Дебору. По мнению К.И. Чуковского, «нужно быть очень сильным художником, чтобы создать такой верный (и такой обаятельный!) образ ребенка» [Чуковский 2012: 576]. Светлая душевная жизнь ребенка с колыбели омрачена поступками и словами нетрезвых родителей. У Деборы формируется искаженное представление о жизни, центром которого является мысль о том, что «коктейль и есть та ось, вокруг которой вращается все существование взрослых» [Чуковский 2012: 576]. Преступная халатность родителей Деборы, от которых девочка не слышала «ни единого не пошлого слова» [Чуковский 2012: 576], создает все условия для появления еще одного жителя пригорода. Несмотря на твердую убежденность Дж. Чивера в том, что всякие попытки бунта и желание выбраться из окружающей среды заканчиваются либо возвращением назад с еще большим моральным опустошением, либо приводят к гибели, у читателя возникает надежда, что Дебора станет исключением и сможет разорвать этот замкнутый круг.

К.И. Чуковский оправдывает поведение героев Дж. Чивера тем, что они несчастны, «измучены жизнью, изнервлены и действительно “сходят с ума из-за денег”» [Чуковский 2012: 577]. Зависимость от денег в произведениях американского писателя также является проявлением несвободы человека.

Тема капитала в американском обществе представлена во многих рассказах Дж. Чивера, герои которых видят счастье в достижении материального благополучия. К.И. Чуковский приводит многочисленные примеры из жизни таких персонажей: в рассказе «Город разбитых надежд» постоянно слышатся такие меркантильные рассуждения, как «сто тысяч на бочку и до четырехсот тысяч в случае успеха», «мы должны один миллион девятьсот пять тысяч долларов» [Чуковский 2012: 577]; в рассказе «Клад» Ральф и Лора Уитморы настолько охвачены жаждой наживы, что совершают самые безнравственные поступки, служащие цели поднять их социальный статус, и, по словам К.И. Чуковского, «весь рассказ есть в сущности подробный отчет о финансовых операциях Ральфа» [Чуковский 2012: 577]. В рассказе «Брак» герой считает, что зарабатывание денег важнее сохранения семьи: «Я, – говорит он, – вечно поглощен необходимостью за-

рабатывать все больше и больше денег» [Чуковский 2012: 577]. Героя рассказа «Исполненное радио» настолько поглотило бездушное царство бизнеса, что он не может думать ни о чем другом: «Скажу тебе честно, наши денежные дела меня очень и очень волнуют» [Чуковский 2012: 577]. Мать не обращает внимание на дискомфорт ребенка, которому не нравится школа, заявляя весомый, по ее мнению, аргумент: «Мы заплатили восемьсот долларов, чтобы поместить тебя в эту школу, и ты пойдешь туда, хоть умри!» [Чуковский 2012: 577]. Преступную халатность видит К.И. Чуковский и в истории, представленной в рассказе «Приключение на Саттон-плейс», – родители, открыв счет на имя дочери, посчитали себя освобожденными от любых моральных обязательств в плане ее воспитания.

К.И. Чуковский считает, что персонажи Дж. Чивера одержимы пресловутой американской мечтой, которая всегда оказывается для них недоступной. В этой связи американский писатель хочет донести до читателей, «как в горячке наживы гибнут человеческие души, как сквозь унижения, неудачи, обиды люди приходят к неминуемому краху, разбивающему все их надежды на счастье» [Чуковский 2012: 577]. Они никогда не достигают успеха, но принимают сложившиеся обстоятельства как неизбежное и, потерпев неудачу, вновь вступают в борьбу за наживу. Несмотря на титанические усилия, которые предпринимают герои Дж. Чивера, каждый раз какая-нибудь случайность разрушает их ожидания.

В этой закономерности К.И. Чуковский видит отличительную черту рассказов Дж. Чивера по сравнению с произведениями Ги де Мопассана, раннего А.П. Чехова, Э. Хемингуэя и Дж.Д. Сэлинджера, внимание которых сосредоточено на отдельных эпизодах. У Дж. Чивера представлена «цепь эпизодов, следующих один за другим – порою на протяжении нескольких лет» [Чуковский 2012: 578]. В этих эпизодах образы могут переходить из рассказа в рассказ, оставаться схожими темы и идеи, а отдельная фигура какого-либо рассказа, иногда не самая важная и значимая в повествовании, может стать центральной в другом сюжете.

К.И. Чуковский характеризует важную особенность художественного метода Дж. Чивера, когда писатель помещает своего героя в определенный контекст и его жизнь изображается не фрагментарно, а как цепь взаимосвязанных и взаимообусловленных событий: «Такие рассказы, как “Дети”, “Жестокий романс”, не выдвигают на первое место какой-нибудь отдельный момент из жизни тех или иных персонажей, а дают всю их биографию, всю целиком, – от ранней юности до самых седин» [Чуковский 2012: 578]. И даже если писатель в рамках одного рассказа описывает всего лишь один день из жизни героя, то он «показывает весь этот день с утра до вечера, регистрируя по порядку одно за другим все события, происходившие с тем чело-

веком, все его мысли, поступки и чувства» [Чуковский 2012: 578]. Часто Дж. Чивер использует этот прием, когда персонаж остро ощущает свою отчужденность от окружающего мира. Поэтому читатель видит не отдельные эпизоды, а непрерывную последовательность событий, в которой герой раскрывается максимально полно. Этот метод особенно ярко проявился в рассказах Дж. Чивера «Рождество» и «Управляющий».

Общую панораму событий, состоящую из непрерывной цепи фрагментов, но уже охватывающую несколько дней, можно наблюдать в рассказе «Город разбитых надежд». К.И. Чуковский характеризует общее построение рассказа следующим образом: «Одно звено цепи здесь плотно примыкает к другому, такому же, в строгой последовательности, и все они равны между собой» [Чуковский 2012: 578]. Эвартс, приехавший в Нью-Йорк за богатством и славой, терпит такой же крах ожиданий, как и другие герои; помещается в ту же ситуацию конфликта с окружающим его обществом. Дж. Чивер «подробно регистрирует все, что случилось в течение этих нескольких дней» [Чуковский 2012: 578] с наивным и доверчивым молодым человеком. По мнению К.И. Чуковского, обычно писатели изображают своих героев в кризисный или важный момент их жизни и избегают подобной панорамности при раскрытии художественных образов. Дж. Чивер же стремится ввести как можно больше информации о герое и о людях, которые его окружают. К.И. Чуковский справедливо замечает, что одни и те же проблемы переходят из рассказа в рассказ: «Те же злые силы, что бушуют в “Исполнском радио”, закружили его бешеным вихрем, шваркнули о мостовую; такое же бездушие окружает со всех сторон: во всем городе не нашлось человека, который пожалел бы его и не попытался бы извлечь из его катастрофы какую-нибудь бесчестную выгоду» [Чуковский 2012: 578].

В связи с этим у К.И. Чуковского возникает вопрос – возможно ли изменение ненадежного и гибельного мира вследствие изменения поведения людей в лучшую сторону? Своими произведениями Дж. Чивер не оставляет надежды на такие трансформации – столь неестественная, обусловленная прагматичными целями филантропия приведет к тому, что «жизнь станет еще более тяжелой» [Чуковский 2012: 578]. Эта мысль доказывается историей, описанной в рассказе «Рождество». Обитатели одного дома на единственный день «решают сделаться добряками... и осыпают своими щедротами бедняка, замученного многолетним трудом» [Чуковский 2012: 578]. К.И. Чуковский видит всю напускную и неискреннюю сущность этого парада гуманности, обозначенную словами лифтера Чарли, который в жалобах состоятельной жительницы дома видит жалкие попытки скрыть истинное положение вещей: «Все же, – говорит он

себе, – у нее десять комнат в квартире, прислуги три человека, денег, бриллиантов – горы!.. А какие ей подают обеды и ужины! Еда, которую ее кухарка выносит каждый день на помойку, составила бы целое пиршество для ребятишек, живущих в трущобах» [Чуковский 2012: 579]. Сам Чарли, по словам К.И. Чуковского, «не образец добродетели», так как любит приврать, вызвать жалость к себе, сочинив про больную жену и кучу детей. Но в итоге он оказывается более чутким к чужим бедам человеком, способным поделить с обездоленными людьми по зову души, а не для соблюдения внешних приличий.

В творчестве Дж. Чивера К.И. Чуковский видит мощную традицию «короткой прозы» XIX–XX вв.: «...он <Чивер> насыщает очень большим содержанием всякую мельчайшую деталь повествования и от своего читателя требует повышенной зоркости ко всякой детали» [Чуковский 2012: 579]. В его рассказах очень часто единственная деталь может раскрыть истинное положение вещей. И в этом случае не следует искать символического подтекста – Дж. Чивер далек от завуалированного преподнесения нужной информации читателю. К.И. Чуковский приводит примеры из рассказов американского писателя, в которых единственная фраза или деталь выдают правду. В рассказе «Город разбитых надежд» для того, чтобы показать несостоятельность театрального агентства, писатель выводит на сцену секретаршу, которая предлагает неопытному клиенту свежие яйца. Для К.И. Чуковского это является подтверждением того, что уровень агентства оставляет желать лучшего: «Вот, значит, до чего обнищала эта хваленая фирма: ее служащие вынуждены подрабатывать грошовой торговлей» [Чуковский 2012: 579]. По мнению писателя, случайная фраза определяет весь дальнейший сюжет и каждому читателю становится понятно, что «начинающий автор пришел не туда, куда нужно, и что с ним непременно случится беда» [Чуковский 2012: 579] в этой прогоревшей фирме.

Большой тонкости потребовалось Дж. Чиверу для изображения таким способом вздорной, легкомысленной женщины из рассказа «Приключение на Саттон-плейс». К.И. Чуковский описывает всю глубину ее морального падения в ситуации, когда о своем любовнике она помнит лишь то, что «он сам себе пришивал пуговицы, да подавал ей завтраки в постель». Читателю не надо долго следить за ходом мысли этой женщины, за движением ее эмоциональных реакций – вся ее сущность свелась к этой короткой сцене-воспоминанию: «Какой это был человек и за что она полюбила его, – все забыла пропащая, опустошенная женщина, у которой погибельный мир отнял все – даже воспоминация» [Чуковский 2012: 580].

Таким же глубоким содержанием наполняет Дж. Чивер кажущуюся незначительной деталь из

жизни героини рассказа «Брак» Этель, которая получила блестящее образование во Франции, но не смогла реализовать себя. К.И. Чуковский приводит слова ее мужа, что Этель «повесила было свой диплом над кухонной раковиной, но шутка скоро приелась и... куда с тех пор девался этот диплом... не знаю» [Чуковский 2012: 580]. Читателю становится ясно, что никто не способен понять душевных запросов этой женщины и что более страшно – «в той обстановке, в которой очутилась талантливая, умная женщина, она обречена на духовную смерть» [Чуковский 2012: 580].

Одна фраза миссис Кулидж из рассказа «Управляющий», как считает К.И. Чуковский, смогла сказать о ней больше каких-либо описаний и пояснений – за все двадцать лет жизни миссис Кулидж в Нью-Йорке ей «один раз даже посчастливилось увидеть своими глазами персидского шаха» [Чуковский 2012: 580]. Эти слова рисуют образ забытой, интеллектуально ограниченной женщины.

В рассказе «Клад» мистер Феллоуз также раскрывается перед читателями в самом неприглядном виде: «он, в ком мы ожидали найти создателя чудесных химикалий, пытается вывести обыкновенным бензином пятна со своего старого галстука» [Чуковский 2012: 580]. И напрасно герой рассказа надеется найти в нем спасателя – он «до того обнищал, что новый галстук для него – недоступная роскошь» [Чуковский 2012: 580].

Во всех этих рассказах нет глубокого психологизма – для того, чтобы понять героя, читателю не требуется следить за его переживаниями, иногда для выводов достаточно одной фразы или штриха. По словам К.И. Чуковского, «Чивер неистощим в изобретении таких многоговорящих деталей» [Чуковский 2012: 580], в которых проявляется его талант юмориста. Но юмор в его рассказах направлен не на конкретных лиц, а скорее на ситуации, «доходящие иногда до гротеска» [Чуковский 2012: 580]. Поэтому его герои похожи друг на друга и лишены индивидуальных черт.

По мнению К.И. Чуковского, Дж. Чивер в своих произведениях стремится к правдивому воспроизведению жизни, причем «люди живут у него на страницах по законам своего естества, а не по какой-нибудь заранее составленной схеме» [Чуковский 2012: 579]. В его рассказах нет жесткой карикатуры, а только молчаливое сопереживание неприкаянности и потерянности человека в этом холодном и опасном мире. Однако это внешнее бесстрашие не должно обмануть читателей, поскольку Дж. Чивер не берется обличать американскую действительность, а лишь изображает несостоявшиеся жизни обычных людей. И хотя нет ни одного героя, способного противиться своему бедственному положению, произведения Дж. Чивера уже своим беспощадным изображением инертности и приспособляемости призваны при-

влечь внимание тех, чьи души еще живы. И если читатель хочет проникнуться творчеством американского писателя, ему, как считает К.И. Чуковский, «нужно только привыкнуть к его <Чивера> литературной манере, и гуманистический строй его мыслей станет ясно ощутим и понятен» [Чуковский 2012: 579].

К.И. Чуковский смог глубоко понять и представить русским читателям самые важные и значимые аспекты творчества Дж. Чивера. В статье «Джон Чивер» он не только дал анализ конкретных рассказов американского писателя, но и обратил внимание на специфические черты его художественного метода. Определив видение мира Дж. Чивером как реалистическое, К.И. Чуковский все беды героев его произведений связывал с причинами, лежащими в основе несправедливого социального устройства. Такое представление помогло сформировать в России образ Дж. Чивера как продолжателя лучших традиций критического реализма.

Список литературы

- Аствацатуров А.А.* Феноменология текста. Игра и репрессия. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 282 с.
- Балдицын П.В.* Развитие реализма в творчестве Джона Чивера (1945–1970): дис. ... канд. филол. наук / Институт мировой литературы им. А.М. Горького АН СССР. М., 1979. 206 с.
- Ефимов И.М.* Джон Чивер // Иностранная литература. 2012. № 10. С. 148–175.
- Левидова И.М.* От Шервуда Андерсона до Джона Чивера (Чехов и американские прозаики) // Чехов и мировая литература: в 2 кн. / Институт мировой литературы им. А.М. Горького. М.: ИМЛИ РАН, 2005. Кн. 2. С. 714–729.
- Морозова С.Н., Жаткин Д.Н.* Поэзия У. Уитмена в литературно-критическом осмыслении К.И. Чуковского // Из истории русского художественного перевода первой трети XX века: сб. научных трудов / отв. ред. Д.Н. Жаткин. М.: Флинта, 2019а. С. 144–162.
- Морозова С.Н., Жаткин Д.Н.* Творчество Гарриет Бичер-Стоу в восприятии К.И. Чуковского // Гуманитарные исследования. 2019б. № 1 (69). С. 49–56.
- Чеканов В.Н.* Новеллистика Джона Чивера: (Проблемы, идеи, художественная специфика): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Институт литературы им. Т.Г. Шевченко АН УССР. Киев, 1975. 27 с.
- Чуковский К.И.* Собрание сочинений: в 15 т. Т. 3: Высокое искусство; Из англо-американских тетрадей / сост. Е. Чуковской и П. Крючкова. М.: ТЕРРА–Книжный клуб, 2012. 640 с.
- Чуковский К.И.* Собрание сочинений: в 15 т. Т. 13: Дневник (1936–1969) / коммент. Е. Чуковской. М.: ТЕРРА–Книжный клуб, 2013. 640 с.

References

- Astvacaturov A.A. *Fenomenologija teksta. Igra i repressija* [Phenomenology of the text. Game and repression]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2007, 282 p. (In Russ.)
- Baldicyn P.V. *Razvitie realizma v tvorchestve Dzhona Chivera (1945–1970)* [The development of realism in the creative works of John Cheever (1945–1970)]: dis. ... kand. filol. nauk, Institut mirovoj literatury im. A.M. Gor'kogo AN SSSR. Moscow, 1979, 206 p. (In Russ.)
- Efimov I.M. *Dzhon Chiver* [John Cheever]. *Inostrannaja literature* [Foreign literature], 2012, № 10, pp. 148–175. (In Russ.)
- Levidova I.M. *Ot Shervuda Andersona do Dzhona Chivera (Chehov i amerikanske prozaiki)* [From Sherwood Anderson to John Cheever (Chekhov and American prose writers)]. *Chehov i mirovaja literatura* [Chekhov and world literature: in 2 books.]: in 2 vol., Institut mirovoj literatury im. A.M. Gor'kogo. Moscow, IMLI RAN Publ., 2005, vol. 2, pp. 714–729. (In Russ.)
- Morozova S.N., Zhatkin D.N. *Pojezija U. Vitmena v literaturno-kriticheskom osmyslenii K.I. Chukovskogo* [Poetry of W. Whitman in the literary and critical interpretation of K.I. Chukovsky]. *Iz istorii russkogo hudozhestvennogo perevoda pervoj treti XX veka: sb. nauchnyh trudov* [From the history of Russian literary translation of the first third of the XX century], ed. by D.N. Zhatkin. Moscow, Flinta Publ., 2019a, pp. 144–162. (In Russ.)
- Morozova S.N., Zhatkin D.N. *Tvorcestvo Garriet Bicher-Stou v vosprijatii K.I. Chukovskogo* [Creativity of Harriet Beecher Stowe in the perception of K.I. Chukovsky]. *Gumanitarnye issledovanija* [Humanitarian Studies], 2019b, № 1 (69), pp. 49–56. (In Russ.)
- Chekanov V.N. *Novellistika Dzhona Chivera (Problemy, idei, hudozhestvennaja specifika)* [Short stories of John Cheever (Problems, ideas, artistic specificity)]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk, Institut literatury im. T.G. Shevchenko AN USSR. Kiev, 1975, 27 p. (In Russ.)
- Chukovskij K.I. *Sobranie sochinenij: 15 t. T. 3: Vysokoe iskusstvo; Iz anglo-amerikanskih tetradaj* [Collection of literary Works: in 15 vols. Vol. 3: High art; From Anglo-American exercise books], comp. E. Chukovskoj, P. Krjuchkova. Moscow, TERRA–Knizhnyj klub Publ., 2012, 640 p. (In Russ.)
- Chukovskij K.I. *Sobranie sochinenij: v 15 t. T. 13: Dnevnik (1936–1969)* [Collection of literary Works: in 15 vol. Vol. 13: Diary (1936–1969)], komment. E. Chukovskoj. Moscow, TERRA–Knizhnyj klub Publ., 2013, 640 p. (In Russ.)

Ковалев Борис Вадимович
Санкт-Петербургский государственный университет
Пугач Вадим Евгеньевич
Санкт-Петербургский государственный университет

ИМЯ СОБСТВЕННОЕ В РАССКАЗАХ В.В. НАБОКОВА (на примерах рассказов «Подлец» и «Рождество»)

Статья посвящена исследованию семантики имен собственных в рассказах В.В. Набокова «Подлец» и «Рождество». Актуальность исследования обусловлена появлением большого количества работ, в которых рассматриваются наиболее яркие и очевидные случаи, связанные с анализом семантики имен собственных в романах В.В. Набокова, но характеризующихся недостаточным анализом номинаций в текстах малой формы. В статье применяются методы семантического и интертекстуального анализа. Детально рассматриваются имена собственные каждого персонажа рассказов «Подлец» и «Рождество». Выясняется, что особенностью рассказа «Подлец» является «парность», проявляющаяся на всех уровнях: от названия до композиции. Исследуются имена персонажей, попарно расположенных в рассказе. На материале рассказа «Рождество» изучается феномен неполного имени: у одного персонажа есть имя, но нет фамилии (лакей Иван), у другого – есть фамилия, но нет имени – Слепцов, а имя сына Слепцова в рассказе не упоминается вообще. Авторы заключают, что в малой форме герою необязательно иметь и имя, и фамилию. Достаточно чего-то одного: если оно четко и ясно характеризует образ, то отсутствие одного из компонентов не является существенным. Анализируется образ главного героя, доказываемая, что герою по фамилии Слепцов присуща нравственная и эстетическая слепота. Выявляются особые механизмы соотношения системы имен с системой персонажей, предпринимается попытка классификации имен собственных в творчестве Набокова. Авторы предлагают классифицировать имена по механизму реализации имени в тексте (одношаговый и двухшаговый механизм) и по методу формулирования (говорящее имя, имя-ключ, имя-каламбур). Выясняется, что В.В. Набоков использует одинаковые механизмы и закономерности при выстраивании системы имен и в малой, и в крупной форме, однако именно в рассказах эти механизмы формируются и впервые используются Набоковым. Ставится вопрос о необходимости дальнейшего использования метода анализа имен собственных в рассказах В.В. Набокова.

Ключевые слова: семантика имен, интертекстуальность, рассказы, творчество Набокова, система персонажей.

Информация об авторах: Ковалев Борис Вадимович, ORCID 0000-0002-1904-1844, студент кафедры истории зарубежных литератур, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: bvkovalev@yandex.ru

Пугач Вадим Евгеньевич, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: vadim_pugach@mail.ru

Дата поступления статьи: 12.04.2020.

Для цитирования: Ковалев Б.В., Пугач В.Е. Имя собственное в рассказах В.В. Набокова (на примерах рассказов «Подлец» и «Рождество») // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 2. С. 171–178. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-171-178.

Boris V. Kovalev
St. Petersburg State University
Vadim Ye. Pugach
St. Petersburg State University

THE PROPER NAME IN THE STORIES BY VLADIMIR NABOKOV (on the examples of the stories «An Affair of Honor» and «Christmas»)

The article is devoted to the study of the semantics of proper names in the stories «An Affair of Honor» and «Christmas» by Vladimir Nabokov. Topicality of the study is due to the emergence of a large number of studies devoted to the most striking and obvious cases related to the analysis of the semantics of proper names in Vladimir Nabokov, to an insufficient analysis of the nominations in the texts of the small form. The work uses the methods of semantic and intertextual analysis. The analysis of the names of each character of the stories «An Affair of Honor» and «Christmas» is carried out. It turns out that the peculiarity of the story «Scoundrel» is «pairedness», which manifests itself at all levels – from name to composition. The names of characters pairwise located in the story are investigated. On the material of the story «Christmas», the phenomenon of an incomplete name is studied – one character has a name but lacks last name (footman Ivan), another has a last name but not name – Sleptsov, and the name of Sleptsov's son is not mentioned at all in the story. The authors conclude that in small form the hero does not need to have both a first name and a last name. One thing is enough – if it clearly and clearly characterizes the image, then the absence of one of the components is not significant. The image of the main character is analysed, it is proved that a hero by the name of Sleptsov has moral and aesthetic blindness. The special mechanisms of correlation of the name system with the system of characters are revealed, an attempt is made to classify proper names in Vladimir Nabokov's work. The authors propose classifying names according to the mechanism for implementing the name in the text (one-step

and two-step mechanism) and according to the method of formulation (speaking name, key-name, pun-name). It turns out that Vladimir Nabokov uses the same mechanisms and regularities in building a name system in both small and large form, however, it is in stories that these mechanisms are formed and first used by Nabokov. The question is raised about the need for further use of the method of analysis of proper names in Vladimir Nabokov.

Keywords: semantics of names; intertextuality; stories; Vladimir Nabokov's work; character system.

Information about the authors: Boris V. Kovalev, ORCID 0000-0002-1904-1844, student of the Department of the History of Foreign Literature, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

E-mail: bvkovalev@yandex.ru

Vadim Ye. Pugach, Candidate of Pedagogic Sciences, Associate Professor of the Department of Pedagogy, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

E-mail: vadim_pugach@mail.ru

Article received: April 12, 2020.

For citation: Kovalev B.V., Pugach V.Ye. The proper name in the stories by Vladimir Nabokov (on the examples of the stories «An Affair of Honor» and «Christmas»). Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 2, pp. 171–178 (In Russ.). DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-171-178.

I

Набоков, перефразируя не любимого им Достоевского, – один из самых «умышленных писателей». Говоря о его романах и рассказах, анализируя детали, мы практически исключаем возможность появления случайных элементов, а если элемент кажется нам случайным, то это значит, что, скорее всего, мы еще не нашли к нему «ключ». И потому элементы множества текстов скрупулезно исследуются набоковедом, но в число этих элементов не всегда входит изучение имени собственного.

При анализе имен в текстах Набокова литературоведы следуют общей тенденции: они рассматривают имя собственное как объект исследования, когда им встречаются наиболее «кричащие» номинации. Например, разбирая значение имени «Гумберт Гумберт», филолог обращается и к запискам самого Набокова, хотевшего сделать имя зловещим, противным и при этом сохранить «царственную вибрацию» [Набоков 2018: 39], и к предисловию вымышленного издателя Джона Рея, и к рассуждениям самого персонажа в тексте. На псевдониме главного героя многократно акцентируется внимание: если не очевиден «ключ», то точно очевидна необходимость его поиска.

Другой известный случай обращения к анализу имени собственного вызван появлением нового перевода. В 2008 году выходит перевод первого англоязычного романа Набокова «The Real Life of Sebastian Knight», выполненный Г. Барабтарло: «Истинная жизнь Севастьяна Найта» [Набоков 2012]. Отличие от перевода С. Ильина 1993 г. («Подлинная жизнь Севастьяна Найта») заметно уже по названию: имя главного героя не «Севастьян», а «Севастьян». Очевидно, подобный ход обусловлен языковой игрой, присущей Набокову: главный герой – В. – заявляет в конце, что он и есть Севастьян Найт, а буква «В», совпадающая на графическом уровне и в латинском, и в кириллическом алфавитах, служит своеобразным «порталом» между «русской» и «зарубежной» ипостасью героя, между героем ищущим и искомым. Впрочем, имя Севастьяна Най-

та, а равно и второстепенных персонажей романа, исследовалось и с другой стороны: фамилия главного героя (англ. Knight) может означать «шахматный конь», фамилия его подруги – Бишоп (англ. Bishop), то есть «слон» в шахматах, роковой любви – Лесерф («ферзь»). Композицию всего романа в таком случае можно уподобить шахматной партии.

Более тонким и сложным является случай с Шириным, персонажем «Дара». В сборнике «Владимир Набоков: pro et contra» есть статья Долинина, в которой предпринимается попытка проанализировать образ Ширина. С одной стороны, он – это Сиринов наоборот, «унылый вариант судьбы самого Набокова», с другой же – один из возможных прототипов Ширина – В.Б. Шкловский [Долинин]. Р. Лейбов утверждает: «Шкловский вводится через монтажный принцип, устойчивую нелюбовь к нему Ходасевича, покойного адресата романа Набокова» [Березин]. Кроме того, Долинин замечает, что Набоков высмеивал не слишком удачную попытку Шкловского свежо и острающающе описать гиен в берлинском ЗОО (Ширин появляется именно в зоопарке). Помимо этого, выпад против Шкловского имел не только литературную и теоретико-литературную [Долинин: 286], но и политическую подоплеку. Как бы то ни было, разбор образа Ширина – пример одного из немногочисленных скрупулезных анализов имени в поисках прототипа, отталкивающийся не от ассоциации, а от собственно имени (фамилии Ширина и Шкловского начинаются с одной и той же буквы, кроме того, очевидно созвучие фамилии персонажа с русским псевдонимом Набокова).

Как видим, анализ имен чаще всего применяется в самых очевидных случаях: когда об имени говорится в тексте (а этот текст – один из самых известных), когда налицо языковая игра, когда обнаруживается «набоковский» прием – связь литературы и шахмат и когда имя персонажа похоже на псевдоним автора до такой степени, что не изучить его нельзя. Однако наша цель – показать, что Набоков внимателен к значению имен собственных и в малой форме и что анализ значения этих имен

необходим при изучении не только важных и потому очевидных текстов, но и рассказов.

Мы уже говорили об «умышленности» Набокова, но важно и проследить, где пролегает граница между умышленностью и неумышленностью, наличием интенции и ее отсутствием. Именно поэтому для анализа нами выбраны два полярных рассказа: первый, «Подлец» – с известными, «задокументированными» прототипами, а второй, «Рождество» – без таковых.

Рассказ «Подлец» написан Набоковым летом – осенью 1927 г. и впервые опубликован в сборнике «Возвращение Чорба». Согласно автокомментарию Набокова, одним из источников «запоздало» выбранной им темы является повесть А.П. Чехова «Дуэль» (1891) [Набоков 2016: 727]. Однако связь с чеховской повестью обнаруживается и на уровне системы персонажей. Паре «Лаевский – фон Корен» соответствует пара «Антон Петрович – Берг». Впрочем, переоценивать это сходство нельзя. Набоков серьезно отклоняется от «Дуэли» на уровне фабулы (Надежда Федоровна не изменяла Лаевскому с фон Кореном, как Таня – Антону Петровичу с Бергом, Надежда Федоровна – любовница Лаевского, а Таня – законная жена Антона Петровича). Сюжет и тема, безусловно, связаны с «Дуэлью», однако связь между ними не однозначная. И, кажется, такой характер связи особенно ясно виден, если мы обратимся к анализу имен собственных главных героев.

Прежде всего важно сказать, как эти персонажи «расположены» в тексте. Особенностью «Подлеца» является «парность», проявляющаяся на всех уровнях: от названия (слово «подлец» может быть применимо и к Бергу, и к Антону Петровичу) до композиции (в начале рассказа на вечере у Митюшина мы встречаем некую Анну Никаноровну – в конце рассказа Антон Петрович не может отвязаться от Леонтьева, про которого «говорят, что жена изменяет ему с кем попало» [Набоков 2016: 265], и имя этой жены – Анна Никаноровна; кроме того, парен, двойствен и самый финал рассказа) и семантики имен. Центральная пара – Антон Петрович и Берг, дуэлянты, главные герои. От них расходятся еще пары: от Антона Петровича – Митюшин и Гнушке – секунданты, от Берга – Буренин и полковник Магеровский. Парность последних, фоновых персонажей, лишь упоминающихся в тексте, подчеркивается каламбуром Митюшина: «Зовут их Малинин и Буренин» [Набоков 2016: 256]. Наконец, обрамляет композицию рассказа пара Анна Никаноровна – Леонтьев, закольцовывающая мотив измены в рассказе. Пару с Таней, женой Антона Петровича, образует ее сестра Наташа. Впрочем, место Тани не только в паре с кем-либо, но и на вершине любовного треугольника.

Чтобы не разрушать горизонтальные связи, так же попарно рассмотрим и имена персонажей.

Пара Антон Петрович – Берг примечательна тем, что вместе эти герои образуют единое и пол-

ное номинационное целое – у первого в рассказе нет фамилии, у второго – имени и отчества. Начнем анализ с Берга.

Во-первых, перевод этой фамилии с немецкого приводится в самом тексте: «А гора по-немецки – Берг» [Набоков 2016: 258]. Это не единственный случай объяснения значения фамилии героя непосредственно в тексте (вспомним Гумберта Гумберта [Набоков 1991]). Во-вторых, образ горы идеально характеризует Берга – это своего рода «говорящая фамилия»: «Был Берг плечист, строен, чисто выбрит и сам про себя говорил, что похож на мускулистого ангела». Образ Берга – обобщенный образ лихого белого офицера «времен Деникина и покоренья Крыма» [Набоков 2016: 246]. Он меткий стрелок (подтверждение тому – сцена в тире), хладнокровный убийца (пятьсот двадцать три крестика в черном блокноте). Немецкое происхождение роднит его и с чеховским фон Кореном (их связывает также волевой характер, физическая сила – характерных сходств значительно больше, чем между Антоном Петровичем и Чеховым, Антоном Петровичем и Лаевским), и с белым офицерством (немецких фамилий в этой среде было много).

Возможно ли, отталкиваясь от фамилии героя, определить, кто является своего рода исходным образом? Известнейший Берг русской литературы – толстовский. Зная о влиянии Толстого на формирование творчества Набокова, можно сделать предположение о связи этих образов. Сходство обнаруживается: оба преуспели на службе и любят о ней поговорить. Однако толстовский Берг – пародиен, он серьезен и холоден, смешон в своем желании выслужиться, в то время как набоковский Берг «любил острить» [Набоков 2016: 246], от него веет силой и достоинством. Герой «Подлеца» более похож на Долохова. Их связывают и мотив измены (Долохов и Элен Курагина), и мотив дуэли (Антон Петрович, как и Пьер, совершенно не умеет стрелять, о чем и заявляет секундантам, кроме того, Антон Петрович «кругловат» – положительная с толстовской точки зрения характеристика, свойственная и Пьеру), и славная офицерская биография, и любовь к остроумию. Заметно также портретное сходство: Берг был чисто выбрит, был «мускулистым ангелом», а так описывается Долохов: «Лицо его было чисто выбрито, одет он был в гвардейский ваточный сюртук с Георгием в петлице и в прямо надетой простой фуражке», кроме того, Толстой не раз говорит о кудрявых волосах Долохова («Стройная фигура белокурого с ясными голубыми глазами солдата...» [Толстой 1983: 49]), а светлые кудри – ангельская черта.

Обнаруживается «двухшаговый» механизм: имя героя связывает его с возможным прототипом не прямо, а косвенно, с помощью образа-посредника, вводимого через имя главного героя. Таким образом-коррелятом оказывается Берг из романа Толстого «Война и мир».

Пару с набоковским Бергом образует Антон Петрович – главный герой рассказа. Очевидного прототипа у него нет – портретное сходство не наблюдается ни с Лаевским, ни с героем «Труса». Анализируя имя этого персонажа, можно выдвинуть следующую гипотезу. Протонимом Антона Петровича, то есть прототипом на уровне имени, служил Антон Павлович Чехов. Ассоциация, рождающаяся при прочтении «Подлеца», может оказаться неслучайной. Во-первых, сам Набоков отмечал, что «Дуэль» Чехова – один из текстов-источников. Во-вторых, имена «Антон Петрович» и «Антон Павлович» близки не только на уровне собственно имени, но и отчества. Замена отчества на похожее, созвучное – прием, использованный Набоковым и в «Смотри на арлекинов» [Набоков 2004]. Там фигурирует Вадим Вадимович – автобиографический персонаж Владимира Владимировича Набокова: Вадим и Владимир формально совершенно разные имена, однако их фонетическое сходство открывает возможность для изящной языковой игры. А имена «Петр» и «Павел» в русской культуре – особые. Для них характерна парность восприятия: Петропавловская крепость, Собор Петра и Павла и пр. Причины такого рода восприятия восходят к Апостолу Петру и апостолу Павлу, «первоверховным» апостолам. Эти имена – едва ли не единственные, которые приходят на ум, если мы попробуем перебрать имена на букву «П». Разумеется, подобный перекоп характерен для многих культур, но он менее яркий¹. Замена Павла на Петра в отчестве – логичный ход для автора, желающего сделать отсылку, но стремящегося оформить ее не грубо, не прямо.

В-третьих, несмотря на несоответствие на уровне портретной характеристики образов Антона Петровича и Антона Павловича, в тексте есть деталь, скрепляющая эти образы. Герой Набокова носит монокль [Набоков 2016: 247]. А деталью, неразрывно связанной с образом Чехова, является пенсне. Изменение одного отчества на похожее, замена пенсне на монокль – явления одного порядка, призванные, с одной стороны, обеспечить узнаваемость образов, обозначить их связь, а с другой стороны, сделать это не слишком очевидно.

Наконец, механизм работы имени «Антон Петрович» тот же, что и у Берга, и впоследствии у Ширина из «Дара», – двухшаговый. Собственно имя отсылает нас к протониму, а сам протоним – к конкретному тексту («Дуэль» в случае Антона Петровича) или даже точному образу (Долохов в случае Берга). Останавливаться на уровне протонима, то есть на первом шаге, значит не доводить анализ до конца. Схематизируя, этот механизм можно представить так: имя указывает на другое имя, которое приводит нас к тексту-источнику или образу-прототипу (Берг Набокова – Берг Толстого – Война и мир – Долохов, Антон Петрович – Чехов – «Дуэль»).

Случай Антона Петровича менее очевидный, чем берговский, однако совпадение работы механизма и знание того, что на Набокова оказывали влияние как Чехов, так и Толстой, позволяет сделать предположение о том, что протонимом главного героя «Подлеца» был именно Чехов.

Впрочем, имена у Набокова не обязательно отсылают ко всем доказанным текстам-источникам. Г. Шапиро отмечает в «Подлеце» ряд реминисценций из «Труса» Мопассана (1884). Исследователь утверждает, что Набоков позаимствовал из рассказа французского автора некоторые детали и психологические наблюдения и подверг «Труса» «травестийной перелицовке» [Шапиро: 54]. Однако совпадений на уровне имен мы не обнаруживаем.

Вторая пара персонажей – Митюшин и Гнушке. Парность их обусловлена дружескими отношениями и фонетическим созвучием: [uʃ] – [uʃ]. «Странная» же фамилия Гнушке вновь объясняется рассказчиком в иронической манере: «И говорили, что у этого приятеля прегнусная фамилия. Так что возможно, что это был Гнушке» [Набоков 2016: 253]. Заниматься поиском прототипов у Митюшина и Гнушке кажется бессмысленным – они функции, пара секундантов, чье присутствие в тексте продиктовано не самодостаточностью их образов, а жанровым и тематическим клише – если есть дуэль, то должны быть секунданты, а поскольку весь рассказ травестийный, то и персонажи, тем более второстепенные, должны этой травестии соответствовать.

Фоновой и клишированной остается и противоположная пара секундантов Берга – Буренин и полковник Магеровский. И вновь их «самостийность» как образов можно объяснить с помощью каламбура из текста: «Зовут их Малинин и Буренин». Оба – серо-буро-малиновый фон, герои, не появляющиеся на сцене, активно не задействованные. При этом фамилии у них (а в случае с Магеровским есть и прямое указание на воинское звание) весьма похожи на типические фамилии белых офицеров вроде бесчисленных Голицыных, Оболенских и пр. Двухшаговый принцип не реализуется: их имена – ярлыки, прямые и единственные характеристики, которые читатель домысливает, руководствуясь контекстом и развивающимися в нем ассоциациями. Однако нельзя не отметить – имена даже таких героев замысловаты – не на уровне семантики, но на уровне речевой игры. Своего апогея этот прием Набокова достигнет в «Бледном огне» – именами-анаграммами, именами-каламбурами полнится именно этот роман. Впрочем, на семантическом уровне за ними скрывается будет несопоставимо большее, чем за «Малининым и Бурениным». Однако о Буренине надо сказать еще несколько слов. У русского читателя не может не возникнуть ассоциации с несколько комической фигурой в русской литературе – журналистом и писателем Виктором Петровичем Бурениным, известным своими злоб-

ными статьями и пародиями (так еще раз опосредуется травестийность рассказа).

Об оставшихся парах – сестрах Наташе и Татьяне, журналисте Леонтьеве и Анне Никаноровне – сказать можно следующее. «Наташа» и «Таня» образуют цельную пару за счет анаграмматического созвучия имен. О Леонтьеве и Анне Никаноровне и их реальных прототипах следует судить на основе изучения многочисленного русскоязычного окружения Набокова в Берлине. Томас Урбан в книге «Набоков в Берлине» отмечает: «Немецкая столица стала прибежищем для всех эмигрантов, которые надеялись на скорый крах большевистского господства... До денежной реформы русский Берлин процветал. Особенно оживленно шли дела в прессе и издательском деле. В 1920 году в Берлине выходило уже девять русских журналов, три года спустя их число выросло до 39. В одном из каталогов за 1923 год перечислено не менее 86 русских издательств и книжных лавок» [Урбан: 15]. Сам Набоков едко подмечает: «Число названий экземпляров впечатляло куда сильнее числа проданных экземпляров... в названиях чуялось нечто лихорадочное, непрочное, как у фирм, издающих астрологическую литературу или руководства по элементарным основам половой жизни» [Березин]. Среди огромного количества русских, имевших отношение к журналистике и печати, может отыскаться и прототип Леонтьева, «ненаблюдательного пессимиста», «унылого, словно у природы ныли зубы, когда она создавала его» [Набоков 2016: 266]. Не исключено также, что образ Леонтьева – лишь сатирическое обобщение, собирательный образ неприятного берлинского журналиста, а фамилия Леонтьев – просто подходящая «нейтральная» фамилия, которую вполне мог носить любой такой журналист.

Образ Анны Никаноровны можно трактовать и с этих позиций, однако героиня Набокова имеет ряд черт, схожих с толстовской Анной Карениной. Набоков отмечает «полную спину» Анны Никаноровны [Набоков 2016: 249] – Толстой характеризует Анну так: «Она вышла быстрою походкой, так странно легко носившею ее довольно полное тело» [Толстой 2015: 69]. Героиня Набокова черно-волоса – у Анны Карениной тот же цвет волос: «Она сняла платок, шляпу и, зацепив ею за прядь своих черных, везде вьющихся волос, мотая головой, отцепляла волоса» [Толстой 2015: 72]. Наконец, персонажей объединяет мотив измены мужу. Заметим, что к обоим «мужьям» Набоков относится негативно: в лекциях он характеризует Каренину как «косного бюрократа, лицемера и тирана» [Набоков 2017: 234], образ Леонтьева также довольно отталкивающий. Подобного рода цитата – в духе Набокова: превратить фонового второстепенного персонажа в героя, имеющего конкретный прототип (вспомним Ширина и Шкловского). Кроме того, «Анну Каренину» и «Подлеца» объединяет мотив несостоявшейся дуэли – Каренина и Врон-

ского, Алексей Александрович отказывается от этой идеи, едва она ему приходит в голову, дело не доходит даже до вызова. Если мы принимаем гипотезу о связи образов Анны Никаноровны и Анны Карениной, то должны отметить, что механизм работы имени уже не двухшаговый, а одношаговый, поскольку протоним совпадает с прообразом.

Итак, в сравнительно объемном рассказе с имеющимися и доказанными текстами-источниками имена героев играют значительную роль: и как средство характеристики персонажей, и как интертекстуальные «ключи», подключающие читателя к пласту указанных выше текстов-источников. Таков Набоков-«умышленный». «Подлец» вырастает из предшествующих текстов, написанных на тему дуэли, он травестирует, пародирует – такими же пародийными в силу цельности текста оказываются и имена как важная часть системы приемов. Кроме того, в «Подлеце» мы можем наблюдать, как Набоков работает с именем – те же приемы он использует в дальнейшем, например в «Даре», «Смотри на Арлекинов!» и пр. «Подлец» показателен не только как самодостаточный рассказ, но и как образец текста, в котором прием «обкатывается», механизм «работы» имен в этом рассказе используется Набоковым и в других текстах. Причем интенциональность применения этих механизмов не подлежит сомнению – мы знаем об этом рассказе и текстах-источниках многое как от исследователей, так и от самого автора.

Не таков рассказ «Рождество».

II

Эволюцию отношений Набокова с религией чаще всего пытаются выяснить на материале его стихов. Я.В. Погребная пишет: «Анализ эволюции религиозной концепции В.В. Набокова целесообразно поэтому осуществлять в соответствии с общим направлением его творческой эволюции». Ею рассматривается сборник «Горный путь», и в особенности цикл «Ангель». Б. Бойд, полемизируя с оценкой цикла «Ангель» как проявления религиозности Набокова, утверждает: «Цикл в целом создает очень набоковское ощущение многоуровневости сущего, и здесь его любовь к игре – кажется, что все это он делает из удовольствия соорудить воображаемый ковчег и бороздить небесную твердь, – свидетельствуют о нежелании однозначно судить о том, что лежит по ту сторону человеческого бытия. Он намекает на то, что за пределами видимого и осязаемого мира как будто есть нечто иное, но вопрос остается открытым, и как художник он это имеет в виду, открывая бесконечное многообразие конкретного» [Погребная].

Существуют различные воззрения на возможную религиозность Набокова. Причем самым спорным остается «христианский» аспект. Характеризуя фазы европейского этапа творчества в авторском предисловии к «Poems and Problems» (1970), Набо-

ков описывает «период, продолжавшийся далеко за двадцатый год, некоего частного ретроспективно-ностальгического кураторства, а также стремления развить византийскую образность (некоторые читатели ошибочно усматривали в этом интерес к религии – интерес, который для меня ограничивался литературной стилизацией» [Набоков 1999: 343]. К этому периоду относится и написание не поэтического, но прозаического текста – рассказа «Рождество».

Христианская культура выступает для Набокова некой «почвой», из которой могут произрастать образы, сюжеты, откуда могут заимствоваться цитаты, но не единственным и исключительным источником. В связи с этим важно помнить, что Набоков был частью эпохи, которую Бердяев охарактеризовал как период, в котором «смешался ренессанс христианский с ренессансом языческим» [Бердяев: 208–210]. В переписке с Э. Уилсоном Набоков отмечает: «Я рожден этой эпохой, я вырос в этой атмосфере» [Набоков 1996].

Безусловно, в замечании Набокова в «Poems and Problems» (1970), как и во всяком ретроспективном замечании, можно разглядеть «накладывание» позиции автора 1970-х на позицию в 1920-е: все неоднозначно, однако главное, что мы можем вынести из полемики по поводу религиозности Набокова – эта неоднозначность. У нас нет ни четких доказательств того, что христианский уровень и сопутствующие ему детали в рассказе этого периода умышлены, ни того, что они случайны и «вчитаны» исследователем, знающим о том, из какой среды вырос Набоков и что в этой среде культурного ренессанса «смешался ренессанс христианский с ренессансом языческим». В этом серьезное различие между «Подлецом» и «Рождеством» – в первом интенциональность и источники доказаны, а во втором – нет. Как работают имена собственные, находясь под «давлением» автора, мы уже увидели, посмотрим теперь, как они работают, когда факт давления не доказан.

В рассказе действуют четыре персонажа. У одного есть имя, но нет фамилии – лакей Иван, у другого – есть фамилия, но нет имени – Слепцов, а имена сына Слепцова и таинственной «моей радости», по которой сын тосковал, в рассказе не упоминаются вообще.

Главный герой рассказа – Слепцов. В Петербурге у него умирает сын, он возвращается в летний дом, чтобы собрать вещи покойного и обнаруживает «бисквитную коробку с каменным коконом, расправилки, булавки... синюю тетрадь» [Набоков 2016: 187]. С помощью этих деталей – каменного кокона и синей тетради – раскрывается значение фамилии «Слепцов». Герой читает дневниковые записи сына, который был влюблен, но так и не познакомился с объектом своей любви лично: «Она, вероятно, уехала, а я с ней так и не познакомился. Прощай, моя радость. Я ужасно тоскую» [Набоков 2016:

188]. Слепцов мучается, что не знал о влюбленности сына. Так обнаруживается его первая «слепота». Вторая же – в самом финале рассказа: «Слепцов открыл глаза и увидел в бисквитной коробке прорванный кокон...» [Набоков 2016: 189]. Так Рождество Христово становится рождеством бабочки, индийского шелкопряда, которую сын Слепцова купил за три рубля и думал, что «куколка мертвая».

По существу, эта фамилия – типичная «говорящая», однако, несмотря на кажущуюся шаблонность образа, перед нами разворачивается целая галерея различных «видов» слепоты: Слепцов не видит любви сына, поначалу не обращает внимание на кокон, забывает о том, что скоро Рождество («Неужто сегодня Сочельник? Как это я забыл...» [Набоков 2016: 187]). Кроме того, говоря метафорически, после смерти сына он не видит смысла своей жизни: «Завтра Рождество... а я умру. Конечно» [Набоков 2016: 188]. Слепцов ослеплен горем – акцентируется это ослепление в кульминации рассказа: «Слепцов зажмурился и на мгновение ему показалось, что до конца понятна... земная жизнь» [Набоков 2016: 189]. Заставляет его прозреть – в буквальном смысле открыть глаза – лишь «рождество» бабочки. Авторская интенция очевидна, однако нет ни одного текста-источника, к которому имя героя могло отсылать (очевидные ассоциации с писателем Василием Слепцовым, похоже, не работают). Образ Слепцова замкнут на себе, он самодостаточен, семантика имени выводится из имманентного анализа текста и собственно образа.

Сложнее разобраться с тем, почему у трех персонажей рассказа нет имен. Вообще говоря, в малой форме герою необязательно иметь и имя, и фамилию. Достаточно чего-то одного: если оно четко и ясно характеризует образ, то отсутствие одного из компонентов можно не заметить. Иное дело роман – в нем отсутствие имени и отчества у персонажа превращается в прием – тот же Набоков реализует его в «Защите Лужина». В рассказе же в силу краткости и сжатости игнорирование части имени зачастую незаметно. На мой взгляд, это объяснение справедливо для случая Слепцова.

Вторым вариантом, когда имя персонажа опускается, является ситуация, при которой герой должен быть отождествляем с автором. Такой прием позволяет придать повествованию автобиографический характер – в этой ситуации автор, рассказчик и персонаж оказываются синонимичны (по крайней мере, автором создается видимость этой синонимичности), причем, как правило, повествование ведется от первого лица. И в образе сына Слепцова мы можем угадать некоторые «набоковские» черты. В первую очередь, отметим страсть к бабочкам, игре с отцом в шашки и ситуацию, описанную в синей тетради: история с загородным имением, велосипедами и первой любовью донельзя напоминает «Машеньку» Набокова (1926), написанную на два года позже

«Рождества». Здесь можно говорить, что этот ряд мотивов и образов не столько автобиографический, сколько типический для Набокова. «Незванность» объекта любви сына Слепцова, с одной стороны, контрастирует с Машенькой, чье имя не просто названо, а вынесено в заглавие, а с другой – сочетается: и возлюбленная сына Слепцова, и Машенька остаются в прошлом героев и в относительном настоящем не появляются.

Еще один признак связи «Рождества» и «Машеньки», выявляемый при анализе имен, – настоящей фамилии Ганина читатель не знает, равно как и имен героев рассказа.

Третьим вариантом отсутствия имени у персонажа является ситуация, связывающая нас с христианским уровнем текста и со сформулированным еще в Средние века табуированием употребления имени Господа. «Он» – местоимение, регулярно используемое для обозначения Бога: когда тематика рассказа связана с христианством, повествование ведется от третьего лица, а имя главного героя не называется, мы не можем это игнорировать. Образ сына становится христологичным, а образ отца – также не названного по имени – божественен (в ветхозаветном понимании Бога). Происходит инверсия, Бог-сын не рождается, а умирает. Если принимать во внимание автобиографическую концепцию восприятия образа сына, то можно обнаружить еще одну типичную набоковскую тему – потерянного рая. Скоро в огне революции будет потеряно имение Слепцовых, и в новом мире уже не будет места ни велосипедам, ни бабочкам, ни шахматам. Жизнь этого мальчика там невозможна – и автор милостиво «умерщвляет» его, лишая страданий от потери дома, эмиграции и пр. И в то же время смерть мальчика предвещает смерть всего старого мира, уже зачехленного, как мебель в доме Слепцовых, занесенного снегом, как леса и кладбище. Слепцов ощущает это, но не видит, не осознает. «Слепо сиял церковный крест» – образы Слепцова и церкви связаны: они не видят будущего. Это ощущение подчеркивается также посредством акустических и музыкальных образов [Кучина, Леонидова]. Единственное, что может дать Слепцову надежду, – вылупившаяся бабочка – последнее живое, оставшееся от сына. Однако судьба Слепцова неясна. Его мир мертв, потому что его сын мертв, и наоборот. Будущего нет, ибо он не видит его, и он не видит будущего, потому что его нет. Слепцов остается в этом круге, коконе, а вылетает из него бабочка – последнее, что осталось от сына. По существу, все в рассказе находится под неким покровом, в коконе – «оснеженный куст» [Набоков 2016: 186], снег на земле и ветках, мебель в чехлах, а вырывается из своего, настоящего, а не метафорического кокона только бабочка.

В пользу «христианизированной» интерпретации рассказа выступает также имя лакея – собственное имя в рассказе – Иван. Здесь возможны

два варианта интерпретации: с одной стороны, «Иван» – подчеркнуто русское, типичное «мужичье» имя, а с другой – это имя пророка Иоанна, возвещавшего о приходе Мессии. Трактовки не противоречат друг другу, а дополняют: учитывая сниженность всего сакрального в «Рождестве» («Рождество бабочки», «слепота» церкви, герой забывает о празднике), пророк-лакей выглядит вполне уместным. О пророческой функции Ивана свидетельствует и тот факт, что именно лакей напоминает Слепцову о Рождестве: «Праздничек завтра» [Набоков 2016: 187]. Просто напоминание о дате становится и пророчеством о грядущем «рождестве» бабочки².

Итак, проанализировав имена собственные в рассказах «Подлец» и «Рождество», мы обнаруживаем несколько типов имен. Их можно классифицировать по-разному. Первый возможный вариант – по сложности механизма: двухшаговые (Берг, Антон Петрович, лакей Иван) и одношаговые (Анна Никаноровна, Леонтьев). Также имена можно разделить по методу формулирования: имена-каламбуры, имена «нулевые», «говорящие» имена и имена-ключи. Принадлежность к одному типу не отменяет возможность принадлежности к другому (Антон Петрович относится и к имени-ключу, и к имени-каламбуре). Эти типы не замкнуты на конкретных текстах: их можно встретить и в дальнейших произведениях Набокова. Вадим Вадимович, наследующий Антону Петровичу, появляется в «Смотри на арлекинов!», механизм имени Ширина из «Дара» совпадает с Бергом, имена-каламбуры доводятся до апогея в «Бледном огне», имена-ключи (шахматные фигуры) появляются в «Истинной жизни Севастьяна Найта», «нулевые» имена – в «Защите Лужина» и «Машеньке», а «говорящие» – в «Лолите».

Разумеется, это далеко не полный и не окончательный список «наследований» и общих особенностей моделирования имен Набоковым. Однако проанализировав лишь два текста, мы уже наблюдаем некоторые закономерности. Эти закономерности требуют дальнейшего, более тщательного исследования, что вновь возвращает нас к вопросу о необходимости анализа имен собственных в романах и рассказах Набокова.

Примечания

¹ У англо-саксов есть Персиваль, Полди, у ирландцев – Патрик, у испанцев – Пруденцио, Пласидо, Паскуаль, у поляков – Пшемек, Пшемислав и пр. [Гиляревский, Старостин].

² Обратим внимание, что и «Рождество», и «Подлеца» при всех их различиях объединяет неоднозначность названий.

Список литературы

Бердяев Н.А. Самопознание. Русская идея. М.: Астрель, 2011. 604 с.

Березин В.С. Виктор Шкловский. URL: <https://www.libfox.ru/527218-vladimir-berezin-viktor-shklovskiy.html> (дата обращения: 10.11.2019).

Владимир Набоков: pro et contra. Личность и творчество В. Набокова в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей: Антология: в 2 т. СПб., 1999.

Гиляревский Р.С., Старостин Б.А. Иностранные имена и названия в русском тексте: Справочник. М.: Высшая школа, 1985. 303 с.

Долинин А.А. Истинная жизнь писателя Сирина: Работы о Набокове. М.: Академический проект, 2002. 400 с.

Кучина Т.Г., Леонидова И.А. Акустические и музыкальные образы в русскоязычных рассказах В. Набокова // Верхневолжский филологический вестник. 2016. № 4. С. 32–35.

Набоков В.В. Собр. соч. американского периода: в 5 т. / сост. Н.И. Артеменко-Толстой. СПб.: Симпозиум, 2004. Т. 5.

Набоков В.В. Из переписки с Эдмундом Уилсоном / пер. Сергея Таска // Звезда. 1996. № 11.

Набоков В.В. Истинная жизнь Севастьяна Найта / пер. с англ. Г. Барабтарло. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. 352 с.

Набоков В.В. Лекции по русской литературе / Владимир Набоков; пер. с англ. С. Антонова, Е. Голышевой, Г. Дашевского и др. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. 448 с.

Набоков В.В. *Лолита*. М.: Водолей, 1991. 317 с.

Набоков В.В. Полное собрание рассказов / сост. А. Бабинов. 3-е изд., уточненное. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. 752 с.

Набоков В.В. Строгие суждения. М.: КоЛибри, 2018. С. 39.

Погребная Я.В. Эволюция религиозных идей и образов в творчестве Владимира Набокова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 9 (51): в 2 ч. Ч. 2. С. 167–171.

Толстой Л.Н. Анна Каренина. М.: АСТ, 2015. 864 с.

Толстой Л.Н. Война и мир. М.: Художественная литература, 1983. Т. 1–2. 702 с.

Урбан Т. Набоков в Берлине / пер. с нем. С. Рожновского. М.: Аграф, 2004. 240 с.

Шапиро Г. «Подлец» Набокова и «Трус» Мопассана // Revue des études slaves. Т. 72. Fascicule 1–2. 2000. P. 53–55.

References

Berdyayev N.A. *Samopoznanie. Russkaya ideya* [Self-knowledge. Russian idea]. Moscow, Astrel' Publ., 2011, 604 p. (In Russ.)

Berezin V.S. Viktor Shklovskii. URL: <https://www.libfox.ru/527218-vladimir-berezin-viktor-shklovskiy.html> (access date: 10.11.2019). (In Russ.)

Dolinin A.A. *Istinnaya zhizn' pisatelya Sirina: Raboty o Nabokove* [The real life of the writer Sirin: works about Nabokov]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2002. (In Russ.)

Gilyarevskii R.S., Starostin B.A. *Inostrannye imena i nazvaniya v russkom tekste: Spravochnik* [Foreign names and callings in Russian text]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1985, 303 p. (In Russ.)

Kuchina T.G., Leonidova I.A. *Akusticheskie i muzykal'nye obrazy v russkoyazychnykh rasskazakh V. Nabokova* [Acoustic and musical motives in V. Nabokov's short stories written in Russian]. *Verkhnevologzhskii filologicheskii vestnik*, 2016, № 4, pp. 32–35. (In Russ.)

Nabokov V.V. *Iz perepiski s Edmondom Uilsonom* [From correspondence with Edmund Wilson], trans. by S. Task. *Zvezda*, 1996, № 11. (In Russ.)

Nabokov V.V. *Polnoe sobranie rasskazov* [Complete set of works], ed. by A. Babikov, 3-e izd. Saint Petersburg, Azbuka Publ., Azbuka-Attikus Publ., 2016, 752 p. (In Russ.)

Nabokov V.V. *Sobr. soch. amerikanskogo perioda* [Complete set of works of American period]: in 5 vol., ed. by N.I. Artemenko-Tolstoi. Saint Petersburg, Simpozium Publ., 2004, vol. 5. (In Russ.)

Nabokov V.V. *Istinnaya zhizn' Sevast'yana Naita* [The Real Life of Sebastian Knight], trans. by G. Barabtarlo. Saint Petersburg, Azbuka Publ., Azbuka-Attikus Publ., 2012, 352 p. (In Russ.)

Nabokov V.V. *Leksii po russkoi literature* [Lectures on Russian literature], trans. by S. Antonov, E. Golysheva G. Dashevskiy. Saint Petersburg, Azbuka Publ., Azbuka-Attikus Publ., 2017, 448 p. (In Russ.)

Nabokov V.V. *Lolita*. Moscow, Vodolei Publ., 1991, 317 p. (In Russ.)

Nabokov V.V. *Strogie suzhdeniya* [Strong opinions]. Moscow, KoLibri Publ., 2018, p. 39. (In Russ.)

Pogrebnyaya Ya.V. *Evolyutsiya religioznykh idei i obrazov v tvorchestve Vladimira Nabokova* [Evolution of religious ideas and images in V. Nabokov's creative work]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Questions of theory and practice]. 2015, № 9 (51): in 2 vol., vol. 2, pp. 167–171. (In Russ.)

Shapiro G. «Podlets» Nabokova i «Trus» Mopassana [«Scoundrel» by Nabokov and «Coward» by Maupassant]. *Revue des études slaves*, vol. 72, fascicule 1–2, 2000, pp. 53–55. (In Russ.)

Tolstoi L.N. Anna Karenina. Moscow, AST Publ., 2015, 864 p. (In Russ.)

Tolstoi L.N. *Voina i mir* [War and peace]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1983, vol. 1–2, 702 p. (In Russ.)

Urban T. *Nabokov v Berline* [Nabokov in Berlin], trans. by S. Rozhnovskiy. Moscow, Agraph Publ., 2004, 240 p. (In Russ.)

Vladimir Nabokov: pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo V. Nabokova v otsenke russkikh i zarubezhnykh myslitelei i issledovatelei [Vladimir Nabokov: pro et contra. The personality and work of V. Nabokov in the assessment of Russian and foreign thinkers and researchers]. *Antologiya*: in 2 vol. Saint Petersburg, 1999. (In Russ.)

Гусейнов Вагиф Нариман оглы

Московская государственная художественно-промышленная академия им. С.Г. Строганова

О ГУМАНИТАРИЗМЕ И ГУМАНИЗМЕ: ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЫСКАЗЫВАНИЙ ЛИДЕРОВ ЛИТЕРАТУРНЫХ ГРУППИРОВОК НАЧАЛА 1930-Х ГГ.

(на материале откликов Л. Авербаха, М. Горького, В. Шкловского
на смерть В. Маяковского)

Самоубийство В. Маяковского – пророка революции, её «агитатора, горлана-главаря», произошедшее в 1930 г., когда решались судьбы первой пятилетки, совпало с переломным моментом в социально-политической жизни страны. Эта смерть, как некогда самоубийство С. Есенина, произвела огромное впечатление на общество: она поколебала социальный оптимизм строителей социализма, поставив под сомнение его перспективы. Отклики Л. Авербаха, М. Горького и В. Шкловского на трагическое событие обнаруживают их оценку творчества Маяковского и отношение к нему как личности и носителю определённого мировоззрения. Эти отклики являются важными документами времени, так как в них проявились нравственные черты лидеров литературной жизни страны, тех, кого позже назвали «инженерами человеческих душ». Предпринятый впервые в настоящей статье анализ высказываний о смерти Маяковского обнаруживает «стиль» эпохи социалистической реконструкции, в котором не находится способов выражения сочувствия человеку: трагедия поэта стала поводом к полемике с классовыми врагами (Л. Авербах), к назидательному учительствованию (М. Горький), к игровому самооправданию (В. Шкловский). «Лозунговое», «учительное» и «игровое» начало представляют торжествующий «гуманитаризм» общественного сознания эпохи, понимаемый как форма «социального доминирования», обеспечивающая людям «слова» положение вершителей человеческих судеб. В этих отношениях нет понятий, характерных для патриархального общества, включающих в ценностную парадигму слова и понятия, объясняющие принцип функционирования социального организма в категориях «гуманности», понимаемой как «нравственное», «совестливое», «сердечное», «душевное», происходящее не от разума, а от действия «духа».

Ключевые слова: Авербах, Маяковский, Горький, Шкловский, гуманизм, гуманитаризм, социалистическая реконструкция, стиль, социальное доминирование.

Информация об авторе: Гусейнов Вагиф Нариман оглы, ORCID 0000-0003-1229-0984, кандидат филологических наук, Московская государственная художественно-промышленная академия им. С.Г. Строганова, г. Москва, Россия.

E-mail: vagifng2007@yandex.ru

Дата поступления статьи: 31.03.2020.

Для цитирования: Гусейнов В.Н. О гуманитаризме и гуманизме: лингвостилистические особенности высказываний лидеров литературных группировок начала 1930-х гг. (на материале откликов Л. Авербаха, М. Горького, В. Шкловского на смерть В. Маяковского) // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 2. С. 179–184. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-179-184.

Vagif N. Guseynov

Stroganov Moscow State Academy of Applied Art and Design

ON HUMANITARIANISM AND HUMANISM: LINGUISTIC AND STYLISTIC FEATURES OF THE STATEMENTS OF THE LEADERS OF LITERARY GROUPS IN THE EARLY 1930S (based on the responses of Leopold Averbakh, Maxim Gorky, Viktor Shklovsky to the death of Vladimir Mayakovsky)

The suicide of Vladimir Mayakovsky, the prophet of the revolution, its «agitator, bawler ringleader», which occurred in 1930, when the fate of the first five-year plan was being decided, coincided with a turning point in the Soviet Union's socio-political life. This death, as well as the former suicide of Sergei Yesenin, impressed the society dramatically – it rocked the social optimism of the builders of socialism, besmirching the prospects. The responses of Leopold Averbakh, Maxim Gorky and Viktor Shklovsky to the tragic event reveal their assessment of Vladimir Mayakovsky's work and their attitude to him as a person and a bearer of a certain worldview. These responses are important documents of the time, because they revealed the moral traits of the leaders of the literary life of the country, those who were later called «engineers of human souls». The analysis of statements about Vladimir Mayakovsky's death, undertaken for the first time in this article, reveals the «style» of the era of socialist reconstruction, in which there are no ways to express sympathy for a person: the poet's tragedy became an occasion for polemics with class enemies (Leopold Averbakh), for edifying teaching (Maxim Gorky), for playing self-justification (Viktor Shklovsky). The «slogan», «educational» and «game» principles represent the triumphant «humanitarianism» of the public consciousness of the era, understood as a form of «social domination» that provides people with «words» of the position of the arbiters of human destinies. In these relations, there are no concepts characteristic of a patriarchal society that include words and concepts to explain the principle of functioning of the social organism in the categories of «humanity», understood as «moral», «conscientious», «cordial», «sincere», not happening from the mind, but from the action of the «spirit».

Keywords: Leopold Averbakh, Vladimir Mayakovsky, Maxim Gorky, Viktor Shklovsky, humanism, humanitarianism, socialist reconstruction, style, social dominance.

Information about the author: Vagif N. Guseynov, ORCID 0000-0003-1229-0984, Candidate of Philological Sciences, Stroganov Moscow State Academy of Applied Art and Design, Moscow, Russia.

E-mail: vagifng2007@yandex.ru

Article received: March 31, 2020.

For citation: Guseynov V.N. On humanitarianism and humanism: linguistic and stylistic features of the statements of the leaders of literary groups in the early 1930s (based on the responses of Leopold Averbakh, Maxim Gorky, Viktor Shklovsky to the death of Vladimir Mayakovsky). *Vestnik of Kostroma State University*, 2020, vol. 26, № 2, pp. 179–184 (In Russ.). DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-179-184.

Заявленный решениями XV партийного съезда (1927) курс на индустриализацию и коллективизацию патриархальной страны требовал идеологического обеспечения задач социалистической реконструкции. Решение этой задачи взяли на себя многочисленные литературные организации и объединения, из которых наибольшей активностью отличалась образованная в 1928 г. под руководством Л. Авербаха Российская ассоциация пролетарских писателей (РАПП). Обладавший личными связями с советскими карательными и партийными органами, Авербах и его окружение оказывали колоссальное влияние на литературный процесс, выступая с различными идеологическими инициативами (дискуссия о творческом методе, призыв ударников в литературу, призыв писателей на борьбу с прорывами, военизация литературы, борьба за партийную критику и литературоведение и проч.), которые позволяли РАПП делить писателей на своих и чужих, пролетарских и попутнических, а к 1930 г. и на союзников и врагов. На высказывания журнала «На литературном посту», органа РАПП, ориентировались другие литературные объединения и их издания, например менее массового, но талантливого и хорошо известного ЛЕФа-РЕФа и новых журналов, инициированных приехавшим по приглашению Сталина из Сорренто А.М. Горьким.

В этот решающий момент в политической, социальной и экономической областях жизни советской страны совершается событие, вызвавшее колоссальный резонанс среди всех слоев ее населения и за рубежом [Смерть Владимира Маяковского] – самоубийство пророка революции, её «агитатора, горлана-главаря» Владимира Маяковского. Известно, что Поварская улица Москвы, где в Клубе Федерации объединений советских писателей происходило прощание с поэтом, была наполнена многотысячной толпой тех, кто хотел проводить Маяковского в последний путь.

Как некогда смерть С.А. Есенина, пришедшаяся на переломный 1925 г. нэпа, смерть Маяковского вновь поставила вопрос о социальном оптимизме общества в целом и о социальных перспективах тех, кто не получил статуса «пролетария» в стране «диктатуры пролетариата».

Последние месяцы жизни Маяковского хорошо известны историкам литературы [Кацис; Московская]. Действующими лицами или наблюдателями этих драматических дней были авторы анализиру-

емых статей памяти поэта. Маяковский вступил в РАПП в феврале 1930 г. Однако, став членом пролетарского писательского союза, Маяковский не обрел ни желанного покоя, ни дружеского понимания. Журнал «На литературном посту» комментировал: «...вступление этих товарищей в РАПП отнюдь не означает, что они стали пролетарскими писателями. Им еще предстоит сложная и трудная работа над собой для того, чтобы стать пролетарскими писателями, и напостовское, большевистское ядро пролетарской литературы должно оказывать всяческую помощь им в этом отношении»¹. Действительно, на Маяковского вскоре обрушилась разгромная пролетарская критика. Автора поэмы «Во весь голос» упрекнули в рассудочности и холодности². Кроме того, вступление Маяковского в РАПП оттолкнуло от него и бывших друзей. Таким образом, последовавшее 14 апреля 1930 г. самоубийство поэта воспринималось как результат травли или как гибель от пули врага на дуэли в попытке отстоять свои честь и достоинство.

Первые отклики на смерть поэта дал журнал «На литературном посту» за подписью Л. Авербаха³, позже, в том же году, вышла брошюра, во бравшая в себя журнальный отклик. Книга-очерк друга Маяковского, теоретика ЛЕФа В.Б. Шкловского [Шкловский 1931], вышла из печати в мае 1931 года, одновременно со вторым дополненным изданием брошюры Л. Авербаха «Памяти Маяковского» [Авербах]. Отклик А.М. Горького появился в журнале «Наши достижения», инициированном самим Горьким, в том же 1930 г., и носил название «О солитере»⁴.

Обратимся к высказываниям Авербаха, имея в виду, что эта речь имеет смысл высказывания лидера группировки, чье назначение было мобилизовать писателей и читателей к работе на будущее страны, но в случае с великим поэтом потерпевшей очевидное поражение, добившись, скорее, обратного результата. Поэтому речь лидера РАПП пронизана смысловыми и стилевыми оппозициями, призванными расставить идеологические ценностные акценты нужным для него образом.

Содержательные особенности его речи заданы заявленной в первом же абзаце оппозицией «живой/мертвый»:

«Прощаясь с Маяковским, больше всего думалось о судьбах живой литературы, о действительном значении его творческого наследия, об актуальной поучительности его жизненного пути. “По-

койник этого не любил!», – а у нас нашлось очень много критиков – и в кавычках и без кавычек, – которые в дни траура по Маяковскому потеряли способность подчинять скорбь трезвой оценке жизни и работы великого поэта революции. Мы, однако, не принадлежим к числу тех, которые немедленно зачисляют умершего писателя в некую литературу вообще, в сан бессмертных, в лик поэтических святых, перед которыми благоговейно, но о которых не спорят. У гроба Маяковского хотелось не плакать, а полемизировать» [Авербах: 3].

Это смысловое противостояние находит выражение в следующих лексических манифестациях (см. табл. 1).

Понятие «живое/жизненный путь» сопряжено у Авербаха с категорией «трудности», которые «живое» должно «преодолевать», а также «меняться», «выполнять», «сливаться», «перестраиваться», «держаться выбранной дороги». «Мертвое/покойник/Маяковский» предстает как результат столкновения с «трудностями», который проявляет себя как «страсть», «искренность», «привычка», «навык», «ошибка», «опечатка», «продолжительная болезнь», «мучительное расстройство нервов», «особенности биографии».

Авербах, занимая трибуну идеолога и вождя, восходит к обобщениям, концептуализирует

«ошибку» «покойника» при встрече с «трудностями».

Здесь появляются новые оппозиционные пары, семантически и стилистически связанные с ключевыми понятиями «живое/мертвое», носящие четкий классовый характер (см. табл. 2).

В опыте анализа языковой стилистики и социальной психологии Авербаха выделяются две смысловые оппозиции: «рациональное, классовое, коллективистское, новаторское» и «конкретное, индивидуальное, живое, иррациональное, противоречивое, новаторское».

Интересно, с точки зрения опыта оценки Маяковского-художника, определение «новатор», принадлежащее группе смыслов «живое». У Авербаха единственное положительное наполнение новаторства – это «поиск формы, понятной миллионам». Как ни странно, «новатор» появляется в его очерке и со знаком «минус» – в ценностной группе «мертвое». Его смысл здесь раскрывается понятиями «абстрактный», «планетарный», «схематический», «рассудочный», которые могут быть объяснены лишь «классовой» конкретикой. По Авербаху, Маяковский любил не класс, а весь страдающий мир.

Статья А.М. Горького «О солитере», призванная ответить на письма читателей, желающих знать его, как писателя с мировым именем, мнение

Таблица 1

Живое	Мертвое
судьба живой <литературы>, жизненный путь	покойник
актуальное	прощаясь
поучительное	траур
трезвая оценка жизни	скорбь
работа	бессмертный
спорить	плакать
полемизировать	канонизировать
любовь к жизни	ненависть к жизни

Таблица 2

Веление пролетариата	Индивидуальная свобода
метод	«окровавленный сердца лоскут»
мировоззрение	индивидуализм
творческие установки	пессимизм
понимание мира	«нутро»
личность художника	поэт-медиум
ликвидация залежей прошлого	розоватенькое человеколюбие
органическое влечение в коллектив	одиночка
очищение	пассивность
коллектив	обывательщина
отставание литературы от жизни	горькое мучение гуманизма, нигилизм и гуманизм, индивидуализм и слезливое всепрощение, цинизм и сентиментальность, мелкобуржуазная демократия, разочарование, мечтания, бунтарствующий мелкобуржуазный интеллигент
новатор	новатор
поиск формы, понятной миллионам	курс партии правит слева, абстрактный, планетарный, схематический, рассудочный

о произошедшем, резко отличается от почти лишенной образности статьи Авербаха. Напомним, что отношение Горького к Маяковскому было неоднозначным [Спиридонова: 113–115; Спиридонова: 142–145]. Признавая талант поэта, поддерживая его творчество и призывая начинающих изучать его художественную манеру, Горький часто выступал его жестким критиком, ср., например: «Маяковскому и присным его не следует подражать, эти люди громко кричат для того, чтоб незаметно было, как они холодны и равнодушны ко всему, кроме своих “я”», – писал он своему корреспонденту 12 мая 1929 г. из Сорренто [Горький 2017: 46], а 16 мая 1930 г., через месяц после смерти поэта, комментировал: «По поводу Маяковского: Вы пишете: “Нельзя объяснить катастрофу только личными причинами”. А – к а к же? В оценке этого факта мы с Вами, очевидно, разойдемся. И не только по “частному” поводу – потому что для меня Маяковский был человек сугубо “ячный”» [Горький 2017: 299]. Однако в тот же день признается: «Есенин – Маяковский не первые, кому суждено погибнуть в наши строгие дни. Дальше будет все труднее для людей, которые невольно служат делу свободы. Смерть Маяковского, все-таки, встала мне “поперек горла”» [Горький 2017: 300].

В своих открытых оценках смерти Маяковского Горький метафоричен и виртуозно выстраивает ряды смысловых и звуковых ассоциаций, впрочем, так же как и у Авербаха, задающих оппозиционные рамки. Но если у Авербаха они определены переосмысленными с классовой точки зрения понятиями «живого» и «мертвого», то у Горького классовый характер оппозиции не завуалирован: он идет путем дедукции, тогда как Авербах – индукции (см. табл. 3).

Горький предстает в этом тексте гораздо больше гуманитарием, играющим словами, чем Авер-

бах, что соответствует его особой роли создателя новых слов и смыслов для читателей его журнала. Он показывает читателю забавную игру слов, но не случайно, а как опытный учитель: с целью увлечь, убедить, заставить поверить. Заметим здесь, что классовая смысловая оппозиция опять содержательно связывает такие далекие слова, как «самоубийство», «болезнь», «личность», «деградация», «гуманность», «вредительство», с индивидуализмом мещанина – не пролетария, не массы. И, как и для Авербаха, все то, что не носит классового пролетарского характера, названо «внутренним», «нутром» и ассоциируется с болезнью и смертью.

Книга-очерк Шкловского вышла из печати в мае 1931 года, одновременно со вторым дополненным изданием брошюры Л. Авербаха «Памяти Маяковского». Шкловский не претендует на роль трибуна, как Авербах, или учителя, как Горький, к которому обращаются, чтобы узнать его авторитетное мнение. Он друг и современник погибшего, с которым в последние годы его жизни были нелады: Шкловский не вошел в РЕФ, не понял его программы, планировал сам создать свою группу, и потому он открывает свой очерк «Случай на производстве» очень личными словами: «Как представитель поколения, наполовину уже срубленного, я думаю о себе, когда вспоминаю» [Шкловский 1990: 427]. Он откровенно субъективен и этого не стыдится. Более того, субъективное, личностное, конкретное становится смысловой доминантой его воспоминаний о друге, который также жаждал субъективного: «Но Владимир Владимирович сломился совсем. В конце жизни говорил, что хочет вернуться к писанию о себе. И прибавлял: “Тема мне хорошо известная”» [Шкловский 1990: 445].

Шкловский не довольствуется парными оппозициями. Между двумя, сразу намеченными, смысловыми полюсами «Личное», которое ассоцииру-

Таблица 3

Рабочий класс	Мещанин
ломать хребет	пищать
трудовой народ	весь русский народ
кухаркины дети	соль земли
коллективист	индивидуальное начало
коммунист	соль – солить (насолить) – солитер <вредитель>
тысячи	единственный, неповторимый
рабоче-крестьянская масса	требующий себе
кто героически строит небывалое, грандиозное	гуманность
тяжелая шершавая рука	религиозность голодные зубы самоубийство драма болезнь дегенеративный внутренняя независимость
новый человек	права личности / личность / личико
	эгоизм самолюбия, самомнения, славолюбия.

Таблица 4

Личное	Здравомыслие	Отход от себя
юность	плыть	
крылья	седой	сломался
футуризм	профилакторий	крематорий
работать, развертывая себя	работать переламывая, преодолевать себя	побежденный Маяковский
неустойчивость	выработал дыхание	отравился
лирические стихи / красивые башмаки / хорошее вино / любовь	приучил себя	

ется со словами-понятиями – «юное», «крылатое», «лирическое», «устремленное в будущее», с искусством – «футуризмом», «работой, развертывающей себя», «неустойчивостью», и его оппозицией: «Отход от себя», инструментальной словами-символами, метафорами «крематорий», «сломался», «побежденный», «отравился», появляется компромиссное, характеризующее некое срединное состояние для таких, как он и Маяковский в молодости: «Здравомыслие», перекликающееся с положительным полюсом авербаховой оппозиции, где нашло свое место «трезвая оценка жизни». В отличие от Авербаха, для которого «трезвый взгляд» означает «спор» и «полемику», «здравомыслие» Шкловского формирует вокруг себя смысловое поле конформизма: «плыть», «профилакторий», «работать, переламывая себя», «преодолевать себя», «приучил себя», «выработал дыхание». Венчает этот ряд слово-образ «седой» (см. табл. 4).

Шкловский в отношении высказываний Авербаха и Горького занимает особое положение: он сподвижник и единомышленник Маяковского, и потому динамика, хронометрия занимает в его очерке основное место. В отличие от Авербаха и Горького он не стремится к классовым, социальным оппозициям. Личностное начало для него стоит в ряду понятий, ассоциирующихся с юностью, с источником движения навстречу будущему. Незнаменным остается некий барьер, который требует «отхода от себя». Шкловский, в отличие от Авербаха и Горького, сосредотачивается на форме перехода, его взгляд сложнее, он уповает на «способность плыть», быть «здравомысленным» и, по Авербаху, обрести «трезвую оценку жизни». Иной путь чреват несчастным «случаем на производстве». Именно так названа его эпитафия Маяковскому в сборнике «Поиски оптимизма», оставившая ощущение жизни как игры.

Во всех приведенных выше реакциях на смерть Маяковского есть одна общая черта – подчеркнутый рационализм, трезвость, желание уйти от эмоциональной, человеческой оценки беды. При этом каждый из высказавшихся озабочен, как кажется, высшими интересами человечества. Но у всех у них – самоубийство Маяковского является синонимом болезни, потери трезвости, здравомыслия, но никак не трагедией. Ни у одного из писавших не находится положительных определений того,

что названо у Авербаха «внутренним», у Горького «нутром», у Шкловского «лирическим». Нигде нет личной оценки факта смерти человека. У Горького и Авербаха – это гибель врага, солитера или индивидуалиста, у Шкловского – гибель неперестроившегося на новые рельсы индивидуалиста, представителя литературной дореволюционной богемы, очертания которой заданы предметами быта: «красивые, прочные башмаки», «хорошее вино» и проч. Биографический очерк Шкловского позволил наполнить текст названиями тех предметов, которые у самого Маяковского ассоциировались с «мещанством», с «буржуазностью». И Шкловский, как мы видим, также остается в рамках навязанной Авербахом классовой схемы оценки событий смерти Маяковского.

Стилевой строй проанализированных высказываний выявляет кризисные, чреватые трагедией тенденции в духовной атмосфере нового общества, в котором не находится слов и способов выражения для «индивидуального» начала и для раскрытия внутреннего потенциала личности в жизни общественной, в социально-политическом быте. «Учительное», «лозунговое», «игровое» начало представляет эпоху реконструкции как эру «гуманизма», понимаемую здесь как форма социального доминирования [Живов], обеспечивающая «людям слова» положение вершителей частных человеческих судеб. Они навязывают становящемуся обществу систему ценностей, которая должна быть твердо усвоена массами. В ней отвергнуты и высмеяны понятия, объясняющие принцип функционирования социального организма через категорию «гуманного», понимаемого как «нравственное», «совестливое», «сердечное», «душевное», происходящее не от разума, а от действия «духа».

Внедряемая система смыслов и слов демонстрирует стиливое пограничье 1930-х гг., где происходила интерференция и совершались преобразование и распад мировоззрений, жизненных укладов, ценностей, победа «гуманизма» над гуманностью.

Примечания

- ¹ На литературном посту. 1930а. № 4. С. 4.
- ² На литературном посту. 1930б. № 5–6. С. 7.
- ³ На литературном посту. 1930в. № 9. С. 5–21.
- ⁴ Наши достижения. 1930. № 6.

Список литературы

Авербах Л.Л. Памяти Маяковского. 2-е доп. изд. М.; Л.: ГИХЛ, 1931. 48 с.

Горький А.М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 2017. Т. 19. 998 с.

Горький М. О солитере // Публицистические статьи. М.; Л.: ОГИЗ-ЛЕНГИХЛ, 1933. 415 с.

Живов В.М. Язык и революция. Размышления над старой книгой А.М. Селищева // Отечественные записки. 2005. № 2. URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2005/2/yazyk-i-revolyucziya-razmyshleniya-nad-staroj-knigoj-a-m-selishheva.html> (дата обращения: 30.03.2020).

Кацис Л.Ф. Владимир Маяковский. Поэт в интеллектуальном контексте эпохи. 2-е изд., доп. М.: РГГУ, 2004. 830 с.

Московская Д.С. «Я по существу мастеровой, братцы». Владимир Маяковский в реминисценциях пьесы Андрея Платонова «Высокое напряжение» // Русская литература. 2012. № 1. С. 178–193.

Смерть Владимира Маяковского. The Hague; Paris: Mouton, 1975. 48 с.

Спиридонова Л.А. М. Горький: Новый взгляд. М.: ИМЛИ, 2004. 262 с.

Шкловский В.Б. В поисках оптимизма. М.: Федерация, 1931. 149 с.

Шкловский В.Б. Гамбургский счет: Статьи – воспоминания – эссе (1914–1933). М.: Советский писатель, 1990. 544 с.

References

Averbakh L.L. *Pamiati Maiakovskogo* [In memory of Mayakovsky]. 2-nd rev. ed. Moscow, Leningrad, GIKhL Publ., 1931, 48 p. (In Russ.)

Gor'kii A.M. *Poln. sobr. soch. Pis'ma* [Complete Works]: in 24 vol. Moscow, Nauka Publ., 2017, vol. 19, 998 p. (In Russ.)

Gor'kii M. *O solitere* [About tapeworm]. *Publitsisticheskie stat'i* [Publicist articles]. Moscow, Leningrad, OGIZ-LENGIKhL Publ., 1933, 415 p. (In Russ.)

Zhivov V.M. *Iazyk i revoliutsiia. Razmyshleniia nad staroi knigoi A.M. Selishcheva* [Language and revolution. Reflections on an old book by A.M. Selishchev]. *Otechestvennye zapiski* [Notes of the Fatherland], 2005, № 2. URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2005/2/yazyk-i-revolyucziya-razmyshleniya-nad-staroj-knigoj-a-m-selishheva.html> (дата обращения: 30.03.2020).

Katsis L.F. *Vladimir Maiakovskii. Poet v intellektual'nom kontekste epokhi* [Vladimir Mayakovsky. The poet in the intellectual context of the epoch]. 2-nd rev. ed. Moscow, RGGU Publ., 2004, 830 p. (In Russ.)

Moskovskaia D.S. «*Ia po sushchestvu masterovoi, brattsy*». *Vladimir Maiakovskii v reministsentsiakh p'esy Andreia Platonova «Vysokoe napriazhenie»* [I am essentially a craftsman, brothers! Vladimir Mayakovsky in the reminiscences of Platonov's play “High voltage”]. *Russkaia literatura* [Russian literature], 2012, № 1, pp. 178–193. (In Russ.)

Smert' Vladimira Maiakovskogo [Death of Vladimir Mayakovsky]. The Hague, Paris, Mouton Publ., 1975, 48 p. (In Russ.)

Spiridonova L.A. *M. Gor'kii: Novyi vzgliad* [Gorky: A new look]. Moscow, IMLI Publ., 2004, 262 p. (In Russ.)

Shklovskii V.B. *V poiskakh optimizma* [In search of optimism]. Moscow, Federatsiia Publ., 1931, 149 p. (In Russ.)

Shklovskii V.B. *Gamburgskii schet: Stat'i – vospominaniia – esse (1914–1933)* [Hamburg account: articles – memoirs – essays]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1990, 544 p. (In Russ.)

DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-185-190
УДК 821(4).09"20"

Сабурова Людмила Евгеньевна

Российский государственный гуманитарный университет
Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН

ТОММАЗО ЛАНДОЛЬФИ И ЭУДЖЕНИО МОНТАЛЕ НА ПУТИ К ИГРЕ (по материалам автобиографической прозы)

В автобиографической прозе Э. Монтале и Т. Ландольфи немало места занимает тема путешествий. Развитие и преломление этой темы непосредственно связано с концептом дома, который у этих писателей различен. Ландольфи, ведущий в маленьком провинциальном городе жизнь отшельника, стремится выезжать в полные развлечения города. Монтале, не столь привязанный к родовому гнезду, вторую половину жизни проводит в Милане. Устав от бремени известности и шумного большого города, он отправляется в непохожие на Италию тихие уединенные места, где может, наконец, отдохнуть. В творчестве обоих писателей путешествия тесно связаны с темой игры. Ландольфи, видящий в игре смысл человеческой жизни, свои путешествия совмещает с «вылазками на игру», то есть в казино. Рулетка становится для него возможностью войти в диалог с высшей силой, получить ответы на мучающие его экзистенциальные вопросы. Монтале в путешествиях выдает себя за другого, меняет маски. В своем воображаемом игровом мире он одушевляет предметы и водит с ними дружбу. Особую роль для обоих писателей в путешествиях играют надписи и вывески, которые воспринимаются ими как тайные послания.

Ключевые слова: путешествия, тема игры, концепт дома, Томмазо Ландольфи, Эудженио Монтале, автобиографическая проза, «autofiction».

Информация об авторе: Сабурова Людмила Евгеньевна, ORCID 0000-0001-7635-6060, кандидат филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Институт мировой литературы Российской академии наук, Москва, Россия.

E-mail: mila.saburova@gmail.com

Дата поступления статьи: 02.02.2020.

Для цитирования: Сабурова Л.Е. Томмазо Ландольфи и Эудженио Монтале на пути к игре (на материале автобиографической прозы) // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 2. С. 185–190. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-185-190.

Lyudmila Ye. Saburova

Russian State University for the Humanities;
Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences

TOMMASO LANDOLFI AND EUGENIO MONTALE ON THE WAY TO THE GAME (based on autobiographical prose)

In the autobiographical prose of Eugenio Montale and Tommaso Landolfi, the theme of travel plays a significant role. The development and refraction of this theme is directly related to the concept of home, which is different for these writers. Tommaso Landolfi, leading the life of a hermit in a small provincial town, seeks to travel to large centres full of social life. Eugenio Montale, who was less attached to the family nest, in the latter part of his life lives in Milan. Tired of the burden of fame and the noise of the big city, he sets off for quiet secluded places unlike Italy, where he can finally rest. In the works of both writers, travel is closely related to the theme of the game. Tommaso Landolfi, who sees the meaning of human life in the game, combines his travels with «forays into gambling», that is, to the casino. Roulette becomes an opportunity for him to communicate with a higher power, to receive answers to existential questions that torment him. Eugenio Montale travels in disguise, changing masks. In his imaginary game world, he animates objects and makes friends with them. For both writers in their travel, a special role is played by inscriptions and signs, which are perceived by them as secret messages.

Keywords: travel, theme of game, concept of home, Eugenio Montale, Tommaso Landolfi, autobiographical prose, «autofiction».

Information about the author: Lyudmila Ye. Saburova, ORCID 0000-0001-7635-6060, Candidate of Philological Sciences, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

E-mail: mila.saburova@gmail.com

Article received: February 2, 2020.

For citation: Saburova L. Ye. Tommaso Landolfi and Eugenio Montale on the way to the game (based on autobiographical prose). Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 2, pp. 185–190 (In Russ.). DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-185-190.

В наследии Э. Монтале и Т. Ландольфи, входивших в один круг литераторов предвоенной Флоренции, собиравшийся в легендарном кафе «Джуббе россе», мы находим интересные образцы автобиографической прозы. Так называемые дневники Ландольфи «Пиво рыбака или гроб грешника» (1953 г.), «Rien va» (1963 г.), «Des mois» (1967 г.) и автобиографическая книга Монтале «Динарская бабочка» (1947–1973) разнятся по стилю и по содержанию, но вместе с тем принадлежат к гибриднему жанру «аутофикшн» (сочинительству о самом себе) [Dobrovsky: 65–69]. Именно это соединение автобиографического и вымышленного дает авторам долгожданную свободу самовыражения, позволяя смешивать факты личной биографии и связанные с ними фантазии.

Неслучайно в автобиографической прозе Ландольфи и Монтале немало места уделяют теме путешествий. Путешествия становятся для них бегством от рутины повседневной жизни, дают пищу воображению, обогащают новыми впечатлениями. В пути оба писателя ищут ответы на экзистенциальные вопросы. Они не готовы довольствоваться ролью обычных туристов, нет в них стремления и влиться в новую среду, замаскировавшись под местных жителей. В своих вояжах писатели выбирают позицию сторонних наблюдателей, одиночек. Дома, памятники, площади, а более всего вывески и надписи, встреченные в пути, говорят с писателями на особом, только им ведомом языке их собственных произведений. Главное же, для обоих писателей путешествия представляют уникальный случай погрузиться в игру. Ниже мы попытаемся проследить эту взаимосвязь.

* * *

По своему обыкновению Ландольфи с презрением описывает обычных туристов, стремясь от них дистанцироваться: «Я был прав, отворачиваясь от тосканских пейзажей в толпе, пожирающей их глазами, впивающейся в мельчайшие детали. В Париже я удобно усаживался в кресло кафе, когда остальные носились как угорелые, чтобы обойти все пункты туристической программы» [Landolfi T. 1998: 26–27].

Писателя не занимают расхожие образы, общие места, он отправляется в путь за впечатлениями другого рода. Важную роль в его неудержимом желании путешествовать играет особый концепт дома. Ландольфи подолгу жил в разных городах (Рим, Флоренция, Сан-Ремо и проч.), но всегда возвращался в родной Пико, где вел жизнь отшельника. Лишь свою малую родину, громадный дом в Пико – «полужамок», «полусарай» – он воспринимает как неизменную точку отсчета [Landolfi Id. 2015: 49–56].

Но в монотонной замкнутости провинциальной жизни, в мрачных стенах отцовского дома он ско-

ро теряет веру в себя, погружается в ипохондрию. В своем первом дневнике, начатом в Пико, он пишет: «Уехать бы. Оставим в стороне душеспасительные странствия к новым небесам и прочие грезы, порожденные отчаянием; просто уехать... мое искаженное видение мира и особенно болезни берут свое начало здесь, в этих местах» [Ландольфи Т. 2013: 81].

Отъезд видится Ландольфи единственным спасением от преследующих его химер, но каждый раз он оборачивается для писателя пыткой, почти невыносимым усилием: «Вчера вечером дома... мне показалось, будто я достиг самого дна своей тоски. ...Мне следует уехать; но... рейсовые автобусы отныне внушают мне непреодолимый страх» [Ландольфи Т. 2013: 54–55].

Однажды из окна рейсового автобуса писатель увидел на обочине шоссе тело сбитого велосипедиста, которое стало символом подстерегающей его опасности. Согласно Ландольфи, человек беззащитен в социуме, управляемом механизмами. Весь мир вне родительского дома Ландольфи воспринимает как враждебный, начиненный опасными субстанциями, неестественными, чуждыми миру природы, а значит, бесчеловечными: поездами, машинами, магистралями, покрытыми асфальтом.

И тем не менее, преодолевая страх, Ландольфи стремится в такие центры светской жизни, как Париж, Лондон, Флоренция, Венеция, Сан-Ремо и пр. Но долгожданные поездки в эти оазисы развлечений отнюдь не наполняют его радостью. Дни, проведенные там, разочаровывают его, кажутся пустыми: «А еще в Париже. По приезде город показался мне темным и мрачным. Я шел в ночи, встречая лишь каменные изваяния... Так я проволочился по бульварам, освещенным зловещими и провожавшими меня с подозрением красными фонарями» [Ландольфи Т. 2013: 156].

В шуме и сумятице больших городов Ландольфи поглощён своими мыслями, занят непрерывным внутренним поиском. Кажется, он настолько погружен в себя, что люди вокруг представляются ему чуждыми параллельными мирами. Фонарные столбы, проспекты, дома и бесчисленные вывески занимают его гораздо больше, чем населяющие города жители. И правда, особая лингвистическая чувствительность заставляет его видеть в объявлениях и надписях на улицах послания, обращенные лишь к нему. Именно одна из вывесок в Париже подсказала писателю название его первого дневника: «Как-то во время одного малоудачного визита в Париж я устало бродил по улицам и совершенно машинально занимался тем, что читал задом наперед какую-нибудь из бесчисленных коротеньких надписей, попадавших мне на глаза. ...BIERE DU PECHEUR, чаще всего выполненная большими буквами и без надстрочных знаков. Мысленно я всегда переводил ее как “гроб грешника”, вместо

подразумеваемого “пиво рыбака”» [Ландольфи Т. 2013: 31].

В свою очередь и Лондон времен Второй мировой войны связан в памяти писателя с заголовком газеты: «В Лондоне... помню бледность и смятение на лицах прохожих. Продавец газет на углу Тоттенхем-Корт-Роуд выставил плакат, где обычно красовались крикливые заголовки; в тот день на нем было выведено одно-единственное слово, огромное, необъятное, заполнившее собой сумрачный воздух: “War”» [Ландольфи Т. 2013: 156].

Кажется, особенно дорог писателю из встреченных на пути памятников и панорам вид тюрьмы. Во время печального и утомительного путешествия в Венецию лишь старинная венецианская темница вызывают в нем чувство эмпатии, успокаивает его, а мысль об узниках почти что будет в нем зависть: «В Венеции меня немного развлекли тюрьмы: глаз отдыхал, созерцая камеры. Я даже мог притвориться, что позабыл о том, что здесь внутри многие страдали за что-то... за идею, счастливы?» [Ландольфи Т. 1998: 91].

В то же время самые радужные городские пейзажи, напротив, вызывают у писателя отторжение. Как ни странно, именно солнечный свет представляется ему особенно неестественным, иллюзорным и фальшивым. Согласно Ландольфи, он маскирует, приукрашивает мало привлекательную действительность: «В Сан-Ремо! В спокойном величии пейзажа он сразу почувствовал нечто неестественное и даже похоронное... приходили на ум лица покойников, которые по распространенному американскому обычаю покрывают плотным, обманчиво жизнерадостным гримом. Ярко светило солнце. <...> Тихо шелестели пальмы, и с высоты своего пьедестала здание Казино глядело внимательно и будто с усмешкой» [Ландольфи Т. 2013: 90].

Путешествия Ландольфи почти всегда ведут его к конкретной цели: в казино. Без таких «вылазок на игру» и само путешествие теряет для писателя всякий смысл. Согласно Ландольфи, именно игра во всех ее проявлениях является безусловной основой мироустройства. Большая часть произведений писателя посвящена игровому началу в человеческой жизни, без которого прежде всего невозможен творческий акт. В дневнике «Rien va» Ландольфи пишет об игре: «В школьные программы – при сомнительной полезности школ – я бы ввел ее как обязательный предмет: именно игра формирует человеческий характер, или, по крайней мере, дает ему проявиться в полную силу. Замечу предварительно, что многие интеллектуально развитые люди игнорируют игру или ошибочно полагают, что могут обойтись без этого опыта, который как раз и должен являться предметом рефлексии или исследования; как будто игра – это не одна из движущих человечеством сил, она может

проявляться в разных формах, но всегда остается игрой» [Landolfi T. 1998: 46].

Но что так притягивает Ландольфи в азартной игре, ведь он постоянно проигрывает? Отношения с шариком рулетки видятся ему диалогом: каждый раз он как будто задает вопрос высшей силе и получает прямой ответ. Вопрос этот не что иное, как знаменитая формула из «Преступления и наказания»: «Тварь ли дрожащая или право имею?» [Достоевский: 324]. Игра становится для писателя своего рода вызовом, схваткой, из которой он неизбежно выходит побежденным. В дневнике, объясняя свою страсть к игре, Ландольфи находит весьма сомнительное оправдание своему пороку: «Ну хорошо, пусть я брошу играть: что же мне предлагается взамен? Здесь можно обрисовать причину порока в общих чертах: желание или даже мания величия, спесь... Но разве моя вина в том, что внутри меня-страдальца сосредоточилось столько вульгарности» [Landolfi T. 1998: 116].

Ландольфи, говоря о себе в третьем лице, с ностальгией вспоминает один из своих знаменательных выигрышей, выпавших ему в молодости: «Выиграл и был уверен, что снова выиграет... а потом еще и еще, до бесконечности, и вся жизнь его обернется вечной удачей. <...> И все его существо пронизывало безграничное ликование; его ждали женщины и слава...» [Ландольфи Т. 2013: 108].

Вместо того писатель проигрывает все чаще, он почти свыкся с участью неудачника. Но, как ни парадоксально, проиграв за несколько часов заработанные многостраничными переводами деньги, он наконец чувствует себя освобожденным: «Мне сделалось легче, я даже почувствовал себя счастливее: как если бы и вправду эти деньги были грузом, от которого следовало избавиться, чтобы открыть глаза навстречу миру или же по крайней мере проиграть, чтобы освободиться» [Landolfi T. 1991: 51].

После очередного поражения в вечной схватке с рулеткой Ландольфи возвращается в Пико, изможденный, покоровшийся судьбе, но умиротворенный и даже просветленный. Он снова делается, по его собственному определению, «добровольным пленником» в собственном доме: «Теперь я здесь в тюрьме уже с месяц... в старом доме и носа не кажу наружу, во власти блох и проч... я в тюрьме, потому что я страстный, убежденный пленник, разумеется» [Landolfi T. 1998: 148].

Как бы там ни было, именно дома в Пико он сочиняет свои лучшие произведения, а в наполненных жизнью и соблазнами городах, в которые так стремится, его «перо как будто отказывается писать».

Возлюбленная писателя, верная подруга и сообщница в «вылазках» на игру (единственное существо, по словам Ландольфи, действительно способное его понять), проиграв все состояние по его вине, присылает писателю ободряющее письмо, полное нежности: «Сейчас ты дома и, наконец, мо-

жешь взяться за сочинение чего-то по-настоящему прекрасного, что будет нам утешением. Если все это было нужно для того, чтобы ты смог писать, я ни о чем не жалею» [Ландольфи Т. 2013: 113].

В дневниках с неизменной самоиронией Ландольфи выводит парадоксальную и вместе с тем чрезвычайно точную формулу, узаконивающую избранный им образ жизни: «Страдание – это, вероятно, и тут я почти объективен, наименее вульгарный способ скоротать время» [Landolfi T. 1998: 37].

* * *

В отличие от Ландольфи, Монтале в своих путешествиях преследует другие цели, связанные во многом с иначе понимаемым концептом дома. В тридцать лет Монтале окончательно покидает родную Геную, в которой не остается фамильного дома-крепости, как магнит притягивающего обратно. Да и любимая вилла поэта на туристическом Лигурийском побережье в Монтероссо (с нежностью описанная в «Динарской бабочке» и помещенная в воображаемую местность «Монтекорво»), где в детстве поэт проводит каждое лето, вовсе не похожа на убежище отшельника. После отъезда из Генуи Монтале надолго обосновывается во Флоренции, а затем перебирается в Милан, где после смерти жены чувствует себя особенно одиноко. Именно в этот период он часто путешествует, становясь молчаливым участником жизни окружающих. С одной стороны, это способ спастись от одиночества, а с другой – возможность почерпнуть впечатления для стихов. В пути Монтале занимает позицию стороннего наблюдателя, изучая привычки и нравы случайных попутчиков. К примеру, многие эссе и рассказы писателя, опубликованные в 1950–70-е гг. в «Коррьере делла сера», строятся на описании встреч со странными чудачковатыми персонажами.

Монтале не привлекает шум больших городов. Как и Ландольфи, его пугает новый «безликий» и «бездушный» механизированный мир [Segre: VII], но если Ландольфи скрывается от «власти механизмов» в далеком от плодов цивилизации Пико, то Монтале, житель Милана, именно в путешествиях ищет покой и умиротворение. Поэт предпочитает уединенные места, маленькие, преимущественно северные городки (в Швейцарии, Англии, на севере Франции). Для созерцания ему «нужна другая среда – окружение воспитанных людей, нейтральный мир, в сущности, неудобный, но внешне весьма комфортабельный» [Монтале 2010: 224].

Как правило, Монтале направляется в отдаленные от Италии уголки. Там ему удается отдохнуть от бремени известности, освободиться от возложенной на него миссии «властителя дум» [Contini: XI]. Монтале не азартный игрок, но в соответствии с теорией Ландольфи об игре Монтале как нельзя лучше понимает ее ценность и значение. Стоит по-

эту вырваться за пределы привычного круга, он затеивает свою особую игру. В одном из эссе Монтале сетует: «Я всегда сожалел, что не могу вести жизнь иностранца в Италии. Одному Богу известно, как сильно я старался, но игры на собственной родине – дело неблагодарное!» [Montale 2008: 342].

В действительности Монтале не просто наблюдает за окружающими, он с удовольствием примеривает на себя разные маски выдуманных им персонажей. В рассказе «Английский дженльмен» он признается: «Я знаю одного человека, проводящего рождественский отпуск в Швейцарии, где он занимается видом спорта, который сам изобрел: играет в “англичанина”... в ассоциации лжеангличан, если бы таковая вдруг возникла, президентом по праву стал бы он, вице-президентом – я» [Монтале 2010: 224]. Согласно Монтале, такая игра диктует свои суровые правила: «Лжеангличанин со всеми вежлив и ни с кем не разговаривает, из его уст исходит лишь признательное “кью”» [Монтале 2010: 225]. Не обходится в игре и без жертв, особенно серьезных для итальянца, знающего толк в еде: «Если в меню значится, например, Irish stew, приторное месиво из вареной баранины, моркови и консервированного горошка, лжеангличанин будет накалывать на вилку каждый кусочек... с благоговением отправляя их в рот, как если бы он был настоящим англичанином и у себя в Англии уплетал по утрам, чуть свет, копченую сельдь и овсяную похлебку» [Монтале 2010: 225].

Позиция вечного гостя, исподволь участвующего в чужой жизни, удручает Монтале, но вместе с тем позволяет ему сконцентрироваться на работе, писать. Монтале-наблюдатель отнюдь не равнодушен, он полон сочувствия к своим попутчикам, но их удачи и поражения он предпочитает переживать внутри себя, а лучше сказать, на страницах своих книг. Монтале подчеркивает: «Я не создан для роли судьи, тем более – судьи чужой жизни» [Монтале 2010: 196].

Монтале сопереживает не только встреченным на пути людям, но и предметам, которые он склонен одушевлять – это еще одна излюбленная игра поэта. К примеру, рассказчик из автобиографической зарисовки «Снежная статуя» каждый год ездит в Швейцарию для того, чтобы навестить друга: снеговика, слепленного перед гостиницей. Удрученное выражение лица снежной статуи вызывает в рассказчике жалость, а две луковицы вместо глаз напоминают о слезах. В воображении Монтале снеговик становится трагикомической фигурой, призванной веселить и вместе с тем изначально обреченной на гибель. Монтале, отождествляя себя со снеговиком, обращается к нему как к другу по несчастью: «Позвольте и мне, маэстро... присоединиться к вашему неудержимому, мировому, вселенскому плачу. Я приехал специально, чтобы увидеть вас... я единственный здесь, кому дано до-

гадываться о причине ваших слез. Я тоже растаю, как вы, и у меня, как у вас, две луковицы в глазницах, репа вместо носа...» [Монтале 2010: 238].

Между тем за домашний уют в представлении Монтале-путешественника отвечает будильник, который тоже как будто оживает в сознании поэта. Перезезжая из гостиницы в гостиницу, пожилая пара из зарисовки «Ангелочек» всегда возит с собой старый, почти «потерявший голос» будильник, олицетворяющий для них упорядоченность домашней жизни. Между собой пожилые путешественники даже прозвали будильник «ребенком». Как будто оправдываясь, герой зарисовки разъясняет жене и, вероятно, самому себе: «Очеловечивание... будильника, – есть проявление наивного анимизма, а анимизм не только самая достойная, но и самая логичная человеческая позиция. Потому что человек не может перестать быть собой, не может мерить все отличными от своих мерками» [Монтале 2010: 153]. Проявления человечности Монтале ищет в деталях, незначительных подробностях частной жизни. К примеру, завершая рассказ о встрече с Жоржем Помпиду, Монтале упрекает себя: «Возможно, человек значительно полнее проявляется в мелочах, чем в великих деяниях. А я слишком поздно вспомнил о том, что президент любит цветы, садоводство, я забыл сказать ему, что тоже люблю животных, деревья и природу» [Montale 2008: 317].

Как и Ландольфи, Монтале особенно внимателен к надписям, встречающимся на пути. Поэт тоже видит в них тайные послания. Во время путешествия в Эдинбург на фасаде церкви он замечает «спиралевидную строку... начертанную золотыми буквами, которая говорит забывчивому прохожему, где нет Небесного Вождя... Бог не там, где» [Монтале 2010: 211]. Поэт признается, что ему «довелось долго кружить вдоль этого тугого мотка, постоянно возвращаясь на прежнее место... и с горечью в сердце задавая себе без конца один и тот же вопрос: “Но где же он тогда, где же, где он?”» [Монтале 2010: 211]. Разумеется, задача слишком сложна, и Монтале так и не удается найти решение. Любопытно же, что поэт ищет ответа в толпе собравшихся вокруг собора людей, которые превращаются в чудаковатых следопытов в затеянной им игре.

* * *

Пожалуй, Ландольфи можно по праву отнести к писателям, для которых потенциальные возможности игры составляли наивысшую ценность. В «картине мира» Ландольфи игра занимает основополагающее место, а его творчество без преувеличения можно назвать гимном игре во всех ее проявлениях. В дневниках же писатель, не жалея пышных фраз, прямо высказывается о значении игры в мироздании, как будто стремясь восстановить ее неза-

служенно поправные права: «Самое притягательное в игре – это не просто море бесчисленных возможностей, содержащихся в самом ее механизме, но и ее ни с чем не сравнимая очистительная функция. Игра – настоящая страсть, которая снимает все ненужные покровы и очищает все чувства, укрепляя в тебе жизненные силы и побеждая все, умерщвляющее твою душу. Игра – самая загадочная сила мироздания, некая закрытая диалектика, спрятанная внутри нас, я пришел к выводу, что игра – не просто самая благотворная субстанция, а единственная благотворная» [Landolfi T. 1998: 161]. Ландольфи ищет в игре жизненный ток, адреналин, импульс к действию, для него игра составляет необходимый контраст с монотонной жизнью отшельника в родном Пико. Свою судьбу он связывает с поездками в казино. Рулетка становится для Ландольфи своего рода дистиллированной сущностью игры.

Монтале, не разделявший страсти Ландольфи к азартным играм, не так щедр и на прямые высказывания об игре. Тем не менее и в его «картине мира» игре отведена ведущая роль. Как и в случае Ландольфи, особенно ярко отношение Монтале к игре отразилось в автобиографической прозе. Согласно новелле «Режиссер», в которой поэт со свойственной ему иронией рисует устройство мироздания, жизнь – не что иное, как фильм, в котором нам всем выпал случай сыграть. По мысли Монтале, на рубеже веков фильм должен смениться, новая эпоха требует новой картины. Главный герой новеллы, некий режиссер, дает характеристику старому фильму и обозначает направленность будущего: «Как живой человек ты принадлежал предыдущей картине. Не думай, я не хочу сказать, что это был плохой фильм, но он слегка устарел, вышел из моды... Слишком много первых планов, наездов, знаменитостей. Теперь рассказ будет значительно более стройным, темп намного быстрее. А музыка! Сам услышишь! Громкая, как канонада, и тонкая, как свист дрозда. Наверху идут в ногу со временем, знают, что сейчас нужно» [Монтале 2010: 176–177]. Согласно своей идее о человеке, играющем в жизни маленькую роль, подобно актеру, Монтале движим желанием противопоставить утомительной миссии «властителя дум» в Италии другое жизненное кредо. Лишь путешествуя, он может перевоплощаться и играть те роли, которые ему заблагорассудится.

В итоге почти неизменной целью странствий обоих писателей в «иные земли» становится игра. В то время как Ландольфи в путешествиях погружен в себя, готовясь вступить в воображаемый диалог с высшей силой, интерес Монтале обращен вовне, он полон сочувствия к окружающим, пусть ими и становятся будильник или снеговик. Но как Ландольфи, так и Монтале «вылазки на игру» дают ни с чем не сравнимый импульс к созданию новых произведений.

Список литературы

Достоевский Ф.М. Преступление и наказание. М.: Наука, 1970. 808 с.

Ландольфи Т. Пиво рыбака, или гроб грешника / пер. с итал. Л.Е. Сабуровой. М.: Река времен, 2013. 168 с.

Монтале Э. Динарская бабочка / пер. с итал. Е.М. Солоневича. М.: Река времен, 2010. 248 с.

Contini G. Istantanee montaliane. Montale E. Immagini di una vita. Milano, Mondadori, 1996, pp. 7–20.

Doubrovsky S. Autobiographiques: de Corneille à Sartre. Paris, Presses universitaires de France, 1988, 167 p.

Landolfi Id. Il piccolo vascello solca i mari: Tommaso Landolfi e i suoi editori: bibliografia degli scritti di e su Landolfi (1929–2006): in 2 vol. Fiesole, Cadmo, 2015, vol. 2, 382 p.

Landolfi T. Des mois. Milano, Rizzoli, 1991, 190 p.

Landolfi T. Rien va. Milano, Adelphi, 1998, 188 p.
Montale E. Prose narrative. Milano, Mondadori, 2008, 532 p.

Segre C. Invito alla Farfalla di Dinard. Montale E. Prose narrative. Milano, Mondadori, 2008, pp. 5–23.

References

Dostoevskij F.M. *Prestuplenie i nakazanie* [Crime and Punishment]. Moscow, Nauka Publ., 1970, 808 p. (In Russ.)

Landolfi T. *Pivo rybaka, ili grob greshnika*; per. s ital. L.E. Saburovoj [The beer of the fisherman or the bier of the sinner; translated by L.E. Saburova]. Moscow, Reka vremeni Publ., 2013, 168 p. (In Russ.)

Montale E. *Dinarskaja babochka*; per. s ital. E.M. Solonovicha [The butterfly of Dinard; translated by E.M. Solonovich]. Moscow, Reka vremeni Publ., 2010, 248 p. (In Russ.)

СПЕЦИФИКА МЕТАФИЗИЧЕСКОГО ОСТРАНЕНИЯ В ПРОЗЕ С. КРЖИЖАНОВСКОГО

В статье анализируется творчество писателя С. Кржижановского с помощью сюрреалистического кода. При рассмотрении элементов фантастического, чудесного, воображаемого, сновидческого в эстетической и художественной системе Кржижановского закономерно возникают ассоциации с магическим реализмом, с имажинизмом, отчасти с литературой абсурда. Сюрреалистическое же присутствует в творчестве Кржижановского практически всегда имплицитно. На внешних уровнях структуры самые очевидные приметы сюрреалистического письма (нелинейная архитектоника субъекта и мира, трансляция желания бессознательного, автоматизм, цепочки «ошеломляющих образов») либо имеют побочный характер, либо не обнаруживаются вовсе. Однако, как показано в статье, те значимые элементы, которые проявляются и почти одержительно повторяются в самом письме Кржижановского (метафизическое минимальное остранение, фреймирование, созерцание невидимого, метонимическое смещение), можно назвать минимальными жестами сюрреалистического. В статье анализируются основные особенности и специфика реализации метафизического остранения, одного из таких жестов. Это остранение реализуется через сложную работу с пространством и временем. Само метафизическое у Кржижановского находится не за гранью, но проступает в постостороннем, незаметно изменяя восприятие реальных объектов, саму атмосферу, втягивая субъекта в странную мизансцену небытия, которое не нарушает общей конкретности и имманентности пейзажа.

Ключевые слова: остранение, сюрреалистический код, хронотоп, магический реализм, имманентность, Кржижановский, де Кирико.

Информация об авторе: Горелов Олег Сергеевич, ORCID 0000-0001-5718-6588, кандидат филологических наук, доцент, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия.

E-mail: og-gus@inbox.ru

Дата поступления статьи: 09.02.2020.

Для цитирования: Горелов О.С. Специфика метафизического остранения в прозе С. Кржижановского // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 2. С. 191–197. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-191-197.

Oleg S. Gorelov
Ivanovo State University

THE SPECIFICS OF METAPHYSICAL DEFAMILIARISATION IN SIGIZMUND KRZHIZHANOVSKY'S PROSE

The article analyses the creative work of Sigizmund Krzhizhanovsky with the help of a surrealist code. Associations with magic realism, with imagism and partly with the literary nonsense naturally arise when considering the elements of the fantastic, the miraculous, the imaginary, the oneiric in Sigizmund Krzhizhanovsky's aesthetic and artistic system. The surrealist is present in the work of Sigizmund Krzhizhanovsky implicitly. At the external levels of the structure, the most obvious signs of surrealist writing (nonlinear architectonics of the subject and the world, the representation of the desire of the unconscious, automatism, chains of «stupéfiant images») either have a circumstantial nature or are not detected at all. However, as shown in the article, those significant elements that appear and are almost obsessively repeated in Sigizmund Krzhizhanovsky's writing (minimal metaphysic defamiliarisation, framing, contemplation of the invisible, metonymic parallax) can be called minimal surreal gestures. The article analyses the main features and specifics of the implementation of the metaphysic defamiliarisation, one of such gestures. This defamiliarisation is realised through complex work with space and time. The metaphysical is not beyond, but appears in this world, imperceptibly changing the perception of real objects, the atmosphere itself, drawing the subject into a strange mise-en-scène of nothingness, which does not violate the general specificity and immanence of the landscape.

Keywords: defamiliarisation, surrealist code, chronotope, magic realism, immanence, Sigizmund Krzhizhanovsky, Giorgio de Chirico.

Information about the author: Oleg S. Gorelov, ORCID 0000-0001-5718-6588, Candidate of Philological Science, Associate Professor, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia.

E-mail: og-rus@inbox.ru

Article received: February 09, 2020.

For citation: Gorelov O.S. The specifics of metaphysical defamiliarisation in Sigizmund Krzhizhanovsky's prose. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 2, pp. 191-197 (In Russ.). DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-191-197.

В специальных исследованиях поэтики С. Кржижановского регулярно поднимается вопрос о стиле и методе автора. При этом традиционный вопрос об оригинальности и влияниях актуализируется особенно остро, поскольку индивидуальная узнаваемость манеры Кржижановского сочетается с реминисцентной насыщенностью письма. Поэтому в научном изучении художественной практики писателя нередко сочетаются идиографический и номотетический подходы.

При рассмотрении элементов фантастического, чудесного, воображаемого, сновидческого в эстетической и художественной системе С. Кржижановского закономерно возникают ассоциации с магическим реализмом, в частности документально-художественным методом Х.Л. Борхеса, с имажинизмом (его центральными позициями), отчасти с литературой абсурда. Наиболее верифицируемыми (хотя и наиболее поверхностными) стоит признать связи с имажинизмом, поскольку можно достаточно достоверно проанализировать технику производства образов. Понятие абсурда как эстетическая и концептуальная доминанта в приближении оказывается чуждым для Кржижановского. Но определение магического реализма, данное французским критиком Э. Жалу в 1931 г. в статье «L'Esprit des Livres», действительно можно считать соотносимым с установкой Кржижановского, при оговорке, что при всей рациональности, философичности своей прозы Кржижановский не является писателем-доктринером, который следует избранному методу, описанному в теории, вместо распространенного модернистского варианта сочетания теоретического манифеста с практикой у Кржижановского соединяются филологическое исследование и художественное письмо, что предвосхищает ситуацию уже второй половины XX века. Магический реализм, по Жалу, состоит в обнаружении в реальности «странного, лирического и даже фантастического – тех элементов, благодаря которым повседневная жизнь становится доступной поэтическим, сюрреалистическим и даже символическим преобразованиям» [Шаршун 1932: 229]. При отмеченной выше релевантности этого определения, стоит подчеркнуть, что первичными по отношению к новому направлению здесь оказываются сюрреализм и символизм. Последний по принципу историзма может рассматриваться исключительно в рамках проблем наследования, литературной эволюции и борьбы, а также литературных поисков в постсимволистскую эпоху, но не в качестве сопрягаемого стиля. При развертывании этой цепи стилевых ассоциаций на глубинном уровне обнаруживается сюрреализм.

Сопоставление магического реализма и сюрреализма помогает прояснить еще два важных момента. Во-первых, оба эти стиля заняли обнару-

женную литературную нишу между романтизмом и реализмом и, что более принципиально, между каноническими (первичными, по Д.С. Лихачеву) и неканоническими (вторичными) стилями. Это позволяет в 1930-х гг. прояснить идентичность многим авторам, которые в начале литературной карьеры испытывают притяжение к дадаистскому или раннему сюрреалистическому движениям. Именно так, например, воспринимает появление магического реализма поэт и писатель русского зарубежья С. Шаршун, который успел поучаствовать в дадаистских инициативах, прежде чем в момент зарождения сюрреализма освободиться от групповой формы присутствия в литературе [Шаршун 2012: 40], и которому до этого момента, по его собственным словам, «сознавая внутреннюю неубедительность, приходилось считать себя нео-романтиком, мистиком» [Шаршун 1932: 229–230].

Во-вторых, более позднее по сравнению с сюрреализмом возникновение магического реализма делает заметной разницу в стратегии и формах их существования. Сюрреализм, сохраняя авангардный заряд и являясь при этом первичной реакцией на новую ситуацию реалистического рванша 1930-х гг., выбирает интермедийные эксперименты и поэзию, которая всегда впереди, всегда «*sera en avant*» [Rimbaud: 346]. Магический реализм в ситуации социальной стабилизации или стагнации (в латиноамериканских странах, в СССР) отходит от ревизионистского проекта, выбирая эпос, мифопоэтически пересобранный роман, притчевость, скрывающую сатирический посыл, а также фантастические формы повествования на национальном материале, которые сущностно не противоречат реалистическому методу. Эту разницу почувствовал и Шаршун в статье «Магический реализм» 1932 г., причислив к магическому реализму Б. Поплавского и всю эмигрантскую поэзию целиком, чем окончательно размыл смысл этого понятия применительно к поэтической практике. Напротив, с гораздо большим энтузиазмом Шаршун предлагает новую интерпретацию истории русской прозы от Н. Гоголя до А. Ремизова, в которой теперь оказывается возможным расставить верные акценты и отказаться от слишком обширного понятия романтизма.

В связи с этим нужно сказать, что за спецификой прозы Кржижановского контекстуально стоит не только орнаментализм 1920-х, но и поэтический бэкграунд самого автора. Несмотря на осознанный практический выбор прозаического письма, Кржижановский продолжал писать стихи и стиховые фрагменты в записной тетради, уводя поэтическое на имплицитный уровень литературного производства («Настолько-то я поэт, чтобы не писать стихов» [Кржижановский, 5: 341]). Это позволяет говорить о том, что «сам Кржижановский хотя бы отчасти понимал свои

стихи как некоторый черновик, пролог, пробные записи» [Калмыкова]. Вместе с тем очевидно, что само взаимодействие поэтического и прозаического в случае Кржижановского приобретает более масштабный характер, распространяясь и на методологию письма («Кржижановский работает со словом в прозе – как в стихе» [Перельмутер]), и на сам статус автора («как всякий поэт, Кржижановский – номиналист» [Топоров: 492]).

Именно поэтический интертекст вскрывает напряженность между основными доминантами творчества Кржижановского: Город (В. Брюсов), Сатира (Саша Черный), Пространство и Воздух (О. Мандельштам), Символ (А. Белый) и др. Имя Андрея Белого имеет ключевое значение с точки зрения проявлений чудесного в творчестве писателя, «по причудливой ассоциации Белый для Кржижановского связан с немецкой мыслью и немецкой сказкой, мифом, братьями Гримм и Вагнером» [Калмыкова]. Тем не менее, как пишет А.В. Сеницкая, «сам Кржижановский, прекрасно помнивший о теургии Андрея Белого, о магической концепции слова, мог видеть, к чему приводит излишняя завороченность проективно-утопическими идеями» [Сеницкая: 95]. В этой же двойственной позиции находились и сюрреалисты, чья внутренняя драматургия была построена вокруг диалектических процессов утопического и нигилистского.

Центральная проблема Кржижановского – это субъект в переплетениях бытия и небытия, поэтому постоянно возникает метафизическая тема, но что более важно – метафизическое всегда оформляется, материализуется диегетически в специфическом хронотопе. В этом смысле Кржижановский совпадает, например, с художником Д. де Кирико в его, условно говоря, сюрреалистический период. Метафизическое находится не за гранью, но проступает в посюстороннем, незаметно изменяя восприятие реальных объектов, саму атмосферу, втягивая субъекта в странную мизансцену небытия, которое не нарушает общей конкретности и имманентности пейзажа. Довольно редкие для сюрреализма меланхолия и тревожность не сразу дают увидеть, что почти все подобные пейзажи залиты солнечным светом. Точно также и Кржижановский «избегает описывать среднее между... крайними состоянием, которое можно было бы считать нейтральным, нормой, свободной от уклонений в ту или другую сторону» [Топоров: 541], что соотносится с постимпрессионистской теорией цвета: однотонность цвета (в случае литературы – темы, концепта, образа, которые и вступают в отношения с другими элементами) сопутствует осуществлению сдвига через специфику взаимодействия между цветами и образами.

Условность городского пространства, символичность пейзажа или вещей, даже сама приставка *мета-* преобразуют метафизику в литературный

феномен, даже литературную технику. Как пишет Кржижановский в раннем эссе «Идея и Слово», «метафизик... изолированный Идею¹, в свою очередь, берет с улицы слово и, высвободив его – путем “изолирующей... абстракции” – из путаницы ассоциационных нитей, отделяет его от жизни: правда, для этого необходимо у уличного слова оторвать две-три буквы или прикрепить к нему новый слог, одним словом, искалечить слово так, чтобы оно не могло уползти назад в жизнь» [Кржижановский, 5: 501]. Здесь Кржижановский описывает конкретную дискурсивную практику схоластической философии, при которой философские понятия создаются из бытовых, служебных слов («чтойность», «этовость», «само-бытие» и т. д.), однако это можно прочесть и как декларацию собственного писательского метода (с учетом активного использования неологизмов и особого отношения к проблеме языка). «Изолирующая абстракция», таким образом, не противоречит тяге к конкретности у французских сюрреалистов, а фонетика русского языка только усиливает материальность письма: «латинский язык, столько веков укрывавший метафизика, точно самой природой приспособлен для этого (монотонности истины, отстраненности. – О. Г.): в языке этом нет, например, звуков “ж”, “ш”, “щ”, “ч”, т. е. букв, переносящих на язык шумы и шорохи жизни» [Кржижановский, 5: 502].

Описанное *метафизическое минимальное остранение* реализуется через сложную работу с пространством и временем. Первым шагом становится *остановка времени* в художественном мире, создание ощущения вневременного измерения.

В повести «Странствующее “Странно”» некий ученик получает от учителя (мага, ученого) вещество, уменьшающее человеческое тело, и ученик оказывается внутри наручных часов своей возлюбленной: «Началось с того, что те самые крохотные по размерам бактерии длительностей, какие сейчас, при всем моем умалении, обитали внутри меня, под давлением общего настроения решили бойкотировать меня, и на некоторое время я остался *без времени*. Мне не сыскать слов, чтобы хотя мутно и путано передать испытанное мною тогда чувство обезвреженности... Скажу одно: мне пришлось вынести удар *не символа, а того, что им означено*, войти не в слово, а в суть» [Кржижановский, 1: 321]. Кульминацией в этой мизансцене становится встреча с «прозрачно-серым, кристаллической формы существом» [Кржижановский, 1: 323] на часовой стрелке – кварцевым человечком, песчинкой, которая до этого жила в песочных часах. Рассказ кварцевого человечка о своем прошлом дается с остранениями, поэтому ученик не сразу понимает, что именно песочными часами был «прекрасный, из двух сросшихся вершинами стеклянных конусов сотворенный мир», где все существа, как и кварцевый человечек, «толкаясь

гранями о грани, с веселым шуршанием проталкивались к узкому часовому устью», стараясь «скорей пролезть в это настоящее и прыгнуть, в обгон другим, в его узкую, схваченную стеклом дыру» [Кржижановский, 1: 323–324]. Этот ход помимо создания метафизического пейзажа с песком (очень сюрреалистская субстанция) вводит фрейдистскую импликацию. Однако она не так существенна в контексте творчества Кржижановского, в отличие от экспансии образного пространства метонимическими конструкциями, которая также осуществляется здесь через сам образ песочных часов: принципиально, что идея времени передается через пространство.

Именно в модернистской и постмодернистской литературе XX века в хронотопическом единстве актуализируется в основном не время, а пространство. Поэтому вновь повторяется ситуация остановки времени, и тогда, как отмечает О.Г. Ревзина, «сам текст своим устройством воплощает этот хронотоп без времени, в котором необратимое конкретное событие обретает иной временной статус благодаря мнемическому – метонимическому следу, которым оно прикрепляется к пространству» [Ревзина: 266]. Таким образом, тематически время всегда отстает от пространства, но диегетически все начинается именно с остановки времени, которая и открывает путь для топологических трансформаций. Из традиционных хронотопов этому описанию соответствует, по М.М. Бахтину, только один – хронотоп романов позднего средневековья, построенных по принципу видений (в частности, «Божественная комедия» Данте), в которых пространство в своей «потусторонней вертикали» [Бахтин: 306] подчиняет время. Кржижановский предлагает пространственную многослойную горизонталь с языковым метауровнем и парадоксальной имманентной метафизикой, при которой «нет иной реальности, кроме той, что происходит на земле, нет и иного пространства, кроме земного» [Ревзина: 266]. Эта конструкция и в дальнейшем будет использована многими авторами с филологическим мышлением (Ревзина демонстрирует пространство-центричный хронотоп на примере текстов Л. Цыпкина и М. Шишкина).

Архитектурной основой метафизического остранения и у Кржижановского, и у де Кирико является классическая итальянская эстетика. Де Кирико в пересказе своего сна, опубликованном в первом номере «Сюрреалистической революции», заявляет о ней манифестарно, демонстрируя переход реального объекта в условное, абстрагированное состояние: «Я нахожусь на площади великой метафизической красоты; это пьядца Кавур во Флоренции, наверное; или, может быть, одна из тех прекрасных площадей Турина, или, может быть, ни то ни другое; с одной стороны видны портики, над которыми возвышаются квартиры с за-

крытыми ставнями, торжественными балконами. На горизонте видны холмы с виллами; на площади небо очень светло, оно вымыто грозой, однако чувствуется, что заходит солнце, ибо тени домов и редкие прохожие на площади кажутся очень длинными» [Де Кирико: 135]. «Классическая протяженность» является очевидным положительным концептом в художественной реальности Кржижановского: «Чрезвычайно трудно не усомниться, что за этим крошечком из пространства есть где-то и настоящее, за горизонт перехлестывающее пространство, классическая протяженность, одним словом, мир» [Кржижановский, 1: 386] («Разговор двух разговоров»).

Р. Кревель очень точно характеризует трансцендентальный поворот, который производит эстетика де Кирико: «тень аркад, труб внушала нам презрение к поверхностному, к феноменам и делала нас более достойными абсолютно сна, где какой-нибудь Кант смог испытать подъем духа от ноуменального головокружения» [Кревель: 179]. В известной новелле «Катастрофа» Кржижановский не без иронии показывает такого Мудреца (в котором однозначно угадывается Кант), который стремится проникнуть *внутрь* каждой вещи, познав и отобрав тем самым ее смысл, что и приводит к катастрофическим хаотическим перестановкам феноменов в мире. Однако сам автор-повествователь занимает противоположную позицию, защищая права познаваемого: «Будьте всегда сострадательны к познаваемому, вундеркинды. Уважайте неприкосновенность чужого смысла. Прежде чем постигнуть какой-нибудь феномен, подумайте, приятно ли было бы вам, если б, вынув из вас вашу суть, отдали бы ее в другой, враждебный и чуждый вам мозг. Не трогайте, дети, феноменов: пусть живут, пусть себе являются, как являлись издревле нашим дедам и прадедам» [Кржижановский, 1: 124]. Такое экологическое отношение к феноменам гораздо ближе к собственно сюрреалистической, нежели «метафизической» (в значении де Кирико) концепции. Тем более допустимо такое прочтение новеллы, при котором все события произошли в голове самого Мудреца, во внутреннем пространстве. При всей катастрофической конкретности это грёзовое событие не оставило следа, автор-повествователь отмечает, что все феномены после смерти Мудреца, высвободившего «свое “я” из грёз и слов» [Кржижановский, 1: 131], находятся на своих местах.

Подобная архитекtonика отсылает к общему месту работ о Кржижановском (чему поспособствовали воспоминания о нем А. Бовшек²), согласно которому его сюжеты – экстериоризированные ментальные события, его герои и образы – это мысли, «вторичные», метаязыковые конструкции. Как отмечает А.В. Синицкая [Синицкая: 86], это напоминает притчевую структуру, которая в XX веке функционирует деконструктивистски, работая на

двусмысленность, художественный эксперимент и прозрачность фикциональных и нарративных границ. Особенно это актуально для стилей и направлений, родственных сюрреализму, где подобное видение парадоксально соотносится уже скорее с не-притчевым мышлением. Так, применительно к обэриутовской поэтике С.З. Агранович и И.В. Саморукова указывают, что «допритчевая картина мира, в которой властвует объектный абсолюте, с коим невозможно вступить в диалог, где субъект не так уж принципиально отличается от вещи, где он бессилен, слаб и жалок, прочно увязывается Хармсом с бытовым броуновским, бестолково-дискретным движением» [Агранович, Саморукова: 90]³.

Кржижановский нередко включал в свою прозу впечатления от собственных итальянских и австро-венгерских поездок в 1912–1913 гг. Самые ранние тексты писателя представляют собой прозаические миниатюры, жанрово варьирующиеся от стихотворения в прозе до путевой заметки, собранные под названием «Копилка образов» (в эту тетрадь входят и стихи, здесь не рассматриваемые). И само название, и общий настрой цикла, с одной стороны, способны напомнить о сюрреализме гораздо более непосредственно, чем это происходит в зрелом творчестве Кржижановского. С другой стороны, близость эта кажется слишком поверхностной, что увеличивает чуждые сюрреализму пафос (лейтмотивный образ голубого итальянского неба) и сентиментальность (в миниатюре «Ничего не случилось»). В мифологической миниатюре «Любовь», где Эрос спасает душу человека, за что Эроса изгоняют из сонма ангелов, подчеркивается идея незаметного уничтожения, прорастания смерти изнутри или со стороны чего-то близкого (и в пространственном, и в чувственном смыслах). Эта идея развивается в миниатюре «Соня», являющейся, возможно, вариацией на тему Эндимиона и Селены. Некий Божий Соня постоянно спит, и во сне к нему приходит возлюбленная – царевна Зарница, хотя люди вокруг (общество) пытаются его усовестить и вернуть к жизни. Это приводит к утомительной череде засыпаний и пробуждений, а такие интрасомнические сбои стирают саму границу сна, и его постоянство оказывается мнимым. В итоге сами сумерки, ночные тени и сообщают о конце жизни Сони, который фактически оказывается в ситуации пробуждения (значит, собственной смерти): «Царевна моя... – прошептал человек и умер... Пришли люди – зажгли свечи – прогнали тень» [Кржижановский, 5: 435]. Эта же конструкция повторяется в миниатюре «Лужица»: «Лужица была безмерно счастлива: она, маленькая мутная лужица, приняла в себя Солнце. И какое счастье: лужица не подозревала, что солнце скоро ее высушит» [Кржижановский, 5: 436].

Цикл «Из детства», включающий лаконичные сценки с первыми детскими открытиями в обла-

сти пола, эроса и свободы, демонстрирует особый черный юмор, построенный на внешнем доверии к эмпирике, которое, однако, сопрягается с философичностью мышления и недоверием собственным чувствам. В одной из миниатюр мальчик привязывает лягушку к столбу, приносит ей еду, но она все равно умирает. Он делает вывод, что «лягушка всегда умирает, потому что у нее нет свободы», после чего, однако, следует финальная фраза: «После я узнал, что это неверно» [Кржижановский, 5: 441]. Ироническое дистанцирование в контексте лирического потока выглядит сильным приемом, создающим сдвиг реальности, не разрешая противоречия. В очерке «Улица в Венеции» форестьер (иностранец в Италии) не может отделаться от туристического в Венеции: предложений, услуг, «коммерческой экзальтации» [Кржижановский, 5: 452] – пока не оказывается на одной узкой улочке. Абзацное членение в этом фрагменте текста становится частым, ритм повествования сближается с верлибрическим:

Нырью в переулоч (vicoletto): и вдруг – тишина. Сосредоточенная – холодная.

Лазурная вставка неба сверху.

Серые стены с боков.

Уличка сворачивает вправо, влево, бежит назад, точно сама она заблудилась в невообразимом лабиринте различных campo, gio, vico, calle, vicoletto и т. д.

Блеснул изумруд канала.

Тупик [Кржижановский, 5: 453].

Прорыв в нереальное тут же иронически комментируется (это очень типично для сюрреализма, всегда стремящегося в сторону пафоса, но одергивающего себя): в таком тупике, если задержаться, непременно можно встретить еще одного неопытного туриста, смущенного этой ситуацией.

В очерке «Миланский собор» еще более нарочитое использование композиционного контраста. Поэтическое вступление – «Мрамор влюбился в солнце. – И вот навстречу горячим, светящим струям его бросил он свои холодные, белые лучи!» [Кржижановский, 5: 454] – после отточия переходит в физиологический очерк: «На верхней площадке Миланского Собора построено изящное отхожее место. На поворотах лестницы, ведущей ввысь, – надписи с просьбой не выполнять естественных надобностей на ступенях» [Кржижановский, 5: 454]. Показательны и характеристики, которые Кржижановский дает неслучайно выбранному Миланскому собору – собору, который, «как в фокусе, собрал в себе всю лучеструйность, всю солнечность католичества. <...> Это не Святой Стефан, поднявшийся убеленными, очистившимися башнями над темным, грешным фасадом. – Это не трагическая, болезненная борьба мистической розы Notre-Dame'a со сладострастными, адскими масками химер! Химеры Миланского Собора – мертвая архитектурная мишура, приделанная людьми, не понявшими каменной воли мрамор-

ра» [Кржижановский, 5: 455]. На протяжении всего очерка неизменно повторяется это противоречивое сочетание химерической сделанности с бесконечным солнечным световым окружением.

Метафизическое остранение в контексте поэтики Кржижановского выполняет функцию минимального сюрреалистического жеста. В дальнейшем в текстах писателя более очевидно проявятся и другие жесты: фреймирование, созерцание невидимого и метонимическое смещение, – обеспечивая реализацию сюрреалистического на элементарном уровне.

Примечания

¹ Чуть выше Кржижановский пишет, что не автор мыслит идею, а идея мыслит автора, отнимая его от мира.

² В частности: «Значительная часть рассказов Кржижановского носит проблемный характер. Это персонафицированные процессы мышления, осуществляемые действующими персонажами. Герои рассказов не наделены яркими, сложными характеристиками: они нужны автору как смысловые образы, ведущие игру» [Кржижановский, 6: 264–265].

³ «Бытовое» у авторов работы используется в таком же оценочном, негативном ключе, как и «бестолково»-дискретное движение.

Список литературы

Агранович С.З., Саморукова И.В. Гармония – цель – гармония: Художественное сознание в зеркале притчи. М.: Международный институт семьи и собственности, 1997. 135 с.

Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. С. 234–407.

Де Кирико Д. Сон // Антология французского сюрреализма. 20-е годы / сост. С.А. Исаев, Е.Д. Гальцова. М.: ГИТИС, 1994. С. 135–136.

Калмыкова В. Поэзия и «тайна личности»: случай Сигизмунда Кржижановского // Toronto Slavic Quarterly. 2007. № 20. URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/20/kalmykova20.shtml> (дата обращения: 08.01.2020).

Кревель Р. Дух против разума // Антология французского сюрреализма. 20-е годы / сост. С.А. Исаев, Е.Д. Гальцова. М.: ГИТИС, 1994. С. 163–181.

Кржижановский С.Д. Собрание сочинений: в 6 т. СПб.: Симпозиум; Б. С. Г.-Пресс, 2001–2013.

Перельмутер В. Проза как стихи. Опыт медленного чтения новеллы Кржижановского «Квадратурин» // Toronto Slavic Quarterly. № 20. URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/20/perelmutter20.shtml> (дата обращения: 12.01.2020).

Ревзина О.Г. Хронотоп в современном романе // Художественный текст как динамическая система: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 80-ле-

тию В.П. Григорьева (19–22 мая 2005 г.) / ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН. М., 2006. С. 265–280.

Синицкая А.В. Метафора как хронотоп: К вопросу о поэтике Сигизмунда Кржижановского // Вестник Самарского государственного университета. Литературоведение. 2003. № 1. С. 85–96.

Топоров В.Н. «Минус»-пространство Сигизмунда Кржижановского // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Прогресс – Культура, 1995. С. 476–574.

Шариун С. Мое участие во французском дадаистическом движении // Шаршун С. Дадаизм. Б. м.: Salamandra P.V.V., 2012. С. 31–40.

Шариун С. Магический реализм // Числа. 1932. № 6. С. 229–231.

Rimbaud A. Œuvres complètes. Paris: Gallimard, 2009. 1152 p.

References

Agranovich S.Z., Samorukova I.V. *Garmoniiia – tsel' – garmoniiia: Khudozhestvennoe soznanie v zerkale pritchi* [Harmony - Aim - Harmony: Artistic Consciousness in the Mirror of the Parable]. Moscow, Mezhdunarodnyi institut sem'i i sobstvennosti Publ., 1997, 135 p. (In Russ.)

Bakhtin M.M. *Formy vremeni i khronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoi poetike* [Forms of time and chronotope in the novel. Essays on Historical Poetics]. Bakhtin M.M. *Voprosy literatury i estetiki* [Questions of literature and aesthetics]. Moscow, Khudozhestvennaia literature Publ., 1975, pp. 234–407. (In Russ.)

De Kiriko D. *Son* [Dream]. *Antologiiia frantsuzskogo siurrealizma. 20-e gody* [Anthology of French Surrealism], comp. S.A. Isaev, E.D. Gal'tsova. Moscow, GITIS Publ., 1994, pp. 135–136. (In Russ.)

Kalmykova V. *Poeziia i «taina lichnosti»: sluchai Sigizmunda Krzhizhanovskogo* [Poetry and the “secret of personality”: the case of Sigismund Krzyzhanowsky]. *Toronto Slavic Quarterly*, 2007, № 20. URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/20/kalmykova20.shtml> (access date: 08.01.2020). (In Russ.)

Krevell R. *Dukh protiv razuma* [Spirit versus mind]. *Antologiiia frantsuzskogo siurrealizma. 20-e gody* [Anthology of French Surrealism], comp. S.A. Isaev, E.D. Gal'tsova. Moscow, GITIS Publ., 1994, pp. 163–181. (In Russ.)

Krzhizhanovskii S.D. *Sobranie sochinenii* [Collected works]: in 6 vol. St. Petersburg, Simpozium; B. S. G.-Press Publ., 2001–2013. (In Russ.)

Perel'muter V. *Proza kak stikhi. Opyt medlennogo chteniia novelly Krzhizhanovskogo «Kvadraturin»* [Prose as poetry. The experience of slow reading novel Krzhizhanovsky “Quadraturin”]. *Toronto Slavic Quarterly*, № 20. URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/20/perelmutter20.shtml> (access date: 12.01.2020). (In Russ.)

Revsina O.G. *Khronotop v sovremennom romane* [Chronotope in a modern novel]. *Khudozhestvennyi tekst kak dinamicheskaia sistema: materialy Mezhdunar. nauch. konf., posviashch. 80-letiiu V.P. Grigor'eva (19-22 maia 2005 g)* [Literary text as a dynamic system], IRIa im. V.V. Vinogradova RAN. Moscow, 2006, pp. 265–280. (In Russ.)

Sinitskaia A.V. *Metafora kak khronotop: K voprosu o poetike Sigizmunda Krzhizhanovskogo* [A metaphor as a chronotope: On the question of the poetics of Sigismund Krzhizhanovsky]. *Vestnik SamGU. Literaturovedenie* [Bulletin of Samara State University. Literary criticism], 2003, № 1, pp. 85–96. (In Russ.)

Toporov V.N. «Minus»-prostranstvo Sigizmunda Krzhizhanovskogo [“Minus”-space of Sigismund Krzhizhanovsky]. Toporov V.N. *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniia v oblasti mifopoeticheskogo: Izbrannoe* [Myth. Ritual. Symbol. Image: Mythopoetic Studies: Favorites]. Moscow, Progress – Kul'tura Publ., 1995, pp. 476–574. (In Russ.)

Sharshun S. *Moe uchastie vo frantsuzskom dadaisticheskom dvizhenii* [My participation in the French dadaistic movement]. Sharshun S. *Dadaizm* [Dada], Salamandra P.V.V. Publ., 2012, pp. 31–40. (In Russ.)

Sharshun S. *Magicheskii realizm* [Magic realism]. *Chisla* [The numbers], 1932, № 6, pp. 229–231. (In Russ.)

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КРИЗИСА ИДЕНТИЧНОСТИ
В КНИГЕ КСЕНИИ БУКШИ «ОТКРЫВАЕТСЯ ВНУТРЬ»

В работе исследуется репрезентация кризиса идентичности, экзистенциального поиска своего «я» в сборнике рассказов Ксении Букши «Открывается внутрь». Во-первых, представлен анализ специфики сложно структурированной субъектной организации текста (диегетический и экстрадиегетический повествователи, фокализаторы, сосуществующие в пределах одного высказывания). Во-вторых, рассмотрено своеобразие диегетического пространства текста, коррелирующего с внутренним миром героев. Автор приходит к выводу, что 18 рассказов сборника – это нарратив одного субъекта речи, повествующего о своем травматическом опыте голосами героев, являющимися «отзеркаленными» проекциями лишнего целостности, фрагментарного сознания. Инвариантный сюжет попытки восстановления дефицита личности во всех текстах строится по единой (кумулятивной) схеме, где финальная катастрофа ведет либо к обретению своего «я», либо к трагическому исходу. Проанализированные единая схема сюжетосложения, композиционное оформление, система сквозных образов и деталей позволяют говорить об особом структурном единстве сборника, элементы которого на содержательном уровне связаны инвариантным смыслом преодоления инерции существования.

Ключевые слова: Ксения Букша, кризис идентичности, неосинкретизм сознаний, повествователь, диегетическое пространство.

Информация об авторе: Полуляшина Дарья Игоревна, ORCID 0000-0002-5213-5826, аспирант, преподаватель кафедры истории русской литературы, теории литературы и критики филологического факультета Кубанского государственного университета, г. Краснодар, Россия.

E-mail: msdasha23@rambler.ru

Дата поступления статьи: 19.03.2020.

Для цитирования: Полуляшина Д.И. Репрезентация кризиса идентичности в книге Ксении Букши «Открывается внутрь» // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 2. С. 198-203. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-198-203.

Daria I. Poluliashina
The Kuban State University

REPRESENTATION OF IDENTITY CRISIS
IN KSENIYA BUKSHA'S BOOK «OPENS INWARD»

This article is devoted to analyses of representation of identity crisis (disconnection between personality and character, consciousness diffusion, existential search of my own self) in Kseniya Buksha's book «Opens inward». Firstly, we analyse complicated structural subject organisation of the text (diegetic and extradiegetic narrator, focalisators), which coexist in one statement. Secondly, it is investigated how diegetic space correlates with internal world of heroes. We come to conclusion 18 tales of this book are the narrative of subject of speech. He narrates about his traumatic experience by the voices of the heroes who can be interpreted as reflections of fragmentary, non-intact consciousness. Invariant plot of trying to restore a deficit of identity is constructed by unit cumulative scheme. Final disaster leads subject either to gaining his identity or to final catastrophe. Analysing of the scheme of the plot, composition, subject system, system of cross-cutting personages and details allows to make a conclusion about structural unity based on invariant sense. It is the idea of overcoming of existential inertia.

Keywords: Kseniya Buksha, «Opens inward», identity crisis, neosyncretism of consciousness, narrator, diegetic space.

Information about the author: Dar'ya I. Polulyashina, ORCID 0000-0002-5213-5826, Candidate of Philological Sciences applicant, lecturer at the Department of History of Russian Literature, Theory of Literature and criticism of the Kuban State University, 350040, 149 Stavropol St., Krasnodar, Russia.

E-mail: msdasha23@rambler.ru

Article received: March 19, 2020.

For citation: Polulyashina D.I. Representation of identity crisis in Kseniya Buksha's book «Opens inward». Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 2, pp. 198-203 (In Russ.). DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-198-203.

Сборник рассказов Ксении Букши «Открывается внутри» (2018), имеющий сложно структурированную субъектную организацию текста (диегетический и экстрадиегетический нарраторы, фокализаторы, точки зрения которых сосуществуют в пределах одного высказывания), – это единый нарратив, фрагментарная, нелинейно изложенная история о поиске травмированным сознанием новой идентичности. Рассмотрим подробнее, каким образом потеря личностной целостности и попытки ее преодоления отражены в содержании и структуре текста.

Книга состоит из 18 рассказов, композиционно разделенных на три симметричные части, в каждую из которых включены 6 текстов, объединенных заголовками, схожими с названиями маршрутных остановок («Детдом», «Дурдом», «Конечная») и образующими структурное единство. Эти заголовки – знак имплицитного автора, который «делит» человеческую жизнь на три этапа: детство (детдом), болезнь (дурдом) и смерть (конечная). В соответствии с названиями перед нами разворачиваются истории о детях из детдома, о психически нездоровых людях и тех, кто находится между жизнью и смертью или уже умер.

Формально сборник не имеет центрального персонажа, «скрепляющего» все истории в единое целое. Думается, что повествование ведется одним субъектом речи, экстрадиегетическим аукториальным повествователем, который реализует свою историю преодоления травматического опыта, опосредуя его речевыми партиями героев, являющихся проекциями «отзеркаленного» сознания этого повествователя. В основе всех рассказов лежит единый сюжет восстановления дефицита личностности, попытка описать «мегаисторию всей моей жизни» [Тюпа, 2019: 88]. Такая «мегаистория», по мнению В.И. Тюпы, базируется на «личном событийном опыте» и может быть актуализирована как «мысленное квазирассказывание многочисленных историй моего пребывания в мире», в число которых войдут и истории «иных жизней, сопричастных моей, и нереализованные мною возможности» [Тюпа, 2019: 88].

Текст сборника как художественное высказывание организован повествованиями нескольких типов:

1. Диегетическое перволичное акториальное повествование («Кампоты Гуха», «Чаша», «Красный тазик», «Конечная»). Точка зрения экстрадиегетического повествователя здесь нулевая. Событие излагается голосом диегетического повествователя – рассказчика, стремящегося быть услышанным, желающим вступить в диалог с читателем и быть оправданным («Витек с мужем моим ее взяли и вдвоем в ванную затолкали. Причем в ванной сначала Витек был. А моего не было, это я точно знаю. Моего не было, нет. Мой только за-

талкивал в ванную» [Букша, 2018: 235] или «Честное слово, то, что он был непопулярен и надо мной в результате тоже смеялись, – это было совсем ни при чем» [Букша, 2018: 280–281]).

2. Диегетическое перволичное акториальное повествование, представляющее воспроизведение устной монологической речи рассказчика, стенографическую запись: «Чувачки», «Я – Максим».

Для репрезентации индивидуальной травмы эти типы повествования представлены в виде имитации нефикциональной наррации, сверхжанра свидетельства, что подтверждает мысль о том, что «в современных нарративах о травме трансформируется сам способ рассказывать события» [Муравьева: 115]. Перед нами не линейное романное повествование о жизни группы людей, связанных друг с другом родственными, дружескими, профессиональными отношениями, а разрозненные, фрагментарные свидетельства. Имплицитному автору важно показать не взаимоотношения героев, но центральное экзистенциальное событие жизни каждого из них – преодоление кризиса сознания.

3. Экстрадиегетическое третьеличное аукториальное повествование. Ведущий его нарратор обращается к читателю, металептически разрушая границы между своим миром и миром героев. Это «вездесущая, всеведущая, заглядывающая в самые интимные уголки души персонажей безличная инстанция» [Шмид, 2008: 69]: «Стас вылезает из машины. С трудом разгибает ноги. *Ревматизм в двадцать три года – это, скажу я вам, неприятная штука*» [Букша, 2018: 171], или «Младенец теплится на кровати, помахивая руками и ногами, и пора уже сказать: ее зовут Долли» [Букша, 2018: 34], или «*Единственное, чего не знает Вера: это не выкидыш, воспитки незаметно скормили Варе таблетку мифепристона, с чаем, – надо им, чтобы дети рожали*» [Букша, 2018: 44] (курсив мой – Д. П.). Вместе с тем, приведенные примеры свидетельствуют о том, что в одном высказывании смешиваются «два смысловых и ценностных кругозора» [Бахтин, 118]. В речь повествователя посредством несобственно-прямой речи «вплетены» голоса героев, его точка зрения взаимодействует с точками зрения фокализаторов-персонажей («Сосновая поляна. Ася», «Аванградная. Варя и Вера», «Братаны», все рассказы второй части, кроме «Чувачков», «Проспект Стачек. Надя», «Регина и смерть», «Бабушка»). Так, например, в рассказе «Регина и смерть» читаем: «Электричка плывет, покачиваясь, в волнах солнца. Подумаем о работе. Где бы найти фрезеровщика, чтобы «Флорион» могли печь фирменные вафли с логотипом? И дрожь продирает Регину; Господи, чушь какая» [Букша, 2018: 250]. Первое предложение отрывка – замечание повествователя. Затем даны мысли героини в виде внутренней речи, прерывающиеся фрагментом третьеличного повествования

о внутреннем состоянии Регины («И дрожь продирает Регину»). Другой пример: «Ася и дети бывают здесь [в гостях у матери – Д. П.] раз в две-три недели. Дашка любит животных, как придут – бежит козу кормить. Пацаны – те на дорогу норвят, там лужи, можно погонять сдутый мяч. Удельываются, конечно» [Букша, 2018: 21]. Первое предложение принадлежит повествователю. Следующие – голос Аси. В рассказе «Авангардная. Вера и Варя» представлена точка зрения фокализатора – главной героини Веры: «Вера лежит закрыв глаза

изнанка век – в пятнах солнца от тополей, в тополином пуху, в зимний полдень – представляет себя Варей – как изымают, уводят и как сижу, курю, семки, магазин двадцать четыре часа...» [Букша, 2018: 44]. В текстах данного типа происходит постоянное переключение кругозоров. Обращение к подобным нарративным практикам связано, как нам кажется, с возвращением к субъектному синкретизму, или «нерасчленности автора и героя» [Теория, 2004: 20] Он востребован в современной литературе, с одной стороны, вследствие утраты четких границ, отделяющих *я* от *другого*, а с другой, подспудным желанием целостности, объединения с другими сознаниями, стремлением преодолеть процесс отчуждения, характерный для современного социума.

Л.Е. Муравьева в исследовании «Авторефлексивные стратегии репрезентации травмы в художественном нарративе» отмечает, что «нарратив в *trauma studies* рассматривается как один из основных инструментов конструирования травмированным сознанием новой идентичности» [Муравьева: 107] и что «...вопрос состоит в том, обладают ли нарративы о травме особым структурным единством, «навязываемым» затрудненными воспоминаниями о травматическом событии, или же такие нарративы ничем не отличаются от других нарративных практик, создаваемых под воздействием различных состояний» [Муравьева: 108]. Подобным «особым» единством обладает система персонажей, которая представляет собой сложно организованную структуру: один и тот же герой может являться доминирующим субъектом речи и действия в одном тексте, а затем появиться в качестве эпизодического персонажа или персонажа второго плана, занимая периферийную позицию. Сюжетные линии разных героев переплетаются в различных частях сборника. Так, например, в первом рассказе мы читаем историю об усыновлении Асей трех детей, а во второй и третьей частях книги представлены истории жизни этих детей. В «Чаше» героиню привлекает судьба одинокого «пацанчика», она слышит разговор о трагической гибели его матери, а в «Красном тазике» описывается ее убийство. Однако, несмотря на разнообразие историй, все они строятся по кумулятивной сюжетной схеме. «Схема кумулятивная <...> состоит

в нарастании и интенсивности однородных событийных эпизодов, ведущем к катастрофе» [Тюпа, 2016: 63]: Ася каждый раз при встрече с мамой пытается найти ответ на вопрос, кто ее отец. И если вначале ложь матери ее забавляет, в конце концов она начинает испытывать досаду и приближается к разгадке. Лев Наумович изо дня в день ходит по одному и тому же маршруту, размышляя о своем страшном открытии («Ключ внутри»). Катя пытается интерпретировать ряд эпизодов, связанных со странным поведением свекрови, неадекватно реагирующей на рождение внука («Бабушка»). «Финальная катастрофа связана с резкой сменой точки зрения <...> благодаря чему в новом освещении предстает исходная сюжетная ситуация» [Теория, 2012: 57]. В сборнике Букши эта «финальная катастрофа» имеет два варианта разрешения: положительный (герой обретает свое истинное «я») и трагический (герой погибает).

Окружающий героев мир синхронизирован с их душевным состоянием. Этому состоянию внутренней маргинальности, оторванности от внешнего мира и сосредоточенности на экзистенциальном поиске себя соответствует организация диегетического пространства. Топос центра автора не интересуется, он здесь упоминается лишь эпизодически. Герои – маленькие, незащищенные, непримечательные для других люди, которые живут на окраине Петербурга («Сосновая поляна. Ася»), в неустроенных «комнатушках» («Братаны»), пребывают в больницах («Авангардная. Варя и Вера», «Шарлатан», «Регина и смерть»), детдомах («Женя»). Городской пейзаж также изоморфен внутреннему состоянию героев: в рассказе «Сосновая поляна. Ася» сема *спокойствия* реализуется в двух планах: нарратор постоянно подчеркивает спокойствие природного мира («Вокруг спокойствие», «Очень спокойно вокруг», «Ветра совсем нет» [Букша, 2018: 9,10]), коррелирующее с итеративным описанием жизни главной героини, до поры до времени существующей в каком-то полузабвении («О бездетности Ася почти не переживала», «Ася совершенно не переживала...», «И Ася опять не переживала», «Ну а про детей Ася и вовсе не переживала и продолжала не переживать...») [Букша, 2018: 13, 14, 15]); заснеженное пространство рассказа «Авангардная. Варя и Вера» соотносится с «занесенным снегом мозгом» героини [Букша, 2018: 29], истощенной постоянным уходом за грудным ребенком; рационалистически увиденный урбанистический пейзаж «Ключа внутри» подобен математическим теориям Льва Наумовича (ср. «Между домами – джунгли дворов <...> Микрорайоны отделены друг от друга серыми улицами, широкими проспектами. Расставлены светофоры» [Букша, 2018: 123] и «Краткое время – с восемнадцатого века по середину двадцатого – человечество могло обманывать себя иллюзией «положительных знаний»,

попытками учета рисков и т. д. Но теперь мы ясно видим, что вокруг нас джунгли» [Букша, 2018: 122, 123]); депрессивное состояние Стаса из одноименного рассказа соотносится с финальным образом, созданным в сознании героя: «...а кругом полярная ночь... И так хорошо и спокойно, потому что солнца не будет никогда, никогда» [Букша, 2018: 173]); состояние находящегося на грани сумасшествия Якова Эмильевича («Шарлатан») усугубляется нестерпимой жарой, сгущающейся духотой. Герою удается вырваться из душного плена, что подчеркивается резкой сменой пейзажа («В Петербурге валит отвесный снег» [Букша, 2018: 208]), но этот побег призрачный, герой остается существовать в той жизни, которая ему глубоко чужда.

Отдельно стоит сказать о сквозном образе человечков, «чувачков» (на переплете и авантитуле книги приведено их изображение – рисунки Ксении Букши). Сначала на стене больницы человечков видит Варя, затем во второй части сборника о них рассказывает безымянный герой, речь которого, вероятно, представляет стенографическую запись беседы в психиатрической больнице, их рисует, а затем начинает видеть герой рассказа «Я – Максим», наконец, в последнем рассказе заключительные строки посвящены именно данному образу. Сюжет о человечках получает развитие: вначале они существуют только в виде настенных палочек, затем становятся частью сознания героев, наконец, герои перевоплощаются в этих человечков, они трансформируются в *мы*. Таким образом, в финальных словах сборника происходит объединение всех сюжетных линий в одну – о людях, уходящих «вереницей человечков» в тень, в небытие.

Помимо этого автор упоминает в разных рассказах одни и те же детали. Например, словом «мякенький» называет Рома младшего брата («Братаны»), а Вера – дочь («Авангардная. Вера и Варя»); деталью, маркирующей неустроенность, социальное неблагополучие, становятся рейтузы, упоминаемые в историях Аси, Веры и Нади. Нарастание и усиление мортальных мотивов в заключительной части прослеживается не только на уровне сюжетной линии (во всех рассказах, кроме «Я – Максим», герои погибают, хотя и «перерождение» персонажа из Игорька в Максима также можно считать смертью одной и рождением другой личности). Так, героини «Регины и смерти» и «Конечной» (в заголовках содержится уже прямое указание на трагический исход) во сне видят пепел. Только у Регины эта деталь связана с «выжженными холмами», а у нарратора финального рассказа с умершими Алешей и девушкой, которые стряхивают с себя этот пепел. Заметим, что сквозные детали присутствуют не только в рамках одного сборника, но и «скрепляют» разные книги Ксении Букши. Например, Вера («Авангардная. Вера и Варя»), представляет, что «лампа (желтая, как кусок сливочного масла)» [Букша,

2018: 30], а один из главных героев романа «Чуров и Чурбанов» «вдруг увидел <...> отражение лампы – удивительно круглое, чистое, желтое, как кусок сливочного масла» [Букша, 2020: 66], что позволяет предположить, что тексты этого автора обладают единым нарративным пространством.

Еще одним сквозным образом сборника является 306 маршрутка. На ней герои передвигаются по городу или упоминают о ней в ходе повествования: «Триста шестая въезжает на Автоковский путепровод...» («Сосновая поляна. Ася») [Букша, 2018: 26], «Конечно, мы сели на триста шестую и доехали до торгового центра» («Кампоты Гуха») [Букша, 2018: 73], «На станции Лигово Регина колеблется: не пересечь ли в триста шестую» («Регина и смерть») [Букша, 2018: 246], «И домой с ним ездить перестала, хотя нам было по пути...» («Конечная») [Букша, 2018: 281]. Примечательно, что и в названиях некоторых текстов содержится указание на остановки 306-й маршрутки («Сосновая поляна. Ася», «Авангардная. Вера и Вера», «Автоковский путепровод. Права», «Проспект Стачек. Надя», «Конечная»), заголовки трех частей также имитируют названия автобусных остановок. Вообще символика транспорта – одна из ведущих в сборнике. Так, именно в процессе езды Ася («Сосновая поляна. Ася») наконец находит ключ к разгадке своего появления на свет. Новый, счастливый этап в жизни Алисы («Автоковский путепровод. Права») начинается с момента, когда она «едет по кольцевой, огибая город» [Букша, 2018: 158]. Психиатр Яков Эмильевич («Шарлатан») решает совершить побег из невыносимой жизни, передвигаясь на электричке и троллейбусе. Герой рассказа «Я – Максим» осознал себя другим человеком в момент, когда чуть не погиб на железной дороге, а затем и вовсе ему кажется, что он – паровоз («и я почему-то подумал: ну вот, прощайся с жизнью паровоз Максим» [Букша, 2018: 223]). С одной стороны, появление маршрутки, образ которой отсылает нас к мифологемам эпохи модернизма (вспомним, к примеру, «Змея поезда» В. Хлебникова или «Адище города» В. Маяковского), сигнализирует о неотвратимости пути, безвыходности ситуации, необходимости следовать своему жизненному «маршруту» в соответствии с установками прецедентной картины мира, «не оставляющей персонажам возможности уклонения от их статусной предназначенности» [Тюпа, 2016: 81]. С другой стороны, обязательность следования своему пути в маршрутке не так однозначна, заданный порядок можно изменить. Так и герои Букши меняют свое ментальное состояние.

Повтор названия заключительной части сборника в заголовке последнего рассказа («Конечная») образует своеобразное композиционное кольцо. Однако сема *смерти*, являющаяся ведущей в данном рассказе и части в целом, получает дополни-

тельную коннотацию, трансформируясь в мотив спасения после смерти: «И если можно что-нибудь исправить, я прошу об этой возможности, я сделаю для этого все. Мы возьмемся за руки, мы уйдем в тень, цепочкой, вереницей человечков, зачерченные, сгоревшие, как головки спичек, как то, что остается от сидящего против света, когда закрываешь глаза» [Букша, 2018: 284]. В этом рассказе на содержательном уровне актуализированы все три смысловые доминанты сборника: «Детдом» – рассказчица вспоминает о школьных годах и своих взаимоотношениях с погибшим одноклассником; «Дурдом» – повествование о «необычном, странном» однокласснике Лешке с душевной болезнью; «Конечная» – самоубийство героя и сон рассказчицы, в котором она видит Лешку, говорящего о своей смерти. Героиня сама в этом сне находится между жизнью и смертью и хочет уйти в тень, то есть умереть. При этом она помнит, что во сне Лешка с «говорящей» фамилией Аминов («Аминь» – заключительное слово молитвы) рассказывает о том, что «все, кто умирает на Пасху, на Святой неделе, воскресают здесь» [Букша, 2018: 282]. Таким образом, казалось бы единственно возможное понимание смыслового наполнения данного рассказа и сборника в целом становится амбивалентным: окончательного решения автор не дает. Да, герои стремятся уйти в тень, но и жизнь по эту сторону невыносима, человек в ней сгорает («...я не могу больше сидеть с этой стороны, я сгораю! – и я понимаю, что значит пересечь в тень, но знаю и то, что это лучше, много лучше, чем сгорать так, как я сгораю» [Букша, 2018: 283]). Мотивы смерти и воскрешения перемежаются в данном тексте: героиня начинает повествование с рассказа о том, как пошла выкидывать в полиэтиленовом мешке вещи недавно умершей матери; следующий эпизод начинается со слов «Началось все с моего дня рождения» [Букша, 2018: 274], в которых семантика зарождения чего-то нового дублируется («началось», «день рождения»); третий, не менее важный эпизод – передача отцом погибшего Лешки рассказчице полиэтиленового мешка с записями стихов сына. Очевидно, что такой эпизод апеллирует к освещенной в культуре семантике поэтического слова как ключа к бессмертию. Таким образом, повторяющаяся деталь становится символом обретения героиней нового смысла жизни: спасти себя и других, объединившись, даже если это возможно лишь по смерти.

Таким образом, в сборнике рассказов Ксении Букши последовательно реализуется инвариантный сюжет отчужденности героев от своего «я» и попытка его преодоления. Смысловым центром каждого текста становится преодоление инерции существования, изменение ментального состояния, которое является «существенным компонентом повествования» [Шмид, 2017]; событием – не поступ-

ки героев, которые можно соотнести с реалиями национальной или мировой истории, а пересмотр своего существования. Травма отчужденности личности от себя и окружающих отражена в повествовательной структуре сборника: мы наблюдаем формальную плюралистичность субъектов речи, обнаруживающих, тем не менее, содержательное единство репрезентированных текстом сознаний. Пытаясь преодолеть кризис идентичности, герои либо обретают свое «я», либо их жизнь трагически обрывается. Этот смысловой вектор и обеспечивает, несмотря на внешнюю фрагментарность, единство сборника на структурном уровне (единая схема сюжетосложения, композиционное оформление, система сквозных образов и деталей). Вследствие этого можно говорить об уникальной жанровой природе произведения. Тексты связаны гораздо теснее, чем в сборнике рассказов или в цикле. Вероятно, перед нами своеобразный «роман в рассказах», свидетельствующий как о затрудненности создания целостного художественного высказывания в условиях кризиса нарративности, так и насущной потребности в этой целостности.

Список литературы

- Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.
- Букша К.С.* Открывается внутрь. М.: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2018. 283 с.
- Букша К.С.* Чуров и Чурбанов. М.: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2020. 284 с.
- Муравьева Л.Е.* Авторефлексивные стратегии репрезентации травмы в художественном нарративе (на материале современной французской литературы) // Поэтика и прагматика нарративных практик: коллективная монография / отв. ред. В.И. Тюпа; редкол. Е.Ю. Козьмина, О.В. Федунина. Екатеринбург: ИНТМЕДИА, 2019. С. 104–125.
- Теория литературных жанров / М.Н. Дарвин, Д.М. Магомедова, Н.Д. Тамарченко и др.; под ред. Н.Д. Тамарченко. М.: Издательский центр «Академия», 2012. 256 с.
- Теория литературы: в 2 т. / под ред. Н.Д. Тамарченко. М.: Издательский центр «Академия», 2004. Т. 2. 368 с.
- Тюпа В.И.* Нарратология идентичности // Поэтика и прагматика нарративных практик: коллективная монография / отв. ред. В.И. Тюпа; редкол. Е.Ю. Козьмина, О.В. Федунина. Екатеринбург: ИНТМЕДИА, 2019. С. 81–104.
- Тюпа В.И.* Введение в сравнительную нарратологию. М.: Intrada, 2016. 145 с.
- Шмид В.* Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2008. 304 с.
- Шмид В.* Изображение сознания в художественной прозе // Narratorium. 2017, № 1 // URL: <http://narratorium.rggu.ru/article.html?id=2637242> (дата обращения: 02.04.2020)

References

- Bahtin M.M. *Voprosy literatury i estetiki* [Questions of literature and esthetics]. Moscow, Hudozhestvennaja literature Publ., 1975. 504 p. (In Russ.)
- Buksha K.S. *Otkryvaetsia vnutr'* [Opens inward]. Moscow, AST Publ.: Redaktsiia Eleny Shubinoi, 2018. 283 p. (In Russ.)
- Buksha K.S. *Churov i Churbanov*: [Churov and Churbanov]. Moscow, AST Publ.: Redaktsiia Eleny Shubinoi, 2020. 284 p. (In Russ.)
- Murav'eva L.E. *Avtorefleksivnye strategii reprezentatsii travmy v khudozhestvennom narrative (na materiale sovremennoi frantsuzskoi literatury)*. [Autoreflexive strategies of trauma representation in the fiction narrative (based on Modern French Literature)]. *Poetika i pragmatika narrativnykh praktik: kollektivnaia monografiia*, ed. by V.I. Tiupa; redkol. E.Iu. Koz'mina, O.V. Fedunina. Ekaterinburg, INTMEDIA Publ., 2019. pp. 104–125. p. (In Russ.)
- Teoriia literaturnyi zhanrov: ucheb. posobie dlia stud. uchrezhdenii vyssh. prof. obrazovaniia*. [Theory of literary genres]. M.N. Darvin, D.M. Magomedova, N.D. Tamarchenko i dr.; ed by N.D. Tamarchenko. Moscow, «Akademii» Publ., 2012. 256 p. (In Russ.)
- Teoriia literatury: v 2 t.* [Theory of literature: in 2 vols], ed. by N.D. Tamarchenko. Moscow, «Akademii» Publ., 2004. Vol. 2. 368 p. (In Russ.)
- Tiupa V.I. *Narratologiia identichnosti* [Narratology of Identity]. *Poetika i pragmatika narrativnykh praktik: kollektivnaia monografiia*, ed. by V.I. Tiupa; redkol. E.Iu. Koz'mina, O.V. Fedunina. Ekaterinburg, INTMEDIA Publ., 2019. pp. 81–104. (In Russ.)
- Tiupa V.I. *Vvedenie v sravnitel'nuu narratologiiu* [Introduction to comparative narratology]. Moscow, Intrada Publ., 2016. 145 p. (In Russ.)
- Shmid V. *Izobrazhenie soznaniia v khudozhestvennoi proze* [Representation of consciousness in fiction]. // *Narratorium*. 2017, №1. URL: <http://narratorium.rggu.ru/article.html?id=2637242> (access date: 02.04.2020). (In Russ.)
- Shmid V. *Narratologiia* [Narratology]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2008. 304 p. (In Russ.)

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-204-210
УДК 342.7

Грудинин Никита Сергеевич
Московский государственный лингвистический университет

УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА В РОССИИ

Статья посвящена исследованию вопроса об условиях формирования подлинно правового государства в Российской Федерации. Отмечается, что процесс формирования правового государства не является одномоментным и требует значительных усилий как со стороны государства, так и со стороны общества. Подчеркивается, что ключевыми условиями, которые способны обеспечить эффективное функционирование правового государства в России, выступают уважение гражданами положений Конституции 1993 года и готовность их соблюдения во взаимодействии с государством, независимость и самостоятельность судебной власти, реальное и рациональное разделение властей, функционирование законодательных органов власти в соответствии с интересами граждан Российской Федерации. По мнению автора, доверие к Конституции и ее способность обеспечить социальный прогресс в целом – основание для укрепления правовой государственности Российской Федерации в долгосрочной перспективе. Автор приходит к выводу, что прочность конструкции правовой государственности в России базируется на стабильности основ конституционного строя и фактическом верховенстве Конституции Российской Федерации, ее способности подчинить своему действию всех без исключения граждан страны и должностных лиц органов публичной власти.

Ключевые слова: правовое государство, Конституция Российской Федерации, социальный вектор, правосознание, правосудие.

Информация об авторе: Грудинин Никита Сергеевич, ORCID 0000-0002-4889-4483, кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права, ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет», г. Москва, Россия.

E-mail: nekit-07@mail.ru

Дата поступления статьи: 15.03.2020.

Для цитирования: Грудинин Н.С. Условия формирования правового государства в России // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 2. С. 204–210. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-204-210.

Nikita S. Grudinin
Moscow State Linguistic University

THE CONDITIONS FOR THE FORMATION OF THE SYSTEM OF THE RULE OF LAW IN RUSSIA

The article is devoted to the study of the conditions for the formation of a truly legal state in the Russian Federation. It is noted that the process of formation of the system of the rule of law requires significant efforts both by the state and by society. It is also emphasised that the key conditions that can ensure the effective functioning of the rule of law in Russia are the respect of the provisions of the Constitution of 1993 by citizens and the willingness to comply with those provisions in cooperation with the state, the independence of the judiciary, the real and rational separation of powers, the functioning of legislative bodies in accordance with the interests of citizens of the Russian Federation. According to the author's opinion, trust in the Constitution and its ability to ensure social progress in general is the basis for strengthening the legal statehood of the Russian Federation in the long term. The author concludes that the strength of the construction of legal statehood in Russia is based on the stability of the constitutional system and the supremacy of the Constitution of the Russian Federation, its ability to subordinate to its action all citizens of the country and officials of public authorities.

Keywords: rule of law, Constitution of the Russian Federation, social vector, legal consciousness, justice.

Information about the author: Nikita S. Grudinin, ORCID 0000-0002-4889-4483, Candidate of Legal Sciences, Department of International Law, Associate Professor, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia.

E-mail: nekit-07@mail.ru

Article received: March 15, 2020.

For citation: Grudinin N.S. The conditions for the formation of the system of the rule of law in Russia. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 2, pp. 204–210 (In Russ.). DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-204-210.

Правовое государство – уникальный социально-правовой феномен, который ставит государство и общество под контроль закона. Подчинение закону всех граждан и должностных лиц органов государственной власти и местного самоуправления, а также их готовность соизмерять свои действия и поступки с предписаниями и установлениями законов свидетельствуют о значительном приближении конкретного государства к состоянию развитого правового государства. Формирование правового государства – процесс достаточно продолжительный по времени, он требует огромных усилий как непосредственно от самого государства, так и от его граждан. При этом правовое государство не может создаться одномоментно.

К сожалению, большую часть своей истории наша страна развивалась преимущественно как государство, в котором закон и право в широком смысле этого слова были определенным инструментом в руках правящих элит. Применение права носило субъективный характер и было направлено на достижение конкретных целей. Достаточно показательным в этом плане является опыт Российской империи, которая всячески разделяла права подданных из правящих сословий и сословий, которые находились в зависимом положении и не обладали всей полнотой гражданских и политических прав. Серьезным образом ситуация стала меняться лишь с образованием СССР, который провозгласил принцип равноправия всех граждан молодой Советской республики. Однако многие права и свободы, которые декларировались советскими Конституциями, во многом так и остались установлениями на бумаге, а на практике вся жизнедеятельность Советского государства была подчинена политической монополии одной партии [Бекишиева: 1700–1702].

Следует особо отметить, что кардинальным образом ситуация поменялась лишь с принятием в 1993 году многонациональным народом России новой Конституции, которая уже в ст. 1 зафиксировала положение о том, что Российская Федерация является демократическим правовым государством. Значение данного конституционного установления трудно недооценивать. Именно благодаря ему Россия определила вектор развития своей правовой государственности на долгие десятилетия вперед, поскольку положения главы 1 Конституции 1993 года не подлежат изменению и пересмотру, служа тем самым надежной платформой для стабильного функционирования государства.

К сожалению, необходимо подчеркнуть, что одной фиксации в тексте Конституции положения о том, что Россия является правовым государством, явно недостаточно для того, чтобы наша страна стала в один момент правовым государством. Необходимо, чтобы те признаки, кото-

рые были выработаны государственно-правовой доктриной для термина «правовое государство», трансформировались в практическую плоскость, переросли в конкретные условия его формирования, реализация которых и позволит приблизить Россию к идеалам правового государства. В этой связи в данном исследовании предпринимается попытка проанализировать, каким образом в современной России реализуются условия формирования правового государства.

Представляется, что в соответствии с классическим пониманием правового государства таковым может быть только то государство, в котором соблюдается принцип верховенства закона во главе с Конституцией. Именно поэтому утверждение идеи господства закона, идеи конституционализма должно, как представляется, стать ключевым условием формирования подлинно правового государства в России. Следует констатировать тот факт, что ведущая и системообразующая роль Конституции как основного закона страны всячески образом презюмируется в выступлениях высшего руководства страны. Так, в своих многочисленных выступлениях Президент Российской Федерации В.В. Путин достаточно четко дал понять, что именно Конституция Российской Федерации является основным фундаментом современной российской правовой государственности, именно по этой причине она должна всячески охраняться и защищаться: «Мы должны бережно относиться к Конституции нашей страны... Если каждый вновь приходящий глава государства будет менять Конституцию под себя самого, то от этого государства скоро ничего не останется»¹. Именно с этой целью в тексте Конституции были предусмотрены гарантии стабильности ее нормативного содержания: усложненный порядок внесения поправок в главы 3–8 и невозможность изменения положений глав 1, 2 и 9, утверждающих в том числе основы конституционного строя России, систему прав, свобод и обязанностей человека и гражданина.

Утверждение Конституции как базовой ценности, ядра правового государства, той основы, в которой граждане ощущают свое государство как подлинно правовое, сегодня активно продолжается. На отношение граждан к Конституции страны оказывает прямое влияние наличие ряда недостатков и умолчаний, которые, безусловно, снижают степень эффективности реализации ее основных положений и работоспособность государственного аппарата. Среди них могут быть названы отсутствие в тексте Конституции специальной главы, посвященной основам избирательной системы, отсутствие гарантий достойного уровня жизни и оплаты труда, социального обеспечения нуждающихся категорий граждан, расплывчатая формулировка механизма формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации,

отсутствие нормы, обязывающей государство обеспечивать охрану природы и окружающей среды, а также реализацию единой государственной экологической политики, исключение Генерального прокурора Российской Федерации и Председателя Следственного комитета Российской Федерации из числа субъектов, которые обладают правом законодательной инициативы по вопросам, относящимся к их ведению, отсутствие нормы о финансовой самостоятельности Верховного Суда Российской Федерации и ряд других. Все эти проблемы, несомненно, сдерживают поступательное развитие России как правового государства, в котором деятельность органов государственной власти и граждан строго регламентирована законом. Нечеткость в правовом регулировании функционирования отдельных государственных институтов порождает недоверие к их работе у граждан: возникает разрыв между ожиданиями граждан и фактической работой институтов власти, что формирует правовой нигилизм и недоверие к праву, Конституции и законам страны.

Испытывая определенные трудности в процессе реализации своих отдельных положений, таким образом, Конституция Российской Федерации, бесспорно, не способствует укреплению идеи конституционализма и развитию конституционного правосознания в современной России. Думается, что подобное положение вещей обусловлено не только отдельными недостатками Конституции 1993 года, но и является следствием отсутствия концепции государственной политики по повышению уровня доверия граждан к Конституции Российской Федерации и основным институтам государственной власти. Так, согласно данным опроса общественного мнения, проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения в декабре 2016 года, только 34 % россиян заявили о том, что Конституция 1993 года играет значительную роль в жизни общества, поддерживает правопорядок, защищает их права и свободы. 32 % граждан выразили мнение, что действующая Конституция играет незначительную роль для развития общества, а 27 % убеждены в том, что Конституция существует лишь на бумаге и не играет никакой роли в жизни страны².

Важно понимать, что последовательное движение по пути укрепления и развития конституционного правосознания предопределяет действенность и эффективность самой Конституции: конституционное правосознание так или иначе способствует укреплению в обществе идеи конституционализма, ее приближению к ценностным предпочтениям граждан. В свою очередь уважение к Конституции и законам государства – это прямой путь к построению правового государства, господству режима законности и правопорядка, признанию и соблюдению прав и свобод человека и гражданина. Не-

возможно создать подлинно правовое государство, если сами граждане (не говоря уже о чиновниках) не готовы соблюдать Конституцию и не признают ее авторитет и верховенство в правовой системе.

Представляется, что эффективность функционирования любого нормативно-правового акта детерминирована не только качеством его предписаний, она соотнобразуется с векторами развития государства и общества, существующими представлениями о добре и зле, законности и справедливости. Не является в этом плане исключением и действующая Конституция Российской Федерации, степень воздействия которой на процессы, происходящие внутри государства и общества, предопределяется во многом самим отношением граждан к ее основным положениям, степени их реализации и работоспособности на практике. В этой связи необходимо подчеркнуть, что уровень доверия граждан к нормам Конституции Российской Федерации 1993 года является необходимым условием для укоренения конституционализма и развития конституционного правосознания у граждан России: разрыв между конституционной нормой и отношением к ней со стороны граждан неизбежно приводит к распространению конституционно-правового нигилизма и неприятию Конституции в обществе. Пренебрежительное отношение к Конституции в свою очередь препятствует усвоению ее норм, а конституционное правосознание граждан и идея правового государства оказываются номинальными и бесполезными на практике.

Сложившийся в российском обществе стереотип о том, что Конституция 1993 года играет несущественную роль в жизни страны и общества, приводит и к отрицанию идеи верховенства закона как такового, и к убеждению в возможности отступления от требований законов, совершения различного рода преступлений и правонарушений. Вероятно, до тех пор, пока у граждан России не сформируется уважение и признание Конституции как базы развития и функционирования всей системы общественных отношений, основы для взаимодействия между личностью и государством, идея правового государства в нашей стране будет продолжать сталкиваться с серьезными трудностями. Представляется, что укрепление и развитие конституционного правосознания граждан Российской Федерации, являющееся фактором формирования правового государства, должно быть признано одной из основных задач государственно-правовой политики Российской Федерации на ближайшие десятилетия. Решение этой задачи, по мнению автора настоящей работы, должно осуществляться по следующим основным направлениям:

1. Распространение знаний о Конституции России 1993 года и конституционализме в целом среди россиян, ознакомление граждан с текстом и основными положениями действующей Конституции.

2. Дальнейшее совершенствование нормативных положений текста Конституции 1993 года в направлении усиления социальной составляющей, уточнения взаимных прав и обязанностей государства и личности, развития института конституционно-правовой ответственности должностных лиц и государственных органов за действия, наносящие ущерб интересам государства и общества.

3. Создание необходимых условий (социально-экономических, политических, организационных, идеологических и др.) для полноценного осуществления конституционных предписаний в деятельности институтов государственной власти, политических партий и общественных объединений, укрепления идеи конституционализма в Российской Федерации.

Последовательное движение по данному пути, как представляется, способно оказать реальное содействие в деле повышения уровня конституционного правосознания граждан в современной России, развития идеи конституционализма и правового государства в целом. Привитие ценностей конституционализма в свою очередь рано или поздно должно оказать позитивное влияние на общий уровень правосознания граждан России, что с неизбежностью отразится на уважении, признании и соблюдении Конституции и законов Российской Федерации: Конституция будет не только на словах, но и на деле восприниматься как основной закон государства, который должен чтить и соблюдать каждый гражданин. Только в таком случае авторитет Конституции и всей системы законодательства будет достаточно весомым для граждан страны, что, несомненно, позволит реализовать идею о господстве права и Конституции в России. Данный путь будет долгим, но без принятия Конституции обществом и защиты ею интересов всего народа невозможно добиться реализации идеи правового государства на практике.

Вторым условием формирования подлинно правового государства в России, как представляется, является обеспечение развития подлинно независимой судебной системы, привитие уважения к закону гражданам нашей страны. В этой связи хотелось бы отметить следующее.

Судебная система Российской Федерации и ее деятельность по поддержанию режима законности и правопорядка в обществе, утверждению правосудия и наказанию лиц, совершивших преступление, – это необходимая основа существования подлинно правового государства. В свою очередь, справедливые судебные решения, олицетворяющие собой само правосудие и способность государства адекватным образом наказать лиц, виновных в нарушении закона, повышают доверие граждан к самой власти, но самое главное – они укрепляют в людях доверие к закону, к тому, что в государстве перед законом все равны, а за любое противоправ-

ное деяние неминуемо наступит соответствующая юридическая ответственность. Получается, что деятельность судебной системы по осуществлению правосудия и наказанию лиц, виновных в совершении различного рода правонарушений, утверждает Российскую Федерацию как подлинно правовое государство [Деряга, Хабирова: 110–112].

Сказанное означает как минимум два момента. Во-первых, вся деятельность судебной системы и судей как лиц, наделенных правом осуществлять правосудие, должна быть подчинена требованиям закона. Во-вторых, все решения, которые принимаются судами, должны быть нацелены на восстановление попорченной противоправным деянием социальной справедливости и защиту прав и свобод человека и гражданина [Безгласная, Рыжкова: 88–91].

Рассматривая вопрос об осуществлении правосудия в современной России, следует сказать, что в нашей стране создана эффективная судебная система, которая включает в свое содержание суды первой, апелляционной, кассационной и надзорной инстанции. Во главе данной системы находится Верховный Суд Российской Федерации, чья деятельность направлена на координацию работы нижестоящих судебных инстанций. Именно Верховный Суд определяет в рамках своей компетенции то, каким образом должен защищаться от возможных посягательств закон, чтобы в максимальной степени обеспечивать защиту нарушенных прав и свобод человека и гражданина в нашей стране. По этой причине нельзя не сказать о том, что именно деятельность Верховного Суда Российской Федерации, направленная на совершенствование норм гражданского, административного и уголовного законодательства, является необходимым условием дальнейшего развития России как правового государства. Не случайно во многих зарубежных странах судебная практика, вырабатываемая Верховными Судами, рассматривается в качестве необходимого дополнения к действующему законодательству, которое, испытывая определенные сложности при разрешении конкретных правовых ситуаций, решающую роль в восстановлении нарушенного права отводит именно позиции судебной системы во главе с Верховным Судом.

Представляется, что вся деятельность Верховного Суда Российской Федерации должна быть нацелена на дальнейшее утверждение судебного решения как акта справедливости, который восстанавливает нарушенные права и свободы граждан. Сказанное можно проиллюстрировать на примере уголовного закона и судебного приговора по уголовным делам. Так, в соответствии с положениями Конституции Российской Федерации уголовное законодательство в качестве своей основной цели и задачи провозглашает охрану и защиту прав, свобод и интересов граждан от противоправных (преступных) посяга-

тельств. В этом смысле приговор суда, провозглашаемый от имени Российской Федерации, есть акт восстановления справедливости, олицетворяющий собой силу государства и его способность воздать лицу за содеянное им преступление на основе закона [Плотникова: 38–39]. Достижение справедливости не может идти в разрез с правом и законом, а сам факт восстановления справедливости укрепляет у гражданина авторитет закона и необходимость следования правовым предписаниям. Справедливый судебный приговор – это неотъемлемая черта подлинно правового государства.

Следует отметить, что, устанавливая вину лица, совершившего преступное деяние, закон предлагает судье оценивать доказательства с точки зрения относимости, допустимости и достоверности, предоставляя определенную свободу оценки, которая проистекает из принципа состязательности сторон. Однако представляется, что это не должно увести судьбу от необходимости установления объективной истины, которая позволяет принять как законное, так и справедливое судебное решение, соответствующее характеру и степени общественной опасности деяния, обстоятельствам его совершения и личности виновного.

Оценка личности осужденного предполагает выявление социальных особенностей лица, его поведения до и после совершения преступления, отношение к семье, работе, правопорядку, окружающим и другим жизненным ценностям, что позволяет решить, являлось ли общественно-опасное деяние закономерным результатом формирования личности подсудимого или оно носило случайный характер, спрогнозировать его дальнейшее поведение на предмет рецидивности. Однако встречаются иные подходы, которые зачастую свидетельствуют о возложении части вины за наступившие опасные последствия на потерпевшего, что может отразиться на справедливости приговора и привести к снижению авторитета суда.

Несомненно, установление всех фактов и обстоятельств по делу, наличие смягчающих и отягчающих обстоятельств, личность подсудимого – именно эти факторы и позволяют суду вынести справедливый, законный и обоснованный приговор, что в свою очередь повышает авторитет судебной власти, способствует утверждению идеи справедливого и независимого правосудия, укрепляет Россию как правовое государство. Высокая степень доверия к суду и судье как носителю судебной власти должна в этих условиях оправдываться принятием справедливых, обоснованных решений, не нарушающих права личности и обеспечивающих конституционные права и свободы человека и гражданина [Сулейманов: 240–241].

К сожалению, в современной России независимость и самостоятельность судебной власти, зафиксированная в Конституции 1993 года, на прак-

тике порой нарушается. Правовые позиции судов различных уровней подвержены влиянию других ветвей власти, политических партий и даже отдельных политиков, которые пытаются с телевизионных экранов оказать (пусть и косвенное) воздействие на принимаемые судами решения. Вероятно, с этой целью в Конституции Российской Федерации должна появиться норма следующего содержания: «Вмешательство в процессуальную деятельность суда при отправлении правосудия и оказание давления на судей недопустимы. Попытка вмешательства в осуществление правосудия влечет за собой ответственность, предусмотренную законодательством Российской Федерации, а также лишение лица должности государственной или муниципальной службы». Кроме того, не следует забывать и о финансовой основе в деятельности судебной системы. Представляется целесообразным поставить вопрос о передаче финансово-хозяйственных полномочий Судебного департамента при Верховном Суде непосредственно самому Верховному Суду. Сильная судебная власть – это еще и финансово независимая власть. Правовое государство не заработает в полную силу там, где суды зависят от чиновников и денежных вливаний.

Третьим условием построения подлинно правового государства в нашей стране является реальное и рациональное разделение властей и функционирование органов народного представительства в соответствии с интересами граждан Российской Федерации.

В соответствии с классическим пониманием теории разделения властей осуществление государственно-властных полномочий предполагает невозможность одной ветви власти диктовать свои условия другим ветвям, то есть их независимость друг от друга. При этом действия каждой из 3 ветвей власти должны соответствовать идее народовластия, осуществляться с учетом интересов граждан государства. В этой связи нельзя не сказать, что в подлинно правовом государстве должна быть сильная законодательная власть, которой народом передается (делегируется) мандат на управленческие дела государства. Законодательная власть в лице парламента должна быть независима от правительства, а законы, принимаемые парламентом, должны работать на всеобщий интерес. Только тогда, когда в России будет найден оптимальный баланс во взаимоотношениях между парламентом и правительством, способный обеспечить подлинное представительство граждан в органах законодательной власти, можно будет говорить о том, что законы отражают интересы всего общества в целом, а значит, идея господства права, правовых законов и правового государства является не абстракцией, а реальностью.

Как известно, традиционный взгляд на систему разделения властей предполагает выделение

3 ветвей власти – законодательной, исполнительной, судебной. Однако, как представляется, современное развитие государства наглядно демонстрирует, что существуют достаточно серьезные основания для того, чтобы выделить еще одну ветвь власти – власть президентскую. Думается, что именно институт президентуры в Российской Федерации является основой для построения подлинно правового государства, поскольку в соответствии с Конституцией 1993 года именно Президент России выступает гарантом прав и свобод человека в нашей стране, на него также возлагается функция обеспечения согласованного функционирования 3 остальных ветвей власти – законодательной, исполнительной и судебной. В этой связи необходимо отметить, что с целью дальнейшего развития института президентуры, как отмечается в литературе, необходимо скорейшее принятие федерального закона «О Президенте Российской Федерации» [Гриб: 34]. В указанном федеральном законе могли бы получить детализацию отдельные вопросы, связанные с взаимодействием главы государства с органами законодательной и исполнительной власти, его контрольные полномочия в отношении всех трех ветвей власти, а также его ответственность за деятельность, противоречащую интересам государства, а также нарушающую нормы Конституции. Принятие такого закона в первую очередь должно способствовать укреплению статуса Президента и, как следствие, укреплению правовой государственности России.

Затрагивая вопрос об эффективности функционирования органов законодательной власти, следует признать, что в настоящее время деятельность Федерального Собрания Российской Федерации по осуществлению законодательной, представительной и контрольной функций следует признать в целом эффективной. Конституцией 1993 года Федеральному Собранию уготована такая важная роль, как обеспечение внутривластного баланса в законодательной работе. Последовательное стремление к усилению роли парламента России как единственной площадки для нахождения компромиссов должно уберечь страну от революционных потрясений в будущем.

Последовательному укреплению законодательной власти в Российской Федерации препятствует отсутствие федерального закона «О Федеральном Собрании – парламенте Российской Федерации», отсутствие стабильного порядка формирования Совета Федерации и Государственной Думы Российской Федерации, закрепленного непосредственно в тексте Конституции 1993 года, а также неспособность Федерального Собрания Российской Федерации проводить самостоятельную законодательную и контрольную деятельность [Фомичева: 54–55]. Вместе с тем в рамках конституционной реформы, которая проходит в России в настоящее

время по инициативе Президента Российской Федерации В.В. Путина, полномочия Государственной Думы Российской Федерации предлагается существенно расширить. Так, обновленная редакция ст. 103 Конституции Российской Федерации³ предусматривает, что Председатель Правительства Российской Федерации, его заместители, а также федеральные министры будут утверждаться решением Государственной Думы. Представляется, что данная поправка к Конституции 1993 года является своевременным шагом, который позволит значительно укрепить статус Государственной Думы Российской Федерации как центра принятия политических решений, усилить роль парламента в системе разделения властей, а значит, укрепить и правовое государство. Государство, построенное на эффективном разделении властей, взвешенном балансе полномочий президента и парламента, является устойчивым к различного рода дестабилизирующим факторам в долгосрочной перспективе.

Таким образом, резюмируя сказанное, следует отметить, что построение правового государства в современной Российской Федерации – это непрерывно продолжающийся процесс, в основе которого лежат соответствующие положения Конституции Российской Федерации. Конституция Российской Федерации и конституционализм в широком смысле – это необходимая база для построения подлинно правового государства. Вместе с тем для формирования полноценного правового государства необходимо выполнение ряда условий, которые позволят перевести конституционное установление о правовом государстве в практическую плоскость. Среди данных условий можно выделить последовательную реализацию принципа верховенства закона во главе с Конституцией 1993 года, развитие конституционного правосознания и уважения к закону у граждан России, повышение эффективности деятельности судебной системы Российской Федерации по законному и справедливому осуществлению правосудия, повышение статуса Президента и парламента Российской Федерации.

Примечания

¹ Путин: «Мы должны бережно относиться к Конституции нашей страны». URL: <https://ria.ru/politics/20131209/980567465.html> (дата обращения: 12.03.2020).

² Всероссийский опрос ВЦИОМ «Какую роль, по Вашему мнению, сегодня играет Конституция в жизни России?». URL: https://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=1152&q_id=77187&date=04.12.2016 (дата обращения: 12.03.2020).

³ О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти: закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации

от 14.03.2020 г. № 1-ФКЗ // Собрание Законодательства РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.

Библиографический список

Безгласная О.А., Рыжкова Е.В. Вопросы реформирования системы судебной власти в Российской Федерации // Правовая политика и правовая жизнь. 2014. № 3. С. 88–92.

Бекишиева С.П. Историческое развитие идеи верховенства права // Политика и общество. 2016. № 12. С. 1700–1707.

Гриб В.В. Президент РФ – объект общественного контроля? // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 8. С. 34–36.

Деряга Р.Ф., Хабирова Э.Э. Судебная система РФ: проблемы развития и пути их решения // NovaInfo.Ru. 2016. Т. 2. № 41. С. 110–112.

Плотникова Э.Д. Судебная власть как основа формирования демократического и правового государства в РФ // Молодежь в науке: новые аргументы: сб. науч. работ. Липецк, 2016. С. 38–44.

Сулейманов Б.Б. Суд в системе государственной власти (методологические аспекты) // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 3. С. 239–244.

Фомичева О.А. Механизм осуществления контрольной власти парламентом // Lex Russica. 2017. № 4 (125). С. 52–60.

References

Bezglasnaia O.A., Ryzhkova E.V. *Voprosy reformirovaniia sistemy sudebnoi vlasti v Rossiiskoi Federatsii* [Reform issues of the judicial system in the Russian Federation]. *Pravovaia politika i pravovaia*

zhizn' [Legal policy and legal life], 2014, № 3, pp. 88–92. (In Russ.)

Bekishieva S.R. *Istoricheskoe razvitie idei verkhoventva prava* [The historical development of the idea of the rule of law]. *Politika i obshchestvo* [Politics and Society], 2016, № 12, pp. 1700–1707. (In Russ.)

Grib V.V. *Prezident RF – ob"ekt obshchestvennogo kontroliia?* [Is the President of the Russian Federation the subject of the public control?]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and municipal law], 2016, № 8, pp. 34–36. (In Russ.)

Deriaga R.F., Khabirova E.E. *Sudebnaia sistema RF: problemy razvitiia i puti ikh resheniia* [The judicial system of the Russian Federation: development problems and ways of resolving]. *NovaInfo.Ru*, 2016, vol. 2, № 41, pp. 110–112. (In Russ.)

Plotnikova E.D. *Sudebnaia vlast' kak osnova formirovaniia demokraticeskogo i pravovogo gosudarstva v RF* [Judicial power as the basis for the formation of a democratic and legal state in the Russian Federation]. *Molodezh' v nauke: novye argument: sb. nauch. rabot* [Youth in Science: New Arguments]. Lipetsk, 2016, pp. 38–44. (In Russ.)

Suleimanov B.B. *Sud v sisteme gosudarstvennoi vlasti (metodologicheskie aspekty)* [The Court in the system of state power (methodological aspects)]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava* [Actual problems of Russian law], 2013, № 3, pp. 239–244. (In Russ.)

Fomicheva O.A. *Mekhanizm osushchestvleniia kontrol'noi vlasti parlamentom* [The mechanism for exercising control power by the Parliament]. *Lex Russica*, 2017, № 4 (125), pp. 52–60. (In Russ.)

DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-211-216
УДК 343.3

Черкасов Константин Валерьевич
Всероссийский государственный университет юстиции,
Российский государственный гуманитарный университет,
Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина
Пиптюк Анна Викторовна
Российский государственный гуманитарный университет

БИЗНЕС И НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: СОВРЕМЕННОЕ ВОСПРИЯТИЕ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Весна 2020 года ознаменована тяжелым экономическим кризисом, обусловленным распространением новой коронавирусной инфекции, падением цен на нефть и нестабильностью мировой экономики. В сложившейся ситуации введения ограничительных мер многие предприниматели лишены возможности оказывать услуги или продавать товары, а потребители – воспользоваться ими и приобретать их. Происходит ограничение принципа свободы предпринимательской деятельности в целях обеспечения защиты жизни и здоровья населения. Сложившиеся обстоятельства требуют от государства соответствующих правовых решений экономической направленности, в числе которых – разработка системы мер поддержки бизнеса. В статье раскрываются проблемные аспекты реализации принципа свободы предпринимательской деятельности в условиях пандемии и применения мер административного принуждения. Исследуются позиции, высказанные в научной литературе по вопросу взаимодействия государства и бизнеса, рассматриваются тенденции совершенствования законодательства в анализируемой сфере. Делается вывод о недостаточной готовности российской правовой системы к возникновению эпидемиологической ситуации, вызванной распространением новой вирусной инфекции, что создаёт серьёзную угрозу для национальной безопасности. В целях её устранения выдвинуты некоторые рекомендации. Указывается, что предшествовать законодательной работе могло бы принятие Концепции совершенствования законодательства в сфере предпринимательства, включающей отдельные положения административного права. Вносится предложение о разработке на уровне федерального закона чётких правовых предписаний, определяющих пределы ограничения свободы предпринимательства в случае возникновения биологической опасности.

Ключевые слова: свобода предпринимательской деятельности, административно-правовое регулирование, пандемия, коронавирус, меры административного принуждения, поддержка бизнеса, национальная безопасность.

Информация об авторах: Черкасов Константин Валерьевич, ORCID 0000-0002-9754-9619, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры административного и финансового права Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина, заведующий кафедрой юридических дисциплин Российского государственного гуманитарного университета, филиал в г. Домодедово, Россия.

E-mail: CherkasovKV1978@yandex.ru

Пиптюк Анна Викторовна, ORCID 0000-0001-5096-0059, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры юридических дисциплин Российского государственного гуманитарного университета, филиал в г. Домодедово, Россия.

E-mail: rgg2020@mail.ru.

Дата поступления статьи: 22.04.2020.

Для цитирования: Черкасов К.В., Пиптюк А.В. Бизнес и национальная безопасность: современное восприятие административно-правового регулирования // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 2. С. 211–216. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-211-216.

Konstantin V. Cherkasov
The All-Russian State University of Justice,
Russian State University for the Humanities,
Sorokin Syktyvkar State University
Anna V. Piptyuk
Russian State University for the Humanities

BUSINESS AND NATIONAL SECURITY – MODERN PERCEPTION OF ADMINISTRATIVE REGULATION

The spring of 2020 was marked by a severe economic crisis caused by the spread of a new coronavirus infection, falling oil prices and the instability of the global economy. In the current situation of imposition of restrictive measures, many entrepreneurs are deprived of the opportunity to provide services or sell goods, and consumers are unable to use and purchase them. The principle of entrepreneurial freedom is being restricted in order to protect the life and health of the population. These circumstances require the State to take relevant legal and economic decisions, including the establishing of a system of business support measures. In the article, the authors recognize the problematic aspects of realization of the principle of entrepreneurial freedom in terms of the pandemic and the use of the administrative coercive measures. Research is carried out on the positions expressed in the scientific literature on the collaboration between the State and business, and the tendencies

of improvements in the law in the analysed area are being considered. We conclude that the Russian legal system is not prepared for the epidemiological situation caused by the spread of the new virus. This poses a serious threat to national security. In order to eliminate the threat, some recommendations are made. It is stated that the adoption of the Conception of business legislative improvements, including certain provisions of administrative law, could precede the legislative work. A proposal is made to develop, at the level of federal law, clear legal requirements that define the limits on the restriction of freedom of business in the event of a biological hazard.

Keywords: *freedom to do business, administrative regulation, pandemic, coronavirus, administrative enforcement measures, business support, national security.*

Information about the authors: Konstantin V. Cherkasov, ORCID 0000-0002-9754-9619, Doctor of Law, Associate Professor, professor at the Department of Administrative and Financial Law of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), professor at the Department of State and Legal Disciplines at Sorokin Syktyvkar State University, Head of the Department of Legal Disciplines at the Russian State University for the Humanities, Domodedovo branch, Russia.

E-mail: CherkasovKV1978@yandex.ru

Anna V. Piptyuk, ORCID 0000-0001-5096-0059, Candidate of Legal Sciences, Senior Lecturer of the Department of Legal Disciplines at the Russian State University for the Humanities, Domodedovo branch, Russia.

E-mail: rgg2020@mail.ru

Article received: April 22, 2020.

For citation: Cherkasov K.V., Piptyuk A.V. Business and national security – modern perception of administrative regulation. *Vestnik of Kostroma State University*, 2020, vol. 26, № 2, pp. 211–216 (In Russ.). DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-211-216.

В марте 2020 года Всемирная организация здравоохранения объявила о начале пандемии коронавируса в мире. На официальном уровне ситуация определяется как глобальная пандемия, характеризуется как один из наиболее опасных и сложных мировых кризисов в сфере здравоохранения за последние 50 лет¹. В связи со сложившейся санитарно-эпидемиологической обстановкой в течение марта – апреля 2020 года нормативными правовыми актами разных уровней власти были установлены ограничения по осуществлению деятельности непродуктовых магазинов, ресторанов и кафе, организаций общественного питания, гостиниц, пансионатов, санаториев. Длительный период времени указами Президента России объявлен нерабочими днями с соблюдением гражданами режима самоизоляции либо карантина².

Данные факторы привели к резкому снижению покупательской способности населения в принципе, а на товары не первой необходимости в особенности. В рамках реализации поручений Правительства Российской Федерации были определены отрасли, наиболее пострадавшие в условиях ухудшения ситуации с распространением COVID-19, перечень которых утвержден Правительственной комиссией по повышению устойчивости развития российской экономики. В настоящее время в него включены, наряду с иными, организации, осуществляющие деятельность в сфере дополнительного образования, спорта, отдыха, оказания бытовых услуг населению. Подавляющее большинство указанных субъектов предпринимательства в условиях введенного практически на всей территории России режима повышенной готовности лишены возможности нормального функционирования. Значительные убытки несут поставщики продукции, являющейся товарами «импульсного» спроса.

В целом сложность ситуации, в которой оказался российский бизнес, не вызывает сомнений и вполне понятна. Однако она обусловлена не только пандемией коронавируса, но и рядом иных предпосылок экономического характера, включая резкое падение цен на нефть, кризисные явления в мировой экономике. Складывающаяся обстановка требует от государства решительных мер.

Предпринимательская деятельность базируется на конституционном принципе свободы, являющемся основополагающим в условиях рыночной экономики. Содержание принципа многогранно и включает в себя право свободно распоряжаться своей частной собственностью, выбирать контрагента по договору и определять его условия. При невозможности реализации хотя бы одной из составляющих принципа, осуществление деятельности, направленной на извлечение прибыли, также становится практически невозможным. Свобода – главный постулат частноправовых отношений, участниками которых в первую очередь являются предприниматели. При этом объём их свободы всегда уравновешен интересами государства и очерчен чёткими рамками им дозволенного и закреплённого в нормах права. Это объясняется тем, что государство, выступая в качестве выразителя публичных интересов, в своей деятельности соблюдает интересы всех своих граждан. Признанный государством общественный интерес реализуется в нормах права. Защита публичного интереса служит условием гарантии существования и развития общества.

Данная дилемма, значительно актуализированная в современной обстановке, – защита жизни и здоровья населения в условиях пандемии, с одной стороны, и ограничение (запрещение) даже возможности реализации предпринимателями своего права на свободу экономической деятельности,

с другой стороны, – во многом определяет общее состояние национальной безопасности страны. Ключевая задача государственных структур в этом случае сводится к формированию правового поля, выработке приемлемой правоприменительной деятельности, обеспечивающих достижение оптимального баланса частных и публичных интересов, следствием чего станет должное функционирование государственного механизма, включая важнейший результат – удовлетворение интересов и потребностей общества.

Взаимодействие государства и бизнеса рассматривается в научной литературе в разных плоскостях, в некоторых случаях несовпадающих по своему содержанию в целом или в частности. Позиция одних авторов сводится к выявлению их принципиальных отличий. Так, О.С. Сухарев указывает на необходимость особых форм их координации, поскольку их цели и интересы во многом не являются совпадающими [Сухарев: 7]. В свою очередь А.В. Габов небезосновательно характеризует государство и бизнес как сложную систему, сопряженную с конфликтами, поисками компромиссов [Габов: 14]. Ключевой вопрос – в нахождении этого компромисса. По мнению других исследователей, государство и предпринимательство есть более близкие категории, и уж точно не могут рассматриваться как антагонисты. В частности, Е.П. Губин отмечает, что «государство и бизнес находятся в единой системе координат», их противопоставление может привести к краху экономической системы и дестабилизации государства [Губин: 23]. О.В. Шмалий справедливо ставит эффективность регулирования экономикой в целом и предпринимательской деятельностью в частности в зависимость от того, насколько эффективно осуществляется государственное регулирование предпринимательства [Шмалий: 293].

На неправомерность противопоставления понятий «рыночная экономика» и «плановая экономика» (отражающих верховенство частных или публичных интересов соответственно) указывает Л.И. Фалюшина. Автор отмечает важность оптимального сочетания рассматриваемых подходов [Фалюшина: 8]. Сложно не согласиться с А.В. Клименко, О.С. Минченко, пришедшим к суждению, что вопрос состоит не в выборе между государственным и рыночным регулированием, а в определении рациональных форм государственного регулирования в сферах, где его присутствие безальтернативно [Клименко, Минченко: 9].

Каждая из приведенных позиций может занимать доминирующее место в правовой науке в зависимости от задач, стоящих в определенный момент времени перед государством и обществом. Следует согласиться с мнением М.М. Агаркова, что история права и государства даёт нам различные примеры взаимодействия публично и частноправового

элементов. Соотношение того и другого зависит от хозяйственных условий и социальной психологии эпохи [Агарков]. Данный тезис приобретает особую значимость в свете текущей экономической ситуации, во многом формирующей структуру правовой материи и тенденции ее изменения.

Значительная часть представителей бизнеса сегодня физически и экономически лишены возможности ведения деятельности в связи с ограничением государством принципа свободы предпринимательства. Данные ограничения являются результатом реализации мер административного принуждения, реального внедрения публично-правовых начал в частноправовые отношения с превалированием государственной воли над частными интересами. Такое вмешательство, несомненно, справедливо и обоснованно. Оно обусловлено необходимостью защиты жизни и здоровья граждан. Вместе с тем оно также требует от государства и создания условий для поддержания бизнеса не только на данном временном этапе, но и в перспективе ближайших лет как минимум. Как верно отметил П.Г. Лахно, «в условиях экономического кризиса, когда значение объективных рыночных регуляторов существенно снижено, вмешательство государства с присущим ему механизмом правового регулирования отношений в сфере экономики не имеет альтернативы» [Интервью]. Важным является решение вопроса о том, каким образом следует воплотить меры административно-правового регулирования и поддержки бизнеса на законодательном уровне.

В правовой литературе озвучиваются концептуально разные подходы к определению тенденций развития законодательства в обозначенной сфере. Спектр мнений широк – от ненужности каких-либо существенных коррективов законодательства в области предпринимательства ввиду неисполнения действующих актов и вероятности усложнения, запутывания правового регулирования [Вайпан] до целесообразности разработки и принятия нового специализированного нормативного правового акта, регулирующего отношения в сфере предпринимательства – федерального закона (неважно, как он будет называться), направленного на регламентацию отношений государства и бизнеса [Губин: 26]. Предлагалось также принятие предпринимательского и административного кодексов [Андреев], которые, однако, не нашли серьезной поддержки в научной среде. Перспективной представляется разработка и принятие не одного, а ряда законодательных актов и групп правовых норм. В любом случае в этом вопросе важно исходить из возможности и целесообразности внесения в действующее законодательство исключительно требуемых и необходимых изменений и дополнений. При этом предшествовать законотворческой работе могло бы принятие Концепции совершенствования законо-

дательства в сфере предпринимательства, включающей отдельные положения административного права, что будет способствовать формированию системного и комплексного подходов правового регулирования бизнеса.

В данном контексте нельзя не обозначить: 30 января 2020 года Минюстом России были подготовлены и опубликованы проекты Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и Процессуального кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях³. По сути, общественности представлен определенный итог этапа масштабной работы по реформированию российского административного законодательства в области административного принуждения в части административной ответственности. К сожалению, представленные проекты кодифицированных законодательных актов не идеальны и не во всём соответствуют условиям, складывающимся в экономике страны, что в целом признают и их разработчики. В частности, в проекте Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях нет упоминания о составах правонарушений, совершенных в сфере предпринимательской деятельности с использованием сети Интернет. Важность регулирования этого вопроса обусловлена перераспределением рынка и переходом в связи с пандемией многих предпринимателей в сферу онлайн. В проекте Процессуального кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях содержится ряд норм, определяющих порядок совершения процессуальных действий с использованием сети Интернет. К примеру, в ст. 3.10 в число письменных доказательств включены документы, полученные в электронном виде; ст. 8.46 предоставляет право направить с использованием Интернета копию определения по делу об административном правонарушении, изготовленную в форме электронного документа. Важным является не просто увеличение общего количества таких норм в тексте акта, а создание рабочей схемы осуществления производства по делу об административном правонарушении с использованием дистанционных технологий.

Обращает на себя внимание ещё один момент. В статье 1 Гражданского кодекса Российской Федерации установлена возможность ограничения перемещения товаров и услуг в соответствии с федеральным законом, если это необходимо для обеспечения безопасности, защиты жизни и здоровья людей. Соответствующие положения содержатся в Федеральном конституционном законе от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении»⁴, согласно статье 8 которого «в период действия военного положения федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации... могут быть предусмотрены меры, связанные с введением временных ограничений

на осуществление экономической и финансовой деятельности, оборот имущества, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств... порядок и условия процедур банкротства, режим трудовой деятельности и установлены особенности финансового, налогового, таможенного и банковского регулирования». В рамках борьбы с коронавирусной инфекцией данная норма применяется в реальности по аналогии, причём зачастую с временным опозданием или без соблюдения при этом основного принципа введения ограничения свободы предпринимательства – только на основании Федерального закона или иного нормативного правового акта.

Приостановление деятельности субъектов предпринимательства вводятся на основании п. «б», п. 6, ст. 4.1. Федерального закона от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»⁵. Положения данного законодательного акта, однако, не содержат указаний на возможность введения каких-либо ограничительных мер в сфере осуществления экономической деятельности. Исходя из этого, напрашивается вывод о недостаточной готовности российской правовой системы к возникновению подобной эпидемиологической ситуации, а значит, и к функционированию экономики государства в условиях сценария возможных биологических катастроф и войн.

В заключение отметим, с учётом сложившейся за последние месяцы практики, законодателю следует выработать на уровне федерального закона конкретные нормы, которые будут определять пределы ограничения свободы предпринимательства в случае возникновения биологической опасности. Ведь речь идёт об аспектах обеспечения национальной безопасности – пополнении бюджета страны за счет налогов и сборов, создании рабочих мест, производстве товаров народного потребления и продуктов питания. Эффективная реализация функций государства возможна только при условии соблюдения баланса ограничительных мер, обусловленных необходимостью защиты жизни и здоровья людей, что, несомненно, в приоритете, и уровнем предпринимательской свободы, что также крайне важно.

Примечания

¹ О мерах по защите здоровья населения от новой коронавирусной инфекции: Информация Правительства РФ от 19 марта 2020 г. URL: <https://internet.garant.ru/#/document/73775601/paragraph/1> (дата обращения: 19.04.2020).

² Об объявлении в Российской Федерации нерабочих дней: Указ Президента РФ от 25 марта 2020 г. № 206. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 19.04.2020); О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населе-

ния на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19): Указ Президента РФ от 2 апреля 2020 г. № 239. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 19.04.2020).

³ Проект Федерального закона «О введении в действие Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и Процессуального кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях»: (подготовлен Минюстом России 30.01.2020 г.). URL: <https://internet.garant.ru/#/document/56821714/paragraph/1:6> (дата обращения: 19.04.2020).

⁴ О военном положении: Федеральный конституционный закон от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ. URL: <https://internet.garant.ru/#/document/184121/paragraph/2678> (дата обращения: 19.04.2020).

⁵ К примеру, к п. «б», п. 6, ст. 4.1 Федерального закона от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» отсылает преамбула Указа Мэра Москвы от 5 марта 2020 г. № 12-УМ «О введении режима повышенной готовности». URL: <https://internet.garant.ru/#/document/73711482/paragraph/1> (дата обращения: 19.04.2020).

Список литературы

Агарков М.М. Ценность частного права // Правоведение, 1992, № 1. URL: https://vk.com/doc45183356_439241143?hash=46cf670c3d8fc13012&dl=fd1b0632275d2ba0ec (дата обращения: 21.04.2020).

Андреев В.К. О сочетании имущественных и управленческих начал в предпринимательской деятельности непубличных обществ // Проблемы гармонизации экономических отношений и права в цифровой экономике / В.А. Вайпан, М.А. Егоров и др.; под ред. В.А. Вайпан, М.А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2020. 280 с. URL: <https://internet.garant.ru/#/document/77476633/paragraph/3> (дата обращения: 09.04.2020).

Вайпан В.А. Реализация принципа социальной справедливости в правовом регулировании предпринимательской деятельности. М.: Юстицинформ, 2020. 696 с. URL: <https://internet.garant.ru/#/document/77410263/paragraph/1> (дата обращения: 09.04.2020).

Габов А.В. Тенденции и проблемы правового регулирования взаимоотношений государства и бизнеса // Журнал российского права. 2015. № 1. С. 13–23.

Губин Е.П. Государство и бизнес в условиях правовых реформ // Журнал российского права. 2015. № 1. С. 23–30.

Интервью с П.Г. Лакно, кандидатом юридических наук, доцентом кафедры предпринимательского права юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова // Законодательство. 2010. № 3.

URL: <https://internet.garant.ru/#/document/5858994/paragraph/1> (дата обращения: 09.04.2020).

Клименко А.В., Минченко О.С. Государственное регулирование экономики: вопросы теории и лучшая практика // Вопросы государственного и муниципального управления. 2016. № 3. С. 7–30.

Сухарев О.С. Государство и предприниматель: институциональное преодоление дисфункции координации // Экономика. Налоги. Право. 2016. № 5. С. 6–17.

Фалюшина Л.И. Предупреждающее кризис государственное управление. Возможно ли оно? // Известия Байкальского государственного университета. 2009. № 4. С. 8–12.

Шмалый О.В. Эффективность государственного регулирования предпринимательской деятельности и эффективность предпринимательской деятельности: соотношение понятий // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 6. С. 293–295.

References

Agarkov M.M. *Tsennost' chastnogo prava* [The value of private law]. *Pravovedenie* [Jurisprudence], 1992, № 1. URL: https://vk.com/doc45183356_439241143?hash=46cf670c3d8fc13012&dl=fd1b0632275d2ba0ec (access date: 21.04.2020). (In Russ.)

Andreev V.K. *O sochetanii imushchestvennykh i upravlencheskikh nachal v predprinimatel'skoi deiatel'nosti nepublichnykh obshchestv* [About the combination of property and management principles in business activities of non-public joint-stock companies]. *Problemy garmonizatsii ekonomicheskikh otnoshenii i prava v tsifrovoi ekonomike* [Problems of harmonization of economic relations and law in the digital economy]. V.A. Vaipan, M.A. Egorov etc., ed. by V.A. Vaipan, M.A. Egorov. Moscow, Iustitsinform Publ., 2020, 280 p. URL: <https://internet.garant.ru/#/document/77476633/paragraph/3> (access date: 09.04.2020). (In Russ.)

Vaipan V.A. *Realizatsiia printsipa sotsial'noi spravedlivosti v pravovom regulirovanii predprinimatel'skoi deiatel'nosti* [Implementation of the principle of social justice in the legal regulation of business]. Moscow, Iustitsinform Publ., 2020, 696 p. URL: <https://internet.garant.ru/#/document/77410263/paragraph/1> (access date: 09.04.2020). (In Russ.)

Gabov A.V. *Tendentsii i problemy pravovogo regulirovaniia vzaimootnoshenii gosudarstva i biznesa* [Trends and problems of the legal regulation of State-business relations]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Magazine of Russian Law], 2015, № 1, pp. 13–23. (In Russ.)

Gubin E.P. *Gosudarstvo i biznes v usloviakh pravovykh reform* [State and business under legal reforms]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Magazine of Russian Law], 2015, № 1, pp. 23–30. (In Russ.)

Interv'iu s P.G. Lakhno, kandidatом iuridicheskikh nauk, dotsentом kafedry predprinimatel'skogo prava

iuridicheskogo fakul'teta MGU im. M.V. Lomonosova [Interview with P.G. Lahno, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Business Law of the Faculty of Law of the Moscow State University named after M.V. Lomonosov]. *Zakonodatel'stvo* [Legislation], 2010, № 3. URL: <https://internet.garant.ru/#/document/5858994/paragraph/1> (access date: 09.04.2020). (In Russ.)

Klimenko A.V., Minchenko O.S. *Gosudarstvennoe regulirovanie ekonomiki: voprosy teorii i luchshaia praktika* [State regulation of the economy: theoretical issues and best practices]. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniia* [Issues of State and municipal administration], 2016, № 3. pp. 7–30. (In Russ.)

Sukharev O.S. *Gosudarstvo i predprinimatel': institutsional'noe preodolenie disfunktsii koordinatsii*

[The State and the entrepreneur: institutional overcoming of the dysfunction of coordination]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo* [Economy. Taxes. Law], 2016, № 5, pp. 6–17.

Faliushina L.I. *Preduprezhdaiushchee krizis gosudarstvennoe upravlenie. Vozmozhno li ono?* [Public administration warning crisis. Is it possible?]. *Izvestiia BGU* [Proceedings of BGU], 2009, № 4, pp. 8–12. (In Russ.)

Shmalii O.V. *Effektivnost' gosudarstvennogo regulirovaniia predprinimatel'skoi deiatel'nosti i effektivnost' predprinimatel'skoi deiatel'nosti: sootnoshenie poniatii* [Effectiveness of State regulation of entrepreneurship and business efficiency: the correlation between concepts]. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve* [Gaps in Russian legislation], 2013, № 6, pp. 293–295 (In Russ.)

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ ИНВЕСТИЦИИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ И НАУКЕ

В статье рассматриваются общетеоретические и практические проблемы определения понятия инвестиции в законодательных актах и юридической науке. Отмечается, что, несмотря на бурное развитие инвестиционных отношений, до настоящего времени действуют нормативные акты, требующие либо отмены, либо серьезной переработки. В качестве одной из проблем называется использование понятия инвестиции в различных значениях в трех основных законах, регулирующих инвестиционные отношения. В связи с этим подчеркивается, что использование одного термина, допускающего различное толкование, противоречит законодательной технике и отрицательно сказывается на правоприменительной практике. Выявляются причины, из-за которых до настоящего времени отсутствует единое легальное определение инвестиций, основными из которых являются невостребованность рассматриваемых законов в правоприменительной практике, а также отсутствие единого докторального подхода к понятию инвестиций. В итоге делается вывод, что научное осмысление и выработка этого понятия с последующим внесением изменений в законодательные акты является одной из важнейших задач науки предпринимательского права на настоящем этапе.

Ключевые слова: инвестиции, закон об инвестициях, понятие инвестиции, определение инвестиции, дефиниции, юридическая техника, инвестирование, инвестиционные отношения, инвестиционная деятельность, инвестиционные правоотношения.

Информация об авторе: Шпинеv Юрий Сергеевич, ORCID 0000-0001-5573-0439, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник сектора предпринимательского и корпоративного права Института государства и права РАН, г. Москва.

E-mail: shpinev.iurii.sergrrvich@mail.ru

Дата поступления статьи: 26.03.2020.

Для цитирования: Шпинеv Ю.С. К вопросу об определении понятия инвестиции в законодательстве и науке // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 2. С. 217–223. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-217-223.

Yuriy S. Shpinyov
Institute of state and law of the Russian Academy of Sciences

ON THE DEFINITION OF INVESTMENT IN LEGISLATION AND SCIENCE

The article deals with General theoretical and practical problems of defining the concept of investment in legislation and legal science. It is noted that despite the rapid development of investment relations, there are still regulations that require either cancellation or serious revision. One of the problems is the use of the concept of investment in different meanings in the three main laws regulating investment relations. In this regard, it is emphasised that the use of a single term that allows for different interpretations contradicts the legislative technique and negatively affects law enforcement practice. The authors identify the reasons why there is no single legal definition of investment to date, the main ones being the lack of demand for the laws in question in law enforcement practice, as well as the lack of a single doctoral approach to the concept of investment. As a result, it is concluded that the scientific understanding and development of this concept with subsequent amendments to legislative acts is one of the most important tasks of the science of business law at this stage.

Keywords: investment, investment law, concept of investment, definition of investment, definitions, legal technique, investment, investment relations, investment activity, investment legal relations.

Information about the author: Yuriy S. Shpinyov, ORCID 0000-0001-5573-0439, PhD in law, senior researcher of the business and corporate law sector of the Institute of state and law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

E-mail: shpinev.iurii.sergrrvich@mail.ru

Article received: March 26, 2020.

For citation: Shpinyov Yu. S. On the question of defining the concept of investment in legislation and science. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 2, pp. 217–223 (In Russ.). DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-217-223.

В последние годы вопросам инвестиций посвящается большое количество работ как по юриспруденции, так и по экономике. И это не случайно. Проблема увеличения объема инвестиций остро стоит перед всеми странами. Не является исключением и Россия. О необходимости увеличения объема инвестиций в российскую экономику регулярно упоминает президент Российской Федерации В.В. Путин¹.

Серьезнейшим вопросом привлечения инвестиций в любой стране является создание необходимых условий для инвестора, в том числе прозрачность действующего законодательства и гарантии соблюдения его прав.

Несмотря на то, что к вопросу инвестиций привлечено огромное внимание и ученых, и практиков, и законодателей, не все проблемные вопросы, связанные с инвестициями, достаточно изучены и решены.

Так, одним из первоочередных является, на наш взгляд, вопрос определения понятия инвестиции в нормативных актах.

Вопросам инвестиций посвящено несколько законов, однако понятия инвестиций, закрепленные в этих нормативных актах, не являются тождественными, а порой и резко отличаются друг от друга.

Так, в соответствии с Законом РСФСР от 26.06.1991 № 1488-1 «Об инвестиционной деятельности в РСФСР» (далее – Закон об инвестициях в РСФСР) под инвестициями понимаются денежные средства, ценные бумаги, машины, оборудование и другое имущество и имущественные права. То есть под инвестициями в данном нормативном акте понимается сам предмет вложения, то, что вкладывает инвестор в дело для получения прибыли.

Деятельность по вложению инвестиций в законе называется инвестиционной деятельностью, или инвестированием. Отметим, что этот закон продолжает действовать в части, не противоречащей Федеральному закону от 25.02.1999 № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» (далее – Закон об инвестициях в РФ).

Согласно статье 1 Закона об инвестициях в РФ под инвестициями, для целей использования этого закона, понимаются денежные средства, ценные бумаги, а также иное имущество и имущественные права.

Определение инвестиций претерпело минимальные изменения. Суть осталась та же – под инвестициями здесь понимается имущество, которое инвестор вкладывает в дело для получения прибыли.

На первый взгляд, никаких противоречий в связи отличающимися определениями понятия инвестиций в этих законах не наблюдается. Действительно, как было указано выше, Закон об инвестициях в РСФСР действует в части, не про-

тиворечащей Закону об инвестициях в РФ. Таким образом, законодатель, внося определенные изменения в определение инвестиций в новом законе, прекратил действие определения инвестиций, сформулированного в первом законе.

Однако при более подробном анализе этих двух законов становится очевидным, что в настоящее время имеют юридическую силу оба эти определения. Только определение, сформулированное в Законе об инвестициях в РСФСР, действует по всему широкому кругу вопросов, связанных с инвестициями, поскольку в законе не оговорено иное, в то время как определение, содержащееся в Законе об инвестициях в РФ, действует только для целей этого закона, то есть распространяется на инвестиции в форме капитальных вложений.

Действительно, как указано в преамбуле к статье 1 этого закона, все имеющиеся в этой статье определения используются исключительно для целей этого закона и, следовательно, никак не отменяют определение инвестиций, содержащееся в Законе об инвестициях в РСФСР.

Учитывая, что определения в этих двух законах отличаются незначительно и дефиниция в Законе об инвестициях в РФ представляет собой скорее подкорректированное определение из первого закона, можно сделать вывод, что, скорее всего, законодатель планировал заменить одно определение другим, однако ввиду не совсем корректной законодательной техники в настоящее время законную силу имеют оба определения.

Далее отметим, что не только в этих двух рассмотренных нами законах присутствует определение понятия инвестиции.

Согласно статье 2 Федерального закона от 09.07.1999 № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» (далее – Закон об иностранных инвестициях) под иностранной инвестицией понимается вложение иностранного капитала, осуществляемое иностранным инвестором.

Таким образом, в указанном законе под инвестициями понимается не предмет инвестирования, как в двух предыдущих законах, а сам процесс вложения описанного в Законе имущества или прав в дело. В этом законе под инвестициями понимается то, что в двух предыдущих законах определялось как инвестиционная деятельность. Сразу отметим, что понятие инвестиционной деятельности в Законе об иностранных инвестициях отсутствует. При анализе понятий инвестиции, содержащихся в Законе об инвестициях в РФ и Законе об иностранных инвестициях, необходимо учитывать, что эти законы были приняты в один год, но создается полное впечатление, что они были написаны не просто разными людьми, а специалистами, имеющими диаметрально противоположное мнение относительно определения понятия инвестиции, о чем будет сказано ниже.

При анализе указанных нормативных актов следует иметь в виду, что одни и те же правоотношения подпадают под действие обоих законов, в которых определяющее понятие трактуется по-разному: в одном случае – как предмет вложения (инвестирования), а во втором – как сам процесс вложения, само инвестирование. Действительно, согласно статье 5 Закона об инвестициях в РФ этот закон регулирует, в частности, отношения, связанные с инвестиционной деятельностью, осуществляемой иностранными инвесторами в форме капитальных вложений. И Закон об иностранных инвестициях также регулирует отношения, связанные с деятельностью иностранных инвесторов на территории Российской Федерации.

Таким образом, и в этом случае мы имеем дело с нарушением правил законодательной техники, что сказывается на отсутствии формальной определенности нормы права. Под формальной определенностью как одной из основных черт права в юридической науке подразумевается, наряду с прочим, точность и четкость формулировок, чему должны способствовать специфическая структура правовых норм и юридическая техника их оформления [Теория государства и права 1999: 80]. В юридической науке существует довольно большое количество определений юридической и законодательной техники. Эти вопросы были предметом исследования таких ученых, как А.Б. Венгеров [Венгеров: 424], В.К. Бабаева [Теория государства и права 2006: 373], В.Н. Карташов [Перспективные направления: 56], Ю.А. Тихомиров [Законодательная техника: 6], а также многих других.

Большинство ученых в качестве законодательной техники рассматривают систему принципов, средств и правил подготовки и изложения нормативных актов.

Законодательная техника, по мнению ученых, должна соответствовать определенным правилам:

- познавательно-юридическим (содержательным);
- структурным (нормативно-структурным);
- формальным (документально-техническим);
- языковым;
- процедурным;
- логическим.

Вопросы соблюдения логических правил подробно отражены в работах Т.В. Кашаниной. В числе наиболее важных логических правил автор выделяет единообразное понимание терминов как одно из первоочередных условий составления грамотного нормативного документа [Юридическая техника: 122–127]. Действительно, если один документ (или связанные документы) содержат термин, понимание которого допускается в нескольких взаимоисключающих понятиях, то читатели и правоприменители таких документов вводятся в заблуждение относительно правовой сущности такого документа.

Также в данном случае нельзя исключить ситуацию, когда в процессе правоприменения этих законов правоприменитель столкнется с противоречиями, обнаружив, таким образом, коллизию права. Так, согласно мнению Н.А. Власенко, коллизией признается противоречивость и несогласованность норм права [Власенко: 23]. А.Ф. Черданцев рассматривает коллизию как случай, когда не менее двух норм, разных по содержанию, конкурируют между собой с целью быть применимыми к одному и тому же правоотношению [Теория государства и права 1999: 211].

В последнее время при подготовке законодательных актов часто, как правило в преамбуле или первых статьях нормативного акта, выносятся определения основных понятий, использующихся в этом нормативном акте, или дефиниции. Такие дефиниции отражают качественные признаки определяемого предмета или явления.

На наш взгляд, существует несколько причин, по которым определения все чаще вносятся законодателем в нормативные акты, из которых в качестве основных можно выделить следующие:

1. Стремительное развитие научно-технического прогресса в последние десятилетия привело к возникновению новых изобретений, которые уже в качестве товара входят в экономическую и общественную жизнь социума. Они только получают свои названия, которые еще не известны широкому кругу потребителей.

2. Развитие науки привело к новым видам экономического взаимодействия, сделок и новым понятиям, которые также не известны широкому кругу лиц.

3. По причинам, указанным в первых двух пунктах, усложняется и само право, регулирующее новые формы возникающих правоотношений, что дает толчок для развития и формирования новых юридических понятий.

4. Наблюдающаяся в последнее время социально-политическая активность граждан, а также доступность нормативных актов в сети Интернет способствует более широкому интересу людей к самостоятельному изучению законодательства, чему, естественно, способствует вынесение в начало нормативного акта основных используемых в нем дефиниций.

Таким образом, значение определений в законодательных актах трудно переоценить. Вместе с тем все правовые определения нормативного акта должны исключать двойное толкование, поскольку в противном случае от таких дефиниций в законе будет только вред.

Исходя из этого, к определениям в законодательных актах предъявляются определенные требования [Юридическая техника: 126]. Они должны:

- отражать только те признаки, которые имеют существенное правовое значение для данного предмета или явления;

– не содержать противоречивых суждений, а также тавтологии;

– быть основаны на определениях, выработанных юридической наукой.

Все юридические определения можно разделить на две группы:

– законодательные (нормативные), авторами которых являются, как правило, представители законодательной власти;

– научные (доктринальные), предлагаемые учеными правоведами.

Представляется, что оптимальной будет ситуация, когда после научного осмысления и обсуждения нового понятия с учетом законов логики вырабатывается новая дефиниция, которая впоследствии находит свое место в преамбуле нормативного акта, регулирующего соответствующие правоотношения.

Вместе с тем следует согласиться, что скорость изменений во всех сферах нашей жизни такова, что не только разработка новых научных знаний, но и законотворческий процесс далеко не всегда успевает урегулировать вновь создаваемые общественные отношения. Самый простой пример тому – искусственный интеллект, правовое регулирование которого существенно отстает практически во всех, в том числе и развитых странах, от скорости развития и расширения сферы его применения в общественной жизни.

Возвращаясь к определению инвестиций в отечественных законодательных актах, необходимо отметить, что рассматриваемые нами определения также появились на заре развития института инвестиций в нашей стране. В советской юридической науке понятие инвестиций было разработано слабо, а новые научные знания не успевали за бурным развитием экономики.

Однако с момента принятия последних рассматриваемых законов прошло без малого 15 лет, а обозначенные в настоящей статье проблемы определения понятия инвестиции не решены до настоящего времени, несмотря на все описанные выше негативные последствия.

На наш взгляд, этому есть две основные причины:

1. Несмотря на активное развитие инвестиций в последние годы и появление новых видов инвестиционных договоров, рассматриваемые законы оказались на обочине экономической жизни. В правоприменительной практике, как правило, рассматриваются либо основные гражданско-правовые договоры, посредством которых осуществляются инвестиции (договор купли-продажи, договор строительного подряда и т. д.), либо новые нормативные акты, регулирующие вновь возникающие в инвестиционной области отношения (Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений

в отдельные законодательные акты Российской Федерации», Федеральный закон от 28.11.2011 № 335-ФЗ «Об инвестиционном товариществе» и другие).

Чтобы вернуть рассматриваемые в рамках настоящей статьи Закон об инвестициях в РФ и Закон об иностранных инвестициях к жизни, необходимо, на наш взгляд, проведение глубокой реформы действующего инвестиционного законодательства, с отменой всех дублирующих и устаревших норм и устранением всех регулярно обнаруживаемых проблем.

2. В качестве второй причины следует назвать отсутствие до настоящего времени единого доктринального подхода к понятию инвестиции.

Так, Л.Г. Кропотов выделяет четыре разные, только правовые концепции к определению понятия инвестиция [Кропотов: 6]. При этом следует отметить, что даже в рамках одной концепции авторы предлагают существенно отличающиеся друг от друга дефиниции.

А.В. Белицкая достаточно подробно описывает взгляды российских ученых на определение понятия инвестиции [Белицкая: 67–75].

Н.Г. Доронина и Н.Г. Семилютина относят к инвестициям любой инструмент, дающий возможность сохранить или приумножить вложенные средства, а также обеспечить какой-либо доход [Доронина, Семилютина: 10].

А.Г. Богатырев считает, что инвестиции тесно связаны с понятием собственности [Богатырев: 11], в то время как М.М. Богуславский справедливо, на наш взгляд, замечает, что как не любая собственность становится инвестициями, так и не все инвестиции являются собственностью инвестора, так как в процессе инвестирования последний может использовать и заемные средства [Богуславский: 55].

Несмотря на то, что понятие инвестиций разнится у упомянутых выше ученых, их объединяет одно – инвестиции они определяют в качестве объекта гражданских прав, то есть в качестве предмета инвестирования. Инвестиции у этих авторов представляют собой то, что вкладывает инвестор в дело. Если не углубляться в различное видение объекта гражданских прав в качестве предмета инвестиционного вложения, то данный подход совпадает с определением понятия инвестиция в Законе об инвестициях в РФ.

Аналогичную позицию по данному вопросу занимают также Б.Т. Кузнецова [Кузнецов: 8], С.С. Занковский [Занковский: 219], П.В. Сокол [Сокол: 18] и другие авторы.

Между тем существует группа ученых, которые под инвестициями понимают сам процесс вложения предмета инвестиции в дело с целью получения прибыли.

Так, по мнению М.Г. Холкиной, понятие инвестиций представляет собой определенное дей-

стве – вложение капитала, поскольку само по себе владение имуществом не позволяет инвестору получить прибыль без совершения каких-либо действий [Холкина: 13]. Аналогичного мнения в своих работах придерживаются также В.В. Гуцин и А.А. Овчиников [Гуцин, Овчинников: 72], В.Н. Кокин [Кокин: 46] и ряд других авторов.

Отметим, что мнение этих ученых принципиально совпадает с определением понятия инвестиции в Законе об иностранных инвестициях.

В.Н. Лисица в качестве предмета инвестиционного права рассматривает инвестиционные отношения, которые, по его мнению, возникают при осуществлении инвестиционной деятельности [Лисица: 75]. Изучение института инвестиции сквозь призму инвестиционных отношений в своих работах предлагают также О.М. Антипова [Антипова: 30], И.А. Вдовин [Вдовин: 117] и другие ученые.

Часть ученых считает, что формулирование единого понятия инвестиций существенно затруднена с учетом большого многообразия их различных видов. Так, А.П. Гармоза считает, что арбитры должны самостоятельно толковать термин инвестиция в зависимости от его контекста в конкретном двустороннем инвестиционном договоре [Гармоза: 74]. Схожей позиции придерживаются В.В. Долинская [Долинская: 3–12], С.В. Усокин [Усокин: 104–112] и ряд других авторов.

С точки зрения А.В. Белицкой, инвестиции в правовом отношении представляют собой вложение объектов гражданских прав, имеющих денежную оценку, которое направлено на получение прибыли или достижение иного полезного эффекта [Белицкая: 74].

Необходимо отметить, что существуют и другие научные взгляды на определение понятия инвестиции.

В настоящей статье автор обозначил круг проблем, связанных с отсутствием единого мнения по данному вопросу как в научной среде, так и целостной дефиниции в законодательных актах, регулирующих общие положения об инвестициях. Выработка такого понятия, на наш взгляд, должна представлять собой самостоятельное глубокое исследование.

Вместе с тем заметим, что выработка определения такого понятия, как инвестиции, невозможна без детального изучения правовой природы и сущности инвестиций (на наш взгляд, это хоть и близкие, но все же разные правовые категории), учета двойственной экономико-правовой природы инвестиций, а также глубокого изучения этого понятия в ретроспективе экономико-правовых учений.

Учитывая различные виды инвестиций, которые, как, например, прямые и непрямые (косвенные), существенно отличаются между собой, можно выработать одно общее определение инвестиций, соответствующее их правовой природе

и удовлетворяющее весь спектр инвестиционных отношений. Такое определение инвестиции должно содержаться в основном законе об инвестиционной деятельности, а «специальные» инвестиционные законы могут содержать свои узкие подробные определения. Это можно представить на примере понятия «договор» в Гражданском кодексе РФ, в первой части которого дано достаточно простое определение, в то время как во второй его части все виды договоров расписаны очень подробно.

Сказанное выше, а также обозначенные физиократами еще в XVIII веке первичные признаки инвестиций позволяют предложить на обсуждение в качестве общего следующее определение: инвестиции – это вложение капитала на свой риск с целью получения прибыли или иного полезного эффекта. При этом необходимо отметить, что, по мнению автора, инвестиции представляют собой именно процесс вложения капитала с целью извлечения прибыли в любую сферу деятельности различными способами (инвестиции в основной капитал или ценные бумаги, концессионное соглашение или краундлендинг и т. д.), а не предмет инвестирования (не объект гражданских прав).

На основании изложенного можно сделать следующие выводы:

1. Несмотря на бурное развитие инвестиционных отношений, до настоящего времени существуют законодательные акты, требующие либо отмены, либо серьезной переработки.

2. Так, три основных закона, регулирующие инвестиционные отношения, используют разное определение ключевого понятия – инвестиции.

3. Использование одного термина, допускающего различное толкование, противоречит законодательной технике и отрицательно сказывается на правоприменительной практике.

4. До настоящего времени в научной среде не выработано единого подхода к определению одного из важнейших понятий сегодняшней экономики – инвестициям.

5. Научное осмысление и выработка этого понятия с последующим внесением изменений в законодательные акты является одной из важнейших задач науки предпринимательского права на настоящем этапе.

6. Предложено авторское общее определение инвестиций, которое в дальнейшем должно быть подробно расписано в «специальных» инвестиционных законах.

Примечания

¹ Путин В.В. Выступление на расширенном заседании Государственного совета «О стратегии развития России до 2020 года». Москва. Кремль. 8 февраля 2008 года URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24825> (дата обращения: 04.02.2020).

Список литературы

Антипова О.М. Правовое регулирование инвестиционной деятельности (анализ теоретических и практических проблем). М.: Волтерс Клувер, 2007. 248 с.

Белицкая А.В. Правовое обеспечение государственной инвестиционной политики: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2018. 618 с.

Богатырев А.Г. Инвестиционное право. М.: Российское право, 1992. 272 с.

Богуславский М.М. Международное частное право. М., 2005. 604 с.

Вдовин И.А. Механизм правового регулирования инвестиционной деятельности (исторический и теоретико-правовой анализ): дис. ... докт. юрид. наук. СПб., 2002. 388 с.

Венгеров А.Б. Теория государства и права. М.: Юриспруденция, 2000. 528 с.

Власенко Н.А. Коллизионные нормы в советском праве. Иркутск: Иркут, 1984. 99 с.

Гармоза А.П. Определение компетенции состава арбитража, сформированного на основании международного инвестиционного соглашения: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 267 с.

Гуцин В.В., Овчинников А.А. Инвестиционное право. М.: ЭКСМО, 2006. 623 с.

Долинская В.В. Интеграционные процессы на территории Европы на примере инвестиционного права ЕС // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 2. С. 3–12.

Доронина Н.Г., Семилютин Н.Г. Государство и регулирование инвестиций. М.: Городец, 2003. 270 с.

Законодательная техника: науч.-практ. пособие / отв. ред. Ю.А. Тихомиров. М.: Городец, 2000. 272 с.

Занковский С.С. Предпринимательские договоры в России. Проблемы теории и законодательства: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2004. 398 с.

Карташов В.Н. Перспективные направления совершенствования законодательной техники, тактики и стратегии в юридических науках и практиках // Юридическая техника. 2009. № 3. С. 53–61.

Кашианина Т.В. Юридическая техника: учебник. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. 496 с.

Кокин В.Н. Защита прав инвестора при недропользовании на условиях соглашения о разделе продукции в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 187 с.

Кропотов Л.Г. Коммерческие инвестиции в объекты капитального строительства. Правовое регулирование. М.: Инфотропик Медиа, 2012. 199 с.

Кузнецов Б.Т. Инвестиции. М.: Юнити, 2010. 622 с.

Лисица В.Н. Инвестиционное право / М-во образования и науки РФ; Новосибирский нац. исслед. гос. ун-т. Новосибирск, 2015. 568 с.

Сокол П.В. Инвестиционный договор в жилищном строительстве. М.: Ось, 2004. 143 с.

Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М.: Юристъ, 2001. 776 с.

Теория государства и права: учебник для вузов / А.Ф. Черданцев. М.: Юрайт, 1999. 429 с.

Теория государства и права: учебник / под ред. В.К. Бабаева. М., 2006. 592 с.

Усоскин С.В. Соглашения о поощрении и защите инвестиций и национальное законодательство: о чистых руках и не только // Международное правосудие. 2016. № 1. С. 104–112.

Холкина М.Г. Защита прав инвесторов на рынке ценных бумаг: науч.-практ. пособие. 2014. С. 13. Доступ из справ. правовой системы «Консультант-Плюс».

References

Antipova O.M. *Pravovoe regulirovanie investitsionnoi deiatel'nosti (analiz teoreticheskikh i prakticheskikh problem)* [Legal regulation of investment activity (analysis of theoretical and practical problems)]. Moscow, Volters Kluver Publ., 2007, 248 p. (In Russ.)

Belitskaia A.V. *Pravovoe obespechenie gosudarstvennoi investitsionnoi politiki* [Legal support of state investment policy]: dis. ... dokt. iur. nauk. Moscow, 2018, 618 p. (In Russ.)

Bogatyrev A.G. *Investitsionnoe pravo* [Investment law]. Moscow. Rossiiskoe parvo Publ., 1992, 272 p. (In Russ.)

Boguslavskii M.M. *Mezhdunarodnoe chastnoe parvo* [International private law]. Moscow, 2005, 604 p. (In Russ.)

Vdovin I.A. *Mekhanizm pravovogo regulirovaniia investitsionnoi deiatel'nosti (istoricheskii i teoretiko-pravovoi analiz)* [Mechanism of legal regulation of investment activity (historical and theoretical-legal analysis)]: dis. ... dokt. iurid. nauk. SPb., 2002, 388 p. (In Russ.)

Vengerov A.B. *Teoriia gosudarstva i prava* [Theory of state and law]. Moscow, Iurisprudentsiia Publ., 2000, 528 p. (In Russ.)

Vlasenko N.A. *Kollizionnye normy v sovetskom prave* [Conflict of Laws norms in Soviet law]. Irkutsk: Irkut Publ., 1984, 99 p. (In Russ.)

Garmoza A.P. *Opredelenie kompetentsii sostava arbitrazha, sformirovannogo na osnovanii mezhdunarodnogo investitsionnogo soglasheniia* [Determination of the competence of the arbitral Tribunal formed on the basis of an international investment agreement]: dis. ... kand. iurid. nauk. Moscow, 2011, 267 p. (In Russ.)

Gushchin V.V., Ovchinnikov A.A. *Investitsionnoe parvo* [Investment law]. Moscow, EKSMO Publ., 2006, 623 p. (In Russ.)

Doлинskaiia V.V. *Integratsionnye protsessy na territorii Evropy na primere investitsionnogo prava ES* [Integration processes on the territory of Europe on the

example of EU investment law]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [Laws of Russia: experience, analysis, practice], 2013, № 2, pp. 3–12.

Doronina N.G., Semiliutina N.G. *Gosudarstvo i regulirovanie investitsii* [State and investment regulation]. Moscow, Gorodets Publ., 2003, 270 p. (In Russ.)

Zakonodatel'naia tekhnika: nauchno-prakticheskoe posobie [Legislative technique: a scientific and practical guide], otv. red. Iu.A. Tikhomirov. Moscow, Gorodets Publ., 2000, 272 p. (In Russ.)

Zankovskii S.S. *Predprinimatel'skie dogovory v Rossii. Problemy teorii i zakonodatel'stva* [Business contracts in Russia. Problems of theory and legislation]: dis. ... dokt. iur. nauk. Moscow, 2004, 398 p. (In Russ.)

Karatshov V.N. *Perspektivnye napravleniia sovershenstvovaniia zakonodatel'noi tekhniki, taktiki i strategii v iuridicheskikh naukakh i praktikakh* [Promising directions for improving legislative techniques, tactics and strategies in legal Sciences and practices]. *Iuridicheskaiia tekhnika* [Legal technique], 2009, № 3, pp. 53–61. (In Russ.)

Kashanina T.V. *Iuridicheskaiia tekhnika* [Legal technique]. Moscow, Norma, INFRA-M Publ., 2011, 496 p. (In Russ.)

Kokin V.N. *Zashchita prav investora pri nedropol'zovanii na usloviakh soglasheniia o razdele produktsii v Rossiiskoi Federatsii* [Protection of investor's rights in subsoil use under the terms of the production sharing agreement in the Russian Federation]: dis. ... kand. iurid. nauk. Moscow, 2002, 187 p. (In Russ.)

Kropotov L.G. *Kommercheskie investitsii v ob"ekty kapital'nogo stroitel'stva. Pravovoe regulirovanie*

[Commercial investments in capital construction projects. Legal regulation]. Moscow, Infotropik Media Publ., 2012, 199 p. (In Russ.)

Kuznetsov B.T. *Investitsii* [Investments]. Moscow, Iuniti Publ., 2010, 622 p. (In Russ.)

Lisitsa V.N. *Investitsionnoe parvo* [Investment law]. M-vo obrazovaniia i nauki RF, Novosibirskii nats. issled. gos. un-t. Novosibirsk, 2015, 568 p. (In Russ.)

Sokol P.V. *Investitsionnyi dogovor v zhilishchnom stroitel'stve* [Investment contract in housing construction]. Moscow, Os' Publ., 2004, 143 p. (In Russ.)

Teoriia gosudarstva i prava [Theory of state and law], pod red. N.I. Matuzova, A.V. Mal'ko. Moscow, Iurist Publ., 2001, 776 p. (In Russ.)

Teoriia gosudarstva i prava [Theory of state and law], A.F. Cherdantsev. Moscow, Iurait Publ., 1999, 429 p. (In Russ.)

Teoriia gosudarstva i prava [Theory of state and law], pod red. V.K. Babaeva. Moscow, 2006, 592 p. (In Russ.)

Usoskin S.V. *Soglasheniia o pooshchrenii i zashchite investitsii i natsional'noe zakonodatel'stvo: o chistykh rukakh i ne tol'ko. Mezhdunarodnoe pravosudie* [Agreements on promotion and protection of investments and national legislation: on clean hands and not only], 2016, № 1, pp. 104–112. (In Russ.)

Kholkina M.G. *Zashchita prav investorov na rynke tsennykh bumag: nauchno-prakticheskoe posobie* [Protection of rights of investors on the securities market: scientific and practical guide], 2014, p. 13. SPS «Konsul'tantPlus». (In Russ.)

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И ЗНАЧЕНИИ ПРАВОВОГО СРОКА

В настоящей статье рассматривается понятие «правовое время». Объективная реальность не может существовать вне времени и пространства. Правовое время выражает начало, длительность и окончание какого-либо правового действия, процесса, нормы, состояния или события; процесс непрерывных изменений юридической жизни. Отрезки этого времени – «правовые сроки», выполняющие роль юридического факта, – используются для регулирования общественных отношений. Автор выделяет две стороны юридических сроков – объективную, обусловленную характеристиками физического времени (длительность, последовательность, однонаправленность), и субъективную, предопределяющую возможность законодателя или правоприменителя приостанавливать, продлевать, восстанавливать или сокращать их. По мнению автора, правовые сроки позволяют обеспечить правовую определенность, стабильность в материальных и процессуальных отношениях, защиту прав и свобод граждан, дисциплинировать участников правоотношений.

Ключевые слова: время, срок, время в праве, правовой срок, юридической срок, бытие права, процессуальный срок.

Информация об авторе: Ткач Александр Сергеевич, магистрант Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, член избирательной комиссии Томской области с правом решающего голоса, г. Томск, Россия.

E-mail: alexandertkach01@gmail.com

Дата поступления статьи: 26.04.2020.

Для цитирования: Ткач А.С. К вопросу о понятии и значении правового срока // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 2. С. 224–228. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-224-228.

Aleksandr S. Tkach

Tomsk National Research State University

ON THE CONCEPT AND MEANING OF THE LEGAL TERM

This article deals with the concept of «legal time». Objective reality cannot exist without time and space. Legal time expresses the beginning, duration and end of a legal action, process, norm, condition or event; process of continuous changes in legal life. The lengths of this time are playing the role of a legal fact «legal deadlines». It regulates public relations. The author identifies two sides of legal terms – the objective, due to the characteristics of physical time (duration, sequence, one-pointedness), and the subjective, that determines the ability of the legislator or law enforcer to suspend, extend, restore or reduce them. According to the author, the legal timeline provides legal certainty, stability in material and procedural relations, protection of the rights and freedoms of citizens, and discipline of participants in legal relations.

Keywords: time, term, time in law, legal term, legal term, existence of law, procedural term.

Information about the author: Aleksandr S. Tkach, Master student of the Institute of Law of Tomsk National Research State University, member of the Electoral Commission of Tomsk Region with a casting vote, Tomsk, Russia.

E-mail: alexandertkach01@gmail.com

Article received: April 26, 2020.

For citation: Tkach A.S. On the concept and meaning of the legal term. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 2, pp. 224–228 (In Russ.). DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-224-228.

Право является одним из социальных регуляторов, который обеспечивает стабильность и динамизм их развития при постоянно меняющемся обществе. Диалектическое единство заключается в том, что стабильность, с одной стороны, не предполагает поспешного изменения законодательства, дает обществу возможность привыкнуть к установленным правовым предписаниям; динамизм же подразумевает изменчивость права, которое способно адаптироваться к социальным преобразованиям.

Важнейшим параметром обеспечения стабильности и динамизма права является время. В большом толковом словаре под ред. С.А. Кузнецова время определено, с одной стороны, как мера

длительности всего происходящего, существующего, измеряемая секундами, минутами, часами, сутками и т. п., а с другой – как основная (вместе с пространством) форма существования бесконечно развивающейся материи; необратимая последовательность существования всех явлений и предметов от прошлого к настоящему и будущему [Большой толковый словарь]. Объективная реальность не может существовать вне пространства и вне времени. Пространство и время могут быть рассмотрены в двух значениях: как общефилософские категории и как метакатегории бытия права. По мнению О.Ю. Евсеевой, рассматривая проблему сроков в праве, необходимо сначала идеализировать исследуемое пространство, предложив иде-

альную модель, после чего изучать существующий предмет во множестве взаимосвязанных, следующих друг за другом правовых событий. Впоследствии мы можем создать метрическое измерение на множестве временных объектов – «дленин событий» [Евсеева: 22].

В праве понятие «время», как правило, рассматривается с позиций хронологии (в основе учета лежит момент времени) и хронометрии (в основе лежит продолжительность времени). Правовое время определяет начало, длительность и окончание любого действия, процедуры, нормы, состояния, события; это функциональная категория юридической науки, отражающая процесс непрерывных изменений в правовой сфере, в ходе которого возникают новые и исчезают ранее существовавшие правоотношения, нормы и правовые акты, влияющие на становление и развитие доктрины и правоприменительной практики [Волк: 21]. По мнению И.И. Поляковой, правовое время представляет собой продолжительность события, деяния, состояния с определенными в нормативных положениях границами начала отсчета и окончания либо с возможностью их определения, имеющая значение для становления единой и стабильной правовой деятельности и практики [Полякова: 334].

В современной доктрине ученые обращают внимание на правовую природу и признаки правового времени. Правовая природа в философском смысле означает суть действий, категорий, вещей, систему параметров, обладающих признаками устойчивости и постоянства, и определяющих характеристики этих явлений. Между тем объективные свойства физического времени, являющиеся основой правового, приобретают в нем субъективные черты за счет влияния сознания и воли людей.

Понятие «правовое время» является абстрактным, в связи с чем для регулирования конкретных правоотношений необходимо использование формально определенной юридической единицы времени – правового срока.

С.А. Кузнецов под сроком понимает «определённый промежуток времени» (недельный, годичный), а также «назначенный, установленный момент исполнения, наступления чего-либо» [Большой толковый словарь].

В научных работах, посвященных отдельным отраслям права, существуют авторские определения правовых сроков. А.В. Жгунов определяет правовой срок в гражданском праве как отрезок времени, с истечением или наступлением которого нормы права связывают возникновение либо прекращение правоотношения [Жгунов: 6]. Ученый в области административного права Д.Н. Бахрах указывает, что юридический срок представляет собой «определенный нормативным актом отрезок времени, исчисляемый по заранее установленным правилам» [Бахрах: 458]. По мнению В.В. Долин-

ской, срок – это «момент или отрезок (период) времени, с наступлением или истечением которого закон связывает определенные правовые последствия» [Долинская: 5]. Э.М. Васекина определяет юридический срок как установленный законодательством, детерминированный совокупностью физических, исторических, социальных и психологических признаков период, обладающий признаками симметричности, инвариантности, дополнительности и простоты, с наступлением или истечением которого связано то или иное юридическое событие или действий (бездействие) [Васекина: 29].

На основе анализа вышеуказанных позиций можно обозначить общие моменты, которые выделяет каждый из авторов. В первую очередь, сущностно ученые определяют срок как промежуток времени. Во-вторых, функционально данная категория выполняет роль юридического факта, с наступлением которого связано возникновение, изменение или прекращение правоотношений.

В то же время существуют и иные позиции относительно понятия срока. По мнению В.В. Луць, сроки являются формой существования и развития составляющих их содержание субъективных прав и обязанностей, которые заключаются в возможности или необходимости совершения их носителями каких-либо действий или воздержания от них [Луць: 39]. Т.Г. Петрухина считает, что правовые сроки представляют собой не относящийся ни к событиям, ни к действиям вид юридических фактов [Петрухина: 16]. И.И. Полякова определяет правовой срок как «внешнее выражение и юридическое закрепление в предписании законодательства временного периода, способного иметь любую продолжительность и объективно текущего независимо от сознания человека в бесконечном пространстве времени [Полякова: 335]». С.А. Комков в зависимости от определения срока календарной датой, указанием на юридическое действие или событие относит юридические сроки к событиям, действиям или к связующему звену между ними [Комков: 7].

Необходимо отметить, что юридическим сроком также присущи свойства физического времени: длительность, последовательность, однонаправленность, цикличность, ритмичность и непрерывность. Длительности правовых сроков, являющейся темпоральным параметром правовой жизни, присуща четкая определенность начального и конечного моментов. Единицей измерения юридических сроков являются показатели физического времени: минуты, часы, сутки, день, неделя, месяц, год¹. Вместе с тем юридический срок может определяться календарной датой либо указанием на событие, которое неминуемо должно наступить.

М.В. Тюличкина обращает внимание на двойственность природы самих сроков, поскольку

в них закреплено как объективное, так и субъективное начало [Тюличкина: 109]. При этом субъективное начало находит своё выражение в определении начала и окончания правового срока, избрания масштаба времени. Юриспруденция с помощью подобных правовых конструкций абстрагирует их от времени и его сущностных свойств настолько, что предоставляет возможность совершать с ними различные действия, например приостановить или продлить сроки (тогда как приостановить или продлить течение времени невозможно, оно необратимо), восстановить истекшие по уважительным причинам сроки или сократить их, установить начало и конец течения срока. Например, в случае, если последний день срока, на который отложено судебное разбирательство, приходится на нерабочий день (в том числе объявленный таковым в целях обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения), то днем окончания такого срока считается первый следующий за ним рабочий день². Таким образом, нормативность, возможность совершения в отношении сроков различных действий, определенность начального и конечного момента срока являются субъективными свойствами правовых сроков. Время, в свою очередь, существует объективно и не зависит от сознания человека. Таким образом, «время» и «срок» соотносятся как объективное и субъективное.

Необходимо обратить внимание, что сроки неоднородны по своей правовой природе. Существуют различные виды сроков в зависимости от критериев, положенных в основу их классификации (например, по основанию установления, кругу правоотношений, к которым применяются сроки, степени определенности и т. д.). На основе признания специфики юридического процесса как особого предмета правового регулирования правовые сроки можно разделить на материальные (например, сроки административных наказаний) и процессуальные (например, сроки осуществления мер процессуального задержания (задержание, доставление)).

В то же время процессуальные сроки можно определить как нормативно-закрепленные, исчисляемые периоды времени, в течение которых субъекты процессуального производства должны принять процессуальные решения либо совершить процессуальное действие, истечение которых является основанием для возникновения, изменения или прекращения процессуальных отношений [Полякова: 337].

В зависимости от способа установления процессуального срока выделяют сроки, закрепленные в законе, и сроки, установленные судом. Сроки, установленные законом, могут быть классифицированы на сроки, адресованные суду, и сроки, обращенные к участникам процесса. Также в рамках процессуальных сроков ученые выделяют сроки-моменты и сроки-периоды [Шараева: 54]. Сро-

ки-моменты предполагают совершение процессуального действия одновременно или сразу после другого процессуального действия, а сроки-периоды предусматривают в своих пределах свободу совершения процессуальных действий.

Помимо этого, сроки можно классифицировать в зависимости от нормативно-правового акта, в котором они закреплены. Так, например, О.Ю. Евсеева выделяет следующие конституционно-правовые сроки, установленные в: 1) Конституции Российской Федерации; 2) законах; 3) актах референдумов; 4) подзаконных актах; 5) международных договорах; 6) актах органов местного самоуправления; 7) договорах, являющихся источниками конституционного права; 8) постановлениях и определениях Конституционного суда Российской Федерации; 9) в законодательных актах СССР [Евсеева: 22].

Следует обратить внимание и на значение юридических сроков в правовом пространстве.

Во-первых, они способствуют стабилизации, упорядочиванию правовых отношений, дисциплинируют их участников и, следовательно, обеспечивают устойчивость правопорядка. Это проявляется, прежде всего, в том, что наступление или истечение того или иного срока влечет за собой правовые последствия, связанные с возникновением или прекращением прав и обязанностей. Так, в соответствии с постановлением Пленума Высшего арбитражного суда Российской Федерации 25.12.2013 № 99 (в ред. 27.06.2017), «...соблюдение процессуальных сроков судом не является самостоятельной целью судопроизводства... и направлено на обеспечение стабильности и определенности как в спорных материальных правоотношениях, так и в возникших в связи с судебным спором процессуальных правоотношениях, в рамках выполнения задачи по осуществлению справедливого публичного судебного разбирательства в разумный срок независимым и беспристрастным судом»³.

Во-вторых, правовые сроки обеспечивают своевременную защиту прав и законных интересов граждан, что особенно важно в условиях существующей неблагоприятной эпидемиологической ситуации в России и введением в связи с этим различных правовых режимов. Для того, чтобы правовые возможности частных лиц были не декларативными, а реальными, законодатель закрепляет такие гарантии, как: 1) надлежащее исполнение должностными лицами своих обязанностей по обеспечению прав граждан в нормативно определенные сроки (например, сроки рассмотрения различного рода обращений лиц и принятия по ним соответствующего решения, сроки расследования и т. д.); 2) обязанность соблюдения сроков для обращения за судебной защитой и обжалования решений (например, сроки исковой давности, сроки подачи апелляционной жалобы и другие). Установ-

ление таких гарантий позволяет, с одной стороны, лицу, чьи права были нарушены, удовлетворить свои законные интересы в разумный срок, с другой, противоположному участнику правоотношений добиться окончательного решения возникшего правового спора.

На основе вышеизложенного можно сделать вывод о том, что правовой срок имеет две составляющие: философскую и юридическую, на его течение непосредственное влияние оказывают физические, исторические, социальные, экономические и иные факторы. В связи с этим под правовым сроком следует понимать определенный отрезок времени, с наступлением или истечением которого связано возникновение, изменение или прекращение каких-либо действий, правоотношений. Помимо этого, данная категория обладает некоторой двойственностью, которая проявляется, с одной стороны в том, что срок является важным элементом юридически значимых действий, процедур, их существенным условием, и потому прямо предусмотрен в законодательстве. В то же время для эффективного осуществления защиты субъективных прав, учета конкретных обстоятельств применительно к различным жизненным ситуациям сроки должны быть гибкими, вследствие чего законодатель допускает их перенос, приостановление и восстановление. Более того, в нормативно-правовых актах содержатся указания на временные рамки, разумные сроки. В целях упорядочивания общественных отношений с учетом двойственности правовых сроков в законодательстве необходимо предусмотреть: 1) оптимальную продолжительность сроков, сложившуюся в результате российской и зарубежной правоприменительной практики; 2) ответственность для властных субъектов, не соблюдающих установленные временные пределы. Также следует устранить противоречия в порядке исчисления сроков в отраслях, регулирующих сходные общественные отношения.

Примечания

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 1: от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в ред. от 16.12.2019) // КонсультантПлюс: справ. правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 02.04.2020).

² О порядке исчисления процессуальных сроков в условиях распространения на территории Российской Федерации коронавирусной инфекции: Письмо Верховного Суда РФ от 01.04.2020 № 7-ВС-1848/20 // КонсультантПлюс: справ. правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349339/ (дата обращения: 02.04.2020).

³ О процессуальных сроках: Постановление Пленума ВАС РФ от 25.12.2013 № 99 (в ред. 27.06.2017) // КонсультантПлюс: справ. правовая

система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_157890/ (дата обращения: 02.04.2020).

Список литературы

Бахрах Д.Н. Административное право России: учебник. М.: Эксмо, 2008. 528 с.

Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. URL: <http://gramota.ru/slovari/> (дата обращения: 01.04.2020).

Васекина Э.М. Юридические сроки: теоретико-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 169 с.

Волк И.В. Право, время и пространство: теоретический аспект: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 198 с.

Долинская В.В. Сроки в материальном и процессуальном праве // Закон. 2004. № 6. С. 5–9.

Евсеева О.Ю. Сроки в избирательном праве Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 245 с.

Жгунова А.В. Сроки в гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1971. 24 с.

Комков С.А. Сроки в трудовом праве Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2004. 27 с.

Луць В.В. Сроки в гражданских правоотношениях // Известия вузов. Правоведение. 1989. № 1. С. 37–43.

Петрухина Т.Г. Сроки в гражданском праве // Право и экономика. 2006. № 5. С. 15–19.

Полякова И.И. Процессуальные сроки в структуре процессуального производства: общетеоретический аспект // Юриспруденция как интегративный феномен современного российского общества и государства. 2018. С. 333–338.

Тюличкина М.В. Место процессуальных сроков в судебной системе // Юридический факт. 2017. № 13. С. 109–110.

Шараева Я.А. Процессуальные сроки и порядок их исчисления в уголовно-процессуальном праве России // Юрист-Правовед. 2017. № 2 (81). С. 54–58.

References

Bakhrakh D.N. *Administrativnoe pravo Rossii: uchebnik* [Administrative law of Russia: a textbook]. Moscow, Eksmo Publ., 2008, 528 p. (In Russ.)

Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo iazyka [A large explanatory dictionary of the Russian language], ed. by S.A. Kuznetsova [Educational portal "Word"]. URL: <http://gramota.ru/slovari/> (access date: 01.04.2020). (In Russ.)

Vasekina E.M. *Iuridicheskie sroki: teoretiko-pravovoe issledovanie*: dis. ... kand. iurid. nauk [Legal terms: theoretical and legal research: PhD thesis]. Moscow, 2011, 169 p. (In Russ.)

Volk I.V. *Pravo, vremia i prostranstvo: teoreticheskii aspekt*: dis. ... kand. iurid. nauk [Law, time and space: theoretical aspect: PhD thesis]. Moscow, 2004, 198 p. (In Russ.)

Dolinskaia V.V. *Sroki v material'nom i protsessual'nom prave* [Terms in substantive and procedural law]. *Zakon* [The law], 2004, № 6, pp. 5–9. (In Russ.)

Evseeva O.Iu. *Sroki v izbiratel'nom prave Rossiiskoi Federatsii*: dis. ... kand. iurid. nauk [Terms in the electoral law of the Russian Federation: PhD thesis]. Moscow, 2016, 245 p. (In Russ.)

Zhgunova A.V. *Sroki v grazhdanskom prave*: avtoref. dis. ... kand. iurid. nauk [Terms in civil law: PhD thesis, summary]. Sverdlovsk, 1971, 24 p. (In Russ.)

Komkov S.A. *Sroki v trudovom prave Rossiiskoi Federatsii*: avtoref. dis. ... kand. iurid. nauk [Terms in the labor law of the Russian Federation: PhD thesis, summary]. Tomsk, 2004, 27 p. (In Russ.)

Luts'V.V. *Sroki v grazhdanskikh pravootnosheniakh* [Terms in civil legal relationship]. *Izvestiia vuzov*

Pravovedenie [University News. Jurisprudence], 1989, № 1, pp. 37–43. (In Russ.)

Petrukhina T.G. *Sroki v grazhdanskom prave* [Terms in civil law]. *Pravo i ekonomika* [Law and Economics], 2006, № 5, pp. 15–19. (In Russ.)

Poliakova I.I. *Protsessual'nye sroki v strukture protsessual'nogo proizvodstva: obshcheteoreticheskii aspekt* [Procedural terms in the structure of proceedings: a general theoretical aspect]. *Iurisprudentsiia kak integrativnyi fenomen sovremennogo rossiiskogo obshchestva i gosudarstva* [Jurisprudence as an integrative phenomenon of modern Russian society and the state], 2018, pp. 333–338. (In Russ.)

Tiulichkina M.V. *Mesto protsessual'nykh srokov v sudebnoi sisteme* [The place of procedural terms in the judicial system]. *Iuridicheskii fakt* [Legal fact], 2017, № 13, pp. 109–110. (In Russ.)

Sharaeva Ia.A. *Protsessual'nye sroki i poriadok ikh ischisleniia v ugolovno-protsessual'nom prave Rossii* [Procedural terms and the order of it calculation in the Russian criminal procedural law]. *Iurist-Pravoved* [Lawyer-Legist], 2017, № 2 (81), pp. 54–58. (In Russ.)

DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-229-234
УДК 342.7

Гончарова Валерия Андреевна
Томский государственный университет

Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники

ПРИЗНАНИЕ ДОГОВОРА НЕЗАКЛЮЧЕННЫМ И ПРИЗНАНИЕ ДОГОВОРА НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМ КАК СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

В статье рассматриваются проблемы соотношения признания договора незаключенным и признания договора недействительным как самостоятельных способов защиты гражданских прав. Отмечается, что реформирование гражданского законодательства 2013–2015 гг. в равной степени затронуло правовое регулирование обоих данных способов, в то же время не разрешив ряд проблемных вопросов, касающихся их сферы применения и оснований. В статье делается вывод о том, что, несмотря на внимание к этому вопросу в литературе, а также наличие определенных выводов высших судебных инстанций, доктрина гражданского права не характеризуется единством в соотношении незаключенности и недействительности договоров. В аспекте затронутой в статье проблематики анализируется понимание существенных условий, согласование которых необходимо для заключения договора, а также существующие в доктрине отечественного гражданского права подходы к соотношению заключенности и действительности. Рассматриваются ситуации, когда требование о признании договора незаключенным и требование о признании договора недействительным в значительной степени близки друг другу по правовой природе. Предлагается авторский подход к разграничению данных способов защиты исходя из их оснований, предполагающий, что незаключенность и недействительность договоров представляют собой два различных уровня их дефектов.

Ключевые слова: недействительность договора, незаключенность договора, способ защиты гражданских прав, реформирование гражданского законодательства, реституция, несостоявшаяся сделка, существенные условия договора.

Информация об авторе: Гончарова Валерия Андреевна, ORCID 0000-0001-7997-8869, Томский государственный университет, Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, г. Томск, Россия.

E-mail: valeria.goncharova.93@bk.ru

Дата поступления статьи: 19.02.2020.

Для цитирования: Гончарова В.А. Признание договора незаключенным и признание договора недействительным как способы защиты гражданских прав // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 2. С. 229–234. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-229-234.

Valeriya A. Goncharova

Tomsk State University;

Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics

RECOGNITION OF A CONTRACT AS NULL AND VOID AS A MEANS OF PROTECTING CIVIL RIGHTS

The article considers the problems of correlation of recognition of a contract as null and void as an independent means of protecting civil rights. It is noted that the reform of civil legislation in 2013–2015. Equally affected is the legal regulation of both of these methods, at the same time not resolving a number of problematic issues regarding their scope and grounds. The article concludes that, despite the attention to this issue in the literature, as well as the presence of certain conclusions of the highest judicial instances, the doctrine of civil law is not characterised by unity in the ratio of non-conclusion and invalidity of contracts. In the aspect of the issues raised in the article, an analysis is made of the understanding of the essential conditions, the coordination of which is necessary for the conclusion of the contract, as well as the approaches to the ratio of conclusion and reality existing in the doctrine of Russian civil law. Situations are considered when the requirement to declare the contract null and void and the requirement to declare the contract invalid are substantially close to each other by legal nature. The author's approach to distinguishing between these methods of protection on the basis of their grounds is proposed, suggesting that the non-conclusion and invalidity of contracts are two different levels of their defects.

Keywords: invalidity of contract, non-conclusion of contract, method of protecting civil rights, reform of civil law, restitution, failed transaction, essential terms of contract.

Information about the author: Valeriya A. Goncharova, ORCID 0000-0001-7997-8869, Tomsk State University, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, Tomsk, Russia.

E-mail: valeria.goncharova.93@bk.ru

Article received: February 19, 2020.

For citation: Goncharova V.A. Recognition of a contract as null and void as a means of protecting civil rights. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 2, pp. 229–234 (In Russ.). DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-229-234.

Восстановление нарушенных прав участников гражданских правоотношений обеспечивается эффективным механизмом правовой защиты. Отсутствие конкуренции способов защиты, единообразие в их применении предопределяют последовательность в разрешении гражданско-правовых споров.

По смыслу ст. 12 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) перечень способов, обеспечивающих защиту гражданских прав, носит открытый характер: не предусмотренные данной статьей способы защиты могут быть определены законом.

В то же время на практике встречаются требования, не упомянутые в законе, но характеризующиеся как правоприменителями, так и представителями цивилистической доктрины [Зейналова; Козлова, Филиппова] в качестве способов защиты гражданских прав. Примером может служить требование о признании договора незаключенным, возможность заявления и защитная направленность которого иногда подвергаются критике в литературе, хотя почти не оспариваются на практике. Основанием для заявления указанного требования выступают как частные нормы об отдельных видах договоров (п. 2 ст. 465, п. 3 ст. 607 ГК РФ и др.), так и общие положения п. 3 ст. 432 ГК РФ. Появление последнего правила стало частичным ответом на вопросы разработчиков Концепции развития гражданского законодательства, в п. 7.2 которой отмечалась необходимость законодательного решения вопросов о возможности исков о признании договоров незаключенными и о правовых последствиях такого признания¹.

Возможность заявления требований о признании договора незаключенным изначально была сформулирована практикой. Как было отмечено в п. 15 Постановления Пленума ВАС РФ от 17.11.2011 № 73, если арендуемая вещь в договоре аренды индивидуализирована не должным образом, однако договор фактически исполнялся сторонами, стороны не вправе оспаривать этот договор по основанию, связанному с ненадлежащим описанием объекта аренды, в том числе ссылаться на его незаключенность или недействительность.

Примечательно, что как в Концепции развития гражданского законодательства, так и в тексте приведенного пункта Постановления незаключенность договора рассматривается сразу после либо «в связке» с требованием о признании договора недействительным. Однако разграничение данных требований с позиции закона и доктрины вызывает определенные трудности.

Ряд представляющих интерес выводов о соотношении недействительных и незаключенных договоров был сделан советскими цивилистами. Так, по мнению Н.В. Рабинович, сделка может быть признана несостоявшейся (или несовершившейся),

в частности, если отсутствует требуемый по закону фактический состав, если воля сторон выражена без необходимой степени определенности, если соглашение не охватывает одного из существенных согласно закону или договору условий [Рабинович: 19–20]. С представленными утверждениями Н.В. Рабинович не соглашался В.П. Шахматов, отмечавший, что «все “несостоявшиеся” сделки не соответствуют тем или иным требованиям норм права о составе сделки, поэтому нет надобности говорить в этих случаях о несостоявшихся сделках – все они являются недействительными» [Шахматов: 93]. Как свидетельствует анализ современной литературы, единство мнений по данному вопросу отсутствует и в настоящее время [Зейналова: 57–70].

По мнению Д.О. Тузова, состояние анализируемого им законодательства (до реформирования 2013–2015 гг.) свидетельствовало об искусственности проблемы: «“несуществованию” (под которой автором понимается незаключенность – В. Г.) как автономной правовой категории не находится места в системе юридических понятий. В правовой плоскости оно совпадает и не может не совпадать с понятием недействительности, а также – с точки зрения форм порочности – с понятием ничтожности» [Тузов 2006; Тузов 2007]. В подтверждение им указывалось на отсутствие единого подхода законодателя в определении оснований незаключенности договоров. Автор отмечал, что по смыслу законодательства несоблюдение формы сделки может в равной степени приводить как к недействительности договора, так и к его незаключенности; что заключенность договора с одной стороны – в рамках прошлой редакции п. 3 ст. 433 ГК РФ – связывалась с наличием его государственной регистрации, а с другой – в рамках п. 1 ст. 165 ГК РФ – с этим же связывалась и его действительность.

Признавая отсутствие достаточного теоретического разграничения рассматриваемых способов защиты, следует отметить, что современное состояние гражданского законодательства и актов его толкования свидетельствует о разведении как законодателем, так и правоприменителем явлений недействительности и незаключенности. Помимо уже приведенных норм п. 3 ст. 432 ГК РФ, а также п. 15 Постановления Пленума ВАС РФ № 73, отдельные указания на недействительность и незаключенность содержатся в п. 3 ст. 406.1, абз. 2 п. 1 ст. 431.2 ГК РФ, в п. 17 и 64 Постановления Пленума ВС РФ от 24.03.2016 № 7 и др.

Высказываемые Д.О. Тузовым замечания в отношении ранее действующего законодательства, непоследовательно регулировавшего вопросы недействительности и незаключенности, следует признать справедливыми. В то же время в условиях действующего законодательства и практики его применения большинство из указанных замечаний

были устранены. Положение п. 1 ст. 432 ГК РФ было уточнено в п. 3 Постановления Пленума ВС РФ от 25.12.2018 № 49, согласно которому несоблюдение требований к форме договора при достижении сторонами соглашения по всем существенным условиям не свидетельствует о том, что договор не был заключен. В этом случае последствия несоблюдения формы договора определяются в соответствии с правилами о последствиях несоблюдения формы отдельных договоров. В отличие от ранее действующего законодательства, государственная регистрация договора более не влияет на факт его заключения для сторон такого договора, выполняет исключительно функцию защиты интересов третьих лиц и публичных интересов (п. 3 ст. 433 ГК РФ).

В этих условиях вопрос о соотношении незаключенности и недействительности уже не находится исключительно в плоскости терминологии, а отрицание необходимости анализа рассматриваемых явлений не соответствует ни потребностям практики, ни интересам защиты гражданских прав участников оборота.

С точки зрения закона заключенность договора связывается с передачей вещи в рамках конструкции реального договора (п. 2 ст. 433 ГК РФ), а также с достижением сторонами соглашения по всем существенным условиям, к которым относятся: условие о предмете, условия, которые названы в законе или иных правовых актах как существенные или необходимые для договоров данного вида, а также все те условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение (п. 1 ст. 432 ГК РФ). Не вдаваясь в оценку существующих в литературе точек зрения по вопросу понятия «договорные условия», отметим лишь, что наиболее обоснованной представляется позиция О.А. Красавчикова, согласно которой «условие договора – это волевая модель (фрагмент общей договорной программы) поведения сторон после того, как данный договор вступит в силу... Договорные условия фиксируют в своем содержании достижение сторонами соглашения... о предмете и цене, о времени и месте исполнения и т. д.» [Красавчиков: 279].

Необходимость достижения соглашения по существенным условиям выступает способом законодательного регулирования договорных отношений участников гражданского оборота. В Концепции совершенствования общих положений обязательственного права России справедливо подчеркивалось, что столь жесткий «подход к регламентации вопросов заключения гражданско-правового договора имеет вполне понятную политико-правовую логику: с одной стороны, формализовать процесс совершения двухсторонних сделок и тем самым исключить какие-либо ссылки на то, что конкретное лицо не понимало, какого рода действия оно

совершало, а с другой стороны, исключить возможные злоупотребления при согласовании условий договоров и не перекладывать на суды бремя восполнения того, что стороны договора недвусмысленно и четко могли согласовать, но не сделали по тем или иным причинам»².

Круг предусмотренных п. 1 ст. 432 ГК РФ существенных условий неоднозначно определяется в литературе. Сомнению не подвергается лишь две группы условий: условие о предмете договора, а также условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение.

По вопросу определения понятия «условий, которые названы в законе или иных правовых актах как существенные или необходимые для договоров данного вида» отечественная цивилистика не характеризуется единством. Так, по мнению В.В. Груздева, существенные и необходимые для данного вида договоров условия представляют собой одну и ту же группу условий, указанных в законе [Груздев]. По другой позиции под необходимыми условиями понимаются все те условия, которые составляют «видообразующие признаки» того или иного договора [Никитин]. Представляется, что последняя позиция необоснованно расширяет круг существенных условий, каждое из которых по смыслу п. 1 ст. 432 ГК РФ должно быть названо таковым законом именно в качестве существенного или необходимого.

С учетом изложенного о незаключенности договора следует вести речь в ситуации выявившегося недостатка договорных условий как на этапе непосредственного исполнения договора, так и до или после такового. Данный недостаток вносит неопределенность в порядок исполнения обязательств и положение сторон исключительно в силу того, что изначально сторонами не должным образом была определена будущая модель собственных договорных взаимоотношений. Как отмечается в литературе, «сам по себе спор о незаключенности договора, как правило, является следствием не окончившегося успехом переговорного процесса. Рождается он, когда между сторонами были попытки взаимодействия, в результате которых родился документ с названием «соглашение», «договор», «основные условия сделки» и т. п. Тем не менее договорное обязательство нельзя признать возникшим» [Болдырев].

Именно отсутствие одного из существенных условий договора не приводит к преследуемому правовому результату: договор не считается заключенным, соглашение – достигнутым, договорное правоотношение возникшим. По большому счету при несогласовании существенных условий, в терминологии Н.В. Рабинович, отсутствует фактический состав для возникновения обязательственной правовой связи участников оборота.

Подобный подход, на первый взгляд, может быть охарактеризован как формальный и навязывающий сторонам перечень обязательных условий. Однако указанные опасения не оправданны. Разрешая вопрос о заключенности договора, суд обращается к его тексту и в порядке ст. 431 ГК РФ производит его толкование, а также правовую квалификацию, принимая во внимание в том числе действительную общую волю сторон с учетом цели договора, а также существа законодательного регулирования соответствующего вида обязательств. Сам процесс толкования и квалификации при этом ориентирован на заключенность и действительность договора (п. 44 Постановления Пленума ВС РФ № 49).

Недействительность договора по смыслу п. 1 ст. 166 и ст. 431.1 ГК РФ является следствием наличия в нем определенных дефектов воли и волеизъявления, субъектного состава, формы и содержания. Признание договора недействительным возможно, таким образом, в ситуации, когда процесс формирования договора был «отягощен» пороками содержательного, волевого или субъектного характера.

Можно заключить, что с позиции легального оформления незаключенность представляет собой полное отсутствие договора, в то время как недействительность предполагает наличие определенного соглашения, осложненного в процессе своего заключения одним или несколькими дефектами – основаниями недействительности. В этой связи при рассмотрении незаключенности и недействительности речь идет, по существу, о двух различных формах, уровнях порочности договоров.

Подобный подход косвенно проявляется и в актах судебной практики. Согласно п. 1 Информационного письма ВАС РФ от 25 февраля 2014 г. № 165, если между сторонами не достигнуто соглашение по всем существенным условиям договора, то он не считается заключенным и к нему неприменимы правила об основаниях недействительности сделок.

Бесспорно, что наличие дефекта в договоре в части волеизъявления и воли затрагивает процесс формирования договорных условий. В то же время в результате существенного заблуждения, обмана, принуждения набор необходимых с точки зрения ст. 432 ГК РФ условий определяется и наполняется содержанием, до оспаривания договор функционирует как акт индивидуального регулирования поведения его сторон. Договор, заключенный под влиянием указанных обстоятельств, может быть вовсе не оспорен, порождая конкретные права и обязанности. То же касается и дефектов, присутствующих в сделке, в части субъектного состава.

В то же время согласно ст. 171, 172 ГК РФ сделки, совершенные недееспособными, а также гражданами, не достигшими четырнадцати лет, ничтожны, а следовательно, недействительны с момента

своего совершения и не порождают никаких последствий, за исключением тех, которые связаны с их недействительностью (ст. 167 ГК РФ). Недействительная сделка выступает частным случаем отсутствия правового основания перемещения имущества, а соответственно, может квалифицироваться как акт неосновательного обогащения, что предопределяет рассмотрение реституции в качестве разновидности кондикционного притязания. В этой связи очевидно, что и у требования о признании договора незаключенным, и о признании ничтожного договора недействительным одинаковые последствия, определяемые гл. 60 ГК РФ.

Кроме того, как ничтожные, так и незаключенные договоры с позиции динамики гражданско-правовых обязательств существуют «на одном уровне»: они не возникают вовсе, изначально выступая правовым «ничем». Имеет ли в этом случае значение деление договоров на недействительные и незаключенные и можно ли ставить знак равенства между требованиями о признании ничтожного договора недействительным и о признании договора незаключенным?

Как представляется, ответ на данный вопрос должен быть отрицательным. Признание ничтожного договора недействительным и признание договора незаключенным, несмотря на отмеченную их общность, представляют собой различные способы защиты гражданских прав. Базовое различие данных требований состоит в их основаниях: наличие порока содержания, субъектного состава для недействительности и отсутствие, в частности, существенного условия для незаключенности. Различные основания предопределяют и различные последствия, общим как для первого, так и для второго является лишь кондикция. В свою очередь, недействительность сделок, помимо реституции, может повлечь возмещение убытков, применение «иных последствий нарушения, не связанных с недействительностью» (ст. 168 ГК РФ), «иных последствий, установленных законом» (ст. 169 ГК РФ).

Решение вопроса о наличии пороков в договоре, приводящих к его недействительности, предполагает существование «проверяемого» на них соглашения. Данное положение обосновывается тем, что лишь в этом случае нормы института недействительности будут выполнять присущую им защитную функцию, состоящую в лишении или непридании юридической силы тем актам поведения субъектов гражданского права, где имел место дефект. Заключенный недееспособными и малолетними лицами договор, безусловно, будет являться недействительным. В то же время соглашение, достигнутое такими лицами, с позиции п. 1 ст. 432 ГК РФ будет иметь значение, поскольку условия, необходимые и достаточные для заключения договора, будут ими выполнены. Дополнительным

аргументом в пользу данной позиции является возможность конвалидации сделок с участием указанных субъектов в том случае, если договоры заключены к их выгоде. Признав верность тезиса о том, что рассматриваемые требования одинаковы или что требование о признании договора недействительным включает в себя требование о признании его незаключенным, неясно, чему придается правовое значение, утраченное из-за дефекта, и каким договором в итоге оказываются связаны стороны.

При совершении сделок, противоречащих закону или иному правовому акту и нарушающих публичные интересы и интересы третьих лиц, ситуация вовсе иная. Изменение регулирования в определении вида недействительности подобных сделок с ничтожности на оспоримость сделало необходимым для сторон спорных соглашений всякий раз обращаться к суду с требованием о признании такой сделки недействительной ввиду того, что до момента вынесения судебного решения может быть неочевидно нарушение такой сделки публичных интересов или интересов третьих лиц. Данное обстоятельство существенно сближает режим оспоримости и ничтожности противозаконных сделок. В то же время п. 1 ст. 432 ГК РФ, как уже было отмечено, не предъявляет ни к содержанию сделки, ни к ее субъектам никаких требований, отдавая разрешение этих вопросов на откуп норм о недействительности сделок.

Но и само несогласование сторонами одного или нескольких условий, рассматриваемого законом в качестве существенных, может расцениваться как несоответствие заключенного сторонами договора закону или иному правовому акту. Однако очевидно, что подобное расширение диспозиции ст. 168 ГК РФ недопустимо. На предмет соответствия закону или иному правовому акту должен оцениваться тот договор, что уже имеет правовое значение, иными словами – соглашение, которое с позиции п. 1 ст. 432 ГК РФ было заключено. Именно в этом случае оно может быть признано недействительным, что повлечет применение реституции либо «иных последствий нарушения, не связанных с недействительностью сделки».

С учетом изложенного не вызывает сомнений обоснованность предложений разработчиков Концепции развития гражданского законодательства регламентировать порядок заявления требований о признании договора незаключенным, его последствия и круг управомоченных на такое заявление лиц. Возможно, подобная регламентация разрешила бы часть отмеченных проблем, касающихся соотношения требований о незаключенности и о недействительности договора. Пока же приходится констатировать, что, несмотря на большое значение данных способов для защиты конкретных лиц и всего гражданского оборота, ни в доктрине, ни в судебной практике не сложилось четкого подхода

к их соотношению и применению. Проведенный в настоящей статье анализ проблем недействительности и незаключенности при этом не претендует на полноту рассмотрения вопросов, ряд из которых требует самостоятельных и основательных исследований.

Примечания

¹ Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации // Вестник ВАС РФ. 2009. № 11. С. 77.

² Концепция совершенствования общих положений обязательственного права // Исследовательский Центр Частного Права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации: сайт. М., 2020. URL: <http://privlaw.ru/sovnet-po-kodifikacii/conceptions/> (дата обращения: 15.02.2020).

Список литературы

Болдырев В.А. Признание договора незаключенным как способ защиты гражданских прав // Законы России: опыт, анализ практика. 2018. № 4. Доступ из справ. правовой системы «Консультант-Плюс».

Груздев В.В. Существенные условия договора и последствия их несогласования сторонами // Журнал российского права. 2019. № 10. С. 86–97.

Зейналова Р.А. Незаключенность гражданско-правового договора: проблемы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. Новосибирск, 2018. 197 с.

Козлова Н.В., Филиппова С.Ю. Признание договора незаключенным: проблемы квалификации и правовые последствия // Закон. 2017. № 12. С. 108–115.

Красавчиков О.А. Гражданско-правовой договор: понятие, содержание и функции // Категории науки гражданского права: избранные труды: в 2 т. / под ред. В.С. Ем. М.: Статут, 2005. Т. 2. 269–289 с.

Никитин В.В. Существенные условия и незаключенность договоров: Россия и мир // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 5. С. 799–809.

Рабинович Н.В. Недействительность сделок и ее последствия. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1960. 171 с.

Тузов Д.О. О понятии «несуществующей» сделки в российском гражданском праве // Вестник ВАС РФ. 2006. № 10. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

Тузов Д.О. Теория недействительности сделок: опыт российского права в контексте европейской правовой традиции. М.: Статут, 2007. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

Шахматов В.П. Составы противоправных сделок и обусловленные ими последствия / В.П. Шахматов; отв. ред. В.А. Носов; Том. гос. ун-т им. В.В. Куйбышева, юрид. фак. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1967. 306 с.

References

- Boldyrev V.A. *Priznanie dogovora nezaklyuchennym kak sposob zashchity grazhdanskih prav* [Recognition of the contract as not concluded as a way of protecting civil rights]. *Zakony Rossii: opyt, analiz praktika* [Laws of Russia: experience, practice analysis], 2018, № 4. Konsul'tantPlyus: sprav. prav. sistema. (In Russ.)
- Gruzdev V.V. *Sushchestvennye usloviya dogovora i posledstviya ih nesoglasovaniya storonami* [Significant terms of the contract and the consequences of their non-agreement by the parties]. *ZHurnal rossijskogo prava* [Journal of Russian Law], 2019, № 10, pp. 86–97. (In Russ.)
- Zeinalova R.A. *Nezaklyuchennost' grazhdansko-pravovogo dogovora: problemy teorii i praktiki* [Inclusion of a civil law contract: problems of theory and practice]: dis. ... kand. jurid. nauk. Novosibirsk, 2018, 197 p. (In Russ.)
- Kozlova N.V., Filippova S.YU. *Priznanie dogovora nezaklyuchennym: problemy kvalifikacii i pravovye posledstviya* [Recognition of the contract as null and void: qualification problems and legal consequences]. *Zakon* [Law], 2017, № 12, pp. 108–115. (In Russ.)
- Krasavchikov O.A. *Grazhdansko-pravovoj dogovor: ponyatie, sodержanie i funkcii* [Civil contract: concept, content and functions]. *Kategorii nauki grazhdanskogo prava: izbrannye trudy* [Civil Law Science Categories: Selected Works]: in 2 vol., pod red. V.S. Em. Moscow, Statut Publ., 2005, vol. 2, pp. 269–289. (In Russ.)
- Nikitin V.V. *Sushchestvennye usloviya i nezaklyuchennost' dogovorov: Rossiya i mir* [Significant terms and non-conclusion of contracts: Russia and the world]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava* [Actual problems of Russian law], 2014, № 5, pp. 799–809. (In Russ.)
- Rabinovich N.V. *Nedejstvitel'nost' sdelok i ee posledstviya* [Invalidity of transactions and its consequences]. Leningrad, Leningradski universitet, 1960, 171 p. (In Russ.)
- Tuzov D.O. *O ponyatii «nesushchestvuyushchej» sdelki v rossijskom grazhdanskom prave* [On the concept of a “nonexistent” transaction in Russian civil law]. *Vestnik VAS RF* [Bulletin of the HAC RF], 2006, № 10. Konsul'tantPlyus: sprav. prav. sistema. (In Russ.)
- Tuzov D.O. *Teoriya nedejstvitel'nosti sdelok: opyt rossijskogo prava v kontekste evropejskoj pravovoj tradicii* [The theory of invalidity of transactions: the experience of Russian law in the context of European legal tradition]. Moscow, Statut Publ., 2007. Konsul'tantPlyus: sprav. prav. sistema. (In Russ.)
- SHahmatov V.P. *Sostavy protivopravnyh sdelok i obuslovlennye imi posledstviya* [The composition of illegal transactions and the consequences thereof], V.P. SHahmatov; otv. red. V.A. Nosov; Tom. gos. un-t im. V.V. Kujbysheva, YUrid. fak. Tomsk, Tomski universitet Publ., 1967, 306 p. (In Russ.)

DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-235-241
УДК 343.3

Кутузов Алексей Владимирович
Ростовский юридический институт МВД России

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ МОНИТОРИНГ СЕТИ ИНТЕРНЕТ КАК ЭЛЕМЕНТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

В статье обоснована актуальность использования мониторинга сети Интернет как источника получения информации в противодействии экстремизму. Проанализированы различные теоретико-методологические подходы к пониманию категории «оперативно-розыскной», «правоохранительный» мониторинг сети Интернет, рассмотрены перспективы дальнейшей имплементации данной категории в науку оперативно-розыскной деятельности. Определены цели и субъекты правоохранительного мониторинга. Отдельное внимание уделено нормативно-правовой основе использования мониторинга сети Интернет в раскрытии и расследований преступлений экстремистской направленности. В ходе исследования использовались герменевтический, формально-логический, логико-юридический и сравнительно-правовой методы, которые применялись при как в отдельности, так и в совокупности при анализе правовых норм, достижений науки и практики, разработки предложений по совершенствованию проведения оперативно-розыскных мероприятий в сети Интернет при раскрытии преступлений экстремистской направленности. Предоставлено авторское определение «оперативно-розыскного мониторинга» сети Интернет. Выработаны предложения по улучшению деятельности подразделений полиции при проведении мониторинга сети Интернет в контексте поиска информации, имеющей значение при раскрытии и расследовании преступлений указанной категории.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, экстремизм, противодействие экстремизму, мониторинг, сеть Интернет.

Информация об авторе: Кутузов Алексей Владимирович, ORCID 0000-0003-2296-7549, адъюнкт адъюнктуры Федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», г. Ростов-на-Дону, Россия.

E-mail: kutuzovlist@yandex.ru

Дата поступления статьи: 31.03.2020.

Для цитирования: Кутузов А.В. Оперативно-розыскной мониторинг сети Интернет как элемент противодействия преступлениям экстремистской направленности // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 2. С. 235-241. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-235-241.

Aleksey V. Kutuzov

Rostov Law Institute of the Ministry of internal affairs of the Russian Federation

OPERATIVE-SEARCH MONITORING THE INTERNET AS AN ELEMENT OF COUNTERING CRIMES OF EXTREMIST DIRECTION

The article substantiates the need to use Internet monitoring as a priority source of information in countering extremism. Various approaches to understanding the definition of the category of «operational search», «law enforcement» monitoring of the Internet are analysed, the theoretical development of the implementation of this category in the science of operational search is investigated. The goals and subjects of law enforcement monitoring are identified. The main attention is paid to the legal basis for the use of Internet monitoring in the detection and investigation of extremist crimes. In the course of the study hermeneutic, formal-logical, logical-legal and comparative-legal methods were employed, which were used both individually and collectively in the analysis of legal norms, achievements of science and practice, and development of proposals to refine the conduct of operational-search measures on the Internet when solving extremist crimes. The author's definition of «operational-search monitoring» of the Internet is provided. Proposals have been made to improve the activities of police units when conducting monitoring of the Internet in the context of the search for relevant information to the disclosure and investigation of crimes of that category.

Keywords: operational-search activities, extremism, countering extremism, monitoring, Internet.

Information about the author: Aleksey V. Kutuzov, ORCID 0000-0003-2296-7549, adjunct of Rostov Law Institute of the Ministry of internal affairs of the Russian Federation, Rostov-on-Don, Russia

Email: kutuzovlist@yandex.ru

Article received: March 31, 2020

For citation: Kutuzov A.V. Operative-search monitoring the Internet as an element of countering crimes of extremist direction. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 2, pp. 235–241 (In Russ.). DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-235-241.

Появление и развитие высоких информационных технологий в современном мире представляет собой глобальный динамический процесс, который имеет постоянный и целенаправленный характер. В результате совершенствуются и создаются новые средства и способы обработки информации, а сами технологии выходят на более качественный уровень.

Анализируя новые угрозы для пользователей информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, необходимо констатировать, что такие сети уже с самого начала своего появления активно используются злоумышленниками не только как средство, но и как орудие преступления, а также выступают местом его совершения. Использование экстремистами и террористами возможностей Глобальной сети является объективной реальностью и одним из серьезнейших вызовов, стоящих перед Российским государством.

Осознание возможностей всей совокупности процессов накопления данных обуславливает популярность такого метода сбора разведывательной информации из сети Интернет, как разведка из открытых источников, то есть оперативно-розыскной мониторинг (Интернет-мониторинг), который является собой новую категорию для науки оперативно-розыскной деятельности. В то же время, принимая во внимание содержание специальных исследователей, данный вид мониторинга практически не изучен, хотя и существует объективная потребность более детального его изучения на всех уровнях – теоретического, с широким доступом к источникам информации, и, как следствие, практического.

Приведенные положения свидетельствуют о необходимости подробной и целенаправленной разработки и дальнейшего применения мониторинга сети Интернет как наиболее перспективного направления по противодействию экстремистской преступности. Отдельные аспекты мониторинга сети Интернет в оперативно-розыскной деятельности рассматривались в трудах Р.Г. Налбандяна, А.Л. Осипенко, А.О. Сукманова. Также необходимо отметить разработки В.О. Давыдова, В.И. Куватова, А.И. Примакина, Д.И. Якушева, исследовавших мониторинг сети Интернет в целях раскрытия и расследования преступлений экстремистской направленности.

Принимая во внимание бесспорно важные теоретические наработки по данной проблематике, считаем целесообразным обратить внимание на отсутствие общепринятой терминологии и различное толкование сущности мониторинга сети Интернет в науке оперативно-розыскной деятельности. На наш взгляд, очерченные положения свидетельствуют о необходимости более детального изучения данной категории и систематизации имеющихся подходов к пониманию правовой природы использования оперативно-розыскного мониторинга.

Целью представленной научной работы является анализ теоретико-методологических подходов к пониманию оперативно-розыскного мониторинга, определение его основных направлений, методов и субъектов в противодействии экстремистской деятельности, а также выработка рекомендаций по дополнению существующей нормативной правовой базы, регламентирующей указанные правоотношения.

В первую очередь рассмотрим категорию мониторинга ресурсов сети Интернет с точки зрения ее значения в раскрытии преступлений экстремистской направленности. Анализируя данную проблематику, необходимо прежде всего определить само значение понятия «мониторинг». Практика применения термина «мониторинг», безусловно, требует не просто нового философского осмысления, но и структурного обновления смыслового наполнения единой дефиниции ввиду ее принадлежности к различным областям познания, как к теории, так и к практике.

Толковый словарь русского языка XXI века определяет мониторинг (англ. “monitoring” – наблюдение, лат. “monitor” – предостерегающий) как «систематическое наблюдение за каким-либо процессом с целью его изучения, а также анализа, оценки и прогноза на будущее» [Самый новейший: 189]. В широком смысле мониторинг – деятельность по наблюдению (слежению). То есть атрибутивная характеристика «мониторинга» для общества соотносительна, соответственно, с характеристикой «наблюдения» для информации. Как процесс передачи и получения сведений постепенно приобретает признаки «исследования реальности, используемые в различных науках, кроме того, способа обеспечения сферы управления специфическими видами деятельности при помощи представления своевременной и качественной информации» [Ганеева: 30]. Особенно это ощутимо в контексте проблем информационного процесса, при непрерывном и систематическом аккумулировании данных о свойствах и характеристиках объекта или действия.

Являясь сферой выявления и реализации интересов современного общества, мониторинг играет одну из ключевых ролей во внедрении важных изменений и соответствующего управления, в участии информационного обслуживания управления государственными делами, разработке и реализации эффективной государственной политики в разнообразных отраслях хозяйственной деятельности. На наш взгляд, базовой составляющей системы противодействия экстремизму как динамической социальной системы является мониторинг и прогнозирование экстремистской активности.

Ряд исследователей определяют оперативно-розыскной мониторинг (интернет-мониторинг) как «перспективную разновидность направления

оперативного поиска в сетевом информационном пространстве, представляющую собой комплексную систему оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ), которые обеспечивают наблюдение за состоянием криминальных процессов в сетевой социальной среде, базирующуюся на применении средств и методов оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД)». В свою очередь, данная деятельность направлена на аккумулярование, переработку, а также детальное рассмотрение информации о различного рода явлениях криминального характера. В основе мониторинга может заключаться осуществление проведения в информационно-сетевом пространстве разных ОРМ, например: опросы, наведение справок, непосредственное наблюдение и прочее [Теория: 366]. Нам представляется значимой позиция А.Л. Осипенко, который считает, что «мониторинг открытых и законспирированных сетевых ресурсов криминальной направленности позволяет обнаруживать признаки подготовки противоправных действий именно на ранних стадиях» [Осипенко 2018: 82].

Как справедливо отмечает А.Л. Осипенко, оперативно-розыскной мониторинг сетевых информационных ресурсов, которые представляют оперативный интерес, реализуется через их автоматизированный поиск, оперативно-розыскное изучение и наблюдение за закрытыми для широкого круга лиц местами сетевого общения, содержащими признаки противоправной деятельности [Осипенко 2018: 87].

В свою очередь, Р.Г. Налбандян, опираясь на исследования А.Л. Осипенко и А.Ю. Шумилова, рассматривает мониторинг сети Интернет как самостоятельный вид оперативно-розыскного мероприятия: «получение компьютерной информации» [Налбандян: 137]. На наш взгляд, данная позиция упрощает суть процесса мониторинга и преуменьшает его значимость для противодействия преступности.

А.О. Сукманов вводит более широкое понятие – «оперативно-розыскной мониторинг открытых источников информации», представляющий собой «комплексную систему постоянного наблюдения за состоянием информационных ресурсов, общественно опасных процессов и явлений криминального характера в информационной среде, а также факторами, детерминирующими их формирование и развитие, осуществляемое с целью своевременной разработки и принятия мер по борьбе с указанными явлениями и процессами» [Сукманов: 18].

Приведенные положения хоть и имеют между собой значительные отличия, однако во многом схожи, квалифицируя мониторинг как систематическую деятельность по наблюдению за объектами и процессами в сети Интернет, осуществляемую уполномоченными субъектами, с применением специальных методов для достижения целей, по-

ставленных перед правоохранительными органами. Опираясь на данные признаки, считаем целесообразным в дальнейшем сформулировать авторское определение оперативно-розыскного мониторинга экстремистской деятельности в сети Интернет.

Заслуживает внимание тот факт, что термин мониторинг не употребляется в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности»¹. Одной из проблем законодательной деятельности является то, что законы не всегда научно обоснованы. То есть одной из характерных особенностей современной юридической техники является наличие понятийного аппарата именно в текстах нормативно-правовых актов, регулирующих специфическую сферу общественных отношений. Анализируя модельный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» (принят на двадцать седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ), находим определение мониторинга как «соответствующего оперативно-розыскного мероприятия» (мониторинг информационно-телекоммуникационных сетей и систем)².

Считается, что качество законодательства зависит от полноты информации и адекватности понимания законодателем состояния дел в обществе. В соответствии со ст. 1 модельного закона «мониторинг информационно-телекоммуникационных сетей и систем – получение сведений, необходимых для решения конкретных задач оперативно-розыскной деятельности, и их фиксация путем наблюдения с применением специальных технических средств за характеристиками электромагнитных и других физических полей, возникающих при обработке информации в информационных системах и базах данных и ее передаче по сетям электрической связи, компьютерным сетям и иным телекоммуникационным системам»². Чтобы избежать пробелов, при разработке предложений по усовершенствованию оперативно-розыскного законодательства в контексте мониторинга сети Интернет, по нашему мнению, целесообразно опираться на терминологию, применяющуюся в данном законе.

Считаем, что в общем виде мониторинг сети Интернет при раскрытии преступлений экстремистской направленности не затрагивает права человека и гражданина на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи². В то же время в целях решения задач ОРД (сбор дополнительных сведений, получение которых иным способом не представляется возможным или раскрывает тактику и методы правоохранительных органов), ограничение конституционных прав граждан во время проведения данного ОРМ возможно только на основании судебного решения, по аналогии с иными оперативно-розыскными мероприятиями данного типа.

Исходя из очевидной необходимости идентификации определений мониторинга сети Интернет, мониторинга информационно-телекоммуникационных сетей и систем, которые отличаются друг от друга или же употребляются в специфическом для каждого акта значении, считаем уместным согласиться с мнением исследователей [Серов, Дубинин: 174] в данном вопросе. Мониторинг предполагает систематическую деятельность или как минимум является продолжительным во времени, что прямо противоположно сути оперативно-розыскного мероприятия «получение компьютерной информации» и не соответствует основаниям для проведения ОРМ, предусмотренных ФЗ «Об ОРД»¹.

В ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» понятие мониторинга закреплено законодательно как «обязанность федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по контролю и надзору в сфере средств массовой информации, массовых коммуникаций, информационных технологий и связи по контролю деятельности новостных агрегаторов и аудиовизуальных сервисов и проявляется в организации мониторинга информационных ресурсов»³. На уровне «Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» (ст. 27) среди основных направлений государственной политики по противодействию экстремизму выделен «мониторинг средств массовой информации и информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть “Интернет”, в целях выявления фактов распространения идеологии экстремизма, экстремистских материалов и незамедлительного реагирования»⁴.

Существующая разрозненность доктринальных и законодательных определений мониторинга сети Интернет в решении основных задач, стоящих перед правоохранительными органами, а также в противодействии экстремизму в частности, вызывает проблемы как в теоретической разработке данной тематики, так и в практической деятельности оперативных подразделений полиции. В целях устранения возникающих противоречий считаем целесообразным выделить оперативно-розыскной мониторинг в отдельный вид оперативно-розыскных мероприятий с его нормативным определением.

В.О. Давыдов среди приоритетных направлений выявления и пресечения экстремизма выделяет целевой мониторинг информационных ресурсов сети Интернет [Давыдов: 63]. В.И. Куватов, А.И. Примакин, Д.И. Якушев считают, что мониторинг информации о субъектах и объектах экстремисткой деятельности представляет наибольший оперативный интерес для правоохранительных органов и обладает свойством непрерывности во времени. Данное мероприятие предполагает сбор информации обо всех объектах и субъектах экстре-

мисткой деятельности. Кроме того, ввиду значительных объемов обрабатываемых данных, целесообразно использовать методы интеллектуального анализа [Куватов 2013; Куватов 2014]. Отдельным направлением мониторинга является мониторинг анонимных финансовых потоков в сети Интернет. Учитывая принципы и условия функционирования информационно-телекоммуникационной сети Интернет, упреждение осуществления финансово-экономической деятельности в части обезличенного проведения банковских операций, то есть запрет осуществления анонимных финансовых платежей в Интернет-банкинге, по ряду причин не представляется полностью возможным [Куватов, Примакин, Якушев: 91] в связи с тем, что введение такого рода превентивных мер нанесло бы непоправимый ущерб деятельности хозяйствующих субъектов.

Итак, по нашему мнению, целью правоохранительного мониторинга выступает предотвращение деструктивных действий, их выявление и прекращение, а задачами являются: поиск и фиксация фактических данных по использованию информационных ресурсов в деструктивных целях; установление и изобличение субъектов этих действий для дальнейшего привлечения их к юридической ответственности и предотвращение деструктивной деятельности путем прекращения таких возможностей, например путем блокирования доступа к определенным Интернет-ресурсам. Субъектами правоохранительного мониторинга могут быть только органы, имеющие полномочия осуществлять поиск информации о противоправных деяниях определенных лиц и групп, уполномоченные собирать конфиденциальную информацию о лице без его согласия.

Проанализировав основные категории оперативно-розыскного мониторинга сети Интернет, считаем превалирующим условием при отборе необходимой информации, являющейся ключевым маркером для сотрудников полиции при раскрытии преступлений экстремистской направленности, проведение анализа единичных ресурсов, используя специальные продукты и сервисы, с целью дальнейшего точечного преобразования массива данных высококвалифицированными специалистами.

Информационно-телекоммуникационные сети (в том числе Интернет) и технологии работы с информацией достигли исключительно высокого уровня эффективности. Именно поэтому использование устаревших алгоритмов сбора данных с помощью перехода на различные Интернет-ресурсы является неэффективным и трудозатратным методом. Даже при условии полного понимания способа обработки больших массивов информации в процессе преобразования данных согласно установленному фильтру отбора, сотрудник правоохранительных органов из-за значительного объема обрабатываемых сведений с большой долей веро-

ятности может не обратить внимания на ценные данные, а при механическом непреднамеренном удалении сведений релевантная информация будет недоступна в резульгативной выборке. Вследствие необходимости регистрации при использовании Интернет-порталов, предоставляющей возможность для обработки информации, сотрудники полиции работают в условиях ограниченности ресурсов, а также соблюдения конспирации и зашифровки целей использования сетевых ресурсов.

В публикациях последних лет представлена точка зрения, согласно которой мониторинг сети необходимо обоснованно вести в автоматическом режиме с внедрением инновационного специализированного программного обеспечения, позволяющего как значительно экономить человеческие ресурсы, так и эффективно увеличить охват соответствующей информации [Осипенко 2015: 14]. Следовательно, категория мониторинга нацелена на поиск информации, содержащей общественно-деструктивные идеи и имеющую противоправный характер. Рассматривая данную категорию, крайне важно безотлагательно осветить возможные недостатки проведения мониторинга посредством автоматического режима, среди которых стоит выделить следующие:

- дорогостоящее программное обеспечение и наличие современных технических решений при выполнении очерченных задач;
- необходимость наличия в штате высококвалифицированных специалистов, обладающих уникальными знаниями и навыками по поиску, отбору и обработке данных, представляющих оперативный интерес;
- отсутствие целостного подхода, ориентированного на решение проблемы незамедлительного и своевременного мониторинга в современных условиях, что обостряет ведение борьбы с выявлением проявлений экстремизма в обществе.

Результаты проведенного исследования дают основания для однозначного вывода о том, что в Российской Федерации на уровне государства необходимо создать целостную, иерархически выстроенную систему отслеживания использования сети Интернет (в том числе социальных сетей) в деструктивных целях. Ее целесообразно обозначить как «оперативно-розыскной мониторинг сети Интернет». Это позволит более эффективно выявлять деструктивные процессы в сети и оперативно принимать решения о блокировании запрещенной информации и поиске лиц, причастных к её созданию и размещению.

В данном контексте не можем не поддержать позицию отмеченных выше ученых в сфере оперативно-розыскной деятельности, согласно которой мониторинг сети Интернет – один из самых действенных способов противодействия преступности, в частности экстремистской направленности.

Считаем возможным определить оперативно-розыскной мониторинг сети Интернет как систематическую деятельность по наблюдению за объектами, явлениями и процессами в сети Интернет, осуществляемую уполномоченными субъектами оперативно-розыскной деятельности, использующих специальные методы для выполнения задач, поставленных перед правоохранительными органами.

В свою очередь, оперативно-розыскной мониторинг экстремистской активности в сети Интернет имеет своей целью отслеживание противоправной деятельности как экстремистских организаций и сообществ, так и её членов.

Проведенный научный анализ показал, что получение компьютерной информации и «мониторинг информационно-телекоммуникационных сетей и систем» представляют собой разные оперативно-розыскные мероприятия.

Именно поэтому, обсуждая сегодня проблемы правового естества мониторинга сети Интернет различными субъектами оперативно-розыскной деятельности, с особой осмотрительностью стоит обратить внимание на то, что, с одной стороны, в широком понимании указанное мероприятие непосредственно увязывается с целями ОРД: выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших, и относится к разновидности определенных оперативно-розыскным законодательством мероприятий¹. С другой стороны, проведенный анализ свидетельствует об отличной, на первый взгляд, природе таковой деятельности (цифровая среда, подразумевающая иной подход к проведению ОРМ, наличие соответствующих умений и компетенций у субъектов ОРД, продолжительность проведения мониторинга и др.). Сказанное обосновывает необходимость дальнейшей более детальной разработки указанной проблематики и выработки теоретических рекомендаций по совершенствованию существующей правовой основы оперативно-розыскной деятельности.

В итоге хотелось бы отметить, что необходимость разработки совокупности специализированных методов и приемов целесообразного проведения мониторинга именно сети Интернет является своеобразным индикатором эффективности при выявлении и раскрытии преступлений экстремистской направленности, документирования осуществления преступной деятельности злоумышленниками, сбора доказательной базы (получения криминалистически значимой информации) и привлечения виновного лица к юридической ответственности. А потому необходимость в резульгативной и действенной квалифицированной обработке анализируемой информации, дополнительное профессиональное обучение сотрудников различных подразделений правоохранительных

органов по использованию общедоступного инструментария с целью эффективного противодействия преступности более чем очевидна.

Примечания

¹ Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон № 144-ФЗ от 12 августа 1995 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 33. Ст. 3349 (с изменениями на 02.08.2019).

² Об оперативно-розыскной деятельности: Модельный закон: принят на двадцать седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ (постановление № 27-6 от 16 ноября 2006 года). URL: <http://docs.cntd.ru/document/902050857> (дата обращения: 09.03.2020).

³ Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон № 149-ФЗ от 27 июля 2006 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31. Ст. 3448 (с изменениями на 02.08.2019).

⁴ Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года: (утв. Президентом РФ 28.11.2014 № Пр-2753). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_194160/ (дата обращения: 09.03.2020).

Список литературы

Ганеева Ж.Г. Определение понятия «Мониторинг» в различных сферах его применения // Вестник Челябинского государственного университета. 2005. № 1. С. 30–33.

Давыдов В.О. Актуальные проблемы противодействия информационному экстремизму в России // Государственная служба: научно-политический журнал. 2012. № 6 (80). С. 61–63.

Куватов В.И. Модульный принцип построения системы поддержки принятия решений для эффективного планирования операций / В.И. Куватов, К.В. Граневский, Д.Н. Скородумов, А.В. Здвизжков // Вопросы оборонной техники. 2013. № 1–2. С. 92–97.

Куватов В.И., Козьмовский Д.В., Примакин А.И. Методы анализа трафика и определения сетевой деятельности в вычислительных сетях в интересах контроля пользователей // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 1 (61). С. 112–116.

Куватов В.И., Примакин А.И., Якушев Д.И. Противодействие террористическим и экстремистским организациям в сети Интернет // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2015. № 1 (65). С. 91–92.

Налбандян Р.Г. Получение компьютерной информации как новая категория оперативно-розыскного законодательства // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. № 1. С. 136–138.

Осипенко А.Л. Новое оперативно-розыскное мероприятие «Получение компьютерной информации»: содержание и основы осуществления // Вестник Воронежского института МВД России. 2016. № 3. С. 83–90.

Осипенко А.Л. Новые технологии получения и анализа оперативно-розыскной информации: правовые проблемы и перспективы внедрения // Вестник Воронежского института МВД России. 2015. № 2. С. 13–19.

Осипенко А.Л. Перспективы использования информационно-аналитических технологий в оперативно-розыскной деятельности // Общество и право. 2018. № 4 (66). С. 80–87.

Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века: ок. 1500 слов / Е.Н. Шагалова. М.: АСТ: Астрель, 2011. 413 с.

Серов А.В., Дубинин А.С. Получение компьютерной информации как самостоятельное оперативно-розыскное мероприятие // Вестник Воронежского института МВД России. 2018. № 3. С. 170–175.

Сукманов А.О. Понятие и сущность оперативно-розыскного мониторинга открытых источников информации // Вестник Калининградского юридического института МВД России. 2011. № 1 (23). С. 17–19.

Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского. 4-е изд., перераб. и доп. Москва: ИНФРА-М, 2018, 762 с.

References

Ganeeva Zh.G. *Opredeflenie poniatiiia «Monitoring» v razlichnykh sferakh ego primeneniia* [Definition of the concept of “Monitoring” in various fields of its application]. Vestnik ChelGU [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2005, № 1, pp. 30–33. (In Russ.)

Davydov V.O. *Aktual'nye problemy protivodeistviia informatsionnomu ekstremizmu v Rossii* [Actual problems of counteraction to information extremism in Russia]. Gosudarstvennaia sluzhba nauchno-politicheskii zhurnal [Public Service: Journal of Political Science], 2012, № 6 (80), pp. 61–63. (In Russ.)

Kuvatov V.I. *Modul'nyi printsip postroeniia sistemy podderzhki priniatiia reshenii dlia effektivnogo planirovaniia operatsii* [The modular principle of constructing a decision support system for effective planning of operations]. Kuvatov V.I., Granevskii K.V., Skorodumov D.N., Zdvizhkov A.V. *Voprosy oboronnoi tekhniki* [Defense Technology Issues], 2013, № 1–2, pp. 92–97. (In Russ.)

Kuvatov V.I., Koz'movskii D.V., Primakin A.I., *Metody analiza trafika i opredeleniia setevoi deiatel'nosti v vychislitel'nykh setiakh v interesakh kontroliia pol'zovatelei* [Methods of traffic analysis and determination of network activity in computer

networks in the interests of user control]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2014, № 1 (61), pp. 112–116. (In Russ.)

Kuvatov V.I., Primakin A.I., Iakushev D.I. *Protivodeistvie terroristicheskim i ekstremistskim organizatsiiam v seti Internet* [Countering terrorist and extremist organizations on the Internet]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2015, № 1 (65), pp. 91–92. (In Russ.)

Nalbandian R.G. *Poluchenie komp'iuternoi informatsii kak novaia kategoriia operativno-rozysknogo zakonodatel'stva* [Obtaining computer information as a new category of operational-search legislation]. *Problemy ekonomiki i iuridicheskoi praktiki* [Problems of Economics and Legal Practice], 2018, № 1, pp. 136–138. (In Russ.)

Osipenko A.L. *Novoe operativno-rozysknoe meropriiatie «Poluchenie komp'iuternoi informatsii»: sodержanie i osnovy osushchestvleniia* [New operational-investigative event “Obtaining computer information”: content and basics of implementation]. *Vestnik VI MVD Rossii* [Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2016, № 3, pp. 83–90. (In Russ.)

Osipenko A.L. *Novye tekhnologii polucheniia i analiza operativno-rozysknoi informatsii: pravovye problemy i perspektivy vnedreniia* [New technologies for obtaining and analyzing operational-search information: legal problems and prospects for implementation]. *Vestnik VI MVD Rossii* [Bulletin

of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2015, № 2, pp. 13–19. (In Russ.)

Osipenko A.L. *Perspektivy ispol'zovaniia informatsionno-analiticheskikh tekhnologii v operativno-rozysknoi deiatel'nosti* [Prospects for the use of information and analytical technologies in the operational-search activity]. *Obshchestvo i pravo* [Society and Law], 2018, № 4 (66), pp. 80–87. (In Russ.)

Samyi noveishii tolkovyi slovar' russkogo iazyka XXI veka: ok. 1500 slov [The newest explanatory dictionary of the Russian language of the XXI century: approx. 1500 words], comp. E.N. Shagalova. Moscow., AST Publ., Astrel' Publ., 2011, 413 p. (In Russ.)

Serov A.V., Dubinin A.S. *Poluchenie komp'iuternoi informatsii kak samostoiatel'noe operativno-rozysknoe meropriiatie* [Obtaining computer information as an independent operational-search measure]. *Vestnik VI MVD Rossii* [Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2018, № 3, pp. 170–175. (In Russ.)

Sukmanov A.O. *Poniatie i sushchnost' operativno-rozysknogo monitoringa otkrytykh istochnikov informatsii* [The concept and essence of operational-search monitoring of open sources of information]. *Bulletin of Kaliningrad. legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia* [Bulletin of the Kaliningrad Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2011, № 1 (23), pp. 17–19. (In Russ.)

Teoriia operativno-rozysknoi deiatel'nosti: uchebnik [The theory of operational investigative activity: a textbook], ed. by K.K. Goryainov, V.S. Ovchinsky. 4th ed., revised. and add. Moscow, INFRA-M Publ., 2018, 762 p. (In Russ.)

**РАСПОРЯЖЕНИЕ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫМ ПРАВОМ
НА ОБЪЕКТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ**

В статье рассматривается понятие интеллектуальных прав, анализируются проблемы в области правоотношений по распоряжению интеллектуальной собственностью и пути их решения. Статья посвящена комплексному исследованию способов распоряжения исключительными (имущественными) правами. Выделяются и описываются характерные особенности лицензионных договоров, договоров об отчуждении и других соглашений по распоряжению интеллектуальной собственностью. В данной статье предпринята попытка раскрыть основные причины несовершенства законодательства как следствие недостатка теоретических исследований. Определена правовая природа договора отчуждения интеллектуальной собственности. Предложены существенные ограничения на отчуждение интеллектуальной собственности первичными правообладателями. Выделен новый критерий права интеллектуальной собственности. Дана авторская классификация договоров по распоряжению интеллектуальной собственностью. Предложены меры по совершенствованию правового регулирования залоговых правоотношений в праве интеллектуальной собственности. Обозначены основные проблемы внесения исключительного права в уставный (складочный) капитал и возможные варианты их преодоления. Анализируются практические и теоретические проблемы применения коммерческой концессии (франчайзинга), предложен новый критерий правоотношений, связанных с коммерческой концессией. Все предложенные выводы представляют собой результат длительной научной работы и практической деятельности по защите прав интеллектуальной собственности в качестве адвоката.

Ключевые слова: право интеллектуальной собственности, исключительное право, авторское право, патентное право, ноу-хау, залог исключительного права, лицензия, лицензионные договоры, коммерческая концессия.

Информация об авторе: Бредихин Глеб Павлович, аспирант РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, адвокат Санкт-Петербургской городской коллегии адвокатов, г. Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: glebbredikhin@yahoo.com

Дата поступления статьи: 19.03.2020.

Для цитирования: Бредихин Г.П. Распоряжение исключительным правом на объекты интеллектуальной собственности // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 2. С. 242–248. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-242-248.

Gleb P. Bredihin

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

TRANSFER OF EXCLUSIVE RIGHTS ON OF INTELLECTUAL PROPERTY

In this article the concept of intellectual rights is discussed as well as the most important problems of intellectual property's transfer and the ways to solve these problems. The article is devoted to a comprehensive study of ways to transfer exclusive (intellectual property) rights. The characteristic features of licencing agreements, alienation agreements and other agreements in the field of intellectual property transfer are highlighted and described. This article is an attempt to reveal the main causes of the legislation's imperfection as a consequence of the lack of theoretical research in this area. The legal nature of the agreement on the transfer (sail) of intellectual property is determined. Substantial restrictions on the transfer of intellectual property by primary owners are proposed. A new criterion of intellectual property law theory is highlighted. The new author's classification of intellectual property contracts is given. We propose measures to improve the legal regulation of pledge in intellectual property law. The main problems of exclusive rights and authorised (share) capital and options for overcoming them are given. The practical and theoretical problems of applying commercial concession (franchising) are analysed, a new criterion of legal relations related to commercial concession is proposed. All the proposed conclusions are the result of a long scientific work and practical protection of intellectual property rights as an attorney at law.

Keywords: intellectual property rights, exclusive rights, copyright, patent law, know-how, pledge of exclusive right, licence, licence agreements, franchise.

Information about the author: Gleb P. Bredihin, postgraduate student of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (The Presidential Academy, RANEPА), attorney at law in Saint Petersburg city Bar, Russia.

E-mail: glebbredikhin@yahoo.com

Article received: March 19, 2020.

For citation: Bredikhin G. Transfer of Exclusive rights on of intellectual property. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 2, pp. 242–248 (In Russ.). DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-242-248.

Интеллектуальная собственность представляет собой продукты науки либо творчества. В то время как наука служит на благо человечеству, творчество удовлетворяет духовные и культурные потребности людей. Правовой институт интеллектуальной собственности призван охранять права авторов и правообладателей. Но доведение результатов интеллектуальной деятельности до практического использования невозможно без распоряжения этими результатами посредством соглашений. В данной статье мы рассмотрим понятие интеллектуальной собственности, основные виды соглашений (лицензионные договоры и договоры отчуждения) по распоряжению исключительными правами, а также рассмотрим иные (специальные) виды соглашений по распоряжению интеллектуальной собственностью.

Интеллектуальные права и соглашение о распоряжении интеллектуальной собственностью. Первый нормативно-правовой акт, который отразил термин «интеллектуальная собственность» на международном уровне, – Конвенция, учреждающая Всемирную Организацию Интеллектуальной собственности¹. Определение этого термина Конвенция не содержит, что является приёмом законодательной техники. Разработчики Конвенции дают лишь перечень того, что можно считать объектами, а что нет. Такой подход не ограничивает научное сообщество в разработке дефиниции интеллектуальной собственности.

Важнейшей целью Конвенции ВОИС было учреждение организации, которая была бы площадкой для принятия важных законодательных решений в области интеллектуальной собственности. При этом стоит учитывать, что сами по себе объекты интеллектуальной собственности сильно отличаются между собой и имеют немало общих черт скорее в субъектах интеллектуальной собственности, чем в объектах. Объединить такие разные сферы деятельности, как авторское право, изобретения, товарные марки было очень сложной задачей с точки зрения юриспруденции. Но разработчики Конвенции нашли решение, предложив термин «интеллектуальная собственность», объединив данные сферы деятельности.

Другой немаловажный вопрос – полемика относительно слова «собственность» в изучаемом нами термине. По необъяснимой причине термин собственность начинают ассоциировать с вещным правом и материальными объектами, делая, таким образом, выводы о необходимости замены употребления этого слова. По нашему мнению, это нецелесообразно и не отвечает общей теории права, которая нашла своё отражение даже в римском праве, признавая, что владеть можно и правами, и сам термин собственность обозначает принадлежность [Бредихин 2017: 88–93], а не материальный характер, как можно заключить, поверхностно

анализируя регулирование права интеллектуальной собственности.

Этот термин делает акцент на принадлежность прав, а следовательно, и на их защиту, что определяет в целом институт права интеллектуальной собственности. Не следует забывать, что все принимаемые на законодательном уровне изменения должны быть принимаемы исключительно в целях защиты и охраны прав правообладателей, в особенности первичных правообладателей. С другой стороны, термин «результат интеллектуальной деятельности» является более неудачным, так как не любая интеллектуальная деятельность имеет своим результатом объект интеллектуальной собственности.

Другой проблемой является то, что абсолютность прав на интеллектуальную собственность признаётся и никем не оспаривается. Но понятие абсолютности, применяемое к правам из области интеллектуальных прав, не даётся. Мы выделили два критерия абсолютности, применяемого к интеллектуальным правам: 1) публично-правовой характер; 2) возможность распоряжения (как правом, так и материальным объектом, воплощающим его) в соответствии со своей волей.

Анализируя объекты интеллектуальных прав, Л.Б. Гальперин и Л.А. Михайлова выделили их общие черты [Гальперин, Михайлова: 37–42]. Из всех перечисленных наиболее характерной чертой является то, что они являются результатами деятельности ума. Все выделенные черты имели этот один общий признак. Профессор В.А. Дозорцев писал, что черты различных объектов интеллектуальной прав имеют только «юридико-технический характер», то есть их объединение в законе является искусственным приёмом юридической техники.

Мы же выделили совершенно новый, ранее не исследованный критерий права интеллектуальной собственности. Заключается он в том, что *абстрактной неимущественной форме законодательство об интеллектуальной собственности придаёт доминирующее значение над вещественной формой*. Объектом интеллектуальной собственности является образ (идеал), который порождает собой права и обязанности.

Ввиду того, что гражданское право в большей степени уделяет внимание имущественным отношениям, допускается следующая распространённая ошибка. Под объектами интеллектуальных прав некоторые авторы понимают объекты исключительных прав и результаты интеллектуальной деятельности, в отношении которых правообладатель вправе требовать охраны личных неимущественных прав [Рузакова: 9]. Мы считаем это определение неверным и непоследовательным. Преимущественными правами в гражданском праве являются имущественные права, но *в праве интеллектуальной собственности личные права способствуют*

осуществлению имущественных прав. Следовательно, под объектами интеллектуальных прав понимаются объекты, в связи с созданием которых лицо приобретает имущественные и личные права. Мы пришли к выводу, что под объектами интеллектуальных прав необходимо понимать объекты, вследствие создания которых закон предоставляет лицу, создавшему такой объект, определённые субъективные имущественные и личные права. Право интеллектуальной собственности защищает абстрактную форму объекта интеллектуальной собственности. Абстрактной невещественной форме законодательство об интеллектуальной собственности придаёт доминирующее значение над вещественной формой. Любой предмет, которому постороннее лицо придаёт форму объекта интеллектуальной собственности другого лица (копирует его), пребывает в незаконном владении, нарушает субъективные интересы (имущественные и личные права) правообладателя и публичные интересы. Абсолютность интеллектуальных прав заключается в сочетании следующих качеств, присущих им: 1) права признаются повсеместно, имеют публично-правовой характер; 2) правообладатель вправе владеть, пользоваться, распоряжаться данными правами и материальным объектом (объектом интеллектуальной собственности), который воплощён в оригинале по своей воле и в своём интересе.

Вопрос о дефиниции интеллектуальных прав не нов для российской и международной юридической науки [Бредихин 2018а: 92–97]. Однако отсутствие ясной общепринятой классификации интеллектуальных прав является свидетельством того, что существующие теоретические подходы не раскрывают сущность понятия интеллектуальных прав. Законодательно права разделяются на имущественные, личные неимущественные и иные. Для целей упрощения классификации, что не скажется на её точности, отметим, что права по своему содержанию скорее разделяются на две группы: имущественные и личные. Нецелесообразно в личных правах указывать, что они неимущественные, а все иные права могут быть отнесены к одной из этих групп в зависимости от того, чему они способствуют.

Состав объектов интеллектуальных прав пополняется вследствие развития цифровых технологий. Можно прийти к выводу, что не любой факт создания объекта интеллектуальной собственности наделяет правообладателя (субъекта) интеллектуальными правами, а факт создания лишь такого объекта, с которым закон (национальный закон государства) связывает возникновение интеллектуальных прав. Дефиниция интеллектуальных прав, предложенная нами, будет иметь следующий вид: это субъективные, имущественные и личные, обладающие признаками абсолютности права, которыми наделяются субъекты (физические лица)

в результате творческой деятельности вследствие факта создания объекта, с которым закон связывает возникновение таких прав. Помимо этого, нами предложена новая классификация интеллектуальных прав: 1) авторские права: права на произведения литературы, науки и искусства и права, смежные с авторскими; 2) права в сфере промышленной собственности: права на изобретение, полезную модель, промышленный образец, селекционное достижение, право на топологию интегральной микросхемы; 3) права в сфере коммерческой собственности: права на фирменное наименование, коммерческое обозначение, товарный знак, наименование места происхождения товара; 4) ноу-хау – информация, признаваемая таковой сторонами согласно договору ноу-хау, за разглашение которой применимы договорные санкции. Новая группа интеллектуальных прав в сфере коммерческой собственности ранее не была раскрыта другими авторами, тем не менее они являются оборотоспособными объектами. Характерной особенностью коммерческой собственности является невозможность отчуждения объектов правообладателем, так как это нарушило бы публичные интересы (в частности, интересы потребителей). Отчуждение коммерческой собственности возможно только при продаже (реорганизации) юридического лица.

Какое соглашение можно считать соглашением о распоряжении интеллектуальной собственностью? Ответ на это вопрос дадут квалифицирующие признаки данного вида соглашения. Так как объект передачи нематериален, то права имеют место и время действия. Следовательно, помимо объекта, эти два критерия должны быть указаны в соглашении. Итак, квалифицирующими признаками передаваемого имущественного права являются: объект интеллектуальной собственности; территория действия права; срок действия права. Исключительные права, а именно: право первого «выпуска в свет» объекта интеллектуальной собственности, право размножения его экземпляров, право получения финансовой прибыли от его использования по своей правовой природе тоже являются имущественными, но по договору могут быть переданы только права на размножение и получение прибыли. Имущественные права в праве интеллектуальной собственности представляют собой права, пригодные к передаче, их оборот способствует реализации финансовых интересов правообладателя, иных лиц согласно воле правообладателя. Добавим, что способы распоряжения интеллектуальными правами и средствами индивидуализации не должны законодательно регламентироваться, данные отношения сторон должны регулироваться исключительно условиями договоров.

Как отмечено ранее, квалифицирующими признаками в соглашениях по передаче интеллектуальных прав выступают: объект, место и время

действия прав. В лицензионных договорах можно выделить особый квалифицирующий признак: предметная область действия соглашения. Это означает, что квалифицирующими признаками лицензионного договора являются: территория действия соглашения, время действия соглашения, предметная область действия соглашения.

В целях соблюдения целей института защиты интеллектуальных прав, необходимо поднять вопрос о конфискации этих прав, которая в настоящее время разрешена законодательством РФ. Предлагается законодательно ограничить применение конфискации исключительных прав, отменив конфискацию исключительных прав у первичных владельцев, а также отменив применение к ним принудительных договоров о распоряжении интеллектуальной собственностью. Вопрос о скупке лицензий с целью уничтожения конкуренции тоже немаловажен. Предложение о законодательном закреплении права на отзыв лицензии при неиспользовании предоставленного права лицензиатом в установленный договором срок могло бы способствовать решению данной проблемы.

Отчуждение исключительного права заключается в отказе от права в пользу другого лица за вознаграждение [Бредихин 2018б: 116–119]. Законодательством ФРГ², Австрии³ и Швейцарии⁴, а также ряда других государств отчуждение авторского права не предусмотрено, такие сделки являются ничтожными, что никогда не находило своего отражения в отечественном законодательстве [Бредихин 2018в: 158–160]. Публикаторы обязаны заключать с авторами только лицензионные договоры, ограниченные во времени. Такое законодательное решение отражает волю государства встать на путь защиты прав авторов и могло бы быть полезным примером для законодателей Российской Федерации. Предметом договора отчуждения интеллектуальной собственности являются действия по легитимации нового собственника, интегрирующие волеизъявление в определённых законом порядке и форме. Договор отчуждения патентных прав заключается между контрагентами с целью получения правообладателем финансовой прибыли в обмен на его отказ от владения имущественными правами на объект патентных прав в пользу определённого лица (приобретателя интеллектуальной собственности). Отчуждение исключительного права реализуется путём отказа от права в пользу другого лица за вознаграждение.

Специальные договоры по распоряжению интеллектуальной собственностью. Нами были обозначены лицензионные договоры и договоры отчуждения интеллектуальной собственности как основные виды договоров. Деление договоров на группы подразумевает деление правового регулирования отдельных видов соглашений. Помимо основных видов договоров выделим так называемые

специальные виды. Под специальными видами договоров по распоряжению интеллектуальной собственностью следует понимать соглашения, имеющие особое правовое регулирование или особый объект распоряжения. Среди таких соглашений: договор о передаче ноу-хау, залог исключительного права (не является самостоятельным способом распоряжения интеллектуальной собственностью), внесение исключительного права в уставный капитал, доверительное и коллективное управление исключительным правом, коммерческая концессия.

Ноу-хау обозначено нами как отдельный вид интеллектуальной собственности, уникальный по своим характеристикам. Этот объект интеллектуальной собственности был предметом исследования многих известных учёных (Штумпф, Коллер). Договором о передаче ноу-хау является соглашение, предметом которого выступают активные действия сторон по поводу передачи данного объекта. Активные действия передающей ноу-хау стороны заключаются в передаче его раскрытого содержания. Активными действиями принимающей стороны являются действия по сохранению полученной информации в секрете. Договор о передаче ноу-хау имеет черты фидуциарной сделки: предметом договора передачи ноу-хау выступает не объект ноу-хау, а обязательства сторон. Важной особенностью, отличающей договор о передаче ноу-хау от других договоров передачи интеллектуальной собственности, являются выявленные и поименованные автором «постконтрактные обязательства», заключающиеся в сохранении в тайне содержания ноу-хау после истечения срока действия договора или его расторжения.

Залог – средство обеспечения обязательства, с точки зрения теории залог таковым являлся всегда, начиная с римского права [Кофанов: 44–48], и остаётся до сегодняшнего дня. Залог не является самостоятельным видом договоров и в праве интеллектуальной собственности. Вид договора определяет цель соглашения, то есть цель, на которую направлена воля сторон, заключивших соглашение, а залог выступает лишь средством (гарантией). Залог исключительного права был предметом многочисленных исследований в российской науке гражданского права [Жарова: 15–29].

Заблаговременная оценка предмета залога сторонами в договорах, где залогом выступает право интеллектуальной собственности, было бы надёжным способом решения вышеназванной проблемы, если внесение исключительного права в уставный капитал не будет вовсе ограничено. Залог в праве интеллектуальной собственности – это вид права на право, осуществляемого под условием выполнения обязательства стороной по договору с целью обеспечения исполнения обязательства данной стороны. В целях защиты прав и финансовых интересов правообладателей предлагается производить

оценку предмета залога сторонами и фиксировать её в договоре: в случае неисполнения обязательства определенная заранее стоимость предмета залога не будет занижена, иначе у правообладателя может быть конфисковано другое имущество, сверх предмета залога.

В научной литературе внесение исключительного права в уставный капитал обозначено как способ распоряжения исключительным правом [Котия: 13–24]. Ввиду того, что законом не наложены какие-либо ограничения в этом, то мы тоже будем придерживаться мнения о том, что это является способом распоряжения. Однако формирование уставного капитала преследует своей целью обеспечение будущего субъекта предпринимательской деятельности платежеспособностью.

Внесение исключительного права в уставный капитал – это сделка по отчуждению прав (передаче прав по лицензии) на интеллектуальную собственность в пользу создаваемого юридического лица в рамках договора отчуждения или лицензионного договора. Сторонами сделки по внесению исключительного права в уставный капитал являются правообладатель и юридическое лицо. Предлагается внести в законодательство норму, предусматривающую обязательное наличие иного имущества в уставном капитале хозяйственного общества помимо исключительных прав на интеллектуальную собственность. В случае неплатежеспособности и банкротства юридического лица при взыскании такого исключительного права не всегда можно его эффективно реализовать за деньги, так как данное исключительное право имеет индивидуально-специальные характеристики и представляло ценность лишь для данного юридического лица. Доказана целесообразность принятия норм, предусматривающих возврат исключительного права правообладателю в случае ликвидации (реорганизации) юридического лица и при иных обстоятельствах, ведущих к изменению статуса правообладателя как участника юридического лица.

В некоторых научных источниках договор доверительного и коллективного управления рассматривается в качестве одной категории [Черкашева: 13–20]. Однако заметим, что данные виды договоров являются совершенно разными, начиная от предмета договора, оканчивая субъектами и правовой природой. Договор доверительного управления является надёжным и удобным способом для собственника отстраниться от управления собственностью, но оставаться владельцем, по сути являться только бенефициаром к принадлежащему имуществу. Практика применения договора доверительного управления интеллектуальной собственностью слабо распространена в Российской Федерации. Договор доверительного управления интеллектуальными правами – это соглашение сторон на определённый срок, по которому собственник интеллек-

туального права, выступая выгодоприобретателем, передаёт доверительному управляющему правомочие на распоряжение интеллектуальным правом, а доверительный управляющий в интересах выгодоприобретателя совершает с указанным правом юридические и фактические действия, согласие на которые презюмируется.

Франчайзинг, франшиза, коммерческая концессия являются знакомыми понятиями для предпринимателей на современном этапе экономики в Российской Федерации. Если судить по распространению франшиз в России, то можно сделать вывод, что правовое регулирование этого объекта является приемлемым. Однако заметим, что на это правовое регулирование в большей степени влияют соглашения с правообладателями [Кокбэн: 1–9], чем непосредственно гражданское законодательство РФ. Квалифицирующими признаками договора коммерческой концессии являются: передача интеллектуальной собственности; сторонами договора являются субъекты предпринимательской деятельности; в договоре содержатся выявленные и поименованные автором «специальные предпринимательские обязательства», под которыми понимается определённый вид договорных обязательств. Договоры коммерческой концессии содержат множество заранее неопределённых обязательств получателя франшизы, которые заключаются в исполнении пользователем франшизы инструкций cedenta франшизы. В развитие теории коммерческой концессии предложена трактовка специальных предпринимательских обязательств – это договорные обязательства между субъектами предпринимательской деятельности, которые носят личный неимущественный характер. Такие обязательства являются не дополнительными к основным, а континуальными обязательствами: их соблюдение пользователем франшизы влечёт продолжение договора между сторонами на такой же срок, несоблюдение – прекращение договора. Выполняя своевременно и в полном объёме инструкции cedenta франшизы, пользователь франшизы не нарушает никаких условий соглашения, вследствие этого у cedenta франшизы нет оснований прекращать с ним договор. Предлагается дополнить гражданско-правовой научный оборот в части термина «континуальные обязательства», которые являются специальными предпринимательскими обязательствами. Эти обязательства относимы и к индивидуальному предпринимателю, и к юридическому лицу. Ранее обязательства, от которых зависит продолжение действия договора франчайзинга, не были исследованы на доктринальном уровне, однако они широко распространены в предпринимательских и гражданско-правовых правоотношениях.

Таким образом, нами сформулирован ряд теоретических положений, отражающих научное приращение гражданско-правовой науки. Выдвинуты

к обсуждению научного сообщества предложения по совершенствованию законодательства в области интеллектуальной собственности. Без совершенствования правового регулирования оборота объектов интеллектуальной собственности не избежать оттока научной и творческой интеллигенции из России. Чёткое, научно обоснованное, отвечающее интересам авторов и правообладателей правовое регулирование будет способствовать развитию творческого и научного потенциала заинтересованных лиц и государства в целом.

Примечания

¹ Конвенция, учреждающая Всемирную организацию интеллектуальной собственности // Консультант Плюс: справ. правовая система.

² Закон ФРГ об авторском праве: сайт. URL: <https://www.urheberrecht.de/urheberrechtsgesetz/> (дата обращения: 29.02.2020).

³ Закон Австрии об авторском праве: сайт. URL: <https://www.ris.bka.gv.at/GeltendeFassung.wxe?Abfrage=Bundesnormen&Gesetzesnummer=10001848> (дата обращения: 29.02.2020).

⁴ Закон Швейцарии об авторском праве: сайт. URL: <https://www.admin.ch/> (дата обращения: 29.02.2020).

Список литературы

Бредихин Г.П. Защита исключительных прав авторов: практический аспект // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018б. № 2. С. 116–121.

Бредихин Г.П. Защита субъективных исключительных прав авторов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018а. № 5. С. 92–97.

Бредихин Г.П. О соотношении понятий собственности и владения в гражданском праве // Актуальные проблемы современных форм защиты прав и свобод человека и гражданина: сб. науч. ст. и тезисов по материалам Междунар. науч.-практ. конф. 2017. С. 88–93.

Бредихин Г.П. Правовая природа и развитие института авторского права в России // Вестн. Владим. юрид. ин-та. 2018в. № 2 (47). С. 157–163.

Гальперин Л.Б., Михайлова Л.А. Интеллектуальная собственность: сущность и правовая природа // Советское государство и право. 1991. С. 37–42.

Жарова Е.В. Залог исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.

Кокбэн Я. Франчайзинг и лицензирование. URL: <https://www.wipo.int/export/sites/www/sme/ru/documents/docs/franchising.pdf> (дата обращения: 29.02.2020).

Котия С.Т. Внесение исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности в каче-

стве вклада в уставный капитал хозяйственного общества: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.

Кофанов Л.Л. Дигесты Юстиниана. М.: Статут, 2004. Т. 4. 780 с.

Рузакова О.А. Система договоров о создании результатов интеллектуальной деятельности и распоряжении исключительными правами: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2007.

Усольцева С.В. Результаты интеллектуальной деятельности как правовая категория: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 1997.

Черкашева О.В. Коллективное и доверительное управление исключительными правами: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.

Штумпф Г. Договор о передаче ноу-хау. М.: Прогресс. 1976, 375 с.

Koller B.V. Der know-how-Vertrag nach schweizerischem Recht unter besonderer Berücksichtigung der Leistungsstörungen und der Vertragsbeendigung: Dissertation. Zürich, 1979.

References

Bredihin G.P. *Zashhita iskljuchitel'nyh prav avtorov: prakticheskij aspekt* [Protecting the exclusive rights of authors: a practical aspect]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Bulletin of the Nizhny Novgorod University N.I. Lobachevsky], 2018, № 2, pp. 116–121. (In Russ.)

Bredihin G.P. *Zashhita subjektivnyh iskljuchitel'nyh prav avtorov* [Protection of subjective exclusive rights of authors]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Bulletin of the Nizhny Novgorod University N.I. Lobachevsky], 2018, № 5, pp. 92–97. (In Russ.)

Bredihin G.P. *O sootnoshenie ponjatij sobstvennosti i vladenija v grazhdanskom prave* [On the correlation of the concepts of property and ownership in civil law]. *Aktual'nye problemy sovremennyh form zashhity prav i svobod cheloveka i grazhdanina: sb. nauch. st. i tezisov po materialam Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Actual problems of modern forms of protection of human and civil rights and freedoms: collection of scientific articles and abstracts based on materials of the International Scientific and Practical Conference], 2017, pp. 88–93. (In Russ.)

Bredihin G.P. *Pravovaja priroda i razvitie instituta avtorskogo prava v Rossii* [Legal nature and development of the copyright institute in Russia]. *Vestn. Vladim. jurid. in-ta* [Bulletin of the Vladimir Law Institute], 2018, № 2 (47). pp. 157–163. (In Russ.)

Gal'perin L.B., Mihajlova L.A. *Intellektual'naja sobstvennost': sushh-nost' i pravovaja priroda* [Intellectual Property: Essence and Legal Nature]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* [Soviet State and Law], 1991, pp. 37–42. (In Russ.)

Zharova E.V. *Zalog iskljuchitel'nogo prava na rezul'tat intellektual'noj dejatel'nosti ili sredstvo individualizacii*: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk

[Pledge of the exclusive right to the result of intellectual activity or means of individualization: abstract of the dissertation for the degree of candidate of legal sciences]. M., 2010. (In Russ.)

Kokbjen Ja. *Franchajzing i licenzirovanie* [Franchising and Licensing]. URL: <https://www.wipo.int/export/sites/www/sme/ru/documents/docs/franchising.pdf> (access date: 29.02.2020). (In Russ.)

Kotija S.T. *Vnesenie iskljuchitel'nyh prav na rezul'taty intellektual'noj dejatel'nosti v kachestve vklada v ustavnyj kapital hozjajstvennogo obshhestva*: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk [Making exclusive rights to the results of intellectual activity as a contribution to the authorized capital of a business entity: abstract of the dissertation for the degree of candidate of legal sciences]. M., 2010. (In Russ.)

Kofanov L.L. *Digesty Justiniana* [Justinian Digest]. M., Statut, 2004, vol. 4, 780 p. (In Russ.)

Ruzakova O.A. *Sistema dogovorov o sozdanii rezul'tatov intellektual'noj dejatel'nosti i rasporjazhenii iskljuchitel'nymi pravami*: avtoref.

dis. ... dokt. jurid. nauk [The system of agreements on the creation of results of intellectual activity and disposal of exclusive rights: abstract of the dissertation for the degree of candidate of legal sciences]. M., 2007, pp. 9. (In Russ.)

Usol'ceva S.V. *Rezul'taty intellektual'noj dejatel'nosti kak pravovaja kategorija*: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk [The results of intellectual activity as a legal category: abstract of the dissertation for the degree of candidate of legal sciences]. Irkutsk, 1997. (In Russ.)

Cherkasheva O.V. *Kollektivnoe i doveritel'noe upravlenie iskljuchitel'nymi pravami*: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk [Collective and trust management of exclusive rights: abstract of the dissertation for the degree of candidate of legal sciences]. M., 2011. (In Russ.)

Shtumpf G. *Dogovor o peredache nou-hau* [Know-how transfer agreement]. M., Progress Publ., 1976, 375 p. (In Russ.)

DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-249-253
УДК 347.61

Завурбеков Фаридун Завурбекович
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

**ОСОБЕННОСТИ РАССМОТРЕНИЯ СУДЕБНЫХ ДЕЛ
С УЧАСТИЕМ ЖЕНЩИН В ФАТИМИДСКОМ ХАЛИФАТЕ В X–XII ВВ.
(историко-правовой анализ)**

В статье рассматриваются права женщин в Фатимидском халифате (X–XII вв.) посредством анализа судебной практики того времени, решений шариатского и мазалим судов. Основное внимание автор обращает на правовой статус женщин в сфере брачно-семейного и уголовного права в исмаилитской традиции. При анализе источников применяются историко-правовой и сравнительно-правовой методы. Исследование начинается с короткого экскурса в историю Фатимидского халифата. Описываются особенности судебной системы, роль кади и его компетенции. Рассматривается ряд судебных процессов, одной из сторон которых являлась женщина. На основе анализа автор делается вывод о специфичности фатимидского подхода к браку в сравнении с суннитскими и имамитскими правовыми школами. Отмечается особая роль опекунов при заключении брачного договора и ограничение свободы его расторжения. Обращается внимание на факт крайне негативного отношения к браку между мусульманками и представителями других религиозных течений, а также к такому институту семейного права, как временный брак, легализованному в имамитской школе права. В заключительной части рассматриваются судебные дела уголовного характера, в которых женщина является как потерпевшей, так и обвиняемой. Основываясь на этих прецедентах, делается нетривиальный вывод, что судьи Фатимидского халифата при вынесении решений в отношении женщин не всегда опирались на нормы шариата, что совершенно нетипично для мусульманской традиции в целом. Вместе с тем любые преступления против этой группы населения наказывались достаточно сурово. Особое внимание обращается на подход государства к женщинам-истцам в зависимости от степени их личного участия в судебном процессе.

Ключевые слова: Фатимидский халифат, исмаилизм, мусульманские правовые школы, исмаилитская правовая школа, институт мазалим, временный брак в фатимидском халифате.

Информация об авторе: Завурбеков Фаридун Завурбекович, ORCID 0000-0001-5532-6620, ассистент юридического факультета, Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия.
E-mail: zfz2005@gmail.com

Дата поступления статьи: 25.03.2020.

Для цитирования: Завурбеков Ф.З. Особенности рассмотрения судебных дел с участием женщин в Фатимидском халифате в X–XII вв. (историко-правовой анализ) // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 2. С. 249–253. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-249-253.

Faridun Z. Zavurbekov
Lobachevsky Nizhny Novgorod State University

**FEATURES OF JUDICIAL CASES INVOLVING WOMEN
IN THE FATIMID CALIPHATE IN THE 10TH–12TH CENTURIES
(historical and legal analysis)**

*The article deals with the rights of women in the Fatimid Caliphate (10th to 12th centuries) by analysing the judicial practice of the time, the decisions of the Sharia and Mazalim courts. The author focuses on the legal status of women in the sphere of marriage, family and criminal law in the Ismaili tradition. Historical-legal and comparative-legal methods are used in the analysis of sources. The study begins with a short digression into the history of the Fatimid Caliphate. The features of the judicial system, the role of the *cadi* and its competence are described. There are a number of court cases, one of the parties to which was a woman. Based on the analysis, the author makes a conclusion about the specificity of the Fatimid approach to marriage, in comparison with the Sunni and Imamite legal schools. The special role of guardians at the conclusion of the marriage contract and restriction of freedom of its termination is noted. Attention is drawn to the fact of extremely negative attitude to marriage between Muslim women and representatives of other religious movements, as well as to such an institution of family law as temporary marriage, legalised in the Imamite school of law. The final part deals with criminal cases in which a woman is both the victim and the accused. Based on these precedents, it is a non-trivial conclusion that the judges of the Fatimid Caliphate did not always rely on Sharia norms when making decisions against women, which is completely atypical for Muslim traditions in general. At the same time, any crimes against this group of the population were punished rather severely. Particular attention is drawn to the state's approach to women plaintiffs, depending on the degree of their personal participation in the judicial process.*

Keywords: Fatimid Caliphate, Islam, Isma'ilism, Muslim law schools, woman in Islam, Ismaili law school, Mazalim institution, temporary marriage in Fatimid Caliphate.

Information about the author: Faridun Z. Zavurbekov, ORCID 0000-0001-5532-6620, Assistant of the faculty of law of Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, Nizhny Novgorod, Russia.

E-mail: zfz2005@gmail.com

Article received: March 25, 2020.

For citation: Zaurbekov F.Z. Features of judicial cases involving women in the Fatimid Caliphate in the 10th–12th centuries (historical and legal analysis). *Vestnik of Kostroma State University*, 2020, vol. 26, № 2, pp. 249–253 (In Russ.). DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-249-253.

Известно, что в средневековых государствах правовое положение женщин и мужчин было принципиально различным. В условиях преобладания патриархальных традиций в мусульманском обществе только мужчине гарантировалась полная дееспособность, в то время как женщины были ограничены в правах и находилась в подчиненном положении. Основная их роль сводилась к рождению детей и ведению хозяйства, что определяло правовой статус и объем предоставляемых правомочий.

Не являлся исключением и Фатимидский халифат, государство, образовавшееся в 909 году в провинции Ифрикия (современный Тунис) в результате вооруженного выступления берберских племен под предводительством исмаилитского проповедника Абу Абдаллаха аль-Ши. После завершения боевых действий аль-Ши передал всю власть потомку дочери пророка Фатимы Убейдаллаху аль-Махди. Впоследствии Фатимидский халифат расширил свою территорию на всю Северную Африку, Сирию, Хиджаз и Сицилию. В конце X и XII веков государство испытывало ряд серьезных экономических и политических трудностей. В 1171 году этим воспользовался аббасидский военачальник Саладин, который сверг правящую династию и упразднил халифат [Setton, Baldwin: 104].

Особенности правового положения женщины в Фатимидском халифате можно выявить не только с помощью обзора сборников правовых установлений, но и анализа судебной практики, которая признавалась в государстве источником права.

На основе изученной судебной практики зарубежные специалисты по истории Фатимидского халифата¹ выявили особенности социального и правового положения женщин в брачно-семейных и уголовно-правовых отношениях.

Вопреки распространенному мнению, что мусульманские женщины были ограничены в праве на доступ к правосудию (согласно исламской догматике суд является местом общественным), историческая хроника фиксирует значительное количество исков, исходивших от женщин, которые обращались к судье по различным поводам. Благодаря исследованию английского ученого Дели Кортес удается узнать об этих особенностях поподробней.

Фатимидская правовая система формировалась в условиях сильнейшего влияния политико-правовых идей раннего шиизма и потому имела, за некоторыми исключениями, много общего с имамитским правом². Получив военный и политический контроль над Ифрикией, а позже над Египтом, фатимиды не произвели кардинальных перемен в судебной системе. Многие судьи были оставлены на своих постах, но с условием признания полити-

ческой власти новых правителей. Кроме того, их обязывали производить судопроизводство на базе фатимидского права, в особенности в вопросах брачно-семейных, уголовных и религиозно-правовых отношений [Cortese: 209].

Все жители государства находились под судебной защитой, что чаще всего выражалось в их праве на подачу исков, жалоб и заявлений кадию, который проводил еженедельные заседания в мечети города или селения, реже – в своем доме [Rustow: 9]. Наибольшее количество жалоб и заявлений направлялось в суд мазалим³, председателем которого в некоторых случаях мог оказаться сам правитель халифата [Семенова: 114]. Интересно, что женщины не боялись указывать в обращениях самые интимные подробности своей личной жизни, особенно в делах о разводе. В качестве примера можно привести заявление жительницы города Фустат, которая обратилась к судье Абу Тахиру с жалобой на невозможность продолжения интимных отношений со своим мужем, поскольку последний не заботился об уходе за своими интимными зонами. Судья в данном случае встал на сторону жены и обязал супруга исправить ситуацию [Al-'Asqalani: 584]. Однако в этом же решении женщине запрещалось отказывать супругу в интимной близости, в случае если тот выполнит решение судьи.

Другой судебный казус описывает историк Ал-Мусаббиhi, в котором рассматривался иск женщины, требовавшей поместить своего мужа в тюрьму, поскольку он не соблюдал условий заключенного между ними брачного договора о производстве регулярных денежных выплат на нужды супруги. Судья Ал-Нуман удовлетворил иск и поместил мужчину под арест. Однако вскоре другим решением этого же суда под арест была помещена и сама супруга, поскольку судья посчитал, что таким образом будет соблюден баланс между правами мужчины и женщины на справедливое правосудие [Cortese: 210].

Как видно из этих казусов, фатимидское брачно-семейное право не отличалось существенным образом от общемусульманской правовой традиции, позволявшей жаловаться супруге на своего мужа по семейным вопросам, хотя и имело свои особенности. Законодательство Фатимидского халифата устанавливало ряд условий заключения брачного договора и к его форме. Во-первых, требовалось обязательное присутствие во время заключения брака опекуна невесты, двух свидетелей с безупречной репутацией, явно выраженное согласие на вступление в брак участников договора, достижение брачного возраста, а также включение в договор условия о выплате приданного (махр).

Условие об обязательном присутствии опекуна, независимо от возраста и правового положения невесты, отличает фатимидский подход к брачно-семейным отношениям от иных мусульманских правовых школ. Опекуном, согласно закону, мог быть отец невесты (в том случае, если она не достигла брачного возраста) или другой близкий родственник мужского пола. Если девушка оказывалась сиротой, роль опекуна брал на себя сам судья, если же она являлась совершеннолетней, то могла по своему усмотрению выбрать представителя.

Вместе с тем, как отмечает Кортес, соблюдение вышеперечисленных условий не означало, что брачный договор абсолютно защищен от признания его недействительным, поскольку имеются свидетельства обратного. Например, в 985 году, при визире Ибн Киллисе, согласно средневековому хронисту ал-Мусаббихи⁴, был заключен брак между сыном Хасаном ибн Хусейном ал-Дадак и сиротой Бинт ал-Джибачи, с разрешения кади Мухаммада аль-Нумана⁵. Во время процедуры бракосочетания один из свидетелей подверг сомнению законность этого брака, утверждая, что девушка не достигла брачного возраста. Данное заявление было проигнорировано судьей. В апелляционном порядке свидетель обратился с жалобой в институт мазалим, председателем которого являлся халиф Ал-Азиз. Правитель распорядился создать медицинскую комиссию и выяснить, действительно ли девушка достигла возраста брачного согласия. Комиссия установила правдивость слов истца. В результате судья был вынужден аннулировать брак. Также судья потребовал передать четверть приданого девушке [Cortese: 211]. На основании только этого решения нельзя говорить о его общезначимости для других судов, поскольку нет доступных данных о подобных решениях в схожих делах. Однако это определенно указывает на наличие свободы усмотрения судьи, особенно если его роль играл сам правитель.

Прекращение брачных отношений по договоренности между женихом и невестой, согласно фатимидскому законодательству, было допустимо, но только в случае наступления определенных событий. Процедура прекращения брака обеспечивалась решением суда. В частности, супруга имела право обратиться к кади с требованием прекратить брачные отношения, если после его заключения у супруга обнаруживались тяжелые психические либо физические заболевания. Не менее существенным обстоятельством, позволявшим супруге требовать прекращения брачных отношений, являлось отсутствие супруга без достаточных на то оснований в течение длительного времени. Помимо общих правил, фикх⁶ часто учитывал обычаи и традиции, которые применялись в зависимости от особенностей региона. Например, в портовом городе ал-Махдийа, где мужское население зани-

малось мореплаванием, частыми были случаи долгих отлучек мужей. Заключаемые браки в таких условиях включали ряд дополнительных пунктов, касавшихся материального обеспечения женщины. В брачном договоре, датированном 1121 годом, Абдаллах ал-Раис, жених Аишы бинт ал-Ансар, согласился на ее возможный отказ от исполнения семейных обязательств, в случае если он будет отсутствовать дома более четырех месяцев и не сможет обеспечивать ее. Когда брак был заключен, Абдаллах покинул Сицилию, но больше не вернулся. Благодаря условиям договора, Аиша была освобождена от своих семейных обязательств [Cortese: 212]. Вместе с тем фатимидами был отвергнут принцип свободы расторжения брачного договора. Судья аль Нуман, выдающийся фатимидский правовед, объявил невозможным включение в договор условий, дающих жене абсолютное право на развод в любое время, независимо от обстоятельств [Fyze: 20]. Авторитет этого человека в Фатимидском халифате был непререкаем и его решения признавались источником права (при условии их одобрения халифом).

В фатимидском халифате особое внимание уделялось межрелигиозным бракам. Фатимиды, как и сунниты, запрещали мусульманину вступать в брак с представительницей не авраамической веры. Такой брак считался незаконным. Самым предпочтительным вариантом считался брак мусульманки и мусульманина, но последний мог жениться и на христианке или иудейке, так как они считались “людьми Писания”. Таким образом, мусульманин, житель Халифата, мог выбрать только такую жену, которая придерживается монотеистических взглядов. Что касается мусульманок, то согласно фатимидскому праву они могли выходить замуж только за единоверцев. Подобный запрет связан с проблемой религиозного воспитания детей, поскольку считалось, что дети должны придерживаться религиозных воззрений своих отцов.

Показательным правовым казусом в этом смысле может являться дело, представленное на рассмотрение фатимидского судьи Абу Тахира. Вопрос касался религиозной принадлежности ребенка, родившегося в браке родителей-христиан, однако перед появлением ребенка на свет супруга приняла ислам. Мать ребенка отправилась к кади с требованием дать юридическое заключение относительно религиозного статуса их ребенка. Абу Тахир постановил, что ребенок является христианином согласно религии своего отца. Однако под влиянием общественного мнения, апеллирующего к нормам шафиитской и шиитской школ права, ему пришлось поменять свое решение и объявить ребенка мусульманином [Asqalani: 586].

Одним из существенных отличий между имамитским и исмаилитским мазхабами является отношение к институту временного брака (мутаа).

Данная форма брака⁷ дозволена в имамитской школе права, хотя и имеет статус низшей из форм брачных отношений. Идеологическая и правовая основа этого разрешения базируется на хадисах, отсылающих к имамам Мухаммаду ал-Бакиру и Джафару ас-Садику. В противоположность данной традиции исмаилитский правовед, упоминаемый выше аль-Нуман, базируясь на других хадисах, отменил временный брак, что впоследствии подтвердил своим отдельным указом имам-халиф Ал-Муиз [Numān ibn Muḥammad: 65].

Что касается участия женщин в уголовно-правовом судопроизводстве, то исследователям удастся обнаружить несколько судебных дел, благодаря которым мы можем иметь представление об отношении фатимидов к таким категориям преступлений, как изнасилование, прелюбодеяние и убийство. В отношении дел о прелюбодеянии в фатимидских судебных хрониках содержится немного сведений, поэтому трудно узнать о самой распространённой мере наказания за такие деяния. Одно из таких дел, согласно Дейли Кортес, ссылающейся на Ибна Джаузи, состоялось во времена халифа Аль-Хакима (985–1021). Судья, рассматривавший дело о прелюбодеянии, признал обвиняемую виновной и приговорил к смертной казни путем сожжения [Cortese: 214]. Интересно, что подобный вид наказания не упоминается ни в Коране, ни в Сунне, что ставит новые вопросы и дает повод к различным предположениям. Возможно, что во времена халифа ал-Хаким судьи не были сильно связаны нормами шариата. Тем более что личное мнение халифа фатимидов считалось официальным источником права. Вероятно, что и в данном случае решение о сожжении виновной было согласовано с его мнением.

О наказаниях за преступления, объектом которых являлась физическая неприкосновенность и здоровье женщины, мы можем судить по судебным делам, рассматривавшимся в 1001 и 1024 году. Так, в Египте в 1001 г. разбиралось судебное дело об изнасиловании высокопоставленной женщины. Судья Мухаммед ал-Нуман приговорил обвиняемого к смертной казни путем побивания камнями. В 1024 году рассматривалось другое дело, в данном случае об убийстве женщины. На скамью подсудимых попал слуга, который задушил свою хозяйку и похитил ценные вещи из ее дома. Приговором суда обвиняемый был приговорен к смертной казни через обезглавливание. В том же году рассматривалось дело об убийстве женщины бандой грабителей. Все ее члены были заключены в тюрьму. Об их дальнейшей судьбе в хрониках ничего не говорится. Отметим, что в средневековье заключение в тюрьму обрекало обвиняемого на медленную и мучительную смерть из-за невыносимых условий содержания. Преступникам приходилось платить за свое пребывание в тюрьме,

в противном случае их ожидала голодная смерть. Интересный факт, что некоторые письма из собрания Генизы⁸ свидетельствуют о попытках женщин просить финансовой поддержки у государства для поддержки заключенных в тюрьме мужей или сыновей [Goitein: 372–373].

Как и в любом обществе, в Фатимидском халифате женщины являлись не только жертвами преступления, но также и активными участниками. Обычно информация о таких преступлениях упоминается в судебной практике в связи с высоким статусом жертвы. Так, в 1094 году в Дамаске известный ученый Абу Наср аль-Турайтхи аль-Суфи был убит женщиной. Поводом в данном инциденте послужил выговор, который ученый сделал этой женщине, попытавшейся проникнуть в мечеть без паранджи. Ученый приказал прикрыть себя и лицо, за что получил смертельный удар ножом [al-Maqrizi: 97].

Несмотря на разнообразие судебных прецедентов, свидетельствующих о возможности женщин пользоваться защитой суда, для последней статус заявительниц не являлся одинаковым. Мусульманская правовая доктрина, особой частью которой являлась фатимидская школа права, весьма критически оценивает женщин, осмеливавшихся защищать свои интересы в суде без помощи посредников. Во многом это было связано с тем, что для осуществления своих намерений заявительницы были вынуждены лично приходить на площадь, где находилось множество мужчин, что было обусловлено публичным характером судебных процессов. Социальная практика средневекового государства фатимидов не поощряла появление женщин на публике. Совершенно другое отношение было к женщинам, не выходящим из своих домов и пользовавшимся посредничеством юристов или родственников. Таких женщин называли «заслуживающие уважения» [Berkele: 10].

Таким образом, в Фатимидском халифате правовое положение женщины в определенных областях общественной жизни имело ряд особенностей, по сравнению с суннитскими и имамитскими правовыми школами. Это отражалось на семейном статусе, степени свободы, поведении, традициях и т. д. Все они свидетельствуют об ущемленности и ограниченности женщин в их правах, что характерно для средневековой цивилизации.

Примечания

¹ Дейла Кортес, Фархад Дафтари, Асаф Файзи, Мухаммед Али Хамдани, Лев Яков и др.

² Имамитской (джафаритской) школе права следуют шииты-имамиты. Идеолог джафаритского мазхаба – имам Джафар ибн Мухаммад ас-Садик. Он почитается шиитами-имамитами как шестой непорочный имам из числа двенадцати безгрешных имамов.

³ Институт мазалима берет свое начало с эпохи правления пророка Мухаммеда, который рассматривал жалобы жителей государства в кругу своих советников. В том или ином виде этот институт функционировал как в Омейядском, так и Аббасидском халифатах. В этом смысле фатимидами не было придумано ничего нового.

⁴ Ибн Зулака аль-Мусаббихи был фатимидским историком, писателем и административным чиновником. Известно, что он написал около 40 000 страниц рукописей, посвященных различным вопросам истории, психологии, юриспруденции, грамматики, сексологии и кулинарии. Ахбар Миср (современная хроника египетской истории и новостей) – одно из самых известных произведений Аль-Мусаббихи. Однако, как и подавляющее большинство работ Аль-Мусаббихи, только фрагменты Ахбара дошли до наших дней; большинство его произведений исчезло вскоре после его смерти.

⁵ Абу Ханифа ал-Нуман был исмаилитским юристом, судьей и официальным историком Фатимидского халифата. Аль-Нуман сыграл значительную роль в создании правовой системы этого халифата.

⁶ Фикх (араб. *حُكْم* – понимание, знание) – мусульманская доктрина о правилах поведения (юриспруденция), а также комплекс общественных норм (мусульманское право в широком смысле).

⁷ Временный брак, мут’а – разновидность брака, заключаемого на определенный срок. Запрещен в суннитских школах права и исмаилитской. Разрешен у шиитов-имамитов. При этом в договоре оговаривается содержание жены вместо приданного и вознаграждение при расторжении брака.

⁸ Каирская гениза — крупнейший архив средневекового еврейства, сохранившийся в синагоге города Фустат (ныне пригород Каира). Документы, охватывающие более тысячелетия (с конца IX по конец XIX в.), составлены еврейским письмом на арабском, еврейском, арамейском, идиш и некоторых других языках.

Список литературы

Семенова Л.А. Из истории древнего Египта: очерки и материалы. М.: Наука, 1974. 265 с.

Al-'Asqalani S.A.-D.A.A.-F.I.H. Raf' al-isr 'an qudat misr. Turath For Solutions, 2013.

al-Maqrizi. Towards a Shi'i Mediterranean Empire: Fatimid Egypt and the Founding of Cairo (Ismaili Texts and Translations). London, New York, 2009, 227 p.

Asqalani A. ibn A.I.H. al- Raf al-isr an qudat Misr. al-Qāhirah. Maktabat al-Khanji bi-al-Qahirah, 1998, vol. al-Tabah 1 ed.

Cortese D. Women And the Fatimids in the World of Islam. Edinburgh University Press, 2006, 280 с.

Fyzee A. Compendium of fatimid law. Simla, Indian Institute of Advanced Study, 1969, 160 с.

Goitein S.D. A Mediterranean Society: The Jewish Communities of the Arab World as Portrayed in the Documents of the Cairo Geniza, vol. 2: The Community, 1967.

Kenneth M. Setton, Marshall W. Baldwin. A History of the Crusades: The First Hundred Years. University of Wisconsin Press, 1969.

Berkel M. The Young Caliph and his Wicked Advisors: Women and Power Politics under Caliph Al-Muqtadir (r. 295–320/908–932). *Al-Masaq*, vol. 19, № 1.

Numān ibn Muḥammad A. Ḥanīfah и др. *Kitāb al-majālis wa-al-musāyarāt.* Tunis, al-Jāmi‘ah al-Tūnisīyah, Kullīyat al-Ādāb wa-al-‘Ulūm al-Insānīyah, 1978.

Rustow M. A petition to a woman at the Fatimid court (413–414 a.h./1022–23 c.e.). *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*, 2010, vol. 73, № 1.

References

Semenova L.A. *Iz istorii drevnego Egipta. Ocherki i materialy* [From the history of ancient Egypt: Essays and Materials]. Moscow, Nauka Publ., 1974, 265 p. (In Russ.)

**ЮРИДИЧЕСКИЙ СОЦИАЛИЗМ
В ИСТОРИИ ФРАНЦУЗСКОЙ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ XIX–XX ВВ.¹**

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 18-311-00254

В статье исследуются характерные особенности юридического социализма как одного из популярных направлений французской политико-правовой мысли в период существования Третьей Французской республики (1870–1940). Впервые в российской науке отмечаются сходства и устанавливаются различия французского правового социализма со смежными политико-идеологическими системами мысли (марксизм, солидаризм), а также некоторыми зарубежными учениями о праве (юридический социализм А. Менгера, Ф. Лассаля). Основное внимание в статье уделяется рассмотрению политико-правовых воззрений Эммануэля Леви – видного французского правоведа и социалиста, который, по оценкам многих современников, явился главным вдохновителем и основоположником юридического социализма во Франции. На основе анализа литературных источников эпохи, а также современных публикаций автором статьи оценивается вклад Леви в обоснование социализма в правовых категориях (юридическое описание логики социализма). Для достижения поставленной цели автором статьи рассматриваются идеи Леви об относительной природе права, о классовом антагонизме как факторе общественной жизни, об абсорбции индивидуального права коллективным правом, о триумфе коллективного права как финальном аккорде исторического периода индустриализации, о понимании права в качестве социальной функции и о расширении границ юридической ответственности. Также изучены идеи юридических социалистов о параметрах мирной и ненасильственной социальной революции, реализация которой связывалась с растущим влиянием социалистически мыслящих судей во французской судебной иерархии. Отвечая на социальные ознаменования эпохи и требования общественного мнения, эти судьи, по замыслу юрсоциалистов, должны были путем свободного толкования буржуазных законов (в интересах неимущих классов) содействовать установлению в государстве социалистического правового порядка. Используя тенденциозное толкование законодательных формул, формирующаяся судебная практика должна была развернуть старое буржуазное право к контурам желаемого социалистического идеала.

Ключевые слова: юридический социализм, толкование права, Леви, коллективное право, эволюция права, судебное протворчество, школа свободного права.

Информация об авторе: Пужаев Владимир Владимирович, преподаватель кафедры трудового и экологического права юридического факультета, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», г. Нижний Новгород, Россия.

E-mail: notionn@mail.ru

Дата поступления статьи: 26.03.2020.

Для цитирования: Пужаев В.В. Юридический социализм в истории французской политико-правовой мысли XIX–XX вв. // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 2. С. 254–264. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-254-264.

Vladimir V. Puzhayev

Lobachevsky Nizhny Novgorod National Research State University

**LEGAL SOCIALISM IN THE HISTORY
OF FRENCH POLITICAL AND LEGAL THOUGHT OF THE 19TH–20TH CENTURIES**

The reported study was funded by the RFBR according to the research project №18-311-00254

The article investigates the characteristic features of legal socialism as one of the popular directions of French political and legal thought during the period of existence of the French Third Republic (1870–1940). For the first time in the Russian science the similarities and differences of French legal socialism with the related political and ideological systems (Marxism, solidarism) and also with some foreign legal doctrines (legal socialism of Anton Menger von Wolfensgrün, Ferdinand Lassalle) are highlighted. The article focuses on the political and legal views of Emmanuel Lévy, a prominent French jurist and socialist, who, according to many contemporaries, was the founder of legal socialism in France. On the basis of the analysis of literary sources of the epoch as well as modern publications, the author of the article evaluates Emmanuel Lévy's contribution to the substantiation of socialism in legal categories (legal description of the logic of socialism). To achieve this goal, the author of the article considers Lévy's ideas about the relative nature of law, about class antagonism as a factor of social life, about the absorption of individual law by collective law, about the triumph of collective law as the final chord of the historical epoch of industrialisation, about the understanding of law as a social function and about the expansion of the boundaries of legal responsibility. Lévy's ideas about the parameters of a peaceful and non-violent social revolution, the realization of which was linked to the growing influence of socialistically thinking judges in the French judicial hierarchy, were also studied. Responding to the social markings of the epoch and the demands of public opinion, these judges were

to promote the establishment of a socialist legal order in the state by means of free interpretation of bourgeois laws (in the interests of poor classes).

Keywords: *legal socialism, interpretation of law, Emmanuel Lévy, collective law, evolution of law, judicial lawmaking, free law school.*

Information about the author: Vladimir V. Puzhayev, lecturer at the Department of Labour and Environmental Law, Faculty of Law, Lobachevsky Nizhny Novgorod National Research State University, Nizhny Novgorod, Russia.

E-mail: notionn@mail.ru

Article received: March 26, 2020.

For citation: Puzhayev V.V. Legal socialism in the history of French political and legal thought of the 19th–20th centuries. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 2, pp. 254–264 (In Russ.). DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-254-264.

В современной юридической литературе понятие «юридический социализм» уже давно не пользуется той явной популярностью, какую оно имело в западной и отечественной науке ещё несколько десятилетий назад. И если ранее проблематика юридического социализма обсуждалась самым широким образом, привлекая на поля академических дискуссий представителей самых различных направлений гуманитарного знания (юристов, политиков, социологов, философов), то сегодня она пользуется спросом скорее у историков права и правовой мысли и зачастую оставляет равнодушными специалистов, занятых в сфере иных юридических дисциплин. Разумеется, подобное положение дел вызвано самим ходом исторического процесса, который выразился в существенном изменении общественно-политических ориентиров современных обществ, в особенности после крушения системы социалистических режимов и полагаемой победы капиталистического способа организации экономики. Несмотря на сказанное, историко-правовая наука по-прежнему испытывает немалый интерес к изучению указанного направления политико-правовой мысли, что, впрочем, справедливо и по отношению к некоторым иным версиям социализма.

Выступая знаковым явлением юридической жизни XX столетия, правовой социализм предоставляет в распоряжение историка права богатый материал для изучения тех социальных процессов, которые происходили в европейских обществах в эпоху значительной трансформации экономических и социально-культурных систем, масштабных политических экспериментов, активной социализации права и вообще масштабного распространения коллективных форм социального взаимодействия. Некоторые идеи юридического социализма могут обнаруживать определенную связь с современностью, будучи воспроизведенными в той или иной форме в рамках различных направлений политико-правовой мысли. В отечественной юридической науке проблема идейных истоков и основных положений юридического социализма остается в значительной мере не изученной. Начиная с советского периода термин «юридический социализм» был практически полностью завербован для целей «штампового» обозначения политико-правовых

взглядов двух крупнейших европейских мыслителей XIX века: немецкого философа, юриста и политического деятеля Фердинанда Лассалья (1825–1864) и австрийского юриста, профессора Венского университета Антона Менгера (1841–1906). Широкою известность во всем социалистическом мире в свое время приобрела обстоятельная статья Ф. Энгельса (в соавторстве с К. Каутским) в журнале «Neue Zeit» под общим названием «Юридический социализм», в которой преданный сторонник Маркса выступил с разоблачающей критикой сочинения Менгера «Право на полный трудовой доход в историческом освещении» [Энгельс, Каутский: 51–71]. Как дореволюционная, так и советская литература имеют в своем составе отдельные исследования, посвященные философии лассальянства или менгеровской теории народно-трудового государства. В последние годы все большее внимание обращает на себя теория правового социализма, развитая в трудах эмигрировавшего в 1922 году из России правоведа, педагога, публициста и философа-неокантианца С.И. Гессена (1887–1950). Учение Гессена о суверенитете права, о координирующих и организующих началах права как орудия духа, способного послужить разумным ограничителем гегемонистских устремлений хозяйства и государства, постепенно вливается в общий фонд российской политико-правовой мысли [Гессен]. Вместе с тем иные версии зарубежного юридического социализма не получили должной оценки и осмысления в исследованиях отечественных ученых, так что отсутствие целостного осмысления феномена «юридический социализм» по-прежнему образует значительный историографический пробел. Даже советская юридическая наука, известная своим критическим отношением к любым проявлениям антимарксистской мысли, остановилась в этом отношении на полпути, не проявив необходимого упорства к выявлению изъянов доктрин других юридических социалистов. Отчасти существующий пробел может быть сглажен, учитывая, что и немецкие, и австрийские, и французские, и итальянские юрсоциалисты демонстрировали немало общих взглядов в теоретическом обосновании основ справедливого социалистического правопорядка и способов его достижения. Однако это лишь часть общей мозаики, и для того, чтобы ре-

конструировать ещё несколько пазлов «картины», мы решили обратиться к изучению особенностей и основных положений юридического социализма в истории французской политико-правовой мысли в конце XIX – первой трети XX вв.

Прежде всего, отметим, что французский юридический социализм, несмотря на некоторые частные совпадения, не может быть отождествляем ни с марксизмом (в котором право понималось как явление, по форме и содержанию производное и зависимое от экономических факторов общественной жизни, как результат классового антагонизма), ни с солидаризмом (объявившим право организованной социальной функцией), ни с юридическим социализмом Менгера (получившим выражение в учении о народно-трудовом государстве и праве рабочих на полный трудовой доход). Французский юридический социализм заметно отличался от установок научного социализма К. Маркса и Ф. Энгельса главным образом своим юридическим духом и методом, который фокусировался на предметах, тесно сопряженных с существующим правопорядком. Основное в юридическом социализме – стремление объяснить все происходящие социальные изменения через логические апелляции к правовым категориям. Сама социалистическая революция становится здесь юридической необходимостью, в основе причинности которой лежит генеральная идея права. Эта правовая идея освещала все ещё недоступный идеал справедливого права и надклассового государства, к реализации которого непременно надлежит двигаться. Проявления идеала – суть гармония классов, отношения, построенные на солидарности, равное отношение классов к истинной надклассовой демократии, существующей для обеспечения «счастья всех и каждого» [Воробьев: 109]. Вместе с тем революция (в правовом социализме) – это отнюдь не политическая революция, к которой призывали марксистские апологеты, а революция социальная. Последняя подразумевалась, в сущности, в виде исторически осуществлявшегося правового процесса. Это означало, что она должна была быть реализована легальными, мирными правовыми средствами, которые бы исключали силовой захват власти и следовавшее за этим насильственное обрушение старого правопорядка. Юридический социализм представил социальную революцию как новую реализацию существующего закона. Цель юридического социализма заключалась в том, чтобы не довольствоваться формальными рассуждениями относительно правовых текстов, но увидеть в терминах, в которых данные тексты сформулированы, непосредственную возможность реализации желаемого социалистического идеала. Таким образом, призвание юридического социализма заключалось в том, чтобы осуществить смелое соединение настоящего и будущего (того, что есть, с тем,

что должно быть). Правовой социализм предполагал, что социалистическое право выйдет из недр старого буржуазного права, будет постепенно выработываться в ходе своеобразной подпольной работы юристов, подрывающих действующее право, тексты которого, в конечном итоге, станут мертвой буквой, фасадом, за которым будет осуществляться новое правовое строительство [Sarraz-Bournet: 98].

Именно поэтому, в оценках ортодоксальных марксистов начала XX века, юридический социализм (независимо от его «национальной принадлежности» – французский, немецкий, австрийский) признавался классическим выражением враждебного марксизму буржуазно-юридического мировоззрения, желающего всеми правдами и неправдами обеспечить вращение буржуазного государства в формирующееся социалистическое общество. Общим местом марксистской литературы тех лет стало обличение юридического социализма в оппортунизме, в соглашательском реформизме или катедер-социализме, в котором не было места «подлинно научной идее революционной классовой борьбы», в котором юристы, публично назвавшие себя социалистами, «под марксистскую маску на каждом шагу предают революцию» [Стучка: 14].

Французский юридический социализм был основан на идее справедливости. Концепция справедливости, идея права заменяла понятие силы. Признавалось, что право находится в постоянном движении, изменении, эволюции. Не существует права, которое мы могли бы зафиксировать в единой и неподвижной формуле. Право меняется вслед за изменением социальной среды, когда меняются существующие в обществе идеи, объединение которых составляет то, что мы привыкли называть общественным сознанием. Если право и является продуктом экономической среды, как полагали Маркс и Энгельс, то, как тонко заметил Ж. Нэйбур, право – это также продукт общественного сознания, философская сущность, понимаемая в качестве определенного набора верований, идей, убеждений, выработанных в индивидуальных сознаниях членов социального коллектива. Идеи, стремящиеся к внешнему выражению, становясь конкретными, создают ту реальность, в которой живут сами люди. «Мир – это эпопея идеи в её непрекращающемся становлении» [Neybour 1909: 982].

Магистральной линией, сводящей воедино различные версии юридического социализма, выступала вера приверженцев этого течения в возможность «умиротворения» классовых разногласий, предотвращение социальных катастроф при помощи регулятивного и воспитательного воздействия права. Это обстоятельство требовало от социалистов чуткого отношения к разработке позитивного права, которая, если не имеем в виду законода-

тельную работу, должна была происходить в форме толкования норм существующего закона в духе достижения социалистических идеалов [Завадский: XV–XVI]. В этом исходном порыве, который заключался в том, чтобы все явления воспринимать юридическим способом, дать объяснение цели и средствам поднимавшегося рабочего движения через философию права, и располагается общая черта наиболее известных концепций юридического социализма (Ф. Лассаль, А. Менгер, Э. Леви, С.И. Гессен, А. Матер).

Примечателен тот факт, что ни тесная связь с коллективизмом, ни явный политический подтекст французских социалистических теорий не помешали некоторым авторам эпохи засвидетельствовать родство юридического социализма с набиравшим популярность движением свободного права. Как известно, в самом начале XX века европейская юридическая литература значительно обогатилась за счет огромного числа исследований, в которых извечная проблема отношения судьи к закону была поставлена под углом зрения произошедших изменений в промышленной экономике западных стран. Действующее право искало пути адаптации к изменяющимся реалиям и требованиям общественной жизни. Ещё в XIX столетии Р. Иеринг провозгласил важность цели, которая должна была рассматриваться в качестве высшего регулятора правовых институтов. Рассматривая правовой текст как волевой акт, сторонники движения свободного права признавали, что в тот момент, когда текст закона составлен, он начинает жить своей собственной жизнью, он отделяется и отдалается от принявшего его законодателя. Воля создает закон, но она сама в основном обусловлена сложившейся окружающей средой [Neubourg 1907: 342]. Среда меняется, экономические и социальные условия приобретают новые формы, которые вступают в острое противоречие с устаревшими формулировками законов. Французский правовед М. Леруа в своём известном сочинении «Закон» дал короткое описание этого наблюдаемого родства, указав, что юридический социализм представляет собой последнюю стадию доктрины школы свободного права, несмотря на то, что его формула может показаться не связанной с общей формулой Р. Салейя о «применении права против права». При всех различиях и тонкостях двух систем мысли, продолжал Леруа, между ними имеется сходство, которое кроется в сближении усилий по реформированию существующего правопорядка, в особенности путем творческой деятельности судов [Leroy: 257].

В этой сознательно предвзятой интерпретации, в этой гармонии текста с экономическими и социальными потребностями времени мы полностью встречаемся с теми юристами, которые уже к концу XIX века освободились от стесняющего

влияния старых методов толкования, оберегаемых в рамках французской школы экзегезы (L'École de l'Exégèse). Известное выражение корифея французской юридической науки Франсуа Жени (одного из ключевых представителей движения свободного права во Франции), призвавшего суды двигаться «через Гражданский кодекс, но дальше кодекса!», в точности соответствовало тем целевым задачам, которые ставили перед собой сторонники юридического социализма. И они взяли на вооружение формулу Жени, трансформировав её следующим образом: «Через тексты, но дальше текстов!» [Neubourg 1907: 343].

Сходным образом оценивал существо юридического социализма видный французский историк права, профессор университета в Бордо Ж. Боннеказ. По его мнению, юридический социализм является идеальным и наиболее полным выражением судебного романтизма, поскольку он стремится к построению социалистической правовой системы с помощью расширения горизонтов судебного толкования [Bonnecase: 172]. В отличие от государственного социализма, ориентирующего на внедрение желаемой политической модели посредством законотворческой работы, юридические социалисты возлагали свои надежды на правоприменителя (суд). Во власти последнего, говорили они, сосредоточено важное полномочие: посредством юридической игры толкования судья может заменять не отвечающие духу времени элементы старого позитивного права новыми элементами. Используя широкое толкование (иными словами, судебную технику искажения индивидуалистического закона), судья может приближать несправедливые, по его мнению, и безжизненные участки действующего законодательства к контурам известного социального идеала. В этом смысле юридический социализм представлялся Боннеказу не столько юридическим, сколько революционным социализмом, который позволяет судьям в процессуальной форме восставать против решений законодательной и исполнительной власти, что казалось равносильным выступлению против самого социального порядка, отраженного в положениях республиканской конституции и иных законах.

Таким образом, можно сделать вывод, что юридический социализм предполагал использовать в качестве основы для создания нового правопорядка имевшееся буржуазное право, которое путем тенденциозной игры толкования судов должно было стать социалистическим правом. В ситуации, когда невозможно взять и уничтожить имеющиеся тексты кодексов и законов, юрсоциалисты призывали принять их такими, какие они есть на текущий исторический момент. Юридический социализм в этом смысле является адаптацией в сторону социалистического идеала (с использованием специфического способа толкования) правовых

текстов, кодексов, законов или декретов, действующих сегодня. Вместо «экономического фетишизма», в котором часто упрекали марксизм, юридические социалисты (начиная с Менгера) занялись превознесением юридического метода и юридических аспектов в решении основных социальных проблем общества. Попытка юридических социалистов под коркой буржуазного закона культивировать ростки будущего социалистического права прямо противоречила определениям марксистской методологии, утверждавшей принцип неразрывного и органического единства формы и содержания. Юридический социализм постулировал отрыв правовой формы от наполнявшего его содержания. Считалось, что в руках юристов-социалистов, право (как форма) могло стать оружием эмансипации, хотя ранее эта форма (в руках буржуазных юристов) была «оружием классового угнетения» [Hitier: 349; Arnaud: 36–39].

Выступая за существенное обновление действовавшего на рубеже XIX–XX вв. права, поклонники юридического социализма не принимали права собственности в его абсолютном смысле и выражении, как того требовала классическая доктрина вещных прав. Они подчиняли индивидуалистическую природу права собственности целевым задачам коллективного права. «Они также отрицали существование приобретенных прав, которые служили бы препятствием для установления нового права или которые захотели бы сохранить себя косвенным путем, в форме права на возмещение» [Жид: 354]. В самом деле, независимо от того, насколько быстро и последовательно в обществе могла бы быть реализована идея социализации собственности, она в конечном итоге привела бы к подавлению и сокращению режима индивидуальной собственности, и тогда перед правовым социализмом возникал очень острый вопрос – какова будет судьба ранее приобретенных прав? На какое возмещение можно было бы полагать тем владельцам, имущество которых должно было быть экспроприровано. Данное обстоятельство, не вызывавшее серьезных затруднений для системы научного социализма, выливалось в трудноразрешимую коллизию в социализме юридическом. Основная трудность состояла в том, чтобы согласовать постулируемое юридическими социалистами верховенство идеи права с идеей поправки ранее приобретенных прав в случае экспроприации имущества. У истоков решения данного вопроса стоял немецкий философ, юрист и политический мыслитель Ф. Лассаль, у которого впоследствии юристы-социалисты черпали большую часть своего творческого вдохновения, а также основу для разработки собственных правовых теорий. Основная работа Лассалья – «Система приобретенных прав» (1861 г.) – была целиком посвящена анализу концепции приобретенных прав, которая фактиче-

ски ведет к отрицанию данной концепции. Лассаль принадлежал к числу теоретиков ликвидации приобретенных прав без компенсации.

Когда Лассаль осуществил свое знаменитое исследование, на интеллектуальных фронтах Западной Европы господствовала либеральная, или индивидуалистическая, школа, которая в течение первой половины XIX столетия воспитывала поколения юристов на формулах, основанных на принципах 1789 года. В соответствии с индивидуалистической концепцией права индивид противостоит государству, вооруженный правами, которые принадлежат ему [индивиду] в силу его собственной природы. Право обнаруживает свой источник в человеческой личности. Право индивида пользуется приоритетом, индивид является одновременно и субъектом, и целью права. Права организуются и гарантируются исключительно в интересах человека. Именно против данной концепции Лассаль возглавил борьбу, приняв противоположную сторону и став поборником идеи социального права. Позаимствовав часть из своих идей у предшественников (начиная с Гегеля и заканчивая Савиньи), Лассаль вывел из основной идеи, дискутировавшейся и ранее, важные логические следствия. Он попытался сместить центр тяжести права от индивида к обществу [Hitier: 454–456]. «Единственная субстанция всякого права, – писал Лассаль, – это общее сознание; единственным источником права является общее сознание народа, всеобщий дух» [Лассаль: 315]. Отсюда следует, согласно Лассалю, что права индивидов существуют только в той мере, в какой они признаются обществом, общим сознанием коллектива. Когда поддержание конкретного права более не согласуется с требованиями общего сознания народа (находящегося в состоянии постоянной эволюции), то происходит ситуация отмены ранее приобретенных прав (право погашается): общее сознание коллектива отправляет данное право в небытие, откуда в своё время актом суверенной воли общего сознания оно было извлечено. «И хотя приобретение определенного права опосредуется совершением индивидуального волевого акта, оно, прежде всего, должно быть подтверждено законодательством, в котором заключена всеобщая воля народа» [Пужаев: 750]. Таким образом, Лассаль утверждал, что индивид не может претендовать на то, чтобы закон, действовавший в определенное время, должен был сохранять свое действие в отношении его и в иной хронологический период, несмотря на состоявшиеся в последующем законодательные решения. В отличие от современников, которые, выступая в защиту приобретенных прав, считали возможным отойти от требования их сохранения только в крайних случаях «неоспоримой необходимости» (Шталь), Лассаль не связывал себя подобными оговорками. По его мнению, жесткая отмена при-

обретенных прав является нормальной функцией государства, поскольку предполагаемого права индивида, независимого от общего сознания, не существует. Все права концентрируются в интересах сообщества.

Спустя несколько десятилетий после выхода в свет «Системы...» Лассалья идея относительности всякого приобретенного права получила яркое развитие (и притом на весьма самобытной теоретической почве) во французской юридической доктрине. Речь идет об учении Эммануэля Леви (1871–1944) – видного французского юриста, политика-социалиста, долгие годы занимавшего должность профессора на юридическом факультете Лионского университета. В понимании Леви право представляется в качестве продукта социальной среды и её доминирующих сил. Единственным источником права Леви считал коллективные верования (убеждения) социальных общностей, из которых конституируется общество. Всякое субъективное право, согласно учению Леви, – это «реализованная в рамках коллективного сознания двусторонняя связь коллективных ожиданий и коллективных обязательств, которая базируется на фундаменте взаимного доверия социальных групп» [Гурвич: 460]. Несмотря на то, что подход Леви во многом напоминал теоретические выводы Лассалья, взгляд французского профессора оказался оригинален в том, что Леви: во-первых, указал на безусловную зависимость права от социальных верований различных социальных групп; во-вторых, обосновал важное значение судебной практики в вопросах отмены приобретенных прав и провозглашении «рождения» новых прав в соответствии с требованиями общественного мнения (коллективного сознания).

В современной правовой науке существует давняя традиция отождествлять французский юридический социализм именно с творчеством Эммануэля Леви и даже представлять его как родоначальника и учредителя юридического социализма во Франции. Антибуржуазный демарш Леви был сопоставим с начинаниями А. Менгера – австрийского правоведа, приобретшего к концу XIX века значительный вес в качестве критика капиталистической системы. Некоторые авторы, такие как французский юрист Андре Матер, шли ещё дальше, с уверенностью заявляя, что теория Леви превосходит всё менгеровское наследие, не способное предоставить сколько-нибудь значимых эквивалентов социалистическому видению Леви [Herrera 2003: 70; Herrera 2015].

Политические взгляды Леви предопределили его активную политическую позицию. Увлечение социалистическими идеями не было для него мимолетной слабостью, но находило прочный отклик в присущем ему складе ума. На первых порах он даже числился членом Французской секции Ра-

бочего интернационала (S.F.I.O.), впоследствии, однако, став независимым социалистом, близким к интеллектуальным кругам парижских социалистических групп. Активную деятельность Леви осуществлял, участвуя в работе создаваемых во Франции социалистических школ и иных общественных организаций, где его коллегами в разное время выступали небезызвестные Альбер Тома, Морис Хальбвакс, Эдгар Мильо, Франсуа Симиан, Поль Фоконне и др. [История: 109].

И всё же позиция, согласно которой Леви признается ведущим деятелем юридического социализма, сегодня подвергается определенному сомнению. Категоричен в этом вопросе Ф. Одран, который пишет: «...оглядываясь назад, спросим себя, как так произошло, что Леви приписали к юридическому социализму, в то время как он сам отказывался примерить на себя данный ярлык и сопутствующие ему методологические предрасположенности. По какому праву историку юридической науки (речь, очевидно, идет об историке права из Бордо Ж. Боннеказе, который одним из первых назвал Леви “отцом французского юридического социализма”. – В. П.) дозволяется квалифицировать произведение именем, которое сам автор отказывался поддержать? Именно этот насильственный акт, очень проблематичный, история юридической науки должна прояснить прежде всего» [Audren: 106]. Ф. Одран признает, что теоретические усилия Ф. Лассалья, А. Менгера, А. Лориа подготовили необходимую почву, на которой во Франции в начале XX века развиваются глубокие размышления о юридических аспектах социализма. Прежде всего вспоминается имя А. Матера, немного подзабытого сегодня юриста, который предложил наиболее передовое по тем временам видение метода и существа юридического социализма и настаивал на использовании данного термина. В этой связи фраза о том, что Леви является выдающимся представителем юридического социализма, согласно Ф. Одрану, имеет несколько причин удивлять:

1. Леви всегда воздерживался от того, чтобы использовать в своих трудах выражение «юридический социализм». Публично он ни разу не проявил желания быть присоединенным к этому течению мысли. Будучи столь чувствительным к статьям, в которых ему и его взглядам отдавали почтение, Леви тем не менее хранил почти полное молчание относительно симпатий, которые ему адресовал А. Матер в статьях «Источники и юридические истоки социализма», «Юридический социализм».
2. В 1923 году Леви написал предисловие к одной из немногочисленных в то время диссертаций о юридическом социализме (автором исследования выступил М. Бараш, который посвятил часть своих текстов разбору учения Леви) [Barasch]. В предисловии Леви выдерживает заметную дистанцию по отношению к предмету, казалось бы, близкой ему

работы. 3. У Леви имелось слишком ясное осознание неопределенности такого наименования, как «юридический социализм», чтобы требовать его по отношению к своим собственным взглядам и выводам [Audren: 105–108].

Приведенные обстоятельства позволили Ф. Одрану утверждать, что ассимиляция учения Леви с юридическим социализмом до такой степени, когда они полностью смешиваются, реализуется только в 30-х гг. XX века. До этого времени, и особенно в довоенный период (1900–1914 гг.), принадлежность Леви к юридическому социализму является сомнительной для деятелей эпохи. Именно в межвоенный период во Франции завершается «вхождение» категории «юридический социализм» в науку права, и осуществляется оно ценой радикальной редукции: «юридический социализм» отождествляется с произведениями Эммануэля Леви и наоборот. Но, как отмечает Ф. Одран, юридический социализм не являлся исключительным делом Эммануэля Леви. Он был порождением французской юридической доктрины, желающей регулировать его контуры и содержание [Audren: 110]. Правовое наследие Леви, действительно, не следует редуцировать к вопросам описания юридической логики социализма, хотя это и не отменяет его значительных заслуг в постановке юридических средств на службу социалистическим замыслам. Во французской литературе периода Третьей республики Леви оказался одним из наиболее ярких, но не единственным «оракулом» юридического социализма. Более верным нам представляется указание на Леви как на создателя оригинальной теории коллективного права и ученого, способствовавшего утверждению данной категории в профессиональном лексиконе юристов так называемой «прекрасной эпохи» в истории Франции.

Обратившись к языковым особенностям сочинений Леви (в основном это были небольшие очерки и зарисовки), мы находим употребление в них совершенно разнящихся стилей: один – строго научный; другой – который значительно выходил за рамки сделанных юридических наблюдений и который был отнюдь не свободен от терминологии классического социализма.

В отличие от марксистов Леви подтверждал свое неприязненное отношение к политике грубой силы. Он полагал, что открытый конфликт не является необходимым и что существующие правовые формы и институты высших классов могут быть естественным, мирным и демократическим путем приспособлены к потребностям и правам трудящихся (неимущих классов) [Lévy 1933: 126–127]. Единственный полезный результат революционных движений, по его мнению, заключается лишь в том, чтобы прояснить необходимость нового юридического выравнивания между классами. Идея насилия, согласно учению Леви, входит

в противоречие с самой идеей права, и при этом право понимается в качестве неотъемлемого элемента справедливого социального мира.

Опираясь на некоторые экономические факты и обобщив их, Леви утверждал, что в современном ему обществе форма, которую принимает капитализм, все более и более приобретает форму обязательственного права. Традиционное понятие капитала, возводимое к понятию права собственности, к вещному праву, постепенно уходит в прошлое. В период интенсивной индустриализации общественной жизни, создания акционерных обществ, по словам Леви, капитал все чаще принимает форму права на квоту в компании, но не права на вещь в классическом понимании. Эволюция права, согласно Леви, движется в сторону замены прав на вещи правами на нестабильные ценности, зависимые от влияний, от векторов общественных убеждений (коллективных верований). Трансформация влечет устранение из практики общественной жизни «навечно» приобретенных прав, таких как право собственности, заменяя их зависимым от общественного мнения правом владения. Согласно Леви, изменения в промышленной экономике и практике общественной жизни приводят к тому, что право перестает рассматриваться как повелевающее господство лица над вещью, становясь вместо этого определенным обязательством перед обществом. И далее Леви отмечал существование в обществе двух систем коллективной веры, которые, следуя закону классово-борьбы, находятся в противоречии между собой, исходя из существа выражаемых правоприязаний. С одной стороны, коллективная вера, коллективные требования и обязательства пролетариата, претендующего на полный продукт своего труда; с другой – притязания капитала, выражающиеся в их претензиях как владельцев средств производства, на рабочую силу всего пролетариата. Согласование этих двух систем коллективной веры (притязаний), полагал Леви, требует, чтобы все работники стали действительными распорядителями производства, и чтобы вся продукция труда отныне была в распоряжении всех трудящихся, поскольку индустриальная эпоха озвучивает основной закон социальной эволюции – «труд стал ценностью!». «Рабочий коллектив верит в себя, он создает свою собственную практическую истину» [Lévy 1926: 142], он формирует свое собственное коллективное право, смело посягнувшее на былую гегемонию капиталистического права.

Основной тезис, в котором реализовывалось социалистическое видение Эммануэля Леви, сводился к необходимости поглощения права капитала правом рабочих, а в более широком контексте – абсорбции индивидуального права коллективным правом. Отмеченная правовая абсорбция преподносилась Леви как объективная тенденция, харак-

терная для развития правопорядков европейских государств в конце XIX века. Она же расценивалась как шаг, преодолев который общество твердо вступит на путь реализации социального мира и согласия. Идея абсорбции индивидуального права коллективным правом обусловлена позицией Леви о том, что социальные истоки позитивного права следует искать в недрах коллективной психологии групп. Реализация идеи абсорбции являлась для него зримым свидетельством торжества идеи социализма, финальным аккордом гимна исторической эволюции.

Выступая в защиту утверждающегося коллективного права рабочих, Леви попытался дать обоснование его приоритета по отношению к индивидуальному праву. Его аргументы обнаруживают двойное происхождение. Часть из них логически проистекает из констатации наблюдаемых изменений в промышленной экономике Третьей республики, которые послужили толчком к подновлению обветшалого здания французского законодательства. Другая часть доводов выходит за рамки простого описания происходившей в те годы эволюции права и отражает моральные идеалы самого Леви.

Первая группа доводов состояла в следующем. Изолированный рабочий, согласно взглядам Леви, не имеет прав, у него есть только обязанности. Отдельный работник, трудящийся по индивидуальному договору, имеет заработную плату, которая клонится в сторону минимума, достаточного лишь для поддержания его жизненных сил (в условиях конкуренции со стороны изолированных работников труд предлагается по цене голода). Напротив, работа в рамках коллективного трудового договора наделяет работников правом требования в отношении капитала (правом, которое стремится к тому, чтобы соответствовать доле их участия в производстве) [Lévy 1926: 112].

Итак, в интерпретации Леви право возникает у ассоциированных объединений трудящихся. Своим трудом коллективы рабочих становятся настоящими кредиторами капитала. Они не являются должниками, потому что тот, кто ничего не имеет, не имеет и долгов. Будучи всегда кредиторами и никогда должниками, они должны стать настоящими хозяевами промышленного производства. Обращаясь к истории права, Леви признавал, что долгое время частная капиталистическая собственность пользовалась своего рода ограниченным суверенитетом и потому ущерб, причиненный её использованием, оставался без возмещения, не делал собственника ответственным за причинение вреда [Lévy 1906: 321]. Однако к исходу XIX столетия во Франции судебная практика все чаще склонялась к признанию того обстоятельства, что неправомерное использование имущества делает собственника ответственным лицом. Собственник

все чаще рассматривался французскими судами как «должностное лицо», как «слуга» принадлежащего ему права. Отмеченная позиция судебных инстанций вполне соответствовала положениям французского солидаризма, ставшего своего рода официальной идеологией Третьей Французской республики.

Поскольку вере рабочих не корреспондирует (ввиду отсутствия капиталов, имущества) никакое обязательство, она формирует чистое право без обязательства, то есть право силы. Вера капиталистов, напротив, отягощена многочисленными обязательствами и потому занимает подчиненное положение. Она испытывает угрозу со стороны самого процесса своего осуществления, так как капиталы ответственны в случаях причинения ущерба коллективному праву. Она затрагивает интересы широких рабочих масс. На этом основании Леви приходил к выводу, что коллективная вера капиталистов будет растворена, ибо она вынуждена растрачивать свою «жизненную энергию» на «покрытие» соответствующих, обращенных к ней требований. «Капитал, – заключал Леви в 1903 году, – это социальный пассив, и он будет поглощён активом, которым является труд» [Lévy 1926].

Не меньший удар по коллективным верованиям капитала наносило, считал Леви, развитие во Франции синдикалистского (профсоюзного) движения, влияние которого в те годы росло быстрыми темпами. В завершение мысли Леви констатировал, что теперь «капиталу угрожают со всех сторон. Ему угрожают налоги, монополии, неверие. Это – охота на капиталиста, который пытается убежать, спрятаться, который делает вид, что ничем не обладает. Но невозможно все время прятаться, и, переставая казаться собственником, он заканчивает тем, что перестает им быть» [Гурвич: 369].

Когда Леви говорил о том, что всякое обладание имуществом обременяет, и масштабы такого обременения возрастают сообразно накоплению субъектом собственности, он, безусловно, следовал традиции французского солидаризма. Его лозунги в этой части звучат ясно, без словесных стеснений: «кто не имеет ничего, тот ничего не должен», «обладание многим, многим и обременяет».

Идея Леви о постепенном исчезновении капиталистического права в его действующих формах, разумеется, была не чистой констатацией происходящих во французском обществе эволюций, но в большей мере – отражением его политических идеалов, о которых Леви никогда не забывал. Его непоколебимая вера в торжество социалистической справедливости, неизбежность которой уготована самим ходом исторического развития, позволяет увидеть в учении Леви склонность к оформленному фатализму. Триумф коллективного права неизбежен, считал Леви, поскольку именно оно является закономерным следствием происходящих

в обществе трансформаций, адекватным отображением голоса современной ему индустриальной эпохи. Рассуждая об утверждении коллективного права, об абсорбции прав капитала правами рабочего класса, Леви приходил, по его собственным словам, к юридическому обоснованию и описанию логики социализма.

Леви считал подобную абсорбцию совершенно естественной, или, иными словами, справедливой [Lévy 1926: 124]. Леви казалось, что естественный ход истории в конечном итоге обеспечит ситуацию, при которой право будет имманентно отражать условия общественной солидарности: оно будет двигаться от бессодержательности эгоистического права капитала к праву содержательному, учитывающему интересы и чаяния рабочего класса. Именно это должно обеспечить социальный мир, в котором так нуждается человечество. По словам Леви, человечество отнюдь не закончило свой победный марш, поскольку перед людьми все ещё стоит проблема обеспечения права на счастливую жизнь, на искоренение конфликтов между людьми. Замечательный критик идей Леви, выдающийся французский правовед Жорж Рипэр, не упустил шанса отметить полагаемый «промах» доктрины лионского профессора. Рипэр указал на наличие в доктрине Леви зияющего пробела в вопросе обоснования абсорбции индивидуального права коллективным правом. По его мнению, в текстах Леви мы будто наблюдаем за трюками искусного фокусника, и мы отчетливо видим, как под властью его пера происходит «исчезновение» индивидуального права, но, как и всякий истинный фокусник, Леви не дает нам совершенно никакого объяснения этому чудесному исчезновению. Он просто говорит нам о том, что индивидуальное право будет поглощено коллективным правом, но это поглощение не находит требуемого в таком случае обоснования и оправдания. Вместо общих разговоров об «утверждении коллективного права», подчеркивал в этой связи Рипэр, требуется доказательная демонстрация такого «утверждения», которой в исследованиях Леви попросту не оказалось [Ripert: 29].

Несмотря на значительную критику, поступившую от коллег, идеи Леви не следует считать проявлением рьяного политического фанатизма, который побуждает своего носителя отходить от требований научной объективности с тем, чтобы гнуть формулируемые выводы в определенном, заранее известном направлении. Отдельные заключения Леви действительно имели реальную историческую почву. К примеру, формирующееся социальное законодательство передовых европейских государств в начале XX века могло бы предоставить немало достойных доказательств тех положений, о которых возвещал Леви. И при возможности Леви не упускал шанса, чтобы обратить такие исторические примеры в свою пользу. В об-

ласти частного права Леви акцентировал внимание на происходящей трансформации института юридической ответственности в индустриальную эпоху, связанную с расширением случаев возникновения ответственности. Практика применения статьи 1382 Французского гражданского кодекса являлась удачной отработкой того, как юридические социалисты намеревались использовать технику тенденциозного толкования буржуазного закона. Классическая концепция юридической ответственности, атакованная в доктрине сначала сторонниками школы свободного права, а затем и юрсоциалистами, в итоге была повержена. Случаи наступления обязанности компенсировать причиненный вред были расширены. Вместо классического понятия вины «обеспокоенными юристами» эпохи было введено понятие «риска». Путем законодательного освящения новая идея об ответственности предприятий перед своими работниками была санкционирована законом от 9 апреля 1898 года. Гражданская и административная практика также использовала понятие риска, предусматривающее компенсацию в силу простого факта ущерба, хотя бы причинитель ущерба и не обнаружил никакой вины или безрассудства (объективная теория ответственности).

В качестве итогов проведенного исследования попытаемся сформулировать основные идеи французского юридического социализма: 1) идея мирной социальной революции (революции без насилия, революции через интерпретацию текстов), реализация которой связывалась с растущим влиянием социалистически мыслящих судей во французской судебной иерархии. Отвечая на социальные означенности эпохи и требования общественного мнения, эти судьи, по замыслу юридических социалистов, должны были путем свободного толкования буржуазных законов (в интересах немущих классов) содействовать установлению в государствах социалистического правопорядка. Используя тенденциозное толкование действующих законодательных формул, формирующаяся судебная практика должна была развернуть старое буржуазное право к контурам желаемого социалистического идеала. Подмечая промахи и пробелы буржуазного права, судебная практика должна была предлагать юридические решения, соответствующие целевым задачам социализма; 2) особая роль юристов в формировании нового социалистического права; 3) идея права как социальной функции. Практически повторяя положения французского солидаризма (который в целом являлся завоеванием буржуазной правовой мысли), юридические социалисты заявили о трансформации права – в направлении признания его своеобразной социальной функцией (в практическом отношении это означало возложение на обладателей права определенной социальной ответственности

за осуществление такого права в своих интересах); 4) идея относительности прав и «отмены» приобретенных прав без возмещения. В понимании некоторых юридических социалистов (главным образом, в учении Леви) социализм представлялся как капитализм, существующий в условиях упразднения «навечно» приобретенных прав. Права становятся относительными, зависимыми от коллективных настроений социума. «Права лиц объявлялись неустойчивым продуктом непрерывающихся движений коллективной веры, в которой «прилив» коллективного доверия (своеобразного социального кредита) провозглашает возникновение у тех или иных субъектов определенных прав, в то время как «отлив» доверия и веры уничтожает права точно так же, как оно их ранее создало» [Пужаев: 749]. В этом смысле юридико-социалистическое учение Эммануэля Леви явилось типичным проявлением так называемого правового релятивизма. С другой стороны, характерной особенностью юридического социализма как направления правовой мысли явилось подчеркнутое внимание к идее эволюционного преобразования права, стремление искать в настоящем основу для будущего переустройства регулятивных систем общества, понимание необходимости подготовительной фазы, без которой невозможен успех надвигающейся социальной трансформации.

Примечания

¹ Отдельные положения данной статьи были изложены автором в ходе устного выступления с докладом на тему «Юридический социализм Эммануэля Леви» в рамках Международной научно-практической конференции «Права и обязанности гражданина и публичной власти: поиск баланса интересов» (МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва, 26–29 ноября 2019 г.).

Список литературы

- Воробьев В.С.* Юридический социализм Ф. Лассалья // Политическая организация общества (история и современность): сб. науч. тр. Свердловск, 1977. Вып. 56. С. 109–117.
- Гессен С.И.* Обоснование правового социализма // Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. С. 43–394.
- Гурвич Г.Д.* Философия и социология права: Избранные сочинения / пер. М.В. Антонова, Л.В. Ворониной. СПб.: ИД СПбГУ, Изд-во юридического ф-та СПбГУ, 2004. 848 с.
- Жид Ш.* История экономических учений / авториз. пер. с фр. В. Сережников; под ред. и с предисл. В.Ф. Тотомианца. М.: Труд, 1914. 496 с.
- Завадский А.В.* К учению о толковании гражданских законов. Новейшие течения по этому вопросу в немецкой литературе / под ред. бар. А. Симолина. Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1916. 168 с.
- История буржуазной социологии первой половины XX века / отв. ред. Л.Г. Ионин, Г.В. Осипов. М.: Наука, 1979. 306 с.
- Лассаль Ф.* Система приобретенных прав (в изложении и извлечениях Эд. Бернштейна) // Сочинения Ф. Лассалья. СПб.: Изд. Н. Глаголева, 1906. Т. 3. С. 261–421.
- Пужаев В.В.* Право как продукт неопределенности и рисков (социопсихологический подход Эммануэля Леви) // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 747–751.
- Стучка П.И.* Революционная роль права и государства. Общее учение о праве. М.: Изд. Соцакадемии, 1923. 154 с.
- Энгельс Ф., Каутский К.* Юридический социализм // Под знаменем марксизма. 1923. № 1. С. 51–71.
- Arnaud A.-J. et N.* Le socialisme juridique à la «Belle Époque»: visages d'une aberration. Quaderni fiorentini per la storia del pensiero giuridico moderno, 1974–75, № 3–4, pp. 25–54.
- Audren F.* Le droit au service de l'action. Éléments pour une biographie intellectuelle d'Emmanuel Lévy (1871–1944). Droit et société, 2004/1, № 56–57, pp. 79–110.
- Barasch M.* Le socialisme juridique et son influence sur l'évolution du droit civil en France à la fin du XIX siècle et au XX siècle. Thèse pour le doctorat. Paris, 1923.
- Bonnetcase J.* La pensée juridique française de 1804 à l'heure présente, ses variations et ses traits essentiels. Bordeaux, Delmas, 1933, t. 2, 314 p.
- Hitier J.* La dernière évolution doctrinale du socialisme: le socialisme juridique. Revue d'économie politique, 1906, T. 20, pp. 345–367, 452–466.
- Herrera C.M.* Droit et gauche: pour une identification. Québec, Presses de l'Université Laval, 2003, 199 p.
- Herrera C.M.* La radicalisation sociologique de la pensée juridique. Lévy, Lambert, Gurvitch. Droits, 2015, vol. 62, № 2, pp. 189–204.
- Leroy M.* La loi. Essai sur la théorie de l'autorité dans la démocratie. Paris, V.Giard & E. Brière, 1908, 353 p.
- Lévy E.* Correspondance: à propos de l'article de Paul Boncour. Revue socialiste, 1906, t. XLIII, № 255, pp. 320–322.
- Lévy E.* La vision socialiste du droit. Paris, Marcel Giard Libraire-Éditeur, 1926, 183 p.
- Lévy E.* Les fondements du droit. Paris, F. Alcan, 1933, 169 p.
- Neybour J.* Droit et socialisme. La Revue socialiste, 1907, t. XLV, pp. 336–344.
- Neybour J.* L'idée de justice et le socialisme juridique. La Revue socialiste, 1909, t. 50, pp. 970–984.
- Ripert G.* Le socialisme juridique d'Emmanuel Lévy. A propos de «La Vision socialiste de Droit».

Revue critique de législation et de jurisprudence, 1928, t. 48, pp. 21–36.

Sarraz-Bournet M. Une évolution nouvelle du socialisme doctrinal: le socialisme juridique. Thèse pour le doctorat és sciences politiques et économiques. Chambéry, Impr. nouvelle, 1911, 150 p.

References

Vorob'ev V.S. *Iuridicheskii sotsializm F. Lassalia* [Legal Socialism F. Lassalle]. *Politicheskaia organizatsiia obshchestva (istoriia i sovremennost')*: sb. nauch. tr. [The political organization of society (history and modernity): collection of scientific papers]. Sverdlovsk, 1977, vol. 56, pp. 109–117. (In Russ.)

Gessen S.I. *Obosnovanie pravovogo sotsializma* [Justification of Legal Socialism]. *Izbrannoe* [Selected Works]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010, pp. 43–394. (In Russ.)

Gurvich G.D. *Filosofia i sotsiologiia prava: Izbrannye sochineniia* [Philosophy and Sociology of Law: Selected Works], trans. M.V. Antonova, L.V. Voroninai. St. Petersburg, ID SPbGU, Publ. iuridicheskogo f-ta SPbGU, 2004, 848 p. (In Russ.)

Zhid Sh. *Istoriia ekonomicheskikh uchenii* [History of Economic Thought], trans. V. Serezhnikov; ed. by V.F. Totomiantsa. Moscow, Trud Publ., 1914, 496 p. (In Russ.)

Zavadskii A.V. *K ucheniiu o tolkovanii grazhdanskikh zakonov. Noveishie techeniia po etomu*

voprosu v nemetskoii literature [To the doctrine of the interpretation of civil laws. The latest trends on this issue in German literature], ed. by A. Simolina. Kazan, Publ. Imp. un-ta, 1916, 168 p. (In Russ.)

Istoriia burzhuznoi sotsiologii pervoi poloviny XX veka [The history of bourgeois sociology in the first half of the 20th century], ed. by L.G. Ionin, G.V. Osipov. Moscow, Nauka Publ., 1979, 306 p. (In Russ.)

Lassal' F. *Sistema priobretennykh prav (v izlozhenii i izvlecheniakh Ed. Bernshteina)* [The system of acquired rights (as set out and extracts by Ed. Bernstein)]. *Sochineniia F. Lassalia* [Works by F. Lassalle]. SPb., Publ. N. Glagoleva, 1906, vol. 3, pp. 261–421.

Puzhaev V.V. *Pravo kak produkt neopredelennosti i riskov (sotsiopsikhologicheskii podkhod Emmanuela Levi)* [Law as a product of uncertainty and risks (the sociopsychological approach of Emmanuel Levy)]. *Iuridicheskaiia tekhnika* [Legal Technique], 2019, № 13, pp. 747–751. (In Russ.)

Stuchka P.I. *Revoliutsionnaia rol' prava i gosudarstva. Obshchee uchenie o prave* [The revolutionary role of law and the state. General doctrine of law]. Moscow, Publ. Sotsakademii, 1923, 154 p. (In Russ.)

Engel's F., Kautskii K. *Iuridicheskii sotsializm* [Legal socialism]. *Pod znamenem marksizma* [Under the banner of Marxism], 1923, № 1, pp. 51–71. (In Russ.)

DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-265-269
УДК 343.2

Зайцев Александр Владимирович
Костромской государственный университет

СЛЕДСТВЕННЫЕ ОРГАНЫ НА ТЕРРИТОРИИ КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ (до образования Костромской области)

В статье исследуется процесс становления следственных органов на территории современной Костромской области в период с 1917 года по август 1944 года, то есть начиная с первых послереволюционных лет и до момента воссоздания Костромской области. Автором на основе изучения архивных и мемуарных источников вводятся в научный оборот новые, ранее не известные сведения о деятельности следственного аппарата и отдельных местных народных следователей. В статье приводятся фамилии конкретных следственных работников, функционировавших в органах прокуратуры в исследуемый промежуток времени. Описываются отдельные уголовные дела, которые находились в производстве у народных следователей, работавших на территории Костромской области. При написании статьи автором использовались такие методы исследования, как компаративный анализ, элементы системного, диалектического и исторического подходов. Главным выводом является тезис о том, что становление следственного аппарата на территории Костромской области шло сложно, было связано с нехваткой квалифицированных кадров и большим объемом работы. Однако этот процесс происходил в строгом соответствии с действовавшими на тот момент законами и другими нормативными актами.

Ключевые слова: народные следователи, суд, предварительное расследование, уголовные дела, прокуратура, Ивановская промышленная область.

Информация об авторе: Зайцев Александр Владимирович, ORCID 0000-0003-4977-8828, доктор политических наук, доцент, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций Костромского государственного университета, г. Кострома, Россия.

E-mail: aleksandr-kostroma@mail.ru

Дата поступления статьи: 08.02.2020.

Для цитирования: Зайцев А.В. Следственные органы на территории Костромской губернии в Советской России (до образования Костромской области) // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 2. С. 265–269. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-265-269.

Aleksandr V. Zaytsev
Kostroma State University

INVESTIGATIVE BODIES IN THE TERRITORY OF KOSTROMA PROVINCE IN SOVIET RUSSIA (before the formation of Kostroma Region)

The article examines the process of formation of investigative bodies in the territory of modern Kostroma Region from 1917 to August 1944, that is, from the first post-revolutionary years until the re-establishment of Kostroma Region. Based on the study of archival and memoir sources, the author introduces into the scientific circulation new, previously unknown information about the activities of the investigative apparatus and individual local investigators. The article provides the names of specific investigative workers who functioned in the prosecution authorities in the studied period of time. Separate criminal cases are described that were in the proceedings of the investigators who worked in Kostroma Region. When writing the article, the author used such research methods as comparative analysis, elements of a systemic, dialectic and historical approaches. The main conclusion is the thesis that the establishment of the investigative apparatus in the territory of Kostroma Region was difficult, due to a lack of qualified personnel and a large amount of work. However, this process took place in strict accordance with the laws and other regulations in force at that time.

Keywords: people's investigators, court, preliminary investigation, criminal cases, prosecutor's office, Ivanovo industrial region.

Information about the author: Aleksandr V. Zaytsev, ORCID 0000-0003-4977-8828, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications of Kostroma State University, Kostroma, Russia.

E-mail: aleksandr-kostroma@mail.ru

Article received: February 8, 2020.

For citation: Zaytsev A. V. Investigative bodies in the territory of Kostroma Province in Soviet Russia (before the formation of Kostroma Region). Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 2, pp. 265–269 (In Russ.). DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-265-269.

После революции 1917 года на территории Костромской губернии следственной деятельностью занимались различные организации, наделенные этим правом, в том числе ревтрибунал, ЧК, губрозыск, органы юстиции и народные суды. Спустя несколько лет следственные аппараты были интегрированы в одну систему, включенную в структуру народных судов. Вместо дореволюционного института судебных следователей появились народные следователи. Однако расследованием уголовных дел занимались не только нарследователи, но и следователи из других ведомств. При этом надзор за предварительным следствием осуществляли органы прокуратуры.

24 ноября 1917 года Костромской окружной суд был упразднен¹. Вместо него на территории губернии были образованы местные суды. Впоследствии их стали называть народными судами. Согласно статье 3 указанного декрета производство предварительного следствия временно было возложено на местных народных судей единолично. А декретом «О суде» № 2² производство предварительного следствия перешло к коллегиальным следственным комиссиям, которые были упразднены «Положением о народном суде РСФСР» от 21 октября 1920 г., и производство предварительного следствия было передано единоличным следователям³. Эти «следственные комиссии стали первоначальной организационно-правовой основой дальнейшего развития советских следственных органов» [Шеужен, Яблонский: 92].

31 октября 1922 года был образован Костромской губернский суд. В его функции входило осуществление надзора за работой народных судов, а также рассмотрение жалоб на решения и приговоры нижестоящих территориальных судов. Сюда же, как и в дореволюционный период, входили народные следователи, занимавшиеся расследованием уголовных дел в пределах подследственной им территории округа. Таким образом, можно сделать вывод, что, как и ранее, в дореволюционный период времени руководство следственной деятельностью было отнесено к сфере компетенции судебной власти. Что касается органов прокуратуры, то они лишь контролировали ход предварительного следствия. «Такого рода двойная подчиненность следственного аппарата вызывало споры, хотя и суды, и прокуратура входили в систему одного ведомства – Наркомата юстиции РСФСР» [Олейник: 2015а].

Первым председателем Костромского губернского суда, дислоцировавшегося в то время на пересечении улиц Советской и Овражной, стал Я.К. Кульпе (1888–1938), латыш по происхождению, ранее занимавший должности председателя Костромской губернской ЧК и Костромского губернского революционного трибунала. Дело в том, что здание бывшего окружного суда (распо-

лагавшегося в так называемом Доме Борщева), на тот период времени «было добито так, что пользоваться им без капитального ремонта было невозможно» [Лаговский: 162]. Спустя несколько лет суд и прокуратура все-таки вернулись на прежнее место, где до революции размещался Костромской окружной суд, в слегка отремонтированное, но по-прежнему величественное здание на Сусанинской площади города Костромы. По всему фасаду здания, по воспоминаниям А.В. Лаговского, «красовалась» вывеска с золотой надписью «Суд и прокуратура», и висела она долго, пока ее не приказал убрать «один из приехавших в Кострому руководящих партийных работников» [Лаговский: 169].

А.В. Лаговский в 1909 году с золотой медалью закончил Первую костромскую гимназию и, избрав профессию юриста, поступил на юридический факультет Московского университета. После его окончания некоторое время работал в Костромском окружном суде, участвовал в Гражданской войне, служил военным следователем, а в 1923 году, после демобилизации, был принят Я.К. Кульпе на работу в Костромской губернский суд в качестве народного следователя.

Следственный участок, доставшийся А.В. Лаговскому, включал в себя огромную территорию бывшего Костромского уезда, куда, по современным масштабам, входили добрая «половина Костромского района, целиком Красносельский, Судиславский и Сусанинский районы» [Лаговский: 162]. Уголовные дела, находившиеся в производстве у Александра Викторовича, были по большей части бытовые. Но были и крупные, или, говоря современным языком, «резонансные». Среди них можно назвать, к примеру, уголовное «дело Грачева», на расследовании обстоятельств которого А.В. Лаговский останавливается более чем подробно [Лаговский: 169 и след.].

Особый интерес вызывают следственные действия и обстоятельства расследования уголовных дел, о которых рассказывает этот костромской следователь. «Единственный транспорт – это пара серых в тарантасе или санях с конной станции уисполкома, – вспоминал А.В. Лаговский. – Ко мне всегда присылали знавшего все маршруты старика-ямщика Митю Арбуза. Дороги были дальние, например, чтобы добраться до Андреевской волости, приходилось тратить весь день. Тарантас без верха, осенью никакой плащ не спасал от дождя: приедешь на место, а шинель колом стоит и едва к утру просохнет» [Лаговский: 185–186].

Иногда А.В. Лаговский выезжал на территорию своего округа не только на какие-либо криминальные происшествия, но и в плановом порядке в ту или иную волость. К примеру, в Судиславль, Сусанино, Красное и еще куда-то для допросов свидетелей по месту жительства, чтобы не вызывать их в Кострому. «Если из поездки удавалось

возвратиться днем, – пишет А.В. Лаговский, – то захваченные с собой вещественные доказательства – окровавленные ножи, топоры, банки с внутренностями и даже задушенных младенцев сдавал в камеру суда, а если возвращался к ночи, то приходилось разгружаться дома, вернее в сарае...» [Лаговский: 186].

За успешное расследование ряда уголовных дел, в том числе и «дела Грачева», А.В. Лаговский был замечен Н.В. Крыленко, работавшим в то время старшим помощником прокурора РСФСР и заместителем наркома юстиции РСФСР, и переведен на должность помощника Костромского губернского прокурора, в функции которого входило поддержание государственного обвинения в суде. После того как, по словам А.В. Лаговского, в Костромской губернской прокуратуре началось «гонение на беспартийных», ему пришлось расстаться со следственно-прокурорской деятельностью и перейти на другую работу в качестве юристконсульта.

14 января 1929 года Костромской губернский суд, а вместе с ним и губернская прокуратура, а также губернский следственный аппарат были упразднены в связи с расформированием Костромской губернии и передачей ее территории в состав Ивановской промышленной области⁴. В эту огромную зону вошли бывшие территории Владимирской, Иваново-Вознесенской, Костромской и Ярославской губерний. Кострома, точно так же как Владимир и Ярославль, получила статус города областного подчинения в составе Ивановской промышленной области.

Практически одновременно с этим было принято судьбоносное решение об окончательном переводе народных следователей из народных судов в структуру прокурорских органов⁵. Теперь народные следователи назначались и отстранялись от работы горсовета или райисполкома по представлению райгорпрокуроров. Вхождение следственного аппарата в состав органов прокуратуры вызывал немало коллизий, связанных с использованием прокурорами следственных кадров для целей, не связанных с расследованием уголовных преступлений. Дело в том, что нередко прокуроры рассматривали следователей как своих собственных помощников, не обеспечивая им самостоятельного процессуального статуса. Именно об этом шла речь «в письме Прокуратуры РСФСР от 12 октября 1930 года, где критиковалась тенденция ряда прокуратур обратиться следователя в фактического помощника прокурора по всем областям прокурорской работы» [Олейник 2015а].

В 1935 году в прокуратуре города Костромы произошел служебный инцидент, связанный с тем, что прокурор города Иваново поручил народному следователю прокуратуры Шишову выступить в суде в качестве обвинителя по делу о растрате. Однако тот категорически отказался выполнить

данное поручение, сославшись на методическую конференцию, прошедшую летом этого же года в Ивановской областной прокуратуре, где, по словам Шишова, было разъяснено, что следователей «не могут назначать обвинителями». Так как это был уже второй подобный отказ со стороны этого же следователя, то прокурор города Костромы обратился с запросом в прокуратуру Ивановской промышленной области. «Поскольку подобных указаний я не получал и обычная практика прокуратур была такова, что мы в необходимых случаях поручаем следователям поддерживать обвинение по делам, я прошу Вас дать соответствующее разъяснение по данному вопросу», – говорится в запросе прокурора города Костромы⁶. Естественно, что позиция следователя получила поддержку со стороны прокуратуры области.

Несмотря на то, что в 1930-е годы большинство уголовных преступлений расследовались органами НКВД, следственные органы в структуре прокуратуры испытывали острую потребность в квалифицированных следственных кадрах. По состоянию на 1 ноября 1931 года юридическую подготовку имели только 53 % горрайпрокуроров и 38 % следователей Ивановской промышленной области [История прокуратуры].

Как следует из «Списка сотрудников народных судов и горпрокуратуры Костромского района на 1-е января 1933 года», в прокуратуре Костромы работали только лишь два следователя:

1) Емелин Алексей Зиновьевич, 1895 года рождения, член ВКП(б) с 1929 года, в органах работает с 1922 года, имеет низшее образование, в качестве следователя функционирует лишь с 1932 года;

2) Плотников Николай Иванович, 1906 года рождения, член ВКП(б), имеет низшее образование⁷.

Если фамилии указанных выше следователей были напечатаны на пишущей машинке, то, видимо, чуть позднее уже от руки в этот же список были добавлены фамилии еще трех человек, перешедших на следственную работу из органов ОГПУ:

1) Ростовников Александр Петрович, 1897 года рождения, член ВКП(б) с 1925 года;

2) Вичурова Екатерина Васильевна, 1909 года рождения, член ВКП(б) с 1932 года с низшим образованием;

3) Кашанин(?) Николай С., 1907 года рождения, член ВКП(б) с 1930 года.

Однако по состоянию на 1 ноября 1933 года из этой пятерки (что свидетельствует о большой смене и ротации кадров) остались только двое: Н.И. Плотников и Е.В. Вичурова. Третьим следователем в прокуратуре Костромы стал Иван Николаевич Русаков, 1909 года рождения, член ВЛКСМ, с низшим образованием, как и большинство его вышеназванных коллег⁸.

Естественно, что все это – отсутствие должного уровня образования, текучесть кадров – сказыва-

лось и на качестве следствия, и на сроках его завершения. При этом количество уголовных дел, находившихся в производстве у народных следователей, было достаточно высоко. В итоге большое количество расследованных уголовных дел возвращалось на доследование либо прокурорами, либо народными судьями.

В 1934 году прокурор Костромы Иванов обратился в прокуратуру Ивановской промышленной области с ходатайством об увеличении штата прокуратуры города Костромы еще на одного следователя. В обоснование своих доводов он писал: «Большое количество дел на одного следователя (т. Шишова – 17 дел, т. Прусакова – 16 дел, т. Грильсен – 16 дел) встречается одновременно со слабым [уровнем] следователей, работников молодых, не имеющих достаточного опыта в работе. Отсюда мы очень часто не можем быстро реагировать на серьезные факты, которые иногда требуют расследовать буквально несколько дней. Некоторые серьезные дела я вынужден брать для расследования себе... но я сам также перегружен работой». Поэтому костромской прокурор просил вышестоящее руководство усилить аппарат прокуратуры, прикомандировав опытного следователя⁹.

Однако ситуация со следственными кадрами и нагрузкой была достаточно острой не только в Костроме, но и в целом по Ивановской промышленной области. К примеру, в среднем на одного следователя в Ивановской промышленной области в 1936 году приходилось по 80 уголовных дел в месяц. Такая огромная нагрузка приводила к волоките и задержке в процессуально установленных сроках расследования уголовных дел. Совещание в прокуратуре области признавало, что одной из причин плохого качества работы народных следователей являлась их материальная необеспеченность. Кроме того, по состоянию на 1 ноября 1931 года юридическую подготовку имели только 53 % горрайпрокуроров и 38 % следователей, работающих в органах прокуратуры на территории Ивановской промышленной области [История прокуратуры].

Еще более плачевно выглядела ситуация с расследованием уголовных дел, отнесенных к компетенции милиции. «Основную массу дел дает милиция, – заявил в своей речи прокурор Ивановской промышленной области И.Л. Драгунский, – и я утверждаю, что более жуткой постановки следствия, как в милиции, трудно найти. В результате десятки тысяч людей переживают трагедию, потому что сталкиваются с тысячами политически и юридически безграмотных инспекторов. Нужно улучшать сами кадры милиции, а не только надзор за их действиями со стороны прокуратуры» [Первое Всесоюзное: 24]. С точки зрения И.Л. Драгунского, озвученной на I Всесоюзном совещании работников органов юстиции (апрель 1934 г.), все следственные функции необходимо сконцентрировать в од-

ном органе и передать прокуратуре [Первое Всесоюзное: 24]. Однако эта идея, буквально витавшая в воздухе, в то время так и не была осуществлена, расследование по-прежнему вели разные органы и структуры. При этом следственный аппарат в составе прокуратуры также был профессионально слаб и к тому же малочислен.

По данным О.Ю. Олейник, в 1933 году в Ивановской промышленной области лишь 22 % особо важных уголовных дел «велись нарследователями, 32 % – милицией, 46 % – ОГПУ» [Олейник: 20156]. При этом проблема усугублялась еще и тем, что «органами внутренних дел и ОГПУ следствие ведется, как констатировал заместитель ивановского областного прокурора по надзору за органами НКВД Е.Е. Гусев, исключительно с обвинительным уклоном» [Олейник: 20156].

Весной 1936 года было принято решение о разделе Ивановской промышленной области на две самостоятельные административно-территориальные единицы: на Ивановскую и Ярославскую области. В Ярославскую область вошли 36 районов, в первые послереволюционные годы входившие в Ярославскую и Костромскую губернии. Самостоятельное существование Костромская область вновь обрела лишь в августе 1944 года, после выхода соответствующего Указа Президиума Верховного Совета СССР о ее образовании. Лишь затем на ее территории был организован свой следственный аппарат в составе прокуратуры Костромской области [Зайцев: 26].

Примечания

Официальные документы

¹ О суде: Декрет СНК РСФСР от 24.11.1917 // Декреты Советской власти. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1957. Т. 1. С. 124–126.

² О суде: Декрет ВЦИК от 07.03.1918 № 2 // Декреты Советской власти. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1957. Т. 1. С. 466–474.

³ Положение о Народном Суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики: Декрет ВЦИК от 21.10.1920 // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. 1920. № 83. Ст. 407.

⁴ Об образовании на территории РСФСР административно-территориальных объединений краевого и областного значения: Постановление Президиума ВЦИК от 14 января 1929 года // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3550.htm (дата обращения: 07.04.2020).

⁵ Об изменении Положения о Судеустройстве Р.С.Ф.С.Р.: Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 03.09.1928 // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3450.htm (дата обращения: 07.04.2020).

Архивные материалы

⁶ Государственный архив Костромской области (ГАКО). Р-910. Оп. 3. Д. 3. Л. 3.

⁷ ГАКО. Р-910. Оп. 3. Д. 3 (Список сотрудников народных судов и горпрокуратуры Костромского района на 1-е января 1933 года). Л. 1–3.

⁸ ГАКО. Р-910. Оп. 3. Д. 3. Л. 3.

⁹ ГАКО. Р-910. Оп. 3. Д. 3. Л. 7.

Список литературы

Зайцев А.В. Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Костромской области: история и современность / под ред. Н.В. Сакова. Кострома, 2017. 216 с.

История прокуратуры Ивановской области. URL: <http://prokuratura.ivanovo.ru/history/> (дата обращения: 26.11.2019).

Лаговский А.В. «Всё было именно так...»: Книга воспоминаний о Костроме и костромичах XX века / под ред. Н. Муренина. Кострома: Линия График Кострома, 2015. 240 с.

Олейник О.Ю. Институциональные изменения системы советского следственного аппарата в 1920–1930-е гг. // Политика, государство и право. 2015а. № 7. URL: <http://politika.snauka.ru/2015/07/3296> (дата обращения: 26.11.2019).

Олейник О.Ю. Проблема разграничения функций следственных органов и милиции в уголовном процессе первой половины 1930-х гг. // Современные научные исследования и инновации. 2015б. № 7. Ч. 5. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2015/07/56865> (дата обращения: 26.11.2019).

Первое Всесоюзное совещание судебных-прокурорских работников // За социалистическую законность. 1934. № 6. С. 18–81.

Шеуджен Н.А., Яблонский И.В. Формирование организационно-правовых основ следственных аппаратов в советской России до начала систематизации законодательства в правоохранительной сфере (1917–1922 гг.) // Общество и право. 2018. № 1 (63). С. 91–95.

References

Zajcev A.V. *Sledstvennoe Upravlenie Sledstvennogo komiteta Rossijskoj Federacii po Kostromskoj oblasti: istorija i sovremennost'* [Investigative Department of

the Investigative Committee of the Russian Federation in the Kostroma region: history and modernity], ed. by N.V. Sakov. Kostroma, 2017, 216 p. (In Russ.)

Istorija prokuratury Ivanovskoj oblasti [The history of the prosecutor's office of the Ivanovo region]. URL: <http://prokuratura.ivanovo.ru/history/> (access date: 26.11.2019). (In Russ.)

Lagovskij A.V. «*Vsjo bylo imenno tak...*»: *Kniga vospominanij o Ko-strome i kostromichah XX veka* [“Everything was just like that...”: A book of memoirs about Kostroma and Kostroma of the twentieth century], ed. by N. Murenin. Kostroma, Linija Grafik Kostroma Publ., 2015, 240 p. (In Russ.)

Olejnik O.Ju. *Institucional'nye izmenenija sistemy sovetskogo sledstvennogo apparata v 1920–1930-e gg.* [Institutional changes in the system of the Soviet investigative apparatus in the 1920–1930s]. *Politika, gosudarstvo i pravo* [Politics, state and law], 2015a, № 7. URL: <http://politika.snauka.ru/2015/07/3296> (access date: 26.11.2019). (In Russ.)

Olejnik O.Ju. *Problema razgranichenija funkcij sledstvennyh organov i milicii v ugolovnom processe pervoj poloviny 1930-h gg.* [The problem of distinguishing between the functions of investigative bodies and the police in the criminal process of the first half of the 1930s]. *Sovremennye nauchnye issledovanija i innovacii* [Modern research and innovation], 2015b, № 7, ch. 5. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2015/07/56865> (access date: 26.11.2019). (In Russ.)

Pervoe Vsesojuznoe soveshhanie sudebno-prokurorskih rabotnikov [The First All-Union Conference of Forensic]. *Za socialisticheskuju zakonnost'* [For socialist rule of law], 1934, № 6, pp. 18–81. (In Russ.)

Sheudzhen N.A., Yablonskij I.V. *Formirovanie organizacionno-pravovyh osnov sledstvennyh apparatov v sovetskoj Rossii do nachala sistematizacii zakonodatel'stva v pravoohranitel'noj sfere (1917–1922 gg.)* [Formation of the organizational and legal foundations of investigative apparatus in Soviet Russia before the start of systematization of legislation in the law enforcement sphere (1917–1922)]. *Obshchestvo i pravo* [Общество и право], 2018, № 1 (63), pp. 91–95. (In Russ.)

ПРАВОПРИТЯЗАНИЕ КАК ПОСЛЕДСТВИЕ НАРУШЕНИЯ ДОГОВОРА
ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ГЕРМАНИИ

Традиционно последствия нарушения договора находятся в центре внимания ученых-правоведов, что обусловлено не только их теоретическим значением, но и практической значимостью как для правоприменителя, так и для любого участника правовых отношений. Гражданское уложение Германии имеет большое значение не только как источник гражданского права ФРГ, но и как нормативный акт, оказавший большое влияние на развитие правовых систем стран романо-германской семьи. Рассмотрение «правопритязания» как правового явления нарушения договора по законодательству Германии обусловлено отсутствием на сегодняшний день комплексного представления о его природе и сущности. В настоящей статье предпринята попытка осмысления теоретических и практических аспектов возникновения и осуществления «правопритязания» в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения договора. Методологическую основу данного исследования составляет совокупность методов научного познания, среди которых основное место занимают методы системности, анализа и сравнительно-правовой. На основании проведенного исследования установлено, что правопритязание в его понимании немецким правом не имеет аналогов в отечественном гражданском праве. В Германии различные правопритязания по своему функциональному назначению могут возникать как при ведении переговоров о заключении договора, при его исполнении, так и при прекращении. Основным правопритязанием при нарушении договора выступает требование на его исполнение в натуре и возмещение причиненных убытков.

Ключевые слова: нарушение договора, правопритязание, требование, возмещение убытков, ответственность, Гражданское уложение Германии, исполнение в натуре, принуждение.

Информация об авторе: Захаров Дмитрий Евгеньевич, ORCID 0000-0003-1384-5187, кандидат юридических наук, LL.M. (Germany), доцент кафедры гражданского права Уральского государственного юридического университета. г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: zakhaROVZDE@mail.ru

Дата поступления статьи: 13.03.2020.

Для цитирования: Захаров Д.Е. Правопритязание как последствие нарушения договора по законодательству Германии // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 2. С. 270–274. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-270-274.

Dmitriy Ye. Zakharov
The Urals State Law University

LEGAL CLAIM AS A CONSEQUENCE
OF A BREACH OF CONTRACT UNDER GERMAN LAW

Traditionally, the consequences of a breach of contract are the focus of legal scholars, which is due not only to their theoretical significance, but also to their practical significance for both the law enforcement officer and any participant in legal relations. The German civil Code is of great importance not only as a source of German civil law, but also as a normative act that has had a great impact on the development of legal systems in the countries of the Romano-German family. Consideration of «legal claim» as a legal phenomenon of violation of a contract under German law is due to the lack of a comprehensive understanding of its nature and essence. This article attempts to understand the theoretical and practical aspects of the emergence and implementation of «legal claim» in the event of non-performance or improper performance of the contract. The methodological basis of this research is a set of methods of scientific knowledge, among which the main place is occupied by methods of system, analysis and comparative legal. Based on the conducted research, it is established that legal claim in its understanding by German law has no analogues in Russian civil law. In Germany, various legal claims for their functional purpose may arise both when negotiating the conclusion of a contract, when performing it, and when terminating it. The main legal claim in case of violation of the contract is a claim for its performance in kind and compensation for damages.

Keywords: breach of contract, legal claim, claim, damages, liability, German Civil Code, performance in kind, coercion.

Information about the author: Dmitriy Ye. Zakharov, ORCID 0000-0003-1384-5187, PhD in law, LL.M. (Germany), Associate Professor of the Department of civil law of the Urals State Law University, Russia.

E-mail: zakharovzde@mail.ru

Article received: March 13, 2020.

For citation: Zakharov D.Ye. Legal claim as a consequence of a breach of contract under German law. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 2, pp. 270–274 (In Russ.). DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-270-274.

Согласно теоретическим положениям немецкого гражданского права нарушение обязанности, составляющей содержание обязательственного правоотношения, влечет возникновение у кредитора правопритязания (Anspruch). В соответствии с п. 1 § 194 Гражданского уложения Германии (далее ГГУ) правопритязание представляет собой право требовать от другого лица совершения действий или воздержания от действий. Как отметил немецкий исследователь Ф. Хек, праву требования соответствует на стороне должника обязанность, долг или обязательство [Неск: 1]. Классик немецкой цивилистики Б. Виндшейд определил притязание как юридическое основание, когда одно лицо требует что-либо у другого и имеет право на такое требование [Виндшейд: 91]. Следует заметить, что правопритязание, выступая базисным элементом структуры гражданского правоотношения, не заменяет собой субъективное гражданское право, а выступает следствием его нарушения.

Как отмечено в литературе, субъективные права передаваемы от одного субъекта к другому, их нарушение служит основанием для возникновения правопритязаний по защите или возмещению вреда [Larenz: 200]. Правопритязание с позиции немецкой теории не тождественно понятию, принятому отечественными правоведями: исключительно как правомочие на обращение за защитой своего нарушенного права [Иванов: 200] и возможность привести в действие государственное принуждение в отношении обязанного лица [Алексеев: 126]. Правопритязание как категория немецкого гражданского права не связана лишь с нарушением юридической обязанности, и его цель не сводится только к защите нарушенного субъективного гражданского права. Субъективное гражданское право есть воплощение «правовой власти» субъекта права, на основе которой у лица возникают конкретные притязания. Так, на основе субъективного права собственности возникает притязание собственника требовать от владельца выдачи ему вещи (§ 985 ГГУ), притязание на возмещение убытков вследствие посягательства на собственность (§ 823 ГГУ) или при заключении договора купли-продажи возникает субъективное право покупателя, на основе которого он обладает притязанием требовать передачи ему права собственности на вещь. Обязательственное или договорное притязание обозначается как требование (Forderung), при этом в отдельную категорию выделяют организационные, правоизменяющие права (Gestaltungsrechte), «посредством осуществления которых происходит одностороннее возникновение, изменение или прекращение правоотношения» [Christian: 229] (например, право на расторжение договора, право отказаться от его исполнения, право требовать признать сделку недействительной). Применительно

к гражданско-правовой ответственности притязание на возмещение убытков (вреда) возникает как ответная реакция на посягательство на субъективные гражданские права посредством нарушения обязанности. Стоит подчеркнуть, что обязанность правонарушителя возместить убытки, причиненные в результате нарушения договора, признается обязанностью из закона [Шапп: 172], которая выступает обобщающей конструкцией, включая в себя и иные случаи нарушения субъективных гражданских прав (например, при неосновательном обогащении (§ 818 ГГУ), при ответственности недобросовестного владельца (§ 990 ГГУ)).

В гражданском праве Германии общепризнана система гражданско-правовых притязаний (System der Ansprüche), основой для которых выступает закон или договор. Первичные (основные) притязания (Primäransprüche) обусловлены сущностью заключаемого договора и связаны с его предметом. К примеру, первичными притязаниями из договора купли-продажи, с одной стороны, следует признать требование о передаче вещи, свободной от недостатков, а также обременений правом и предоставлении на нее права собственности, а с другой стороны, уплату согласованной покупной цены (§ 433 ГГУ). Возникновение второстепенных (вторичных) притязаний (Sekundäransprüche) обусловлены неисполнением обязанностей по исполнению обязательства, то есть, другими словами, когда предъявление первичных (основных) притязаний не повлекло исполнения обязательства или оно было исполнено, но с отступлениями от требований договора и закона. Главенствующим и универсальным среди второстепенных притязаний выступает требование о возмещении вреда (убытков) (Anspruch auf Schadenersatz), которое может быть заявлено при неисполнении обязательства. Иную группу второстепенных притязаний составляют требования, возникающие вследствие «дефектности» исполнения обязательства, характер которых обусловлен предметом договора. Например, на основании ненадлежащего исполнения договора купли-продажи при передаче товара с недостатками покупатель вправе отказаться от него или потребовать последующее исполнение, под которым понимается устранение недостатков либо передача свободной от недостатков вещи, а также требование о возмещении транспортных и дорожных расходов, затрат на рабочую силу и материалы (п. 1, 2 § 437, 439 ГГУ).

При неисполнении или ненадлежащем исполнении обязательства у кредитора возникает правопритязание на принуждение (Anspruch auf Zwang), осуществление которого позволяет задействовать механизм государственного принуждения с целью обеспечения надлежащего исполнения должником обязательства. На особенность такого правопритязания обращают внимание многие не-

мецкие исследователи. Так, по мнению авторитетного ученого А. Трура, ответственность выступает в качестве особого правового средства принуждения (*Zwangsmittel*), использование которого принадлежит кредитору и имеет целью понуждение должника к исполнению обязанности отвечать за свои действия [Tuhr: 109]. Как прямо отметила немецкая исследовательница Л. Каролине, «цель ответственности состоит в реализации обязанности должника, вытекающей из обязательства. Она может применяться в случае необходимости, в качестве метода принудительного приведения в исполнение судебного решения или принудительного взыскания» [Каролине: 65]. Согласно мнению другого цивилиста, Х. Штоль, ответственность по договору означает возможность предъявления иска о понуждении к исполнению взятых на себя обязательств [Штоль: 99]. Стоит отметить, что немецкие цивилисты подчеркивают, что «принуждение в гражданском праве в отличие от публичных отраслей права имеет основной целью защиту субъективного права, прежде всего, не посредством государственного принуждения (внешних механизмов принуждения по отношению к субъективному праву правообладателя), а с помощью внутренних резервов самого субъективного права правообладателя, реализуемых через действенный механизм правопритязания» [Strech: 161, 169].

В немецком праве обязательственное правоотношение выступает для подчиненных им притязаний в качестве источника [Шапп: 55]. Возникновение такого притязания происходит на основании положений § 280 ГГУ, означающее возникновение у одной из сторон нарушенного договора притязания требовать от лица, допустившее такое нарушение, возмещение вызванного этим ущерба. Следует отметить, что согласно немецкой доктрине квалифицирующим признаком ответственности выступает не само нарушение договора как такового, а возникновение на стороне пострадавшего правопритязания на возмещение убытков.

Немецкому праву известна так называемая «конкуренция правопритязаний» (*Anspruchskonkurrenz*), которая имеет место при решении вопроса о необходимости применения положений законодательства в связи с причинением убытков деликтной ответственности или ответственности за нарушение договора. При разрешении конкуренции требований следует руководствоваться законом и исходить из господствующего в немецкой науке учения о самостоятельности таких притязаний [Winfried-Thomas: 19]. Как подчеркивается в научной литературе, в немецком праве наблюдается тенденция к расширению ответственности за нарушение договора, ее четкое отграничение от деликтной ответственности, расширение возможности выбора между двумя видами ответственности при их конкуренции, и уже результатом такой тенденции

является квалификация преддоговорной ответственности как деликтной, а не как это было ранее, когда она рассматривалась как договорная (псевдодоговорная или квазидоговорная) [Konstanze: 442]. Важно заметить, что правопритязание может возникнуть не только при заключенном договоре, но и на преддоговорной стадии развития гражданско-правовых отношений или после их прекращения.

Нельзя не отметить правопритязание кредитора прекратить договорное обязательство вследствие его нарушения должником. Так, поскольку удовлетворение интереса кредитора посредством исполнения обязательства уже недостижимо, то немецкое законодательство предусматривает возможность для сторон договора отказа от него (§ 346, 324 ГГУ), также данная возможность представляет собой право одного из участников договора изменить обязательственное отношение без учета воли другой стороны, поскольку для него дальнейшее участие в договоре стало неприемлемым. Такой отказ немецким правом квалифицируется как последствие нарушения обязанностей, возникших в результате заключения договора. Прекращение обязательства посредством отказа от договора следует в широком смысле отнести к ответственности как к негативным последствиям нарушения договора, воспрепятствовавших надлежащему исполнению договорного обязательства. Помимо отказа от договора при нарушении обязательства кредитор обладает правопритязанием требовать «адаптации» договора к новым обстоятельствам правовой действительности или же его расторжения. Немецкий законодатель допускает расторжение долговременных (длящихся) обязательственных отношений (*Dauerschuldverhältnisse*) при наличии серьезного основания, под которым может пониматься нарушение обязанности, вытекающей из договора. Такие продолжающиеся обязательственные отношения не могут одновременно быть исполнены, и предполагается их непрерывное и длящееся действие для сторон. Исполнение таких обязательств требует не единичного юридического действия, а совокупности таких действий, при этом их совершение в течение установленного промежутка времени повторяется или продолжается. При расторжении такого договора помимо самого нарушения требуется безрезультатное истечение льготного срока, установленного для устранения нарушения либо после безрезультатного предупреждения о необходимости надлежащего исполнения обязательства (п. 2 § 314 ГГУ). При расторжении договора лицо не может требовать исполненного по обязательству, в то время как при отказе от него лицо приобретает право требовать возмещения всего полученного по договору.

Главенствующим правопритязанием при нарушении договора выступает требование о возмещении убытков, которое может происходить

как посредством восстановления положения, существовавшего до правонарушения, так и предоставлением денежной суммы. Немецкое гражданское право универсальным способом возмещения убытков признает уплату денежной суммы в случае, если возмещение убытков в натуре невозможно или их недостаточно для полного возмещения ущерба потерпевшему. При определении способа возмещения убытков следует учитывать экономическую целесообразность каждого из них. Так, вопрос решается положительным образом в пользу денежного возмещения, если возмещение в натуре возможно лишь при несоизмеримо больших затратах, чем их возмещение в денежной форме. Даже при явной диспропорции между необходимыми затратами на устранение недостатков и предоставлением аналогичной вещи законодатель делает исключение исходя из морально-нравственного характера, и, к примеру, возмещение убытков относительно пострадавшего животного посредством его лечения производится без учета несоразмерных расходов, а также со стоимостью самого животного (п. 1, 2 § 251 ГГУ).

Гражданское законодательство Германии предоставляет юридическую возможность для потерпевшей стороны устранить (погасить) правопритязание на исполнение договора путем предъявления требования о возмещении убытков (п. 1 § 281 ГГУ). При нарушении срока исполнения обязательства кредитор вправе взамен исполнения потребовать возмещения убытков, если он установил разумный дополнительный срок для устранения нарушения обязательства и предоставление такого срока оказалось безрезультатным. В данном случае речь идет о предоставлении льготного срока для исполнения обязательства, который назначается кредитором должнику в случае нарушения им исполнения обязательства, целью которого является, с одной стороны, «спасение» обязательства от нарушения, а с другой стороны, предотвращение привлечения должника к ответственности. При этом следует учесть и тяжесть «правонарушения», поскольку незначительность нарушения обязательства лишает кредитора права требовать взамен исполнения возмещения убытков в полном объеме. Кроме того, при частичном исполнении обязательства кредитор вправе предъявить требование о возмещении убытков взамен исполнения исключительно при отсутствии у него заинтересованности в частичном исполнении обязательства должником. В случае невозможности исполнения договорного обязательства притязание на его исполнение преобразуется в притязание на возмещение вреда, а при устранении необходимости исполнения обязательства требование о возмещении вреда полностью замещает содержание первоначально возникшего обязательства. Таким образом, при исключении необходимости исполнения на-

рушенного обязательства правопритязание на возмещение убытков выступает модифицированным результатом должного исполнения, и само возмещение убытков, по сути, прекращает собой нарушенное обязательство.

На основании вышесказанного следует заключить, что в соответствии с теоретическими положениями немецкой науки гражданского права и немецкого гражданского законодательства неисполнение или ненадлежащее исполнение договорного обязательства порождает целую систему правопритязаний, осуществление которых полностью зависит от усмотрения кредитора, чье право на получение надлежащего исполнения нарушается должником. Немецкое право не делает четких различий между мерами гражданско-правовой ответственности и иными средствами правовой защиты кредитора при нарушении договорного обязательства. Неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства требует от кредитора заявления требования об надлежащем исполнении обязательства, без предъявления которого отсутствует основание для принудительного исполнения обязательства, а в некоторых случаях в отсутствии осуществления правопритязания на реальное исполнение обязательства делает невозможным предъявление требования о возмещении убытков вследствие нарушения договора.

Список литературы

- Алексеев С.С.* Общая теория права: в 2 т. М.: Юрид. лит., 1982. Т. 2. 360 с.
- Виндшейд Б.* Учебник пандектного права: пер. с нем. / под ред. С.В. Пахман. СПб.: Изд-во Гьеролифова и И. Никифорова, 1874. Т. 1. Общая часть. 375 с.
- Иванов А.А.* Теория государства и права: учеб. пособие для студентов вузов / под ред. В.П. Малахова. 2-е изд. перераб. и допол. М.: Юнити-Дана: Закон и право, 2009. 351 с.
- Каролине Л.* Гражданско-правовая ответственность банков в расчетных правоотношениях по законодательству Германии и Российской Федерации (сравнительно-правовой аспект): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 209 с.
- Шанн Я.* Система германского гражданского права: учебник / пер. с нем. С.В. Королева. М.: Междунар. отношения, 2006. 360 с.
- Штоль Х.* Ответственность и ее границы в рамках договоров в области экономических отношений между СССР и ФРГ // СССР – ФРГ: договор во внутренних и двусторонних хозяйственных отношениях: сборник / Академия наук СССР; Институт государства и права; ред. кол.: М.М. Богуславский, В.В. Лаптев, А.А. Рубанов. М.: ИГПАН, 1986. С. 92–110.
- Christian Hattenhauer.* Einseitige private Rechtsgestaltung: Geschichte und Dogmatik. Tübingen, Mohr Siebeck, 2011, 530 s.

Heck Philipp. Grundriss des Schuldrechts. Tübingen, 1929, 492 s.

Konstanze Brieskorn. Vertragshaftung und responsabilité contractuelle. Ein Vergleich zwischen deutschem und französischem Recht mit Blick auf das Vertragsrecht in Europa. Max-Planck-Institut für ausländisches und internationales Privatrecht. Studien zum ausländischen und internationalen Privatrecht. Mohr Siebeck, 2010, s. 488.

Larenz K. Allgemeiner Teil des Deutschen Bürgerlichen Rechts. 7 neubearbeitete Auflage. München, 1989, 528 s.

Strech J. Unkagbare Ansprüche im heutigen Recht. ZZZ (Zeitschrift für Zivilprozess), 77 (1964), s. 161–169.

Tuhr A., von. Der Allgemeine Teil des Deutschen Bürgerlichen Rechts: in 2 b. Leipzig, Verlag von Duncker & Humblot, 1910, b. 1: Allgemeine Lehren und Personenrecht, 627 s.

Winfried-Thomas Schneider. Abkehr vom Verschuldensprinzip?: Eine rechtvergleichende Untersuchung zur Vertragshaftung (BGB, Code civil und Einheitsrecht). Tübingen, Mohr Siebeck Verlag, 2007, 514 s.

References

Alekseev S.S. *Obshchaia teoriia prava* [The general theory of law]: in 2 vols. Moscow, Legal literature house Publ., 1982, vol. 2, 360 p. (In Russ.)

Vindsheid B. *Uchebnik pandektnogo prava* [Textbook of law], ed. by S.V. Pakhman. Saint

Petersburg, House of Gieroglyphov and Nikiforov Publ., 1874, vol. 1, 375 p. (In Russ.)

Ivanov A.A. *Teoriia gosudarstva i prava: uchebnik: posobie dlia studentov vuzov* [Theory of state and law: textbook], ed. by V.P. Malakhova. Moscow, Unity-Daniti, Law and right Publ., 2009, 351 p. (In Russ.)

Karoline L. *Grazhdansko-pravovaia otvetstvennost' bankov v raschetnykh pravootnosheniakh po zakonodatel'stvu Germanii i Rossiiskoi Federatsii (sravnitel'no-pravovoi aspekt)* [Civil liability of banks in settlement legal relations under the laws of Germany and the Russian Federation (comparative legal aspect)]: dis. ...kand. iurid. nauk. Moscow, 2016, 209 p. (In Russ.)

Shapp Ia. *Sistema germanskogo grazhdanskogo prava: uchebnik* [German Civil Law System: textbook], trans. by S.V. Korolev. Moscow, International relationships Publ., 2006, 360 p. (In Russ.)

Shtol' Kh. *Otvetsvennost' i ee granitsy v ramkakh dogovorov v oblasti ekonomicheskikh otnoshenii mezhdu SSSR i FRG* [Responsibility and its borders in the framework of treaties in the field of economic relations between the USSR and Germany]. SSSR – FRG: dogovor vo vnutrennikh i dvustoronnikh khoziaistvennykh otnosheniakh: sbornik [USSR – Germany: an agreement in internal and bilateral economic relations], Akademiia nauk SSSR, Institut gosudarstva i prava; red. kol.: M.M. Boguslavskii, V.V. Laptev, A.A. Rubanov. Moscow IGPAN, 1986, pp. 92–110. (In Russ.)

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-275-277
УДК 351.746

Груздев Владислав Владимирович
Костромской государственный университет
Лукоянов Денис Николаевич
Костромской государственный университет

НОВОЕ НАУЧНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ О ПРИРОДЕ РЕШЕНИЙ В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Работа представляет собой рецензию на монографию¹ о законности принятия решений в оперативно-розыскной деятельности, вышедшую в 2019 г. в Костроме, в Костромском государственном университете.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, правоохранительная деятельность, законность, принятие решений, судебный контроль, прокурорский надзор, уполномоченный прокурор.

Информация об авторах: Груздев Владислав Владимирович, доктор юридических наук, доцент, проректор по науке Костромского государственного университета, профессор кафедры теории и истории государства и права Костромского государственного университета, г. Кострома, Россия.

E-mail: vgruzdev@ksu.edu.ru

Лукоянов Денис Николаевич, кандидат юридических наук, заведующий кафедрой судебной и правоохранительной деятельности Костромского государственного университета, г. Кострома, Россия.

E-mail: denis_lykoyanov@mail.ru

Дата поступления статьи: 25.03.2020.

Для цитирования: Груздев В.В., Лукоянов Д.Н. Новое научное исследование о природе решений в оперативно-розыскной деятельности // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 2. С. 275–277. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-275-277.

Vladislav V. Gruzdev
Kostroma State University
Denis N. Lukoyanov
Kostroma State University

NEW SCIENTIFIC STUDY ON THE NATURE OF DECISIONS IN THE OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITY

The work is a review of a monograph on the legality of decision-making in operational-search activities, published in 2019 in Kostroma, at Kostroma State University.

Keywords: operational-search activity, law enforcement activity, legality, decision-making, judicial control, prosecutor's supervision, authorised prosecutor.

Information about the authors: Vladislav V. Gruzdev, Doctor of Jural Sciences, Associate Professor, Prorector of Science, Kostroma State University, Professor, Department of Theory and History of State and Law, Kostroma State University, Kostroma, Russia.

E-mail: vgruzdev@ksu.edu.ru

Denis N. Lukoyanov, Candidate of Jural Sciences, Head of the Department of Judicial and Law Enforcement Activities of Kostroma State University, Kostroma, Russia.

E-mail: denis_lykoyanov@mail.ru

Article received: March 25, 2020.

For citation: Gruzdev V.V., Lukoyanov D.N. New scientific study on the nature of decisions in the operational-search activity. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 2, pp. 275–277 (In Russ.). DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-275-277.

¹ Бабичев Д. А. Решения в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: монография. Кострома: Костромской государственный университет, 2019. 264 с.

Монография Дмитрия Александровича Бабичева, опубликованная в 2019 г., является одним из наиболее интересных изданий, посвященных исследованию проблемы обеспечения законности принятия решений в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел. Автором представлено собственное видение вопросов, касающихся сущности оперативно-розыскных решений, их классификации, механизма принятия; проведен анализ понятия законности, ее свойств и проявлений в такой сфере правоохранительной деятельности, как оперативно-розыскная деятельность; изучены механизмы соотношения ведомственного контроля, судебного контроля с прокурорским надзором за законностью оперативно-розыскных решений.

Монография включает в себя предисловие, семь глав, заключение, список используемой литературы.

В предисловии обозначаются актуальность исследования и значение вопросов, касающихся принятия решений в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел, для организации эффективной борьбы с преступностью (с. 5–7).

В главе «Понятие “решение в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел”» затрагивается проблема понимания и толкования термина «решение в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел», указывается, что в научной литературе встречаются лишь отдельные аспекты проблемы принятия решений в оперативно-розыскной деятельности, не позволяющие сформировать содержательное теоретико-прикладное представление о природе и особенностях таких решений. Научную значимость имеет сформулированное авторское понятие: «решение в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел» – представляет собой «осознанный правоприменительный акт, принимаемый на основе анализа и оценки оперативно-розыскной ситуации должностными лицами оперативных подразделений ОВД в пределах их полномочий при наличии правовых оснований, предусматривающий эффективное использование сил и средств в целях выполнения задач ОРД» (с. 21).

Глава «Классификация решений в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел» посвящена исследованию представлений о видах оперативно-розыскных решений, охватываемых предметом прокурорского надзора. На основе анализа Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» автор приходит к выводу о возможности дополнения существующих концептов еще одной категорией – решениями запрещенного характера, которые относятся к числу неправомερных (с. 32–33).

По итогам главы «Механизм принятия решений в оперативно-розыскной деятельности орга-

нов внутренних дел» делается вывод о том, что механизм принятия оперативно-розыскных решений является не только алгоритмом логически выстроенных и взаимосвязанных мыслительных действий, направленных на достижение целей оперативно-розыскной деятельности и выполнение задач этой деятельности. Его можно отнести к категории ключевых критериев, определяющих соответствие принимаемых органами внутренних дел оперативно-розыскных мер требованиям законности. Механизм принятия оперативно-розыскных решений по своей логической конструкции увязывает мыслительную деятельность сотрудника оперативного подразделения с конкретной оперативной обстановкой, имеющейся у него оперативной информацией, а также требованиями действующего законодательства. В этом ключе последовательный и глубокий анализ элементов механизма применительно к конкретной сложившейся ситуации позволяет уполномоченным прокурорам давать качественную оценку оперативно-розыскным решениям, принимаемым в условиях риска, определять их правомерность с учетом объективных и субъективных факторов (с. 43).

В главе «Сущность и состояние законности в сфере принимаемых оперативными подразделениями органов внутренних дел решений» раскрывается проблема сущности законности принимаемых в оперативно-розыскной деятельности решений. Отмечается, что законность является ключевым конституционным принципом деятельности субъектов оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел.

В главе «Прокурорский надзор за законностью решений в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел» сделан вывод о том, что прокурорский надзор за законностью решений, принимаемых органами, осуществляющими ОРД, нуждается в кардинальной оптимизации с ориентиром на усиление надзорной деятельности. По мнению автора, работа в заданном направлении должна осуществляться на основе конституционных предписаний в формате содействия решению задач ОРД, всесторонне обеспечивая законность оперативно-розыскного процесса в борьбе с преступностью (с. 166).

В главе «Судебный контроль в обеспечении законности и обоснованности решений, принимаемых оперативными подразделениями органов внутренних дел» автор отмечает роль судебного контроля в проверке законности и обоснованности оперативно-розыскных решений. В тоже время, защита конституционных прав и свобод граждан, подлежащих ограничению в процессе оперативно-розыскной деятельности, не должна препятствовать реальной борьбе с преступностью. Делается вывод, что установление баланса между соблюдением прав человека и гражданина, с одной сто-

роны, и ограничением этих прав в установленных законом случаях при выполнении задач оперативно-розыскной деятельности, с другой стороны, возможно с учетом обобщения и анализа практики (стр. 146).

В главе «Соотношение прокурорского надзора и ведомственного контроля за законностью решений в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел» делается вывод, что ведомственный контроль и прокурорский надзор за законностью оперативно-розыскных решений тесно переплетаются и при рациональном их взаимодействии дают возможность получать объективную и своевременную информацию об оперативной обстановке, о реальном положении дел в конкретных областях оперативно-розыскного процесса, что в свою очередь позволяет прогнозировать возможное развитие конкретных ситуаций, влиять на их изменение и предупреждать негативные последствия, а также в целом эффективно объединять усилия в борьбе с преступностью.

В отличие от надзорной деятельности уполномоченного прокурора, контрольная деятельность руководителя оперативно-розыскного органа (либо его структурного подразделения) характеризуется тем, что контроль за принятием решений осуществляется не только с точки зрения законности, но и с учетом иных требований, предъявляемых в связи с необходимостью решения всего объема задач управления ОРД (с. 161).

По итогам проведенного исследования автором сформулированы предложения по совершенствованию нормативного правового регулирования контрольно-надзорной деятельности в оперативно-розыскной сфере. В частности, предлагается вынести на обсуждение научного сообщества, уполномоченных прокуроров, осуществляющих надзор за законностью оперативно-розыскных решений, сотрудников оперативных подразделений ОВД и других заинтересованных лиц вопрос о дополнении Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» положениями, согласно которым при наличии оснований прокурор вправе вносить представление органу, осуществляющему ОРД, о проведении оценки положенной в основу расследования информации с учетом потенциально возможной

заинтересованности лица, оказывающего содействие на конфиденциальной основе, в исходе дела. При этом наделить прокурора правом при объективной необходимости требовать предоставления сведений о личности такого лица без его согласия (с. 98).

Автором предлагается внести в Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» изменения, касающиеся наделения уполномоченных прокуроров следующими правами: согласовывать мотивированное постановление одного из руководителей органа, осуществляющего ОРД, о проведении ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан; давать обязательные для исполнения письменные указания о проведении ОРМ; опротестовывать незаконные постановления суда о разрешении либо отказе на проведение ОРМ. По мнению автора монографии, данным полномочиям должны корреспондировать зеркальные изменения в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности», предусматривающие обязательность органов, осуществляющих ОРД, согласовывать с уполномоченным прокурором ходатайства о проведении ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан; обязанность выполнять письменные указания уполномоченного прокурора о проведении ОРМ (с. 125–126).

Монография будет интересной практически работникам органов внутренних дел, Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Федеральной службы исполнения наказаний, Верховного Суда Российской Федерации, других органов законодательной, исполнительной и судебной власти Российской Федерации, а также ученым, представляющим ведомственные вузы силовых структур.

Сделанные автором выводы четко аргументированы на основе анализа примеров прокурорской практики, решений, вынесенных судами Российской Федерации, решений ЕСПЧ, а также системного изучения официальных статистических данных, аналитических и иных материалов оперативно-розыскной практики.

Монографическое исследование Д.А. Бабичева «Решения в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел» будет полезным всем, кто интересуется современными проблемами оперативно-розыскной деятельности.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Направляемый в редакцию материал должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других изданиях.

Статьи, оформленные не по требованиям, не принимаются к рассмотрению!

Все материалы следует представлять в редакцию по электронной почте:

e-mail: vestnik@ksu.edu.ru

Научные статьи принимаются в редакцию в течение всего года, публикуются в порядке живой очереди по мере наполнения портфеля редакции. Особые случаи с очередностью публикации статей решаются главным редактором.

Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе **Microsoft Word**. Статью в редакцию необходимо прислать в форматах: *.doc, *.docx, *.rtf. Обязательно прикладывается файл статьи в формате *.pdf. В качестве имени файла указывается фамилия, имя и отчество автора русскими буквами (например: Иванов Иван Иванович).

Все статьи проходят проверку на обнаружение текстовых заимствований в системе «Антиплагиат». Редакция принимает статьи, оригинальность которых составляет не менее **80%**.

Компьютерный набор статьи должен удовлетворять следующим требованиям: формат – А4; поля – по 2 см со всех сторон; гарнитура (шрифт) – Times New Roman; кегль – 14; межстрочный интервал – 1,5; абзацный отступ – 1,25 см.

Минимальный объем текста статьи с – **не менее 10 000 знаков**. Максимальный объем текста не должен превышать **30 000 знаков (не более 16 страниц)**, включая все сведения об авторе, аннотацию и список литературы с references. Ограничения не распространяются на научные публикации, объем которых, превышающий требования, мотивирован логикой доказательств и количественными показателями публикуемых источников.

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК

© **Инициалы и фамилия, 2019**

Аффилиация(и) автора: организация, где проводилось исследование,
г. Город, Страна

Название (жирным шрифтом, строчные буквы)

*Информация о финансировании (ссылки на гранты и пр.)
указывается после названия статьи курсивом*

Аннотация: 150–200 слов.

Аннотация к научной статье представляет собой краткую характеристику текста с точки зрения его назначения, содержания, вида, формы и других особенностей. Она передает главную, ключевую идею текста до ознакомления с его полным содержанием. Научная аннотация условно делится на три части:

- 1. Презентация вопроса или проблемы, которым посвящена статья.*
- 2. Описание хода исследования.*
- 3. Выводы: итоги, которых удалось достичь в результате проведенного исследования.*

В аннотации не допускается привлечение дополнительной информации (биографические данные, историческая справка, отступления, рассуждения и т.д.). В тексте аннотации не должны использоваться очень сложные предложения, изложение строится в научном стиле.

Ключевые слова: 7–10 слов, разделенных запятой.

Информация об авторе: Фамилия Имя Отчество, ORCID автора, ученая степень, ученое звание, место работы полностью: название организации, улица, дом, индекс, город, страна.

E-mail:

Дата поступления статьи: указывается дата отправки статьи в формате: 08.08.2008.

Дата приема статьи к публикации: заполняется в редакции.

Для цитирования: Фамилия И.О. Название статьи // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 1. С. XX–XX (страницы будут указаны в редакции). DOI:

Далее вся информация должна быть представлена на английском языке:

© Vladimir A. Smirnov, 2019.

Affiliation(s), Moscow, Russia

Name of the article

Information about financing (links to grants, etc.) is indicated after the title of the article in italics

Abstract: 150–200 word.

Keywords: 7–10 word, separated by a comma.

Information about the author:

E-mail:

Article received: August 08, 2019.

Published:

For citation: Smirnov V.A. Name of the article. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 1, pp. XX–XX (In Russ.). DOI:

Текст статьи¹ Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи [Анненков: 467].

Примечания (следуют после текста статьи)

¹ К сожалению, современное переиздание перевода Перцова книги Тэна лишено того изобилия фотографий и иллюстраций, которыми было богато снабжено его первое издание 1913, 1916 гг.

² О стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: Указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642. URL: <http://www.consultant.ru/document/cons/> (дата обращения: 11.04.2019).

³ Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Архив ВИМАИВ и ВС). Ф. 2. Оп. 2. Д. 253.

Список литературы

Анненков П.В. Замечательное десятилетие. 1838–1848. Из литературных воспоминаний // Вестник Европы. 1880. Т. 2, № 4. С. 457–506.

New K.A. Roman Comedy on the Russian Stage: Alexander N. Ostrovsky's There Was Not a Penny, But Suddenly Altyn and Plautus' Aulularia. *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, № 1, pp. 138–159. DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-1-138-159

References

Annenkov P.V. *Zamechatel'noe desiatiletie. 1838–1848. Iz literaturnykh vospominanii* [A wonderful decade. 1838–1848. From literary memories]. *Vestnik Evropy*, 1880, vol. 2, № 4, pp. 457–506. (In Russ)

New K.A. Roman Comedy on the Russian Stage: Alexander N. Ostrovsky's There Was Not a Penny, But Suddenly Altyn and Plautus' Aulularia. *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, № 1, pp. 138–159. DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-1-138-159

**ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ ПРИМЕЧАНИЙ, БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК,
СПИСКА ЛИТЕРАТУРЫ И REFERENCES**

Примечания

В статье допустимы примечания, которые приводятся после текста, нумеруются арабскими цифрами (в виде верхних индексов) и представляют собой разъяснения, указания на переводы и пр.

Просьба не путать примечания со списком литературы!

Архивные материалы и законодательные материалы также оформляются в виде примечаний.

Архивные материалы:

Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. 198. Оп. 7. Д. 68. Л. 22.

Законодательные материалы:

Об организации страхового дела в Российской Федерации: Федеральный закон от 27 нояб. 1992 г. (в ред. от 21 июля 2005 г. № 104-ФЗ) // КонсультантПлюс: справ. правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1307 (дата обращения: 28.10.2019).

Библиографические ссылки

Ссылки в тексте статьи оформляются *квадратными скобками* с указанием фамилии автора и страниц. После фамилии автора ставится знак «:» (двоеточие), а далее номер страницы [Коровин: 187].

Книга или статья одного автора: [Лебедев: 28], двух и трех авторов: [Шмидт, Князьков: 52]. Если в книге четыре, пять и более авторов, то она описывается под заглавием [Методика: 34].

Для многотомных изданий и изданий из нескольких выпусков указывается номер тома или выпуска: [Толстой, 12: 415]; [СРНГ, 44: 170].

Для описания книги под заглавием в тексте приводится первое слово или словосочетание (если первое слово определение) названия книги: [Необъявленная война: 102].

В том случае, если в списке литературы есть несколько авторов с одной фамилией, в квадратных скобках необходимо указать фамилию и инициалы автора [Мережковский Д.С. 1990, 3: 256].

Если в списке литературы приводятся две и более публикации одного автора, после фамилии автора указывается год издания, а уже далее страницы [Коровин 2019: 187].

Несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, оформляются добавлением буквенной аббревиатуры к году: [Андреева 2019а: 10]. В этом случае необходимо сделать соответствующее указание в списке литературы: *Андреева В.Г.* Личные интересы героев и мотив ожидания в романе-эпопее Л.Н. Толстого «Война и мир» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019а. № 1 (178). С. 8–12.

Список литературы

После статьи следует список литературы. Он должен быть представлен *в алфавитном порядке*.

Сначала приводятся все русскоязычные источники в алфавитном порядке, после – все источники на иностранных языках.

Фамилия и инициалы автора в списке литературы выделяются *курсивом*.

Между фамилией и инициалами на протяжении всей статьи, в том числе в списке литературы, ставится неразрывный пробел (инициалы при этом пробелом не разделяются). К примеру: Смирнов (**н.п.**) В.А.

Книга одного автора

Хазова С.А. Ментальные ресурсы субъекта: феноменология и динамика. Кострома, КГУ им. Н.А. Некрасова, 2013. 386 с.

Книга двух и трех авторов

Если в книге два или три автора, то указывают всех.

Божилев И., Тотоманова А., Билярски И. Борилев синодик. София: Паблшинг компани, 2010. 386 с.

Книга четырех или более авторов

Если у издания четыре, пять и более авторов, то оно описывается под заглавием, за косой чертой указывают фамилии первых трех авторов с добавлением «и др.»

Новые педагогические и информационные технологии в системе образования: учеб. пособие для студентов / Е.С. Полат, М.Ю. Бухаркина, М.В. Моисеева и др.; под ред. Е.С. Полат. М.: Академия, 2002. 272 с.

Книга, описанная под заглавием

Жизнь и приключения Максима Горького / сост. И. Груздев. М.; Л.: ГИЗ, 1926. 164 с.

Многотомное издание

Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Худ. лит., 1928–1958.

Один том из многотомного издания

Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: в 14 т. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 12. 596 с.

Статьи из сборников

Панкратова Т.М. Образ семьи как механизм ее успешного функционирования // Психологическое благополучие современной семьи. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2016. С. 119–122.

Королева Е.М., Крюкова Т.Л. Роль диадического копинга в супружеских отношениях // Семья, брак и родительство в современной России; под ред. А.В. Махнач, К.Б. Зуева. М.: Институт психологии РАН, 2015. Вып. 2. С. 105–113.

Статьи из журналов

Анненков П.В. Замечательное десятилетие. 1838–1848. Из литературных воспоминаний // Вестник Европы. 1880. Т. 2, № 4. С. 457–506.

Статьи из газет

Райцын Н.С. В окопах торговых войн // Деловой мир. 1993. 7 окт.

Справочные издания, энциклопедии, словари

Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. М.: НПК «Интелвак», 2003. 1600 стб.

Статьи из энциклопедий, словарей

Телия В.Н. Номинация // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 336–337.

Диссертации и авторефераты диссертаций

Андреева В.Г. Национальное своеобразие русского романа второй половины XIX века: дис. ... докт. филол. наук. М., 2017. 497 с.

Иностранные источники

New K.A. Roman Comedy on the Russian Stage: Alexander N. Ostrovsky's *There Was Not a Penny, But Suddenly Altyn and Plautus' Aulularia*. *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, № 1, pp. 138–159. DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-1-138-159

Материалы из сети Интернет

Симонова И.А. Ф.В. Чижов и А.А. Иванов. URL: http://ruskline.ru/analitika/2008/03/12/f_v_chizhov_i_a_a_ivanov (дата обращения: 20.06.2019).

Рачин А.М. Теория «Москва – Третий Рим» и ее место в русской культуре XVI–XVIII вв. // Образовательный портал «Слово». Филология. [Б. г.]. URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/44938.php> (дата обращения: 27.08.2017).

Список литературы должен содержать не менее 10 источников по теме исследования, желательно присутствие в нем источников на иностранных языках.

Редакция рекомендует включение в список литературы новых научных исследований (за последние пять лет).

Все художественные тексты, воспоминания и пр. также включаются в список литературы.

References

После списка литературы на русском языке в статье должен быть представлен транслитерированный список литературы: References.

Транслитерируются только источники, написанные кириллицей; французские, немецкие, итальянские, польские и пр. источники не переводятся, а остаются в references неизменными.

Для выполнения транслитерации необходимо использовать специальную программу.

✓ Зайти на сайт <https://translit.ru> и выбрать в верхнем правом разделе в появляющемся списке под ▼ позицию LC. Вставить в специальное поле весь текст библиографии на русском языке и нажать кнопку «В транслит».

✓ Затем копировать транслитерированный текст в готовящийся список References.

✓ Далее необходимо отредактировать полученное и добавить переводы на английский язык:

– перевести на английский язык название статьи, книги, журнала и др. и вставить его в квадратных скобках [] после соответствующих названий;

– заменить знак «//» на точку;

– заменить знак «/» на запятую;

– перевести на английский язык место издания (например, было М. – после редактирования: Moscow);

– заменить знак «:» (двоеточие) после названия места издания на запятую;

– после транслитерации названия издательства добавить Publ.;

– при необходимости исправить обозначение страниц: вместо 235 s. – 235 p., вместо S. 45–47 – pp. 45–47;

– курсивом выделить название источника и название журнала;

– в конце транслитерированной библиографической ссылки необходимо добавить указание на оригинальный язык статьи (In Russ.)

Примеры транслитерации источников

Проскурина В.Ю. Мифы империи. Литература и власть в эпоху Екатерины II. М.: НЛО, 2006. 332 с

Proskurina V.Iu. *Mify imperii. Literatura i vlast' v epokhu Ekateriny II* [The myths of the empire. Literature and power in the era of Catherine II]. Moscow, NLO Publ., 2006, 332 p. (In Russ.)

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / под ред. И.А. Бодуэна де Куртенэ. М.: Прогресс, Универс, 1994. 2030 стб. (Репринт. изд. 1903–1909 гг.)

Dal' V.I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka*: v 4 t. [Dictionary of the living Russian language: in 4 vols.], ed. by I.A. Boduena de Kurtene. Moscow, Progress Publ., Univers Publ., 1994, 2030 col. (In Russ.)

Морозов И.Л. «Горестная профанация» (Неопубликованные письма П.В. Анненкова о революции 1848 г. в Париже) // Исторический сборник, 1935, № 4. С. 223–258.

Morozov I.L. “*Gorestnaja profanacija*” (*Neopublikovannye pis'ma P.V. Annenkova o revoljucii 1848 g. v Parizhe*) [“Woeful profanation” (unpublished letters of P.V. Annenkov about the 1848 revolution in Paris)]. *Istoricheskij sbornik* [Historical collection], 1935, № 4, pp. 223–258. (In Russ.)

Непомнящий В.С. Пушкин в свете очевидностей // Новый мир. 1998. № 6. С. 190–216.

Nepomniashchii V.S. *Pushkin v svete ochevidnostei* [Pushkin in the light of evident facts]. *Novyi mir*, 1998, № 6, pp. 190–216. (In Russ.)

Методика воспитательной работы / Л.А. Байбородова, Л.К. Гребенкина, О.В. Еремкина и др.; под ред. В.А. Сластенина. М.: Академия, 2002. 144 с.

Metodika vospitatel'noi raboty [Methodology of educational work], L.A. Baiborodova, L.K. Grebenkina, O.V. Eremkina and etc., ed. by V.A. Slastenin. Moscow, Akademia Publ., 2002, 144 p. (In Russ.)

Андреева В.Г. Национальное своеобразие русского романа второй половины XIX века: дис. ... докт. филол. наук. М., 2017. 497 с.

Andreeva V.G. *Natsional'noe svoeobrazie russkogo romana vtoroi poloviny XIX veka*: dis. ... dokt. filol. nauk [National identity of the Russian novel of the second half of the XIX century: DSc thesis]. Moscow, 2017, 497 p. (In Russ.)

Шеметова Т.Г. Биографический миф о Пушкине в русской литературе советского и постсоветского периодов: автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2011. 47 с.

Shemetova T.G. *Biograficheskii mif o Pushkine v russkoi literature sovetskogo i postsovetskogo periodov*: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk [Biographical myth of Pushkin in Russian literature of the Soviet and post-Soviet periods: DSc thesis, summary]. Moscow, 2011, 47 p. (In Russ.)

Ранчин А.М. Теория «Москва – Третий Рим» и ее место в русской культуре // Образовательный портал «Слово». URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/44938.php> (дата обращения: 27.08.2017).

Ranchin A.M. *Teoriya «Moskva – Tretij Rim» i ee mesto v russkoj kul'ture* [The theory “Moscow – Third Rome” and its place in Russian culture]. *Obrazovatel'nyj portal «Slovo». Filologiya* [Educational portal “Word”]. URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/44938.php> (access date: 27.08.2017). (In Russ.)

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ТЕКСТА СТАТЬИ

1. Единицы измерения приводятся в соответствии с международной системой единиц (СИ).
2. В указании дат используются сокращения типа г., гг., в., вв. (полностью слова «год», «годы» не пишутся). Эти сокращения отделяются от даты неразрывным пробелом!
3. Кавычки в тексте – елочки «*»*», если появляются кавычки внутри кавычек, то используются лапки “*”*”.
4. При первом упоминании автора в тексте приводятся инициалы, далее представляется только фамилия. Инициалы с фамилией разделяются неразрывным пробелом.
5. В качестве иллюстраций статей принимается не более 4 рисунков. Они должны быть размещены в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретный рисунок, например: (рис. 2).
Схемы выполняются с использованием штриховой заливки или в оттенках серого цвета; все элементы схемы (текстовые блоки, стрелки, линии) должны быть сгруппированы. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений. Электронную версию рисунка следует сохранять в форматах jpg, tiff (Grayscale – оттенки серого, разрешение – не менее 300 dpi).
6. Таблицы. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word, располагаться в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретную таблицу, например: (табл. 2). Структура таблицы должна быть ясной и четкой, каждое значение должно находиться в отдельной строке (ячейке таблицы). Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается. (В таблицах возможно использование меньшего кегля, чем основной, но не менее 10.)
7. Формулы выполняются только в редакторе **MS Equation**.
8. Десятичные дроби имеют в виде разделительного знака запятую (0,78), при перечислении каждая из десятичных дробей отделяется от другой точкой с запятой (0,12; 0,087).

ДЛЯ ЗАМЕТОК

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ВЕСТНИК

Костромского государственного университета

2020 – Т. 26 – № 2

Учредитель и издатель
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Костромской государственный университет»

Главный редактор
ГРУЗДЕВ ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор юридических наук, доцент,
проректор по научной работе КГУ

Компьютерная верстка

А.Н. Коврижных

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-75265 от 07.03.2019 г.

Подписано в печать 21.05.2020.
Дата выхода в свет 09.09.2020.
Формат 60×90 1/8. Усл. печ. л. 35,5.
Уч.-изд. 36,6 л.
Тираж 500 экз.
Изд. № 99.

Подписной индекс: **18902**
Адрес редакции, адрес издательства, адрес типографии:
156961, Костромская обл., г. Кострома, ул. 1 Мая, д. 14.
Телефон: **(4942) 39-16-56**, факс: **(4942) 31-13-22**,
E-mail: vestnik@ksu.edu.ru

Цена свободная
При перепечатке ссылка обязательна